ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2019. № 447. Октябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2019. № 447. October

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 447 Октябрь 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Александров А.С. Ответы писателей на анкеты массовых периодических изданий начала XX в. …….. 5
Богумил Т.А. Следы старообрядческой культуры в художественной прозе В.М. Шукшина ..…… 11
Волков И.О., Жилякова Э.М. И.С. Тургенев и О. де Бальзак: на пути к Шекспиру (по материалам родовой библиотеки писателя). Статья первая ……. 18
Киселев В.С., Пушкарева Ю.Е. Немецкие источники итальянского текста в творчестве любомудров: В.-Г. Вакенродер и В.Ф. Одоевский ……. 28
Кожара О.В. Репрезентация многозначного слова в моделях ментального лексикона …… 38
Крюкова Л.Б. Перцептивный строй поэтического текста: к вопросу о терминологическом аппарате исследования ……. 47
Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Концептуальная дихотомия «бог» – «дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) ……. 55
Малькова А.В. Почему не использована форма дневника в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени»? …… 63
Тубалова И.В., Эмер Ю.А., Ершова В.Е. Коммуникативные стратегии продвижения профессионального имиджа врача в социальных медиа (на материале Facebook) …… 73

ФИЛОСОФИЯ

Коробейникова Л.А., Водопьянова Е.В. Гибридная глобализация: идеи и концепции …… 83
Серова Н.В. Темпоральность экзистенции человека: о значении неклассического понимания природы времени в философии М. Хайдеггера и Н.А. Бердяева …….. 88

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Кравчук А.А. Механизм обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в Арктике …… 96
Фролова Е.А., Маланина В.А. Анализ факторов формирования ожиданий относительно будущего и удовлетворенности жизнью пожилых людей в России …….. 105

ИСТОРИЯ

Алексеев Д.В. Европейский Союз и Северная Африка: поиски путей к стабильности и сотрудничеству в Средиземноморье …… 116
Белозёрова М.В. Интеграционные процессы в сочинском причерноморье во второй половине XIX – первой трети XX вв. …… 122
Дарчиев А.В. О некоторых аспектах образа Дзерассы в осетинской нартиаде …… 132
Ермекбай Ж.А. Академик Каныш Имантаевич Сатпаев: штрихи к портрету ……..……..……..… 139
Задорин М.Ю., Молодцова М.С. Политико-правовые аспекты торговли на русском севере с участием иностранцев в период с 1645 по 1696 г. ……. 147
Кондратьев С.В. Барристеры XVI – начала XVII в.: между степенью и профессией ……..… 158
Нам Е.В. Феноменология телесности: от опыта идее (шаманский контекст) …… 165
Рощевская Л.П., Бровина А.А., Рощевский М.П. Экспедиция АН СССР на водный промысел Коми АССР в 1940 г. ……. 177

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary scientific journal

№ 447 October 2019

CONTENTS

PHILOLOGY

Alexandrov A.S. Writers' Answers to the Questionnaires of Mass Periodicals at the Beginning of the 20th Century …… 5
Bogumil T.A. The Traces of the Old Believer Culture in V.M. Shukshin's Fiction …… 11
Volkov I.O., Zhilyakova E.M. I.S. Turgenev and H. de Balzac: On the Way to Shakespeare (On the Materials of the Writer's Family Library). Article One ……... 18
Kiselev V.S., Pushkareva Yu.E. German Sources of the Italian Text in the Works of the Lyubomudry: W.-H. Wackenroder and V.F. Odoevsky …… 28
Kozhara O.V. Representation of a Polysemous Word in Models of Mental Lexicon …… 38
Kryukova L.B. The Perceptual Structure of the Poetic Text: On the Terms of the Research …….. 47
Lomakina O.V., Mokienko V.M. The Conceptual Dichotomy "God" – "Devil" in Russian Phraseology and Paroemiology (Against the Slavic Background) ……. 55
Malkova A.V. Why Did V. Makanin Not Use the Diary Form in His *Underground, or The Hero of Our Time*? …… 63
Tubalova I.V., Emer Yu.A., Ershova V.E. Communicative Strategies for Promoting the Professional Image of a Doctor in Social Media (Based on Facebook) …….. 73

PHILOSOPHY

Korobeynikova L.A., Vodopianova E.V. Hybrid Globalization: Ideas and Concepts ……... 83
Serova N.V. Temporality of Human Existence: On the Meaning of a Non-Classical Understanding of the Essence of Time in M. Heidegger's and N.A. Berdyaev's Philosophies …… 88

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Kravchuk A.A. A Mechanism for Ensuring National Security of the Russian Federation in the Arctic ……... 96
Frolova E.A., Malanina V.A. An Analysis of Factors Affecting Future Perspectives and Life Satisfaction of Older Adults in Russia …… 105

HISTORY

Alekseev D.V. The European Union and Northern Africa: Finding Ways for Stability and Cooperation in the Mediterranean …… 116
Belozerova M.V. Integration Processes at the Sochi Coast of the Black Sea in the Second Half of the 19th – the First Third of the 20th Centuries …… 122
Darchiev A.V. On Some Aspects of the Image of Dzerassa in the Ossetian Nartiada …… 132
Ermekbay Zh.A. Academician Kanysh Satpayev: Strokes to the Portrait …… 139
Zadorin M.Yu., Molodtsova M.S. Political and Legal Aspects of Trade with the Participation of Foreigners in the Russian North in 1645–1696 ……. 147
Kondratiev S.V. Barristers of the 16th – Early 17th Centuries: Between the Degree and Profession ……. 158
Nam E.V. The Phenomenology of Corporeality: From Experience to Idea (In the Context of Shamanism) …… 165
Roshchevskaya L.P., Brovina A.A., Roshchevsky M.P. Expedition of the USSR Academy of Sciences to the Vodny Radium Deposit of the Komi ASSR in 1940 ……. 177

Тычинских З.А. Историко-демографическая характеристика татарского населения Тобольской губернии в пореформенный период (по материалам первой всеобщей переписи 1897 г.) ……. 188
Филиппова В.В. Эвены Якутии в XX веке: динамика численности и изменения в расселении …..…… 194

ПЕДАГОГИКА

Викторов Д.В. Профессиональная адаптация студентов с ограниченными возможностями здоровья на основе оценки стабилометрических показателей ……... 202
Галажинский Э.В., Кабрин В.И. Перспектива развития творческой личности трансфессионала в условиях смены научно-образовательной парадигмы университета …….…… 207

ПРАВО

Акимов О.М., Ларина О.И. Правовое регулирование эмиссии и обращения цифровых денег …… 215
Вакула М.А., Добряков Д.А., Минязева Т.Ф. Вопросы ответственности за загрязнение атмосферного воздуха по уголовному и административному законодательству Российской Федерации ……. 222
Данилова Н.В., Гоглов А.П. Экологическая ответственность в праве Франции …… 232
Нагорных Р.В. Ограничения и запреты в системе государственной службы в правоохранительных органах …… 241
Нудель С.Л., Зайцев О.А., Кашепов В.П. Уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции ……. 247
Хорошильцев А.И. Власть как объект юридического познания: проблемный аспект ……. 255
Чиненов Е.В., Щукин В.И. Роль экспертных исследований в расследовании экономических преступлений, совершаемых в сфере железнодорожного транспорта …… 263

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 269

Tychinskikh Z.A. A Historical and Demographic Description of the Tatar Population of Tobolsk Province in the Post-Reform Period (Based on the First General Census of 1897) …….. 188
Filippova V.V. The Evens of Yakutia in the Twentieth Century: Population Dynamics and Changes in Settlement …… 194

PEDAGOGICS

Viktorov D.V. Professional Adaptation of Students with Disabilities Based on the Assessment of Stabilometric Indicators …… 202
Galazhinskiy E.V., Kabrin V.I. The Prospect of the Development of a Creative Personality of a “Trans-Professional” in the Conditions of Changes in the Scientific and Educational Paradigm of the University …… 207

LAW

Akimov O.M., Larina O.I. Legal Regulation of Digital Money Issuance and Circulation …….. 215
Vakula M.A., Dobryakov D.A., Minyazeva T.F., Issues of Liability for Air Pollution Under the Criminal and Administrative Laws of Russia ……. 222
Danilova N.V., Goglov A.P. Environmental Liability in French Law …… 232
Nagornykh R.V. Restrictions and Limitations in the System of Public Service in Law Enforcement …… 241
Nudel S.L., Zaytsev O.A., Kashepov V.P. Criminal Liability for Crimes Related to Illegal Traffic of Alcohol and Alcohol-Containing Products …… 247
Khoroshiltsev A.I. Power as an Object of Legal Research: A Problem Aspect …… 255
Chinenov E.V., Shchukin V.I. The Role of Expert Research in the Investigation of Economic Crimes Committed in the Field of Railway Transport …… 263

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN 269

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 5–10. DOI: 10.17223/15617793/447/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82-1/-9

А.С. Александров

ОТВЕТЫ ПИСАТЕЛЕЙ НА АНКЕТЫ МАССОВЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ НАЧАЛА XX в.

Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 19-78-10012 «Писатель – критика – читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX вв.)».

На широком источниковедческом материале анализируется жанр анкеты, а также ответы на вопросы анкет в системе прессы начала XX в. В первой части прослеживается появление опросов на различные темы, сопоставляются автобиографии писателей в книге Ф.Ф. Фидлера, написанные как ответы на предложенные составителем сборника вопросы. Во второй части статьи рассмотрены ответы А.М. Ремизова на анкеты «Биржевых ведомостей» и «Огонька». В работе воспроизведены ранее не публиковавшиеся ответы писателя на опросы массовых периодических изданий.

Ключевые слова: анкеты; Ремизов; Измайлов; «Биржевые ведомости»; «Огонек»; критика; социология.

В начале XX в. анкета, как жанр газетно-журнальной публицистики, получила довольно широкое распространение в прессе Российской империи: публикациям с вопросами на самые общие темы, с ответами ярких представителей разных слоев общества отводились лучшие полосы иллюстрированных еженедельников и газет, ими «украшались» рождественские и пасхальные номера. В ряде периодических изданий появилась традиция в конце календарного года воспроизводить ответы известных политиков, литераторов, композиторов, художников и других представителей интеллектуальной и политической жизни России на тривиальные вопросы. «Что запомнилось Вам больше всего в уходящем году?», «Выскажите свои пожелания в Новом Году?», «Каковы Ваши творческие планы?» – на эти и многие другие вопросы предлагалось ответить в опросах массовых периодических изданий.

Жанр анкеты был нов для отечественной прессы XX в. В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» анкете не отведено даже отдельной дефинитивной справки, вместо нее – переадресация на статью «Сведущие люди», в которой поясняется: «для выяснения фактического положения какого-либо вопроса или для оценки проектируемых мероприятий, особенно в области экономической и социальной, правительства прибегают к опросу людей, наиболее осведомленных или непосредственно заинтересованных. В Западной Европе такого рода опросы С<ведущих> людей назыв<ают> *обследованиями*, или *анкетами* (enquê te). Классической страной анкет является Англия» [1. С. 205–206].

Сложно сказать, когда и в какой газете появились первые анкеты, но очевидно, что этот жанр только входил в пространство русской прессы начала XX в. Журналисты анкетировали самых разных представителей российского общества – политиков, дипломатический корпус, военных, членов Государственного совета и Государственной думы, философов, ученых, юристов, промышленников и финансистов. Но, конечно, чаще всего опросы проводились среди литераторов. Это объясняется, с одной стороны, тем, что литература была важнейшей частью периодики начала XX в., а с другой – именно поэты и прозаики пытались ответить наиболее оригинально на тривиальные вопросы. Более того, в ряде случаев ответы на некоторые вопросы разрастались в небольшие нарративы. Существует несколько примеров, когда результаты опроса были представлены серией отдельных аналитических статей (например, анкета об «Англии»)[1]. Нередко ответы на анкеты перерастались в полемики с развернутыми объяснениями по поставленному вопросу. Опубликованные в газетах и журналах начала XX в. ответы на различные анкеты дают историкам литературы сложный и разнообразный материал, требующий упорядочения.

Анкета в газете фактически представляла собой редуцированную форму интервью. «Беседа», как чаще на рубеже XIX–XX вв. обозначали этот жанр, имела широкое распространение и была крайне популярна. Во многом это было связано с возросшим интересом к частной жизни и к мнению публичных людей. Опросы вслед за интервью также приобретают широкий отклик у массового читателя. Особенно это относилось к тем случаям, когда анкета приобретала широкое общественное звучание или касалась остросоциальным тем. Показатель в этом отношении – опрос, организованный К.И. Чуковским в газете «Свобода и жизнь» об отношении революции к искусству. Анкета получила широкий резонанс, а Чуковский даже планировал присланные ответы и реакцию публики объединить в аналитическую лекцию. В письме к Е.А. Ляцкому критик так передает реакцию на организованный им опрос: «Недели три назад я от скуки затеял в газете анкету об отношении революции к искусству. Успех оказался неожиданный. Мало того, что Репин, Андреев, Станиславский, Альбов, Арцыбашев, Брюсов и т.д. – откликнулись на анкету, – в изобилии отозвался читатель. В день получалось по 25, по 20 писем на эту тему. Документы чрезвычайно интересные. Вот об этой-то анкете я и стану читать лекцию» [18. С. 109].

Именно литераторам своими неординарными ответами удавалось превратить опросы в полижанровые образования, раскрыть синтетическую природу толь-

ко входившей в литературный процесс формы. Ответы на опросы массовых изданий в ряде случаев представляют собой небольшие рассказы, полемические и аналитические статьи, анекдоты, травелоги и пр. Вероятно, оценив потенциальные возможности этого жанра, известный коллекционер Ф.Ф. Фидлер прибегает именно к анкете для подготовки книги «**Первые литературные шаги**: Автобиографии современных русских писателей» [7]. Авторам, биографии которых планировалось включить в издание, предлагалось ответить на 25 вопросов анкеты, «в любой форме и не на все пункты <…> опросного листа» [Там же. С. 3]. Среди вопросов были следующие: «Наследственность (прямая или атавистическая) писательского дара. – Любовь к литературе и степени начитанности того или другого из родителей», «Лица, благоприятствовавшие и препятствовавшие развитию литературного таланта», «Обстановка жизни в детстве и молодости», «Первое напечатанное произведение. – Когда? Какое?» и пр. По этому трафарету были выстроены 54 автобиографии, среди них ответы А.А. Блока, С.Н. Гусева-Оренбургского, Г.И. Чулкова, О. Дымова, М.А. Волошина, А.А. Измайлова, М.Н. Альбова, И.И. Ясинского, Н.А. Тэффи, А.М. Ремизова, И.А. Бунина и др. Подготовленная Фидлером книга по сей день является важнейшим источником сведений об известных и забытых на сегодняшний день авторах. Научные биографии прозаиков, поэтов и публицистов, вошедших в фидлеровский компендиум, не обходятся без ссылок на это издание. Представленные в книге ответы крайне разнообразны: в одних демонстрируется четкое следование опросному листу (автобиографии И.Л. Леонтьева-Щеглова, А.А. Измайлова, В.А. Тихонова и пр.), другие ответы даны в произвольной форме, и в них сложно уловить ответ даже на несколько вопросов из списка (например, автобиография Г.С. Петрова, Л. Андреева, К.В. Лукашевич и др.). Последние даже сложно отнести к автобиографиям – скорее это рассуждения о встречах, знакомствах, детские впечатления. Собранные Фидлером автобиографии демонстрируют, насколько далеко отходили от заданных рамок поэты и прозаики в ответах на конкретные вопросы, в то же время они указывают и резервы, заложенные, казалось бы, в формальном, жанре газетно-журнальной публицистики.

Важное место анкетам отводилось на страницах газеты «Биржевые ведомости» и в приложениях к этому изданию – еженедельниках и ежемесячниках «Новая иллюстрация», «Огонек», «Новое слово». В анкетах названных органов печати участвовали без преувеличения все известные литераторы эпохи: А. Блок, Вяч. Иванов, В.Я. Брюсов, Л. Андреев, З.Н. Гиппиус, а также многочисленные поэты и беллетристы второго и третьего ряда.

Отношение к анкетам среди литераторов было неоднозначным: встречается как резко негативное отношение к этому жанру, так и лояльное. В своей неопубликованной записной книжке «Дела и люди» критик А.А. Измайлов приводит такой анекдотический случай: «Б<ыла> анкета в П<етер>б<ургской> газ<ете> “Как вы представляете черта?” Котляр<евский> не для печати ответил интервьюеру: – В виде Савиной»[2]. В этом ответе Н.А. Котляревского заложено не только его ироничное отношение к известной актрисе, но, безусловно, и к новому явлению в информационном пространстве. Нередко глупые и бессмысленные вопросы становились причиной отказа участвовать в том или ином опросе. Например, не согласившемуся высказать пожелание «России к наступающему году» В.Я. Брюсову (анкета проводилась редакцией «Огонька» в декабре 1909 г.), критик Измайлов, оправдываясь, писал: «Анкета – дело плевое и мне чужое. Я так и думал, в сущности, что Вы не ответите, ибо вопрос был уж очень глупенький, – для детей младшего возраста, – и писал Вам, просто очищая совесть»[3].

Будучи сравнительно новым явлением в журналистике, анкета вызывала у многих литераторов отрицательные эмоции, а к участию в этом жанре некоторые относились негативно. В. В. Розанов, например, ответил лишь однажды на анкету «Огонька» 1910 г., в которой известные общественные деятели высказывали свои пожелания в Новом 1910 г.[4] На очередную просьбу А.А. Измайлова, литературного критика и заведующего «Литературным отделом», ответить на вопрос «какая литературная работа сейчас занимает Вас», публицист «Нового времени» написал: «Только из почтительности “к брату моему” хотел вам написать о “замышляемом”, но потом “…отрекся от ветхого мира…” и пишу другое. Друг Саша: будем старыми семинарами из Вологды, из Костромы, и не побежим за <...> *нечестью,* к<отор>ая обложила литературу в виде анонсов и анкет» [8. С. 149].

А.М. Ремизов, выдающийся стилист и яркий представитель русского литературного модернизма, был активным автором анкет столичных массовых изданий начиная с 1911 г., когда у него установились личные контакты с заведующим литературным отделом газеты «Биржевые ведомости» А.А. Измайловым[5]. Дебютным ответом прозаика был отклик на анкету, открывающую первый номер «Огонька» за 1912 г. В своем опросе редакция еженедельника намеревалась «дать своим читателям сообщение о том, какою работою и какими замыслами заняты <…> наиболее интересные представители нашей литературы» [8. С. 340]. Ремизов с осторожностью воспринял приглашение к участию в анкете, отсылая свой ответ, он отметил: «Очень мне трудно говорить о предположениях. Как-то страшно произносить слова о том, что еще только делается, и не знаешь, сделается ли. О содержании начатых произведений я совсем не могу говорить. “В разрядку” ставлю слова, намекающие о содержании моих работ» [Там же. С. 341]. Ответ Ремизова был опубликован, в нем сообщалось: «В начале 1912 г. издательство “Шиповник” выпускает VI и VII тома собрания сочинений, куда входят сказки, легенды и пьесы *действа.* Все произведения мои в этом издании выходят в новой редакции. Редактирование берет много времени. Закончив *русалью* “Лейлу” – музыка А.К. Лядова, подготовляю новый балет, материал для которого беру из русских апокрифических сказаний. Изучая отреченные повести наши и западные легенды, остановился на *видениях* для кар-

тины из этой области. Готовлю *бытовую* повесть» [10. С. 17]. Отметим также, что в этом опросе приняли участие: В.Г. Авсеенко, К.С. Баранцевич, П.Б. Боборыкин, А.А. Блок, А.Н. Будищев, А.А. Волынский, А.А. Измайлов, Вас.И. Немирович-Данченко, И.Н. Потапенко, В.Я. Светлов, Ф.К. Сологуб, Ф.Н. Фальковский, В.А. Тихонов, Е.Н. Чириков.

Анкеты «Биржевых ведомостей» и ее приложений были крайне разнообразны и именно в этих органах печати в начале XX в. сложились определенные традиции, связанные с этим жанром. Так, ежегодно в журнале «Огонек» проводился опрос, участников которого просили высказать свои пожелания к Новому году. Ответы литераторов непременно сопровождались факсимильными воспроизведениями из личных подписей. В конце августа – начале сентября в еженедельнике проводилась массовая анкета, в которой писателей, артистов и художников просили ответить на вопрос: «Как они провели лето?». Ответы на этот опрос сопровождались фотографиями мест летнего отдыха. Типовые редакционные письма сопровождались убедительной просьбой к авторам прислать летние фотоснимки, причем как можно более необычного содержания. Впоследствии в 1911–1915 гг., ответы на эту анкету из односложных реплик трансформировались в развернутые, на целую полосу, фоторепортажи о летнем отдыхе того или иного писателя. Иногда такие материалы публиковались без привязки ко времени года, но выходили целой серией. В ряде случаев ответы на подобные анкеты следует рассматривать как мини-травелоги. Показателен в этом отношении отклик А.М. Ремизова на анкету 1912 г., где он подробно описывает свои передвижения по центральной России [11. С. 6]. В своем ответе прозаик отмечает встречи со «странниками Божьими», пишет о крепких русских людях, «что не продадут Россию за какую копейку», о жизни в «Бобровке, в усадьбе у А.А. Рачинской». Здесь же пишет о Костроме и Ипатьевском монастыре, об увиденных там «Псалтыри Годуновской с миниатюрами работы изумительной русских мастеров наших» и т.д. Подобные емкие ответы являются на сегодняшний день важнейшими источниками сведений, позволяющими почерпнуть из них историкам литературы конкретные биографические факты, а также сопоставить их с определенными художественными замыслами. А.М. Грачева, высоко оценивая содержание ответа прозаика, отмечает: «Летом 1912 г. Ремизов совершил путешествие по русской провинции, оказавшее большое влияние на формирование идейно-художественной концепции нового произведения»[6].

Помимо этого опроса Ремизов также принял участие в анкете «Биржевых ведомостей» 1912 г., в которой литераторы высказывали свое отношение к самоубийству [13. С. 9–10]; в анкете о бойкоте немецкой литературы [14. С. 3]. Вместе с другими выдающимися прозаиками и поэтами ответил на опрос, посвященный критике, разросшийся в развернутую полемику [15. С. 4].

В «Биржевых ведомостях» существовал ряд предновогодних традиций. 25 декабря выходил рождественский номер, без политических и экономических новостей. В номер приглашались известные литераторы с разными произведениями (рождественская тематика, впрочем, была не обязательна); публиковались святочные рассказы. В конце декабря или начале января редакцией проводились праздничные анкеты. И если такие опросы конца 1900-х гг. предполагали сжатый и публицистичный ответ, то после 1910-х гг. можно наблюдать определенную тенденцию в развитии этого жанра, а именно: анкетировался дольно узкий круг авторов, а ответ на вопрос предполагал художественный простор для участников – что и вылилось в беллетризованные и яркие отклики. Наиболее интересным, как нам кажется, было участие Ремизова в двух предновогодних анкетах. Это анкета 1912 г. «О таинственном» [16. С. 4] и анкета 1914 г., в которой задавался вопрос «Отказаться ли от елки?» [17. С. 4].

В декабре 1912 г. «Биржевые ведомости» опубликовали реплики «писателей, артистов, художников» о таинственном. Ответы были предуведомлены вступлением редакции: «Рождественские святки – время по преимуществу россказней из мира таинственного, мистического. Внося свою лепту в этот традиционный обычай, редакция и дает ниже несколько свидетельств о таинственном в жизни наших известных писателей, артистов, художников, слово которых сомнению не подлежит» [16. С. 4]. Свои ответы прислали: беллетрист П.П. Г<недич>, критик С.А. В<енгеров>, Тэффи, И.Н. Ходотов; драматург П.М. Н<евежин>, Ф. Сологуб, И.А. Гриневская. А.М. Ремизов прислал развернутый ответ: «Тот год выдался не легкий, дни – заботливы и тревожны, часы – тяжки, минуты – безумны. Поздно вечером, помню, вернулся я из театра, засветил свет у себя в комнате, присел к столу и думал, много о чем думал и так, не сказал бы, что минуту только что думалось, о людях думал, о книгах, о России нашей, о русском нашем и о тех, душа о ком болит… Перебивая мои мысли, заговорил кто-то, и странно, не по-русски, по-английски заговорил… это домовой наш, его голос, я сейчас же узнал. Я никогда не видал его, одно знаю, живет он в моей комнате на левом валике дивана под волчьей шкурой. Странно, такой русский и так заговорил вдруг! Но меня уж другое мучило: слово, которое повторял домовой, обидное, гнусное такое мучило меня, и я хотел резко ответить ему, но сдержался и сказал, как сказал мудрец:

– Эх, хозяин, еще хорошо, что не все ты про меня знаешь, а то и не так бы меня назвал!

Домовой замолк, ничем не отзывался. А я встал, чтобы идти из комнаты, и остановился: на диване на правом валике, на козлиной шкуре вдруг поднялось что-то, так чучела серая и как будто с длинными заячьими ушами. Я нагнулся посмотреть поближе и отступил: да вовсе это не уши заячьи, это глаза торчали, глаза ушами заячьими подымались с лица над головою, и свет разгорался в них, зеленоватый, разгораясь волной, сновал. Ничего не говорил *глазатый,* ни о чем не спрашивал меня, и только смотрел, а свет волной катил из его налитых глазатых, глаз – так и смотрел, так и светил, и все, кажется, и тайники самые подсердечные мои светил. Волны вились, плыли, тонкими нитями кружились, плыли все ближе и ближе, и я увидел, не шелковинки тонкие, острейшие иголки и

неизбежные тянулись ко мне, мучили меня мертвой тоской. И подошла волна, кольнула – прямо сюда кольнула меня, вот сюда, где так мне больно было в тяжкие часы, в мои безумные минуты.

Я перекрестился – и выскочил вон» [16. С. 4].

Посылая ответ на эту анкету Ремизов дал несколько наставлений критику Измайлову (письмо от 26 декабря 1912 г.): «Послал я Д.И. Бразулю-Брушковскому о таинственном. И прошу Вас, Александр Алексеевич, скажите в редакции, чтобы не вымарывали слов моих: я старался кратко, сжимал – больше невозможно. Вышла страница – 1 724 буквы» [8. С. 353]. Это письмо, безусловно, свидетельствует о том, какое значение придавал Ремизов своему участию в этой анкете.

Этот емкий отклик прозаика сложно отнести к публицистическому ответу. Здесь мы имеем дело с художественной миниатюрой, подобной тем, которые Ремизов называл «завитушками». Некоторые из таких завитушек впоследствии становились частью его романов-коллажей, отдельные – вошли в книгу «Крашеные рылá. Театр и книга». Впрочем, этот текст не был включен Ремизовым в какую-либо из его книг.

Судьба ремизовского ответа на новогоднюю анкету 1914 г. «Отказаться ли от елки?» была интересней [17. С. 4].

«– Тому ревнителю старины и чистоты обрядов русских, воспылавшему реяностью проглотить рождественскую елку со всеми сучьями, скажу, что по букве он прав, но в духе заблуждается.

Русскому народу также известны еще из древности жертвенное возжжение свечей на деревьях – Ильинская пятница. Но ни у простого народа, ни в старинных домах старого уклада нет такого рождественского обряда, чтобы в святые вечера зажигать елку. Да и в писании нигде про это не говорится.

И вот по себе скажу – наставленный по московской старине нашей, я не знал в детстве никакой рождественской елки, Коляду знал, знал и еще, главное, знал я свечи, и с ними, горящими на белой полке перед образами, проходят первые воспоминания мои о святом вечере.

И совсем уже взрослым я увидел в первый раз елку – ее зажгли у нас после всенощной в рождественский сочельник – и помню, меня поразили тогда ее свечи, так памятные мне и такие жаркие, а когда разглядел я, что горят свечи на крестиках елки, я понял крестный символ елки – крестного дерева, а когда узнал о нашем свадебном обряде – о елке «девьей красоте»… и до чего это проникновенно, елка – “девья красота” – дева днесь Пресущественного рождает…

Когда все это я увидел и почувствовал, и принял ее, как нам родное и благословил ее моим русским сердцем» [17. С. 4].

Этот текст под заглавием «Завитушка» был включен Ремизовым в книгу «Крашеные рылá. Театр и книга». Подобные прецеденты были в практике писателей начала XX в. Например, Изабелла Гриневская несколько своих ответов на анкеты включила потом в неопубликованную книгу мемуаров. Обращение к анкете, несмотря на незначительность этого жанра, дает довольно богатый историко-литературный материал. Опросы самой разной тематики приобрели в начале XX в. большую популярность. Отношение к ним было разным, но так или иначе в анкетах поучаствовали практически все ведущие литераторы начала XX в. Потенциальные возможности этого жанра, его природу, следует признать более сложными, простота порой односложных ответов кажущаяся. Писатели и поэты своими ответами на анкеты превратили их в полифонию нарративов. Посредством своих ответов известные прозаики и поэты использовали возможности этого жанра сопоставимого с интервью для непосредственного общения со своими читателями, донося до общественности свое мнение по разным вопросам. В рамках одного опроса можно встретить отклики самой разнообразной жанровой природы: от анекдота до небольшого рассказа. С анкетой связана и эпистолярная культура: типовые письма с приглашением принять участие в опросах являются неотъемлемой частью бытования этого жанра в начале XX в. Различные опросы, являющиеся частью массовой периодики, способствовали зарождению целой полиграфической традиции: в журналах и газетах анкеты украшались определенным образом, нередко сопровождались иллюстрациями, фотографиями, факсимильными подписями участников.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Речь идет об анкете «Биржевых ведомостей», в которой был задан вопрос: «Считаете ли Вы необходимым формальный союз России и Англии?». Анкета рассылалась 8 января 1915 г., см. сохранившийся экземпляр типового письма [2. С. 252]. Ответы на анкету были присланы в виде развернутых статей, которые публиковались в январе 1915 г. Это аналитическая статья П. Виноградова «Англия и Россия» [3. С. 2]; работа профессора В.Н. Сперанского «Английские симпатии к России» [4. С. 3]; фельетон Ф. Сологуба «Мировая громада» [5. С. 3]; также высказали свое отношение к Англии по телефону граф И.И. Толстой и князь Е.Н. Трубецкой [6. С. 3].

[2] Альбом: Измайлов А.А. Дела и люди. (Заметки современника) // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 47.

[3] Переписка А.А. Измайлова и В.Я. Брюсова (1909–1917) / вступ. ст., подгот. теста и примеч. Э.К. Александровой [8. С. 149].

[4] Ответ публициста на эту анкету был кратким: «Побольше хлеба и поменьше крови» [9. С. 25].

[5] Об их взаимоотношениях см.: Переписка А.А. Измайлова и А.М. Ремизова (1911–1918) [8. С. 315–384].

[6] См.: [12. С. 106]. Республикацию ответа Ремизова, помещенного в газете «Биржевые ведомости», см.: [8. С. 353]. В газете была опубликована сокращенная версия отклика Ремизова. Автограф сохранился в архиве Ю.Г. Оксмана в РГАЛИ (Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 92. Л. 16–17), его публикацию с зафиксированной редакционной правкой см. в [12. С. 102–104].

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XXIX. С. 205–206.
2. Федор Сологуб и Ан.Н. Чеботаревская: переписка с А.А. Измайловым / публ., вступ. ст. и примеч. М.М. Павловой // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 194–293.
3. Виноградов П. Англия и Россия // Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1915. 15 янв. (№ 14612). С. 2.
4. Сперанский В.Н., проф. Английские симпатии к России // Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1915. 16 янв. (№ 14614). С. 3.
5. Сологуб Ф. Мировая громада // Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1915. 28 янв. (№ 14638). С. 3.
6. [Толстой И.И. и Трубецкой Е.Н., кн.]. Англия и Россия // Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1915. 1 янв. (№ 14586). С. 3.
7. Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей / собр. Ф.Ф. Фидлер. М., 1911. 268 с.
8. А.А. Измайлов: Переписка с современниками / сост., вступ. ст. А.С. Александрова; преамбулы, подгот. текста и коммент. А.С. Александрова, Э.К. Александровой, Н.Ю. Грякаловой. СПб., 2017. 738 с.
9. На пороге нового года: (Какие благожелания шлют России на 1910 год) [анкета] // Огонек. 1910. № 1. С. 16–25.
10. Над чем работают писатели? // Огонек. 1912. № 1. С. 19–21.
11. [Б. п.]. В литературном мире: Осенний слет // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1912. 5 сент. (№ 13127). С. 6.
12. Грачева А.М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. 333 с.
13. «Самоубийство» [анкета] // Биржевые ведомости. 1912. 27 апр. Утр. вып. № 12908. С. 6; То же: Новое слово. 1912. № 6. С. 9–10.
14. Русские писатели о немецком бойкоте литературы [анкета] // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1914. 24 авг. (№ 14331). С. 3.
15. Следует ли авторам отвечать критике? [анкета] // Биржевые ведомости. 1915. Веч. вып. 6 дек. (№ 15254). С. 4.
16. Таинственное: Писатели и артисты о загадочном в их жизни [анкета] // Биржевые ведомости. 1912. Веч. вып. 29 дек. (№ 13321). С. 4.
17. Отказаться ли от елки? [анкета] // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. 15 дек. (№ 14556). С. 4.
18. Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14: Письма (1903–1925) / вступ. ст. Е. Ивановой; сост.: Е. Иванова, Л. Спиридонова, Е. Чуковская; общ. ред., подг. текстов и коммент. Е. Ивановой и Е. Чуковской. 2-е изд., электронное, испр. М., 2013. 688 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 февраля 2019 г.

Writers' Answers to the Questionnaires of Mass Periodicals at the Beginning of the 20th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 5–10.
DOI: 10.17223/15617793/447/1

Alexandr S. Alexandrov, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: aspiros.83@mail.ru

Keywords: questionnaire; Remizov; Izmailov; *Birzhevye Vedomosti*; *Ogonyok*; critic; sociology.

The article analyzes the genre of the questionnaire and the answers to them in the periodicals of the early 20th century on a broad source study material. The author of the article considers examples of polls, the recipients of which were politicians, the diplomatic corps, the military, members of the State Council and the State Duma, philosophers, scientists, lawyers, industrialists and financiers. These answers are compared with the autobiographies of writers from F.F. Fidler's book *The First Literary Steps: Autobiographies of Contemporary Russian Writers*, which is written in the form of answers to questions from the compiler of the book. The article analyzes the multifaceted nature of the answers to the questionnaires of the Russian writers of the early 20th century. The questionnaires were frequently published in the leading St. Petersburg newspaper *Birzhevye Vedomosti* and in its supplements (*Novaya Illyustratsiya*, *Ogonyok*, *Novoe Slovo*). The questionnaires of these newspapers were filled in by all the famous literary persons of the era: A. Blok, Vyach. Ivanov, V.Ya. Bryusov, L. Andreev, Z.N. Gippius, as well as by numerous poets and novelists of the second and third rates. The article shows that writers' figurative answers in the periodicals of the beginning of the 20th century cease to be a sociological research tool. The answers to the newspaper questionnaires in a number of cases are small stories, polemical and analytical articles, anecdotes, travelogues, etc. The article reviews A.M. Remizov's answers to the questionnaires of *Birzhevye Vedomosti* and *Ogonyok*, including the previously unpublished ones. In his answers to the questionnaires, Remizov writes about a meeting with "pilgrims of God", about strong Russian people "who will not sell Russia for any money", about life in Bobrovka, in A.A. Rachinskaya's estate, about Kostroma and the Ipatiev Monastery, about the Godunovskaya Psalter with miniatures of the amazing works of our Russian masters", etc. Such detailed answers are the most important sources of information today; they contain specific biographical facts and can be compared with certain artistic plans. Having analyzed the nature of Remizov's answers to the questionnaires in *Birzhevye Vedomosti* and *Ogonyok*, the author of the article comes to the conclusion about the artistic nature of the writer's answers. In fact, when answering typical questions, in a number of cases, the writer creates miniatures similar to those that Remizov referred to as "twirls". Some of these texts later became part of his collage novels, some were included in the book *Krashenye Rylá. Teatr i Kniga* [Painted Faces. Theater and Book].

REFERENCES

1. Andreevskiy, I.E. (ed.) (1890–1907) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. Vol. XXIX. St. Petersburg: Izdatel'skoe delo, Brokgauz" i Efron. pp. 205–206.
2. Ivanova, T.G. (ed.) (1999) Fedor Sologub i An.N. Chebotarevskaya: perepiska s A.A. Izmaylovym [Fedor Sologub and An.N. Chebotarevskaya: correspondence with A.A. Izmailov]. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo Otdela Pushkinskogo Doma na 1995 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1995]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 194–293.
3. Vinogradov, P. (1915) Angliya i Rossiya [England and Russia]. *Birzhevye Vedomosti*. Mornings Issue. 15 Jan. (No. 14612). p. 2.
4. Speranskiy, V.N. (1915) Angliyskie simpatii k Rossii [English sympathies for Russia]. *Birzhevye Vedomosti*. Morning Issue. 16 Jan. (No. 14614). p. 3.
5. Sologub, F. (1915) Mirovaya gromada [World colossus]. *Birzhevye Vedomosti*. Morning Issue. 28 Jan. (No. 14638). p. 3.
6. [Tolstoy, I.I. & Trubetskoy, E.N.]. (1915) Angliya i Rossiya [England and Russia]. *Birzhevye Vedomosti*. Morning Issue. 1 Jan. (No. 14586). p. 3.
7. Fidler, F.F. (1911) *Pervye literaturnye shagi: avtobiografii sovremennykh russkikh pisateley* [The First Literary Steps: Autobiographies of Contemporary Russian Writers]. Moscow: Tovarishchestvo I.D. Sytina i K°.
8. Aleksandrov, A.S. (ed.) (2017) *A.A. Izmaylov: Perepiska s sovremennikami* [A.A. Izmailov: Correspondence with contemporaries]. St. Petersburg: Pushkinskiy Dom.
9. *Ogonyok*. (1910) Na poroge novogo goda: (Kakie blagozhelaniya shlyut Rossii na 1910 god) [anketa] [On the eve of the new year: (What good wishes Russia is sent to for 1910) [questionnaire]]. 1. pp. 16–25.
10. *Ogonyok*. (1912) Nad chem rabotayut pisateli? [What are writers working on?]. 1. pp. 19–21.

11. [B. P.]. (1912) V literaturnom mire: Osenniy slet [In the literary world: Autumn rally]. *Birzhevye vedomosti*. Evening Issue. 5 Sep (No. 13127). p. 6.
12. Gracheva, A.M. (2000) *Aleksey Remizov i drevnerusskaya kul'tura* [Alexey Remizov and Old Russian culture]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
13. *Birzhevye vedomosti*. (1912) "Samoubiystvo" [anketa] ["Suicide" [questionnaire]]. Morning Issue. 27 Apr. No. 12908. p. 6.
14. *Birzhevye vedomosti*. (1914) Russkie pisateli o nemetskom boykote literatury [anketa] [Russian writers about the German boycott of literature [questionnaire]]. Evening Issue. 24 Aug. (No. 14331). p. 3.
15. *Birzhevye vedomosti*. (1915) Sleduet li avtoram otvechat' kritike? [anketa] [Should authors respond to criticism? [questionnaire]]. Evening Issue. 6 Dec. (No. 15254). p. 4.
16. *Birzhevye vedomosti*. (1912) Tainstvennoe: Pisateli i artisty o zagadochnom v ikh zhizni [anketa] [The Mysterious: Writers and artists about the mysterious in their lives [questionnaire]]. Evening Issue. Dec 29 (No. 13321). p. 4.
17. *Birzhevye vedomosti*. (1914) Otkazat'sya li ot elki? [anketa] [To refuse a Christmas tree? [questionnaire]]. *Birzhevye vedomosti*. Morning Issue. 1914. 15 Dec. (No. 14556). p. 4.
18. Chukovskiy, K.I. (2013) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols]. Vol. 14. 2nd ed. Moscow: FTM.

Received: 08 February 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 11–17. DOI: 10.17223/15617793/447/2

УДК 821(091)(161.1) ”19”:271.2

Т.А. Богумил

СЛЕДЫ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ В.М. ШУКШИНА

Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ (№ 18-412-220004) и Министерства образования и науки Алтайского края (договор Н-26) «Алтай в отечественной литературе XX–XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

На материале художественной прозы В.М. Шукшина и литературоведческих источников выявляется роль старообрядческой культуры в авторской модели истории, пространства и человека. Старообрядчество является приметой конкретного реального времени (XVII в.) и места (Сибирь), фактором этногенеза русского сибиряка и основой сибирского характера, частным проявлением ведущей мировоззренческой проблематики творчества писателя: воля-праздник и ограничивающие ее ценностно-нормативные институты (церковь, семья, государство и др.).

Ключевые слова: В.М. Шукшин; старообрядчество; раскол; Аввакум; Никон; Степан Разин; Сибирь; сибирский текст.

Старообрядчество – одна из важнейших тем литературы Сибири и о Сибири, поскольку является своего рода «маркером» сибирского пространства. Традиция обращения к этой теме сложилась в литературно-публицистическом творчестве областников (Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев) [1. С. 234], достигла пика в литературе первой трети XX в. (А.П. Чапыгин, А.Е. Новоселов, Г.Д. Гребенщиков, В.Я. Шишков, Вс.В. Иванов, М.П. Плотников, Е.Н. Пермитин, Л.И. Гумилевский, В.Я. Зазубрин). Затем последовал спад интереса, преодоленный во второй половине XX в., когда старообрядчество становится одной из ведущих тем в произведениях авторов-тради-ционалистов [2. С. 22].

В шукшинистике уже высказывалась мысль о том, что В.М. Шукшина «не миновало влияние старообрядчества как феномена сибирской действительности, которой он, безусловно, принадлежал» [3. С. 65–66]. Это влияние усматривалось в некоторых образах, мотивах, идеях его произведений. Старообрядцы на протяжении долгого времени определяли сибирский этнос, сохраняя, по мнению исследователей, исконный «русский национальный дух и культуру», что способствовало «созданию образа национального героя в шукшинской прозе» [4. С. 43]. «Чтимый старообрядцами “Измарагд” – свод нравственных идеалов Древней Руси – оказался коммунисту Шукшину по духу ближе партийно-советского “Кодекса”», – утверждал Е.А. Вертлиб [5. С. 164–165]. Пожалуй, этот эффектный тезис нуждается в коррекции. Духовный мир писателя, как неоднократно отмечалось, сложен, динамичен, порой парадоксален. Унаследовав от предков-крестьян языческую и православную традиции (двоеверие), имея опыт общения со старообрядцами, в 1960-е гг. писатель пытался постичь христианство рационально, отделяя православие от идеализированной патриархальности. Подготовительные работы к фильму о Степане Разине и к роману «Я пришел дать вам волю» в начале 1970-х гг. привели к изменению мировоззрения Шукшина, осознанию им того факта, что национальной основой русской культуры является православие [6. С. 151–152]. Известно, что Шукшин досконально изучал материалы о событиях, последовавших за церковным расколом, работал в архивах, составил «целую библиотеку по Разину» [7. С. 443]. Еще в 1963 г. он увлеченно прочитал «Житие протопопа Аввакума» [8. С. 130]. А.Д. Заболоцкий вспоминал: «Василий Макарыч выискивал в фондах источники для разинского замысла. В Астрахани собрал незнакомые ранее материалы о патриархе Никоне, о церковной смуте, староверах» [9. С. 101]. Летом и осенью 1970 г. Шукшин искал подходящую натуру для съемок фильма о Степане Разине. Он посетил Вологду, Псков, Кострому, Кирилло-Белозерский, Печерский, Ипатьевский и Ферапонтов монастыри [10. С. 144]. Существенное влияние на осмысление Шукшиным древнерусского искусства и раскола оказали беседы с искусствоведом-реставратором и старообрядцем Саввой Васильевичем Ямщиковым [4].

Преувеличением было бы считать писателя носителем старообрядческой (как и православной в целом) идеологии. Тем не менее в художественном мире В.М. Шукшина имеются связанные со старообрядчеством элементы, что с разной степенью доказательности фиксируют исследователи. Системное исследование интересующей нас проблематики отсутствует. В статье предпринята попытка свести воедино частные наблюдения ученых и, дополнив, сформировать целостную и непротиворечивую трактовку роли старообрядчества в творчестве В.М. Шукшина.

По утверждению М.М. Бахтина, «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [11. С. 406]. Иными словами, понимание чего-либо (здесь – старообрядчества как мировоззренческой системы) происходит посредством принятия смыслами пространственно-временной формы – в сфере авторской творящей активности. И путем осмысления пространственно-временного выражения – в области читательской деятельности. Понятно, что старообрядчество, прежде всего хронологически, привязано к эпохе церковного раскола – XVII в. Оппозиция старообрядчества государству и официальной церкви, естественно, привела к гонениям и преследованиям, вследствие чего значительная часть старообрядцев ушла на Русский Север и в Сибирь. С точки зрения места старообрядчество в значительной мере прикреплено к указанным территориям. Тем самым старообрядчество в мире Шукшина выступает

как знак и «бунташного века», и пространства Сибири (у́же – Алтая).

Анализ словоупотреблений В.М. Шукшина показал, что наиболее частотным словом, связанным с темой старообрядчества, является слово «кержак» и его производные («Классный водитель», «Охота жить», «Калина красная»). Однократно появляются синонимы – «раскольники» («Психопат») и «двуперстники» («Я пришел дать вам волю»). В романе «Я пришел дать вам волю» упоминаются протопоп Аввакум, патриарх Никон, река Керженец, Соловецкий монастырь, «старая» и «новая» вера. «Китеж» и «Беловодье», входящие в ассоциативно-смысловое поле темы «старообрядчество», в текстах отсутствует. В нехудожественной прозе В.М. Шукшина подобной лексики не обнаружено вовсе (за исключением патриарха Никона).

Кержаками (от р. Керженец Нижегородской обл.) называли старообрядцев, которые после разгрома Керженских скитов в 1720-х гг. бежали на Урал и далее в Сибирь. Кержаки стали одними из первых русскоязычных переселенцев в Сибирь, где составили основу алтайских каменщиков, или бухтарминских старообрядцев (от р. Бухтарма на Юго-Западе Алтая). Бухтарминцы селились в верховьях реки Катуни, в труднодоступных горных долинах (отсюда – каменщики) [12].

Аскетичный образ жизни старообрядцев породил культурные стереотипы их восприятия, что подчеркнуто В.М. Шукшиным в перекликающихся диалогах между коренным сибиряком (сибирячкой) и «чужим», связанным с городом, субъектом:

– У вас родители – кержаки?

– Нет. Почему ты так решил?

– Строгие-то… Попрут еще. Я, например, курю.

– Господи, у меня отец сам курит. Брат, правда, не курит… (6, 22)[1]

Беседа Любы Байкаловой и Егора Прокудина из «Калины красной» (1973) почти дословно следует репликам старика-охотника и рецидивиста из рассказа «Охота жить» (1967):

– За убивство тебя бог накажет, не люди. От людей можно побегать, а от его не уйдешь.

– Ты верующий, что ли? Кержак, наверно?

– Кержак!.. Стал бы кержак с тобой водку пить.

– Это верно (3, 96).

Утрата связей потомков старообрядцев с древними традициями обозначена в характеристике героя рассказа «Классный водитель» (1963): «Пашка был родом из кержаков, откуда-то с верхних сел по Катуни, но решительно ничего не усвоил из старомодного неповоротливого кержацкого уклада» (1, 186). Разрушение традиций – не всегда зло. Уходит старый уклад, но появляется что-то новое. Об этом покаянный рассказ старика-охотника про соблазнение им кержацкой девушки и рождение внебрачного ребенка («Охота жить»). Попытка кержаков уйти от людей, от греха оказалась безуспешной. «Жизнь дал человеку – не убил, – комментирует ситуацию слушатель, – Может, она после этого рванула от них. А так довели бы они ее со своими молитвами: повесилась бы на суку где-нибудь, и все» (3, 97). Впрочем, то, что охотник сделал «хорошее дело», утверждает уголовник, который затем погубит старика. Конечно, этот факт ставит под сомнение позитивную трактовку происходящих со старообрядцами изменений.

История старообрядчества, как было отмечено выше, напрямую связана с историей освоения русскими Сибири. Известно, насколько животрепещущей была для В.М. Шукшина тема переселения крестьянства в Сибирь[2]. Часто цитируются размышления писателя по этому поводу: «…как наши предки шли вот по этим местам. Шли годами, останавливались зимовать, выходили замуж по дороге, рожали. До чего упорный был народ! Ну вот ведь она, земля, останавливайся, руби избу, паши. Нет, шли дальше и дальше, пока в океан не уперлись, тогда остановились. А ведь это не кубанские степи и не Крым, это Сибирь-матушка, она “шуток не понимает”. <…> Как они по два-три года добирались до мест своих поселений!» (9, 33) («Только это не будет экономическая статья…», 1967). И еще: «Редко кому завидую, а завидую моим далеким предкам – их упорству, силе огромной… <…> Представляю, с каким трудом проделали они этот путь с севера Руси, с Волги, с Дона на Алтай» (8, 54) («Признание в любви (Слово о “малой родине”)», 1973). Бронька Пупков, герой рассказа «Миль пардон, мадам!» (1968), с гордостью сообщает: «Откуда, мол! Вековечные сибирские... Мы от казаков происходим, которые тут недалеко Бий-Катунск рубили, крепость. Это еще при царе Петре было. Оттуда мы и пошли, почесть вся деревня...» (3, 173). В рассказе «Охота жить», на первый взгляд, нет места этногенетическим моделям. Однако в охотничьей лесной избушке, по сути, пересекаются представители различных социальных групп, образовавших сибирский русскоязычный этнос. Это староверы-старожилы (воспоминания старика), крестьяне-новоселы (старик) и преступники (парень). Образ ребенка, родившегося от беззаконной связи женатого охотника с кержацкой девушкой, как бы соединяет в себе основные «первоэлементы» коренного сибиряка.

Помимо достаточно очевидных упоминаний о кержаках, в текстах В.М. Шукшина присутствуют мотивы и образы, отсылающие к старообрядчеству исподволь, опознаваемые благодаря исследовательской интуиции. Так, по мнению С.М. Козловой, в пространственной организации рассказа «Мастер» (1971) прослеживается оппозиция «старой» и «новой» веры: «большой» церкви в Чебровке, «явно позднего времени», «стоящей на возвышении», «показывающейся» суетному миру, противопоставлена потаенная «от праздного взора» Талицкая церковка (5, 164). Талицкая церковь связана с расколом датировкой постройки – семидесятые-девяностые годы XVII в. и тем, что является копией Владимирских храмов XII в., «у древних твердынь которых собиралась и укреплялась старая вера» [15. С. 205]. Описание Талицкой церкви ассоциируется с образом града Китежа и церкви из Васильграда, бежавшей от злых людей за Суру и за Волгу [Там же]. Сравнение церкви с поруганной красавицей[3], за которую безуспешно пытался бороться Семка Рысь, восходит к библейской легенде о заступничестве Иисуса Христа за женщину, обвинен-

ную в прелюбодеянии (Ин. 8:3-11) (5, 378). Метафора церкви как опозоренной, преданной, плененной женщины, сокрывшейся в лесах, является одним из константных символов старообрядчества беспоповского толка [15. С. 205][4].

Согласно наблюдениям А.И. Куляпина, в рассказе «Мастер» представлена спиралевидная модель времени, в которой, благодаря ассоциативным связям, установлены аналогии между эпохой княжеских междоусобиц (XII в.), «бунташным веком» (XVII в.) и началом XX в. [17. С. 70]. Репрессии, направленные против старообрядцев, повторились на новом витке истории уже против всех православных. Описанные Шукшиным разрушения храмов, происходившие в XX в. (см. обзор в: [Там же. С. 65–68]), есть не только примета этого времени. Возникают ассоциации с гонениями на старообрядческую церковь в XVII в., когда с куполов сбрасывались кресты, штурмом брались не подчинившиеся монастыри, сжигались скиты. По крайней мере именно так старообрядцы воспринимали происходящие в советской России бесчинства [18. С. 78–105].

Проблемы, которые волновали людей на Руси и во времена феодальной раздробленности в XII в., и в «смутном» XVII в., когда начался раскол, и в революционном начале XX в. – национальное единство, национальная идентичность. Шукшин усматривает в современном ему мире аналогичные проблемы (ср. рассказ «Экзамен», 1962). Спасение книг и спасение через книги – пафос рассказа «Психопат». Характеристика героя как «подвижника» и его имя – Сергей, отсылают к родоначальнику русского праведничества Сергию Радонежскому [19. С. 61]. Раскольничьи книги, которые собирает герой, по легендам, обеспечивают «пропуск» в Беловодье [2. С. 417].

Впрочем, ни Беловодье, ни град Китеж как старообрядческие символы должного и чаемого в художественном мире В.М. Шукшина не возникают. Что не помешало А.Н. Варламову предположить, что «идеалом общественного устройства была для него вольная Русь, Беловодье, которое много веков искали на Алтае предки его земляков <…> Василий Макарович был человеком утопического склада мышления, долгое время верившим в то, что народ способен сам, без государства, без чиновничества, без царя, без Церкви, устроить жизнь на разумных началах, если ему не станут мешать» [20. С. 189]. Полемизируя с гипотезой биографа писателя, А.И. Куляпин приводит ряд убедительных доказательств того, что «желание вернуться назад в Русь» если и было, то очень скоро начало осознаваться Шукшиным как недостижимое. Повтор событий в спирали времени вовсе не возвращает к изначальному «золотому веку», но сопровождается деградацией, оскудением русского мира [17. С. 130–132]. А.Н. Варламов прочитывает в биографии В.М. Шукшина сюжет поиска Беловодья: «Психология беглеца, кержака, готового уйти от чрезмерного давления, – вот где можно обнаружить след подлинной шукшинской судьбы <…> Такой обителью были для Шукшина Сростки, материнский дом, этот потерянный рай, сон о прощенном детстве, духовный тыл» [20. С. 298]. Как видим, в концепции биографа происходит перестройка традиционного сюжета: поиск неведомой райской страны трансформируется в свершившийся исход из уже достигнутого рая (время – детство, пространство – Алтай) и безуспешную попытку вернуться обратно.

Психологический портрет вышедшего из старообрядческой среды героя в мире В.М. Шукшина связан с мотивом невозвратной потери. В то же время Пашка («Классный водитель»), утратив «кержацкий уклад» (1, 186), «сохранил свойственные своим предкам внешнюю опрятность, душевную прямоту и упорство, память старого обычая “умыкания невесты”» [21. С. 168]. Генетическая преемственность образа Пашки Холманского по отношению к некоторым героям Шукшина (Гринька Малюгин, Пашка Любавин, Пашка Колокольников), а также типологическая близость персонажа к ряду других героев, позволяют экстраполировать выводы: кержацкие корни его личности могут быть прочитаны как основа многих шукшинских характеров[5]. Сибирский во многом и есть кержацкий.

Наиболее авторитетной фигурой старообрядческого движения являлся протопоп Аввакум. «Темперамент» идеолога и подвижника старообрядцев, по мнению А.И. Куляпина, прослеживается в характере Сергея Ивановича Кудряшова, собирателя и ревностного ценителя раскольничьих книг. Финал рассказа «Психопат» (сгоревшая дотла спичка), по наблюдению исследователя, намекает на случаи самосожжения раскольников и казнь Аввакума вместе с единомышленниками путем сожжения в срубе (7, 283).

Мотив испытания и кары огнем привлекается В.А. Апухтиной для аргументации связи рассказа «Беспалый» (1972) со старообрядчеством. Серега Безменов, став свидетелем измены жены, отрубил себе два пальца. В его поступке усмотрен повтор распространенного в литературе сюжета об избавлении героя от наваждения или плотского влечения через боль. Так, протопоп Аввакум жег свою руку, чтобы избавиться от похоти во время исповеди блудной девицы, а толстовский отец Сергий отрубил себе указательный палец руки, подавляя вожделение [22. С. 60]. Совершенно оправдан скептицизм исследователей по поводу этой параллели: «…серьезных данных для разговора о влиянии “Жития Аввакума” на рассказ Шукшина нет» [19. С. 88].

Неистовость и безоглядность бунта, страстная любовь к жизни, характерные для Аввакума, стали основанием для сопоставления с ним попа из рассказа «Верую!» [22. С. 31]. Между тем совершенно справедливо полемическое замечание Г.В. Чудиновой: «На самом деле нет и не могло быть ничего общего между пострадавшим за веру священномучеником Аввакумом и попом-атеистом». С точки зрения древлеправославия, конечно, имеет место «снижение образа представителя православной веры в ее новообрядческом варианте» [23. С. 297]. Сомнительным, однако, представляется утверждение, что рассказ «Верую!» посвящен проблеме «деградации» служителей культа, начавшейся с «ломк[и] вековых православных традиций» во времена Раскола середины XVII в. [23. С. 296]. Пожалуй, мировоззрение попа из рассказа совпадает с жизненным кредо мнимого «пат-

риарха Никона» («Я пришел дать вам волю»), высказанным, что немаловажно, в бане, хронотопе воли у В.М. Шукшина:[6]

« – Вот, батюшка-атаман, так и выгоняют из себя всю нечистую силу. Это меня двуперстники научили, старцы. Бывал я у их в Керженце… Глянутся они мне, только не пьют.

– Сам-то к какой больше склоняесся: к старой, к новой? – спросил Степан. – Чего старцы-то говорят? Шибко клянут Никона?

– Клянут… – неопределенно как-то сказал старик. – Они много-то не говорят про это. А себя соблюдают шибко. О-о, тут они…

– А к какой сам-то ближе? Тоже к старой?

– К старой не могу – змия люблю зеленого. К новой… Я, по правде, не шибко разбираюсь: из-за чего у их там раскол-то вышел? Христос – один – для тех и для этих. А чего тада? В Христа я сам верую.

– А крестисся как?

– А никак. В уме. «Осподи, баслови» – и все. Христос так и учил: больше не надо. Не ошибесся. И тебе так советую» (4, 282).

«Панэтизм» и отрицание обрядовости сближает взгляды попа из рассказа «Верую!» и романного «патриарха» не столько с Аввакумом, сколько с исканиями Л.Н. Толстого [5. С. 89; 19. С. 92]. Любопытно, впрочем, что в начале преобразований и сам Никон обращался с «перечнем обрядовых недоумений» в Константинополь. В отчетном послании Мелетия Сирига (1655) недвусмысленно утверждалось, что «только в главном и необходимом требуется единообразие и единство, что относится к вере; а в “чинопоследованиях” и во внешних богослужебных порядках разнообразие и различие вполне терпимы, да исторически и неизбежны» [25. С. 91]. Но этому совету, как известно, в Москве не последовали. Для самого В.М. Шукшина внутриконфессиональные споры не становятся предметом размышлений. Гораздо существенней для писателя решение вопроса о вере как таковой, о воле как освобождении «из границ господствовавших способов мышления», в том числе христианских [26].

Более всего очевидно обращение В.М. Шукшина к проблематике старообрядчества в произведении о событиях, последовавших за церковным расколом, – «Я пришел дать вам волю». Роман начинается с анафемы, поставившей в один ряд «еретика» протопопа-расстригу Аввакума и «вора», «изменника», «клятвопреступника», «душегубца» Стеньку Разина, который «забыл святую соборную церковь и православную христианскую веру» (4, 9). Сближает двух исторических бунтарей характер и судьба: «неистовость, жажда правды, готовность жизнь положить ради заветного дела» [22. С. 91]. Все те качества, которыми в полной мере наделен сам В.М. Шукшин. Не случайно общим местом шукшинистики стало самоотождествление писателя со Степаном Разиным, а В.Г. Распутин подчеркнул способность Шукшина в своем творчестве дойти «до пропагандной остроты и тревоги, до разрушающей всякое равнодушие силы, до аввакумовской страсти» (цит. по: [27. С. 147]). Симпатия атамана по отношению к Никону («Глянется мне этот поп! Хватило же духу с царем полаяться… <…> Нет, я таких стариков люблю. Возьму вот и объявлю: Никон со мной идет» (4, 219)) делает сомнительным поиск в Разине черт старообрядца, произведенный, например, В.И. Гагиной [4. С. 38]. Скорее уместно проводить параллели не с протопопом Аввакумом, а с патриархом Никоном, наделенным столь же «бурной и опрометчивой натур[ой]» [25. С. 89]. Не сохранить вековые традиции, но сломать их, поставить «все царство расейское вверх тормашками» (4, 175) – цель и Никона, и Разина[7]. Старообрядчество же по сути своей есть хоть и «не старая Русь, но мечта о старине» [Там же. С. 94].

Противоречивость личности Степана Разина напрямую увязывается В.М. Шукшиным с одним из центров старообрядчества: «Непонятны многие его поступки: то хождение в Соловки на богомолье, то через год – меньше – он самолично ломает через колена руки монахам и хулит церковь» (9, 117) (<Заявка на литературный сценарий «Конец Разина»>, 1966). Выбор топоса определен не только фактами биографии Разина, но и символическим значением региона в русской культуре. Подобно тому, как Соловки есть синекдоха России, по принципу pars pro toto [28. С. 186], Соловки, можно сказать, являются и синекдохой Разина, но в другой проекции: toto pro pars. «Соловецкий текст», согласно исследованию С. Франк, «конституирован и создан нарративом борьбы, конфронтации добра и зла, которая разворачивается или в пространстве противостояния центра и периферийных Соловков как равновесного противника этого центра, или во внутреннем пространстве самих Соловков, однако в обоих пространствах исход этой борьбы столь же непредсказуем» [29. С. 188]. Все, сказанное С. Франк о Соловках, проецируется на историческую роль и ментальную характеристику шукшинского Разина. Возглавляемое Разиным восстание (1667–1671) практически синхронизировано с противостоянием Соловков московским нововведениям (1668–1676).

Соловецкий хронотоп проходит сквозь весь роман, организуя сюжет духовных исканий и потерь Разина. Соловки – это время и место веры. Показателен диалог Степана с Фролом:

– Степан, ты молодым богу верил…

– Не верил я ему никогда!

– Врешь! Я видел, как ты в Соловках лбом колотился. Даже я меньше верил…

– Ну, можеть, верил. Ну и что? (4, 185)

Первый раз Степан Разин ходил на богомолье в Соловецкий монастырь «по обету»: «обещал умирающему отцу сходить помолиться казачьему святому Зосиме» (4, 178). Это было в 1652 г. Во второй раз Разин отправился в Соловки по своей воле в ноябре 1661 г., но, дойдя до Москвы, был отозван в посольство к калмыкам (4, 488). Шукшин, вопреки историческим данным, довел путь героя до конца. Совершенно справедливо замечание Дж. Гивенса: «…his Razin <…> is nevertheless more important not for how he corresponds to the historical Razin, but for how he suits Shukshin’s purposes» [30. С. 291]. Именно в этот переход с Дона на Москву романный Разин совершил «большой и позорный грех» (4, 178). Он убил старика

и его невестку Ананьку. Согласно казачьему кодексу чести женщину «[м]ожно зашибить кулаком, утопить», но «срубить саблей – грех» (4, 180). Преступление вызывает в душе Степана страстное раскаяние: «старики так не молились за все свои грехи, как взялся молить бога Степан – коленопреклонно, неистово» (4, 180). Религиозное чувство Разина пробуждается и усиливается благодаря ощущению вины и жалости. Так, воспоминание о виденной в Соловках иконе «Божьей Матери с дитем», поразившей душу Степана, связано со страхом за судьбу соратников в случае провала восстания: «…не ее страшусь, гундосую, не смерть… Страшусь укора вашего: ну-ка, да всем придется сложить головы?» (4, 124).

Соловецкая икона, виденная в юности, ощущается Разиным как «что-то дорогое, родное» для души (4, 124). Образ Богоматери проникнут для Степана чрезвычайно сильной положительной эмоцией: «Сидит хорошая, душевная христьянка… как моя мать» (4, 217). Позднее, уже возглавляя восстание, Разин совершит кощунство: «подбежал к иконостасу, вышиб икону Божьей Матери». Поступок толкуется митрополитом однозначно: «Дурак ты, дурак заблудший… Что ты делаешь?! Не ее ты ударил! <…> Свою мать ударил, пес» (4, 245). В финале своего жизненного пути избиваемый предателями Степан Разин в состоянии помутненного сознания вновь «прошел» путь на Соловки, к вере, и к отлучению от церкви: «…пришел Степан в Соловецкий монастырь. И вошел в храм. <…> Степан опустился на колени перед иконой святого. Перекрестился… И вдруг святой загремел на него со стены: – Вор, изменник, крестопреступник, душегубец!.. Забыл ты святую соборную церковь и православную христианскую веру!.. Больно! Сердце рвется – противится ужасному суду, не хочет принять его. Ужас внушает он, этот суд, ужас и онемение. Лучше смерть, лучше – не быть, и все» (4, 313–314).

Соловецкий хронотоп, в его реальной и виртуальной реализации, организует сюжет «освобождения» Разина от стесняющих его волю оков религии. По мнению Т.Л. Рыбальченко, убийство Разиным старика с невесткой и последующее истовое моление в Соловках (в первой части романа «Вольные казаки») есть «демонстр[ация] “вольности” героя в границах дозволенного <…> господствующей религией, которая позволяет замолить или искупить грех» [26. С. 53]. Затем, во второй части романа («Мститесь, братья») «бунт против несвободы от верховной силы обрекает его на столкновение с символом национальной веры, символом терпения в муках» [26. С. 58] (эпизод с поношением иконы Богородицы, личностно ценной для самого Разина). Наконец, в заключительной части романа, «Казнь», раненый Разин «видит» себя вновь паломником на Соловки и испытывает ужас от проклятий святого Зосимы, воплощающего народный суд. В галлюцинации Разина нравственное осуждение облекается в форму религиозного проклятия, поскольку люди не взяли «воли», остались «рабами Божьими». Сам же Разин как герой богоборческого типа испытывает ужас не от того, что его проклинает святой, а от того, что народ его не принял и не понял. Это ужас ощущения «экзистенциональной вины» за «невозможность изменить мироустройство, преодолеть абсурд бытия», – констатирует исследователь [Там же. С. 65]. Как видим, «знаки» старообрядческой культуры являются в романе не более чем «историческим колоритом», органично входят в проблемное поле более важных для писателя мировоззренческих вопросов: о воле-празднике, вере в Бога, жизни и смерти.

Итак, можно констатировать, что осмысление и оценка феномена старообрядчества В.М. Шукшиным происходит в пространственно-временном выражении этого явления. Справедливо и обратное утверждение: понимание исторического времени (XVII в.) и географического пространства (Сибирь) в меньшей степени, чем ожидалось бы, осуществляется писателем через старообрядчество. Нуждается в осмыслении то обстоятельство, что старообрядчество никогда не становится у Шукшина отдельным предметом «крупного» высказывания – в объемах романа или хотя бы рассказа. О старообрядчестве всегда упоминается как-то вскользь, по касательной. В основном упоминания старообрядчества выполняют «изобразительную» функцию: являются приметой конкретного реального времени и пространства. В какой-то мере «старообрядческое» синонимично «сибирскому» (у́же – «алтайскому», шире – «исконно русскому») началу шукшинского характера. В спиралевидной модели времени писателя раскол XVII в. «рифмуется» с позднейшими эпохами национального разлада. Старообрядчество не является ведущей темой произведений В.М. Шукшина, но «встроено» в систему более крупных идеологических конструктов. Видимо, по-другому и не могло быть у писателя, изначально интересующегося миром в его многогранной противоречивости и полноте.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Здесь и далее ссылки на текст В.М. Шукшина приводятся по изданию: [13]. В круглых скобках через запятую указывается номер тома и страница.

[2] В романе «Я пришел дать вам волю» (1970), косвенно, через историю «патриарха» устанавливается родословная В.М. Шукшина: «Там вон в Волгу-то, справа, Сура вливается, а в Суру – малая речушка Шукша… Там и деревня моя была, тоже Шукша. Она разошлась, деревня-то. <…> Ажник в Сибирь двинулись которые… Там небось и пропали, сердешные… У меня брат ушел… двое детишков, ни слуху ни духу. <…> В Сибирь-то много собиралось. Прослышали: земли там вольные…» (4, 278–279). Этот намек писателя на свое «поволжское происхождение» и «потомственн[ые] связи с участниками крестьянской войны» [7. С. 443] несет мистифицирующий оттенок, укореняя род Шукшиных в Сибири начиная с XVII в. Согласно архивным исследованиям В.Ф. Гришаева, предки Шукшина принадлежали не к староверам-старожилам, первым переселенцам в Сибирь (XVI–XVII вв.), а к новоселам (2 пол. XIX – нач. XX в.). Прадед по отцу, Павел Павлович Шукшин, – переселенец из Самарской губернии 1867 г. Дед по матери, Сергей Федорович Попов, также переселился из Самарской губернии, но позднее, в 1897 году [14. С. 91].

[3] Сравнение есть в полной версии рассказа, опубликованной в журнале «Литературный Казахстан» (1971) и сборнике «Характеры» (1973). В журнале «Сибирские огни» (1971) и сборнике «Беседы при ясной луне» (1974) В.М. Шукшин убирает этот фрагмент (5, 387).

[4] Добавим, что церковь построена «на крови» погибшего «от руки недруга» князя Борятинского. Родовое имя князя отсылает к истории подавления бунта Степана Разина: правительственными войсками командовал князь Ю.Н. Борятинский. Одновременно это имя связано с насильственным расстрижением и проклятием нововерами протопопа Аввакума (1666 год), к которому в темницу приезжал молиться «Воротынской бедный князь Иван» [16. С. 42]. Воротынские князья произошли из рода князей Борятинских (Барятинских). Иван Алексеевич Воротынский был двоюродным братом царя Алексея Михайловича. Его кончина в 1679 г. пресекла княжеский род Воротынских.

[5] Проблему шукшинской рецепции древнерусского юродствующего сознания и поведения мы оставляем за рамками данного исследования, поскольку эта тема довольно хорошо освещена в шукшиноведении в связи с типом «чудика».

[6] О значении бани как пространстве свободы от социальных норм в рассказе «Алеша Бесконвойный» см.: [24].

[7] Имеются и этнические основания для подобных сближений: Шукшин происходил из обрусевшей мордвы, также как протопоп Аввакум и его антагонист патриарх Никон [15. С. 7–8]. Показательно, что В.М. Шукшин не просто читал документы о Никоне, в том числе «Дело о патриархе Никоне» (1897), но хотел написать роман о нем [7. С. 444]. Ср. с репликой Т.Л. Рыбальченко: «…в рост Разину в романе – эпизодический персонаж – Никон, ломавший и социальные устои, и веру нации» [27].

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск : ТГУ, 2005. 304 с.
2. Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, поэтика, контексты. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2017. 600 с.
3. Майкльсон Дж. Старая вера в современной русской литературе: Распутин, Абрамов, Астафьев, Шукшин // Традиции творчества В.М. Шукшина в современной культуре / отв. ред. С.М. Козлова. Барнаул, 2014. С. 57–66.
4. Гагин В.И. Проекция старообрядчества на сибирский характер в прозе В.М. Шукшина // Шукшинский вестник. Барнаул, 2012. С. 37–43.
5. Вертлиб Е.А. Василий Шукшин и русское духовное Возрождение. New York : Effect publishing, 1990. 260 с.
6. Марьин Д.В. Несобственно-художественное творчество В.М. Шукшина. Барнаул : АлтГУ, 2015. 389 с.
7. Аннинский Л.А. Комментарии // Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 5 т. Бишкек, 1992. Т. 5. С. 443–454.
8. Григорьева Р.А. На пути к дому (Сибирские дневники). Барнаул : ГМИЛИКА, 2006. 149 с.
9. Белов В.И., Заболоцкий А.Д. Тяжесть креста. Шукшин в кадре и за кадром. М. : Советский писатель, 2002. 174 с.
10. Богумил Т.А., Куляпин А.И., Худенко Е.А. Геопоэтика В.М. Шукшина. Барнаул : АлтГПУ, 2017. 176 с.
11. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975. 504 с.
12. Покровский Н.Н. К постановке вопроса о беловодской легенде и бухтарминских «каменщиках» в литературе последних лет // Общественное сознание и классовые отношения в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 1980. С. 115–133.
13. Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 9 т. Барнаул : Барнаул, 2014.
14. Гришаев В.Ф. Шукшин. Сростки. Пикет // Гришаев В.Ф. Избранное. Барнаул, 2001. С. 77–219.
15. Козлова С.М. «Мастер» // Шукшинская энциклопедия. Барнаул, 2011. С. 202–205.
16. Аввакум. Житие протопопа Аввакума. М. : Захаров, 2002. 199 с.
17. Куляпин А.И. Семиотика художественного пространства В.М. Шукшина. Барнаул : АлтГПУ, 2016. 160 с.
18. Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул : БГПУ, 1999. 557 с.
19. Куляпин А.И., Левашова О.Г. В.М. Шукшин и русская классика. Барнаул : АлтГУ, 1998. 102 с.
20. Варламов А.Н. Шукшин. М. : Молодая гвардия, 2015. 399 с.
21. Козлова С.М. «Классный водитель» // Шукшинская энциклопедия. Барнаул, 2011. С. 167–170.
22. Апухтина В.А. Проза Шукшина. М. : Высшая школа, 1986. 96 с.
23. Чудинова Г.В. Художественное выражение православных основ народной жизни (на материале рассказов В.М. Шукшина «Осенью», «Верую!», «На кладбище») // Творчество В.М. Шукшина в междисциплинарном культурном пространстве. Барнаул, 2009. С. 294–301.
24. Есаулов И.А. «Алеша Бесконвойный» Василия Шукшина и конвоируемая Россия // Проблемы исторической поэтики. 2015. № 13. С. 662–672.
25. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М. : Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
26. Рыбальченко Т.Л. «Воля» и «Бог» в романе «Я пришел дать вам волю» // Творчество В.М. Шукшина в современном мире. Барнаул, 1999. С. 52–65.
27. Левашова О.Г. Шукшин и древнерусская литература // Творчество В.М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник: в 3 т. Барнаул, 2006. Т. 2. С. 147–149.
28. Франк С.К. Соловецкий текст. Ч. 1 / пер. О.Б. Лебедевой // Имагология и компаративистика. 2017. № 1 (7). С. 166–180.
29. Франк С.К. Соловецкий текст. Ч. 2 / пер. О.Б. Лебедевой // Имагология и компаративистика. 2017. № 2 (8). С. 158–189.
30. Givens J. Provincial polemics: Folk discourse in the life and novels of Vasili Shukshin. Michigan: Ann Arbor, 1993. 389 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 апреля 2019 г.

The Traces of the Old Believer Culture in V.M. Shukshin's Fiction

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 11–17.
DOI: 10.17223/15617793/447/2

Tatiana A. Bogumil, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tbogumil@mail.ru

Keywords: V.M. Shukshin; Old Believers; Split; Avvakum; Nikon; Stepan Razin; Siberia; Siberian text.

The aim of the study was to reveal the role of the Old Believer culture in V.M. Shukshin's model of history, space and man. The information was gathered from Shukshin's fiction and literary studies. The validity of addressing the indicated problem is confirmed by the presence of a special vocabulary in the writer's texts (Kerzhaks, dissenters, *dvuperstniki* [those crossing themselves with two fingers], Archpriest Avvakum, Patriarch Nikon, the Kerzhenets River, the Solovetsky Monastery, "old" and "new" faith). In addition to the obvious references to the Old Believers, the texts contain motifs and images, implicitly referring to the Old Believers (Belovodye, the hidden church). The study showed that the Old Believer culture is a sign of a specific real time (17th century) and place (Siberia) in Shukshin's artistic world. In the writer's spiral model of time, the Split of the 17th century "rhymes" with other periods of national discord (the era of princely civil strife in the 12th century, the revolution and civil war at the beginning of the 20th century). The history of the Old Believers is associated with the history of the Russian development of Siberia, the ethnogenesis of the Russian Siberian. To some extent, the "Old Believer" element of a Shukshin character is synonymous to the "Siberian" (narrower to "Altaian", broader to "inherently Russian") one. Shukshin extensively addresses the topic of the Split in his novel *I Came to Give You Freedom* about the events of the 12th century: in the images of Avvakum and Nikon, Razin's dialogue with the "patriarch" about the essence of the "old" and "new" faith, the Solovetsky Monastery. Intra-confessional disputes do not become the subject of the

writer's reflection. The solution of the question of faith in general and of freedom as liberation from the Christian dogma is much more significant for him. The Solovetsky Monastery, in its real and virtual realization, organizes the plot of Razin's "liberation" from the shackles of religion that constrain his freedom. The Old Believer culture is a specific manifestation of the leading issues of the writer's works: freedom-as-feast and the axiological normative institutions that limit it (church, family, state, etc.). Thus, the results of the study showed that, although the Old Believer culture is not the leading component of Shukshin's works, its traces are found in the space-time and character organization of the writer's artistic world. They are included in the problem field of larger worldview questions: freedom-as-feast, faith in God, life and death.

REFERENCES

1. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vekov: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the poetics of literature of Siberia of the 19th – early 20th centuries: features of the formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Kovtun, N.V. (2017) *Russkaya traditsionalistskaya proza XX–XXI vekov: genezis, poetika, konteksty* [Russian traditionalist prose of the 20th–21st centuries: genesis, poetics, contexts]. Moscow: FLINTA; Nauka.
3. Michelson, J. (2014) Staraya vera v sovremennoy russkoy literature: Rasputin, Abramov, Astaf'ev, Shukshin [Old faith in modern Russian literature: Rasputin, Abramov, Astafyev, Shukshin]. In: Kozlova, S.M. (ed.) *Traditsii tvorchestva V.M. Shukshina v sovremennoy kul'ture* [Traditions of V.M. Shukshin in modern culture]. Barnaul: Altai State University. pp. 57–66.
4. Gagin, V.I. (2012) Proektsiya staroobryadchestva na sibirskiy kharakter v proze V.M. Shukshina [The projection of the Old Believers on the Siberian character in the prose of V.M. Shukshin]. In: Levashova, O.G. & Chudnova, L.A. (eds) *Shukshinskiy vestnik* [Shukshin Bulletin]. Barnaul: Altayskiy dom pechati. pp. 37–43.
5. Vertlib, E.A. (1990) *Vasiliy Shukshin i russkoe dukhovnoe Vozrozhdenie* [Vasily Shukshin and the Russian spiritual Renaissance]. New York: Effect publishing.
6. Mar'in, D.V. (2015) *Nesobstvenno-khudozhestvennoe tvorchestvo V.M. Shukshina* [Non-fiction works by V.M. Shukshin]. Barnaul: Altai State University.
7. Anninskiy, L.A. (1992) Kommentarii [Commentaries]. In: Shukshin, V.M. *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Collected Works: in 5 volumes]. Vol. 5. Bishkek: Kompaniya "Venda". pp. 443–454.
8. Grigor'eva, R.A. (2006) *Na puti k domu (Sibirskie dnevniki)* [On the way home (Siberian diaries)]. Barnaul: GMILIKA.
9. Belov, V.I. & Zabolotskiy, A.D. (2002) *Tyazhest' kresta. Shukshin v kadre i za kadrom* [The severity of the cross. Shukshin on and off the screen]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
10. Bogumil, T.A., Kulyapin, A.I. & Khudenko, E.A. (2017) *Geopoetika V.M. Shukshina* [Geopoetics of V.M. Shukshin]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.
11. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
12. Pokrovskiy, N.N. (1980) K postanovke voprosa o belovodskoy legende i bukhtarminskikh "kamenshchikakh" v literature poslednikh let [On the Belovodye legend and Bukhtarma "masons" in literature of the recent years]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Obshchestvennoe soznanie i klassovye otnosheniya v Sibiri v XIX–XX vv.* [Public consciousness and class relations in Siberia in the 19th–20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. pp. 115–133.
13. Shukshin, V.M. (2014) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols]. Barnaul: Barnaul.
14. Grishaev, V.F. (2001) *Izbrannoe* [Selected Works]. Barnaul: Altai State University. pp. 77–219.
15. Kozlova, S.M. (2011) "Master" ["Expert"]. In: Kozlova, S.M. (ed.) *Shukshinskaya entsiklopediya* [Shukshin Encyclopedia]. Barnaul: [s.n.]. pp. 202–205.
16. Avvakum. (2002) *Zhitie protopopa Avvakuma* [The Life of Archpriest Avvakum]. Moscow: Zakharov.
17. Kulyapin, A.I. (2016) *Semiotika khudozhestvennogo prostranstva V.M. Shukshina* [Semiotics of creative space of V.M. Shukshin]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.
18. Mel'nikov, F.E. (1999) *Kratkaya istoriya drevlepravoslavnoy (staroobryadcheskoy) Tserkvi* [A brief history of the Old Orthodox (Old Believer) Church]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
19. Kulyapin, A.I. & Levashova, O.G. (1998) *V.M. Shukshin i russkaya klassika* [V.M. Shukshin and Russian classics]. Barnaul: Altai State University.
20. Varlamov, A.N. (2015) *Shukshin*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
21. Kozlova, S.M. (2011) "Klassnyy voditel'" ["A cool driver"]. In: Kozlova, S.M. (ed.) *Shukshinskaya entsiklopediya* [Shukshin Encyclopedia]. Barnaul: [s.n.]. pp. 167–170.
22. Apukhtina, V.A. (1986) *Proza Shukshina* [The Prose by Shukshin]. Moscow: Vysshaya shkola.
23. Chudinova, G.V. (2009) Khudozhestvennoe vyrazhenie pravoslavnykh osnov narodnoy zhizni (na materiale rasskazov V.M. Shukshina "Osen'yu", "Veruyu!", "Na kladbishche") [Literary expression of the Orthodox foundations of folk life (based on V.M. Shukshin's short stories "Autumn", "I Believe!", "At the Cemetery")]. In: Levashova, O.G. et al. (eds) *Tvorchestvo V.M. Shukshina v mezhdistsiplinarnom kul'turnom prostranstve* [V.M. Shukshin's writings in an interdisciplinary cultural space]. Barnaul: Azbuka. pp. 294–301.
24. Esaulov, I.A. (2015) "Alesha Beskonvoynyy" Vasiliya Shukshina i konvoiruemaya Rossiya ["Alyosha the Trustworthy Convict" by Vasily Shukshin and convoyed Russia]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 13. pp. 662–672.
25. Florovskiy, G.V. (2009) *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
26. Rybal'chenko, T.L. (1999) "Volya" i "Bog" v romane "Ya prishel dat' vam volyu" ["Freedom" and "God" in the novel "I Came to Give You Freedom"]. In: Kozlova, S.M. et al. (eds) *Tvorchestvo V.M. Shukshina v sovremennom mire* [V.M. Shukshin's works in the modern world]. Barnaul: Altai State University. pp. 52–65.
27. Levashova, O.G. (2006) Shukshin i drevnerusskaya literatura [Shukshin and Old Russian literature]. In: Levashova, O.G. (ed.) *Tvorchestvo V.M. Shukshina. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik: v 3 t.* [V.M. Shukshin's Works. Encyclopedic reference dictionary: in 3 vols]. Vol. 2. Barnaul: Altai State University. pp. 147–149.
28. Frank, S.K. (2017) The Solovki Text. Part 1. Translated form German by O.B. Lebedeva. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1 (7). pp. 166–180. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/7/10
29. Frank, S.K. (2017) The Solovki Text. Part 2. Translated form German by O.B. Lebedeva. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 2 (8). pp. 158–189. (In Russian). 10.17223/24099554/8/9
30. Givens, J. (1993) *Provincial polemics: Folk discourse in the life and novels of Vasili Shukshin*. Michigan: Ann Arbor.

Received: 08 April 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 18–27. DOI: 10.17223/15617793/447/3

УДК 821.161.1

И.О. Волков, Э.М. Жилякова

И.С. ТУРГЕНЕВ И О. ДЕ БАЛЬЗАК: НА ПУТИ К ШЕКСПИРУ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОДОВОЙ БИБЛИОТЕКИ ПИСАТЕЛЯ)

Статья первая

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00219 «И.С. Тургенев и проблемы западноевропейской литературы (по материалам родовой библиотеки писателя)».

Разрабатывается вопрос творческого взаимодействия И.С. Тургенева с О. де Бальзаком. В структуре художественного диалога двух авторов органично выделяется фигура У. Шекспира, ставшая значимой точкой эстетического пересечения. Проблема тургеневского отношения к творчеству французского романиста впервые решается с привлечением достоверного материала личной (родовой) библиотеки писателя. Восприятие Тургеневым Бальзака встраивается в контекст отечественной критики, представленный именами Н.В. Станкевича и В.Г. Белинского.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; О. Бальзак; У. Шекспир; библиотека писателя.

Постижение И.С. Тургеневым творческого мира У. Шекспира происходило не только через прямое восприятие – чтение сочинений в оригинале и переводах, но также и опосредованно. Писатель вслушивался в тот художественный диалог, что звучал между английским драматургом и авторами последующих эпох. Так, Тургенев обратил внимание на присутствие Шекспира в драматических опытах А.С. Пушкина. Он выделил в трагедии «Скупой рыцарь» (1836) стихи (монолог героя о совести), которые, на его взгляд, «носят слишком резкий отпечаток нерусского происхождения» и принадлежат «шекспировской манере» [1. Т. 2. С. 199]:

Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незваный гость, докучный собеседник,
Заимодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают?.. [2. С. 113]

А трагедию «Борис Годунов» (1831) писатель охарактеризовал как возвысившуюся «до формы Шекспира в его драматических хрониках» [3. Т. 10. С. 337]. Во время собственной работы над рассказом «Гамлет Щигровского уезда» (1848) Тургенев среди многочисленных заметок на полях записывает в нескольких вариантах имя Е.А. Баратынского [4. Л. 1]. Позже, в статье «Гамлет и Дон-Кихот» (1860) он расшифровывает свою запись, проговаривая пушкинскую поэтическую формулу «Гамлет–Баратынский» («Послание Дельвигу», 1828) [3. Т. 5. С. 335].

Гениального читателя Шекспира Тургенев находил в И.-В. Гёте. Вслед за В.Г. Белинским он нередко сопоставляет Гамлета с Фаустом. В сравнении двух художественных типов писатель отдавал преимущество принцу Датскому, поскольку видел в Фаусте гипертрофированное воплощение идеи сомнения. Оба героя, по Тургеневу, своими действиями производят разрушения в жизни близких к ним людей, яркий пример – Офелия и Гретхен. Но если Гамлет, разрушая, «разрушается сам», то «в начале второй части трагедии Гёте мы видим Фауста, спокойно отдыхающего весной на траве» [Там же. Т. 1. С. 215].

Во время чтения произведений Г. Филдинга и Ч. Диккенса Тургенев на полях делает заметы, относящиеся к «шекспировским местам». Например, в романе «История Тома Джонса, найдёныша» (1749) им выделен фрагмент с подглядыванием в замочную скважину (глава VIII), отсылающий (в прямом авторском указании) к комедии «Сон в летнюю ночь» [5. P. 34]. А в «Оливере Твисте» (1837) Тургенев отчеркивает полную черного юмора фразу о короле Ричарде III из одноименной хроники Шекспира и записывает на полях: «Прелестно!» [6. P. 299].

В этом ряду знаменитых посредников между Тургеневым и Шекспиром особое место занимает О. де Бальзак, чьи произведения не только очень рано вошли в круг чтения русского писателя, но также стали предметом эстетической рефлексии.

I

Вопросом о возможной близости Тургеневу творчества Бальзака задались уже младшие современники русского писателя. К примеру, Поль Бурже в своем этюде о русском писателе (1886) мимоходом упоминает и автора «Человеческой комедии», указывая на то, что два этих «романиста-наблюдателя» стремились к предельной точности в изображении женских типов. Здесь же возникает и имя Шекспира, чьи образы (Имогена и Миранда), по мнению автора, исключительны в мировой поэзии [7. P. 241–242]. Год спустя этот этюд был переведен на русский язык и опубликован в журнале «Северный вестник» (№ 1. С. 39–59). Поводом же к построению подобной параллели послужило резкое высказывание самого Тургенева в адрес французского романиста. В 1883 г. в журнале переводной словесности «Изящная литература» был помещен некролог, посвященный Тургеневу. Его автор, П.И. Вейнберг, редактор журнала, в своей скорбной речи привел один фрагмент из личной переписки с писателем: строки, «служившие ответом на наше предложение – перевести что-нибудь из Бальзака»:

…я бы скорее – писал он – взялся перевести несколько страниц из Монтеня или Рабле – но уж никак не Бальзака, которого я никогда не мог прочесть более десяти страниц сряду, до того он мне противен и чужд… [8. С. 2].

Год спустя письмо к Вейнбергу было опубликовано полностью в Первом собрании писем писателя [9. С. 505].

Утверждаемая Тургеневым «чуждость» Бальзаку в дальнейшем и стала предметом настойчивого оспаривания. Уже в октябре 1883 г. в журнале «Revue des Deux Mondes» (Обозрение двух миров) появилась большая статья Э.-М. де Вогюэ «Иван Сергеевич Тургенев», в которой автором отдельно было высказано мнение по этому поводу:

Ivan Serguiévitch assurait qu'il n'aimait pas Balzac: c'est possible, on n'aime pas toujours son tre, mais je réponds qu'il l'avait étudié de près. Le Russe se proposa d'écrire, lui aussi, la comédie humaine de son pays; à cette vaste tâche, il apporta moins de patience, moins d'ensemble et de méthode que le romancier français, mais plus de cœur, plus de foi, et le don du style, l'éloquence pénétrante qui manqua à l'autre. S'il est vrai, en France, qu'aucun historien ne pourra retracer la vie de nos pères sans avoir lu et relu Balzac, cela est encore plus vrai en Russie de Tourguénef [10. P. 800].

Иван Сергеевич утверждал, что он не любил Бальзака: вполне может быть – мы не всегда любим своих учителей, но я уверен, что он его внимательно изучил. Русский писатель тоже хотел создать человеческую комедию своей страны; в исполнении этой обширной задачи он проявил меньше терпения, меньше полноты и меньше методичности, чем французский романист, но больше сердца, больше веры и больше дара стилиста, той проникновенной выразительности, что недоставало другому. Если верно, что во Франции ни один историк не сможет изобразить жизнь наших отцов, не прочитав и не перечитав Бальзака, то это ещё более верно в России по отношению к Тургеневу[1].

О «скрытом влиянии» Бальзака на Тургенева в 1902 г. заговорил П.Д. Боборыкин. Кратко и не совсем точно пересказывая содержание тургеневского письма Вейнбергу, он допускает личное неприятие русского писателя («Он его почти не читал? Допустим») [11. С. 4]. Однако, признавая французского автора открывателем нового – «реального» романа, обозначившего целую школу в литературе XIX в., Боборыкин настаивает на неизбежности подчинения «этому непреодолимому импульсу, какой могут давать только великие инициаторы в деле художественного творчества» [Там же. С. 93][2].

Два года спустя Дж. Мур в цикле литературных очерков «Признания»[3] (Avowals, 1904), комментируя «любопытный факт того, что Тургенев не смог оценить Бальзака» [14. P. 128–129], объясняет его тем, что русский писатель по свойству своего гения «отложил в сторону то, что до него не касалось» [Ibid. P. 130]. Здесь ирландский автор имеет в виду разницу эстетического видения между двумя прозаиками. Мур относит Тургенева к художникам идеального типа: он «учил, давая миру образ красоты» [14. P. 132]; «искусство Тургенева бессознательно как природа»; «он глубоко вглядывался в природу и, не пытаясь понять её, понимал» [Ibid. P. 130]. Бальзак же, с точки зрения Мура, изображает «жизнь, которой мы живём», он «исчерпал повседневную жизнь» [Ibid. P. 131–132], «рассказывает об украшениях над камином, часах и канделябрах, и они с необыкновенной интенсивностью начинают жить» [Ibid. P. 131].

Не настаивая, таким образом, на влиянии со стороны Бальзака, Мур первым указывает на отличие творческого метода Тургенева от эстетики французского романиста. Причем в этом разграничении он точно определяет яркие особенности каждого из авторов – вещный мир, с одной стороны, и необходимость идеала – с другой. Много позже эти и другие черты сближения или расхождения будут названы в трудах отечественных исследователей (см. подробней: [15, 16]).

Личное неприятие, испытываемое к Бальзаку, Тургенев впервые высказал в 1857 г. в письме к С.Т. Аксакову (от 8 января). В известной критической характеристике современной литературы Франции писатель назвал Бальзака идолом, перед которым «новая школа реалистов ползает в прахе <…>, рабски благоговея перед Случайностью, которую величают Действительностью и Правдой» [1. Т. 3. С. 172]. В этом отзыве вполне отражена суть тех претензий, что предъявлял Тургенев творческому методу Бальзака. Он порицал его прежде всего за насыщенную неправдоподобность созданных образов. К их оценке писатель подходил с позиции (критерия) живой художественной достоверности, выработанной и закрепленной в традиции русской литературы, главным достоянием которой была человеческая индивидуальность.

Большую полновесность критика Бальзака получила у Тургенева в 1868 г. – в предисловии к русскому переводу романа М. Дюкана «Утраченные силы». Здесь им также развернута картина современной французской словесности, которой он вновь отказывает в притязании на «жизненную правду и простоту» [3. Т. 10. С. 347]. Фигура знаменитого романиста становится словно ярким подтверждением этого отрицания: «великий талант может существовать рядом с непониманием художественной правды в одном и том же человеке – этому поразительный пример Бальзак. Все его лица колют глаза своей типичностью, выработаны и отделаны изысканно, до мельчайших подробностей – и ни одно из них никогда не жило и жить не могло» [Там же].

Выделенная Тургеневым «типичность» в эстетике Бальзака является одной из главных примет творчества французского автора. Предельная обобщенность художественного образа и чрезвычайная сгущенность его характеристики способствовали тому, что он изначально вырастал в тип, приобретал точные и конкретные типические черты. В результате этого бальзаковская правда оказывается практически вне чистого правдоподобия: «автор “Человеческой комедии”

весьма далёк от изображения жизни “в формах самой жизни”» [17. С. 212]. Однако, по убеждению самого Бальзака, «всякий типический персонаж становится грандиозным именно в силу его типичности» [18. Т. 15. С. 421].

Не отрицая художественный талант Бальзака («великий талант»!), Тургенев в этом же Предисловии справедливо признает автора «Человеческой комедии» главой школы французского реализма, к которой он также причисляет и своих близких друзей – Г. Флобера, Э. Золя, Э. Гонкура (все – участники знаменитого «обеда талантливых людей» [19. С. 183]). Однако при этом писатель все же делает важную оговорку – именование школы в качестве реалистической «не совершенно точное». Причиной этого ограничивающего уточнения вновь оказывается признак типичности: Бальзак и перечисленные авторы «поставили себе целью изучение и воспроизведение общественной жизни в ее типических проявлениях» [3. Т. 10. С. 358]. В то же время обнаружение типов в художественном изображении действительности было свойственно и самому Тургеневу, однако типическое (национальное) вырастало у него прежде всего из индивидуального, не заслоняя его: «нужно сквозь игру случайностей добиваться до типов – и со всем тем всегда оставаться верным правде» [1. Т. 15. Кн. 1. С. 126].

Выявляя в творчестве Бальзака чуждую «типическую сторону», Тургенев на этом основании противопоставляет ему Л.Н. Толстого, а его образы, в которых нет «и тени правды», ставит в отношения контраста с лицами повести «Казаки». Такая антонимичная параллель, безусловно, выстроена не случайно. Литературная судьба Толстого, как известно, находилась в поле особого внимания Тургенева, а среди произведений своего «ученика» писатель неоднократно восторженно выделял и «кавказский роман» 1863 г.

Оценка «Казаков» как «chef d’oeuvre Толстого и всей русской повествовательной литературы» [Там же. Т. 13. С. 31] в своей высокой степени вступает в острую оппозицию с критикой Бальзака. Восторг Тургенева вызвала «самая живая и самая верная картина Кавказа и его жителей» [3. Т. 10. С. 356]. Художественная проработка главных образов – дядя Ерошка, Лукашка, Марьяна, искусность пейзажных зарисовок с простыми и легкими штрихами, разворачивающими осязаемую эпическую картину, а также описание повседневной жизни – все это в повести Толстого оказывается для Тургенева элементами подлинно реалистического изображения.

Понимание «верной картины» у писателя, безусловно, не сводилось к крайностям этнографии и бытовизма. В теоретико-эстетическом обосновании правды в искусстве («живая правда людской физиономии») он руководствовался принципом, который можно проиллюстрировать его же собственными словами: «Подобные лица жили, стало быть, имеют право на воспроизведение искусством» [1. Т. 10. С. 132].

Однако восприятие толстовского изображения «первобытной нетронутой природы» [Там же. Т. 5. С. 167] необходимо и гармонично дополняется у писателя также и планом идеального, который подчеркивает в «Казаках» «самобытность, дикость, сильные чувства или природную сущность» горцев [20. С. 130]. Принимает писатель и лирико-философскую манеру повествования, родственную его собственной поэтике[4].

Единственное нарекание у Тургенева вызвало включение в живописную картину Кавказа и его жителей фигуры Оленина, которого он назвал «возящимся с самим собою, скучным и болезненным существом» [1. Т. 5. С. 167]. В эту характеристику обрисованного Толстым героя Тургенев вкладывает черты, явно соотносящиеся с его собственной критикой гамлетовского типа[5]. В итоге сравнение именно с «Казаками» неявно открывает необходимость для писателя и положительного ориентира, нравственно-эстетического идеала. Он не находил его конкретного выражения у Бальзака, который заставляет человека действовать в условиях «смещения непоколебимых основ жизни» [17. С. 55] и в полной «зависимости от материальных основ бытия» [Там же. С. 51].

Тургенев смотрел на Бальзака как на автора, который остался «на почве обычной, ежедневной жизни» [3. Т. 12. С. 343]. Категория обыкновенного была, безусловно, важной и для тургеневского метода, но в ее осмыслении писатель ключевым моментом считал поэтизацию, т.е. «возведение жизни в идеал» [Там же]. Именно за отсутствие этого необходимого качества при «правдиво и горячо схваченной» [Там же. Т. 4. С. 254] действительности Тургенев и критиковал Бальзака.

О специфике же собственно бальзаковского понимания идеала в литературе со слов самого автора свидетельствовала Ж. Санд: «…пошлые существа интересуют меня больше, чем вас. Я их возвеличиваю, я идеализирую их в обратном направлении, в их безобразии или в их глупости. Я даю их уродствам ужасающие или смешные размеры» (цит. по: [22. С. 290–291])[6].

В то же время в поэзии творчества Бальзака есть и иной вариант идеальных образов – это «романтические характеры, не могущие жить в этом жестоком мире, способные к самоотречению и забвению всех благ земных во имя высшей духовной цели» [24. С. 48]. В 1846 г. «Библиотека для чтения» перевела у себя статью И. Кастилья о Бальзаке, где было отмечено присутствие в «Человеческой комедии» сентиментальных образов: «Однажды Бальзак, перечитавши “Павла и Виргинию”, так глубоко окунулся в прозрачные волны гения Бернардена, что вышел из них чистехонек от своей парижской грязи, чист как девочка только что окрещенная. Он бросил слякоть тротуаров, потянул всей грудью росу и солнце, отыскал в Турене мирный пейзаж, и написал один из своих прелестнейших романов “Лилию в долине”» [25. С. 16]. Вероятно, эта тесная связь эстетики Бальзака в изображении идеального и возвышенного с сентиментально-романтическими традициями, отмеченная уже современниками, также была предметом тургеневской критики.

II

С творчеством Бальзака Тургенев познакомился в пору своего заграничного обучения, т.е. в конце 1830-х – начале 1840-х гг. Именно в это время круг его чтения обретает чрезвычайную широту: наряду с изучением

литературы узкоспециальной (философия, история), он интересуется художественными произведениями как признанных классиков, так и современных западноевропейских авторов. В этом сложном многообразии Бальзак прямо соседствует с Шекспиром. Примечательно в нем также присутствие двух романов Шарля Бернара – друга и литературного ученика Бальзака: «Сорокалетняя женщина» (1837) и «Крылья Икара» (1839). Первый, сохранившийся в библиотеке писателя, содержит на одной странице несколько помет на полях. Они представляют собой двойное вертикальное отчеркивание ногтем, знак «NB» и крупную букву «m» карандашом. Все замечания сделаны напротив строк: «седые волосы старика имеют ту же привилегию, что и платье исповедника» [26. P. 84]. А роман «Крылья Икара» был охарактеризован Тургеневым в письме из Берлина к Т.Н. Грановскому (от 20 июня 1839 г.) как «очень интересный» [1. Т. 1. С. 142].

Библиотека писателя сохранила в своем составе три книжных издания, содержащих отдельные произведения Бальзака на языке оригинала. К периоду наиболее раннего знакомства с французским автором принадлежит роман «Шагреневая кожа» из серии «Иллюстрированный Бальзак» (Balzac illustré) [27]. Он был выпущен в 1838 г. в объединенном предприятии В. Леку и А. Делуа. В подготовке этого издания Бальзак принял непосредственное участие. Во-первых, он внимательно отредактировал сам текст произведения, о чем писал Э. Ганской (в письме от 20 января 1838 г.): «Текст иллюстрированного издания пересмотрен настолько тщательно, что его следует считать единственно настоящим, настолько он отличается от предыдущих» [28. P. 385]. Во-вторых, Бальзак определил характер более сотни иллюстраций, выполненных разными граверами и рисовальщиками. Слово и графическое сопровождение мыслились им в качестве нераздельного единства.

Во время чтения романа Тургенев сделал одиннадцать карандашных помет в пределах печатного текста. Все они сосредоточены на первых семи страницах и представляют собой короткий вертикальный штрих под словом. Такая манера читательской рефлексии была характерна для писателя и во время изучения сочинений Шекспира[7]. С восьмой страницы романа и до самого его конца Тургенев больше не сделал ни одной заметы – и это тоже явление для него характерное (подобным образом он, например, прерывает методичный ход своих замечаний на диккенсовском «Пиквикском клубе»). Вероятно, продолжив чтение, писатель перенес свои комментарии в другое пространство (тетрадь, записная книжка и т.д.).

На первый взгляд фрагментарность тургеневских помет словно подтверждает собственное признание писателя (из приводимого выше письма к П.И. Вейнбергу) в том, что у Бальзака он «никогда не мог прочесть более десяти страниц сряду». Вероятно, здесь действительно имел место перерыв в последовательном изучении романа, однако даже столь краткие замечания на его страницах позволяют говорить, по верному утверждению Л.А. Балыковой, «о заинтересованном, внимательном чтении» [30. С. 71].

Аккуратные карандашные подчеркивания Тургенева, расположенные в самом начале первой главы «Талисман», очень точно свидетельствуют о том, что писатель погружается в особенность бальзаковского стиля. Все его пометы относятся именно к качественной образной характеристике атмосферы игорного дома в Пале-Рояль. Проникновение в структуру авторского слога происходит с самого первого предложения. Подчеркивая слово «imposable» (подлежащий обложению), Тургенев выделяет яркую оценочную метафору, в которой Бальзак соединил абстрактное понятие (страсть к игре) с конкретным (государственный налог). Для русского писателя это был яркий пример того, как в «Шагреневой коже» происходит опредмечивание чувственной стороны человеческого существования (страсть, облагаемая налогом), которая ставится в неразрывную связь с материальным.

Далее Тургенев останавливается на образе старого гардеробщика, который при входе отнял у Рафаэля шляпу. Писатель выделяет «тусклый взгляд» (terne) и «глубокие морщины» (rides) в облике героя, названного «унылым цербером». Вероятно, таким образом проявлен интерес к противоречию в положении этого человека: изможденный вид явно контрастирует с окружающим его страстным миром азарта. Тургенев примечает сознательный авторский прием, раскрывающий степень внешнего и внутреннего саморазрушения вследствие непреодолимой страсти к игре. Не случайно он здесь же подчеркивает используемое Бальзаком сравнение старика с «клячами» (rosses), «на которых уже не действуют удары бича» [18. Т. 13. С. 6].

Тургенев следует за передвижением Рафаэля, его медленным погружением в обстановку игорного дома – «притона» (tripot), как его именует Бальзак, что также отмечено писателем. При входе героя в саму залу, где собрались игроки, он подчеркивает одно из определяющих ее свойств: «fascination» (звон золота околдовывал). Этот обобщенный признак далее получит у Бальзака развернутые характеристики, раскрывающие «поэзию игорных домов». Именно в последующем метафорическом описании пометы Тургенева достигают особой густоты. Все выделенные им слова относятся к авторской оценке того состояния, к которому приводит безудержное азартное влечение. Писатель подчеркивает прямые определения, фиксирующие эмоционально-психологическое напряжение: «cuisans» (жгучие сожаления) и «prurit» (зуд нетерпения), выделяет выразительное сравнение игрока с «pâmé» (томящийся любовник) и уподобление его внутренних страданий физической боли: «martingale» (кнут удваиваемых ставок).

Последняя помета Тургенева содержится в ряду контрастных сопоставлений, раскрывающих глубину разрыва между алчным желанием (требованием) и низменной реальностью. Писатель выделяет слово «grabat» (убогая постель), противопоставленное у Бальзака «мягким тканям Востока» [18. Т. 3. С. 8]. Завершается этот ряд характерным для французского автора драматичным замечанием о том, что на земле «ничто не осуществляется полностью, кроме несчастья» [Там же]. Именно на этом риторическом момен-

те Тургенев перестает сопровождать свое чтение замечаниями в тексте. Интересно, что прерывает он их непосредственно перед галереей лиц, собравшихся в игорной зале.

Однако формальное проявление признаков тургеневской работы с романом Бальзака не исчерпывается только пометами карандашом. Экземпляр «Шагреневой кожи» из библиотеки писателя содержит еще одно красноречивое свидетельство неравнодушного чтения. В книге недостает двух страниц (или одного листа) – между стр. 286 и 289 остались лишь следы неаккуратного отрыва в виде продольной полосы обрывков в переплете. Неслучайность их отсутствия подтверждается их же содержанием. Во-первых, эти страницы заключают в себе сцену встречи Рафаэля и Полины в Итальянском театре – сцену значительную для всего последующего повествования и развития драмы главного героя. Во-вторых, в текстовое пространство также входит графическое изображение – портрет Полины, соответствующий тому описанию, что приводит Бальзак.

Если «автором» вырванных страниц был именно Тургенев, то это может говорить не только о его интересе к образам и сюжетной структуре «Шагреневой кожи», но и о понимании им той связи между текстом и изображением, которую предполагал Бальзак, когда принимался за реализацию иллюстрированного издания. По задумке французского писателя, гравюра (с размытыми контурами, без четких границ) должна была так же входить в структуру романа, как это было в случае со змеистой линией – цитатой из «Тристрама Шенди» Л. Стерна, выполняющей роль эпиграфа, и левантской надписью на талисмане.

Чтение «Шагреневой кожи», открывающей период «художественной зрелости» [31. С. 248] ее автора, таким образом, оказывается одним из фрагментов того этапа, когда молодой Тургенев, еще четко не определивший для себя литературное поприще в качестве основного, находился в активном поиске «собственной манеры изображения жизни» [30. С. 62]. Знакомство с Бальзаком было опытом погружения в совершенно особую стихию письма, связанную с развернутой детализацией и экспрессивностью описания, приемами объемного контраста и сравнения.

Тургенев, окунувшийся в немецкую культуру, также не мог не отметить для себя и значительность произведенного Бальзаком художественного соотнесения главного героя «Шагреневой кожи» с Фаустом Гёте, чье творчество в это же время находилось в центре его внимания.

И.Ю. Виницкий находит в поздних письмах Тургенева отклик на одну метафору, употребленную Бальзаком в романе. Исследователь видит прямую связь между тем, как тяжелобольной писатель в посланиях к разным адресатам сравнивает свое недвижное положение, обусловленное физической болью, с «устрицей, приросшей к скале», и сходным же определением из «Шагреневой кожи»: «устрица этой скалы» (huîtres de ce rocher) [32. С. 271]. В обоих случаях ключевым смыслом употребленной метафоры является предельная неподвижность в преддверии смерти, однако оттенки значения существенно разнятся: у Тургенева акцент сделан на мучительную скованность («…ни стоять, ни ходить, ни ездить в экипаже не могу, не возбуждая самых неприятных болей в груди, плечах и т.д.» [33. С. 15]), а у Бальзака – спокойствие и уединение («Валантен сразу же решил поселиться со стариком и ребенком, дышать тем же воздухом, есть тот же хлеб, спать тем же сном, наполнить свои жилы такою же кровью…» [18. Т. 13. С. 237]). Важно также и то, что «Шагреневая кожа» – это не единственный роман, где автор пользуется «устричной» метафорой. Подобные сравнения звучат, например, в «Отце Горио», «Гобсеке» и «Лилии долины», хотя эти случаи лишены мортальной семантики. Вероятно, здесь можно говорить лишь о типологическом схождении в использовании довольно распространенного сравнения, которое, безусловно, не может быть объяснением резкости высказываний Тургенева по отношению к Бальзаку, на чем настаивает И.Ю. Виницкий [32. С. 271].

Помимо «Шагреневой кожи» в библиотеке Тургенева сохранились еще два разных издания произведений Бальзака. Первое из них – это роман «Жизнь холостяка», включенный в состав читательского конволюта наряду с тремя повестями А. Дюма из сборника «Тысяча и один призрак» («Завещание господина де Шовелена», «Обед у Россини» и «Джентльмены Сьерры-Морены»), «Сцен ньюйоркской жизни» С. Робинсона (в переводе Э. Лабедолльера) и «Хромого беса» А. Лесажа (из серии «Иллюстрированный роман»). Конволют выполнен в твердом переплете, на корешок которого нанесены инициалы Тургенева: «I.T.».

Роман «Жизнь холостяка» извлечен из четвертого тома серии «Иллюстрированные произведения Бальзака» (Oeuvres illustrées de Balzac), которая выходила во Франции в 1851–1853 гг. в десяти томах. Хотя помет на книге нет, она, безусловно, была полностью прочитана писателем, и этот факт позволяет установить еще одну достоверную точку в хронологии его изучения бальзаковского творчества. Вероятно, Тургенев, находясь во второй половине 1850-х гг. в Париже, приобрел несколько сочинений французского автора, в числе которых была и «Жизнь холостяка». С романом, очевидно, он ознакомился в это же время, и здесь оказывается очень знаменательным пересечение момента чтения с резко критической характеристикой Бальзака в уже упомянутом письме к С.Т. Аксакову (от 8 января 1858 г.). Несмотря на свою жесткую оценочную позицию, Тургенев выделяет конкретное произведение и включает его в состав конволюта, что само по себе уже более чем примечательно.

Закономерно также упоминание в этот период имени французского писателя и в романе «Дворянское гнездо» (1859). Тургенев называет его в ряду литературных предпочтений Варвары Павловны: «Бальзака она уважала, хоть он ее утомлял» [3. Т. 6. С. 132]. При этом, примыкая к именам Э. Сю, А. Дюма и П. Феваля (а «в душе она им всем предпочитала Поль де Кока» [Там же]), популярным в 1840-е гг., Бальзак, однако, отделен от них. То есть, хотя и едва уловимо, индивидуальность этого писателя все же

отмечена автором даже в непритязательном вкусе его героини.

Помещенный в конволют роман «Жизнь холостяка» (Un ménage de garçon), относимый автором к Сценам провинциальной жизни, рассказывает трагическую историю одной семьи, чьи злоключения тесно связаны с падением Наполеона и Реставрацией Бурбонов. То есть драма личного, семейного существования встраивается в драму национального масштаба. Это произведение, созданное Бальзаком в начале 1840-х гг., дает представление об эволюции творческого метода автора. Не только увеличивается объем романа, но усложняется образ главного героя, бóльшее внимание обращено на психологию человеческой личности. В центр романного действия Бальзак ставит личность офицера наполеоновской армии, показывая в социальной динамике (от возвышения до падения) ее нравственную деградацию.

Тургенев не мог не отметить в «Жизни холостяка» это изменение авторской манеры по сравнению с произведениями Бальзака самого начала оформления замысла «Человеческой комедии». Роман обретает большую эпическую полноту. Причем вместе с увеличением количества персонажей, микросюжетов одновременно происходит и накопление драматических точек. «Страстная» природа человека здесь разрабатывается в многоаспектном виде, хотя автор попрежнему остается верен своей теории типизации.

Рассказанная в романе Бальзака история опустившегося офицера тематически была близка Тургеневу. Так, во второй половине 1840-х гг. он работал над повестью «Петушков», в которой показана картина безрассудного униженного волокитства поручика за молодой булочницей. Интересно, что чтение «Жизни холостяка» по времени близко стоит с теми изменениями, что писатель внес в свою повесть. Это были подготовка к изданию 1856 г. и прибавление целой сцены (глава VIII) в начале 1860-х гг. [34. С. 582].

Последнее сохранившееся издание Бальзака в библиотеке Тургенева, бывшее предметом чтения русского писателя, – это 23-й том из его Собрания сочинений (Сцены парижской жизни), которое выходило в 1856–1859 гг. В него включены повести «Банкирский дом Нусингена», «Тайны княгини де Кадиньян», «Сарразин», «Фачино Кане» и роман «Чиновники». Это парижское издание изначально имело мягкое оформление, а позднейшее переплетение в твердую основу, вероятно, было сделано по просьбе самого Тургенева. На обе крышки нового книжного блока наклеены начальные бумажные обложки.

Большинство перечисленных произведений написано и опубликовано Бальзаком в конце 1830-х гг. («Сарразин» в 1830-м г.). В своей совокупности они наглядно иллюстрируют идею «Человеческой комедии» с повторяющимися персонажами и многообразием типов (особенно характерен в этом плане роман «Чиновники», дающий «многочисленные типы парижских чиновников в коротеньких и бойких сценах» [35. С. 52]). Через это издание Тургенев также получил возможность услышать историю «возникновения писательских замыслов» [Там же. С. 153–154] из уст самого автора: вступление к повести «Фачино Кане» содержит своеобразное авторское объяснение цели и способа «наблюдать жителей предместья, их нравы и характеры» [18. Т. 7. С. 340]. То есть к началу 1860-х гг., спустя десять лет после смерти французского романиста, Тургенев имел уже более чем определенное представление об эстетике его творчества и системе большого художественного замысла.

III

Знакомство с творчеством Бальзака и его начальное изучение происходило для Тургенева вблизи двух знаковых фигур – Н.В. Станкевича и В.Г. Белинского. Во время учебы в Берлинском университете и путешествия по Италии общение со Станкевичем, по всей видимости, включало в себя и разговоры о современной французской литературе, эстетике нового направления. Сам русский поэт и мыслитель оценивал Бальзака не очень высоко: «привык его считать не выше, как образованным, не без чувства, человеком, но без искренности, без глубины» [36. С. 276].

В письмах к Я.М. Неверову начала и середины 1830-х гг. Станкевич упоминает о чтении «Сцен парижской жизни», «Сельского врача», «Маран», «Евгении Гранде», «Истории тринадцати» и «Шагреневой кожи». В последнем романе Станкевич обратил внимание на «превосходно развитый» характер Феодоры [Там же. С. 277–278], а также на сочетание фантастического и обыкновенного – хотя в этом искусстве синтеза он отказывает Бальзаку, предпочитая ему Гофмана, у которого сверхъестественное имеет более полное основание [Там же. С. 583]. В то же время видно, что по мере знакомства с творчеством романиста отношение к нему несколько меняется, включая в себя и положительную оценку: прочитав «два эпизода из “Histoire des Treize”», Станкевич советует и Неверову прочесть второй из них, особенно ему понравившийся [Там же. С. 307].

Позиция Белинского по отношению к творчеству Бальзака также отличалась противоречивостью. От 1834 до 1847 г. критик прошел путь сначала восторженного признания («О, какое непостижимое искусство обрисовывать характеры со всеми оттенками их индивидуальности!»; «его картины бедности и нищеты леденят душу своею ужасающею верностию» [37. Т. 1. С. 84, 279]), а затем ироничного неодобрения. Встраивая в своих первых статьях имя Бальзака в ряд признанных гениев мировой словесности – Шекспира, Гёте, Байрона, Аристофана и др., он далее язвительно называет его «Гомером Сен-Жерменского предместья, знакомого ему только с улицы» [Там же. Т. 6. С. 521][8].

Однако даже отрицательная оценка неоднородна по своей структуре. Белинский в разное время выступает с критикой разных сторон бальзаковского творчества, не делая цельных и обстоятельных заключений. В течение более чем десятилетнего периода он подвергает осуждению личный аристократизм французского автора, фантастический элемент в его повестях, изображение торжества низменной страсти, «нападки на жизнь, особенно на бедность» [Там же. Т. 3. С. 72], склонность «рассуждать там, где надо рассказывать» [Там же. Т. 4. С. 116], недостаток правды, «временные и относительные» красоты» [Там же.

Т. 8. С. 168], нагромождение лиц и деталей быта. Столь же неравномерно Белинский оперирует именем Бальзака в своих рассуждениях. Он то причисляет его к школе «неистовых авторов», под знаком которой тогда рассматривалась «почти вся современная французская литература» [39. С. 163], то противопоставляет им или невыгодно сравнивает с П. де Коком, а также с Ж. Санд.

Противоречивость и многоаспектность критики, не лишенной объективности, объясняются не только стремлением объять всю современную литературу Франции, но и необходимостью противопоставить ей особенности развития российской словесности [40. С. 81]. Не случайно Бальзак становится для Белинского маркером подражательных тенденций (таких авторов он называет «бальзачниками») – например, в случае с А.А. Бестужевым-Марлинским и В.М. Строевым. Особенной резкости критика в отношении французского романиста достигает после 1841 г., что довольно характерно на фоне общего сложного процесса эволюции эстетических воззрений Белинского, изменения его этико-философского взгляда на роль и место человеческой личности в обществе и мире.

Развивая свою изначально положительную оценку в сторону отрицательного, Белинский, однако, постоянно отдает должное авторской индивидуальности Бальзака, его «замечательному таланту». «Шёл своею дорогою» [37. Т. 6. С. 61] и исходил из «более или менее искренних личных убеждений» [Там же. Т. 10. С. 109] – эти утверждения он повторяет вплоть до последних своих статей.

Знакомство (февраль 1843 г.) и тесное общение Тургенева с Белинским пришлись именно на период резкого отказа критика от того, чтобы считать Бальзака подлинным живописателем современной действительности. Вероятно, происходившая у писателя вблизи Белинского «переоценка ценностей» не могла не затронуть и восприятие творчества французского романиста. Примечательно, что этот период был отмечен присутствием самого Бальзак в Петербурге, который пробыл здесь с конца июля по начало октября 1843 г. Он расположился в самом центре города, заняв меблированные комнаты в доме купца Титова на Миллионной улице [41. С. 200]. Тургенев в это время вместе с братом снимал квартиру также в центральной части Петербурга – на Стремянной улице [42. С. 59]. О том, что французский романист прибыл в столицу (факт, освещаемый также в местной прессе [41. С. 208–211]) и находится даже в непосредственной близости от него, Тургенев не мог не знать.

В конце 1840-х гг., когда была организована новая редакция «Современника», в начальных номерах этого журнала выходили первые рассказы из «Записок охотника». Вместе с художественными произведениями Тургенев публиковал здесь и критические статьи. Некоторые из них, не без основания приписываемые писателю, содержат негативные отзывы о Бальзаке.

Речь идет о трех фельетонах из «Современных заметок» (II–IV книжки «Современника» за 1847 г.), которые были атрибутированы М.К. Азадовским как принадлежащие именно Тургеневу [43]. Приводимые ученым аргументы достаточно убедительны и до сих пор не были подвергнуты какому-либо серьезному опровержению [44]. Выделенные Азадовским тексты вводят «немало данных, которые так или иначе отзовутся потом в творчестве писателя» [45. С. 121]. Изначальная критика Бальзака, выведенная на страницах нового журнала, действительно отзывается очень значительно как в произведениях, так и в письмах Тургенева. Он называет его здесь «знаменитым французским романистом», который «страшно исписался» [46. С. 294] и следит за вероятным назначением Бальзака в «академические кресла» [Там же. С. 240, 294]. Из «Современных заметок» становится ясно и то, что русскому писателю в 1847 г. был известен роман «Отец Горио» [Там же. С. 260].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Перевод наш. – *И.В., Э.Ж.*

[2] В 1940-м г. Л.В. Пумпянский, словно в противовес этому заключению, писал: Тургенев «ни разу в своём развитии не встретился с темами и проблемами Бальзака» [12. С. 93].

[3] Впервые очерк о Тургеневе был опубликован в журнале «Pall Mall Magazine» в 1904 г. (Vol. 32. April. P. 481–486). В том же году выдержки из него были напечатаны на русском языке, см.: [13. С. 651–653].

[4] Чрезвычайно интересно замечание Б.М. Эйхенбаума: «В редакции 1858 г. “Казаки” приобретают характер культурно-исторического романа тургеневского типа, с героем, который находится в явном идейном родстве с Рудиным» [21. С. 857].

[5] Ср. высказывание о современной литературе в письме к П. Виардо от 8 декабря 1847 г.: «болтовня эгоизма, изучающего самого себя и восхищающегося самим собою» [1. Т. 1. С. 373].

[6] См. также другое высказывание Ж. Санд в подобном ключе: «Говорили, что в душе у Бальзака не было идеалов, и что в его оценках сказался деспотизм его ума. Это неверно. У Бальзака не было какого-то определённого идеала, он не был сторонником той или иной социальной системы, той или иной философской истины. Но у него была эта потребность поэта, ищущего свой идеал во всём, к чему он прикасается» [23. С. 667].

[7] О Тургеневе – читателе Шекспира см.: [29. С. 33–40].

[8] Интересен фрагмент в «Воспоминаниях» Д.В. Григоровича: «Увлечение Бальзаком было причиной, что Белинский, к которому в первый раз повел меня Некрасов, сделал на меня впечатление обратное тому, какое я ожидал. Настроенный Некрасовым, я ждал, как счастья, видеть Белинского; я переступал его порог робко, с волнением, заблаговременно обдумывая выражения, с какими я выскажу ему мою любовь к знаменитому французскому писателю. Но едва я успел коснуться, что сожитель мой, – имя которого никому не было тогда известно, – перевел “Евгению Гранде”, Белинский разразился против общего нашего кумира жесточайшею бранью, назвал его мещанским писателем, сказал, что если бы только попала ему в руки эта “Евгения Гранде”, он на каждой странице доказал бы всю пошлость этого сочинения» [38. С. 81].

ЛИТЕРАТУРА

1. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Письма: в 18 т. М. : Наука, 1981 (издание продолжается).
2. Пушкин А.С. Скупой рыцарь // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений и писем: в 16 т. М. ; Л. : АН СССР, 1948. Т. 7. С. 99–120.

3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Сочинения: в 12 т. М. : Наука, 1978–1986.
4. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ) Ф. 795. Ед. хр. 9. Л. 1–7 об.
5. Fielding H. The History of Tom Jones, a foundling. In 2 vol. Paris, 1831. Vol. 1. 552 p. // Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева (далее – ОГЛМТ). Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1854.
6. Dickens Ch. Oliver Twist; or, the parish boy's progress. Paris, 1839. 712 p. // ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1924.
7. Bourget P. Ivan Tourgueniev // Bourget P. Nouveaux essais de psychologie contemporaine. Paris, 1886. P. 199–250.
8. Вейнберг П.И. И.С. Тургенев // Изящная литература. 1883. № 8. С. 1–2.
9. Первое собрание писем И.С. Тургенева. 1840–1883 гг. СПб., 1884. VIII. 564 с.
10. Vogue E.-M. de Ivan Serguiévitch Tourguénef // Revue des Deux Mondes. 1883. T. LIX (oct.). P. 786–820.
11. Боборыкин П.Д. Эволюция русского романа // Под знаменем науки. Юбилейный сборник в честь Н.И. Стороженко. М., 1902. С. 1–19.
12. Пумпянский Л.В. Тургенев и Запад // И.С. Тургенев. Материалы и исследования. Орёл, 1940. С. 90–108.
13. Тимирязев В.А. Тургенев и Бальзак в оценке Джорджа Мура // Исторический вестник. 1904. Т. XCVI (май). С. 651–653.
14. Moore G. Avowals. London, 1919. 310 p.
15. Гутман Д.С. Тургенев и европейский реализм середины XIX века // Филологические науки. 1968. № 5. С. 42–54.
16. Ладария М.Г. Тургенев и Бальзак (К проблеме становления тургеневской концепции европейской литературы) // Труды Абхазского государственного университета. Тбилиси, 1983. Т. 1. С. 211–224.
17. Затонский Д.В. Европейский реализм XIX в. Лики и линии. Киев : Наукова думка, 1984. 282 с.
18. Бальзак О. Собрание сочинений: в 15 т. М. : ГИХЛ, 1951–1955.
19. Гонкур Э. и Ж. де Дневник. Записки о литературной жизни: в 2 т. М. : Худож. лит., 1964. Т. 2. 767 с.
20. Жилякова Э.М. Кавказский сюжет Л.Н. Толстого // Имагология и компаративистика. 2017. № 2 (8). С. 124–141.
21. Эйхенбаум Б.М. Главы из незавершённой монографии о Толстом // Эйхенбаум Б.М. Работы о Льве Толстом: исследования : статьи. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 751–883.
22. Реизов Б.Г. Творчество Бальзака. Л. : ГИХЛ, 1939. 412 с.
23. Санд Ж. Оноре де Бальзак // Собрание сочиней: в 9 т. Л. : Худож. лит., 1974. Т. 8. С. 664–676.
24. Иванова Н.Ю., Мишина Л.А. Поэзия идеала в романах Бальзака («Шагреневая кожа» и «Отец Горио») // На рубеже веков: итоги и перспективы : материалы XXXIV науч. студен. конф. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. С. 48–49.
25. Кастиль И. Современные романисты. Бальзак // Библиотека для чтения. 1846. Т. 79. Отд. VII. С. 13–21.
26. Bernard Ch. de La femme de quarante ans. Bruxelles, 1837. 248 p. // ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 3858.
27. Balzac O. de La peau de chagrin. Etudes sociales. Paris, 1838. 403 p. // ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 2004.
28. Correspondance de H. de Balzac: en 2 vol. Paris, 1876. Vol. 1. 477 p.
29. Волков И.О. «Со страхом… и верою приступите…»: И.С. Тургенев – читатель Шекспира (по материалам родовой библиотеки писателя) // Филологический класс. 2018. № 3 (53). С. 33–40.
30. Балыкова Л.А. Мемориальная библиотека И.С. Тургенева как источник для изучения биографии и творчества писателя : дис. … канд. филол. наук. СПб., 2003. 142 с.
31. Гриб В.Р. Бальзак о судьбе личности в буржуазном обществе // Гриб В.Р. Избранные работы. М. : ГИХЛ, 1956. С. 248–259.
32. Виницкий И.Ю. Нечто о привидениях. М. : Изд-во Моск. культурол. лицея, 1998. 319 с.
33. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. М. : Наука, 1968. Т. 13. Кн. 2. 540 с.
34. Дубовиков А.Н., Дунаева Е.Н. Комментарий <к повести И.С. Тургенева «Петушков»> // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Соч.: в 12 т. М. : Наука, 1980. Т. 4. С. 579–585.
35. Грифцов Б.А. Как работал Бальзак. М. : ГИХЛ, 1958. 300 с.
36. Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / ред. и изд. А.А. Станкевича. М., 1914. 785 с.
37. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М. : АН СССР, 1953–1858.
38. Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М. : Худож. лит., 1987. 333 с.
39. Реизов Б.Г. «Отец Горио» и «Библиотека для чтения» // Реизов Б.Г. Бальзак : сб. ст. Л. : ЛГУ, 1960. С. 163–172.
40. Резник Р.А. Белинский о Бальзаке // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1953. Т. XXXIII (вып. филол.). С. 78–108.
41. Гроссман Л.П. Бальзак в России // Литературное наследство. М. : Жур.-газ. объединение, 1937. Т. 31–32. С. 149–372.
42. Бялый Г.А., Муратов А.Б. Тургенев в Петербурге. Л. : Лениздат, 1970. 375 с.
43. Азадовский М.К. Затерянные фельетоны Тургенева. Иркутск : Власть труда, 1927. 28 с.
44. Генералова Н.П. Кто был автором «Современных заметок»? // Русская литература. 1999. № 1. С. 228–248.
45. Генералова Н.П. И.С. Тургенев: Россия и Европа (Из истории русско-европейских общественных и литературных отношений). СПб., 2003. 583 с.
46. Тургенев И.С. Современные заметки // Фельетоны сороковых годов / под ред. Ю.Г. Оксмана. М. ; Л. : Academia, 1930. С. 215–302.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 сентября 2019 г.

I.S. Turgenev and H. de Balzac: On the Way to Shakespeare (On the Materials of the Writer's Family Library). Article One

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 18–27.
DOI: 10.17223/15617793/447/3

Ivan O. Volkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com
Emma M. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: emmaluk@yandex.ru

Keywords: I.S. Turgenev; H. de Balzac; W. Shakespeare; Turgenev's family library.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00219, "I.S. Turgenev and the Issues of West European Literature (On the Materials of the Writer's Library)".

The article dwells on the issue of the artistic interaction of I.S. Turgenev and H. de Balzac. For them, from the aesthetic point of view, W. Shakespeare's heritage, which became an important crossing point, finds traces in the structure of the authors' artistic dialogue. For the first time, the question of Turgenev's personal attitude to the literary works of the French Romanticist Balzac is studied on the materials of the writer's personal (family) library. Over his lifetime, Turgenev repeatedly expressed a negative attitude to Balzac's artistic method yet admitting his "great talent". Turgenev's statements gave an important reason to draw parallels between the two aesthetics, which resulted in the development of typological and contact connections on different grounds. Characterizing Balzac's literary works, Turgenev correctly identified their peculiarity: the supreme generality of literary descriptions, with the help of which an image developed into a type. Turgenev strongly denied this confinement of a vivid image of the reality to the frame of a typical depiction. Besides, the Russian writer was against Balzac's idea of exploring the depth of the human vicious

nature, of opposing moral vice to the lofty ideal on the same basis. In other words, according to Turgenev, Balzac, reflecting on the ordinary material, does not proceed to overall poetization. For a long time, Turgenev captivatingly read Balzac's works making notes on the pages of *The Skin of Sorrow*, which contributed to Turgenev's "Balzac collection" (the readers' volume of independents, rebinding). Turgenev deeply studied the aesthetics and poetics of *The Human Comedy*, paying special attention to the author's stylistics, methods of characterology and principles of image construction. Turgenev's reception of Balzac's literary art fits into the significant context of the Russian critical reflection represented by N.V. Stankevich and V.G. Belinsky. Turgenev's satirical essays of the 1840s add to his evaluation of the French writer. Three satirical articles from *Sovremennye Zametki* (1847) attributed to Turgenev confirm his initial antagonism towards Balzac. They also show that Turgenev knew Balzac's novel *Old Goriot*, which at the time became the object of artistic reflection through the lens of Shakespearean art.

REFERENCES

1. Turgenev, I.S. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. Pis'ma: v 18 t*. [Complete works: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Moscow: Nauka.
2. Pushkin, A.S. (1948) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 16 t.* [Complete works and letters: in 16 vols]. Vol. 7. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 99–120.
3. Turgenev, I.S. (1978–1986) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [Complete works: in 30 vols. Works: in 12 vols]. Moscow: Nauka.
4. Manuscript Department of the Russian National Library (OR RNB) Fund 795. Item. 9. Pages 1–7 rev. (In Russian).
5. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325. Fielding, H. (1854) *The History of Tom Jones, a foundling*. In 2 vol. Paris, 1831. Vol. 1. 552 p.
6. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325. Dickens, Ch. (1924) *Oliver Twist; or, the parish boy's progress*. Paris, 1839. 712 p.
7. Bourget, P. (1886) *Nouveaux essais de psychologie contemporaine*. Paris: Lemerre. pp. 199–250.
8. Veynberg, P.I. (1883) I.S. Turgenev. *Izyashchnaya literatura*. 8. pp. 1–2. (In Russian).
9. Turgenev, I.S. (1884) *Pervoe sobranie pisem I.S. Turgeneva. 1840–1883 gg.* [The first collection of I.S. Turgenev's letters. 1840–1883]. St. Petersburg: Izdanie Obshchestva dlya posobiya nuzhdayushchimsya literatoram i uchenym.
10. Vogue, E.-M. de. (1883) Ivan Serguiévitch Tourguénef. *Revue des Deux Mondes.* LIX (Oct.). pp. 786–820.
11. Boborykin, P.D. (1902) Evolyutsiya russkogo romana [The evolution of the Russian novel]. In: *Pod znamenem nauki. Yubileynyy sbornik v chest' N.I. Storozhenko* [Under the banner of science. Anniversary collection in honor of N.I. Storozhenko]. Moscow: Tipolitogr. A. V. Vasil'eva i K°. pp. 1–19.
12. Pumpyanskiy, L.V. (1940) Turgenev i Zapad [Turgenev and the West]. In: Brodskiy, N.L. (ed.) *I.S. Turgenev. Materialy i issledovaniya* [I.S. Turgenev. Materials and research]. Orel: Izdatel'stvo Orlovskogo oblastnogo soveta deputatov trudyashchikhsya. pp. 90–108.
13. Timiryazev, V.A.(1904) Turgenev i Bal'zak v otsenke Dzhordzha Mura [Turgenev and Balzac in the assessment by George Moore]. *Istoricheskiy vestnik.* XCVI (May). pp. 651–653.
14. Moore, G. (1919) *Avowals.* London: Privately Printed.
15. Gutman, D.S. (1968) Turgenev i evropeyskiy realizm serediny XIX veka [Turgenev and European Realism of the mid-19th century]. *Filologicheskie nauki.* 5. pp. 42–54.
16. Ladariya, M.G. (1983) Turgenev i Bal'zak (K probleme stanovleniya turgenevskoy kontseptsii evropeyskoy literatury) [Turgenev and Balzac (On the problem of the formation of Turgenev's concept of European literature)]. *Trudy Abkhazskogo gosudarstvennogo universiteta.* 1. pp. 211–224.
17. Zatonskiy, D.V. (1984) *Evropeyskiy realizm XIX v. Liki i linii* [European realism of the 19th century. Faces and lines]. Kiev: Naukova dumka.
18. Balzac, H. de. (1951–1955) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols]. Moscow: GIKhL.
19. Goncourt, E. de & Goncourt, J. de. (1964) *Dnevnik: Zapiski o literaturnoy zhizni: v 2 t.* [The Goncourt Journal: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozh. lit.
20. Zhilyakova, E.M. (2017) The Caucasian plot of Leo Tolstoy. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 2 (8). pp. 124–141. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/8/7
21. Eykhenbaum, B.M. (2009) *Raboty o L've Tolstom: issledovaniya: stat'i* [Works about Leo Tolstoy: research: articles]. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University. pp. 751–883.
22. Reizov, B.G. (1939) *Tvorchestvo Bal'zaka* [Balzac's writings]. Leningrad: GIKhL.
23. Sand, G. (1974) *Sobranie sochiney: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols]. Translated form French. Vol. 8. Leningrad: Khudozh. lit. pp. 664–676.
24. Ivanova, N.Yu. & Mishina, L.A. (2000) [Poetry of the ideal in Balzac's novels ("The Skin of Sorrow" and "Old Goriot")]. *Na rubezhe vekov: itogi i perspektivy* [At the Turn of the Century: Results and Prospects]. Proceedings of the XXXIV Student Conference. Cheboksary: Chuvash State University. pp. 48–49. (In Russian).
25. Kastil', I. (1846) Sovremennye romanisty. Bal'zak [Contemporary novelists. Balzac]. *Biblioteka dlya chteniya*. 79 (VII). pp. 13–21.
26. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325 / 3858. Bernard, Ch. de. (1837) *La femme de quarante ans*. Bruxelles, 248 p.
27. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325 / 2004. Balzac, H. de (2004) *La peau de chagrin. Etudes sociales*. Paris, 1838. 403 p.
28. Balzac, H. de. (1876) *Correspondance de H. de Balzac: en 2 vol.* Vol. 1. Paris: Calmann-Lévy.
29. Volkov, I.O. (2018) "With Fear . . . and by Faith Begin . . .": I.S. Turgenev Is Shakespeare Reader (On the Material of Turgenev's Family Library). *Filologicheskiy klass*. 3 (53). pp. 33–40. (In Russian).
30. Balykova, L.A. (2003) *Memorial'naya biblioteka I.S. Turgeneva kak istochnik dlya izucheniya biografii i tvorchestva pisatelya* [I.S. Turgenev's Memorial Library as a source for studying the biography and work of the writer]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
31. Grib, V.R. (1956) *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: GIKhL. pp. 248–259.
32. Vinitskiy, I.Yu. (1998) *Nechto o prividenyakh* [Something about ghosts]. Moscow: Izd-vo Mosk. kul'turol. litseya.
33. Turgenev, I.S. (1968) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 28 t.* [Complete works and letters: in 28 vols]. Vol. 13. Book 2. Moscow: Nauka.
34. Dubovikov, A.N. & Dunaeva, E.N. (1980) Kommentariy <k povesti I.S. Turgeneva "Petushkov"> [Commentary <to I.S. Turgenev's story "Petushkov">]. In: Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols]. Vol. 4. Moscow: Nauka. pp. 579–585.
35. Griftsov, B.A. (1958) *Kak rabotal Bal'zak* [How Balzac worked]. Moscow: GIKhL.
36. Stankevich, A.A. (ed.) (1914) *Perepiska Nikolaya Vladimirovicha Stankevicha. 1830–1840* [Correspondence of Nikolay Stankevich. 1830–1840]. Moscow: Tovarishchestvo tipografiy A.I. Mamontova.
37. Belinskiy, V.G. (1953–1958) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols]. Moscow: USSR AS.
38. Grigorovich, D.V. (1987) *Literaturnye vospominaniya* [Literary memories]. Moscow: Khudozh. lit.
39. Reizov, B.G. (1960) *Bal'zak: sb. st.* [Balzac: Articles]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 163–172.
40. Reznik, R.A. (1953) Belinskiy o Bal'zake [Belinsky about Balzac]. *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta.* XXXIII. pp. 78–108.

41. Grossman, L.P. (1937) Bal'zak v Rossii [Balzac in Russia]. In: Makashin, S.A. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vols 31–32 Moscow: Zhur.-gaz. ob"edinenie. pp. 149–372.
42. Byalyy, G.A. & Muratov, A.B. (1970) *Turgenev v Peterburge* [Turgenev in Petersburg]. Leningrad: Lenizdat.
43. Azadovskiy, M.K. (1927) *Zateryannye fel'etony Turgeneva* [Lost feuilletons by Turgenev]. Irkutsk: Vlast' truda.
44. Generalova, N.P. (1999) Kto byl avtorom "Sovremennykh zametok"? [Who was the author of " Contemporary Notes"?]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 228–248.
45. Generalova, N.P. (2003) *I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy)* [I.S. Turgenev: Russia and Europe (From the History of Russian-European Public and Literary Relations)]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
46. Turgenev, I.S. (1930) Sovremennye zametki [Contemporary Notes]. In: Oksman, Yu.G. (ed.) *Fel'etony sorokovykh godov* [Feuilletons of the forties]. Moscow; Leningrad: Academia. pp. 215–302.

Received: 15 September 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 28–37. DOI: 10.17223/15617793/447/4

УДК 821.161.1

В.С. Киселев, Ю.Е. Пушкарева

НЕМЕЦКИЕ ИСТОЧНИКИ ИТАЛЬЯНСКОГО ТЕКСТА В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЮБОМУДРОВ: В.-Г. ВАКЕНРОДЕР И В.Ф. ОДОЕВСКИЙ

Статья посвящена проблеме влияния эстетических этюдов В.-Г. Вакенродера на осмысление В.Ф. Одоевским итальянского искусства и культуры. Материалом анализа являются как статьи последнего, так и его художественная проза («Виченцио и Цецилия», «Русские ночи» и др.). Показано, как мотивы и образы Вакенродера преобразуются в поэтике Одоевского, сохраняя реминисцентную связь с первоисточником. Делается вывод о посреднической роли немецкого романтика для формирования «итальянского текста» любомудров.

Ключевые слова: русский романтизм; немецкий романтизм; итальянский текст; любомудры.

Проблему диалога культур в творческом наследии любомудров, как и более узкий ее аспект – итальянский текст, целесообразно рассматривать, опираясь на процессы рецепции и переосмысления. И в философии, и в художественной словесности любомудры ориентировались на западноевропейскую традицию (дискуссии о субъективном идеализме Шеллинга, переводы из Гёте у Веневитинова и из Тассо у Шевырёва, статьи Киреевского о европейской литературе, аллюзии к произведениям Шекспира, Гёте и Руссо в повестях Павлова и Погодина), подвергаемую, тем не менее, активной трансформации. Так, в романе «Русские ночи» Одоевский использует нарративную модель «Серапионовых братьев» Гофмана, но вкладывает в текст иное личное и национальное содержание. Поэзию Веневитинова и раннюю лирику Шевырёва характеризуют романтическое двоемирие, идеализация исторического прошлого, рефлектирующий лирический герой, лейтмотивы страданий, одиночества и смерти; однако у обоих авторов этот смысловой комплекс обретает индивидуальные акценты (автопсихологический сюжет безответной любви у Веневитинова, славянофильские мотивы Шевырёва). Отход Шевырёва, Киреевского и Погодина от идеи европейского культурного диалога и их приверженность к славянофильству в поздние годы также указывает на то, что рецепция любомудров имела активный, преобразующий характер.

Это, на наш взгляд, можно сказать о рецепции эстетических этюдов Вильгельма Генриха Вакенродера, рано умершего немецкого романтика, в прозе В.Ф. Одоевского. Данная проблема изучена мало: исследователи (М.А. Турьян, П.Н. Сакулин, М.И. Медовой) указывают на факт рецепции, но не обращаются к детальному анализу на уровнях поэтики и идейного содержания произведений. Однако именно при анализе становится очевидной связь двух авторов: концепция творца и искусства, живописный и музыкальный коды в творчестве Одоевского начиная с 1830-х гг. сложились при явном влиянии Вакенродера. Кроме того, часто именно он играет роль «автора-посредника» при формировании итальянского текста Одоевского, для которого, как и для всех любомудров, большей значимостью обладала культура Германии (итальянский текст на уровне тем, образов, мотивов чаще является имплицитным). Посредничество, однако, вписано в рецепцию эстетической системы Вакенродера как более широкого явления – на уровне идей (романтическое двоемирие, образ художника, осмысление искусства) и поэтики («гениальные безумцы» Одоевского и художники из этюдов Вакенродера; сюжетная реализация антитезы «высшего» духовного бытия и прозаической жизни; параллельные фабульные ситуации и персонажи в повестях о немецких композиторах XVIII в. – о вымышленном Иозефе Берглингере у Вакенродера и о реальном Себастьяне Бахе у Одоевского). Соответственно, на наш взгляд, необходимы анализ этой рецепции и вычленение ее специфики, что позволит особо рассмотреть и специфику итальянского текста, воспринятого через посредничество немецкого автора.

Вакенродер состоял в кружке молодых литераторов, философов и ученых, который сложился вокруг братьев Шлегелей; помимо него, их дом посещали Тик, Шеллинг, молодой Гёте [1. С. 10]. Этот кружок и изданный им в 1797 г. первый номер журнала «Атеней» стали знаками рождения нового философско-эстетического и литературного направления – романтизма. Последователи Шлегелей отвергали представления о личности, науке и искусстве, присущие классицизму и эпохе Просвещения. Их «субъективистский антропоцентризм» позже стал центром философской «системы тождества» Шеллинга, которая во многом определила мировоззрение любомудров. Как отмечает А.С. Дмитриев, «для йенских романтиков познание мира – это прежде всего самопознание. Тайны универсума сокрыты в глубинах духовного мира отдельной личности» [Там же. С. 14]. Подобное «познание-самопознание» мыслилось романтиками неразрывным с преображающей ролью творчества как личностного самостроительства, что обусловило ключевую роль эстетики, постижения искусства. Неслучайно в наследии Вакенродера основное место занимают тексты об искусстве; оно – центр его концепции мироздания, в том числе этической и гносеологической. В этюдах, собранных в двух книгах, – «Сердечные излияния отшельника, любителя искусств» (1797) и «Фантазии об искусстве, для друзей искусства» (1799; посмертно изданы Тиком), – а также в письмах, публицистике Вакенродер сформировал целостную эстетическую систему, выразив фундаментальные категории европейского романтизма.

Отметим эти категории, значимые в рецепции текстов Вакенродера русскими романтиками – любомуд-

рами и, в частности, их лидером В.Ф. Одоевским. Во-первых, и для Вакенродера и йенцев, и для Одоевского реальность распадается на две ипостаси – идеальную, связанную с красотой, религией (эксплицитно – только у Вакенродера) и искусством, и бытовую, эмпирическую – всегда доступную и потому менее ценную. Герой-творец живет в вечном стремлении к высокой реальности, томится по ней (характерно, что категорию романтического *томления по идеалу* исследователи используют применительно к самому Вакенродеру [1. С. 15]), однако не находит воплощений идеала в прозаической действительности, что приводит не только к сотворению красоты (как у художников прошлого, о которых Вакенродер размышляет в своих этюдах, – у Джотто, Рафаэля, Микеланджело, Да Винчи, Боттичелли, Ватто, Дюрера и др., а также у героев-творцов Одоевского: архитектора Пиранези, композиторов Баха и Бетховена), но и к жизненному краху (безумию либо смерти – участь Иозефа Берглингера у Вакенродера и большинства «гениальных безумцев» Одоевского). По Вакенродеру, подобная судьба ждет гения в эпоху филистерства, далекую от утопически прекрасного прошлого – Средних веков и Ренессанса, которые он выделяет как две «опорные точки» в духовном пути человечества.

Во-вторых, очевидна мирообразующая роль искусства и художника – гения, проводника высших смыслов духовного мира на земле. Но если у Одоевского искусство все же персонифицировано, воплощено в характерах (жизнеописания Баха, Бетховена, Пиранези, трагедия импровизатора Киприяно, конфликт веры и одержимости красотой у монаха Виченцио), то главным «героем» этюдов Вакенродера становится искусство как самоценный феномен: *«люди суть лишь ворота, чрез которые… божественные силы достигают земли и… являют себя в религии и вечном искусстве»* (этюд «О двух удивительных языках и их таинственной силе») [1. С. 68]. Также Одоевский не встраивает искусство в один смысловой ряд с верой, и иногда они, напротив, вступают в открытый конфликт: религиозность Виченцио приводит к его психологическому «распадению», приверженность Баха к гармоничной церковной музыке – к запоздалому осознанию своего одиночества и разрыва с реальной жизнью (в том числе любовью). Соотношение искусства и веры (а скорее церкви – как социального института, одного из навязанных традицией догматов) у Одоевского трагично, тогда как у Вакенродера они почти синтезируются и способны в будущем создать утопическое общечеловеческое братство духа. При этом Вакенродера особенно восхищает средневековый католицизм (в частности, итальянский), идеализация которого вообще была характерна для мистически настроенных немецких романтиков: «Искусство не мыслится… вне связи с религией вообще и католицизмом в частности <…> Вакенродер преклоняется перед средневековым искусством, не разобщённым, а связанным с религией» [1].

В-третьих, и у Вакенродера, и у Одоевского важна романтическая категория вдохновения. Роль техники, «ремесленной» работы художника или композитора редуцируется: он напрямую воспринимает высшие духовные смыслы. Так, в знаменитом «Видении Рафаэля» (его влияние, по мнению исследователей, обнаруживается в эссе Жуковского «Рафаэлева Мадонна», которое, в свою очередь, трансформировало представления об искусстве и его рецепции в русской литературе XIX в. [3. С. 109–110]) образ Богоматери как воплощения небесной, идеальной красоты снисходит на Рафаэля свыше. Гений лишь «переводит» его в эмпирическую реальность, запечатлевая в «Сикстинской Мадонне», непостижимой даже для него самого [1. С. 31]. Та же идея очевидна, на наш взгляд, в прочтении Одоевским образа Мадонны (изображение Мадонны в «Импровизаторе»; Рафаэль как эталонный образ художника в философских дискуссиях «Русских ночей»; женские образы, отсылающие к образу Мадонны на уровне аллюзий и подтекста, – Цецилия, Сильфида, Магдалина Бах, графиня Мария в «Чёрной перчатке») и трактовке категории вдохновения.

В-четвертых, с ремесленничеством в текстах Вакенродера и любомудров связан бесплодный анализ, а с вдохновением и, соответственно, истинным творчеством – синтез. Идеалом становится синтез искусств (живописи, музыки, поэзии) и порождение ими новых духовных смыслов, способных нравственно преобразить человечество (можно вспомнить не только прозу Одоевского, но и философские размышления Вакенродера: тексты «Скульптура, живопись и музыка», «Письма к графине NN»). Еще шире и значимее для любомудров проблема синтеза искусства с наукой, т.е. искусство как способ познания мира, а не только эмоциональная «встряска», и, конечно, с философией, в возвращении искусства к которой, как к истоку, они видели свою главную цель. Категория синтеза в сферах познания и творчества особенно очевидна в романе Одоевского «Русские ночи»: молодые философы постоянно сетуют на специализацию наук и их абсурдное отдаление от общего источника – философии, в то время как герои вставных новелл реализуют идею синтеза на материале искусства. У Вакенродера идеал синтеза отражается, например, в образе Рафаэля Санти, в котором для него наиболее полно выразился идеал творца («Изображение Рафаэля», «Видение Рафаэля», «Ученик и Рафаэль» и другие этюды). Рафаэля он рассматривает как художника-«интуитивиста», который не отравляет свои шедевры чрезмерной рефлексией и бесплодным анализом, а творит, повинуясь целостному божественному дару; например, в этюде «Ученик и Рафаэль» Вакенродер открыто отождествляет попытки рационального анализа красоты с «ремесленническим» подходом к искусству, над которым иронизирует.

В-пятых, высшим видом творчества, «царицей» искусств для Вакенродера и любомудров является музыка. По Вакенродеру, музыка максимально удалена от земного мира и воспринимается непосредственно духовной сущностью человека, т.е. лучше всех искусств способна выразить смыслы, вложенные в сознание творца Богом. Неслучайно Иозеф Берглингер, герой единственной в его книгах сюжетной повести, – композитор и музыкант, а большая часть «Фантазий об искусстве» посвящена размышлениям о музыке (этюды «Чудеса музыки», «Звуки», «Симфонии»

и пр.). В жизни и творчестве Одоевского музыка также играла особую роль (профессиональное музыковедение; преклонение перед немецкой церковной музыкой – Бахом, Бетховеном, Генделем; интерес к опере), уже рассмотренную исследователями (М.А. Турьян, М.И. Медовым, П.Н. Сакулиным и др.). Тем не менее превознесение музыки не отменяет роли пластических искусств – живописи, скульптуры, архитектуры, – которые более «наглядно» выражают небесную красоту в земных формах: характерны этюды Вакенродера о Да Винчи, Микеланджело, Франческо Франча, о соборе Святого Петра в Риме и «живописные» сюжеты Одоевского в «Виченцио и Цецилии», «Русских ночах» (например, рассуждения героев-художников о роли правдоподобия в искусстве в связи с картиной К.П. Брюллова «Последний день Помпеи»), «архитектурный» сюжет в новелле о Пиранези. В «Сильфиде» синтез пластических искусств, музыки и алхимии как воплощения мистической связи с «высшим» миром превращает Михаила Платоновича в художника *«нового искусства»*, прежде не существовавшего на земле и потому непостижимого для обывателей (с их точки зрения – в безумца).

В-шестых, для Одоевского характерна ретроспективная утопия романтиков – идеал, «размещённый» Вакенродером в утраченном прошлом: в готическом немецком Средневековье и / или в эпохе итальянского Ренессанса. Так, в этюде «Хроника художников» Вакенродер обращается к сведениям, почерпнутым из жизнеописаний Джорджо Вазари, о жизни Рафаэля, Джотто, Карраччи, Караваджо. Художники становятся для рассказчика-отшельника вдохновляющим примером, который пробуждает духовную активность, вырывая из обыденности. Кроме того, Вакенродер акцентирует ряд аспектов, важных в образах художников Ренессанса и барокко с точки зрения романтизма: смирение, христианскую кротость (о Рафаэле: «*вся его жизнь… была простой, кроткой и светлой, как ручеёк*» [1. С. 89]); готовность жертвовать «прозаической» жизнью ради искусства (о Доменикино: *«когда брался он за кисть, то… по целым дням оставался прикованным к мольберту»* [Там же. С. 91]); исключительность творческого дара, не зависящего от социальных условностей (*«Джотто… был в юности всего лишь пастухом»* [Там же. С. 92]); наконец, доходящую до аскетизма богобоязненность (о Фра Джованни да Фьезоле: *«Живопись была для него святым упражнением в покаянии»* [Там же. С. 95]). Именно с точки зрения такой утопии Одоевским обычно прочитывается Италия: культурные коды итальянского Ренессанса как единства красоты, любви и духовной свободы заметны в «Себастияне Бахе» (образ венецианца Франческо, линия Магдалины), «Виченцио и Цецилии» (полотно с изображением римской святой как путь героя к духовному преображению), «Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi» и «Последнем квартете Бетховена» (образ Микеланджело как идеал свободного творца – «титана» духа, – недостижимый в современности). Значим и образ Древнего Рима: идеалы республиканской – не только социальной, но и нравственной свободы (образ связанного с Италией Границкого в «Княжне Мими»); искусство и величие прошлого как нечто бессмертное, преодолевающее вечность (образ Рима в «Сильфиде»). По-своему утопична Италия и в авантюрной новелле «Imbroglio»: несмотря на «опереточную» атмосферу (переодевания, тайные интриги, опасности), Италия дарит герою-рассказчику любовь и красоту в образе певицы, графини Лукенсини.

М.И. Медовой, М.А. Турьян отмечают не только знакомство Одоевского с текстами Вакенродера, но и перекличку их творческих сознаний. Если в философии любомудров (их субъективном идеализме, постановке проблемы выработки «языка русской метафизики») очевидно влияние Шеллинга, Фихте и Канта, то в вопросах, связанных с искусством, «архивные юноши» обращались именно к Тику и Вакенродеру. В «Литературной энциклопедии» обозначены несколько аспектов такого обращения: «борьба против классической теории»; «идеализация родной старины», позже легшая в основу «антизападнического» патриотизма русских славянофилов [2]. Просматриваются и другие аспекты, затронутые выше. На наш взгляд, особенно важно, что любомудры (не только Одоевский) воспринимают и переосмысляют романтические представления Вакенродера об Италии как ретроспективной утопии. В определенной мере к книгам Вакенродера, вероятно, восходит их понимание образов Рафаэля, Микеланджело, Данте, Дюрера, а также музыки (что особенно важно для Одоевского). Можно предположить, что этюды Вакенродера наметили уникальную ситуацию взаимодействия итальянского и немецкого текстов в творчестве любомудров. Неслучайно «архивные юноши» в 1820-е гг. активно занимались переводами с немецкого, и их рецепция Италии осуществлялась в основном через немецких авторов-«посредников»: Шеллинга, Гёте, Шиллера, Винкельмана, Гофмана, Тика и (не в последнюю очередь) Вакенродера. Так, в 1826 г. Шевырёв, Титов и Мельгунов перевели на русский «Сердечные излияния отшельника…» [5. С. 144]. Все они были друзьями Одоевского, а Титов и Шевырёв состояли в Обществе любомудрия. Бывший председатель Общества, надо полагать, не мог не ознакомиться с этим переводом.

Рецепция работ Вакенродера, разумеется, наиболее очевидна в тех текстах Одоевского, где затрагиваются темы творчества и искусства, поэтому мы сосредоточимся на их рассмотрении. Нужно выделить случаи, когда Одоевский обращается к живописным или музыкальным образам и мотивам, которые в этюдах Вакенродера являются смысловыми центрами. Живописный образ Мадонны может быть упомянут в их числе: как отмечено выше, он возникает в нескольких его произведениях – либо напрямую, как в «Импровизаторе», «Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi», либо на уровне аллюзий и подтекста, как в «Сильфиде», «Чёрной перчатке», «Imbroglio». Однако образ Мадонны, во-первых, вероятнее всего, был воспринят и переосмыслен Одоевским через русского автора-«посредника» – Жуковского; во-вторых, его генезис может восходить к творчеству других романтиков или иметь общекультурный характер. Поэтому пока мы сосредоточимся на образе святой Цецилии,

менее распространенном в контексте русского романтизма и потому с большей вероятностью «унаследованным» от Вакенродера.

Автор «Сердечных излияний…» несколько раз обращается к образу святой Цецилии – римской девы-мученицы, покровительницы церковной музыки, традиционно изображаемой с музыкальными инструментами (органом, скрипкой, мандолиной). Например, в этюде о Франческо Франча, основателе болонско-ломбардской школы живописи, именно изображение Цецилии заставляет художника пересмотреть свое отношение к Рафаэлю, признав превосходство гения и раскаявшись в былой «гордыне». Однако катарсис связан с душевной болью: познав красоту, Франча открывает в себе ничтожество (*«Он… плакал <…> наконец… довелось ему… взглянуть на всю свою жизнь как на жалкую, несовершенную поделку ремесленника»* [1. С. 36–37]); вскоре герой умирает, подобно Берглингеру, тщетно стремясь к идеалу. Характерно, что воплощением совершенства Вакенродер на этот раз делает не творчество Рафаэля в целом и не его образы Мадонн, а образ покровительницы церковной музыки. Это перекликается как с романтической идеей синтеза искусств, так и с идеей связи искусства и религии.

В «Виченцио и Цецилии», вставной новелле «Русских ночей», образ Цецилии (сначала живописный, затем сновидческий и, наконец, реальный) становится импульсом к внутреннему развитию главного героя, монаха-художника Виченцио. Покровительница церковной музыки из портрета, якобы написанного кем-то из учеников Дюрера, вырастает в многозначный образ-символ. Благодаря созерцанию картины Виченцио переживает эмоциональный катарсис, подобно Франческо Франча. Мотив возрождающей силы искусства и страданий, к которым приводит такое возрождение, напрямую отсылает к этюдам Вакенродера (*«Долго боролся Виченцио с новым чувством, <…> как борется страдалец, <…> силою искусства снова воззываемый к мучительной жизни»* [6]). С ними же, на наш взгляд, связан сам образ Виченцио – как *«отшельника, любителя изящного»* (аналог восторженного нарратора в этюдах – возможно, Виченцио в прошлом, до разочарования в жизни и людях) и как художника-мыслителя, мучительно переживающего конфликт с миром (аналог Иозефа Берглингера). Проникновение в *смыслы* красоты, анализ произведения искусства, у Вакенродера оказывающийся «под запретом», заставляет Виченцио пересмотреть свою жизнетворческую стратегию. По ходу повествования усиливается рефлексия героя, направленная на разные аспекты бытия: природу красоты как философского феномена (*«Виченцио не разделял всеобщего восторга и… спрашивал самого себя: в самом ли деле прекрасна картина? Если она прекрасна – то зачем она?»* [Там же]); вопрос о разграничении нравственного долга и социальных условностей, утративших подлинное содержание (в диалоге с Цецилией герой упрекает ее: *«Неужли я могу подумать, что ты… идолопоклонствуешь пред алтарями, которые… людские предрассудки воздвигают и опрокидывают?»* [Там же]); наконец – проблему веры в Бога в сочетании с познанием и личностной свободой. Во сне о Венеции и запретной любви к Цецилии-монахине Виченцио приходит к выводу о разнице между истинной верой и навязанными догмами. Прославление внутренней свободы перекликается с соответствующими идеями Вакенродера – но у Одоевского более очевиден романтический бунт, нежели мысль о смирении перед Богом.

Виченцио, подобно Иозефу Берглингеру, проходит несколько стадий духовного развития: романтическое разочарование в жизни и изоляция от нее (это символически выражает топос монастыря); сомнения, вызванные потрясением от портрета Цецилии и едва не приводящие к безумию; «бунт» против навязанных догм и правил, порыв к внутренней свободе и «деятельной жизни», любви (сон и воображаемый диалог с Цецилией-монахиней); наконец итог, остающийся за рамками неоконченной новеллы. Заглавие и содержание IV главы («Характер»), где Одоевский разворачивает психологический портрет Цецилии – уже как реальной светской женщины, – позволяют предположить, что таким итогом для Виченцио становится как раз свобода, осознанный уход из монастыря. Автор акцентирует внимание на стереотипах, удерживающих Цецилию от естественного развития: *«воображение её кипит, а она <…> рассчитывает: эта мысль, это чувство не нарушат ли немецкого порядка её жизни?»* [6]. Характерно противопоставление *«немецкого порядка»* как мертвой, схоластической рациональности и свободы саморазвития, которая в подтексте, на наш взгляд, приобретает отчетливые «итальянские» коннотации. На это указывают имена героев, пространство (монастырь в Альпах, Венеция), а также культурный «ореол», сопутствующий образу Цецилии, которая изображена на полотнах не только Рафаэля, но и Веронезе, Караваджо, Артемизии Джентилески, Джовеноне Джероламо. Все это позволяет соотнести «Виченцио и Цецилию» с этюдами Вакенродера не только в сюжетно-фабульном аспекте (портрет Цецилии, отсылающий в том числе к работе Рафаэля), но и в смысловом: Одоевский разделяет субъективистский антропоцентризм Вакенродера, идею свободы творца.

Тем не менее в концепцию искусства Одоевский вносит не присущий Вакенродеру оттенок: главное предназначение красоты – не вызывать бездумное восхищение, а заставлять мыслить. Обостренная рефлексия Виченцио, его сомнения в ценности искусства и веры были бы невозможны в текстах Вакенродера, как и уподобление монастыря духовной тюрьме, тема столкновения страсти и долга. Кроме того, нельзя сказать, что Одоевский воспринимает Италию лишь как ретроспективную утопию, тем более религиозно-эстетического характера. Для него «золотой век» наступает там и тогда, где реализует себя мыслящий человек; в главе «Характер» такой эпохой способна стать и современность. Неслучайно Италия ни разу не обозначена прямо как место действия, не выстраивается вокруг Виченцио как полноценное художественное пространство (даже Венеция в его сне – скорее обобщенный образ умирающего города), а католицизм и монашество осмысляются критически.

Использование итальянских реалий и восторженных пассажей в духе Вакенродера, вероятно, редуцировало бы притчевый, универсальный уровень текста – идею искусства как пути к духовной свободе.

Генезис образов героев также, с одной стороны, восходит к этюдам Вакенродера, с другой – имеет полемический характер. Так, М.И. Медовой возводит образ Виченцио к двум прототипам – Рафаэлю и фра Бартоломео [4]. Оба являются итальянскими художниками и, возможно, вошли в рецепцию Одоевского через посредничество Вакенродора. Однако в таком случае личность Рафаэля резко переосмысляется Одоевским: в образе Виченцио нет черт творца-интуитивиста, обладающего христианской кротостью и полудетским взглядом на мир. Что касается образа фра Бартоломео, он не занимает ключевого места в этюдах Вакенродера (хотя в «Хронике художников» возникает ассоциативно близкий ему образ фра Фьезоле – личности «на стыке» живописи и религии). Кроме того, его метания между творчеством и верой (под влиянием проповедей Савонаролы фра Бартоломео сжег собственные работы) отличаются от тех противоречий, которыми Вакенродер наделяет гения-творца: искусство в его душе должно сражаться с прозаической действительностью, а никак не с религией. Похожее «мерцание» смыслов очевидно в образе святой Цецилии, который, вероятнее всего, навеян Вакенродером, особенно если учесть, что новелла написана уже после перевода стихотворения «О Цецилия святая…», которое в этюдах Вакенродера является поэтическим опытом Иозефа Берглингера; перевод был сделан С.П. Шевырёвым и наверняка прочитан Одоевским. Однако Цецилия Одоевского далека от статичного образа небесной красоты, воплотившейся в произведении искусства и приносящей смертным душевное потрясение. Сложные смыслы, которыми Одоевский наделяет ее образ (проблемы искусства, познания, долга и страсти, рационального и иррационального в человеке), связывают ее скорее с общим идейным спектром «Русских ночей», чем с этюдами Вакенродера. Все это позволяет говорить и о рецепции идей и образов немецкого романтика в «Виченцио и Цецилии», и о полемике с ним.

Образ Мадонны в прозе Одоевского, как мы уже отмечали, не может быть возведен непосредственно к этюдам Вакенродера. Его прочтение в большинстве случаев аллюзивно, осуществляется на уровне подтекста и идей. Так, в повести «Себастиян Бах» чертами Мадонны (чистотой, духовной красотой, женственностью, ярко выраженным материнским началом) наделяется жена Баха, Магдалина [7]. Однако имя героини, ее «чуждое» для Германии итальянское происхождение, сюжет трагической страсти к Франческо и смерти заставляют искать ее культурный прототип скорее в образе Марии Магдалины и возводить мотивы текста к соответствующим сюжетам мировой литературы и живописи (сюжет покаяния грешницы, в том числе собственно евангельский). Единственное произведение, где образ Мадонны прочитан абсолютно в ключе Вакенродера, – новелла «Импровизатор». Главный герой, Киприяно, обращается к изображению Мадонны как к духовному ориентиру, но это уже не спасает его: после договора с демоническим доктором Сегелиелем восприятие мира начинает распадаться, становится механизированным. В тексте не указано, чьей кисти Мадонна вдохновляла Киприяно, но итальянское происхождение героя и известность работ Рафаэля позволяют предполагать, что подразумевается именно он. Отметим и смысловое, и текстовое сходство образов: порыв к Мадонне как к спасению перекликается с «молитвенным» отношением отшельника Вакенродера к Рафаэлю: *«В ближнем доме находилось изображение Мадонны, к которой… прибегал Киприяно в минуты отчаяния, которой гармонический облик успокаивал его страждущую душу»* [7. С. 174]. Борьба тщетности земной жизни с гармонией жизни духа, мотивы света и успокоения сопутствуют итальянской живописи и, в частности, образу Мадонны у обоих авторов.

Еще один аспект прозы Одоевского, в котором важна рецепция Вакенродера как автора-посредника при прочтении итальянского текста, – образ художника-творца, гения. Он особенно значим в «Русских ночах» и в нереализованном замысле цикла «Дом сумасшедших»: образы Виченцио, Баха, Бетховена, Джованни Баттисты Пиранези, Киприяно, творца «нового искусства» Михаила Платоновича формируют концепцию творчества, близкую вакенродеровской. Так, для Одоевского творчество тоже неразрывно с духовной драмой, конфликтом идеала и действительности. Он может приводить не к эволюции сознания, как у Виченцио, а к жизненному краху, разочарованию и смерти (как у Баха), безумию (как у Бетховена, Пиранези, Киприяно), «падению» в быт и духовному омертвению (как у Михаила Платоновича). Романтическое прочтение судьбы гения, которая «не вмещается» в реальную жизнь, соотносится с судьбой Иозефа Берглингера. Несмотря на то, что в повести о нем нет эксплицитного итальянского текста, ее идейный уровень и поэтика, на наш взгляд, повлияли на произведение Одоевского, в котором итальянский текст играет ключевую роль как антипод тексту немецкому, – на повесть «Себастиян Бах», тоже представляющую собой жизнеописание композитора. Кроме того, рецепция сюжетных ситуаций, персонажей, идеи повести о Берглингере обнаруживаются в других текстах Одоевского – «Сильфиде», «Импровизаторе», «Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi»; все они тоже содержат итальянский текст, что трансформирует восприятие текста Вакенродера. Наметим несколько основных точек соотнесения: антитеза искусства и прозаического быта; характер творца как противоречивой личности, которая с трудом вписывается в социум, дисгармонично выстраивает отношения с родными, наставниками, возлюбленными; музыкальный код.

Идейное и фабульное противопоставление искусства и прозаического быта, центральное в повести Вакенродера о Берглингере, возникает во многих произведениях Одоевского. Повседневная жизнь – столичный свет, быт деревенского поместья, финансовые неурядицы – подается в ироническом, сниженном колорите, что соответствует романтизму Вакенродера. В повести о Берглингере реальность, окружающая героя, темна и убога, полна болезней (неслу-

чайно его отец – врач), нищеты, греха. В обеих главах (первая посвящена детству и юности Иозефа, вторая – его зрелости, творческому расцвету и смерти) «низкая», темная реальность и высокое, светлое искусство постоянно сополагаются, причем это соположение носит трагический характер (*«Когда часы восторга <…> прерывались тем, что сёстры бранились из-за нового платья, <...> или рассказом отца о… несчастном больном <…>, он* (Иозеф. – *Ю.П.*) *думал: «Господи! <…> неужели твоя воля, чтобы я смешался с толпой и разделил всеобщее убожество?»* [1. С. 102]). Музыка служит единственным убежищем от такой жизни: прикосновение к красоте помогает хотя бы ненадолго забыть о земной боли и страданиях, хоть и не спасает от них.

Прозаическая (а у Вакенродера, в связи с немецкими реалиями рубежа XVIII–XIX вв., – еще и бюргерская, *мещанская*, в негативно-оценочном смысле слова) действительность ограничивает полет фантазии художника. Так, в повести выделяется ряд «пограничных» эпизодов, когда герой переходит от прозаического быта к восприятию или созданию музыки; «возвращение» в реальный мир при этом всегда связано с разочарованием и неудовлетворенностью, с мотивом потерянного рая (*«когда он возвращался к… родственникам и… садился за вкусный обед, – тогда им овладевала досада на то, что он… погрузился в прозу жизни»* [1. С. 99]). Напротив, предвкушая наслаждение музыкой, герой всякий раз возрождается духовно: неслучайно нагнетание образов *души, крыльев, полета* и *света*, которые в живописных этюдах Вакенродера сопутствуют Рафаэлю (о восприятии церковной музыки Иозефом-ребенком: *«До того как начиналась музыка <…>, ему казалось, что он слышит… беспорядочное гудение… низменной жизни <…>, как на большой ярмарке <…> Он… ожидал первого звучания инструментов и <…> чувствовал, что у его души вдруг вырастали… крылья»* [Там же. С. 98–99]). Отметим ассоциации, сопутствующие прозаической действительности: тьма и страдание, пошлость, власть материальной выгоды над духом (неслучайно регулярное введение темы денег, образа ярмарки).

Убожество бюргерской повседневности дополняется убожеством света. Иозеф быстро разочаровывается в придворной жизни: за блеском знати скрывается тот же цинизм, те же примитивные мотивировки. Вакенродер «позволяет» герою говорить об этом самостоятельно, вводя в текст его письмо нарратору-отшельнику (*«Но самое отвратительное – это все внешние обстоятельства, в какие запутан художник. Я умолчу об омерзительной зависти <…>, подчинении искусства воле двора»* [Там же. С. 107]). В таком контексте смерть Иозефа прочитывается как освобождение, что, однако, не отменяет скорби рассказчика: после повествования об участи героя он задается трагическим вопросом о месте искусства в земной жизни (*«Отчего пожелало небо, чтобы… борьба между его эфирным энтузиазмом и низменным убожеством этой жизни… разорвала надвое его существо <…>?»* [Там же. С. 111]). Финал повести подводит итог ее лейтмотивам – антитезе духа (включающего образ *эфира* как летучей, небесной стихии) и тела, их разрыву в личности художника.

В прозе Одоевского быт тоже разрушительно действует на творческое сознание, но даже гений, приобщившийся к абсолютной красоте (Бах, Бетховен), остаётся человеком из плоти и крови и вынужден поддерживать материальное существование. В быту герои Одоевского одиноки: их считают чудаками или безумцами (как постаревшего Бетховена, чью музыку перестают воспринимать даже бывшие ценители: *«С изумлением и досадою следовали… за безобразными порывами ослабевшего гения»* [7. С. 152]). Непонятый гений, как и Берглингер Вакенродера, у Одоевского отчуждается от реальности, но она более агрессивна: герои-творцы сталкиваются с притеснением и моральным насилием. Еще одним лейтмотивом становится осмеяние художника, выдержанное почти в карнавальных тонах. Тот же Бетховен видится окружающим как маразматичный старик, заслуживающий презрения; Киприяно, утративший творческий дар, деградирует от поэта-импровизатора до *«шута»*, потешающего сельского помещика [Там же. С. 177].

Агрессия прозаического быта связана также с попытками «исправления» творца, приведением его к узко понятой «норме». Это очевидно в «Сильфиде», где персонажи-обыватели добиваются успеха; их вторжение в сферу духа приводит не к спасению, а к внутренней смерти Михаила Платоновича, что он и констатирует: *«Ты очень рад, что ты, как говоришь, меня вылечил <…> Теперь, когда… я чувствую, что мои брюшные полости раздвигаются… и голова погружается в животный сон, я с отчаянием вспоминаю то время, когда… прелестное существо слетало ко мне из невидимого мира»* [Там же. С. 338]. Ироническое использование физиологического дискурса заостряет негативную оценку бытовой реальности – в противоположность эстетическому восторгу сродни «безумию». У Одоевского, как и у Вакенродера, возникает ряд вещных образов, сопутствующих прозаическому быту (в «Сильфиде» – *«бульонные ванны»*, с помощью которых «лечат» Михаила Платоновича; еда и питье, значимые и в повести Вакенродера: *«окровавленный ростбиф»*, *«несколько бутылок… лафита»*; иронический эпилог: *«мой приятель… завёл псарную охоту <…>, выиграл несколько тяжеб <…>; у него… румянец во всю щёку и препорядочное брюшко»* [Там же. С. 339]). На наш взгляд, все это соотносится с ироническими образами еды и одежды, денег, ярмарки, которые формируют образ бытовой реальности у Вакенродера.

В произведениях Одоевского художник постоянно вовлекается в решение бытовых вопросов; одной человеческой жизни не хватает, чтобы отдаться искусству в той мере, в какой ему это необходимо (как и Иозефу Берглингеру). Так, безумец, представляющийся Пиранези, прямо называет себя бессмертным: пока грандиозные замыслы не будут воплощены в постройках (т.е. пока искусство не найдет материального выражения), ему суждено жить и страдать [Там же. С. 78–92]. Слишком большой масштаб дара Пиранези явно перекликается с «эфирной» природой таланта Берглингера, в итоге *«разорвавшей его надвое»*.

Однако исход у Одоевского вновь более трагичен: это не смерть-освобождение, а бесконечная жизнь, ставшая для героя пыткой.

С другой стороны, прозаическая действительность может манить художника – как нечто запретное и желанное; в таком случае герой впадает в зависимость от нее (например, бедный поэт-импровизатор Киприяно мечтает о вполне материальных благах – богатстве и славе). Такая зависимость способна привести к трагедии – смерти дара, «поглощению» бытом (судьбы Киприяно и Михаила Платоновича). Не менее трагичен итог, при котором художник на исходе жизни обнаруживает, что в погоне за идеалом упустил нечто ценное, но обретаемое лишь в той самой «низкой» повседневности. К таким выводам приходит Бах, со смертью жены остро осознавший свое одиночество, впервые ощутивший свою музыку не как гармонию, но как трагедию (*«Он всё нашёл в жизни: наслаждение искусством, славу, обожателей – кроме самой жизни <…> Половина души его была мёртвым трупом!»* [7. С. 227–228]). Именно в «Себастияне Бахе» оценка прозаической действительности усложняется, ее смыслы начинают «мерцать», что для текстов Вакенродера не так характерно.

Вообще в повести «Себастиян Бах» антитеза быта и искусства у Одоевского наиболее показательна, как и драма творца; жизнь Баха освещена в сюжете целиком, от детства до смерти – как и жизнь Берглингера у Вакенродера. Текст близок повести о Берглингере еще и в аспекте хронотопа: реальность, окружающая героя-композитора, – бюргерская Германия XVIII в. Эта реальность тоже показана «низменной», пошлой; быт не выдерживает сравнения с искусством, что Бах понимает, уже в детстве проникнувшись музыкой (как Иозеф у Вакенродера). Его первые эстетические впечатления тоже связаны с церковной музыкой; как и Берглингер, Бах переживает экстатический восторг на грани с видениями, тон повествования в подобных эпизодах, как и у Вакенродера, становится поэтическим и возвышенным (первая «встреча» с органом в соборе Эйзенаха: *«это созвучие… оглушило его душу; он не видал ничего <…>, не понимал слов пастора <…> тело его невольно отделялось от земли»* [7. С. 198–199]; отметим сопутствующие музыке мотивы полета, «воздушной» природы звуков, а также «глухоты» героя к эмпирической реальности, – все это важно в аналогичном эпизоде у Вакенродера).

Произведения схожи и в ряде сюжетных ситуаций. Первая из них – жизнь в бюргерской семье, где герой-творец кажется чужим (об Иозефе: *«Он всегда был одинок, молчалив и погружён в себя, и дух его питался лишь мечтами»* [1. С. 98] – о Себастияне, более покорном и терпеливом, но в детстве тоже пережившем драму одиночества: после смерти родителей мальчик остается на руках старшего брата, который так и не становится духовно родным для него человеком: *«Он написал на нотном листочке прелюдию и заставил Себастияна играть её по нескольку часов в день, не показывая ему никакой другой музыки»* [7. С. 195]). Как и Вакенродер, Одоевский иронично использует детали быта – например, в эпизодах обучения героя у органного мастера Банделера, доброго, но расчетливого и приземленного человека. Банделер не приближается к подлинному искусству, несмотря на опыт и мастерство – подобно «ремесленникам» Франча и Ученику у Вакенродера; Энхен, дочь Банделера, является женским дублером отца и антиподом Магдалины: *«Энхен… умильно посматривала на Себастияна <…>, с большим рачением начала крахмалить и выглаживать свои манжеты и… больше времени… проводить на кухне»* [7. С. 204].

В обоих произведениях важен идейный конфликт со старшим героем-наставником: у Иозефа – с отцом-врачом, который не только является антиподом сына-гения, но и регулярно вступает с ним в этическую полемику о том, как следует жить человеку: служа красоте или принося практическую пользу (*«Последний презирал… все искусства, считая их прислужниками порочных вожделений»* [1. С. 101]); у Себастияна – с братом Иоганном Христофором, педантом в жизни и искусстве, который отождествляет творческую свободу с безнравственностью, неуважением к традиции. И для Берглингера, и для Баха детство кончается уходом из дома ради служения искусству: Иозеф, не выдерживая тоски по музыке, совершает побег в город; Себастиян остается в Эйзенахе, не возвращаясь домой. Ряд параллелей в становлении композиторов очевиден и в их творческой зрелости. Как и для Берглингера, для Баха музыка становится всем в жизни – герои воплощают идею *жизнетворчества*. Одоевский подтверждает это рядом апокрифических деталей из биографии героя: *«подписывая денежную сделку, он заметил, что буквы его имени составляют… богатую мелодию, и написал на неё фугу <…> узнав о смерти… друга, он… через минуту начал писать погребальный Motetto»* [7. С. 217]. Творческий путь Иозефа, однако, протекает более драматично: служа капельмейстером при дворе епископа, он вынужден мириться с ограниченностью и пошлыми вкусами. Баху достаточно гармонии со своим искусством, и до переломной ситуации с Магдалиной он живет в безмятежной «музыкальной утопии»; Берглингеру же важен отклик окружающих – не встречая понимания, он разочаровывается в людях, доходя до мизантропического сарказма. Можно заключить, что на стадии творческой зрелости у героев Вакенродера и Одоевского уже меньше общего. Значимо и то, что Одоевский не выделяет какое-то одно произведение Баха в качестве вершины, итога его творчества – в повести нет аналога оратории Берглингера о страстях Христовых. На наш взгляд, причина в том, что «итог» пути Баха лежит все же не в эстетической, а в этической и экзистенциальной сфере: Одоевский сосредотачивается на преображении его души в ситуации любви к жене, Магдалине, и ее утраты.

Введение любовной линии, которая заостряет конфликт искусства и быта, отличает повесть Одоевского от повести Вакенродера. Берглингер, избегающий всего земного, остается свободным и от чувства к женщине, тогда как Бах понимает, что все же любит Магдалину (хотя и далеко не сразу – она долго остается для него частью прозаической действительности, «фоном» для создания музыки). Перелом в сознании героя происходит слишком поздно, когда

Магдалина уже переживает собственную драму – страсть к венецианцу Франческо и пробуждение в себе нового, иррационального начала, далекого от *«немецкого порядка»* и гармоничной музыки Баха. В тексте с этим связано, правда, уже не противопоставление искусства и быта, а более значимое для Одоевского противопоставление разума и страсти, космоса и хаоса, сознания и бессознательного. В этот ряд оппозиций встраиваются немецкая и итальянская музыка, особенно пение (характерно описание дивного голоса Франческо, который смущает Баха и очаровывает Магдалину: *«от этого выражения… благоговение переставало быть целомудренным; духовная, легкокрылая молитва тяжелела»* [7. С. 220]). Драма Магдалины выражается именно через музыку: итальянское искусство контрастирует с немецким, несет коннотации хаоса, страсти – в противоположность концепции Вакенродера, вопрошающего: *«не на одной ли земле находятся Рим и Германия?»* [1. С. 60]. Так, пение Франческо и его типично «венецианский» образ (мотивы карнавала, игры, разрушительной внутренней свободы) заставляют Магдалину вспомнить песни матери-итальянки: происходит пробуждение и национальной, и женской сущности, ранее подавленных социальными нормами. Важна и смена ее музыкальных вкусов: *«Брось в огонь все твои фуги, все твои каноны; пиши, бога ради, пиши итальянские канцонетты»* [7. С. 223]. В пении как символе абсолютной свободы творчества открывается темное начало (например, старый Албрехт противопоставляет орган человеческому голосу, на котором *«лежит ещё печать первого грешного вопля»* [Там же. С. 216]). Потеря Магдалины становится первым событием, по-настоящему надломившим Баха; герой осознает, сколь от многого отказался ради искусства. Одоевский делает это этической проблемой, вопросом, остающимся без окончательного ответа.

Именно любовный конфликт, явно связанный с итальянским текстом (Италией как любовью, свободой, стихией жизни и красотой), таким образом, заставляет Баха переосмыслить не только собственную жизнь и музыку, но и прозаическую, якобы «низменную» действительность. Отметим, что, несмотря на отсутствие любовного сюжета, Иозеф Берглингер тоже переживает драму одиночества, неизбежного при закрытости от реального мира. Он не рассматривает «земную», «прозаическую» жизнь как нечто сугубо отрицательное. Пример ее глубины – отношения Иозефа с отцом, честным «человеком дела», который выведен в тексте далеко не в гротесково-иронических тонах, подобно героям-обывателям «Себастияна Баха». Неслучайно смерть отца – один из ключевых эпизодов повести, а почти сразу за ней следует смерть самого героя. Можно заключить, что и в подтексте повести Вакенродера прозаическая действительность обладает духовным потенциалом, однако не избавляет героя-творца от губительной (в конечном счете) тяги к абсолютной, внеземной красоте.

Также Одоевский, подобно Вакенродеру, рассматривает музыку как высшее и наиболее трансцедентальное из искусств, путь к нравственному преображению человека. В повести о Берглингере мысли о гармонии музыки, ее трансцедентальной роли и «царственном» статусе среди искусств принадлежат либо нарратору-отшельнику, либо самому герою (в его письме), причем эта концепция явно близка автору. Не менее характерны мысли этюда «Чудеса музыки» из «Фантазий об искусстве»: *«музыку я считаю самым чудесным из всех этих изобретений* (искусств. – *Ю.П.), потому что она описывает человеческие чувства сверхчеловеческим языком <…> она говорит на языке, которого мы не знаем в… обыденной жизни»* [1. С. 163]. У Одоевского идея о музыке как уникальном *языке* прямо высказана в монологах мастера Албрехта, чье понимание искусства наследует Бах: *«есть высшая степень души человека, которой он не разделяет с природою, которая ускользает из-под резца ваятеля, которой не доскажут… строки стихотворца <…> [это] чувство… люди назвали невыразимым; единственный язык сего чувства – музыка»* [7. С. 213].

Но, несмотря на параллели между повестями, выводы зрелых героев принципиально различны. Разочаровавшийся Иозеф убеждается в идее «чистого искусства», в том, что оно должно быть независимо от прозаической жизни, тогда как Себастиян, наоборот, от духовной изоляции гения приходит к человечности, к мысли о том, что искусству нужен адресат, а творцу – любовь и отклик окружающих. Абсолютная погруженность в творчество, по Одоевскому, заманчива и прекрасна (в этом он остается романтиком), но несет в себе трагический потенциал, угрожая крахом собственно человеческому в личности, остающейся без диалога с сознанием Другого. В этом тезисе воплощена полемика русского писателя с Вакенродером.

Есть еще несколько аспектов, которые необходимо отметить, говоря о рецепции Вакенродера Одоевским с акцентом на итальянском тексте. Так, в своей прозе русский автор, возможно, обращается к немецкому, моделируя художественное пространство. По нашему мнению, аллюзией на этюды Вакенродера является образ Альпийских гор, возникающий в «Виченцио и Цецилии» (природный фон оттеняет состояние героя – его сосредоточенность, уединение при напряженной жизни духа: *«Однообразные снега Альпов соглашались с его померкшим воображением <…> движение холодных равнин отвечало бурям… в пустыне его сердца»* [6]). Схожий образ появляется в «Себастияне Бахе», причем в контексте монологов Албрехта о музыке (*«в этой высшей сфере… искусства человек забывает о бурях земного странствования; в ней, как на высоте Альпов, блещет… солнце гармонии»* [7. С. 213]). В обоих случаях искусство и красота уподобляются пространственной вертикали, топосу гор; Альпы (в «Виченцио и Цецилии», вероятно, итальянские) становятся символом чистоты и свободы духа, отрешившегося от бытовой суеты. Это перекликается с образом швейцарских Альп в повести о Берглингере, где для героя они воплощают идиллическое, природное пространство, противопоставленное порочной цивилизации: *«Я хотел бы бросить всю эту культуру и бежать в горы к… швейцарским пастухам и вме-*

сте с ними наигрывать их альпийские песни» [1. С. 108–109].

В этюдах Вакенродера Италия редко воплощается в конкретных топосах: она – феномен истории человечества, эстетический идеал, размещенный в прошлом, а также – обитель «великих мужей», гениев. В «Сердечных излияниях…» нарратор-отшельник открыто подчеркивает этот биографический, «текстовый» аспект – например, в этюде о Микеланджело: *«ангел… вызывает перед моими глазами времена старых художников Италии – величественную эпическую поэму с толпой живых фигур»* [1. С. 77]. Соответственно, о романтическом «местном колорите» говорить сложно: Вакенродер не изображает пространство Италии, историческое или современное, а лишь упоминает его как фон. Ряд исключений воплощает скорее идеалистические представления романтиков об Италии-мечте, мифе, чем ее подлинные черты (например, обобщенный образ *«прекрасных светлых краёв»* из эссе «Тоска по Италии» [Там же. С. 32]). Пространство Италии у Одоевского, напротив, обладает большой смысловой нагрузкой. Италия в его прозе является «иным миром» со своими законами, которые чужды русскому сознанию и часто связаны с красотой, опасностью и смертью (наиболее показательна в этом смысле новелла «Imbroglio»). Важна роль Италии как прямой наследницы Древнего Рима: как и у других любомудров, у Одоевского ей сопутствуют мотивы «застывшего времени», культурной памяти, парадоксального единства смерти и жизни в памятниках прошлого (Рим в повести «Сильфида»; Помпеи на полотне Брюллова в «Русских ночах»). Подобно Шевырёву, в подтексте Одоевский использует и коннотации вольности, политической и духовной свободы, связанные с Италией (образы Границкого и Лидии Рифейской в повести «Княжна Мими»). Однако самым важным аспектом итальянского пространства является, как и у Вакенродера, аспект эстетический; Италия – родина и хранилище непревзойденного искусства, красоты: оперной и церковной музыки (пение Евлалии Грандини в «Imbroglio», Франческо – в «Себастияне Бахе»), живописи (образы Рафаэля, а также Боттичелли и Да Винчи (в подтексте) в «Русских ночах»; портрет в «Виченцио и Цецилии»; полотна с Мадоннами в «Opere del Cavaliere…» и «Импровизаторе»), скульптуры (образы Микеланджело и Челлини в «Русских ночах»), архитектуры. Последняя акцентируется в новелле о Пиранези: архитектура формирует образ Италии не только как реального, но и как полусновидческого пространства, где властвуют галлюцинации героя, балансирующего на грани гениальности и безумия.

В новелле о Пиранези Одоевский выделяет конкретный римский топос – площадь и собор Св. Петра. Их фантасмагорическое искажение – один из главных мотивов в видениях гения-безумца; для Пиранези важно и величие архитектурного ансамбля в целом, и купол собора работы Микеланджело (*«часто в Риме ночью я приближаюсь к стенам, построенным этим счастливцем Микелем, и слабою рукою ударяю в этот проклятый купол»* [7. С. 96]). Автор использует биографическую черту прототипа: реальный Пиранези считал Микеланджело своим учителем. Кроме того, в цикле Пиранези «Виды Рима» изображения площади и собора Св. Петра «кочуют» с одной гравюры на другую («Площадь с галереей, Ватикан», «Кареты на площади Св. Петра», «Собор Св. Петра подробно», «Купол издалека с мостом» и др.). Можно предположить, что собор, так часто вдохновлявший архитектора, был для него эстетическим эталоном. Поэтому объяснимы преклонение и зависть, которые Пиранези Одоевского испытывает как к воплотившему свои замыслы Микеланджело, так и к самому собору. На наш взгляд, образ собора из «Opere…» перекликается с этюдом Вакенродера «Собор Святого Петра» из «Фантазий об искусстве» и, возможно, восходит к нему непосредственно. Это связано не только с темой (прославлением собора как рукотворного чуда: *«Возвышенное чудо мира! <…> Дух мой возносится в священном восторге, когда… взираю на твоё… великолепие»* [1. С. 139]), но и с идейным подтекстом этюда. Во-первых, очевидно осмысление искусства (в данном случае – архитектуры) как служения и жертвы; Вакенродер многократно подчеркивает контраст эфемерности человека с бессмертием его творений (*«Как много жизней разбилось о твоё сотворение! А ты… бестрепетно глядишь… навстречу… векам»* [Там же. С. 140]). Мотив жертвенности, «смерти» творца в творении у Одоевского тоже является одним из центральных. Во-вторых, в этюде, как в новелле о Пиранези и «Русских ночах», искусство представляет собой не копирование жизни, а преображение ее грубой, изначально уродливой материи (*«бесформенные глыбы, подобные изувеченным членам, соединились в стройные колонны»* [Там же]). В-третьих, Вакенродер сопрягает материальную форму собора Св. Петра с духовными ценностями, которые она воплощает (*«сонмы людей прошлого освятили своими молитвами эти стены»* [Там же. С. 141]). Подобное понимание церковной архитектуры характерно для Одоевского в «Себастияне Бахе», где маленький Бах соотносит величие собора в Эйзенахе с гармонией частей и целого в органе и музыке. Стиль текста и способ изображения собора Св. Петра (Вакенродер выходит к единому целому через подробный экфрасис, множество мелких деталей) также родственен и образу собора в новелле Одоевского, и его подаче на гравюрах Пиранези.

Можно заключить, что рецепция эстетических этюдов Вакенродера и его повести об Иозефе Берглингере обнаруживается на разных уровнях художественной организации прозы Одоевского. Нельзя отрицать как факт знакомства писателя-любомудра с текстами немецкого романтика, так и содержательную близость их произведений. Она выразилась в следующих аспектах: концепция искусства и образ творца; романтическое мировосприятие, определяющее конфликты и сюжеты; центральная роль музыки и музыкального кода в эстетической системе; художественное пространство (в частности, образ Италии и конкретных ее топосов – Вакенродер, вероятно, стал одним из немецких «авторов-посредников» при конструировании итальянского текста Одоевским). Несмотря на важные отличия,

концептуальные параллели свидетельствуют о том, что ряд мотивов, образов, фабульных ситуаций из произведений Одоевского мог генетически восходить к соответствующим элементам текстов Вакенродера или, по крайней мере, создаваться с учетом их рецепции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вакенродер В.-Г. Фантазии об искусстве / пер с нем., вступ. ст. А.С. Дмитриева; коммент. Ал.В. Михайлова. М. : Искусство, 1977 (История эстетики в памятниках и документах). 263 с.
2. Ваккенродер Вильгельм Гейнрих // Литературная энциклопедия: в 11 т. М. : Изд-во Ком. Акад., 1929. Т. 2. Стб. 79–80.
3. Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. Сикстинская Мадонна Рафаэля в русской словесной культуре первой половины XIX века: жизнетворческий экфрасис // Paralleli: studi di letteratura e cultura russa. Per Antonella D'Amelia / A cura di Cristiano Diddi e Daniela Rizzi. – Collana di "Europa Orientalis". Vol. 22. P. 93–122.
4. Медовой М.И. Изобразительное искусство и творчество В.Ф. Одоевского. Некоммерческая электронная библиотека «ImWerden». Мюнхен, 2000. 2016. URL: http://imwerden.de/pdf/medovoj_ iskusstvo_v_tvorchestve_odoevskogo.pdf (дата обращения: 15.09.2016).
5. Турьян М.А. «Странная моя судьба…» О жизни Владимира Фёдоровича Одоевского. М. : Книга, 1991. 400 с.
6. Одоевский В.Ф. Виченцио и Цецилия <Фрагменты незавершённой повести> // Lib.ru : Библиотека Максима Мошкова. М., 1994. 2016. URL: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0240.shtml (дата обращения: 25.09.2016).
7. Одоевский В.Ф. Русские ночи : Роман. Повести. Рассказы. Сказки / вступ. ст. Вл. Муравьёва. М. : Эксмо, 2007. (Русская классика). 640 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 мая 2019 г.

German Sources of the Italian Text in the Works of the Lyubomudry: W.-H. Wackenroder and V.F. Odoevsky

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 28–37.
DOI: 10.17223/15617793/447/4

Vitaly S. Kiselev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru
Yulia E. Pushkareva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: j.e.pushkareva2016@yandex.ru

Keywords: Russian romanticism; German romanticism; Italian text; Lyubomudry.

The article examines the issue of the German sources of the Italian text in the works of Russian authors, the Lyubomudry. This issue is insufficiently studied, but topics, images and motives of Italy constitute an important stage of the cultural dialogue between Russia and Italy, Russia and Europe in the 19th-century romanticism. In the creation of the imagological phenomenon of Italy, the Lyubomudry often focused on the philosophical and aesthetic conceptions of German romanticists, in particular, W.-H. Wackenroder. The aim of the article is the comprehension of such a "double" reception of Italy and Italian art in the works of V.F. Odoevsky, the leader of the Lyubomudry. The material of the study includes Odoevsky's prosaic works containing analogies with Wackenroder's aesthetic etudes translated by the Lyubomudry: novellas, stories, the novel *Russian Nights*. The methods of the study are comparative analysis and comprehensive text analysis. The study reveals common features of Wackenroder's and Odoevsky's art conceptions: the romantic duality of the world with aesthetic and religious accents, the central role of the image of an artist, the conflict between art and everyday life, the specificity of the aesthetic category of inspiration, the ideal of the synthesis of arts, the leading position of music in the system of arts. Italian Renaissance is important for both authors as an aesthetic retrospective utopia. The analysis of Odoevsky's novella *Vicenzio and Cecilia* with its numerous Italian motives demonstrates that the image of the portrait of Saint Cecilia is connected with the comprehension of Raphael's same-name painting in Wackenroder's etudes. Another Italian image influenced by Wackenroder's texts on Italian art is the image of Madonna shown explicitly or implicitly in several Odoevsky's works (*Silphide*, *Improviser*, etc.). The image of a genius involved in the conflict between spiritual and material realities is particularly important in the Italian texts of both authors; the comparative analysis of Wackenroder's story about the composer Joseph Berglinger and Odoevky's texts about artists containing numerous allusions to Wackenroder confirms it. In addition, the German romanticist's influence is noticeable in the organization of Odoevsky's fictional Italian space (images of the Alps, Saint Peter's Cathedral). Nevertheless, there are some significant differences between the Italian texts of Wackenroder and of the Russian author: Odoevsky does not idealize the aesthetics of Italian Catholicism, includes images of Madonna and Saint Cecilia in the philosophical issues and psychological collisions of the 19th century, comprehends the conflict between the artist and the material world in a different way. The study allows concluding that Wackenroder, with his romantic conception of art and interest in Italian Renaissance, affected substantially the imagological phenomenon of Italy in Odoevsky's works. In spite of some differences, this influence is obvious in the problem set and the poetics of Odoevsky's works about art and artists.

REFERENCES

1. Wackenroder W.-H. (1977) *Fantazii ob iskusstve* [The fantasy about art]. Translated form German. Moscow: Iskusstvo.
2. Friche, V.M. (ed.) (1929) Vakkenroder Vil'gel'm Geynrikh [Wilhelm Heinrich Wackenroder]. In: *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 t.* [Literary Encyclopedia: in 11 vols]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo Kom. Akad. Columns 79–80.
3. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (2014) Sikstinskaya Madonna Rafaelya v russkoy slovesnoy kul'ture pervoy poloviny XIX veka: zhiznetvorcheskiy ekfrasis [The Sistine Madonna of Raphael in Russian literary culture of the first half of the 19th century: life-creating ecfrasis]. In: D'Amelia, A. *Paralleli: studi di letteratura e cultura russa*. Vol. 22. Salerno: "Europa Orientalis". pp. 93–122.
4. Medovoy, M.I. (2016) *Izobrazitel'noe iskusstvo i tvorchestvo V.F. Odoevskogo* [Fine art and works by V.F. Odoevsky]. [Online] Available from: http://imwerden.de/pdf/medovoj_ iskusstvo_v_tvorchestve_odoevskogo.pdf. (Accessed: 15.09.2016).
5. Tur'yan, M.A. (1991) *"Strannaya moya sud'ba…" O zhizni Vladimira Fedorovicha Odoevskogo* ["My strange fate . . ." On the life of Vladimir Odoevsky]. Moscow: Kniga.
6. Odoevskiy, V.F. (1994) *Vichentsio i Tsetsiliya <Fragmenty nezavershennoy povesti>* [Vicenzio and Cecilia <Fragments of an unfinished story>]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0240.shtml. (Accessed: 25.09.2016).
7. Odoevskiy, V.F. (2007) *Russkie nochi: Roman. Povesti. Rasskazy. Skazki* [Russian Nights: A Novel. Stories. Fairy tales]. Moscow: Eksmo.

Received: 20 May 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 38–46. DOI: 10.17223/15617793/447/5

УДК 81’37; 81’23

О.В. Кожара

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА В МОДЕЛЯХ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА

Предлагается обзор теорий ментального лексикона в аспекте такой проблемы, как репрезентация полисемии. Когнитивный подход к полисемии выдвигает ряд проблем, решение которых возможно в рамках моделей лексикона, интегрирующих семантику и знания о мире. С этой точки зрения обсуждается преимущество ассоциативно-вербальной модели лексикона. На основе проведенного исследования показаны возможности метода анализа ассоциаций, при котором в ассоциативном поле слова-стимула не только выделяются разные значения слова, но и устанавливается их статус (лексико-семантический вариант или значение другой лексемы).

Ключевые слова: ментальный лексикон; модели семантической памяти; лексическая многозначность; омонимия; ассоциативный эксперимент.

Выделение ментального лексикона как отдельного компонента языковой способности человека и попытки его моделировать наряду с другими модулями языковых знаний (фонологией, морфологией, синтаксисом) связаны с решением некоторых теоретических проблем, касающихся определения единицы уровня семантических репрезентаций, доступных для оперирования вместе с другими видами информации о слове. Существующие теории ментального лексикона стремятся дать ответ на вопрос, является ли лексикон хранилищем уже готовых репрезентаций («словарем») или же сетью признаков, на основе которых конструируются актуальные значения. Столкновение противоположных взглядов на ментальный лексикон особенно остро проявляется при попытке представить хранение значений многозначного слова. Очевидно, что предпочтение исследователя должно быть отдано той модели семантической репрезентации, которая является наиболее оптимальной с точки зрения запоминания разных значений, соотносимых с одной и той же словоформой, и быстрого доступа к нужному значению в определенной речевой ситуации.

Лексическая многозначность давно привлекает внимание лингвистов как факт языка, трудно поддающийся описанию и формализации, как правило, не осознаваемый и не отмечаемый в коммуникации самими носителями языка. По этой причине в лингвистике не существует единообразного подхода к описанию многозначности, различия в подходах связаны с разным пониманием лексикона. Сторонники «списочного подхода» полагают, что наличие у слова нескольких значений как нерегулярный феномен языка подлежит простой регистрации, соответственно, лексикон нельзя представить иначе, как «хранилище конкретных (не поддающихся обобщению) фактов о языке»[1] [1. С. 204]. Когнитивный подход, в противоположность «списочным теориям», направлен на обнаружение закономерностей в механизме многозначности, которые возможно описать, обратившись к базовым концептуальным структурам человеческого опыта. Значения многозначного слова не только хранятся в лексиконе, но и тяготеют к определенной структуре, подобной естественной категории, где выделяется «центральный смысл» («типичный представитель» категории) и производные от него значения, связанные друг с другом опосредованно (отношениями «фамильного сходства»). Лексикон представлен сетью связанных значений слов, но кроме этого в его организации участвуют когнитивные структуры абстрактного уровня – «образ-схемы» [2], лежащие в основе метафорических и метонимических переносов значения.

Различия когнитивного и «списочного» подходов в отношении полисемии касаются не только уровня абстракции, на котором рассматриваются значения слова (уровень «схем» или готовых контекстуальных значений), но кроются значительно глубже – в понимании того, как ментальный лексикон соотносится с памятью. В частности, всегда занимавший лексикографов вопрос о том, где проходит граница раздела между «словарем» и «энциклопедией», становится определяющим, когда полисемия возникает при интерпретации высказывания, неоднозначность которого невозможно разрешить без обращения к «знаниям о мире». Когнитивные теории, интегрирующие такого рода знания в семантику, – например, модель «концептуальных зависимостей» Р. Шенка – делают это с оговоркой, что подобное описание не претендует на то, чтобы охватить все знания говорящего о мире, но является достаточным для того, чтобы «показать, как некоторая совокупность знаний о мире используется при обработке языковых данных в предположении, что говорящий / слушающий эти знания имеет» [3. С. 34]. Полисемия языковых единиц в данной теории получает объяснение как результат взаимодействия изначально «общих значений» (или ограниченного числа «примитивов») с когнитивными структурами типа фреймов или сценариев. В то же время факты полисемии, специфичные для определенного языка, остаются в данной теории без рассмотрения. По всей видимости, объяснение языковой многозначности требует включения в описание всех возможных внеязыковых знаний, на которые опирается носитель языка при интерпретации или порождении высказывания.

Построение модели ментального лексикона, интегрирующей языковые знания человека в структуру его знаний о мире, должно опираться на глубокое понимание того, как представлены разные типы знаний (как процедурных, так и декларативных), связанных со словом, в памяти. Обсуждение моделей памяти в статье Г. Скрэгга [4] предваряется замечанием о том, что «между таким представлением [представлением

памяти] и представлением языка (на самом глубинном уровне) разница невелика (если она есть вообще)», и что знания о мире, поддающиеся описанию с помощью языка, «должны быть представимы в памяти» [4. С. 228]. Так, в модели Р. Симмонса память организована как семантическая сеть понятий, за узлы которой принимаются «контекстуальные значения слова» [4. С. 263]. Соответственно, значения многозначного слова будут представлены в сети как отдельные лексические единицы.

В известных моделях памяти вербальные знания играют существенную роль в организации структуры, слова (понятия, лексические значения) как «узлы сети» направляют поиск и извлечение необходимой информации. Так, в «сетевых моделях» памяти «слова или их концептуальные эквиваленты существуют в семантической памяти как независимые единицы, соединенные в единую сеть посредством меченых связей» [5. С. 222]. Варианты «сетевой модели» различаются типом отношений между единицами и механизмами доступа. В «иерархической модели» А. Коллинза и Р. Квиллана [6] связь единиц сети ограничивалась отношениями включения, наследования узлами сети признаков вышестоящего узла. Позже обнаружение «прототипических» эффектов [7] при семантической обработке одинаковых с точки зрения места в иерархии понятий (например, «ПИНГВИН – ПТИЦА» и «МАЛИНОВКА – ПТИЦА»), а также «эффекта связности» [8] между понятиями – членами одной категории указало на то, что определяющими для организации памяти являются не иерархические отношения, а сила связей между понятиями. В соответствии с этим процесс семантической обработки можно представить не как последовательное прохождение по узлам сети, а как «распространяющуюся активацию» [9] от более сильных связей понятий к более отдаленным ассоциациям.

В отличие от моделей с иерархическим строением сети, узлами которой выступают отдельные семантические репрезентации и соответствующие им слова языка, коннекционистские модели не предполагают строение сети вокруг «единиц знания» (понятий, концептов, значений), в них информация хранится в памяти в распределенном виде как следы задействованных ранее связей, т.е. «репрезентация знаний устроена таким образом, что знания обязательно влияют на ход обработки», в системе не хранятся паттерны, но хранится «сила связи между единицами, которая позволяет восстановить эти паттерны» [5. С. 323]. В модели «параллельной распределенной переработки» Д. Румельхарта и Дж. Мак-Клиланда [10] единицы, подобные понятиям или концептам, отсутствуют, вместо них есть множество признаков, «связанных во взаимно возбуждающей сети», способных к одновременной и взаимной «активации / торможению» [5. С. 262].

С точки зрения коннекционистского подхода значение слова не хранится в памяти как отдельная единица, но регулярно воссоздается на основе ассоциаций между компонентами сети, причем важная роль в процессе ассоциирования отводится семантическим признакам, присутствующим в сознании носителя языка. Такие признаки, имеющие аффективное происхождение, могут быть вычислены статистически, как это было показано Ч. Осгудом [11] с помощью методики «семантического дифференциала», когда слово на основе шкалирования носителями языка по ряду параметров получало пространственную характеристику в трех измерениях – оценки, силы и активности.

Развитие психолингвистического метода в изучении семантики позволяет представить весь лексикон в терминах вычислимых признаков и связей между ними. В таком виде в лексиконе Дж. Диз [12] выделяет «ассоциативное значение» как дистрибуции ответов испытуемых на слово-стимул в ассоциативном эксперименте. В качестве метода определения «ассоциативного значения» исследователь предлагает сравнение распределений ассоциаций разных слов-стимулов, поскольку только таким образом возможно обнаружить «принцип для такой классификации ассоциаций, которая бы происходила из природы ассоциативного процесса как такового», а не предопределялась «экстраассоциативными принципами организации»[2] [Ibid. P. 43]. Иными словами, для содержательного анализа значения в вербальных ассоциациях наиболее надежным является метод, при котором ассоциативное «значение одного слова редуцируется к значениям других слов» [Ibid]. Например, применение статистического метода факторного анализа к дистрибуциям ответов на ассоциации некоторого стимула позволяет обнаружить основания («факторы») для группировки и противопоставления слов в ассоциативном значении слова-стимула, данные основания, в свою очередь, рассматриваются как указания на отдельные семантические признаки в структуре значения слова.

Вычисление «интервербального» (по определению Дж. Диза) значения ведет к обнаружению глубинных когнитивных структур и схем, лежащих в основе языка. На их основе могут быть сформулированы принципы организации лексикона как вида долговременной памяти, необходимой для того, чтобы использовать язык, т.е. «семантической» памяти, которой часто противопоставляются ее невербальные формы – «эпизодическая» и «процедурная» память. Между тем обсуждаемые сегодня в психолингвистике модели ментального лексикона («субъективный лексикон» А.А. Залевской, «ассоциативно-вербальная сеть» Ю.Н. Караулова) основываются на том, что в памяти индивида хранятся следы как вербального, так и перцептивного (а также аффективного, когнитивного, социального и индивидуального) опыта. В данных моделях слово играет важную роль, выступая средством доступа к «единой информационной базе человека – совокупного продукта переработки разнообразного (в том числе речевого) опыта индивида» [13. С. 24]. Сама организация лексикона предполагает множественность оснований для связей между единицами – разнородные признаки и признаки признаков – благодаря которым возможна быстрая идентификация слова через любой признак, «актуализирующий соответствующую сеть связей в перцептивно-когнитивно-аффективном опыте индивида» [14. С. 5]. В этом смысле ментальный лекси-

кон не ограничивается только лингвистической частью языковой способности.

В модели внутреннего лексикона А.А. Залевской слово является центральной организующей единицей, «собирающей» в себе множество значимых признаков и связей, способной «высветить» некоторый фрагмент внутреннего образа мира индивида. В этом отношении многозначное слово как уникальный комплекс значений, закрепленных за одной языковой формой, могло бы помочь обнаружить во внутреннем лексиконе множество опор, благодаря которым носитель языка способен соотносить одну и ту же звуковую форму с разными фрагментами образа мира. Однако исследование процесса идентификации многозначного слова в ассоциативном эксперименте, по мнению А.А. Залевской, способно указать на другие явления и процессы в лексиконе. В частности, ассоциативное поведение испытуемых в эксперименте с многозначным словом-стимулом рассматривается как подтверждение «гипотезы о раздельном хранении лексико-семантических вариантов многозначного слова». Ассоциативный эксперимент позволяет установить, что слово, предъявляемое испытуемому вне контекста, «немедленно включается в контекст поверхностного или глубинного яруса лексикона человека и тем самым идентифицируется как самостоятельная единица, независимо от того, сколько лексико-семантических вариантов имеет данное слово» [15. С. 92]. Признавая решающим фактор доступности единицы для ее использования, исследователь считает способ хранения значений, при котором одна и та же словоформа многократно повторятся в лексиконе как разные единицы глубинного уровня, наиболее оптимальным. Это ведет к заключению, что с точки зрения хранения значений в ментальном лексиконе не существует различия между многозначностью и омонимией: и лексико-семантические варианты слова, и значения омонимичных словоформ обладают в лексиконе одинаковым статусом, а выбор нужной единицы определяется такими факторами, как ее частотность / актуальность для носителя языка и контекст.

Предлагаемые модели ментального лексикона и репрезентации многозначного слова определили направление, в котором анализируются ассоциации, полученные в экспериментах с многозначными словами-стимулами. Так, в ряде работ ассоциативные пары получают содержательную интерпретацию на том основании, что каждая реакция представляет собой определенное значение слова, в котором испытуемый опознал предъявленный ему стимул. Метод группировки реакций по «общности основания их связи со словом-стимулом» в работе А.А. Залевской позволяет «разграничивать лексико-семантические варианты слова» (так же, как и «случаи омонимии») и количественно определить степень их актуальности для носителей языка [13. С. 152]. Сходным образом в исследовании Т.М. Рогожниковой, посвященном изучению развития значения многозначного слова по мере взросления индивида [16], ассоциативный материал выступает в качестве источника сведений о семантической структуре многозначного слова, которая определяется как подвижный набор лексико-семантических вариантов слова (ЛВС). Группировка ассоциативных реакций на многозначный стимул позволяет не только определить актуальность ЛСВ слова для данной возрастной группы, но и проследить качественные изменения внутри набора ЛСВ, а именно «углубляющуюся с возрастом дифференциацию значений слов» и «отвлечение от различительных признаков, ведущее к более высоким уровням обобщения» [16. С. 11].

Более поздние исследования на ассоциативном материале также показывают, что семантическая структура многозначного слова поддается перестройке и качественным изменениям в зависимости от социальных и возрастных характеристик испытуемых. В работе Е.В. Ерофеевой [17] проанализированы ассоциации на многозначный стимул, данные испытуемыми в группах разной профессиональной принадлежности. Полученные в итоге различные иерархии значений многозначного слова в разных группах, по мнению исследователя, указывают на «принципиально множественный характер хранения значения в ментальном лексиконе» [Там же. С. 19].

В названных исследованиях предпринимались попытки смоделировать семантическую структуру многозначного слова как психологически реальный феномен. На основе ассоциативного эксперимента воссоздается картина представленности разных значений многозначного слова в лексиконе и их иерархии в языковом сознании носителя языка. В то же время такой содержательный анализ ассоциаций, направленный на разграничение лексико-семантических вариантов слова, зачастую сводится к определению набора актуальных значений, в котором отражаются характеристики группы испытуемых, тогда как семантическая структура значений слова, определяемая языковыми (а не социальными, психологическими) факторами, остается без рассмотрения. Попытки исследовать многозначность слова как когнитивную структуру в сознании человека, подобную категории, с привлечением ассоциативного материала, по всей видимости, до сих пор не предпринимались.

Между тем результаты экспериментальных исследований в нейропсихологии свидетельствуют в пользу того, что фактор семантической близости значений многозначного слова определяет его более быструю обработку в сравнении со словами-омонимами. Результаты сравнительного исследования прайминг-эффекта для омонимов и многозначных слов [18] продемонстрировали разницу в семантической обработке двух типов неоднозначности. Если при обработке слов-омонимов наблюдается более медленное опознавание «вторичного значения» (менее частотного слова-омонима) и в то же время стабильный прайминг-эффект для доминантного значения, и, соответственно, асимметричная активация конкурирующих репрезентаций в обоих полушариях, то это дает основание предположить, что выбор нужной репрезентации в случае омонимии определяется факторами частотности и контекста. При обработке многозначных слов практически одинаковый прайминг-эффект для первичного (основного) значения и для производных смыслов (метафорических и метонимических значе-

ний) наблюдается вместе с одновременной и равномерной активацией обоих полушарий, что может указывать на отсутствие конкурирующих репрезентаций как таковых для многозначного слова. Устанавливаемое таким образом преимущество во времени обработки многозначного слова подтверждает гипотезу «репрезентаций ядерных значений» для многозначных слов в ментальном лексиконе (гипотеза неоднократно проверялась ранее, например, в [19] и [20]).

Следует отдельно упомянуть, что в разных теориях под «ядерным значением» подразумеваются совершенно разные способы представления многозначного слова в лексиконе – как некоторой ментальной репрезентации, из которой выводятся «контекстуальные значения» слова, или же как обобщенной идеи над несколькими значениями, представленной в виде распределенной сети пересекающихся семантических признаков (“the distributed semantic representations of the different senses of these words are highly overlapping” [21. P. 12]). Последний вид репрезентации был принят за гипотетическую основу при моделировании структуры многозначного слова в ряде исследований под руководством Т.Н. Ушаковой. Например, эксперимент на свободное воспроизведение значений многозначного слова (по аналогии с воспроизведением членов категории) [22] позволил сделать интересные выводы о структурированности «полисемичного поля» (значений многозначного слова) во внутреннем лексиконе по типу прототипической категории. Результаты эксперимента с разными типами многозначных слов (как существительных, так и глаголов) также показали, что разная степень структурированности полисемичного поля зависит от типа «ядерной идеи», которая систематизирует данное поле, будучи представлена в его компонентах в распределенном виде. Выявленная особенность организации значений дает возможность рассматривать многозначное слово как «целостную функциональную единицу вербальной системы», имеющую «психофизиологическую организацию», при этом, как показывает эксперимент, семантическая связь между элементами структуры может быть осознаваемой самими носителями языка [23. С. 24].

Метод свободного ассоциативного эксперимента открывает широкие возможности для психолингвистического исследования полисемии. Получение большого массива ответов испытуемых и построение на его основе ассоциативного поля многозначного слова-стимула как метод содержательного анализа ассоциаций может обнаружить некоторые закономерности в ассоциировании многозначного слова в отличие от слов-омонимов или однозначных слов. В частности, стратегия испытуемых идентификации слова «для себя» и включения его во «внутренний контекст» может быть совершенно разной для слов-омонимов и многозначных слов, что обнаруживается при попытке классификации реакций по основаниям их соотнесенности с тем или иным значением (лексико-семантическим вариантом) слова-стимула. Если реакции на слова-омонимы формируют устойчивые группы в ассоциативном поле, которые достаточно четко отделены друг от друга и без затруднений идентифицируются с определенным значением, то разграничение лексико-семантических вариантов в ассоциативном поле многозначного слова представляется проблематичным.

Представленные далее наблюдения над различным характером распределения ответов в ассоциативных полях многозначных и омонимичных[3] слов-стимулов были сделаны на основе анализа ассоциативных данных, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента со студентами Саратовского государственного университета в 2018 г. Испытуемым в письменном виде предъявлялся список из 18 слов-стимулов, на каждый из которых нужно было написать одну реакцию. На основании полученных ответов (всего в эксперименте приняли участие 200 респондентов) были построены ассоциативные поля для каждого стимула и произведена содержательная группировка их реакций. Основанием для группировки реакций на стимул по денотативной отнесенности служили данные толковых словарей, однако в плане количества выделяемые группы реакций не всегда дублируют перечень значений в словаре, так как допускается обобщение некоторых словарных дефиниций.

Группировка реакций на многозначные и омонимичные стимулы позволила обнаружить определенную закономерность в строении ассоциативного поля (АП): чем более связаны между собой значения слова-стимула, тем больше в его АП присутствует реакций, которые нельзя однозначно отнести к какой-либо одной группе ассоциаций.

Отчетливо данное свойство ассоциаций проявляется в ассоциативном поле неоднозначного стимула «ссылка» (табл. 1). Группы реакций I и II, соотносимые со значениями «гиперссылка, по которой пользователь переходит к другим материалам Интернета» и «указание на источник информации в тексте», обнаруживают пересечения в реакциях *источник, страница, на источник, источники*, которые могут в равной степени быть отнесены к обоим группам. На этом основании мы принимаем выделяемые участки АП за лексико-семантические варианты одного слова – *ссылка* 1. Выделяемые группы, в свою очередь, практически не имеют пересечений с группой реакций III, которую составляют ассоциации, в основном однозначно соотносимые с определенным значением – «вид наказания за преступление». Это дает основания предположить, что группы I/II и III представляют в АП разные лексемы – *ссылка* 1 и *ссылка* 2 – соответственно, пересечения между этими участками имеют случайный характер: к совпадающим относятся либо омонимичные реакции (*заключение*), либо реакции, представляющие собой тривиальные семантические компоненты в значениях обоих лексем (*перемещение*).

Наблюдаемая особенность распределения реакций в ассоциативных полях омонимов позволяет предположить, что стратегии идентификации слова при омонимии (наличия у слова нескольких несвязанных значений) и при многозначности стимула могут быть различными. Если в ассоциативном поле выделяются значения, которые трудно разграничиваются в некоторых случаях (например, в реакции *источник* на стимул «ссылка»), то возможно, что при восприятии многозначного слова вне контекста в ассоциативном

эксперименте испытуемый не всегда сталкивается с необходимостью идентифицировать слово в конкретном значении, достаточно опоры на «общий» («ядерный») смысл, который может быть уточнен посредством контекста. Например, в случае со словом «ссылка», для актуализации смысла «указание на источник информации в тексте» уточнение «в форме гиперссылки или библиографической ссылки» нерелевантно. Совершенно другая стратегия наблюдается в случаях с омонимией стимула: наличие у слова нескольких несвязанных значений всегда подразумевает выбор одного из них. В ассоциативном эксперименте такая ситуация необходимости выбора демонстрируется в некоторых «цепочечных» реакциях испытуемых: ссылка – > *браузер, Сталин*; ссылка – > *интернет, наказание*. Представляется возможным, что ситуация рефлексии испытуемых над неоднозначностью стимула возникает вследствие того, что несвязанные значения, закрепленные за одной словоформой, представляют самостоятельные единицы лексикона.

Таблица 1

Группировка реакций в ассоциативном поле омонимичного стимула «ссылка»
(здесь и далее в таблицах приводятся реакции с указанием абсолютной частотности)

I	II	III
интернет 19	**источник 9**	в Сибирь 12
на сайт 15	**на источник 4**	Сибирь 9
сайт 15	**страница 3**	Сталин 3
источник 9	текст 2	каторга 5
на страницу 8	*заключение 2*	Пушкин 2
в описании 3	**источники 1**	тюрьма 2
в интернете 5	на авторство	*заключение 2*
на источник 4	отсылка к чему-то	темнота 1
адрес 6	**указатель**	товарищ Сталин
страница 3	на ситуацию	декабристы
гипер 2		в ад
переход 2		отправка
вконтакте 2		Достоевский
ссылка на сайт 2		**браузер, Сталин**
видео 2		куда-либо
гиперссылка 2		**перемещение**
браузер 2		Пушкина
перейти 1		север
ссылка на интернет-страницу		репрессии
ресурс		в Афганистан
ноутбук		бегство
хэштэг		**интернет, наказание**
браузер, Сталин		декабристов
линк		Шушенское
перемещение		Гулаг
память		Магадан
веб		
указатель		
на		
битая		
ВК		
вверх		
сайта		
на что-то		
на что-либо		
компьютер		
компьютерная		
интернет, наказание		
яндекс		
направление		
источники		
синяя надпись		
страница в интернете		
на интернет		
https;//		
на объект		
<a href = "#">		
на сайте		
в браузере		
URL		
В Википедии		
адресная строка		
на задание		
идти		
прямая		

Метод группировки реакций позволяет наглядно показать, как внутри ассоциативного поля разграничиваются такие единицы, как лексико-семантические варианты и значения разных лексем. В то же время недостаточно четкие границы между группами, представляющими лексико-семантические варианты одного и того же слова, указывают не только на связанность значений многозначного слова, но и на возможное существование в лексиконе «ядерных» представлений, благодаря которым многозначное слово воспринимается носителями языка как когнитивный комплекс.

Интересен поиск когнитивных оснований для объединения разных значений слова в единый комплекс на примере ассоциативных полей слов с развитой многозначностью. Слово-стимул «сеть» представляет случай полисемии с первичным предметным и производными абстрактными значениями. В его ассоциативном поле (табл. 2) выделяются группы реакций, условно соотносимые со значениями: I – сеть Интернет, виртуальное пространство, средство коммуникации и передачи информации; II – совокупность каких-либо объектов, объединенных связями и функционирующих как система; III – приспособление для ловли; IV – что-либо, напоминающее своим внешним видом, назначением или отдельными свойствами сеть. Больше всего пересечений наблюдается между группами I и II (*компьютер, компьютеров, компьютерная, мобильная, локальная, коммуникация*), на основании чего можно заключить, что общее представление о «сети» как об объектах, объединенных связями в единую систему с целью передачи информации, является актуальным для носителей языка. То есть важными когнитивными опорами в структуре значений слова «сеть» являются представления об «узлах» сети, связях между ними и функции. Представления о функции сети и характере образующих ее связей также лежат в основе метафорического переноса, который формирует группу IV («нечто, напоминающее сеть»); значимость данных опор для переноса значения проявляется в связях между IV и II (*зависимость, влияние*) и между IV и III (*ловушка*). Пересечение между значением I («Интернет») и IV в реакции *паутина* также может свидетельствовать о наличии определенного прототипа – визуального образа – в основе когнитивной структуры многозначности слова «сеть». Таким образом, представления о функции, структуре и визуальном образе в совокупности могут составить то, что называется «ядерным значением» слова. Однако остается неясным, как в таком случае «ядерное значение» соотносится с первичным («приспособление для ловли»). Группа III выделяется достаточно обособленно, ее реакции представляют мало оснований для связей с другими значениями слова. Кроме того, данное значение актуализируется испытуемыми в одном ряду с другими в таких «цепочечных» ответах, как *Интернет, промысел, паук* и *Интернет, рыболовная сеть*.

Таблица 2

Группировка реакций в ассоциативном поле многозначного слова-стимула «сеть»

I	II	III	IV
интернет 72	магазинов 10	рыболовная/	**паутина 8**
паутина 8	**компьютер 6**	рыболовная сеть 10	паук 5
всемирная 4	**компьютеров/**	рыбалка 3	**ловушка 2**
глобальная 5	**компьютеры/**	**ловушка 2**	опутала 1
связь/связи 4	**компьютерная 3**	рыбацкая 2	**зависимость,**
компьютер 6	телефонная/	море 1	**влияние**
информационная 2	телефонов 2	клетка	заблуждение
компьютеров/	**мобильный/**	убийство животных	**необъятная**
компьютеры/	**мобильная 2**	рыбака	**зависимость**
компьютерная 3	провод/провода 2	ловля	общества
вконтакте 2	**связь/связи/**	**интернет,**	**интернет,**
социальная 5	**связей 5**	**промысел, паук**	**промысел, паук**
мобильный/	нейро/нейронная 2	**интернет,**	**маскировочная**
мобильная 2	поле 1	**рыболовная сеть**	паука
виснет 1	электронная	рыба	
вконтакте – соц.сеть	развитие	**маскировочная**	
интернет, компьютерная сеть	**интернет,**		
мировая	**компьютерная сеть**		
локальная	семантическая		
коммуникация	**зависимость, влияние**		
ВК	**локальная**		
Мегафон	чего-нибудь		
Яндекс	**коммуникация**		
необъятная	пекарни		
плохая	организаций		
интуитивная	**Мегафон**		
зависимость	каналов		
мир	**необъятная**		
интернет, промысел, паук	**зависимость**		
интернет, рыболовная сеть	система		
глобализация	карта		
хорошая	информаторов		
веб	архитектура		
интернета	вычислительных сетей		

Выявленные особенности ассоциативного поля слова «сеть», таким образом, могут указывать: 1) на ослабление связи между основным предметным и производными абстрактными значениями, которые, судя по частотности реакций, занимают первичное место в сознании носителей языка; 2) возможную утрату связи производных значений с мотивирующим, вследствие чего отмечается движение лексико-семантических вариантов слова «сеть» в сторону омонимии.

Сравнение ассоциативных полей слова-омонима и многозначного слова позволило обнаружить определенные закономерности в их строении. В частности, было установлено, что характер распределения реакций по группам во многом зависит от статуса выделяемых значений слова-стимула (значение лексемы или лексико-семантический вариант), а также от того, к какому полюсу на шкале омонимия / многозначность тяготеет данный стимул. Так, словарные омонимы *ссылка* 1 и *ссылка* 2 (согласно МАС) были представлены двумя обособленными участками ассоциативного поля (группы I / II), по которым реакции испытуемых распределились почти однозначно, в отличие от реакций, соотносимых с лексико-семантическими вариантами слова *ссылка* 1. Нечеткость границ между выделяемыми группами реакций, по нашему предположению, должна отражать следы связей в семантической структуре многозначности слова.

На примере различий в строении АП многозначного слова и слов-омонимов также можно показать разницу в стратегиях ассоциирования многозначных слов и слов-омонимов. В частности, распределение реакций в АП многозначного слова-стимула, а именно, невозможность провести четкие границы между лексико-семантическими вариантами, является аргументом в пользу того, что стратегия идентификации слова «для себя» возможна с опорой на общие представления («ядерные значения»), а не только на конкретные значения слова. В АП слова-стимула «сеть» выделяются реакции, соотносимые с метафорическими значениями *паутина, зависимость, влияние, заблуждение* – все они предполагают метафорический перенос по разным основаниям, ввиду чего данную группу реакций сложно идентифицировать как представление в АП определенного значения слова. В то время как актуализируемые в этих реакциях представления играют роль важных когнитивных опор при ассоциировании слова «сеть». Это дает основания предполагать, что помимо конкретных значений слова в лексиконе могут существовать более сложные репрезентации, на которые опираются производные (в частности, метафорические) значения, что соответствует основному принципу экономии в организации лексикона, запрещающему «списочное» хранение всех имеющихся у слова значений. В то же время существование устойчивых репрезентаций для некоторых лексико-семантических вариантов слова является необходимым: например, первичное значение слова «сеть» («приспособление для ловли») выделяется в АП стимула обособленной группой реакций, т.е. в сознании носителя языка его связь с производными значениями ослаблена – ввиду этого мы предполагаем, что данный лексико-семантический вариант слова подобно значениям слов-омонимов, представляет собой самостоятельную единицу лексикона.

Представляется, что моделирование многозначности слова в ментальном лексиконе невозможно без обращения к языковому сознанию носителей языка с целью поиска когнитивных оснований для объединения значений слова в единый комплекс. Гипотеза о существовании в лексиконе репрезентаций более высокого уровня абстракции – «ядерных» смыслов, не сводимых к отдельным лексико-семантическим вариантам слова – требует дальнейшей проверки в исследовании многозначности разных типов (в рамках данной статьи гипотеза рассматривалась применительно к метафорическим значениям слова). В данной статье было установлено влияние многозначности / омонимии слов-стимулов на стратегии ассоциирования; выявленная закономерность может представлять серьезный аргумент в пользу признания сложных репрезентаций многозначных слов одним из важных свойств организации лексикона.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цитата приводится в переводе (перевод наш).
[2] Цитата приводится в нашем переводе.
[3] В определении омонимии / многозначности слов-стимулов мы опирались на решения лексикографов – составителей авторитетных толовых словарей русского языка: Малого академического словаря (МАС) и Большого толкового словаря русского языка (БТС).

ЛИТЕРАТУРА

1. Leech G. Semantics: The Study of Meaning. Pelican Books, 1985.
2. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М. : Языки славянской культуры, 2004.
3. Шенк Р., Бирнбаум Л., Мэй Дж. К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: пер. с англ. 1989. Вып. 24. С. 32–47.
4. Скрэгг Г. Семантические сети как модели памяти // Новое в зарубежной лингвистике: пер. с англ. 1983. Вып. 12. С. 228–271.
5. Солсо Р. Когнитивная психология. М. : Тривола, 1996.
6. Collins A.M., Quillan M.R. Retrieval time from semantic memory // Journal of verbal learning and verbal behavior. 1969. Vol. 9 (4). P. 432–438.
7. Rips L.J., Shoben E.J., Smith E.E. Semantic distance and the verification of semantic relations // Journal of verbal learning and verbal behavior. 1973. Vol. 12 (1). P. 1–20.
8. Shaeffer B., Wallace R. Semantic similarity and the comparison of word meanings // Journal of Experimental Psychology. 1969. Vol. 82 (2). P. 343–346.
9. Collins A.M., Loftus E.F. A spreading-activation theory of semantic processing // Psychological Review. 1975. Vol. 82 (6). P. 407–428.
10. Rumelhart D., McCleland J.L. Parallel Distributed Processing: explorations in the microstructure of cognition. Cambridge : MIT Press, 1986.
11. Osgood C.E. The Nature and Measurement of Meaning // Psychological Bulletin. 1952. Vol. 49 (3). P. 197–237.
12. Deese J. The Structure of Associations in Language and Thought. Baltimore : The Johns Hopkins Press, 1965.

13. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011.
14. Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. DirectMedia, 2017.
15. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М. : Гнозис, 2005.
16. Рогожникова Т.М. Развитие значения полисемантичного слова у ребенка : автореф. дис .... канд. филол. наук. Саратов, 1986.
17. Ерофеева Е.В. Структура словарной статьи и структура значений многозначного слова в ментальном лексиконе (на примере слова «форма») // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2013. № 1. С. 1–22.
18. Klepousniotou E. et al. Not all ambiguous words are created equal : An EEG investigation of homonymy and polysemy // Brain and language. 2012. Vol. 123 (1). P. 11–21.
19. Rodd J.M., Gaskell M.G., Marslen-Wilson W.D. Making sense of semantic ambiguity: semantic competition in lexical access // Journal of Memory and Language. 2002. Vol. 46. P. 245–266.
20. Klein D.E., Murphy G.L. The representation of polysemous words // Journal of Memory and Language. 2001. Vol. 45 (2). P. 259–282.
21. Klepousniotou E., Baum Sh.R. Processing homonymy and polysemy: Effects of sentential context and time-course following unilateral brain damage // Brain and Language. 2005. Vol. 95 (3). P. 365–382.
22. Ушакова Т.Н., Григорьев А.А. Полисемия как форма организации вербально-семантического пространства // Вопросы психолингвистики. 2013. № 18. С. 5–19.
23. Ушакова Т.Н., Сметанина Т.В. Репрезентация полисемических структур в вербальной системе человека // Вопросы психолингвистики. 2011. № 14. С. 16–27.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 мая 2019 г.

Representation of a Polysemous Word in Models of Mental Lexicon

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 38–46.
DOI: 10.17223/15617793/447/5

Olesya V. Kozhara, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: okozhara@mail.ru

Keywords: mental lexicon; semantic memory models; lexical polysemy; homonymy; associative experiment.

The article reviews some of the most prominent theories of mental lexicon in regard to the problem of polysemy representation. The focus of the studies in the field of mental lexicon is on the search for an adequate way to represent, store and retrieve from the memory information about the senses of a polysemous word. The advantage of cognitive models of representation over “listing” senses in the lexicon is that they view a polysemous word as a multi-faceted structure of world knowledge rather than as a set of isolated senses. In this respect, a cognitive approach to polysemy proposes models of lexicon integrating dictionary and world knowledge. From the point of view of representation of such knowledge, the advantage of connectionist models of verbal memory is discussed, special emphasis is made on the associative verbal model. The existing studies of polysemy by the method of free associations have not investigated the semantic structure of a polysemous word as a cognitive phenomenon so far. The established method of analysis of responses to polysemous stimuli aims to differentiate the senses of the word in the associative field, since it is based on the assumption that distinction between “senses” and “meanings” is irrelevant for a language speaker. The relevance of the present study consists in the attempt to model polysemy of the word as a cognitive phenomenon. The author’s aim is to propose a method of analysis of associations that allows to state the different status of homonymous lexemes and senses of a polysemous word in the lexicon. The results discussed in the article were obtained from the responses to polysemous and homonymous stimuli elicited from Russian-speaking students during a free association experiment. The analysis of the data involved semantic interpretation of the responses, their clustering and construction of the associative field. As a result, the structures of associative fields of polysemous and homonymous stimuli were compared. The method of analysis is aimed at the search for grounds on which senses of polysemous words are perceived as related by speakers of language. The comparison of the structures of polysemous and homonymous words revealed the peculiar features of both homonymy and polysemy. For instance, for the homonymous stimulus (“ssylka”) it was found that associative responses are distinctly and more easily distributed into two groups referring to different meanings of the word (*ssylka1* “link, reference” and *ssylka2* “deportation”), while the same differentiation is more difficult to accomplish when it comes to the senses of the same word (*ssylka1* as “link” or “reference”). The discovered difficulty is due to the responses which cannot be univocally attributed to a particular meaning (sense) of the word. These responses should be regarded as indicators of interrelatedness of the senses of the word, since they are more typical of polysemous stimuli rather than of homonymous. The analysis of the associative field of the polysemous word “set’ ” (“net”) has also shown that the difficulty in attributing of association to one of the senses denotes the complex structure of senses typical of polysemy. Thus, the established feature of the associative field of a polysemous words presumably reflects their representation in the lexicon, different from homonyms.

REFERENCES

1. Leech, G. (1985) *Semantics: The Study of Meaning*. Pelican Books.
2. Lakoff, G. (2004) *Zhenshchiny, ogon’ i opasnye veshchi. Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind]. Translated form English. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
3. Schank, R., Birnbaum, L. & Mey, J. (1989) K integratsii semantiki i pragmatiki [Integrating semantics and pragmatics]. Translated form English by G.Yu. Levin. In: Gorodetskiy, B.Yu. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Is. 24. Moscow: Progress. pp. 32–47.
4. Scragg, G. (1983) Semanticheskie seti kak modeli pamyati [Semantic nets as memory models]. In: Zvegintsev, V.A. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow: Raduga. pp. 228–271.
5. Solso, R. (1996) *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive Psychology]. Translated form English. Moscow: Trivola.
6. Collins, A.M. & Quillan, M.R. (1969) Retrieval time from semantic memory. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 9 (4). pp. 432–438.
7. Rips, L.J., Shoben, E.J. & Smith, E.E. (1973) Semantic distance and the verification of semantic relations. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 12 (1). pp. 1–20.
8. Shaeffer, B. & Wallace, R. (1969) Semantic similarity and the comparison of word meanings. *Journal of Experimental Psychology*. 82 (2). pp. 343–346.
9. Collins, A.M. & Loftus, E.F. (1975) A spreading-activation theory of semantic processing. *Psychological Review*. 82 (6). pp. 407–428.
10. Rumelhart, D. & McCleland, J.L. (1986) *Parallel Distributed Processing: explorations in the microstructure of cognition*. Cambridge: MIT Press.
11. Osgood, C.E. (1952) The Nature and Measurement of Meaning. *Psychological Bulletin*. 49 (3). pp. 197–237.
12. Deese, J. (1965) *The Structure of Associations in Language and Thought*. Baltimore: The Johns Hopkins Press.

13. Zalevskaya, A.A. (2011) *Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta* [The meaning of the word through the prism of an experiment]. Tver: Tver State University.
14. Zalevskaya, A.A. (2017) *Chto tam – za slovom? Voprosy interfeysnoy teorii znacheniya slova* [What is there behind the word? Questions of the interface theory of the meaning of the word]. Moscow; Berlin: DirectMedia.
15. Zalevskaya, A.A. (2005) *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst. Izbrannye trudy* [Psycholinguistic research. Word. Text. Selected Works]. Moscow: Gnozis.
16. Rogozhnikova, T.M. (1986) *Razvitie znacheniya polisemantichnogo slova u rebenka* [The development of the meaning of a polysemantic word in a child]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
17. Erofeeva, E.V. (2013) Struktura slovarnoy stat'i i struktura znacheniy mnogoznachnogo slova v mental'nom leksikone (na primere slova "forma") [The structure of a dictionary entry and the structure of the meanings of a polysemantic word in the mental vocabulary (by example of the word "form")]. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 1. pp. 1–22.
18. Klepousniotou, E. et al. (2012) Not all ambiguous words are created equal: An EEG investigation of homonymy and polysemy. *Brain and Language*. 123 (1). pp. 11–21.
19. Rodd, J.M., Gaskell, M.G. & Marslen-Wilson, W.D. (2002) Making sense of semantic ambiguity: semantic competition in lexical access. *Journal of Memory and Language*. 46. pp. 245–266.
20. Klein, D.E. & Murphy, G.L. (2001) The representation of polysemous words. *Journal of Memory and Language*. 45 (2). pp. 259–282.
21. Klepousniotou, E. & Baum, Sh.R. (2005) Processing homonymy and polysemy: Effects of sentential context and time-course following unilateral brain damage. *Brain and Language*. 95 (3). pp. 365–382.
22. Ushakova, T.N. & Grigor'ev, A.A. (2013) Polysemy As A Form Of Verbal Semantic Space. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 18. pp. 5–19. (In Russian).
23. Ushakova, T.N. & Smetanina, T.V. (2011) The representation of polysemic structures in human verbal system. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 14. pp. 16–27. (In Russian).

Received: 17 May 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 47–54 . DOI: 10.17223/15617793/447/6

УДК 81’42

Л.Б. Крюкова

ПЕРЦЕПТИВНЫЙ СТРОЙ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ АППАРАТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представлен анализ основных терминов перцептивной лингвистики, используемых в процессе изучения художественного текста. Предложено определение понятия «перцептивный строй» поэтического текста. Обосновано, что введение в научный оборот нового термина позволит описать художественную перцептивность как сложную семантическую структуру, актуализировать текстообразующую функцию перцептивных единиц разных уровней, использовать дополнительный инструментарий в процессе филологического анализа текста.

Ключевые слова: восприятие; перцептивный строй; перцептивный образ; семантика; художественный текст.

Введение

Восприятие является одной из важнейших форм существования человека, направленной на контакт с окружающим миром и его активное познание. Актуальность изучения данного феномена в рамках современной лингвистической парадигмы обусловлена развитием таких направлений, как когнитивная и дискурсивная лингвистика, лингвоперсонология, функциональная стилистика, лингвистическая семантика и др. «Изучение перцептивных значений в аспекте поиска универсальных принципов языковых категорий и механизмов их развития <…> привело к тому, что восприятие было признано тем познавательным фактором, который задает ракурс осмысления и пути репрезентации в языке очень многих категорий бытия и сознания: пространства, времени, реальности, состояния души, противопоставления внутреннего внешнему» [1. С. 5].

В предлагаемой статье представлен анализ основных понятий, используемых в современных перцептивных лингвистических исследованиях, *с целью* разработки теоретико-методологической базы нового направления, в рамках которого феномен перцептивности рассматривается в аспекте текстообразования. Основные *задачи* исследования: 1) представить краткий обзор основных лингвистических работ, направленных на изучение семантики восприятия в русском языке; 2) выявить и описать ключевые термины перцептивной лингвистики, используемые в процессе анализа художественных текстов; 3) обосновать необходимость введения в научный оборот термина *перцептивный строй* поэтического текста и определить его содержательное наполнение.

Актуальность проблематики обусловлена тем, что, несмотря на большое количество многоаспектных лингвистических перцептивных исследований (подробный обзор см. [1]), *перцептивная лингвистика (лингвосенсорика)* как отдельное направление российского языкознания выделена совсем недавно: одна из первых монографических работ, посвященная этому вопросу, относится к 2012 г. Ее автор, В.К. Харченко, пишет, что в современном российском языкознании «по масштабу своих исследований когнитивная лингвистика на порядок опережает разработку и развитие сенсорной лингвистики, тогда как за рубежом лингвистика восприятия относится к весьма авторитетным областям». Одна из причин связана с тем, что «…перцепция охватывает “все”, и структурировать, выстраивать, проводить неповерхностное, необзорное, прицельное исследование весьма сложно» [2. С. 12]. В монографии В.К. Харченко выделены «белые пятна» и определены основные аспекты дальнейшего развития *лингвосенсорики*.

В 2017 г. выходит еще одна монография, в название которой, так же как и в исследовании В.К. Харченко, вынесен термин *лингвосенсорика* [3]. А.Ю. Нагорная дает подробное обоснование целесообразности использования данного термина: «Во-первых, он семантически прозрачен и точно отражает суть научного направления. Во-вторых, он обладает необходимой емкостью и охватывает многочисленные, но разрозненные исследования языка человеческих ощущений, проводимые лингвистами на протяжении последних 30 лет. <…> И в-третьих, термин позволяет гармонично вписать эту формирующуюся парадигму в общенаучный контекст, обозначив ее место в структуре современного гуманитарного знания и отнеся ее к области сенсорных исследований (Sensory Studies)» [Там же. С. 4].

Несмотря на вышесказанное, на уровне ключевого термина, обозначающего область лингвистического знания, занимающегося языком перцепции, наблюдается вариативность: *перцептивная лингвистика, сенсорная лингвистика, лингвосенсорика, лингвистика восприятия.* В рамках предлагаемой статьи предпочтительным является понятие *перцептивная лингвистика* как наиболее употребительное и научно обоснованное [1, 3–6 и др.].

Перцептивная лингвистика включает множество направлений: дискурсивное, психолингвистическое, лексико-семантическое, структурно-синтаксическое, лингвоперсонологическое, сравнительное, лингвостилистическое, экспериментальное и др., но ни одно из них не может развиваться обособленно, т.е. интегративность и междисциплинарность являются ключевыми характеристиками любого лингвистического исследования, посвященного проблемам восприятия.

Классификации основных подходов к изучению языковой репрезентации чувственного восприятия обобщены и представлены в докторских диссертациях и монографических работах И.Ю. Колесова [4], О.Ю. Авдевниной [1], а также в монографиях С.Ю. Лавровой [5], А.Ю. Нагорной [3] и коллектив-

ной монографии С. Корычанковой, Л. Крюковой, А. Хизниченко [6]. В целом исследования, выполненные в рамках перцептивной лингвистики, объединены тем, что *восприятие* рассматривается как гносеологическая, семантическая и когнитивная категория, имеющая инструментальный статус в познании и устанавливающая границы возможностей и параметров какого-либо языка в передаче того или иного смыслового содержания на основе перцептивной составляющей опыта человека [4].

Монография О.Ю. Авдевниной, изданная в 2013 г., подводит итог определенному этапу в развитии перцептивной лингвистики. Используя «стратегию многоаспектного анализа» [1. С. 9], автор обосновывает понятие *категория восприятия,* которое «позволяет объединить в анализе этой разновидности языкового значения осмысление восприятия в аспекте формирования языковых универсалий, семантических полей языка, важнейших когнитивных категорий языковой и художественной герменевтики, категорий языкового и художественного дейксиса, способов и средств моделирования психологических процессов в художественном тексте и т.д.» [Там же. С. 64]. Дальнейшее развитие видится в разработке отдельных направлений. В рамках предлагаемой статьи в фокусе внимания находится *художественная перцептивность.*

Художественная перцептивность как объект лингвистических исследований. План содержания категории восприятия базируется на инвариантной семантической структуре соответствующей ситуации, включающей три основных компонента: субъект восприятия, объект восприятия и их перцептивное взаимодействие. Исследование языковых способов реализации категории восприятия проводится на материале различных дискурсивных практик: диалектных [7], публицистических [8], разговорных, религиозных [2] и др. При этом, как отмечает О.Ю. Авдевнина, ситуация восприятия, понимаемая как языковая модель реальной перцепции, выстраивается главным образом в художественном тексте, и моделирование восприятия признано параметром художественного текста. «Именно в условиях художественного функционирования проявляется динамика, разнообразие и системная организация перцептивных значений» [1. С. 56].

А.В. Бондарко определяет перцептивность как элемент семантики высказывания: по отношению к признаку наблюдаемости все высказывания делятся на перцептивные (включающие признак перцептивности) и неперцептивные. Автор определяет феномен *художественной перцептивности* («литературной перцептивности») в процессе описания доступных наблюдению ситуаций, с точки зрения «всеведущего автора»: «Образно-поэтическая перцептивность» характеризуется тем, что элементы наблюдаемости обладают образной конкретностью, она связана с поэтическим временем, пространством и образом перцептора, восприятием мира и выражением его чувств и мыслей» [9. С. 277–279]. В рамках исследования способов языковой репрезентации восприятия значимым становится декодирование индивидуальных смыслов в структурно-семантической организации произведения.

С.Ю. Лаврова, рассматривая языковую перцептивность говорящего как субъекта восприятия на материале поэзии М.И. Цветаевой и К.Д. Бальмонта, отмечает, что «языковая перцептивность как понятие характеризуется отражением объективного мира в субъективном сознании с помощью языка на основе сенсорной системы анализаторов» [5. С. 110], а «перцептивные образы формируют определенную оценочность текста и дают возможность охарактеризовать глубинную сторону авторской философии бытия» [Там же. С. 102].

В.К. Харченко вводит понятие *сенсорное напряжение*, которое понимается как «обилие перцептивных проекций на единицу текста, нацеленное на пробуждение средствами языка перцептивных образов» [2. С. 71]. Автор подробно описывает способы создания *сенсорного напряжения* в художественном дискурсе (метафоры, сравнения, шквальное перечисление, одномоментный срез перцепций и др.) и использует понятие «иносенсорика», которое характеризуется как прием смены сенсорного образа [Там же. С. 75].

Сопоставительные лингвостилистические исследования, в которых анализируются способы и средства вербализации семантики восприятия (например, анализ индивидуально-авторской перцептивной картины мира в тексте оригинала и перевода [6]), показывают, что семантические и структурные трансформации ведут к «преобразованию» (изменению) перцептивных образов, что обусловлено языковыми, культурными и индивидуально-авторскими особенностями мировосприятия.

Необходимо отметить, что, говоря в своей монографии о перцептивности в художественном тексте, О.Ю. Авдевнина подчеркивает, что данный феномен рассматривается ею «вне контекстов творческой индивидуальности автора», в связи с чем в работе отсутствует «интерпретация индивидуально-авторских и иных эстетических компонентов содержания», вводится понятие «потенциал художественной реализации», и «выводы о специфике перцептивной семантики относятся скорее к языку, а не к художественному слову» [1. С. 8–9].

Опираясь на все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что проблема *художественной перцептивности* является актуальной и в настоящий момент существует необходимость обобщающего теоретического исследования, ориентированного на изучение феномена восприятия как фактора текстообразования. Любое теоретическое исследование требует детальной проработки и систематизации существующих терминов, о чем и пойдет речь в следующей части статьи.

Практической базой предпринятого теоретического исследования являются выводы о перцептивной составляющей поэтической картины мира, полученные в коллективной монографии [6], изданной в 2016 г. Авторы рассматривают категорию восприятия в аспекте текстовой деятельности и демонстрируют, что языковые средства создания перцептивных образов являются инструментом анализа художественного текста и позволяют исследовать языковую и художественную картину мира отдельного автора.

Именно результаты лингвостилистического анализа большого количества художественных произведений свидетельствуют о необходимости описания и систематизации основных терминов перцептивной лингвистики, востребованных в процессе теоретического осмысления накопленного материала и обоснования общих положений. Перцептивность необходимо рассмотреть как фактор тектообразования и текстовую категорию, степень и глубина реализации которой напрямую связана с культурной традицией, литературным течением (направлением) и индивидуально-авторским мировоззрением.

Если термины, встретившиеся в первой части статьи (например, *перцептивная лингвистика, категория восприятия, художественная перцептивность*), уже имеют теоретическое обоснование в филологических работах [1–3, 9 и др.], то рассматриваемые далее номинации не получили широкого распространения в лингвистической сфере. Логика рассуждений строится по принципу индукции: от частного к общему, что позволяет избежать категоричности и сохранить «вероятностный пафос» исследования.

Терминологический аппарат исследования перцептивной семантики в художественных текстах. Перцептивная лингвистика является междисциплинарным научным направлением, и, говоря о терминологическом аппарате лингвистического исследования, необходимо обратиться к терминам, уже разработанным и устоявшимся в психологии. При этом «внешнее заимствование» подразумевает порой серьезные изменения (доработку) «внутреннего содержания».

Понятие *перцептивная единица* в психологии является рабочим термином [10] и регулярно встречается в современных лингвистических работах в нетерминологическом значении: как синоним к словосочетанию *языковые единицы с перцептивной семантикой* (прежде всего, лексические и синтаксические). При разработке проекта словаря перцептивных образов [11. С. 47] возникла необходимость обоснования терминологического статуса *перцептивной единицы* именно для исследований, посвященных вопросам филологического анализа художественного текста. В рамках художественного произведения (с опорой на текстообразующую функцию) *перцептивные единицы* могут быть определены как языковые средства выражения (лексические и синтаксические) перцептивного (художественного) образа, а основанием для классификации становится модус перцепции: зрение, слух, осязание, обоняние и вкус. Например, перцептивный образ «тишины» в поэзии Б.Л. Пастернака реализуется перцептивными единицами: *тишина, молчание, безмолвие, сыплется рыхлая тишь, губы на замке и др.* [Там же. С. 51].

В процессе исследования феномена перцептивности в художественном тексте принципиальным является понятие *перцептивного образа*, активно используемого в психологии. А.Н. Леонтьев указывает на взаимодействие в перцептивном образе трех основных компонентов – чувственной ткани, значения, личностного смысла. Чувственная ткань делает восприятие предмета реальным, т.е. относит его к реальности внешнего мира – существующей объективно, значение приводит восприятие к существующей норме (обычно выраженной в языке – слово, понятие), личностный смысл придает восприятию личностную определенность, окрашенность, выраженность (в частности, в речевой и мотивационной сфере) [12. С. 251–261].

Н.А. Николина в книге «Филологический анализ текста» использует термин *чувственный образ* и пишет о его значимости в художественном произведении: «Словесные образы в художественном тексте отображают ту или иную картину мира, преобразуя ее в соответствии с интенциями автора и обновляя восприятие читателя. Различные аспекты этой картины, прежде всего, находят отражение в *чувственных образах*: зрительных, звуковых, одоративных и т.п. Образные средства в этом случае выполняют изобразительную функцию, служат для визуализации описания (повествования), создают художественную реальность в богатстве красок» [13. С. 77]. Как уже было отмечено выше, в монографии В.К. Харченко встречается понятие *сенсорный образ,* который в рамках контекста, наряду с *перцептивным образом*, может быть определен как родовое понятие по отношению к видовым чувственным образам: зрительным, осязательным, обонятельным и вкусовым.

Глубокое осмысление и обоснование термина *перцептивный образ* представлено в монографии С.Ю. Лавровой. Автор пишет, что перцептивный образ – «это ментальный оценочный образ, физиологической основой которого является сенсорная составляющая», «одна из форм субъективного образа, получающего конкретное лексико-грамматическое наполнение в индивидуально-авторской модели мира субъекта» [5. С. 44].

С.Ю. Лаврова характеризует перцептивный образ как исследовательский конструкт, который может быть рассмотрен в качестве аксиологического знака художественного мира конкретного автора (субъекта восприятия) [Там же. С. 110–111].

Как уже было отмечено [12, 13], *перцептивный образ* с лингвистических позиций рассматривается как видовое понятие по отношению к словесному художественному образу, который Н.С. Валгина характеризует как «способ конкретно-чувственного воспроизведения действительности в соответствии с избранным эстетическим идеалом» [14. С. 124]. Выделятся образ-индикатор (реализация прямого значения, «проявление смысла»), образ-троп (переосмысление на основе метафоризации) и образ-символ (образ, выходящий за пределы контекста и закрепленный традицией употребления). В контексте нашего исследования, ориентированного на изучение перцептивности в аспекте тектообразования, принципиальным является положение о том, что в поэтическом произведении движение от конкретного смысла (наглядность, зрительность, картинность) к переносному и отвлеченному является композиционным приемом [Там же. С. 126].

Высшей ступенью художественного образа является образ-символ, в связи с чем необходимо отметить, что материалом для подтверждения основных теоре-

тических положений предлагаемого перцептивного исследования являются не поэтические тексты «вообще», а произведения поэтов-символистов, для которых образ-символ становится основным способом выражения идеи, а метафора и олицетворение – главными средствами художественной выразительности.

Таким образом, *перцептивные единицы* в поэтическом тексте являются, с одной стороны, средством языковой репрезентации *перцептивного образа*, что напрямую связано с эстетической функцией художественного произведения, с другой стороны, «маркируют» в тексте пропозицию восприятия и могут быть рассмотрены в аспекте текстообразования (в первую очередь категорий цельности и связности). И в том, и в другом случае в процессе анализа *перцептивных единиц* необходимо использовать термин *перцептивная семантика,* который, в отличие от двух предыдущих, является устоявшимся и воспроизводимым [1. С. 5].

Чтобы избежать критических замечаний по поводу того, что «перцептивность не имеет границ», на этапе теоретических рассуждений мы опираемся только на те языковые единицы, в значении которых авторы словарей фиксируют тему «восприятие» (*звук, взгляд, запах* и др.).

Говоря об исследованиях перцептивной семантики в художественных текстах, нельзя обойти стороной отдельное направление, в рамках которого разрабатывается понятие *перцептивный концепт* (подробный обзор работ по данной проблематике см.: [5. С. 84–86]). Перцептивными считаются концепты, репрезентирующие знания о различных видах восприятия – визуального, слухового, тактильного и др. В докторской диссертации О.А. Мещеряковой рассматриваются понятия *художественный перцептивный концепт* и *индивидуально-авторский перцептивный концепт*, которые, по мнению автора, определяют специфику художественного дискурса И.А. Бунина [15. С. 3].

В нетерминологическом значении регулярно используется словосочетание *перцептивная картина мира*. Подразумевается *фрагмент* языковой картины мира, репрезентированный языковыми единицами с семантикой восприятия (зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса). Анализируя модель восприятия, отраженную в русском языковом сознании, Е.В. Урысон отмечает: «Этот фрагмент русской языковой картины мира очень логичен. Правда, он не разработан языком до конца – представление о некоторых невидимых органах восприятия лишь намечено» [16. С. 85]. С.С. Земичева пишет об отсутствии проработанности понятия *перцептивная картина мира* и подчеркивает, что в ее работе под этим понимаются особенности мировосприятия, зафиксированные в перцептивных единицах, а индивидуальная перцептивная картина мира рассматривается как вариант коллективной [17. С. 21]. «Перцептивная картина мира реконструируется с учетом устройства семантического поля “восприятие”, коннотативных компонентов в семантике его единиц и дискурсивной практики их употребления носителем языка» [Там же. С. 175].

С понятием *перцептивная картина мира* связано понятие *перцептивное поле (сенсорное поле),* активно используемое в психологии [18]. В лингвистических работах данный термин встречается нечасто, и речь в этом случае идет о лексико-семантическом поле «восприятие», в рамках которого выделяются лексико-семантические группы по типам восприятия (обзор работ см. [5. С. 36; 6. С. 12 и др.]).

В качестве промежуточного итога отметим, что в рамках исследования семантики восприятия в поэтических текстах из рассмотренных в данном разделе терминов востребованными являются следующие: *перцептивная семантика, перцептивная единица, перцептивный образ* и *перцептивная картина мира,* что обусловлено спецификой работы, направленной на изучение перцептивности именно в аспекте текстообразования.

Перцептивный строй поэтического текста: необходимость введения термина и его содержательное наполнение. Перцептивный образ, так же как и словесный художественный образ, является средством выражения идеи художественного произведения (триада «идея – образ – язык» [14. С. 120]) и рассматривается в качестве «аксиологического знака поэтического мира субъекта восприятия» [5. С. 88]. Описание перцептивных образов в процессе лингвистического (шире – филологического) анализа текста в первую очередь ориентировано на изучение содержательной стороны художественного произведения. При этом *перцептивные единицы* разных уровней, взаимодействуя между собой, выполняют не только смыслообразующую, но и текстообразующую функцию (см. выше). Таким образом, при использовании их в качестве инструмента в процессе исследования перцептивной семантики в аспекте текстообразования, возникает необходимость введения еще одного понятия, подразумевающего актуализацию функционального аспекта и по отношению к *перцептивным единицам* разных текстовых уровней, и по отношению к *перцептивным образам*. Для обозначения такого «функционального» понятия может быть предложен термин *перцептивный строй* поэтического текста, до настоящего момента не встречающийся в работах по теории текста и его филологическому анализу.

В.А. Барабанщиков в книге «Психология восприятия: организация и развитие перцептивных процессов» дает определение *перцептивного строя* как способа организации перцептивных явлений: «Форма восприятия проявляется в трех измерениях, отражающих разные способы организации информационного содержания: 1) функционном (перцептивный строй), 2) предметно-смысловом (перцептивная схема) и 3) интерактивном (перцептивный план). <…> Совокупность отношений субъекта к объекту (его компонентам) трансформируется в систему впечатлений. <…> Неоднородность впечатлений выражает перцептивный строй, или функциональную организацию информационного содержания восприятия» [18. С. 104].

Данное понимание *перцептивного строя* не может быть полностью перенесено в лингвистическую сферу, но необходимо учесть несколько важных характеристик: 1) перцептивный строй задается структурой ситуации; 2) сложность определяется характером задачи, опытом перцептивного субъекта и его способностями; 3) функциональная организация впечатлений имеет иерархическую (вертикальную) структуру,

в которой возможны различные преобразования; 4) перцептивный строй не накладывается извне на готовое информационное содержание, а существует и развивается одновременно с ним и через него [18. С. 105–106].

Словосочетание *перцептивный строй* в лингвистических работах нам встретилось лишь однажды – в экспериментальном исследовании, посвященном изучению звукового строя английского языка в перцептивном аспекте [19], в котором речь шла о специфике восприятия звуков «родного» и «акцентного» английского языка (обзор работ фонологического направления перцептивной лингвистики см. [5. С. 37]).

В название статьи Н.Т. Абрамовой, где речь идет о природе сознания, включающего рациональную и чувственную составляющие, включено словосочетание *перцептивный строй,* но в тексте оно не используется. При этом ряд высказываний опосредованно относится к проблематике нашего исследования. «Субъективные восприятия, особая установка сознания становятся той конструктивной силой, которая придает очертание целостности и разнородным событиям, независимо от того, удалены они в пространстве и времени или же вовсе не связаны друг с другом. Случайно сочетаемые ощущения пробуждают продуктивную способность воображения. Отсюда неожиданные ассоциации и образы. <…> Немалая заслуга в извлечении из “недр сознания” тонкого духовно-практического опыта принадлежит, таким образом, искусству, в особенности его символическому направлению» [20]. Анализ перцептивной семантики в поэзии символистов не является предметом детального исследования в предлагаемой статье, но обоснование введения нового термина связано в первую очередь с предшествующим лингвистическим анализом поэтических текстов соответствующего литературного направления [6].

При формулировке своего отношения к «объекту», его оценке в процессе определения собственных ощущений и переживаний символисты намеренно отказываются от ясного и четкого изложения и используют различные варианты иносказания. «В символическом творчестве органически сливаются два содержания: скрытая отвлеченность, мыслимое подобие и явное конкретное изображение» [21]. А.А. Блок в работе «О современном состоянии русского символизма» говорил: «Миры, предстающие взору в свете лучезарного меча, становятся все более зовущими; уже из глубины их несутся щемящие музыкальные звуки, призывы, шепоты, почти *слова.* Вместе с тем, они начинают *окрашиваться* (здесь возникает первое глубокое знание о цветах); наконец, преобладающим является тот цвет, который мне всего легче назвать пурпурно-лиловым (хотя это название, может быть, не вполне точно)…» [22]. З.Н. Гиппиус, вспоминая свои беседы с А.А. Блоком, отмечала: «…У меня, при самом простом разговоре, невольно являлся особый язык: м е ж д у словами и о к о л о них лежало гораздо больше, чем в самом слове и его прямом значении. Главное, важное никогда не говорилось. Считалось, что оно – “несказ*а*нно”» [23. С. 142].

Приведенные выше цитаты подтверждают мысль о правомерности использования понятия *перцептивный строй* применительно к поэтическим текстам авторов, принадлежащих к литературному направлению символизма, у истоков которого в России стоял философ и поэт В.С. Соловьев. О значимости перцептивных образов в его творчестве пишет в своей монографии С. Корычанкова, подробно анализируя лексико-семантическое оформление образов с признаком света и цвета в творчестве В.С. Соловьева [24].

Рассматриваемый термин может быть применим к художественным произведениям, принадлежащим другим литературным направлениям, и, возможно, к текстам, которые не являются художественными, но для этого необходимо дать определение понятия *перцептивный строй* в контексте филологического анализа текста и перцептивной лингвистики. В первую очередь целесообразно обратиться к рассмотрению термина *строй* (значению данного слова в русском языке и его функциональной нагрузке в современных лингвистических исследованиях). *Строй* имеет 6 основных значений, одно из которых широко используется в научной гуманитарной сфере – «3. (о стро́е, в стро́е) *чего* или *какой.* Система построения чего-л. *Грамматический строй русского языка. Метрический строй стиха…*» [25. С. 290]. К проблематике нашего исследования имеет отношение еще одно значение: «6. *только ед. ч.* (в стро́е) *перен.* Согласованность, соразмерность, гармония в чем-л.».

Понятие строй языка – «совокупность типологических особенностей языковой системы, характерных для данного языка» базируется на основном значении, приведенном выше, и имеет очень широкую сферу использования – обычно конкретизируется: грамматический / звуковой / синтаксический / лексический строй языка, аналитический / синтетический строй языка и др. [26].

Разработанными и широко используемыми в исследованиях по теории текста и его филологическому анализу являются понятия: *образный строй* текста – форма выражения идеи, система художественных образов в их взаимодействии [13], *образный код* текста – система эстетически обусловленных, лингвистически выраженных сигналов, формирующих художественные образы в сознании читателей в соответствии с авторской интенцией [27. С. 141–142]. Встречаются понятия *филологический строй* текста – языковые элементы, образующие каждую из повествовательных «точек зрения»; *композиционный строй* текста – стратегия композиции, варьирование различных «точек зрения»; отношения между ними [28].

Таким образом, в контексте работ, посвященных различным типам филологического анализа художественного произведения, и с учетом результатов перцептивных (семантических) исследований художественных произведений термин *перцептивный строй* поэтического текста может быть определен следующим образом:

1) это совокупность перцептивных единиц разных текстовых уровней, репрезентирующих индивидуально-авторскую перцептивную картину мира, рассмат-

риваемых в аспекте текстообразования (т.е. с функциональных позиций);

2) это система эстетически значимых перцептивных образов (в их взаимодействии и взаимозависимости), формирующих художественное пространство текста, обусловленных культурной традицией, литературным течением (направлением) и индивидуально-авторским мировоззрением.

Заключение

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что в рамках обобщающего теоретического исследования, посвященного изучению перцептивной семантики в художественном произведении, помимо уже существующих терминов (разработанность и частотность употребления которых существенно различается) необходимо введение термина *перцептивный строй* поэтического текста, который позволит: 1) представить «художественную перцептивность» как сложную семантическую структуру, внутри которой все элементы находятся в отношениях взаимосвязи и взаимообусловленности; 2) актуализировать текстообразующую функцию перцептивных единиц разных уровней художественного произведения; 3) использовать дополнительный инструментарий в процессе лингвистического (филологического) анализа текста.

На данном этапе разработки проблемы ограниченность сферы использования термина *перцептивный строй* имеет практические основания: во-первых, исследований, посвященных изучению функциональной нагрузки перцептивных единиц в прозаическом тексте, автором не проводилось; во-вторых, одним из ключевых положений является мысль о том, что именно в творчестве поэтов-символистов перцептивность является системообразующим фактором (т.е. перцептивные единицы функционируют на разных уровнях поэтического произведения как сверхсложной системы: структурно-семантическом, информативно-смысловом, прагматическом, образном и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдевнина О.Ю. Перцептивная семантика: закономерности формирования и потенциал художественной реализации. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2013. 340 с.
2. Харченко В.К. Лингвосенсорика. Фундаментальные и прикладные аспекты. М. : Книжный дом «Либроком», 2012. 216 с.
3. Нагорная А.В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований : аналит. обзор. М. : ИНИОН РАН, 2017. 86 с.
4. Колесов И.Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия. Барнаул : БГПУ, 2008. 354 с.
5. Лаврова С.Ю. Говорящий как наблюдатель: лингвоаксиологический аспект. Череповец : ЧГУ, 2017. 240 с.
6. Корычанкова С., Крюкова Л., Хизниченко А. Поэтическая картина мира, сквозь призму категории перцептивности. Brno, 2016. 236 с.
7. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск : Изд-во ТГУ, 2000. 190 с.
8. Григорьева О.Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном тексте. М. : Флинта ; Наука, 2004. 248 с.
9. Бондарко А.В. К вопросу о перцептивности // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 276–282.
10. Фаликман М.В. Перцептивные единицы и языковое опосредствование зрительного внимания // Культурно-историческая психология 2012. № 3. С. 3–11.
11. Хизниченко А.В., Крюкова Л.Б. Проект словаря перцептивных образов поэтического творчества Б.Л. Пастернака // Вопросы лексикографиию. 2018. № 13. С. 44–57.
12. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М. : Педагогика, 1983. Т. 1. 392 с.
13. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М. : Академия, 2003. 236 с.
14. Валгина Н.С. Теория текста. М. : Логос. 2004. 280 с.
15. Мещерякова О.А. Семантика перцепции в аспекте художественной когниции И.А. Бунина : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Елец, 2011. 50 с.
16. Урысон Е.С. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М. : Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
17. Земичева С.С. Перцептивная картина мира диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та 2016. 208 с.
18. Барабанщиков В.А. Психология восприятия: организация и развитие перцептивных процессов. М. : 2006. 240 с.
19. Байбурова О.В., Мякотникова С.Ю., Чугаева Т.Н. Особенности перцептивного строя английского языка (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского и американского вариантов) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 1. С. 36–52.
20. Абрамова Н.Т. О природе и статусе перцептивного строя сознания. URL: https://portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1160215106&archive=1398581676&start_from=&ucat=&
21. Львов-Рогачевский В. Символизм // Литературная энциклопедия : словарь литературных терминов: в 2 т. М. ; Л. : Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 2. Стб. 774–786. URL: http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-7741.htm
22. Блок А. О современном состоянии русского символизма. URL: http://dugward.ru/library/blok/blok_o_sovremennom_sostoyanii.html
23. Гиппиус З. Мой лунный друг. О Блоке // Воспоминания о серебряном веке. М. : Республика, 1993. С. 139–170.
24. Korycankova S. Лексико-семантическое оформление философски значимых образов в поэзии В.С. Соловьева. Brno : MU, 2013. 201 с.
25. Словарь русского языка: в 4 т. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. 797 с.
26 Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). URL: https://methodological_terms.academic.ru/1973/%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%9E%D0%99_%D0%AF%D0%97%D0%AB%D0%9A%D0%90
27. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста : словарь-тезаурус. Томск : Изд-во ТГПУ, 2008. 384 с.
28. Шабликова Н.П. Композиционный и образный строй рассказа как типа целого текста : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2007. 26 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 августа 2019 г.

The Perceptual Structure of the Poetic Text: On the Terms of the Research

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 47–54.
DOI: 10.17223/15617793/447/6

Larisa B. Kryukova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

Keywords: perception; perceptual structure; perceptual image; semantics; poetic text.

The article presents an analysis of the basic concepts used in modern perceptual linguistic studies with the aim of developing a theoretical and methodological basis for a new direction, in which the phenomenon of perceptiveness is considered in the aspect of text generation. To achieve the aim, in the introduction and in the first part of the article, a brief overview of the main works describing the current state of perceptual linguistics and its separate areas (discursive, linguistic, comparative, experimental, etc.) is made. It is emphasized that perceptiveness must be considered as a factor of text generation and a text category whose expression is directly related to the cultural tradition, the literary trend (direction) and the individual author's worldview. In the second part, key terms of perceptual linguistics used in the analysis of literary texts are identified and described: *perceptual unit, perceptual semantics, perceptual picture of the world. Perceptual units* are defined as linguistic (lexical and syntactic) means of expression of a perceptual (literary) image. The basis for their classification is the mode of perception: vision, hearing, touch, smell and taste. Special attention is paid to *perceptual image* as a form of a literary image that receives a specific lexical and grammatical content in the individual author's model of the world. Perceptual image is a "tool" for analyzing literary perceptiveness. In the third, main part of the article, the necessity of introducing the term *perceptual structure* of a poetic text into scientific discourse is substantiated, and its status is determined. It is stated that *perceptual structure* implies the actualization of the functional and stylistic aspect of the expression of perceptual semantics in a text. The concept of *perceptual structure* is defined as follows: (1) it is a set of perceptual units of different text levels that represent the individual author's perceptual picture of the world and are analyzed in the aspect of text generation; (2) it is a system of aesthetically significant perceptual images (in their interaction and interdependence) that form the literary space of a text and are conditioned by the cultural tradition, the literary trend (direction) and the individual author's worldview. The results indicate that the introduction of the term *perceptual structure* of a poetic text will: (1) present literary perceptiveness as a complex semantic structure in which all elements are in a relationship of interconnection and interdependence; (2) update the text-generating function of perceptual units of different levels of a text; (3) use additional tools in the philological analysis of a text.

REFERENCES

1. Avdevnina, O.Yu. (2013) *Pertseptivnaya semantika: zakonomernosti formirovaniya i potentsial khudozhestvennoy realizatsii* [Perceptual semantics: patterns of formation and the potential for creative realization]. Saratov: Saratov State University.
2. Kharchenko, V.K. (2012) *Lingvosensorika. Fundamental'nye i prikladnye aspekty* [Linguosensorics. Fundamental and applied aspects]. Moscow: Knizhnyy dom "Librokom".
3. Nagornaya, A.V. (2017) *Lingvosensorika kak perspektivnoe napravlenie sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy: analit. obzor* [Linguosensorics as a promising area of modern linguistic research: An analytical overview]. Moscow: INION RAN, 86 c.
4. Kolesov, I.Yu. (2008) *Problemy kontseptualizatsii i yazykovoy reprezentatsii zritel'nogo vospriyatiya* [Problems of conceptualization and linguistic representation of visual perception]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
5. Lavrova, S.Yu. (2017) *Govoryashchiy kak nablyudatel': lingvoaksiologicheskiy aspekt* [Speaker as an observer: A linguo-axiological aspect]. Cherepovets: Cherepovets State University.
6. Korychankova, S., Kryukova, L. & Khiznichenko, A. (2016) *Poeticheskaya kartina mira, skvoz' prizmu kategorii pertseptivnosti* [A poetic picture of the world, through the prism of the category of perceptivity]. Brno: Muni Press: Masarykova univerzita.
7. Demeshkina, T.A. (2000) *Teoriya dialektnogo vyskazyvaniya. Aspekty semantiki* [The theory of a dialect utterance. Aspects of semantics]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Grigor'eva, O.N. (2004) *Tsvet i zapakh vlasti. Leksika chuvstvennogo vospriyatiya v publitsisticheskom i khudozhestvennom tekste* [Color and smell of power. Vocabulary of sensory perception in a journalistic and literary text]. Moscow: Flinta; Nauka.
9. Bondarko, A.V. (2004) K voprosu o pertseptivnosti [On perceptivity]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura. Sbornik statey v chest' N.D. Arutyunovoy* [Sacred meanings: Word. Text. Culture. Collection of articles in honor of N.D. Arutyunova]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 276–282.
10. Falikman, M.V. (2012) Perceptual Chunks and Linguistic Mediation of Visual Attention. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology.* 3. pp. 3–11. (In Russian).
11. Khiznichenko, A.V. & Kryukova, L.B. (2018) The project of the dictionary of perceptual images used in B. Pasternak's poetic works. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 13. pp. 44–57. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/13/3
12. Leont'ev, A.N. (1983) *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected psychological works]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika.
13. Nikolina, N.A. (2003) *Filologicheskiy analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow: Akademiya.
14. Valgina, N.S. (2004) *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow: Logos.
15. Meshcheryakova, O.A. (2011) *Semantika pertseptsii v aspekte khudozhestvennoy kognitsii I.A. Bunina* [The semantics of perception in the aspect of I.A. Bunin's creative cognition]. Abstract of Philology Dr. Diss. Elets.
16. Uryson, E.S. (2003) *Problemy issledovaniya yazykovoy kartiny mira. Analogiya v semantike* [Problems of studying the language picture of the world. Analogy in semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
17. Zemicheva, S.S. (2016) *Pertseptivnaya kartina mira dialektnoy yazykovoy lichnosti* [A perceptual picture of the world of a dialect language personality]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Barabanshchikov, V.A. (2006) *Psikhologiya vospriyatiya: organizatsiya i razvitie pertseptivnykh protsessov* [Psychology of perception: organization and development of perceptual processes]. Moscow: Kogito-Tsentr, Vysshaya shkola psikhologii.
19. Bayburova, O.V., Myakotnikova, S.Yu. & Chugaeva, T.N. (2016) The characteristics of the perceptual system of the English language. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology.* 1. pp. 36–52. IIIKK
20. Abramova, N.T. (2006) *O prirode i statuse pertseptivnogo stroya soznaniya* [On the nature and status of the perceptual structure of mind]. [Online] Available from: https://portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1160215106&archive=1398581676&start_from=&ucat=&.
21. L'vov-Rogachevskiy, V. (1925) Simvolizm [Symbolism]. In: Brodskiy, N. et al. (eds) *Literaturnaya entsiklopediya: slovar' literaturnykh terminov: v 2 t.* [Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Izd-vo L.D. Frenkel'. Columns 774–786. [Online] Available from: http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-7741.htm.
22. Blok, A. (1910) *O sovremennom sostoyanii russkogo simvolizma* [On the current state of Russian Symbolism]. [Online] Available from: http://dugward.ru/library/blok/blok_o_sovremennom_sostoyanii.html.

23. Gippius, Z. (1993) Moy lunnyy drug. O Bloke [My lunar friend. About Blok]. In: *Vospominaniya o serebryanom veke* [Memories of the Silver Age]. Moscow: Respublika. pp. 139–170.
24. Korycankova, S. (2013) *Leksiko-semanticheskoe oformlenie filosofski znachimykh obrazov v poezii V.S. Solov'eva* [The lexical-semantic design of philosophically significant images in the poetry of V.S. Solovyov]. Brno: MU.
25. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy.
26 Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (1973) *Stroy yazyka* [Language structure]. In: *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)]. [Online] Available from: https://methodological_terms.academic.ru/ 1973/%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%9E%D0%99_%D0%AF%D0%97%D0%AB%D0%9A%D0%90.
27. Bolotnova, N.S. (2008) *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of the text: A thesaurus dictionary]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
28. Shablikova, N.P. (2007) *Kompozitsionnyy i obraznyy stroy rasskaza kak tipa tselogo teksta* [The compositional and figurative structure of the short story as a type of a whole text]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Received: 09 August 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 55–62. DOI: 10.17223/15617793/447/7

УДК 811.161

О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДИХОТОМИЯ «БОГ» – «ДЬЯВОЛ» В РУСИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ (НА СЛАВЯНСКОМ ФОНЕ)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01062, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Анализируются фразеологизмы и паремии русинского языка, извлеченные приемом сплошной выборки из лексикографических источников. Выделены семантические доминанты с компонентами «Бог» и «дьявол», названы наиболее представленные из них в русинской фразеологии и паремиологии. Установлено, что специфика русинской фразеологии и паремиологии при сопоставлении с аналогичной украинской и русской проявляется в основном в форме единиц, а не в их содержании, отражающем, как правило, универсальные паремиологические идеи и дидактические рекомендации.

Ключевые слова: паремиология; фразеология; пословица; русинские пословицы; концепт «Бог»; концепт «дьявол».

Универсальная для христиан оппозиция «Бог» – «Дьявол» имеет в разных культурах и языках свою специфику. Особенно это характерно для языков, бережно сохраняющих традиции народной культуры и отражающих сложный симбиоз христианских и дохристианских верований. Религиозность является одной из отличительных черт славянских народов, что дает основание говорить о существовании религиозной картины мира как фрагмента языковой картины мира. В соответствии с христианским видением Бог служит олицетворением света, блага и добра, а дьявол отождествляется с тьмой.

Славянские языки в разной степени, но весьма последовательно отражают симбиоз язычества и христианства, следы которого отражены в их фразеологии и паремиологии.

Методологической базой данного исследования служат работы, посвященные изучению обозначенной дихотомии в русском (М.А. Бредис, О.В. Гневэк, Е.И. Коряковцева, Т.Г. Крапотина, В.М. Мокиенко, О.Ю. Печёнкина, Н.И. Толстой, Н.В. Шведова и др.) и украинском (В.В. Жайворонок, Н.В. Шведова) языках. В качестве основного метода исследования используется сравнительно-сопоставительный метод с привлечением историко-этимологического анализа, использованный в наших предыдущих статьях [1–3].

Особенно детально в русистике изучена фразеология и паремиология с компонентом *Бог.* Таковы статьи О.В. Гневэк об изменениях семантики этого слова [4], Т.Г. Крапотиной о сокровенных значениях имени Бог в русской фразеологии [5] или заметки об отдельных фразеологизмах с этим компонентом [6, 7]. Интересна попытка создать сводный словарь фразеологизмов с компонентом «Бог» [8]: всего составителем выявлена 231 фразеологическая единица (ФЕ) с обозначенным компонентом, отдельно дана грамматическая характеристика, выявлено 4 основных семантико-грамматических класса (предметные и местоименные – по 21 ФЕ, модальных – 68, процессуальных – 98).

Демонологическому началу посвящены работы Н.И. Толстого, который считал народную этимологию важным звеном архаической славянской духовной культуры, которая «относится к давним дохристианским воззрениям, к эпохе язычества, которое в несколько видоизмененных формах продолжало существовать в жизни народной, уживаясь часто с христианством, прежде всего с бытовым христианством, либо противопоставляясь ему, как мир “преисподней”, или часть мира земного миру небесному» [9. С. 288].

Фразеологические единицы с компонентом «чёрт» были описаны Н.В. Шведовой (2009) в одноименном словаре. Из 187 выявленных ФЕ 28 ФЕ – предметные, 59 – процессуальные, 40 – модальные, 60 – других классов [10].

В ряде работ отмечена взаимосвязь религиозной и языковой картины мира, представлена роль религиозных элементов в становлении языка. Т.Е. Владимирова на примере русских пословиц показывает этапы обретения религиозности русским народом: 1) натуралистически-родовой пласт пословиц, восходящих к язычеству; 2) каритативный пласт пословиц, представляющих систему ценностей после принятия Русью христианства; 3) ритуалистический пласт, включий пословицы, отражающие силу веры в Бога [11. С. 69–74]. М.М. Голикова говорит о ценности исследования теонимических и демонимических лексем: «религиозные доминанты были особенно актуальны на ранних периодах становления языка», демонстрируя архаичность этих слов и их роль при фразообразовании [12. С. 87].

Для русин эти религиозные доминанты были также значимы уже с ранних этапов становления их региональной языковой системы, которая, естественно, была неотъемлемой частью общевосточнославянского языкового ареала.

В работах сравнительно-сопоставительного характера авторы, анализируя уровень религиозности народа, роль церкви в обществе, отмечают влияние христианской религии на формирование фразеологического и паремиологического фонда (М.А. Бредис, М.М. Голикова, А. Пеянович и др.). М.А. Бредис, рассматривая русские, латышские, латгальские, литовские, немецкие и английские пословицы, объясняет общее для носителей этих языков негативное отношение к деньгам христианской традицией, характерной для упомянутых народов [13. С. 70]. Напротив, М.М. Голикова, анализируя фразеологию с компонен-

тами-теонимами и деонимами в русском и польском языках, обращает внимание на различия, связанные с разным временем принятия христианства и более ярким проявлением языческих черт в этих славянских языках. Различны номинации демонологического круга в польском языке: *diabeł, licho, czort, cholera*, что говорит о детализации потустороннего мира, демонстрации его внутренней иерархии, свидетельствует «о более высокой боязни носителей языка перед мистическими образами». Отличается и функционирование фразеологических ресурсов с описываемыми компонентами: в польском языке эти единицы используются чаще, чем в русском. «При этом если русская фразеология делает ведущими антагонистами *Бога* и *черта*, то польская – *Бога* и *дьявола*, что более точно иллюстрирует евангельские сюжеты» [12. С. 88].

Подобные языковые факты в какой-то мере демонстрируют общее движение славянской лексики и фразеологии от языческого политеизма к монотеизму, и в то же время – от политеизма к полифразеологизации [14], что предопределяет необходимость учета исторических факторов, связанных с принятием христианства.

Изучение пословиц теологического и демонологического круга того или иного языка должно опираться на исторические данные, свидетельствующие о вероисповедании народа. По словам русинского филолога и историка Д. Попа, «словянськоє населеня Подкарпатя єдным из першых из словянських народўв Центральної и Восточної Європы познакомилося из христіянством» [15. С. 16]. С.Г. Суляк разделяет процесс принятия христианства предками русинов на три этапа. Первый – с I по VIII в., когда славяне, анты, а позже племена уличей и тиверцев контактировали на северо-западе Причерноморья с античным миром. Второй этап – вторая половина IX в., период миссионерской деятельности Кирилла и Мефодия в Великой Моравии, что повлияло и на население Карпато-Днестровской Руси. Третий этап связан с Крещением Руси, это время массового перехода «в христианство населения Карпато-Днестровских земель, вошедших в состав Древнерусского государства» [16. С. 269].

Объем понятия *русинский язык* нами уже характеризовался в серии наших предварительных статей [1–3]. При интерпретации этого понятия мы следуем за наиболее авторитетным источником, признавая концепцию знатока проблемы микроязыков Славии А.Д. Дуличенко [17. С. 177–188]. Известно, что лингвистическое исследование (Под)карпатской Руси (устар. Угорская Русь) ведется уже не менее двух столетий и вызывает противоречивые реакции, во многом обусловленные конкретной политической конъюнктурой. «Языковой массив, известный под названием карпаторусинские говоры, шире – карпатские говоры юго-западного наречия украинского языка, издавна характеризуется прерывностью, – подчеркивает А.Д. Дуличенко, – с одной стороны, это (Под)карпатская Русь с ее изначально и позднее заселенными районами, а другой стороны, это переселенческие дисперсии – с XVIII в...» [Там же. С. 177]. Не претендуя в нашей статье на отражение всего ареального разнообразия форм бытования русинского языка в разных странах Восточной Европы, мы здесь следуем за определением ареальных границ русинского языка в его подкарпаторусинской форме, т.е. так, как это определяет сам автор русинских словарей, обстоятельно демонстрирующий историческую преемственность и эволюцию понятия *русинский язык* [18. С. 31–49].

При усиленном внимании славистов к исследованию русинского языка некоторые аспекты остаются мало изученными. Одна из актуальных проблем – лингвокультурологическая интерпретация русинской фразеологии и паремиологии на славянском фоне. Авторы статьи предлагают именно такой ракурс исследования. Впервые для русинологии здесь предлагается сопоставительный анализ одной из важнейших лингвокультурологических оппозиций – концептуальная мифологическая дихотомия «Бог» – «дьявол». Такой анализ выявляет как общие для восточнославянского ареала характеристики избранных мифологем в составе фразеологии, так и специфично русинские, лингвикультурологично маркированные особенности.

Цель нашей статьи – семантический анализ концептов «Бог» и «Дьявол» на материале русинского языка, который, как и другие восточнославянские языки, относится именно к таким древним «отражателям» общего процесса движения от политеизма к монотеизму и названной оппозиции.

Материалом исследования послужили лексикографические источники (Н.В. Шведова «Словарь фразеологизмов с компонентом “Бог”», Н.В. Шведова «Словарь фразеологизмов с компонентом “чёрт”»; В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева «Большой словарь русских пословиц»; Д. Поп «Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари» [8, 10, 22, 18]).

Концепт «Бог» – один из сложных как в философско-теологическом, так и в лингвистическом отношении. И философы, и теологи, и лингвокультурологи при этом находят и общие параметры определения этого концепта, обычно придавая им мифологическую или «ментальную» направленность.

Одним из общепринятых в славянской этнолингвистике определений является семантизация этого концепта, предложенная Н.И. Толстым в фундаментальной энциклопедии «Славянские древности»:

«**БОГ** (о.-слав. **Водъ,* исконное или заимствованное из иранского; вероятное первоначальное значение – “наделяющий благом, богатством”) – в книжно-церковной традиции верховная сущность, обладающая высшим разумом, абсолютным совершенством и всемогуществом, Творец неба и земли, Промыслитель Вселенной, начало изначальное, вечное, духовное и бесплотное. В народной традиции Б. обычно выступает во плоти – в виде старца с бородой, живущего на небе (в большом дворце, на тропе и т.п.), но нередко ходящего по земле в одиночку в виде странника, нищего и т.п. или в сопровождении святых. Б. способен при этом перевоплощаться или исчезать, подобно другой сверхъестественной силе, в том числе нечистой. Б., начальствующий над **ангелами,** вместе со святыми противостоит роду сатанинскому, прежде

всего **бесам, чертям** и всей нечистой силе. С ними Б. соперничает в делах мирских и человеческих и борется различными способами (ударом грома и т. п.)» [19. С. 202–203].

Далее Н.И. Толстой подчеркивает дуалистический характер представления о Боге в народной религии славян, согласно которому небо принадлежит Богу, а земля – дьяволу, правая сторона – Богу, а левая – дьяволу и т.д. Славянское слово *бог* в диалектах могло стать и обозначением персонажей нечистой силы (напр., вроде серб, банат. *бог из воде* 'черт', употребляемо в ругательствах или укр. подол, *богиня* 'злой дух, обменивающий младенцев'). Бог бессмертен и потому в народно-мифологическом восприятии противопоставлен человеку, который после смерти отдает Богу свою душу (ср. рус. *Богу душу отдать* 'умереть'). Бог обитает на небе, а человек (люди) – на земле, отсюда оппозиция «Небесный – земной» и «Верхний – нижний».

По славянским представлениям, Бог предохраняет от беды, предотвращает от греха, исцеляет больных, калек, немых, спасает утопленников, мучеников, защищает от огня, совершает чудеса, распределяет роли среди святых, наделяет людей богатством и т.д. Имя Бога часто употреблялось в клятвах и проклятиях ср. их обозначение словом *божба*.

Близки к этому лингвокультурологические толкования концепта *Бог* в «Словаре русской ментальности» В.В. Колесова и его соавторов:

«**Бог** – верховное существо, стоящее над миром, творец и предвечный вседержитель всего живого и в нем пребывающий лик бесконечной **совести**. Отмечен чертами **безначальности** и **бесконечности**, отсутствием границ и пределов; высшее триединство в Троице; абсолютно свободная личность, бесконечная сила (самопричина всего), совершенный разум и безграничная любовь. Последовательность развития **смысла**: дающий (**жизнь**), наделяющий духовными и душевными **сокровищами**, вселяющий **веру**, пробуждающий **надежду**, рождающий **любовь к ближнему**, которая проявляется в **сострадании, милосердии**, в стремлении следовать нравственным **заповедям**. В нем все **начала** и **концы** («всё от Бога»), все совершается с его **ведома** и по его **воле** («не по нашему хотенью, по Божьему изволенью»); он **всемогущ** («все под Богом ходим»), может **помиловать**, **спасти**, **простить** погрешение; к нему обращены **мольбы** («избави Бог!») и **благодарности** («слава Богу!», «спаси Бог!»)» [20. С. 53–54].

Как и в «Славянских древностях», в «ментальной» характеристике Бога М.М. Пришвиным подчеркивается его оппозиция к нечистой силе как носительнице абсолютного зла: «Бог – это всё, что есть, а чёрт – всё, что кажется. Бог – это образ сущего, черт – образ ничто, Бог – правда, черт – обман… Несчастье приводит к Богу, в счастье Бог не является» (цит. по: [20. С. 54]). Приведенные толкования во многом универсальны и, естественно, приложимы к характеристике соответствующей фразеологии и паремиологии всех славянских и – шире – европейских языков, испытавших влияние христианской культуры.

Опираясь на данные словаря «Славянские древности», выделим семантические доминанты концепта «Бог», которые нашли активное отражение в русинской фразеологии и паремиологии.

1. Бог – наделяющий, оделяющий, дающий (10).

Эта функция Всевышнего находит отражение во многих паремиях, достаточно активно представленных и в украинских и русских параллелях, зарегистрированных Д. Попом.

Объектом «оделения» в первую очередь являются материальные блага, без которых невозможно человеческое существование: *Дасть Бог динь, дасть и пожиток ачинь; Боже, кідьʼись ми дав зубы, та дай и хліба; Што Бог дасть, тото не на́пасть; Най вам Бог заплатить.*

Не менее ценным «Божьим даром», конечно же, является здоровье, ментальные способности человека: *Дав бы тти Бог здо̑р̑влічко*; *Най вам Бог сохташ подержить*; *Дай, Боже, памняти.*

От Бога зависит как рождение, так и кончина человеческая: *Кого на́што Бог дав*; *Най з Богом спочивать*; *Бог дай бы сконов.*

2. Бог – милосердный и справедливый (12): *Правду кажуть люди, як Бог дасть, так и буде; Бог не йде палицьо̑в бити; Кого Бог бє, того и чорт морить; Бог судить лем того, ко вразить дакого; Дубрі тому, ко вірує в Бога; Дав Бог Юря, не замерзне куря; Кого Богови не треба, того и чорт не бере; Не каждый богатый у Бога приятый; Пяного и Бог сокотить; Пяному и Христос ся удступив; Гріх уд Бога (буде); Божый млин помалы меле.*

3. Бог – опора, поддержка в трудностях (но обычно – тем, кто и сам действует) (10 единиц): *Змыгайся, небоже, и Бог ти поможе; И Бог не годен каждому вгодити; Ко ся змыгать, тому и Бог помыгать; Ко рано встає, тому Бог дає; Роби, небоже, та тти й Бог поможе; Чоловік ся змыгать, та й Бог му помыгать; Май Бога при со̑бі; На Бога уповай, но на Бога не нарікай; Богови божоє, а кесарю кесарьово; Хвала Богу.*

4. Бог – спаситель, помощник (4): *Най вам Бог помыгать; Бідному и "Сятый Боже" не поможе; Най Бог заварує; Так ги Бог приказов.*

5. Бог – карающий, наказующий (2): *Ищи Божа рука на тя впаде – Бог тебе ще покарає – кара небесная на тебя упадет; Кого Бог хоче покарати, спершу удо̑йме уд нього розум – кого Бог хоче скарати, тому розум відбере – кого Юпитер хочет наказать, того он лишает разум*

6. Бог – всеведающий, всезнающий (3): *А Бог го знає; Видить Бог з неба, што кому треба.*

Ряд паремий не входит в обозначенные группы (*Бог Тройцю любить; Не свічка стане сперед Богом, а стане душа; Ни Богу на хвалу, ни людьом на радўсть; И Бог не годен каждому вгодити*).

Таким образом, в русинском языке преобладают паремии, отражающие представление о Боге как милосердном и справедливом (12); наделяющем благами, дарующем жизнь, здоровье (10); как опоре и поддержке в трудностях (10). Хотя ФЕ и паремии с компонентом *Бог* как в русском, так и в украинском языках намного частотнее, чем в русинском, образ

Бога как духовного начала нации идентичен. В русинском языке отсутствует ряд предметных ФЕ (*олимпийский бог, лесной бог, бог и царь, бог войны* и др.), что, возможно, связано с укреплением христианской религии.

Обозревая столь необозримое концептуальное пространство, как *Бог* во фразеологии трех языков, мы, естественно, рассматриваем те межъязыковые эквиваленты, которые даются в словаре Д. Попа. Следует при этом заметить, что далеко не всегда предлагаемые русинским лесикографом межэквивалентные «триады» полностью объективируют картину фразеологических сходств и различий трех сопоставляемых языков. Стремление к определенной дифференциации, «абсолютоизации» русинского на фоне украинского и руского иногда оставляет в стороне наличие прямого паремиологического сходства или даже тождества этой триады. Так, к русинской пословице *Ко рано встає, тому Бог дає* Д. Поп приводит украинский и русский паремиологические эквиваленты: укр. *Рання пташка росу п''є, а пізня слізки ллє* – рус. *Ранняя птичка носок прочищает, а поздняя глазки продирает* [18]. Семантически они как эквиваленты, несомненно, равноположены русинской паремии. При этом, однако, в обоих восточнославянских языках есть и ее прямые тождества, которые, как кажется, было бы здесь привести уместнее. Не случайно Пазяк в своем собрании приводит не только давние фиксации украинской пословицы *Хто рано встає, тому Бог дає* с XIX в. и ее варианты *Хто рано встає, тому і Бог дає*; *Хто раненько встає, тому Бог щастя дає* и др., но и сопоставляет ее с тождественными русскими и белорусскими, также давно зафиксированными [21. С. 457]. И, действительно, в русском языке она известна давно и в варианте *Кто рано встает, тому и Бог дает,* и в более старом – *Кто раноп встаёт, тому Бог подаёт* [22. С. 66]. Сравним близкую ситуацию с русинской пословицей *Змыгайся, небоже, и Бог ти поможе,* украинский и русский эквивалент которой Д. Поп предлагает в иной образной плоскости: *на Бога надійся, а сам не зівай – на Бога надейся, а сам не плошай* [18]. В украинских паремиологических источниках, однако, можно найти близкие ее варианты со словом *небоже: Роби, небоже, а Бог допоможе! Роби, небоже, то й Бог поможе*; *Роби, небоже, бо Бог не допоможе* [23. С. 298], где небоже имеет значение ‘нищий, бедняк’.

Справедливости ради надо отметить, что, когда в поле зрения Д. Попа попадаются пословицы общеевропейской «дальнобойности», он приводит в качестве эквивалентов именно паремиологические тождества. Таков, например, паремиологический ряд *Божый млин помалы меле – Божий млин поволі меле – Божья мельница медленно мелет* [18]. Это явный европеизм, что убедительно показал еще М.И. Михельсон в соответствуюпщей словарной статье своего собрания «Русская мысль и речь» [24. С. 62]: Ср. Gottes Mühlen mahlen langsam, mahlen aber trefflich klein Ob aus Langmuth er sich säumet, bringt mit Schärf er alles ein. Божьи мельницы тихо мелют, но отлично мелко. Хоть, по долготерпенью, медлит, Он строгостью все возмещает. Logau (1604–55). Sinnged. 1654. 3; 2, 24, Ср. Though the mills of God grind slowly, yet they grind exceeding small. Though with patience He stands waiting, with exactness grinds He all. Longfellow. Retribution (transl. Logau). Ср. Sero molunt deorum molae. Поздно мелют мельницы богов. Sebast. Frank. 1541. Sprichwörter. 2, 119. Ср. ώστε ούχ ορώ τι χρήσιμον ενεστι, τοις όψέ δη τούτοις άλειν λεγομένοις μύλοις των θεών. Ср. Itaque non video, quid nam utilitatis insit, istis Deorum molis, quae sero dicuntur molere. Потому не вижу, какая польза в этих мельницах богов, о которых говорится, что они поздно мелют. Plutarchus in Commentario. Ср. Erasm. Adag. 4, 4, 82. Ср. Όψέ θεών άλέουσι μύλοι, άλέουσι δε λεπτά. Божьи мельницы мелют медленно, да мелко. Sextus Empiricus (190 по Р.Х.). Adversua mathematicos. 287.

Перейдем к характеристике демонологического ряда. В пятом томе упоминаемого нами словаря «Славянские древности» Е.Л. Березович и Л.Н. Виноградова дают следующую характеристику: «ЧЁРТ – центральный персонаж славянской (и европейской) мифологии, продукт взаимодействия церковно-книжных представлений о богопротивнике, носителе абсолютного зла, и архаичных народных верований о вредоносных духах, присутствующих в земном пространстве. В народной демонологии эта мифологема трактуется неоднозначно: как воплощение нечистой силы вообще и – как особый мифологический персонаж с индивидуальным набором признаков» [25. С. 519]. Далее исследователи называют способы номинации чёрта в славянских языках: лексема восходит к праслав. *сьrtъ, связанному с глаголами сьrti, сьго – ‘рубить, резать, отделять’. Во всех славянских языках зафиксированы слова *бес, дьявол, сатана*, нередко выступающие синонимами *чёрта*, «но в их значениях обычно сильнее проявлен компонент “противник Бога”» [Там же].

Лингвокультурологические толкования демонологических концептов в «Словаре русской ментальности» В.В. Колесова и его соавторов схожи, а также носят характер уточнения, которое достигается путем фразеологической вербализации.

«Чёрт – мифический персонаж как олицетворение **обмана,** влекущего за собой череду непонятных и запутанных, всегда неприятных и даже вредных **явлений**, что не поддается **объяснению** здравым **рассудком**, выводит **человека** из себя или кажется ему опасным.

Ч. предстает в полузверином-получеловеческом, **облике**; он силен, его **сила** разрушительна, направлена в неверное русло (*нечистая сила*), но еще чаще черт пугает («черт попутал»), сбивает человека с избранного верного **пути,** заставляя поступать вопреки осмысленному **суждению,** черт сопровождает человека в его **деяниях** и **поступках,** пытаясь подчинить **волю** и **разум** своей, нечеловеческой, логике, поэтому черт в представлении человека выступает **хозяином** всей **области событий** и **предметов,** которые не могут быть ни исчислены, ни ведомы человеку, ни познаны им (*до черта много, чертова дюжина, ни черта не знает,* «одному черту известно», «сам черт не разберет»). Черт не глуп, но весь его **ум**

выражается в **кознях,** игривости (*чертенята в глазах*) и беспрестанных **хитростях,** которыми он испытывает человека, досаждая ему (*чертыхаться*), путая его (***бес*),** вселяя в **душу злобу (*враг*).** Черта можно обнаружить либо по оставленным им разрушительным **следам**, либо в **состоянии,** выходящем за **пределы** нормального и естественного (*допиться до чертиков*); действия черта непредсказуемы, непредвиденны и неожиданны («в него черт вселился»)» [26. С. 486–487].

Известно, что выявление семантических доминант во фразеологии возможно в двух аспектах: синхронном и диахроническом. Первый аспект предполагает группировку единиц по тематическому или синонимическому принципу на основе переносной семантики этих языковых единиц. В этом случае фразеологические группы распределяются по принципу семантического поля. Диахронический же аспект диктует классификацию материала по символической семантике, заложенной в их внутренней форме. В нашем случае речь идёт о мифологической семантике демонического персонажа, активно отраженной в русинской фразеологии. Отсюда – возможность установления основных семантических групп с опорой на типы олицетворения, представленные в соответствующих фразеологизмах. Эти типы в целом совпадают с лингвокультурологическими признаками, выявленными в «Словаре славянских древностей» (под ред. Н.И. Толстого и С.М. Толстой), но имеют и свою собственно русинскую специфику.

Рассмотрим основные семантические группы, представленные в русинской фразеологии и паремиологии:

1. Чёрт как олицетворение злого, сверхъестественного начала: *Бойиться, ги чорт ладана*.

2. Карающий, служит олицетворением злого начала: *Кого Бог бє, того и чорт морить*; *Кого Богови не треба, того и чорт не бере.*

3. Страшное сверхъестественное существо с рогами, хвостом, копытами: *Гадав имити Бога за ноги, а имив чорта за хвўст; Богатый, ги чорт рогатый*.

4. Злой человек: *позерати ги фрас.*

Паремиологические сопоставления единиц с компонентом «чёрт», предложенные Д. Попом, можно релятивизировать, как выше это делалось для пословиц с компонентом *Бог.* Относительно простой случай – триада рус. *Богатый, что черт рогатый* – русин. *Богатый, ги чорт рогатый* – укр. *Багатий, як біс рогатий* [19]. Об общности, а не дифференциальности русинского и украинского члена этой триады свидетельствует наличие укр. *Багатий, як чорт рогатий,* зафиксированного в украинских сборниках пословиц, а также в белорусском языке [22. С. 216]. Еще бóльшую ареальную «дальнобойность» обнаруживает триада рус. *Боится, как черт ладана* – русин. *бойиться, ги чорт ладана* – укр. *боїться, наче чорт ладану* [19]. Вот лишь некоторые ее общеевропейские проекции в различных лексических вариантах: бел. *баяцца как чорт ладану, баяцца як чорт крыжа (храста), баяцца як чорт (д'ябал) свянцонай вады, уцякаць як чорт од свянцонай вады, баяцца як чорт папа (Хрыста),* укр. *боятися як чорт ладану, жахатися як чорт хреста, втікати як чорт від свяченої води,* лемк. *боятися як чорт сяченуй води,* в.-л. *zdalować каž čert swjateho křiža, ćěkać каž čert pred swjatym křižom, ćerić каž čert před sdwjacenej wodu,* болг. *страхува се като дявол от тамян,* х/с *bojati se (ćuvati se) kao vrag tamjana, bježati kao vrag od tamjana (od svete vodice), bježeti kao đavo od krsta, mrziti kao đavo krst;* нем. *fürchten wie der Teufel daas Weihwasser* и т.д. Как видим, структурно-семантическая модель здесь «работает» активно, доказывая общеевропейскую мифологическую преемственность русинской фразеологии. Кроме того, в количественном отношении группа единиц демонологической семантики в русинском языке немногочисленна, это отражает общую славянскую традицию: Н.В. Шведова приводит 187 единиц с компонентом *чёрт* против 231 с компонентом *Бог.* Н.В. Шведова объясняет это тем фактом, «что само упоминание о дьяволе являлось грехом, поэтому люди и старались избегать в своей речи этих слов [10. С. 5].

В восточнославянских языках номинации нечистой силы во многом совпадают: *чёрт – бес*, однако в русинском встречается номинация *фрас*, в украинском – *дідька*. Слово *фрас* при этом является специфичным для русинского языка и отражает ареальное «австро-венгерское» языковое взаимодействие. Особо активно и частотно это наименование чёрта в словацком языке, где оно, по-видимому, заимствовано из венгерского *frász,* являющегося, в свою очередь, германизмом – ср. нем. *Frais[en]* 'падучая болезнь, вызываемая злым демоном [27. S. 146]. Приведем обороты, зафиксированные в словацких диалектах (обычно – в ругательствах и проклятиях): *Aby to fraz lapiu aj s takou robotou!; Nach ťe fras tríme!; Bodaj ce fraz ulapil!; Fraz ho ilapi!* и т.д. [28. S. 459]. Активно употребляется это обозначение черта и в литературном словацком языке: *Aby ťa fras vzal!* – Чёрт бы тебя побрал!; *Do frasa*! – Вот чёрт!; Чёрт побери!; К чёрту!; *Ký fras, kieho frasa!* – кой чёрт, за каким чёртом!; *Na kieho frasa! – на кой чёрт!* [29. С. 533].

Русинские выражения с этим компонентом практически воспроизводят словацкую модель: ***Фрас** го знає; Де тя **фрас** носить? Єден тото **фрас;** Замащений ги **фрас**; Заплатить ти **фрас**; Мудрый ги **фрас**; Скупий ги **фрас**; Ни чорт ни **фрас**; Студено ги **фрас**; Якого'сь **фраса** прийшдв?; Якогось **фраса** вже удумов; До **фраса**; До **фрасової** каріки.* Характерно, что этот словакизм может вступать в вариантные отношения с другими мифологизмами – ср. *Кий **фрас** го принўс? – Кий **віхор (грўм, мара)** го принўс?*

Совпадают и артефакты, отпугивающие нечистую силу: крест, ладан для противопоставления силы Божьей, а также представления о внешнем образе черта как существа с рогами, хвостом, копытами.

Стоит назвать паремии, содержащие рассматриваемую концептуальную дихотомию «Бог» – «дьявол», которые построены на принципе антитезы – одного из приемов контраста: *Коли Бог карає, дідько добавляє; Кого Богови не треба, того и чорт не бере; Гадав имити Бога за пазуху, а имив чорта за хвўст.* В данных примерах компоненты «Бог» – «чёрт» выступают

в качестве биномов, взаимосвязанных, но диаметрально противопоставленных друг другу.

Как показало наше исследование, специфика русинской фразеологии и паремиологии при сопоставлении с аналогичной украинской и русской проявляется в основном в форме единиц, а не в их содержании, отражающем как правило универсальные паремиологические идеи и дидактические рекомендации. Наблюдается сходство в переосмыслении фразообразующих компонентов в различных славянских языках. Специфичны также и некоторые варианты русинских пословиц, обнаруживаемые на фоне восточнославянских, а также словацких и чешских параллелей. Наибольшую генетическую близость, естественно, русинские паремии обнаруживают с украинскими пословицами, хотя при этом в целом и настоящее исследование подтверждает выдвинутый нами тезис о межславянском языковом взаимодействии в русинской языковой зоне [3. С. 313–314].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3. С. 119–128.
2. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне // Славянская микрофилология / под ред. А.Д. Дуличенко, Мотоки Номати. Sapporo : Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2018. (Slavic Eurasian studies ; no. 34). С. 103–128.
3. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317. DOI: 10.17223/18572685/54/18
4. Гневэк О.В. Изменение семантики лексемы Бог (по материалам современных фразеологических словарей, а также собраний русских пословиц и антипословиц) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 56–61.
5. Крапотина Т.Г. Сокровенные значения имени Бог в русской фразеологии // Наследие акад. Ф.И. Буслаева: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 190-летию со дня рождения ученого (Пенза, 16–18 апреля 2008 г.). Пенза : Изд-во ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2008. С. 179–283.
6. Коряковцева Е.И. Бог шельму метит // Русская речь. 1994. № 1. С. 114–119.
7. Кругликова Л.Е. Ни богу свечка ни черту кочерга // Русская речь. 2008. № 1. С. 110–119.
8. Шведова Н.В. Словарь фразеологизмов с компонентом «Бог». Курган : Изд-во Курганского госуниверситета, 2005. 80 с.
9. Толстой Н.И. Из заметок по славянской демонологии. 2. Каков облик дьявольский? // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв. М. : Сов. художник, 1976. С. 288–319.
10. Шведова Н.В. Словарь фразеологизмов с компонентом «черт». Курган : Изд-во Курганского госуниверситета, 2009. 125 с.
11. Владимирова Т.Е. Русский дискурс в межкультурной коммуникации: Экзистенциально-онтологический подход. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2018. 320 с.
12. Голикова М.М. Роль фразем с теонимами и демонимами в раскрытии доминант этноязыкового сознания (на материале русского и польского языков) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. № 3 (30). С. 86–90.
13. Бредис М.А. Отражение морально-этических норм в паремиях о деньгах и богатстве (на материале русских, латышских, латгальских, литовских, немецких и английских пословиц) // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы : тр. и материалы междунар. конф. (Казань, 31 окт. – 3 нояб. 2016 г.): в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. Т. 1. С. 68–74.
14. Мокиенко В.М. Славянская фразеология и религия: от политеизма к полифразеологизации // Problemy frazeologii europejskiej II. / Pod red. Andrzeja M. Lewickiego i Wojciecha Chlebdy. Warszawa : Energeia, 1997. S. 51–66.
15. Поп Д.И. Начало христіянізації Подкарпатської Руси и місіонеры-угрорусины в Києвськўв Руси // Русин. 2009. № 4. С. 15–22.
16. Суляк С.Г. Начало христианизации Карпато-Днестровской Руси // Русин. 2015. № 4 (42). С. 267–307. DOI: 10.17223/18572685/42/19
17. Дуличенко А.Д. Основы славянской филологии. Opole, 2011. 850 с.
18. Поп Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. Ужгород, 2011. 241 с.
19. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого : в 5 т. Т. 1: А–Г. М. : Международные отношения, 1995. 584 с.
20. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности : в 2 т. Т. 1: А–О. СПб. : Златоуст, 2014. 592 с.
21. Прислів'я та приказки. Упорядник М.М. Пазяк. Т. 2: Людина. Родинне життя. Риси характеру. Киев : Наукова думка, 1990. 524 с.
22. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Ок. 70 000 пословиц / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
23. Прислів'я та приказки. Упорядник М.М. Пазяк. Т. 3: Взаємини між людьми. Киев : Наукова думка, 1991. 440 с.
24. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. М. : Терра, 1994. Т. 1. 792 с.
25. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М. : Международные отношения, 2012. 736 с.
26. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности : в 2 т. Т. 2: П–Я. СПб. : Златоуст, 2014. 592 с.
27. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha : Academia, nakladatelství Československé akademie věd, 1971. 866 s.
28. Slovník slovenských nářečí. Vedecký redaktor Igor Ripka. T. 1. Bratislava : Veda, 1994.
29. Большой словацко-русский словарь. Т. 1 / сост.: V. Dorotjaková, E. Fifiková, M. Filkusová, I. Kothaj, A. Španková. Vedecká redakcia: D. Kollár aj. Bratislava : Vyd. Slovenskej Akademie vied, 1979. 976 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 7 августа 2019 г.

The Conceptual Dichotomy “God” – “Devil” in Russian Phraseology and Paroemiology (Against the Slavic Background)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 55–62.
DOI: 10.17223/15617793/447/7

Olga V. Lomakina, Peoples’ Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation); St. Tikhon’s Orthodox University (Moscow, Russian Federation). E-mail: rusoturisto07@mail.ru
Valeriy M. Mokienko, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: mokienko40@mail.ru

Keywords: paroemiology; proverb; Rusin proverbs; concept “God”; concept “devil”.

The article analyzes the paroemias of the Rusin language “God” – “devil” against the background of Slavic languages. The aim of the article is to present a semantic analysis of the concepts “God” and “Devil” on the basis of the material of the Rusin language,

which, like other East Slavic languages, reflects the general process of movement from polytheism to monotheism and to the opposition under study. In developing the research concept, the works in the field of Rusin phraseology and paroemiology (O.V. Lomakina, V.M. Mokienko, D.I. Pop) and the studies of the theonymous and the demonic in the language (O. Gnevek, M.I Golikova, E.I. Koryakovtseva, T.G. Krapotina, E.E. Kruglikova, N.I. Tolstoy, N.V. Shvedova) were used. The article analyzes the phraseologisms and paroemias of the Rusin language, extracted by the continuous sampling method from lexicographical sources (N.V. Shvedova's *Dictionary of Phraseological Units with the Component "God"* and *Dictionary of Phraseological Units with the Component "Devil"*; V.M Mokienko, T.G. Nikitina & E.K. Nikolayeva's *Large Dictionary of Russian Proverbs*; D. Pop's *Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Rusin-Ukrainian Phraseological Dictionaries*; M.M. Pazyak's *Proverbs and Sayings*). Though Slavists' attention to the study of the Rusin language is increasing, some aspects of the language still remain poorly understood. One of the topical problems is the linguistic cultural interpretation of Rusin phraseology and paroemiology against the Slavic background. The authors of the article offer this aspect of research. The article, first in Rusin studies, deals with the comparative analysis of one of the most important linguistic cultural oppositions: the conceptual mythological dichotomy "God" – "Devil". The analysis reveals characteristics common to all the East Slavic area of the chosen mythologems as part of phraseology and specifically Rusin linguoculturally marked features. The study of the phraseology and paroemiology of the theological and demonological circles of a language must be based on historical evidence of the religion of the people. Pop writes that the Slavic people of the Carpathians was one of the first Slavic peoples of Central and Eastern Europe to adopt Christianity. The semantic dominants "God that gifts, endows, gives" and "God that is merciful and just" are mostly presented in the proverbs of the Rusin language. The group of units of demonological semantics in the Rusin language is not numerous, which reflects the common Slavic tradition. When compared with similar Ukrainian and Russian ones, the specificity of Rusin phraseology and paroemiology is manifested mainly in the form of units, not in their content that usually reflects universal paroemiological ideas and didactic recommendations. There is a similarity in the rethinking of phrase-forming components in different Slavic languages. Some variants of Rusin proverbs, found against the background of the East Slavic ones, as well as Slovak and Czech parallels, are also specific. The greatest genetic affinity of Rusin paroemias is found with Ukrainian proverbs; although, in general, the present study confirms the authors' thesis about the inter-Slavic language interaction in the Rusin language zone.

REFERENCES

1. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016) Cognitive potential of Rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian languages. *Rusin*. 3. pp. 119–128. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/9
2. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Karpatorusinskie somaticheskie paremii na slavyanskom fone [Carpatho-Rusin somatic paroemias against a Slavic background]. In: Dulichenko, A.D. & Motoki Nomati (eds) *Slavyanskaya mikrofilologiya* [Slavic microphilology]. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University. (*Slavic Eurasian Studies*. 34). pp. 103–128.
3. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Value constants of the Rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*. 4 (54). pp. 303–317. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/18
4. Gnevek, O.V. (2009) Izmenenie semantiki leksemy Bog (po materialam sovremennykh frazeologicheskikh slovarey, a takzhe sobraniy russkikh poslovits i antiposlovits) [Changing the semantics of the lexeme "God" (based on materials of modern phraseological dictionaries, collections of Russian proverbs and anti-proverbs)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2 (24). pp. 56–61.
5. Krapotina, T.G. (2008) [Sacred meanings of the name God in Russian phraseology]. *Nasledie akad. F.I. Buslaeva: istoriya i sovremennost'* [Heritage of Academician Fyodor Buslaev: history and modernity]. Proceedings of the International Conference. Penza. 16–18 April 2008. Penza: Penza State University. pp. 179–283. (In Russian).
6. Koryakovtseva, E.I. (1994) Bog shel'mu metit [God marks the crook]. *Russkaya rech'*. 1. pp. 114–119.
7. Kruglikova, L.E. (2008) Ni bogu svechka ni chertu kocherga [Neither here nor there]. *Russkaya rech'*. 1. pp. 110–119.
8. Shvedova, N.V. (2005) *Slovar' frazeologizmov s komponentom "Bog"* [Dictionary of Phraseological Units with the Component "God"]. Kurgan: Kurgan State University.
9. Tolstoy, N.I. (1976) Iz zametok po slavyanskoy demonologii. 2. Kakov oblik d'yavol'skiy? [From notes on Slavic demonology. 2. What is the appearance of the devil?]. In: Danilova, I.E. (ed.) *Narodnaya gravyura i fol'klor v Rossii XVII–XIX vv.* [Folk engraving and folklore in Russia in the 17th–19th centuries]. Moscow: Sov. khudozhnik. pp. 288–319.
10. Shvedova, N.V. (2009) *Slovar' frazeologizmov s komponentom "chert"* [Dictionary of Phraseological Units with the Component "Devil"]. Kurgan: Kurgan.
11. Vladimirova, T.E. (2018) *Russkiy diskurs v mezhkul'turnoy kommunikatsii: Ekzistentsial'no-ontologicheskiy podkhod* [Russian discourse in intercultural communication: An existential-ontological approach]. 3rd ed. Moscow: LENAND.
12. Golikova, M.M. (2018) The role of phrases with theonyms and demonyms to identify the dominant ethno-linguistic consciousness (based on Russian and Polish languages). *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki – Actual Issues of Modern Philology and Journalism*. 3 (30). pp. 86–90. (In Russian).
13. Bredis, M.A. (2016) [Reflection of moral and ethical standards in paroemias about money and wealth (based on the material of Russian, Latvian, Latgalian, Lithuanian, German and English proverbs)]. *Nauchnoe nasledie V.A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly* [Scientific heritage of V.A. Bogoroditsky and the modern research vector of the Kazan Linguistic School]. Proceedings of the International Conference. Kazan. 31 October – 3 November 2016. In 2 vols. Vol. 1. Kazan: Kazan State University. pp. 68–74. (In Russian).
14. Mokienko, V.M. (1997) Slavyanskaya frazeologiya i religiya: ot politeizma k polifrazeologizatsii [Slavic phraseology and religion: from polytheism to polyphraseologization]. In: Andrzeja, M.L. & Chlebdy, W. (eds) *Problemy frazeologii europejskiej II*. Warszawa: Energeia. pp. 51–66.
15. Pop, D.I. (2009) Nachalo khristiyanizatsii Podkarpats'koi Rusi i misionery-ugrorusiny v Kievs'kyv Rusi [The Beginning of Christianization of Subcarpathian Rus and the Ugroussin Missionaries in Kyiv Rus]. *Rusin*. 4. pp. 15–22.
16. Sulyak, S.G. (2015) The beginning of christianization of Carpatho-Dniestrovian Rus'. *Rusin*. 4 (42). pp. 267–307. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/19
17. Dulichenko, A.D. (2011) *Osnovy slavyanskoy filologii* [Fundamentals of Slavic Philology]. Opole: Uniwersytet Opolski.
18. Pop, D. (2011) *Rusinsko-ukrainsko-russkiy i russko-rusinsko-ukrainskiy frazeologicheskie slovari* [Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Rusin-Ukrainian Phraseological Dictionaries]. Uzhgorod: [s.n.].
19. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995) *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary: in 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
20. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V. & Kharitonov, A.A. (2014) *Slovar' russkoy mental'nosti: v 2 t.* [A dictionary of Russian mentality: in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Zlatoust.
21. Pazyak, M.M. (ed.) (1990) *Prisliv'ya ta prikazki* [Proverbs and Sayings]. Vol. 2. Kiev: Naukova dumka.
22. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits. Ok. 70 000 poslovits* [Large Dictionary of Russian Proverbs. C. 70,000 proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.

23. Pazyak, M.M. (ed.) (1991) *Prisliv'ya ta prikazki* [Proverbs and sayings]. Vol. 3. Kiev: Naukova dumka.
24. Mikhel'son, M.I. (1994) *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoy frazeologii: sbornik obraznykh slov i inoskazaniy: v 2 t.* [Russian thought and speech. Own and Alien. The experience of Russian phraseology: a collection of figurative words and allegories: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Terra.
25. Tolstoy, N.I. (ed.) (2012) *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary: in 5 vols]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
26. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V. & Kharitonov, A.A. (2014) *Slovar' russkoy mental'nosti: v 2 t.* [A dictionary of Russian mentality: in 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Zlatoust.
27. Machek, V. (1971) *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha: Academia, nakladatelství Československé akademie věd.
28. Ripka, I. (ed.) (1994) *Slovník slovenských nářečí*. Vol. 1. Bratislava: Veda.
29. Dorotjaková, V. et al. (1979) *Bol'shoy slovatsko-russkiy slovar'* [A large Slovak-Russian dictionary]. Vol. 1. Bratislava: Vyd. Slovenskej Akademie vied.

Received: 07 August 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 63–72. DOI: 10.17223/15617793/447/8

УДК 821.161.1-31

А.В. Малькова

ПОЧЕМУ НЕ ИСПОЛЬЗОВАНА ФОРМА ДНЕВНИКА В РОМАНЕ В. МАКАНИНА «АНДЕГРАУНД, ИЛИ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»?

Рассматривается вопрос о причинах отказа автора от использования дневника героя в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998), где одним из конструктивных принципов организации художественного мира является проекция на роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840) и повесть Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» (1864). В нарративной организации романа обнаруживается близость внутренней речи героя к дневниковой форме: я-повествование, фрагментарность, хронологичность и отсутствие адресата речи.

Ключевые слова: В. Маканин; «Андеграунд, или Герой нашего времени»; дневник; я-повествование; рефлексия; внутренняя речь; сюжет; молчание; исповедальность.

Тема статьи определяет конкретный ракурс исследования, направленного на интерпретацию основной сюжетной ситуации: отказ центрального персонажа как от писательства, так и от статуса писателя. Акцент автора на проблеме отказа от письма ставится, к примеру, лейтмотивным образом пишущей машинки, которую герой романа сохраняет, несмотря на свое бездомье. Исследователи романа обращаются к объяснению мотивов отказа от писательства как творчества, так и социальной миссии[1]. Интерпретация ситуации отказа от писательства в романе может быть расширена другой постановкой проблемы: почему несостоявшийся писатель отказывается писать, есть ли в этом отказ от письменной формы познания жизни и самопознания или можно эту позицию персонажа интерпретировать как отказ от слова как такового (трактовка М. Хайдеггером языка как «дома бытия»[2]). В предлагаемой статье делается попытка найти еще один вариант толкования проблемы, объяснив, почему не услышанный читателем ни в советское, ни в постсоветское время писатель не отказывается от современного орудия творчества (пишущей машинки) и не пишет тексты для себя / о себе. Если принять во внимание позицию героя романа как нарратора – носителя изображающего слова, то возникает вопрос, почему автор романа не использовал дневник как форму самораскрытия героя в прошлом и настоящем времени.

Для поиска авторского замысла необходимо указать те особенности дневника, которые используются (имитируются) в художественной прозе. Не обращаясь к изложению разных теорий жанра дневника, выделим те положения, которые, во-первых, определяют содержание и поэтику дневника как речевого жанра (письменного), во-вторых, отделяют семантику дневника как жанра литературы non fiction от включения жанровой формы дневника в художественный текст.

В интерпретации термина «дневник» мы отталкиваемся от таких положений: во-первых, генетически жанр дневника образовывался как оформленное текстуально внимание пишущего на самом себе (в отличие от мемуаров, бытовых и исторических хроник) [5–7]; во-вторых, как адресованность самому себе (возможно, воображаемому адресату) [8–10]; в-третьих, временная синхронность записей (самоанализа или анализа внешних явлений, значимых для пишущего) [5, 8, 9]; в-четвертых, регулярность записей (самоконтроль или самовоспитание как процесс) [10, 5, 6]; в-пятых, фрагментарность записей, их композиционная и сюжетная несвязанность, невыстроенность как свидетельство незаданности письма, искренности [5, 6, 9, 11, 12]; в-шестых, честность самооценки, исповедальность дневниковых записей, не рассчитанных на чужое осуждение или оправдание [5–7, 13].

Общепринято мнение, что в художественной прозе под влиянием литературы сентиментализма и романтизма преимущественно используется дневник как жанр психологической прозы, предтечей которого называют «Размышления» Марка Аврелия (170-е годы) [8. С. 12]. Возможности другого типа дневника – экстравертного, дескриптивного, этологического – используются, на наш взгляд, в романе «Андеграунд, или Герой нашего времени», герой которого фиксирует наряду и преимущественно с собственной жизнью события и лица окружающей среды. Будучи нарратором, главный герой наделен автором письменным словом, хотя условность наррации очевидна и сведена не к тексту, а к внутренней речи (о чем будет сказано ниже).

Представляется более точным (и потому используется нами для характеристики наррации от лица персонажа) толкование жанра дневника как *эго-текста* (по определению М. Михеева): текст о себе самом и текст, написанный с субъективной авторской точки зрения. Это определение отделяет дневник не от мемуаров, а от автобиографии. Дневник отличает от автобиографии, по аргументам М. Михеева, временная дистанция от описываемых событий. «Ядро в понятии дневника: пульсирующий текст, фрагменты отделены друг от друга временными (и пространственными) датами (а), ориентированы на реальные события жизни человека, а не на его фантазию (б); ведет дневник сам человек (в), текст обращен к нему самому…» [5. С. 5].

Продуктивно и разделение М. Михеевым дневника как текста о реальности пишущего и дневникового текста в художественном произведении. В данной статье дневник интерпретируется как возможный текст персонажа о невымышленных событиях его жизни, хотя на уровне авторского сознания такой текст стал бы вымыслом, мистификацией реального дневника [14].

Мы оставляем без исследования важный аспект – связь между формой дневника персонажа в художе-

ственном произведении и дневниками автора, формой «писательского дневника». С одной стороны, эта проблема важна с точки зрения отношений героя и автора, о чем писал М.М. Бахтин [15], с другой стороны, эта проблема связана с особенностями «писательского» дневника, нередко становящегося претекстом. В случае Маканина этот аспект редуцирован, поскольку пока нет ни опубликованных дневников писателя, ни упоминаний о них. Поэтому мы ограничиваемся гипотезой: роман Маканина о писателе не автобиографичен, но определяет художественный способ самопознания через альтернативный вариант возможной собственной судьбы. Маканин печатался и не был в андеграунде в советские времена, получил признание в постсоветское время. В романе о русском андеграунде XX в. центральный персонаж (нарратор) занимает позицию остранения. Главный герой создает не собственную автобиографию, а изображает самосознание человека, находящегося в кризисе смыслов, текстов и литературы.

Критики (А. Архангельский [16], А. Немзер [17]) называют роман «Андеграунд, или Герой нашего времени» исповедью Маканина, в которой он «разыгрывает подпольный вариант собственной биографии» [16. С. 182], изображает свое и характерное для современной культуры понимание творчества, писательства. Автобиографический роман [18, 19, 40 и др.] предполагает «описание жизни <…> в повествовательной форме от первого лица в хронологической последовательности (с указанием месяца и года)» [20. С. 10]. Роман «Андеграунд, или Герой нашего времени» не является автобиографическим, Маканин представляет альтернативный вариант, обнаруживая опасность андеграундного положения, разрушительность вынужденной позиции отстраненности от социальной жизни; одно из последствий – существование в мире литературных текстов.

В статье обращается внимание на характерологическую и нарративную функции отсутствия приема и формы дневника в повествовании от первого лица. Объяснение причин и последствий отказа от письменно фиксируемого самостроения персонажа должно приблизить к авторской концепции человека, литературы, слова.

М.М. Бахтин [21] называет дневник формой речевого жанра наряду с другими первичными речевыми жанрами. В психологическом аспекте дневник – один из способов самопознания, разговора с самим собой во «внутренней речи» (по Л. Выготскому [22]). Главная функция дневника состоит в самостроении или создании автомифа.

Форма дневника органично вошла в художественную прозу, отражая ситуации рефлексий персонажей. Обращение персонажей к дневнику свидетельствует, как пишет С. Савинков, о потребности «“изнутри” обнаружить потаенные стороны жизни и личности пишущего (героя)» [14. С. 62]. В тексте, где повествующее слово принадлежит персонажу, автор получает возможность, с одной стороны, избежать оценочной позиции, обнаружив в самоанализе персонажа самооценку (дневник имеет семантику сохранения тайны исповеди), с другой стороны, выявить процесс подчинения персонажа автомифу, в котором субъективная логика становится убедительнее действительных причинно-следственных связей. Деформация смыслов показывает как алогизм сознания персонажа, так и нелогичность изображаемой действительности.

В названии романа и в аллюзиях персонажа важны параллели с произведениями русской литературы, в которых используется форма дневника персонажа: с произведениями М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского.

В повести «Записки сумасшедшего» (1834) Н.В. Гоголя форма дневника позволяет показать размывание границы между реальностью и внешним миром, образы-галлюцинации обнаруживают несоответствие внешним реалиям, показывая как процесс утраты разума, так и абсурдность того, что казалось нормой. Как пишет И. Ермаков, «бредовые идеи растут, <…> но они носят характер категорический, безапелляционный, характер открытий, прозрений. Все мысли получают теперь совершенно противоположное значение» [23. С. 307]. Повесть Н.В. Гоголя названа в связи с романом В. Маканина потому, что гоголевские сюжеты и повторяются в измененном виде (сюжет «Шинели», ситуация приближения к сумасшествию изображена в главе «Маленький человек Тетелин»), хотя в названии романа Маканина нет проекции на гоголевский мир. Более определенно использование дневника провоцируется отсылкой на роман М.Ю. Лермонтова и прозу Ф.М. Достоевского.

Дневник, отражая внутренний мир персонажа, фиксирует не только фантазии, но и прозрения, позволяющие персонажу выйти из повседневного круга жизни. В романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840) дневник / журнал Печорина обнажает, по мнению Е. Созиной, противоречие «между мотивами поступков героя и его действиями, между сознанием и жизнью» [24. С. 103]. Печорин не только участник, но и наблюдатель, экспериментатор, стремящийся философски осмыслить тот опыт, который обретен в реальных обстоятельствах («метод психологического эксперимента» по В.В. Виноградову [25]). Ведение дневника – часть психологического эксперимента, который проводит главный герой, где «все чувства Печорина поверяются размышлением и мерила здесь не житейские и моральные, а философские» [26. С. 233]. Дневник позволяет пишущему персонажу реализовать потребность в «выговаривании», помогает преодолеть «онтологический страх» [27. С. 29].

В реалистическом романе М.Ю. Лермонтова монологизм автоповествования корректируется повествованиями других субъектов, вводятся «голоса» и аксиология разных социальных сред. В романе В. Маканина монологизм субъекта повествования не корректируется «голосами» других нарраторов, но он и не доводится до письменной дневниковой исповедальной формы. Между тем «психологический эксперимент» определяет почти все сюжетные ситуации романа, однако эксперименты героя романа Маканина основываются на проверке известных литературных текстов.

Ф.М. Достоевский в своей малой прозе использовал либо дневниковую форму, либо близкий дневнику жанр записок, исповеди, письма («Белые ночи» 1848; «Записки из мертвого дома» 1862; «Записки из подполья» 1864), в которых «относительно свободный и самостоятельный герой» [28. С. 77] выражал свое мнение и отношение к окружающему миру. В повести «Записки из подполья» используется не дневник, но близкая к дневнику форма – записки о себе и для себя, они пишутся сорокалетним человеком как воспоминания о событиях уже свершившихся и сформировавших его претензии к обществу и миру. Тем не менее форма «записок» – способ самоанализа, самооправдания, рефлексии. Записки никому не адресованы, поэтому в них предельная исповедальность, доходящая до «самооговора» (так трактует герой «Исповеди» Ж-Ж. Руссо): «Есть в воспоминаниях всякого человека такие вещи, которые он открывает не всем, а разве только друзьям. Есть и такие, которые он и друзьям не откроет, а разве только себе самому, да и то под секретом. Но есть, наконец, и такие, которые даже и себе человек открывать боится, и таких вещей у всякого порядочного человека довольно-таки накопится. <...> теперь я именно хочу испытать: можно ли хоть с самим собой совершенно быть откровенным и не побояться всей правды. <...> Кроме того: может быть, я от записывания действительно получу облегчение…» [29. С. 105]. В романе Маканина отказ современного человека от «исповеди» самому себе может интерпретироваться как боязнь узнать о себе «всю правду». В отличие от героя «Исповеди» Руссо герой романа Маканина не может получить облегчение от записывания и не готов к самостроению.

Повествование от первого лица в повести «Записки из подполья» обнаруживает обращенность рассказчика к другому, к возможному читателю, осознание себя «ощущается на фоне сознания о нем <…> “я” для себя на фоне “я” для другого» [28. С. 348]. Дневник, даже если он не рассчитан на адресата, самой письменной формой провоцирует сохранение написанного и, следовательно, на чтение дневника хотя бы самим пишущим. Отказ от дневника может означать и редукцию самоконтроля, сведение внутренней жизни к повседневной рефлексии. К. Пигров [27] выделяет такие формы бытования дневниковых записей, которые отображают в повседневных записях внутреннюю жизнь автора дневника: 1) записывание автором своих впечатлений и мыслей; 2) перечитывание и осознание изменившегося отношения к явлениям, в результате чего пишущий «открывает самого себя»; 3) отторжение автором написанного – «расторжение себя с самим собой» [Там же. С. 29]. Поэтому сопоставление семантики письменной формы в романе Маканина и повести Достоевского позволяет выдвинуть гипотезу отказа современного человека от исповеди. Речь не идет об отказе от нравственного самосознания, но словесное выражение покаяния редуцируется самооправданием, обоснованием силы жизненных обстоятельств, делающих релятивными ценности и цели индивида. Дневник, письменная фиксация самоанализа, делает очевидными для субъекта письма отступления от собственных слов, и пишущий погружает в «подполье» покаяние. Построение наррации на внутренней речи, выражающей нелинейность и релятивность потока сознания, содержательно, так как позволяет автору показать подчинение «самотечности жизни» (выражение В. Маканина) современного человека, наделенного интенцией к писательству.

Маканин обращается к сознанию писателя, для которого слово было проявлением смыслов бытия, а русская литература – высшей инстанцией («Единственный коллективный судья, перед кем я (иногда) испытываю по вечерам потребность в высоком отчете – это как раз то самое, чем была занята моя голова чуть ли не двадцать пять лет – Русская литература, не сами даже тексты, не их породистость, а их именно что высокий отзвук» [37. С. 234]). Поэтому отказ от писания дневника в романе проблематизируется: с одной стороны, не освобождает человека от саморефлексии, напротив, обостряет внутренний кризис, приводит к психическому срыву, с другой стороны, выражает экзистенциальное отчаяние героя-писателя: не бунт, не следование философии удара, не отказ от бытия, но и не смирение. Признание силы бытия для героя Маканина, на наш взгляд, приводит к тайному самостоянию.

Наррация, построенная на внутренней речи, исключает не только ситуацию письма, но и рассказывания. Рассказывание – словесное поведение, предполагающее диалог говорящего с реципиентом. Дневник и внутренняя речь не рассчитаны на восприятие другим сознанием. Однако дневник материализует автонаправленную речь, в отличие от нематериализованной внутренней речи. Как и прием «потока сознания», внутренняя речь представляет «стохастическое, линейное сцепление семантических “смыслов”, еще не облеченных в конкретную словесную форму» [30. С. 27]. По Л. Выготскому, внутренняя речь – «процесс испарения речи в мысль» [22. С. 279] – фрагментарна, ситуативна, зависима от происходящих событий. Внутренняя речь абсолютно синхронна происходящим событиям, а в дневнике событие письма отстает от события реальности. Внутренняя речь «про себя», «для себя» [Там же. С. 180] не столько бесконтрольный поток сознания [31. С. 234], сколько логически организованный процесс, для которого характерна фазовость и редуцированность (по Л. Выготскому).

Принцип ведения повествования в виде внутренней речи персонажа редуцирует ситуации рассказывания главного героя о себе (мы не включаем сюда ситуации говорения как актов реального поведения персонажа). Повествование в виде внутренней речи свидетельствует об отказе героя-нарратора от диалога с конкретными людьми, а также об отказе от обращений к социуму (что также объясняет отсутствие письменной формы самовыражения). Логика характера главного героя проявляется сюжетно: закономерностью развитий отношений с женщинами (интенция к выговариванию и конечный отказ от общения с Вероничкой и Натой), общение с друзьями (Петрович в словесных дискуссиях агешников по преимуществу молчит), разговоры с братом (Петрович мало беседует с братом, однако в последней встрече разыгрывает

перед Веней праздничный прием в общаге); в психбольнице главный герой старается контролировать себя, боясь проговориться. В романе Маканина не идет речь об отказе от слова, тем более о разрушении диалогического сознания. Принятый отказ от выражения слова адресату приводит к срыву Петровича в бомжатнике, когда он в состоянии аффекта признается в убийствах не Нате в расчете на ее прощение, не обитателям бомжатника (внеэтической массе) – а самому себе. Диалогичность сознания проявляется в постоянной аналитичности, аллюзивности мышления главного героя. Русская литература для героя остается критерием оценки себя и окружающего мира, однако при понимании полифонии истин утрачивается вера в абсолютность текстовых версий бытия.

Образ черного квадрата можно считать кодовым знаком к пониманию редукции вербальности в романе. Черный квадрат является не только аллюзией на модель мира К. Малевича, но и рожденное личным опытом Петровича ощущение сузившегося мира, в котором нет смысла, нет словесного общения индивида и мира, а остались лишь границы существования.

Одна из центральных коллизий романа «Андеграунд, или Герой нашего времени» – проверка главного героя литературных сюжетов поступком (ситуации убийства, поиск слабой и беззащитной женщины и др.) позволяет говорить об аллюзивности романа, в поток реальности включается риторическая рефлексия героя-писателя о творчестве, литературе, искусстве. Название романа открывает диалог автора с обозначенными в названии концептами, не повторение, а открытие изменений не только известных литературных, но и социальных типов: героя нового времени, подпольного человека. Изменился «герой» времени, мыслящий человек, оказался «лишним» как в советское, так и в постсоветское время, трансформировавший свою индивидуальность в усредненность. Изменился и «подпольный» человек, тоже лишний, ответивший не только желчным разоблачением действительности, как герой Достоевского, но и отказом от поиска Слова и погружением в повседневный поток жизни.

Литературоведы отмечают деконструкцию в романе образа парадоксалиста, «поставившего своей целью разрушить не только себя самого, но и окружающий порядок вещей» [32. С. 25], «лишнего человека» [33, 34]). Маканиным он превращен в «социального человека, сторожа в огромной общаге, жизнезависимого от нее» [35]; в «*писателя без книг, в сторожа чужих квартир <...> в “божий эскорт суетного человечества”»* [1]; *в* «представителя “подпольной” культуры, не имеющей выхода к читателю; молчащего писателя, принципиально отказавшегося от попыток наладить диалог с публикой; собственную жизнь герой воспринимает как сюжет» [36. С. 52].

В романе «Андеграунд, или Герой нашего времени», как и в повести «Записки из подполья», уход от писания и от социума в литературное подполье, вызван оскорбленным самолюбием (не сословной, а интеллектуальной непризнанностью), трактуется как путь к маргинальности, готовности к «удару», к осознанию своей двойственности. Только современный подпольный человек понимает свою ничтожность и неидеальность («Глупости, как птицы, стремительно влетали в мой мозг» [37. С. 341]), а герой Ф.М. Достоевского, напротив, отыскивает в себе возможность быть неподпольным («Да в том-то и состояла вся штука, в том-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже в минуту самой сильнейшей желчи, постыдно сознавал в себе, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человек...») [38. С. 44].

Петрович, как и герой «Записок из подполья», мыслит литературно, однако воспринимает литературу не как этический эталон: «Понятно, что и сама литература косвенно повязана с Богом, мысль прозрачна. Но понятно и то, что косвенно, как через инстанцию, отчет не дают. Литература – не требник же на каждый день...» [37. С. 234]. (Ср. «Записки из подполья»: «…и, главное, – как все это будет мизерно, не литературно, обыденно» [38. С. 125].) Если у Достоевского подполье интерпретируется как антитеза жизни, а писательство как способ разговора с другими в положении, когда слово маленького человека не ценится, то у Маканина андеграунд – способ самосохранения и отказ от слова, потерявшего значимость в прагматической реальности: «Попробовать жить без Слова, живут же другие, риск или не риск жить молчащим, вот в чем вопрос, и я – один из первых» [37. С. 405].

Вопрос о невозможности ведения дневника главным героем романа «Андеграунд, или Герой нашего времени» ставится потому, что формально в романе соблюдаются признаки дневникового жанра: я-повествование, обращенность к самому себе («передача сообщения от Я к Я» [39. С. 164] по Ю.М. Лотману), хронологичность, фрагментарность. Главный герой отказался не только от писательства как деятельности, общественно важного поиска и передачи смыслов, но и от «Слова» (поиска истины). Диегезис романа «Андеграунд, или Герой нашего времени» основан на беспрерывном внутреннем монологе главного героя, на рефлексии не только событий собственной жизни, но и историй других персонажей, внешней среды.

Роман «Андеграунд, или Герой нашего времени» строится по хронологическому принцу, изображены два года из жизни главного героя (вначале Петровичу – 54, в конце – 55 лет: глава «Другой»). Структура текста, как и дневника, фрагментарна, часты ретроспекции: воспоминания Петровича о Вероничке, глава «Новь. Первый призыв»; воспоминания Петровича о брате и семье в главах: «Братья встречаются», «Иван». Повторение ситуаций, образов – второстепенный жанровый признак дневника, позволяющий автору, повторяя, фиксировать круги интерпретации ситуаций, в которых участвует главный и второстепенные персонажи. Круговая интерпретация (повторяющееся) происходящих ситуаций позволяет главному герою изменять свое понимание явлений действительности и бытия в целом.

В романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» героем-повествователем не фиксируются даты события, но изображение перехода от одной ситуации к другой отмечается темпоральной характеристикой: «денежный *день*» (получение Петровичем денег –

глава «Кавказский след»), «*день* нечаянных встреч» (встреч Петровича с художниками – глава «Андеграунд»), «в самый *день* моего ухода» («изгнание» Петровича из общаги – глава «Изгнание»), «в первый *день* я очнулся “зафиксированный”» (лечение Петровича в психбольнице – глава «Иван»), «*День* художника» (празднования публикации «одного с половиной рисунка» брата Петровича – глава «Один день Венедикта Петровича»). Повторение времени Ж. Женетт [41. С. 362] называет «распространением», имея ввиду точечную диахроническую серию повторений, которая не только разделяет события, но и выделяет из потока жизни.

Весь текст романа представляет двухгодовую хронику жизни главного героя, которую условно можно разделить на четыре периода: 1) жизнь Петровича в общаге; 2) совершение убийств; 3) лечение в психбольнице; 4) возвращение в общагу. Роман начинается и заканчивается осенью: природный круговорот накладывается на историю главного персонажа и выявляет невозвращение Петровича к прежней жизни в общаге. «Я – Другой» – позиция Петровича в заключительной части романа.

Исторический контекст демонстрирует ситуацию постсоветского общества: 1990-е гг. с негосударственной властью новых русских, бизнесменов, с квартирной приватизацией, которая в символическом контексте общаги обозначает утрату социальных ценностей. «Приватизация» культуры сопряжена с «прихватизацией», которая становится новым принципом жизни маленького человека. Фабульно в романе изображено положение человека в современном обществе: с одной стороны, бездомье Петровича и его изгнание из общаги, а с другой – возможность выйти из подполья, безызвестности, встроиться в погоню за успехом (печатный бум начала 1990-х гг.): «Искушение издавать книгу за книгой, занять пост, руководить журналом стало лишь соблазном, а затем и пошлостью. Мое не пишущее «я» обрело свою собственную жизнь» [37. С. 374].

В начале романа (первая, вторая, третья части) Петрович, отказавшийся от писательства, принимает положение слушающего откровения общажников, «звуки» общаги («звук медленно открываемой двери» [Там же. С. 19], «мелкие скребущиеся звуки» [Там же. С. 21] и др.). Средой (общажниками) бывший писатель воспринимается как духовник, а письменные смыслы (литература) расцениваются, в отличие от самого пишущего, как мерило нравственности: «Они проговаривали сотни историй: то вдруг с истовой, а то и с осторожной правдивостью, вываливали здесь у меня, свой скопившийся слоенный житейский хлам» [Там же. С. 17]. Размышляя над рассказанными историями, Петрович переводит их в свою внутреннюю речь, редуцирует до притч, извлекает из них обобщение. «Бывший писатель» не утратил способность переводить жизнь в текст, получать не только эмпирический опыт, но и духовный. Так, история Курнеева превращается в притчу о блуждающем в поисках женщины мужчины, а откровения Гурьева в рассказ о «кратком ощущении Бога» (ситуациях выпивки, питья: главы «Коридоры», «Лишь иногда»).

Первый период, изображенное в романе время социальной мимикрии и приспособления Петровича к Другим. Главный герой занимает положение «не прикрепленности к чему-то материальному – вопреки “материализму” общаги» [42. С. 639] (по определению Н. Лейдермана, М. Липовецкого). Петрович – «следующий шаг “раздетого героя”» [43] (по выражению самого Маканина в эссе о русском романе), осознает текучесть жизни, в которой невозможны стабильность и постоянство. Повторяющиеся ситуации обретения и утраты квартиры Петровичем от Дворикова, Дулова, Ловянникова демонстрируют не только процесс вытеснения человека человеком в ситуации распада социальной системы, не только не прагматизм персонажа, но и экзистенциальную бездомность.

Переходной ситуацией, соответствующей социальной атмосфере «перестройки», можно назвать идею и форму поведения, выражающего сопротивление обстоятельствам: удар Петровичем дружинника, наводящего порядок в толпе (глава «Квадрат Малевича»): «Как наваждение. Прямо передо мной. Ямочка лучилась светом отраженной лампы. Я даже не уловил секунду, когда я ударил в эту ямочку. Ударил, вдруг сильно выбросив кулак вперед – в подбородок – через пространство узкого стола» [37. С. 67]. Удар открывает Петровичу не только непредсказуемость, нетекстовость своего поведения (инстинктивность агрессивных реакций), но и право на отстаивание своего «я».

Проведенная «за решеткой» ночь («великолепную темную ночь в клеточку. И квадратное окно – далеко» [Там же. С. 69]) корректирует значение удара, который приводит не к свободе, а к абсолютной несвободе и подполью, к положению «обнаруженного червя», который «подергался (только и всего) и пытался уползти, забыв, что почва всегда и везде. Просто почва, земля, проза жизни – обычная человечья клетка с решетчатой дверью и ненавязчивым ведром для мочи в углу» [Там же. С. 71]. Ночь в «обезьяннике» приобщает Петровича к «будничной бытийности», а черный квадрат окна рассеивает страх и ярость. «Квадрат окна» – граница существования человека в бытии, которая есть, но которая недоступна герою. Поток сознания и рефлексия героя выявляют не только абсурдность открытого бунта, но и интерпретируют писательство как мелкий бунт: «я перерос свои тексты, как перерастают детское агу-агу» [Там же. С. 57]. Статус писателя разрушен не только социальной цензурой в несвободном обществе (цензорский контроль над информацией), но и пониманием вторичности собственных тестов. Андеграундная убежденность в бóльшей истинности и значимости ненапечатанных текстов разрушается потоком действительности: социальные перемены приводят к тому, что не тексты (слово) направляют / руководят людьми, а материальные ценности: запах еды («К нашим дням от связанного пространства (и бытия) бывшей общаги остались лишь коридоры. И летучие запахи. Стелющийся запах жаркого в столь поздний час дает направление: дает вычислить (как ни длинен коридор) квартиру, где свадьба» [Там же. С. 17]; «Как раз запахи борща

и жаркого сменились жасмином заваренного чая» [37. С. 104]), «кв. метры». В ситуации социального распада целью большинства становится борьба не только за место для жизни (дом, квартиру, комнату), но и за другие материальные ценности (путь Ловянниковых, Дуловых).

Прежде чем приходит трезвое осознание себя как писателя, Петрович отказывается от Слова, руководствуясь философией удара, агрессивной самозащитой. Удар становится принципом выживания индивида в потоке массовой жизни, реакцией на равнодушие окружающих, на стихийное насилие. Важна редукция мотивов двух убийств и их обоснование текстами русской литературы. Сначала Петрович убивает торговца-кавказца, который демонстрировал свое презрение не только к Петровичу, но и к русским («Русские кончились… фук!» [Там же. С. 130]), к маленьким людям. Большую роль в обосновании убийства отводится русской литературе, гоголевскому сюжету, призывающему и к состраданию несчастным «братьям», и к бунту маленького человека. Аллюзии на сюжет «Шинели» Н.В. Гоголя возникают не только в сознании Петровича, но и в разговоре его друзей-писателей, которые, споря на поминках о Тетелине, лишают смысла и бунт маленького человека, и его смерть.

Второе убийство – убийство осведомителя Чубика – совершается обдумано. Главное, что в «ударе», приводящем к убийству, отсутствует личностный мотив, остается только частная причина. Петрович не защищает ни честь агешников, ни собственное достоинство, он сохраняет свою репутацию в среде, которую невысоко ценит. Петрович узнает, что Чубик и при сломе тоталитарной системы «*пишет*» его (записывает на магнитофон его высказывания для того, чтобы сообщить службе безопасности). Несостоявшийся писатель убивает из страха стать невольным осведомителем. Петрович во внутреннем монологе находит оправдание убийству («у агэшника ничего, кроме чести» [37. С. 313]), он боится того, что потеряет в андеграундной среде статус нонконформиста, негласного авторитета: «сейчас была важна моя репутация Петровича, матерого агэшника. Значило это то, что я остался в агэ и – стало быть – в недрах андеграунда имел влияние» [Там же. С. 438].

Письменная рефлексия совершенных убийств невозможна, и отсутствие дневниковых записей в этот период может быть объяснено условиями сохранения тайны о поступках, общественно наказуемых. С другой стороны, отказ от введения дневниковых записей свидетельствует о том, что самоанализ Петровича редуцирован, он лишь находит аналоги, оправдания совершенным поступкам, в то время как дневник зафиксировал бы подмену ценностей в сознании главного героя. Размышления о русской литературе не требуют текстовой материализации, поскольку Петрович стремится найти в литературе и оправдание, и обоснование совершенному преступлению.

Положение героя романа в социуме представляется сначала как вынужденный, а затем и как добровольный уход в маргинальную, низовую жизнь с сомнительной позицией «сторожа» чужих квартир. Если творческая позиция героя состоит в отказе от поиска своего слова, то в частной жизни отказы от дружеского общения сменяются периодическими поисками интимных связей. Петрович не ищет друга, единомышленника, его общение обусловлено либо неразорванными связями из прошлой жизни (приятели брата, художники; круг непубликуемых писателей-«агешников»), либо «общажной» средой. В «агешной» и общажной среде герой изображается не как равнодушный, но как пассивный в отношениях с другими человек. Такое отношение объясняется не только разочарованием главного героя в человеческой природе, но и его убеждением об усредненности современного человека. Петрович не ищет новых связей, поэтому нет потребности в их осмыслении, т.е. в писании.

Петрович не ведет интимного дневника потому что, следуя литературному сюжету о спасении униженной и оскорбленной женщины, герой осознает, что невозможно спасти другого, можно лишь временно облегчить боль (залечить раны, спасти от алкоголизма Вероничку; помочь преодолеть болезнь Леси Дмитриевне). Приравнивая любовь к заботе, главный герой признает, что не он спасает, а поток жизни, благоприятное стечение обстоятельств выводят женщину из слабого и зависимого положения. Ведение дневника выявило бы неспособность центрального персонажа спасти другого, заставило бы признаться в собственной неудаче. Петрович не пишет о любви, следуя принципу: «Писать о любви – это всегда писать плохо. Скоропортящееся чувство» [37. С. 34]. Для него важнее не рефлексия, не письменный самоанализ, а соучастие, событие с жизнью Другого. Главный герой редуцирует значение слова «любовь», интерпретируя его как проявление кратковременной заботы о женщине; возможность поддержать, дать ей выговориться, заговорить ее боль («Тем заметнее, что повестей я уже не писал. Слова, колодезная привычка, скапливались, достаточно много точных и залежавшихся нежных слов, но нацеливались они не на бумажный лист» [Там же. С. 36]).

Отсутствие дневника в период лечения Петровича в психбольнице объясняется тем, что главный герой, чтобы избежать наказания за убийства, вынужден скрывать правду о совершенных преступлениях. Существование Петровича в больнице сводится к «вживанию» в окружающую среду: заставляет себя чувствовать вкус пищи, вслушиваться в свои движения: «задержаться, зацепиться, впасть в человеческую обыденность» [Там же. С. 341]. В «психушке» главный герой, как и в общаге, становится слушающим: пытается понять и выслушать обитателей «палаты номер раз» («плямканье» Чирова, шепелявую речь Сесеши).

На авторском уровне акцентируется парадокс в истории лечения главного героя, поскольку письменная форма, закрепляющая жизнь человека, спасает Петровича. В начале психотропного лечения главного героя спасает случай: травма позволяет ему выйти из-под контроля врачей-психиатров, попасть в травматологическое отделение. Психиатры следят за его сознанием, подавляя волю, вынуждая признаться в убийстве не

только для нравственного «оздоровления», но и в целях врачебного эксперимента, для исполнения карательных целей государства. Сопротивление «агешника» тоталитарному контролю разрушает внутреннюю потребность в подчинении нравственному императиву. Оказавшись в травматологии, Петрович возвращается к прежнему положению человека, к которому общество равнодушно. Формально Петрович значим только текстово, поскольку превращен в «бумажного больного», в историю болезни, которую «под акт списали, передали в обычную больницу» [37. С. 78].

Письменная фиксация покаяния в совершенных преступлениях для Петровича равносильна отказу от своей позиции удара, от защиты своего «я». Маканин, создавая серию двойников-отражений Петровича, отказывается от дневниковой формы, изображая изменчивость, феноменальность человеческой природы. Письмо отражает, фиксирует истину, являясь посредником между прошлым и настоящим. Письмо закрепляет опыт человека, позволяет обнаружить «голос сознания» (по Ж. Деррида), «технику изгнания в телесную внеположность <…> письмо сознания и письмо страстей – подобно голосу души и голосу тела» [44. С. 133]. С другой стороны, письменная рефлексия, дневниковое признание персонажа зафиксировало бы, как и пленка Чубика, «свидетельство времени», самодонос Петровича, характеризующего его как «драчливого, злобного, с чудовищной гордыней неудачника» [37. С. 231]. Ведение дневника опасно, поскольку всегда предполагает потенциальную возможность чтения / изучения его другим человеком.

Возвращение в общагу к привычной жизни не вызывает у Петровича желания писать, напротив, он забирает из редакции свою последнюю рукопись и отдает женщине, торгующей пирожками, которая «давно просила бумагу, заворачивала пирожки» [Там же. С. 371]. Избавляясь от собственных текстов, главный герой отказывается от любой возможности быть напечатанным, вступить в диалог с Другим сознанием. Причину отказа героя от письма можно интерпретировать, с одной стороны, как следствие потери веры в слово, в истинность написанного, а с другой стороны, как разочарование в собственных текстах: «Писатель исполняет функцию, а пишущий занимается деятельностью» [45. С. 118]. Петрович в финале романа признает свою усредненность, типичность, где его обсуждаемая в агешных кругах «*гениальность*» сводится к посредственности, заурядности, второстепенности. Кроме того, в период социально-идеологического кризиса слова обесценились и потеряли глубину, они могут лишь призывать, но не направлять и воодушевлять человека.

Несмотря на занимаемую в общаге и агешной среде позицию наблюдающего, Петрович осознает свою антропологическую, низовую принадлежность к массе, и в конце романа герой погружается в массовую жизнь общаги. Главный герой продолжает сторожить квартиры общажников, слушает их жалобы, рассказы-истории: «*Муж скрипит зубами, аж матерится. Да и жена тоже, как оглашенная, вдруг в истерику, в крик!.. И как же охотно они (он и она) о себе рассказывают, как хотят, чтобы ты их понял*» [37. С. 432]. Отказавшийся от слова, письма Петрович занимает позицию слушающего, помогающего другим выговорить свою боль, возмущение, одиночество, т.е. реализовать антропологическую потребность в «выговаривании себя миру» [46. С. 160]. Надменная, насмешливая позиция главного героя по отношению к массовому сознанию в начале романа в финале сменяется сопереживанием, соучастием. Петрович обменивает слышание Другого на человеческое тепло, общажный уют.

Отсутствие дневника объяснятся выбором героя романа, его позицией отказа от письма, поскольку Слово утратило свое значение в социуме. Важна и психологическая причина отказа от письма: исповедь выразила бы личную несостоятельность, этическую вину за совершенные преступления. Текст о своей вине воспринимается главным персонажем как самодонос, понимание своей вины и беспомощности более трагично, поэтому Петрович отказывается от дневниковой формы. В статье об эволюции романа Маканин развивает идею постепенного раздевания литературного героя, редукцию культурных одежд, приближение личности к антропологическому индивиду [43]. Герой маканинского романа, испытав губительность социальных и культурных эпистем, сознательно погружается в поток жизни, но не в положении массового человека, не в бегстве от мира (в статусе скитальца или бродяги), он остается сторожем чужих квартир. Отказ центрального персонажа от написания дневника, от создания текстов объясняется кризисом понимания письма как творчества. Современный человек зависим от правил письма, Петрович не принимает статус «пишущего». Главный персонаж, в финале романа выбрав сосуществование с потоком жизни, преодолевает отсутствие самостоятельного слова молчанием. Для Петровича держать в сознании (в подполье) свои мысли более этично, потому что мысль мгновенна, изменчива и ее незавершенность не прерывается написанным словом.

Выявление причин отказа персонажа романа от ведения дневника, как и отказа от писательства, оставляет вопрос о том, кому принадлежит презентация внутренней речи персонажа-нарратора, т.е. текст романа. Мы склонны считать, что Маканин использует принцип условности текста, фиксации внутренней речи, подобно тому, как «поток сознания» в модернистском тексте фиксируется не нарратором. Текст романа становится материей нематериального, некоей «точкой зрения», центром видения. В отличие от приема потока сознания персонажа, зафиксированная в тексте имплицитным автором внутренняя речь Петровича превращает его в нарративную и сюжетостроительную инстанцию, которая организует как процесс внутренней жизни, так и отбор изображаемых ситуаций. Сознанием героя определены: и пространственно-временной кругозор, и образная композиция, и фразеологическая позиция, поэтому его можно назвать героем-нарратором. Текстовое воплощение внутренней речи персонажа свидетельствует об особых отношениях автора и героя: это не автобиографический герой, а герой как вариант возможной судьбы автора, вынужденного выбрать положение андеграундного писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В статье К. Степаняна «Кризис слова на пороге свободы» [1] отказ от писательства главного героя, по мнению критика, происходит в результате идеологического, философского кризиса. В статье Т. Рыбальченко «Ситуация отказа от писательства в романах М. Булгакова, Б. Пастернака, В. Маканина» [2] ситуация отказа от писательства интерпретируется как следствие признания главным героем того, что тексты не способны объяснить, выстроить жизнь человека и объяснить реальность.

[2] О значении отсылок В. Маканина в романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» к работам М. Хайдеггера писали В. Бибихин, В. Суханов [3, 4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанян К. Кризис слова на пороге свободы // Знамя. 1999. № 8. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/1999/8/stepan.html (дата обращения: 31.01.2019).
2. Рыбальченко Т. Ситуация отказа от писательства в романах М. Булгакова, Б. Пастернака, В. Маканина // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Культурология. Филология. 2003. № 277. С. 133–143.
3. Бибихин В. Слово и событие: Писатель и литература // Бибихин В. Писатель и литература: о романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени». М. : Ун-т Д. Пожарского, 2010. С. 387–401.
4. Суханов В. Чеховский код в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» // Современность в зеркале рефлексии: язык – культура – образование / под ред. И.И. Плехановой. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2003. С. 250–265.
5. Михеев М. Дневник в России XIX–XX века – эго-текст, или пред-текст. М. : Водолей, 2007. 263 с.
6. Рейнгольд А. Жанровые особенности литературного дневника и дневник как нелитературный текст // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 11 (54).
7. Криволапова Е. К вопросу о жанрообразующих признаках дневника // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 198–203.
8. Ромашкина М.В. Дневник: эволюция жанра // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 12–24.
9. Егоров О. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра: исследование. М. : Флинта; Наука, 2003. 280 с.
10. Зализняк А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 162–180.
11. Оскотский В. Дневник как правда // Вопросы литературы. 1993. № 5. С. 5–14.
12. Боброва О. Дневник как жанр. Теория вопроса. URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-263509.html (дата обращения: 11.03.2019).
13. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. М. : Intrada,1999. 415 с.
14. Савинков С. Дневниковая форма // Тамарченко Н. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Тамарченко]. М. : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 61–62.
15. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. С. 9–226.
16. Архангельский А. Где сходились концы с концами // Дружба народов. 1998. № 7. С. 180–185.
17. Немзер А. Когда? Где? Кто?: О романе В. Маканина // Новый мир. 1998. № 10. С. 183–195.
18. Винокур Г. Биография и культура. М. : ЛКИ, 2007. 96 с.
19. Лежен Ф. В защиту автобиографии // Иностранная литература. 2000. № 4. URL: http://magazines.russ.ru/inostran/2000/4/lezhen-pr.html (дата обращения: 11.03.2019).
20. Сорникова М. Автобиографическая проза // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н. Тамарченко. М. : Изд-во Кулагиной, 2008. С. 10.
21. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
22. Выготский Л.С. Мышление и речь. М. : Лабиринт, 1999. 352 с.
23. Ермаков И. «Записки сумасшедшего» // Ермаков И. Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. М. : Новое литературное обозрение, 1999. С. 296–320.
24. Созина Е. Гегель в культурном сознании России 1840-х гг. и роман М. Лермонтова «Герой нашего времени» // Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии : сб. науч. ст: к 100-летию со дня рождения проф. И.А. Дергачева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 93–111.
25. Виноградов В.В. Стиль прозы Лермонтова // Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М. : Наука, 1990. С. 1–13.
26. Журавлева А. Лермонтов и Достоевский // Журавлева А. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М. : Прогресс-Традиция, 2002. С. 227–239.
27. Пигров К. Метафизика личного дневника // Вече. 2010. № 21. С. 25–41.
28. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб. : Азбука, 2016. 416 с.
29. Руссо Ж.-Ж. Исповедь. М. : Эксмо, 2011. 768 с.
30. Тумина Л. Внутренняя речь // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / под ред. Т. Ладыженской, А. Михальской. М. : Флинта; Наука, 1998. С. 27.
31. Жегалов Н. Критический реализм XX века и модернизм. М. : Наука, 1967. 284 с.
32. Криницын А. Исповедь подпольного человека: К антропологии. Ф.М. Достоевского. М. : МАКС Пресс, 2001. 372.
33. Буданова Н. «Подпольный человек» в ряду лишних людей // Русская литература. 1976. № 3. С. 110–122.
34. Бельтраме Ф. О парадоксальном мышлении «подпольного человека» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб. : Наука, 2007. Т. 18. С. 135–142.
35. Васильева О. Интертекстуальность названия романа В.С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (в диалоге с «Записками из подполья» Ф.М. Достоевского) // Сибирская ассоциация консультантов: Заочная научно-практическая конференция. Новосибирск, 2009. URL: http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/4220 (дата обращения: 11.03.2019).
36. Шилина К. Поэтика романа В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (Проблема героя) : дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2005. 168 с.
37. Маканин В. Андеграунд, или Герой нашего времени. М. : Вагриус, 2003. 478 с.
38. Достоевский Ф.М. Записки из подполья. СПб. : Азбука, 2015. 256 с.
39. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. : Искусство, 2000. 704 с.
40. Амусин М. Алхимия повседневности : очерк творчества В. Маканина. М. : Эксмо, 2010. 448 с.
41. Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. М. : Изд-во Сабашниковых, 1998. 944 с.
42. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : в 2 т. Т. 2: 1968–1990. М. : Академия, 2003. 688 с.
43. Маканин В. Ракурс: одна из возможных точек зрения на нынешний русский роман // Новый мир. 2004. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2004/1/makan11.html (дата обращения: 31.01.2019).

44. Деррида Ж. О грамматологии. М. : Ad Marginem, 2000. 540 с.
45. Барт Р. Нулевая степень письма. М. : Академический проект, 2008. 431 с.
46. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Академический проект, 2013. 460 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 августа 2019 г.

Why Did V. Makanin Not Use the Diary Form in His *Underground, or The Hero of Our Time*?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 63–72.
DOI: DOI: 10.17223/15617793/447/8

Alina V. Malkova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: malkova-alina@list.ru

Keywords: V. Makanin; *The Underground, or The Hero of Our Time*; diary; novel; I-narration; reflection; inner speech; plot; silence; confession.

The article raises the question of the reasons for the author's refusal to use the diary of a hero in V. Makanin's novel *Underground, or The Hero of Our Time* (1998), in which one of the constructive principles of the literary world organization is a projection M. Lermontov's novel *The Hero of Our Time* (1840) and F.M. Dostoevsky's novel *Notes from Underground* (1864). Refusal from writing is interpreted as a result of the character's belief that written speech has ceased to be a means of searching for personal senses (the closeness to R. Barthes' concept "scriptor"), and, in society, texts reinforce changing epistemes, i.e. dominant or alternative ideas. There are four stages in the situation of the main character's refusal to write (including the diary): (1) Petrovich's life in the dormitory, when he occupies the position of an unrecognized writer by listening to others' stories; (2) active actions and the implementation of the idea of a "blow" motivate the refusal from Petrovich's written reflection and public repentance; the main character's mental breakdown proves the need for a penitential word; (3) treatment in a mental hospital when the absence of a diary is explained by the character's desire to keep his crimes a secret, to get out of control of society; (4) main character's return to the dormitory and immersion in the flow of corporeal practical mass life, when Petrovich understands the futility of written reflection and penitential introspection. The absence of the character's intimate diary is explained by the fact that the diary would have recorded a failure in saving the "humiliated and offended" woman, because it is impossible to save Another, it is only possible to temporarily relieve the pain. The article shows the consequences of abandoning the "Word": the position of the "listener" and the actively self-defending person leads to an acute need for a confession. At the same time, the novel reveals the anthropological need for the word to give meaning to being. The article shows that the narrative of the novel is built on the inner speech of the character and is meaningful; refusal from the written word is compensated by situational inner speech. The main character, understanding existence as following the flow of life, does not abandon the intention to understand life, preserves inner speech, which is phenomenal and truthfully captures human variability and opens the possibility for philosophical reflection. The text of the novel materializes the narrator's inner speech, which organizes both the perspective of the image and the space-time continuum. The narrating character refuses written fixation despite the closeness in the novel of the character's inner speech to the diary form: I-narration, fragmentarity, chronologicality. In Makanin's novel, refusal from writing typifies the reduction of the word and the text's authority in modern culture.

REFERENCES

1. Stepanyan, K. (1999) Krizis slova na poroge svobody [The crisis of the word on the threshold of freedom]. *Znamya*. 8. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/znamia/1999/8/stepan.html. (Accessed: 31.01.2019).
2. Rybal'chenko, T. (2003) The situation of the denial of writing in the novels by M. Bulgakov, B. Pasternak, V. Makanin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 277. pp. 133–143. (In Russian).
3. Bibikhin, V. (2010) *Pisatel' i literatura: o romane V. Makanina "Andegraund, ili Geroy nashego vremeni"* [Writer and literature: On the novel by V. Makanin "The Underground, or The Hero of Our Time"]. Moscow: Un-t D. Pozharskogo. pp. 387–401.
4. Sukhanov, V. (2003) Chekhovskiy kod v romane V. Makanina "Andegraund, ili Geroy nashego vremeni" [Chekhov's code in V. Makanin's novel "The Underground, or The Hero of Our Time"]. In: Plekhanova, I.I. (ed.) *Sovremennost' v zerkale refleksii: yazyk – kul'tura – obrazovanie* [Modernity in the mirror of reflection: language – culture – education]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 250–265.
5. Mikheev, M. (2007) *Dnevnik v Rossii XIX–XX veka – ego-tekst, ili pred-tekst* [Diary in Russia of the 19th–20th centuries: ego-text, or pre-text]. Moscow: Vodoley.
6. Reinhold, A. (2010) On the Genre Characteristics of the Diary as a Literary Subform, and the Diary as a Non-literary Text. *Vestnik RGGU. Ser. Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 11 (54). pp. 118–129. (In Russian).
7. Krivolapova, E. (2012) On the problem of the genre forming diary features. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 5. pp. 198–203. (In Russian).
8. Romashkina, M.V. (2014) The diary: evolution of the genre. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 6. pp. 12–24. (In Russian).
9. Egorov, O. (2003) *Russkiy literaturnyy dnevnik XIX veka. Istoriya i teoriya zhanra: issledovanie* [Russian literary diary of the 19th century. History and theory of the genre: research]. Moscow: Flinta; Nauka.
10. Zaliznyak, A. (2010) Dnevnik: k opredeleniyu zhanra [Diary: On the definition of the genre]. N*ovoe literaturnoe obozrenie*. 106. pp. 162–180.
11. Oskotskiy, V. (1993) Dnevnik kak pravda [Diary as the truth]. *Voprosy literatury*. 5. pp. 5–14.
12. Bobrova, O. (2011) *Dnevnik kak zhanr. Teoriya voprosa* [Diary as a genre. Theory of the question]. [Online] Available from: http://rudocs.exdat.com/docs/index-263509.html. (Accessed: 11.03.2019).
13. Ginzburg, L.Ya. (1999) *O psikhologicheskoy proze* [On psychological prose]. Moscow: Intrada.
14. Savinkov, S. (2008) Dnevnikovaya forma [Diary form]. In: Tamarchenko, N. (ed.) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: A dictionary of relevant terms and concepts]. Moscow: Izd-vo Kulaginoy; Intrada. pp. 61–62.
15. Bakhtin, M.M. (2000) *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and hero: On the philosophical foundations of the humanities]. St. Petersburg: Azbuka. pp. 9–226.
16. Arkhangel'skiy, A. (1998) Gde skhodilis' kontsy s kontsami [Where the ends met]. *Druzhba narodov*. 7. pp. 180–185.
17. Nemzer, A. (1998) Kogda? Gde? Kto?: O romane V. Makanina [When? Where? Who?: On the novel by V. Makanin] *Novyy mir*. 10. pp. 183–195.
18. Vinokur, G. (2007) *Biografiya i kul'tura* [Biography and culture]. Moscow: LKI.
19. Lejeune, F. (2000) V zashchitu avtobiografii [In defense of the autobiography]. *Inostrannaya literatura*. 4. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/inostran/2000/4/lezhen-pr.html. (Accessed: 11.03.2019).
20. Sornikova, M. (2008) Avtobiograficheskaya proza [Autobiographical prose]. In: Tamarchenko, N. (ed.) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: A dictionary of relevant terms and concepts]. Moscow: Izd-vo Kulaginoy; Intrada. p. 10.
21. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.

22. Vygotskiy, L.S. (1999) *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech]. Moscow: Labirint.
23. Ermakov, I. (1999) *Psikhoanaliz literatury. Pushkin. Gogol'. Dostoevskiy* [Psychoanalysis of literature. Pushkin. Gogol. Dostoevsky]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 296–320.
24. Sozina, E. (2011) Gegel' v kul'turnom soznanii Rossii 1840-kh gg. i roman M. Lermontova "Geroy nashego vremeni" [Hegel in the cultural consciousness of Russia in the 1840s. and M. Lermontov's novel "The Hero of Our Time"]. In: *Romantizm vs realizm: paradigmy khudozhestvennosti, avtorskie strategii* [Romanticism vs realism: Paradigms of artistry, author's strategies]. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 93–111.
25. Vinogradov, V.V. (1990) *Yazyk i stil' russkikh pisateley. Ot Karamzina do Gogolya* [Language and style of Russian writers. From Karamzin to Gogol]. Moscow: Nauka. pp. 1–13.
26. Zhuravleva, A. (2002) *Lermontov v russkoy literature. Problemy poetiki* [Lermontov in Russian literature. Problems of poetics]. Moscow: Progress-Traditsiya. pp. 227–239.
27. Pigrov, K. (2010) Metafizika lichnogo dnevnika [Metaphysics of a personal diary]. *Veche*. 21. pp. 25–41.
28. Bakhtin, M.M. (2016) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. St. Petersburg: Azbuka.
29. Rousseau, J.-J. (2011) *Ispoved'* [Confession]. Translated form French. Moscow: Eksmo.
30. Tumina, L. (1998) Vnutrennyaya rech' [Inner speech]. In: Ladyzhenskaya, T. & Mikhal'skaya, A. (eds) *Pedagogicheskoe rechevedenie. Slovar'-spravochnik* [Pedagogical speech. A Reference Dictionary]. Moscow: Flinta; Nauka.
31. Zhegalov, N. (1967) *Kriticheskiy realizm XX veka i modernizm* [Critical realism of the 20th century and modernism]. Moscow: Nauka.
32. Krinitsyn, A. (2001) *Ispoved' podpol'nogo cheloveka: K antropologii F.M. Dostoevskogo* [Confession of an underground man: Towards the anthropology of F.M. Dostoevsky]. Moscow: MAKS Press.
33. Budanova, N. (1976) "Podpol'nyy chelovek" v ryadu lishnikh lyudey ["An underground man" among extraneous people]. *Russkaya literatura.* 3. pp. 110–122.
34. Beltrame, F. (2007) O paradoksal'nom myshlenii "podpol'nogo cheloveka" [On the paradoxical thinking of an "underground man"]. In: Budanova, N.F. & Yakubovich, I.D. (eds) *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and research]. Vol. 18. St. Petersburg: Nauka. pp. 135–142.
35. Vasil'eva, O. (2009) *Intertekstual'nost' nazvaniya romana V.S. Makanina "Andegraund, ili Geroy nashego vremeni" (v dialoge s "Zapiskami iz podpol'ya" F.M. Dostoevskogo)* [Intertextuality of the title of V.S. Makanin's novel "The Underground, or The Hero of Our Time" (in dialogue with "Notes from the Underground" by F.M. Dostoevsky)]. [Online] Available from: http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/4220. (Accessed: 11.03.2019).
36. Shilina, K. (2005) *Poetika romana V. Makanina "Andegraund, ili Geroy nashego vremeni" (Problema geroya)* [Poetics of V. Makanin's novel "Underground, or The Hero of Our Time"]. Philology Cand. Diss. Tyumen.
37. Makanin, V. (2003) *Andegraund, ili Geroy nashego vremeni* [Underground, or The Hero of Our Time]. Moscow: Vagrius.
38. Dostoevskiy, F.M. (2015) *Zapiski iz podpol'ya* [Notes from the Underground]. St. Petersburg: Azbuka.
39. Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo.
40. Amusin, M. (2010) *Alkhimiya povsednevnosti: ocherk tvorchestva V. Makanina* [Alchemy of everyday life: an essay on the work of V. Makanin]. Moscow: Eksmo.
41. Genette, G. (1998) *Figury: v 2 t.* [Figures: in 2 vols]. Translated form French. Moscow: Izd-vo Sabashnikovykh.
42. Leyderman, N.L. & Lipovetskiy, M.N. (2003) *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: V 2 t.* [Contemporary Russian literature: 1950s–1990s: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Akademiya.
43. Makanin, V. (2004) Rakurs: odna iz vozmozhnykh tochek zreniya na nyneshniy russkiy roman [Perspective: One of the possible points of view on the current Russian novel]. *Novyy mir.* 1. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2004/1/makan11.html. (Accessed: 31.01.2019).
44. Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [Of grammatology]. Translated form French. Moscow: Ad Marginem.
45. Barthes, R. (2008) *Nulevaya stepen' pis'ma* [Writing Degree Zero]. Translated form French. Moscow: Akademicheskiy proekt.
46. Heidegger, M. (2013) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated form German. Moscow: Akademicheskiy proekt.

Received: 09 August 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 73–82. DOI: 10.17223/15617793/447/9

УДК 811.1/.8

И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер, В.Е. Ершова

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИМИДЖА ВРАЧА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА (НА МАТЕРИАЛЕ FACEBOOK)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ (проект № 8.1.51.2018).

Рассматриваются коммуникативные стратегии продвижения профессионального имиджа врача, реализованные в социальной сети Facebook в соответствии с ключевыми образами, моделируемыми авторами. Выявляется, что образ «я – врач» оформляется стратегиями актуализации принадлежности к профессиональному сообществу, профессионального информирования и презентации собственного профессионального опыта; «я – эксперт в области медицины» – стратегией экспертной оценки чужого профессионального опыта; «я – пациент=врач» – стратегией распространения опыта пациента.

Ключевые слова: дискурс социальных медиа; коммуникативные стратегии; медицинская профессиональная информация; имидж врача.

Исследователи интернет-коммуникации обращают особое внимание на значимость технологического фактора [1–4 и др.], который «оказывает существенное, если не сказать определяющее влияние на все особенности как самих коммуникаций, происходящих в Глобальной паутине, так и на язык, их обслуживающий» [5. С. 28]. Этот фактор, соответствующий такому параметру классификации дискурсов, как канал связи [6], определяет дискурсивную специфику интернет-взаимодействия, противопоставляя интернет-дискурс не опосредованным глобальной сетью сферам общения.

Новая техническая реальность качественным образом изменила тип пользователя информационных сообщений. В связи с этим значительно понизилась продуктивность прежних форматов воздействия на него: у обыденного человека выработалась «информационная слепота» по отношению к прямым рекламным сообщениям, при этом возрос уровень доверия к обмену информацией, поступающей через интернет-канал связи. Кроме того, технические возможности интернет-коммуникации предоставили адресату широкий выбор контента – в соответствии с информационными потребностями конкретного человека, а также форм его реализации – в соответствии с индивидуальными рецептивными стереотипами.

В результате адресант, ставящий задачу воздействия на современного адресата, вынужден искать новые формы обращения к нему и перестраивать содержание передаваемой информации в соответствии с установкой на непрямое воздействие.

Адаптируясь к этим условиям, адресант использует особые площадки, удобные для новых форм подачи информации.

Одной из таких новых площадок являются социальные медиа.

Термин «социальные медиа» вошел в научный оборот относительно недавно и в связи с этим обнаруживает некоторую вариативность референции. В настоящем исследовании «социальные медиа» определяются как «категория веб-сайтов, предоставляющих возможность публикации, обмена и обсуждения контента широким кругом пользователей» [7], как «совокупность всех интернет-площадок, которые на основе онлайн-технологий предоставляют пользователям возможность устанавливать коммуникацию друг с другом и производить пользовательский контент. Другими словами – это веб-ресурсы, созданные для общения пользователей в сети» [8] (см. также: [9, 10]). Среди них – социальные сети (Facebook, ВКонтакте и др.), блоги, форумы и т.д.

В фокусе нашего внимания – такая разновидность социальных медиа, как социальная сеть.

Сложность внутренней организации внеинституционального интернет-общения (которое, согласно своим исходным задачам, должна обслуживать соцсеть) как общения личностно-ориентированного определяется множественностью дискурсивных целей и локальностью их характера [11. С. 175].

При этом дискурс открытых зон личных аккаунтов в соцсети ориентирован на неограниченную адресацию, что обеспечивается интернет-каналом связи за счет технически заданной публичности общения. Признак публичности общения выделен на основании дифференциации публичного / непубличного общения, использованной К.Ф. Седовым при построении типологии внеинституциональных речевых жанров [12–14]. При его наличии даже локальные факты индивидуального взаимодействия коммуникантов реализуются в условиях множественного внешнего наблюдения и строятся с его учетом. Публичность общения создает условия для трансформации дискурсивных целей, например, активизации установки на самопрезентацию, предоставления информации и ее оценивания в таком аспекте, который может быть интересен читателю.

Одним из направлений такой трансформации становится решение институциональных задач продвижения «продукта» (в широком понимании), при котором восприятие личных аккаунтов в соцсети как формы реализации человеческой индивидуальности подвергается манипулятивной эксплуатации.

Личностное начало обеспечивает особое доверие к автору, способствует поддержке интереса к его постам, а технически обеспеченный интерактивный потенциал (возможность задать вопросы и получить на

них ответ, представить реакцию на сообщение и т.д.) поддерживает этот интерес. Подобная логика трансформации целей дискурса блогосферы описана в [15–17 и др.]. Согласно этой логике блог-дневник, функционирующий на ранних этапах развития блогосферы рунета как площадка для дружеского интернет-общения, в настоящее время реализует в основном институциональные цели – реакламные, политические и т.д. [Там же]. При этом М.О. Кочеткова отмечает, что «ведущие социальные интернет-сервисы развиваются примерно по той же модели: пока число пользователей небольшое, существует возможность для дружеского общения определенной группы лиц, при достижении определенного уровня популярности сервиса и наличии достаточно большой пользовательской аудитории начинают активно реализовываться рекламные интенции, впоследствии реализуется их разновидность – политические интенции» [17. С. 196]. Представление профессиональных знаний широкой непрофессиональной аудитории осуществляется в рамках того же процесса.

Личностно-ориентированная направленность коммуникации в социальных медиа предполагает представление информации любого типа в соответствии с ее личностной значимостью – как для адресанта, так и для адресата, и в фокусе внимания всегда оказываются «человеческие истории» участников коммуникации. Такой тип взаимодействия позволяет по-новому реализовывать не только личностно-ориентированные, но и институциональные интенции коммуникантов, одной из которых является интенция продвижения продукта. В результате личностно-ориентированные дискурсивные интенции социальных медиа трансформируются.

Цель данной статьи – выявить коммуникативные стратегии продвижения профессионального имиджа врача в дискурсе соцсетей.

Материалом для данного исследования послужили открытые зоны личных аккаунтов медиков в социальной сети Facebook. Предварительно были выбраны 40 аккаунтов, авторы которых указали в профиле на свой профессиональный статус врача. Из 40 рассмотренных аккаунтов врачей для подробного анализа было выбрано 13, в которых процент авторских постов (т.е. написанных от имени автора аккаунта) и репостов с авторским комментарием на медицинские темы с апреля 2018 г. по июнь 2019 г. составил не менее 50%. Таким образом, в фокусе внимания оказались только аккаунты, где распространение профессиональной информации является для его автора одной из главных целей, а медицинская тематика не относится к частным темам контента. Всего проанализировано 223 авторских поста и 41 репост с авторским комментарием (кроме этого, в выбранных аккаунтах медицинская тематика проявилась в 92 репостах без авторских комментариев и в 35 упоминаниях).

При анализе имиджевых стратегий профессионала значимым становится конкретная профессиональная область, в рамках которой формируется имиджевый статус.

Медицина является одной из профессиональных областей, вызывающих интерес самой широкой – непрофессиональной – аудитории. Достаточно определенным является типовой характер информационного ожидания непрофессиональной аудитории потенциальных пациентов от врача как участника медицинской коммуникации: врач, согласно бытовым представлениям о нем, должен не только вылечить, но и «рассказать» пациенту о принципах лечения и профилактики различных заболеваний. Стратегии распространения профессиональной информации за пределы сферы профессионального общения в медицине довольно хорошо (в сравнении с другими профессиональными областями) отработаны в речевых практиках медицинского дискурса, где общение «врач–пациент» играет значительную роль. При этом общение в соцсетях, не ограниченное институциональными правилами медицинского дискурса, протекает по другим правилам, отличается по целям и требует реализации иных стратегий распространения профессиональной информации, хотя отельные принципы собственно профессионального общения в данном случае сохраняются. В медицине профессиональный имидж конкретного врача или медицинской организации обеспечивает доверие потенциальных пациентов. На особую значимость имиджевой составляющей в профессиональной деятельности врача обращают внимание многие современные исследователи [18, 19].

Дискурсивный статус аккаунта соцсети предполагает в качестве ведущей установку на самовыражение его автора. Дискурс соцсети не ограничивает авторов в выборе контента. В основе его формирования лежат исключительно личностные установки. В связи с этим содержание контента личного аккаунта соцсети отражает создаваемый автором образ.

Этот образ формируется как за счет анкетных сведений, представленных в профайле, так и за счет содержания размещаемых автором постов и его реакций на комментарии к ним.

Среди аккаунтов, где автор так или иначе представляет свой профессиональный имидж, можно выделить два типа личных страниц: (1) включающие профессиональный имиджевый контент наряду с личностным (фото семьи, друзей, посты о развлекательных мероприятиях, хобби и других событиях личной жизни); (2) специально созданные для распространения профессиональной информации и, следовательно, непосредственно ориентированные на представление профессионального имиджа.

В рассматриваемых аккаунтах, независимо от того, поддерживается ли в них последовательно указание на принадлежность к профессиональному медицинскому сообществу, представленная в профайле информация по-особому влияет на восприятие образа автора аккаунта. Анкетная информация о профессиональном статусе автора аккаунта включает сведения не только об образовании (*Образование: Сибирский государственный медицинский университет; Siberian State Medical University; изучала лечебное в СибГМУ*[1]), но и о врачебной специальности (*Общая хирургия и пластическая хирургия; Медицинская биохимия*) и характере профессиональной деятельности (*МО Здоровье. Ген. директор; НИИ Микрохирургии. Клиника пластической хирургии*). Тип представленных в про-

файле сведений ориентирует адресата на характер его позиции, указывая на границы профессиональной информации, в которой автор позиционирует себя как специалиста.

Если профайл прямо не ориентирует читателя на восприятие автора аккаунта как обладающего профессиональным статусом врача (указание на него в анкетных сведениях может не развиваться в контенте), то размещаемые тексты прямо указывают на наличие / отсутствие такого самопозиционирования, что проявляется в особых тестовых формах.

В результате анализа были выявлены следующие образы, реализуемые как аспекты профессионального имиджа врача.

(1) «**Я – врач**». В данном случае реализуется имидж врача-специалиста, практика, обладающего специальными знаниями и опытом: ***Делюсь своим опытом*** *профилактики данных случаев во время путешествий. /.../ С целью профилактики отита хорошо помогает пробиотический штамм blis k12.* ***В исследованиях установлено,*** *что у детей, не болеющих ОРЗ, на слизистых присутствует данный штамм бактерий.*

(2) «**Я – эксперт в области медицины**». Эксперт – это лицо, не только обладающее специальными знаниями, но и способное дать заключение по вопросам определенной профессиональной области: оценить профессиональную деятельность других врачей. Экспертная позиция автора определяет специфику имиджевого представления врача. В этом случае автор позиционирует себя как эксперта, не только обладающего специальными знаниями, но и способного оценить результаты деятельности коллег: *Показано удаление пораженных костей и их замена на высокотехнологичный эндопротез.* ***Операция сложная для специалистов и тяжелая для пациентов****, поэтому во многих клиниках ему было отказано в помощи. Но в моем проекте фоторепортажа из операционной свое* ***мастерство*** *демонстрируют самые* ***высококлассные хирурги****. Операцию выполнил NN, хирург-онколог.*

(3) «**Я – пациент=врач**». При таком позиционировании автор аккаунта задает общение с аудиторией с позиции «идеального пациента», каким может быть врач, занимающийся собственным здоровьем. Речевые позиции врача и пациента взаимодействуют, что дает принципиально новый формат решения имиджевой задачи: *В общем, в случае с сахаром – чем меньше, тем лучше. /.../ Не пытайтесь после прочтения поста исключать совсем. Скорее всего, не выйдет, так как сахар вызывает и психологическую, и биохимическую зависимость сродни кокаиновой.* ***По своему опыту: месяц жила на безуглеводной диете (жесть!). Первые 3–5 дней выраженная абстиненция (головная боль, слабость, тремор...).*** *Поэтому! Аккуратненько сокращаем! Не добавляем в чай и кофе. Не пьем (да, не пьем!) соки, включая свежевыжатые. Там сплошной сахар! Про газировки вообще молчу.*

Рассмотрим, как каждый из этих образов реализуется.

Каждый вид профессионального имиджа в дискурсе соцсетей реализуется через определенные стратегии, получающие текстовое воплощение в личных аккаунтах врачей и обеспечивающие достижение общей имиджевой цели.

Авторы рассматриваемых аккаунтов в основном не ограничиваются использованием стратегий определенного типа. При этом в конкретных аккаунтах один из типов стратегий обычно доминирует.

Кроме того, в аккаунтах, включающих профессиональный имиджевый контент наряду с личностным, наиболее частотно реализуются стратегии, оформляющие образ первого типа, а стратегии, представляющие образ третьего типа, практически не используются.

Каждая стратегия реализует определенный аспект профессионального имиджа врача.

Рассмотрим эти стратегии и текстовые средства их оформления в соответствии с образами, которые они оформляют.

(1) Образ «**я – врач**» реализуется в трех видах стратегий, различающихся по объекту описания.

(1.1) Стратегия **актуализации принадлежности к профессиональному сообществу** предполагает описание профессионального сообщества и включение себя в этот контекст.

Данная стратегия более частотно реализуется в аккаунтах, где профессиональная информация транслируется наряду с личной.

Использование данной стратегии способствует указанию на широкую осведомленность в профессиональных достижениях других членов сообщества и подтверждению готовности к профессиональному росту, что является неотъемлемым качеством профессионала. Она строится как представление фактов взаимодействия с профессиональным сообществом в рамках профессиональных мероприятий. При этом собственно медицинская информация минимизируется, ограничиваясь констатацией номинальных сведений о событии: *Поездка в Ереван* ***на съезд травмотологов и ортопедов*** *выдалась* ***насыщенной и интересной****. Новые знакомства, дискуссии на секциях и за их пределами, конечно же* ***национальный колорит и гостеприимство****. От* ***НИИ микрохирургии*** *передали наши труды в библиотеку* ***Ереванского медицинского университета****; Моя* ***продуктивная*** *неделя началась в прекрасной Барселоне. Здесь я являюсь участником* ***летней школы «Mental Health in the Age of Uncertainty»****, которая проходит на базе* ***Faculty of Medicine and Health Sciences****, University of Barcelona (Barcelona, Spain).*

Логика построения текста при реализации данной стратегии – собственно событийная, что делает его органичным как для аккаунтов, включающих профессиональный имиджевый контент наряду с личностным, так и для аккаунтов, специально созданных для распространения профессиональной информации. По своему построению тексты такого типа практически не отличаются от текстов, рассказывающих о личных событиях автора. В них присутствуют характерные как для «профессиональных», так и для бытовых текстов оценочные показатели, использование которых допускает привлечение диктума, связанного с собственно профессиональной информацией только косвенно (*Поездка… выдалась насыщенной и интересной;*

национальный колорит и гостеприимство; продуктивная неделя). Но, в отличие от интерпретации собственно личностного диктума профессионально ориентированные тексты – эмоционально нейтральны (ср.: *На каникулах семьей выбрались в Прагу. Даже не ожидали,* ***насколько это красивый город! Столько*** *новых впечатлений и* ***приятных минут!***). При этом отмеченное различие представляется значимым в связи с тем, что принципиальная эмоциональная нейтральность соответствует повышению уровня формальности (о понятии формальности дискурса – см.: [11]) текста, придающему посту институциональный статус (показатель имиджевой значимости врача).

Личностные установки дискурса соцсети проявляются при этом в том, что автор текстов, хотя и эмоционально нейтрально, но все же эксплицитно выражает личностную позицию по отношению к представляемому событию и его участникам (*поездка выдалась насыщенной, познакомился с ведущим хирургом, в ведущем центре Стамбула два хирурга делают сто операций в месяц* и др.). Данный ход позволяет ему имплицитно дать оценку собственной деятельности, формируя в сознании адресата образ профессионала в области медицины, работающего в рамках современных методик.

В результате использования стратегии актуализации принадлежности к профессиональному сообществу предстает образ врача, интегрированного в мировое профессиональное сообщество и поэтому обладающего передовым медицинским знанием.

(1.2) Стратегия **профессионального информирования**.

Использование данной стратегии характерно как для аккаунтов, ориентированных на решение имиджевой задачи, так и для аккаунтов, где профессиональная информация транслируется наряду с личной.

Тематика сообщений фокусируется вокруг социально востребованных медицинских тем (методы профилактики и лечения сезонных заболеваний, здоровый образ жизни, отношение к различным видам физиологических зависимостей и др.).

Профессиональная позиция автора предстает в оценочно-нейтральном регистре, что отличает данную стратегию от предыдущей: *Всю терапию* ***можно разделить*** *на две группы. Первая – симптоматическая. Сюда относятся сосудосуживающие капли в нос и жаропонижающие. Вторая воздействует на причину заболевания. Это противовирусные и антибактериальные препараты...*. В постах рассматриваемого типа эта позиция проявляется за счет текстовых показателей организации информации – лексических (*можно разделить; выделяются факторы* и т.д.) и синтаксических, выраженных, например, в формулировании специальных вопросов и ответов на них (*Почему нельзя сбивать субфебрильную температуру тела? Дело в том, что для связывания белков инфекции антителами иммунной системы вокруг обеих макромолекул должен сформироваться слой молекул воды…*). Кроме того, автор организует информацию за счет ее характеристики с помощью средств реализации категории персуазивности (*логично, что эти вирусы наиболее активны; надо полагать, что в этом случае требуется особая терапия*).

Аналитический посыл высказывания демонстрирует специфику дискурсивного мышления врача-профессионала, реализуемую в личном аккаунте (*всю терапию можно разделить на две группы, лекарства, применяемые в данной области лечения, делятся на несколько групп; существуют две школы, имеющие противоположные точки зрения* и т.д.).

При этом интенция информирования, с одной стороны, и ориентированность на адресата этого информирования – с другой, проявляются в различных текстовых формах взаимодействия с потенциальным читателем-непрофессионалом: например, вопросно-ответные конструкции, организующие логику текста: ***А так ли страшны рубцы?*** *Безусловно – рубец является сложным паталогическим процессом, притом индивидуализированным.*

Данная стратегия, в свою очередь, распадается на две субстратегии, различающиеся наличием / отсутствием профессиональной авторизации.

(1.2.1) Субстратегия **неавторизованного** профессионального информирования.

Особенности оформления данной стратегии проявляются в том, что текст строится как неавторизованное информирование читателей, что создает эффект его представления от имени профессионального сообщества в целом (реализуется «общая» позиция медицины, а не позиция конкретного врача-специалиста): *Поствакцинальные осложнения. Это тяжелые и / или стойкие нарушения здоровья. Возникают из-за индивидуальной сильной реакции организма на компоненты вакцины. Реже встречаются осложнения при нарушении процедуры вакцинации, использовании вакцины ненадлежащего качества…*

Имиджевая функция осуществляется за счет того, что текст помещается на личной странице автора, представившего информацию о своем профессиональном статусе в профайле, а также за счет его взаимодействия с другими текстами аккаунта, в совокупности характеризующими данный аккаунт как профессионально ориентированный (тексты такого типа в аккаунтах, представляющих профессиональную информацию наряду с личной, практически не встречаются). При этом автор принципиально обезличивается, что оформляется в соответствующих конструкциях.

В результате использования субстратегии неавторизованного профессионального информирования формируется образ врача, выступающего от имени профессионального сообщества и проявляющего внимание к пациентам через активное осуществление просветительской функции.

В связи с тем, что тексты адресованы широкому кругу читателей (в большинстве – непрофессионалам), в них отсутствуют сложные для читателя медицинские термины, хотя профессиональный статус врача предполагает оформление речевой формы высказываний как институционально заданное (ср.: при *нарушении процедуры вакцинации* – «плохо поставили прививку»).

Несмотря на отсутствие форм авторизации, размещение текстов, в которых источником информации латентно предстает профессиональное сообщество в целом, в личном аккаунте определяет то, что они оказываются не лишенными особых форм проявления позиции автора аккаунта. И хотя профессиональная деятельность других врачей и ученых-медиков обсуждению не подвергается, авторская позиция регулярно проявляется в оценке отдельных содержательных элементов контента (*Реальность такова, что потребление сахара стремительно растёт, даже по сравнению с началом XX в. Нормы потребления представлены на слайде.* ***И они очень, очень аскетичны!)))***) или его организации (*Антибиотки вызывают у детей кариес…* ***Логично,*** *что кроме лечения основного заболевания, антибиотикотерапия подавляет рост патогенных бактерий…****Однако исследования*** *показывают, что применение антибиотиков как до, так и после прорезывания зубов….* ***Подробнее о патогенезе кариеса и методах его профилактики читайте в этом посте***).

(1.2.2) Субстратегия **авторизованного** профессионального информирования.

Данная субстратегия, в отличие от вышерассмотренной, где образ автора принципиально обезличивается, строится при использовании активной авторизации. За счет авторизации выражается особая ответственность за контент – как за его выбор, так и за его содержание.

Авторизация проявляется тремя способами, основанными на характере делегирования этой ответственности.

(а) Если автор принимает ответственность как за выбор контента, так и за его содержание, то «я-образ» соотносится с позицией активного субъекта, в качестве которого единолично выступает автор поста: ***Я подготовил подборку постов*** *о простуде, орз, орви и других сезонных заболеваниях респираторного тракта; Сегодня* ***я расскажу*** *про эксперименты, в которых было показано как работают мотивация, надежда, целеустремленность, а также механизм развития тяжелых зависимостей.*

Авторизация способствует снижению уровня формальности авторского текста (в сравнении с текстами, реализованными в форме вышеописанной субстратегии): *Перфорантные лоскуты давно вошли* ***в мою хирургическую жизнь****; О влиянии микрофлоры кишечника на ожирение* ***я*** *подробно* ***писал****. А сегодня* ***расскажу*** *о результатах генетического исследования* ***моего внутреннего мира****.*

(б) Если автор использует прием «разделения ответственности» с пациентом, представляя его как «соучастника» лечения, чтобы в дальнейшем «передать» ему эту ответственность, то «я-образ» трансформируется в «мы-образ», допустимый в личном аккаунте: *Традиционно психологически* ***большинство из нас*** *боится онкологии.* ***Действительно,*** *эта страшная болезнь не выбирает между богатыми и бедными, образованными и не очень. Современный уровень развития медицинских технологий позволяет справляться с подавляющим большинством онкозаболеваний, выявленных на ранних стадиях. Однако, в целом по России только 54% всех случаев рака выявляется на 1–2 стадиях.* ***И не надо думать, что это произойдёт с кем угодно, только не с вами...***

(в) Если автор принимает ответственность только за выбор контента, а за его содержание делегирует ответственность другому профессионалу, то «я-образ» расщепляется, интегрируя позицию пассивного субъекта – автора аккаунта – и активного субъекта, с которым он «делит» эту ответственность: *Ветряная оспа, которую обычно называют «ветрянка», является острым и чрезвычайно заразным заболеванием. Существует мнение, что у детей раннего возраста ветряная оспа протекает легко. Однако все чаще регистрируются осложненные форсы «ветрянки» у пациентов с аллергическими, тяжелыми хроническими заболеваниями. /…/ Информацию* ***мне помогла*** *подготовить для вас кандидат медицинских наук, доцент кафедры инфекционных болезней СибГМУ NN. Она же ответит на вопросы про ветрянку в комментариях к посту.*

С одной стороны, позиция автора, реализуемая в рамках данной субстратегии, за счет выраженной авторизации (экспликации я-образа) и оформленности контента как специально выбранного приближается к экспертной (описанной ниже), а с другой – отличается от нее тем, что оценка содержания выбранного контента не эксплицируется, хотя и проявляется косвенно: приводимая информация предъявляется как изначально верная.

В результате использования субстратегии авторизованного профессионального информирования, как и в предыдущем случае, автор предстает как врач-просветитель, но обладающий при этом собственной позицией по поводу методов профилактики и лечения.

(1.3) Стратегия **презентации собственного профессионального опыта.**

Использование данной стратегии также более характерно для аккаунтов, специально ориентированных на решение имиджевой задачи. В аккаунтах, где профессиональная информация транслируется наряду с личной, такая стратегия практически не используется.

Тематика сообщений, как и при реализации предыдущей стратегии, фокусируется вокруг социально востребованных медицинских тем.

Данная стратегия представлена не так активно, как стратегия информирования. Как правило, адресант в таких случаях описывает результаты собственной профессиональной деятельности, что неизбежно предполагает рекламный целевой компонент: *Микрохирургия – это технология, применимая во всех областях хирургии. На видео – лоскут нежной мышцы бедра, который* ***мы пересадили пациенту*** *с повреждением плечевого сплетения. /…/* ***Кропотливая и многочасовая работа*** *– единственная возможность для пациентов с длительным стажем паралича конечности; Отопластика.* ***Часто приходится сталкиваться*** *с асимметрией. В данном случае исходное состояние: асимметрия ушных раковин, причем не только по анатомии изгибов хрящей, но и по состоянию.* ***Выполнена*** *пластическая операция на ушных*

раковинах с восстановлением изгибов хрящей. /.../ Результат на 18 сутки после операции ***радует и пациента, и врача***. Тематика данных сообщений касается профессиональной сферы адресанта. Данные сообщения направлены на широкую аудиторию как профессионалов, так и потенциальных пациентов, именно поэтому адресант стремится сохранить баланс в повествовании между профессионализацией информации и ее доступностью для понимания. Именно этим в первую очередь обусловлено использование терминов и их пояснение (*микрохирургия, паралич конечностей, отопластика, ушные раковины* и др.). Логика повествования обусловлена задачами адресанта – продемонстрировать свои профессиональные компетенции (*мы пересадили пациенту, выполнена пластическая операция*). Местоимение *мы*, используемое в тексте, призвано подчеркнуть командную работу, которая зафиксирована в видеофрагменте, иллюстрацией к которому является рассматриваемый текст. Подобного рода прием работает на продвижение организации в целом и адресанта как агента института. В таком случае имиджевую выгоду получают оба интересанта: адресанту для продвижения важен социальный статус, подкрепленный авторитетом медицинского заведения, а организация получает непрямую рекламу своей деятельности.

Второй текст направлен в первую очередь на продвижение адресанта. Использование безличных конструкций (*часто приходится сталкиваться, проведена операция*) позволяет адресанту личностно дистанцироваться, добиваясь иллюзии объективности повествования, что важно для компенсации рекламного эффекта. В обоих текстах используются оценочные единицы, призванные подчеркнуть профессионализм адресанта. Однако в фокусе оценки оказываются разные аспекты профессиональной деятельности, что обусловлено как ее особенностями (ср.: микрохирургия и пластическая хирургия), так и задачами авторов текстов. В первом тексте акцент делается на сложности выполняемых работ (*многочасовая и кропотливая работа*), дающих возможность пациенту вернуть дееспособность (*единственная возможность для пациента*). Выражение *единственная возможность*, с одной стороны, объясняет трудозатратность осуществляемых действий врачей, с другой – высокую квалификацию персонала: от принятия решения до возможности его осуществить, что также работает на продвижение адресанта и его организации. Во втором тексте оценка предпринятых врачом действий вербализуется при помощи лексемы *радует*. Использование данной лексической единицы в сочетании с существительными *и врача, и пациента*, указание на временную отдаленность результата (*на 18 сутки*) позволяют автору сформировать в сознании адресата образ профессионала. Заметим, что выбор лексемы *радует* во втором тексте, на наш взгляд, во многом обусловлен областью деятельности адресанта – пластическая хирургия, которая в первую очередь ассоциируется в сознании читателя с устранением дефектов человеческого тела, приносящих эстетические неудобства.

Как правило, посты имеют общую композицию: от обозначения сферы деятельности, описания конкретного действия к оценке результата. Поскольку в фокусе внимания находятся профессиональные компетенции врача-профессионала, в тексте используется терминологическая лексика, характерная для данной области медицины. Результат деятельности обязательно оценивается самим адресантом, однако речь идет об оценке собственных профессиональных действий, поэтому обязательно подчеркивается важность данного действия для решения проблем пациента. Видео- и фотоматериалы, сопровождающие текст и иллюстрирующие состояние пациента «до» и «после» медицинских процедур, создают эффект достоверности и открытости, с одной стороны, и эффект присутствия пациента как соисполнителя в процессе действия и в получении результата – с другой. Кроме того, иллюстрации усиливают рекламный эффект.

(2) Образ «**я – эксперт в области медицины**» оформляется при помощи стратегии **экспертной оценки чужого профессионального опыта**.

Данный образ создается медиками – авторами личных аккаунтов Facebook значительно реже, что определяется несколькими причинами. Основными, на наш взгляд, являются профессионально-этические ограничения и широта аудитории подписчиков (фактор публичности), включающих как других профессионалов, так и потенциальных пациентов. Соответственно, обсуждение дискуссионных медицинских вопросов осуществляется профессионалами за рамками исследуемых аккаунтов (например, в закрытых профессиональных группах).

Объектом экспертного оценивания в данном случае являются различные инструменты лечения – лекарственные препараты (чаще), медицинское оборудование, технологии и другие, а также конкретные лечебные практики. Оценочные описания чужого профессионального опыта используются авторами исследуемых аккаунтов для самопрезентации (так, на редкость значительное количество постов подобного типа было зафиксировано в аккаунте, используемом автором в качестве платформы для продвижения собственного научно-популярного медицинского блога). На это указывает способ их представления.

Лечебные практики, по вышеуказанным причинам, становятся объектом экспертного описания только в случае их позитивной оценки автором аккаунта (по крайней мере, это показывает наш материал). В силу того, что «экспертиза» носит неофициальный характер, «эксперты», исходя из личностных интенций, выбирают не только объекты «анализа», но и их аспекты, подвергаемые оцениванию: *Если врач не уверен в своей квалификации, он наверняка откажется от публичной демонстрации своей работы. Мне приходилось сталкиваться с ситуациями, когда съемка согласована с главным врачом и его замом по хирургии, а хирург в последний момент отказывался. Поэтому в моем проекте /.../ свое* ***мастерство*** *демонстрируют только* ***высококлассные хирурги****, которым* ***можно без колебаний доверить свое здоровье.*** *Сегодня я продолжаю рассказывать о работе NN.* В этом посте автор дистанцируется от медицинского сообщества, занимая позицию медика-публициста.

Неслучайно текст данного поста содержит фрагменты, построенные по принципам рекламного текста: *Поэтому в моем проекте /.../ свое мастерство демонстрируют только высококлассные хирурги*. В его основе лежит противопоставление истинного профессионализма недостаточному профессионализму внутри медицинского сообщества. По законам публичного личностно-ориентированного коммуникативного пространства Facebook критерием истинного профессионализма оказывается не профессиональный результат (обсуждать который также не вполне позволяет этика), а открытость врача, не боящегося публичного обсуждения результатов работы; критерием недостаточности профессионализма – отказ от публичности. Адресант намеренно уходит от полюсного противопоставления «профессионал-непрофессионал», заменяя его оппозицией «врач-профессионал – врач, не уверенный в своих силах». Лексема *не уверен* позволяет автору текста снять остроту отрицательности контекста, нарушающую корпоративную этику и ставящую под сомнение профессионализм медицинского сообщества. Лексическая единица *наверняка* (*он **наверняка** откажется от публичной демонстрации своей работы*) позволяет автору представить выдвигаемый им критерий как неабсолютный, ситуативный, при этом дополнительный критерий оценивания героя своего репортажа. Оценочные лексемы *мастерство, высококлассные, без колебаний доверить*, моделируя образ профессионала, являются подтверждением правильности выбранного автором критерия. Данный пост, помимо продвижения отдельных специалистов и организаций, работает и на формирование образа его автора как независимого эксперта, объективно оценивающего состояние дел в своей профессиональной сфере, которому можно доверять опять же не только в силу его профессионального опыта, но и в силу его опыта наблюдения за профессионалами (*Мне приходилось сталкиваться с ситуациями…; я продолжаю рассказывать о…*).

Во многих случаях данная стратегия реализуется в особой – редуцированной – форме: как пояснение к фотографиям, взаимодействующим с текстом (подпись к фотографии автора аккаунта с описываемой персоной): *С NN – **основоположником правильной** пластической хирургии молочной железы. **Мы поговорили, обсудили** липофилинг молочных желез, особенности сложной аргументации. И вот вроде **думаешь, что знаешь почти все**, а после беседы с подобным **специалистом** понимаешь, что ничего подобного. Нет предела **совершенству знаний и умений***. Характеристика статуса коллеги, сферы его деятельности, круг обсуждаемых вопросов позволяют адресанту еще раз акцентировать внимание адресата на области медицины, в которой он работает, косвенно указать на значимость собственного статуса (*поговорили, обсудили…*). Прием намеренного представления статуса коллеги как максимально высокого, сочетающийся с саморефлексией, работает на подкрепление имиджа специалиста высокого класса, развивающего профессиональные компетенции. Собственно экспертная интенция в данном случае предстает в латентной форме.

(3) Образ «**я – пациент=врач**» оформляется при помощи **стратегии распространения опыта пациента**.

Данная стратегия более частотно реализуется в аккаунтах, созданных специально для трансляции профессиональной информации.

Эффект текстового взаимодействия позиций врача и пациента позволяет получить особое доверие читателей к распространяемой информации («проверено врачом на себе»), при этом косвенно повысить уровень доверия к личному аккаунту, выполняющему рекламную функцию. Диктумное содержание текстов, реализующих данную стратегию, предполагает трансляцию информации о тех видах деятельности, которые может осуществлять любой читатель, а также их профессиональную медицинскую интерпретацию.

Реализация данной стратегии проявляется в подробном описании «человеческой истории» пациента-врача. При этом текст, реализующий данную стратегию, играет разную роль в структуре авторского поста, что определяет разные формы организации текста.

(А) Данная стратегия становится определяющей в организации поста (или их серии), если автор намеренно конструирует действия врача-пациента, изначально намереваясь публично рассказывать о них. Текст в этом случае получает репортажный характер: *Прошел уже год, а я **так и не написал** о результатах своего эксперимента, цель которого – набрать 10% от мышечной массы после 2 месяцев тренировок… Однако **мне** не только **удалось** быстро восстановить здоровье, но и **продолжить** тренировки….Подробно **о** возникшей **проблеме я напишу** уже **послезавтра**. И, конечно, **подведу небольшой итог**, на этот раз, годового эксперимента. Те, кто не читал о самом эксперименте – следуйте по ссылке*. Тексты такого типа описывают определенную последовательность действий, подчиненных общей задаче, каждый этап реализации которой темпорально маркируется (*Прошел уже год; после 2 месяцев; напишу уже послезавтра*). Профессиональная составляющая информации выражается в комментариях к этим действиям, обнаруживающих позицию врача (в данном примере – это обозначение описанной деятельности как *эксперимента*). Личностная составляющая эксплицируется более последовательно и открыто, что способствует повышению доверия к автору (в анализируемом случае – например, прямое указание на проблему: *о возникшей проблеме я напишу уже послезавтра*). Интенциональные составляющие позиций врача и пациента в текстах такого типа равнозначны, что подкрепляется отсутствием превалирования институциональных или личностно-ориентированных текстовых форм.

(Б) Исследуемая стратегия организует текстовый фрагмент поста, основная часть которого оформляется при помощи одной из вышеописанных стратегий. При этом с помощью стратегии распространения опыта пациента вводится иллюстрация профессиональных аргументов (иллюстрация к посту о ветряной оспе и вакцинации): *Теперь про опыт своей семьи. Дочь **переболела** в детском саду **достаточно легко**. Сын – нет.*

***Мы с ним прививались**, как положено, Варилриксом, так как я тоже **не болела**. В итоге, когда дочь заболела, он **заразился**, а я – нет. Возмущению сына не было предела. Кстати, **болел он очень тяжело**. Я ему объясняла, что **жизнь вообще несправедливая штука**.* Текст такого типа выполняет функцию апеллирования к эмоциональной реакции читателя. Интенциональная составляющая позиции пациента превалирует над соответствующей позицией врача, реализованной в основной части поста. В результате диктумные составляющие и формы личностно-ориентированного общения (в примере выделены) занимают в описываемом текстовом фрагменте ведущие позиции.

(В) Стратегия распространения опыта пациента, как и в предыдущем случае, реализуется в текстовом фрагменте другого поста, также используется в качестве иллюстрации к профессиональным аргументам, но по диктумному содержанию отражает не конкретный, а типовой опыт бытовой жизни автора: *…Что касается противовирусных средств. Я начинаю прием препаратов (чаще всего амиксин), поскольку мне нужно быстро восстановиться, и я надеюсь и верю, что это мне точно поможет. Главное в процессе излечения – точно верить. В последнее время, в период недомогания, простуды я принимаю цинк. По 20 мг 2 раза в день….* Типовой характер представляемого опыта, экспликация установки на его пропагандирование (а не только подтверждающую констатацию) активизируют превалирование интенциональной составляющей позиции врача, а не пациента – как в предыдущем случае. В результате более активно используются формы профессионального общения (*амиксин, прием препаратов, в процессе излечения, в период недомогания, принимаю цинк* и т.д.).

Подведем итоги. Характер выявленных коммуникативных стратегий продвижения профессионального имиджа врача определяется: (1) дискурсивной сферой их реализации – личностно-ориентированным по природе и трансформирующемся в соответствии с интенциональной спецификой конкретных аккаунтов дискурсом Facebook; (2) конкретной профессиональной областью, в рамках которой формируется имиджевый статус; (3) типом моделируемого образа врача; (4) индивидуальными личностными и институциональными интенциями автора аккаунта.

Ключевыми для моделирования в рамках рассматриваемой профессиональной сферы оказались образы (1) «я – врач»; (2) «я – эксперт в области медицины» и (3) «я – пациент=врач».

Образ «я – врач» реализуется при использовании коммуникативных стратегий: (1.1) актуализации принадлежности к профессиональному сообществу; (1.2) профессионального информирования (субстратегии неавторизованного и авторизованного профессионального информирования); (1.3) презентации собственного профессионального опыта. Образ «я – эксперт в области медицины» оформляется при помощи стратегии экспертной оценки чужого профессионального опыта. Образ «я – пациент=врач» создается при помощи стратегии распространения опыта пациента.

Возможность формирования выявленных стратегий определяется открытостью личностно-ориентированного коммуникативного пространства, допускающей возможность использования отработанных в нем принципов общения в институциональных целях, а также публичностью интернет-взаимодействия, выступающей как катализатор развития имиджевых интенций.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Орфография и пунктуация авторов сохранена; ссылки на личные аккаунты не приводятся по этическим причинам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Жанры речи. Саратов : Издательский центр «Наука», 2009. Вып. 6: Жанр и язык. С.111–127.
2. Компанцева Л.Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы. Луганск : Знание, 2008. 528 с.
3. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 477 с.
4. Щипицина Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск : Поморский университет, 2009. 238 с.
5. Горошко Е.И. Возникновение лингвистики новых медиа и перспективы развития этого направления // Материалы III науч.-практ. конф. Гипертекст как объект лингвистического исследования, 20 июня 2013 / отв. ред. С.А. Стройков. Самара : ПГСГА, 2013. С. 27–41.
6. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 3. С. 3–21.
7. Неяскин Г.Н. Влияние социальных медиа на бизнес-коммуникации // Диалогические коммуникации в бизнесе : интернет-конференция. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/33378753/ (дата обращения: 02.10.2018).
8. Социальные медиа // Словарь SeoPult. URL: https://seopult.ru/library/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0 (15.10.2018).
9. Носовец С.Г. Новые медиа: к определению понятия // Коммуникативные исследования. 2016. № 4. С. 39–47.
10. Стинс О. Ван Фухт Д. Новые медиа // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. 2008. Вып. 7. С. 98–106.
11. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
12. Седов К.Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Издательский центр «Наука», 2009. С. 23–39.
13. Седов К.Ф. Речежанровая идентичность и социализация личности // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 4. С. 84–89.
14. Седов К.Ф. Разговор // Антология речевых жанров. М. : Лабиринт, 2007. С. 220–230.
15. Кочеткова М. О., Тубалова И. В. Динамика развития блога как жанра дискурса блогосферы : социолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014а. № 1 (27). С. 39–52.
16. Кочеткова М.О. Блогосфера как рекламная площадка : динамика речевого жанра блога под влиянием рекламных интенций // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 35–42.
17. Кочеткова М.О. Жанровая динамика дискурса блогосферы: социолингвистический аспект : дис. … канд. филол. наук. Томск, 2016. 252 с.

18. Пасечник И.П. Профессиональный имидж врача: необходимость вынужденная или осознанная? // Новости медицины и фармации. 2013. № 10 (461). С. 12–13.
19. Васкес Абанто Х.Э., Васкес Абанто А.Э., Арельяно Васкес С.Б. Формирование профессионального имиджа врача // The Unity of Science: International Scientific Periodical Journal. 2015. № 2. С. 129–132.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 сентября 2019 г.

Communicative Strategies for Promoting the Professional Image of a Doctor in Social Media (Based on Facebook)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 73–82.
DOI: 10.17223/15617793/447/9

Inna V. Tubalova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tina09@inbox.ru
Yulia A. Emer, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: emerjulia1@gmail.com
Valentina E. Ershova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ershova43@mail.ru

Keywords: social media discourse; communication strategies; medical professional information; image of doctor.

The article aims to identify communicative strategies for promoting the professional image of a doctor in the discourse of social networks. The material for this study was 264 posts from open zones of doctors' personal accounts on Facebook. The texts of the posts under study were grouped by the nature of the image made; communicative strategies that make the image were identified for each group. The strategies' formation is determined by the openness of the personality-oriented communicative space (the principles of communication in it can be used for institutional purposes) and by the publicity of interaction on the Internet (it acts as a catalyst for the development of image intentions). The personality-oriented nature of communication in social media presupposes the presentation of information of any type in accordance with its personal significance both for the sender and the receiver; attention always focuses on the "human stories" of communication participants. This type of interaction introduces a new implementation of communicants' personality-oriented and institutional intentions, among which is the intention of product promotion. As a result, social media's personality-oriented discursive intentions are transformed. The authors revealed that the nature of communicative strategies for promoting the professional image of a doctor is determined by (1) the discursive sphere of their use: personality-oriented by nature and transformed by FB discourse in accordance with the specific intentions of particular accounts; (2) the specific professional area in which the image status is formed; (3) the type of the created image of the doctor; (4) the individual personality and institutional intentions of the account's author. The key created images of doctors were: (1) "I am a doctor"; (2) "I am an expert in the field of medicine"; and (3) "I am a patient and a doctor". The authors have found that the image "I am a doctor" is made using communicative strategies of (a) actualizing one's belonging to the professional community; (b) professional informing (the sub-strategies of unauthorized and authorized professional informing); (c) presenting one's own professional experience. The image "I am an expert in the field of medicine" is made with the help of a strategy of expert evaluation of someone else's professional experience. The image "I am a patient and a doctor" is made using the strategy of disseminating the patient's experience.

REFERENCES

1. Goroshko, E.I. (2009) Internet-zhanr i funktsionirovanie yazyka v Internete: popytka refleksii [The Internet genre and the functioning of the language on the Internet: an attempt at reflection]. In: Dement'ev, V.V. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech genres]. Is. 6. Saratov: Izdatel'skiy tsentr "Nauka". pp. 111–127.
2. Kompantseva, L.F. (2008) *Internet-lingvistika: kognitivno-pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy podkhody* [Internet linguistics: cognitive-pragmatic and linguocultural approaches]. Lugansk: Znanie.
3. Lutovinova, O.V. (2009) *Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa* [Linguocultural characteristics of virtual discourse]. Volgograd: Peremena.
4. Shchipitsina, L.Yu. (2009) *Zhanry komp'yuterno-oposredovannoy kommunikatsii* [Genres of computer-mediated communication]. Arkhangelsk: M.V. Lomonosov Pomor State University.
5. Goroshko, E.I. (2013) [The emergence of linguistics of new media and prospects for the development of this direction]. *Gipertekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Hypertext as an object of linguistic research]. Proceedings of the III Conference. 20 June 2013. Samara: Samara State Academy of Social Sciences and Humanities. pp. 27–41. (In Russian).
6. Kibrik, A.A. (2009) Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genre and other parameters of discourse classification]. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 3–21.
7. Neyaskin, G.N. (2010) [The influence of social media on business communications]. *Dialogicheskie kommunikatsii v biznese* [Dialogue communications in business]. Proceedings of the Internet conference. [Online] Available from: http://ecsocman.hse.ru/text/33378753/. (Accessed: 02.10.2018).
8. SeoPult. (n.d.) *Sotsial'nye media* [Social Media]. [Online] Available from: https://seopult.ru/library/%D0%A1%D0%BE%D1% 86%D0% B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0. (Accessed: 15.10.2018).
9. Nosovets, S.G. (2016) New media: Defining the notion. *Kommunikativnye issledovaniya – Communicative Studies*. 4. pp. 39–47. (In Russian).
10. Styns, O. & Van Fucht, D. (2008) Novye media [New Media]. Translated form English by N. Berger. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 8. Literaturovedenie. Zhurnalistika – Science Journal of VolSU. Literary Criticism. Journalism.* 7. pp. 98–106.
11. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow: ITDGK "Gnozis".
12. Sedov, K.F. (2009) Yazykoznanie. Rechevedenie. Genristika [Linguistics. Speech. Genre Studies]. In: Dement'ev, V.V. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech genres]. Is. 6. Saratov: Izdatel'skiy tsentr "Nauka". pp. 23–39.
13. Sedov, K.F. (2009) Genre Identity in Language and Socialization of a Person. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. *Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 9 (4). pp. 84–89. (In Russian).
14. Sedov, K.F. (2007) Razgovor [Conversation]. In: Sedov, K.F. (ed.) *Antologiya rechevykh zhanrov* [Anthology of speech genres]. Moscow: Labirint. pp. 220–230.
15. Kochetkova, M.O. & Tubalova, I.V. (2014) Development of the blog as a genre of the blogosphere discourse: The sociolinguistic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (27). pp. 39–52. (In Russian).
16. Kochetkova, M.O. (2015) Blogosphere as an advertising platform: the dynamics of the speech genre of blog under the influence of advertising intentions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 394. pp. 35–42. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/394/7
17. Kochetkova, M.O. (2016) *Zhanrovaya dinamika diskursa blogosfery: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [The genre dynamics of the blogosphere discourse: A sociolinguistic aspect]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

18. Pasechnik, I.P. (2013) Professional'nyy imidzh vracha: neobkhodimost' vynuzhdennaya ili osoznannaya? [The professional image of the doctor: is the need compelled or conscious?]. *Novosti meditsiny i farmatsii.* 10 (461). pp. 12–13.
19. Vazquez Abanto, H.E., Vazquez Abanto, A.E. & Arellano Vazquez, S.B. (2015) Formirovanie professional'nogo imidzha vracha [The formation of a professional image of a doctor]. *The Unity of Science: International Scientific Periodical Journal.* 2. pp. 129–132.

Received: 10 September 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 83–87. DOI: 10.17223/15617793/447/10

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2

Л.А. Коробейникова, Е.В. Водопьянова

ГИБРИДНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ИДЕИ И КОНЦЕПЦИИ

Рассмотрена специфика гибридной глобализации. В дискуссиях по данной проблеме выделен диапозон представлений: от анализа культурных аспектов гибридной глобализации до исследования политических и социальных проблем гибридной глобализации. В контексте методологии сравнительного анализа раскрыты особенности формирования гибридной глобализации в форме культурного разнообразия и в контексте современных политических процессов. Анализируются основные идеи и концепции гибридной глобализации, которые отражают современные процессы формирования глобального мира.
Ключевые слова: глобализация; гибридность; мультикультурализм; культурное разнообразие; гибридная глобализация.

Центральное место в формировании глобального сообщества занимает сеть процессов, включающих жизнь человека в тесные глобальные политические, социальные, экономические и культурные связи, взаимозависимости и переплетающиеся потоки. Взаимосвязи, взаимозависимости и потоки вызывают взаимодействие, переплетение, смешение культурных и социальных форм, стилей и структур. Такого рода культурные и социальные феномены описываются и анализируются как примеры «гибридизации». Термины «гибрид», «гибридизация», «гибридность» сейчас весьма популярны в исследовании глобализации. Фактически «гибридность» – это диагностическая черта, которая обеспечивает понимание очевидности глобализации [1. P. 14]. Как показывает проведенное исследование, термин «гибридность» наиболее часто используется в анализе культурных аспектов глобализации, политических структур, социокультурных стилей, институтов и повседневной практики. В связи с этим в первой части статьи будет представлен анализ идей гибридной глобализации, сложившихся в теории мультикультурализма. Вторая часть будет посвящена исследованию гибридной глобализации в контексте культурного разнообразия мира. В третьей части будет представлен анализ гибридной глобализации в границах политического дискурса.

Идеи гибридной глобализации в теории мультикультурализма

Гибридная версия глобализации базируется на понимании культурного разнообразия мира, неоднородности и смешения социокультурных структур.

Одним из теоретических оснований гибридной глобализации является мультикультурализм. Возникновение мультикультурализма как нормативной теории стало возможным благодаря «концу истории», который, по мнению некоторых политических теоретиков, наступил после 1989 г. Эта политическая ситуация обусловила поиск нового типа критического реализма, который смог бы заменить рухнувшую марксистскую альтернативу. Отсюда возникновение нового левого кантианства, включающего в качестве базовых принципов права человека и идеализацию справедливости. В то время, как часть экс-марксистов подчеркивает «различие» и необходимость осуществления «культурной революции», которая поможет обеспечить равенство культурных меньшинств, другая часть обращается к конституционным правам человека на международном уровне. Мультикультурализм как направление западной политической философии, возникшее как ответ на культурное и религиозное разнообразие, ассоциируется с политикой идентичности, различия и признания, которая имеет целью преодоление неуважения идентичности культуры народов, а также изменение представления о маргинальных группах. Главное требование – преодоление дискриминации, которую испытывают люди, относящиеся к социальным группам, обладающим статусом меньшинств.

Оценка мультикультурализма как интеллектуального движения неоднозначна. Дж. Серль выступает против него, поскольку рассматривает мультикультурализм как часть движения, разрушающего концепции истины и объективности в западной традиции. Р. Рорти считает мультикультурализм одним из направлений, ставящим вопрос об отношении между философской теорией истины и академической практикой. Ч. Тайлор защищает мультикультурализм как отрасль либеральной политической теории. Некоторые критики мультикультурализма утверждают, что люди живут в культурах, которые уже являются космополитическими и характеризуются культурным разнообразием. Теоретики мультикультурализма не отрицают тезис космополитов о пересечении и взаимодействии культур, но утверждают, что люди принадлежат к разным социетальным группам и стараются сохранить собственную культуру. Как утверждает Ч. Кукатас [2], нет прав социальных групп, есть только права индивида. Поэтому государства должны не подталкивать к политике культурной интеграции или культурной инженерии, но, скорее, к политике индифферентности по отношению к меньшинствам. Еще один момент критики связан с тем, что мультикультурализм как политика признания отвлекает внимание от политики перераспределения [3]. Политика признания направлена против культурного неравенства и ориентирована на культурное и символическое изменение как способ преодоления неравенства, тогда как политика перераспределения направлена против экономического неравенства и выбирает экономическую реструктуризацию как средство преодоления неравен-

ства. Мультикультуралисты в ответ подчеркивают, что на практике оба типа политики переплетаются и требуют достижения равенства по отношению к расе, этничности, национальности, религии, так как многие индивиды принадлежат одновременно к нескольким выделенным категориям и страдают от растущих форм маргинализации. Теоретики утверждают, что религиозные и культурные меньшинства должны нести ответственность за последствия своих выступлений против других групп и государства. Еще одна проблема – уязвимость меньшинств. Защита культуры меньшинства может привести к неравенству внутри культуры данного меньшинства. Более перспективной представляется позиция, выводящая мультикультурализм за границы эпистемологии и политической теории и включающая его в более широкий культурный контекст. Рассмотренный в этом контексте мультикультурализм расширяет традиционные цели культуры и служит основанием формирования гибридной глобализации.

Можно выделить несколько теоретических источников мультикультурализма как интеллектуального движения. Первое теоретическое основание мультикультурализма базируется на теории В. Кимлика, основанной на либеральных ценностях автономии и равенства [4]. Культура, с его точки зрения, необходима человеку по двум причинам: 1) она обеспечивает его автономию, предоставляя возможность выбора; 2) культура обладает инструментальной ценностью для самоуважения человека. Главный вопрос – это не просто фиксация принадлежности к той или иной культуре, но то, что собственная культура индивида должна быть защищена, потому что от нее очень трудно отречься. Взгляды В. Кимлика развиваются в направлении от утверждения инструментальной ценности принадлежности человека к определенной культуре к эгалитарному заявлению о том, что поскольку члены группы культурного меньшинства ограничены в доступе к их собственной культуре, то, в отличие от членов доминирующей группы, они нуждаются в особой защите. В обществе с культурным разнообразием легко можно найти примеры поддержки государством культуры одних социальных групп по сравнению с другими группами. В то время, как государства могут избежать явной расовой дискриминации, а также официальной поддержки какой-либо одной религии, они не могут избежать признания какого-либо одного языка в качестве официального государственного языка. Культурное и лингвистическое доминирование может транслироваться в экономическое и политическое доминирование. Культурное доминирование может также приобретать символическую форму, например, праздник католического рождества в Европе, Америке и других странах, который демонстрирует, что обычаи данной группы обладают бóльшей ценностью, чем обычаи других групп. В этом плане полиэтнические права могут рассматриваться как требование равноправной интеграции культурных меньшинств в доминирующую культуру, а не отказ от интеграции и как требование сохранения культурного разнообразия, в контексте которого формируется гибридная глобализация.

Второе теоретическое основание мультикультурализма вырастает из критики либерализма с позиции коммунитаризма. Холистский взгляд на идентичности коллективов и культур определяет «политику признания» Ч. Тайлора [5]. Разнообразные культурные идентичности и языки представляют, по его оценке, минимальные социальные блага, которыми должен обладать каждый член общества. Признание равенства разных культур требует замещения традиционного либерального режима равных свобод и возможностей для всех граждан схемой особых прав для культурных меньшинств.

Третье теоретическое основание мультикультурализма – концепция диалога, направленная против монологичного субъекта классической культуры и формирующая полифонию, плюрализм современной культуры, что также способствует формированию гибридной глобализации. В процессе установления диалога между людьми и между культурами возникает вопрос, как понять Другого как субъекта с собственным опытом, если существование и природа опыта Другого не могут быть верифицируемы. Краткий экскурс в историю философии XX в. показывает, что Э. Гуссерль не смог соединить критерий верифицируемости с пониманием ощущений и чувств Другого. Р. Карнап обращался к методологии бихевиоризма для изучения чувств Другого, но это сопряжено с определенными трудностями. М. Хайдеггер, казалось, преодолел наметившийся тупик с помощью заключения, что каждое личностное бытие включает в себя бытие – с – врожденную способность понимать Другого. Когда бытие – с, как показал Л. Витгенштейн, проходит аккультурацию, эти виды поведения человека дополняются эквивалентными лингвистическими выражениями. Э. Левинас стремился отыскать предел трансцендирующей активности личности. В границах его теории эйдетическая форма диалога представляет собой ситуацию, предшествующую не только субъекту, но и самому диалогу в онтологическом смысле. Проблему диалога Э. Левинас исследует сквозь призму такого состояния Я, как признание авторитета Другого и возникновение чувства ответственности за него. Философия диалога приводит и к более радикальным изменениям: ее внедрение в современное мышление является одной из причин отхода от фундаментализма. Философия, интерпретируемая как социальная критика (И. Нево), может служить в качестве обоснования мульти- и кросскультурного диалога в процессе формирования гибридной глобализации.

Научная проблематика мультикультурализма весьма разнообразна и включает обширный круг проблем: поиск новых форм политического действия; формирование альтернативной культуры; создание посттрадиционных парадигм политической философии и философии культуры; анализ вопросов присоединения, равенства, свободы выбора, идентичности и т.д. – перечень можно продолжить. В связи с разнообразием проблематики в исследованиях мультикультурализма трудно выделить единую концептуальную структуру. Скорее, можно рассмотреть конгломерат идей традиционной (философия жизни, феноменология) и посттрадиционной западной философии; за-

падной политической философии; постсоциологии. В целом в многообразии мультикультурных концепций можно выделить два направления: радикальное и умеренное. Первое базируется на идеях равенства доминирующей культуры и культурных меньшинств, толерантности, не этноцентрированной идентичности и рассматривает мультикультуру как непреходящую ценность.

Второе направление развивает концепцию, разграничивающую позитивную и негативную толерантность, которая находит свою специфическую форму проявления в каждой из культур (Э. Джемс). Негативная толерантность имеет параллель с гоббсианством, что обеспечивает преимущество этого направления исследования по сравнению с другими вариантами мультикультурализма.

Гибридная глобализация в контексте культурного разнообразия

На основании проведенного исследования выделены ***несколько ключевых проблем*** в дискуссиях мультикультурализма, которые оказали значительное влияние на формирование теории гибридной глобализации.

Обсуждение «тяжелых случаев» (hard cases) в контексте философии.

Нормативные исследования мультикультурализма, которые явно базируются на парадигме исследований Д. Роулза и его последователей. Центральный вопрос этих исследований – как можно заставить индивидов разных моральных установок и верований поддержать базовые принципы права в существующем конституционном режиме? Этот вопрос рассматривался Д. Роулзом [6] в контексте интеллектуального диалога с исследованиями Аристотеля, Т. Гоббса, Дж. Милля, И. Канта. Д. Роулз был вдохновлен идеями о том, как принципы разума, равенства, справедливости, плюрализма могут быть использованы в политических исследованиях современных либерально-де-мократических обществ.

Обсуждение проблем мультикультурализма в дебатах либералов и коммунитаристов. Сохраняя веру в либеральную автономию, В. Кимлика рассматривает вопрос о том, что индивидуализм любого рода нуждается в укоренении в нуждах сообщества, культуры, истории; отсюда – его защита культурного контекста как источника либерального самосознания [4]. Основное понятие В. Кимлика – либеральный мультикультуралистский консенсус – весьма значимо в обсуждении проблем гибридной глобализации.

Дискуссии по проблеме идентичности. Центральная идея заключается в том, что этнические идентичности не являются чистыми или статичными конструкциями, но изменяются под влиянием обстоятельств. «Чернота» (blackness), например, это синкретичная идентичность, которая развивалась во взаимодействии с европейскими (белыми) культурными формами. Отсутствие чистых идентичностей означает, что меньшинства не являются гомогенными – еще один аргумент в пользу гетерогенной, гибридной глобализации.

Дебаты по проблеме свободы выбора в контексте либеральной теории. Возрастающее культурное разнообразие приводит к формированию нового типа либерализма, базирующегося на мультикультурных ценностях. Исследователи обсуждают либеральные принципы в контексте философии, на метафизическом уровне. Это обсуждение включает анализ либерального мышления, либерального сознания, либерального этоса – категорий, предопределенных человеческим поведением и в конечном счете служащих фундаментальными принципами мультикультурного общества. Либеральные тенденции критики Я и критический способ мышления в традиционной европейской метафизике, например в диалогах Платона и критической философии Канта, а также логика диалога, который продуцирует и завершает проблему поиска универсальной истины, формируют метафизический либерализм (термин Ш. Имамото). Либеральная позиция, которая разрешает реализацию индивидуальных идей и действий без политического принуждения, способствует формированию демократического федерализма и гибридной глобализации.

Дискуссии по поводу эволюции прав человека по отношению к культурным ценностям, идентичности, демократической теории. В евроцентристских правах человека происходят кардинальные изменения в связи с процессами глобализации. Современная социокультурная ситуация демонстрирует крушение евроцентризма. Права человека оправданы каждой из культур, внутри которой есть ресурсы либерального и социокультурного опыта, предопределяющие мультикультурные трансформации, формирующие гибридную глобализацию.

Идеи гибридной глобализации в контексте современного политического дискурса

Рассматривая генезис глобализации, некоторые политические теоретики подчеркивают преемственность этого процесса с Вестфалианской моделью развития, однако отличия современной глобализации заключаются в осуществлении процесса гибридизации, протекающего в двух вариантах: западном (американском и европейском) и восточном (японском, китайском, российском). В эпоху гибридной глобализации Вестфалианская модель идет на компромиссы, по крайней мере, в четырех пунктах: через соглашение, контракт, принуждение, налог.

Политические теоретики заняты изучением нормативного измерения глобализации, что обсуждается в дебатах между космополитами и коммунитаристами. Космополитизм основан на универсалистских идеях модернистской моральной и политической философии. Коммунитаристы не видят перспективы в необходимости переосмысления глобального неравенства и высказывают скептицизм относительно космополитической защиты глобальных правовых и политических реформ. Попытки достижения глобальной справедливости представляются сомнительными. И космополиты, и коммунитаристы обсуждают перспективы развития демократических институтов на глобальном уровне. Д. Хелд полагает, что глобализация тре-

бует расширения либеральных демократических институтов. В противоположность Д. Хелду, Ю. Хабермас и другие коммунитаристы утверждают, что демократическая политика предполагает глубокое чувство истины, обязательства и принадлежности, которые пока остаются невостребованными на глобальном уровне. Ряд политических философов рассматривает глобализацию как проявление неолиберализма. Некоторые исследователи изучают гражданское общество в условиях гибридной глобализации как рассеивающуюся практику [7. P. 88].

Ряд политических теоретиков утверждают, что государство теряет компетентность, легитимность и власть, характерные для ведущего агента в мировых связях, и уступает место гибридному «…пост-интернациональному универсуму, характеризующемуся разнообразием и смешанной политикой» [8].

Для пост-интернационального универсума характерны проблемы формирования глобальной власти и глобальной ответственности. По мнению К. Брауна, термин «сверх-власть» имеет некоторое архаическое звучание в эпоху гибридной глобализации, но может быть актуализирован в контексте концепции «мягкой власти» (soft power) или в понимании важности военной власти в переоценке других форм власти. Исследователи (К. Браун, Ж. Бодрийар, Ж. Лакан, Ф. Гваттари) обсуждают изменение природы власти в настоящее время: власть превращается в сеть, становится скорее ризоматической, чем иерархической, создается и поддерживается не атрибутами (например, насилием, военной властью, экономическим производством), но людьми, работающими и потребляющими в глобальной экономике. Из-за изменившейся природы власти современная империя не похожа на иерархические империи Викторианской эпохи.

«В этой империи военная власть США очень важна в совокупности с гражданской властью, но это не специфически Американская империя в конвенциональном смысле этого слова, это и не Америка как государство. Можно привести ключевую аналогию с Римской империей, сеть власти которой базировалась на римских легионах.

Власть, понимаемая в этом смысле, не имеет определенного места дислокации и не может быть проконтролирована, она вездесуща и создается не только силами, официально ее поддерживающими, но и силами, выступающими против нее, что создает империю, которая состоит из не-иерархических сетей…» [9. P. 15].

В таких науках, как международные отношения, геополитика термины «гибрид», «гибридизация», «гибридность» используются для характеристики постмодернистских политических структур и структур безопасности Европейского Союза и НАТО. Исследователи подчеркивают гибридизацию политических структур Европейского Союза: Европейского парламента и других образований в контексте европеизации. Многие европейские политические структуры состоят из элементов, которые гибридизируют способ управления. Теоретики предлагают и разрабатывают термин «гибридная политика» как эвристический инструмент изучения природы и форм геополитического соперничества, развивающегося после холодной войны. Некоторые исследователи отвергают культурную и социальную гомогенизацию и вместо этого говорят о смешении и интенсификации взаимосвязей глобального и локального – глокализация (в терминологии Р. Робертсона). С. Вертовек рассматривает смешение культурных и социальных феноменов в процессе глобализации в терминах постфилософии: «..транснационализм часто ассоциируется с текучестью конструированных стилей, социальных институтов и повседневной практики. Это часто описывается в терминах синкретизма, креолизации, бриколажа, культурной трансляции и гибридности» [10. P. 3].

Заключение

Неоднозначность и сложность гибридной глобализации как объекта изучения обусловливают плюрализм позиций и междисциплинарный характер исследования этого феномена [11]. Дискурс по проблеме гибридной глобализации фиксируется на социальных, геополитических, политических измерениях глобализации в контексте культурного разнообразия современного мира. Плюрализм проблематики гибридной глобализации явно противостоит унифицированному подходу, сложившемуся в границах универсалистской, гомогенной глобализации, доминировавшему на первом этапе исследования современной глобализации. Плюрализм проблематики гибридной глобализации, ориентированный на реальное многообразие мира, включает в себя множество позиций, например, понимание культурного разнообразия мира, неоднородности и смешения социокультурных структур; формирование мульти- и кросс-культурного диалога; анализ смешанных этнических идентичностей (чернота blackness и белизна whiteness); детерриториализация; взаимосвязи; интерпретация глобализации как мультипроцесса; анализ глобализации как гетерогенного процесса (глокализация); дебаты политических философов и теоретиков по поводу гибридного глобального сообщества; анализ формирующихся гибридных постмодернистских политических структур и т.д (список проблем может быть продолжен). Такого рода исследования направлены на создание комплексного представления о гибридной глобализации, что необходимо для понимания этого процесса. Возрастающее культурное разнообразие приводит к формированию нового типа глобализации – гибридной глобализации, основанной на смешении социокультурных стилей, конструкций, структур. Разнообразие приводит к формированию гибридной глобализации, базирующейся на смешении стилей, конструкций, структур. Концепции гибридной глобализации открывают иное измерение глобализации, что может создать альтернативу современному развитию глобализации в гомогенной универсалистской форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Maracz L. Hybridity as a Characteristic Feature of Globalization // Globalization, Europeanization and other Transnational Phenomena. Description, Analysis and Generalization. Budapest : BKF, 2011. P. 14–31.
2. Kukathas C. The Liberal Archipelago: A Theory of Diversity and Freedom. Oxford : Oxford University Press, 2003. P. 15–22.
3. Barry B. Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge, M.A : Harvard, 2001.403 p.
4. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford : Oxford University Press, 1995. 280 p.
5. Taylor Ch. The Politics of Recognition // Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition. Princeton : Princeton University Press, 1992. P. 225–226.
6. Rawls D. Theory of Justice. Oxford : Oxford University Press, 1971. 560 p.
7. Frost M. Can Dispersed Practices be Held Ethically Accountable // Global Society. 2004. Vol. 18, № 1. P. 88–89.
8. Remapping Global Politics. History's Revenge and Future Shock. Val. H. Ferguson, Rutgers University New Jersey; Richard W. Mansbach, Iowa State University, 2004. 438 p.
9. Brown C. Do Great Powers Have Great Responsibilities? Great Power and Moral Agency // Global Society. 2002. Vol. 2, № 1. P. 14–15
10. Vertovec S.Trasnationalism. New York : Roultedge, 2010. P. 3–5.
11. Коробейникова Л.А. Глобализация и духовность. Критическое осмысление современного процесса глобализации. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2016. 104 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 1 июля 2019 г.

Hybrid Globalization: Ideas and Concepts

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 83–87.
DOI: 10.17223/15617793/447/10

Larisa A. Korobeynikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: larisa_korobeynikova@rambler.ru
Elena V. Vodopianova, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: veritas-41@yandex.ru

Keywords: globalization; hybridity; multiculturalism; cultural diversity; hybrid globalization.

The aim of this article is to present an analysis of the contemporary type of globalization – hybrid globalization. The analysis of hybrid globalization is based on the following methods: comparative studies, globalization studies, issues on hybridization. At the core of the modern globalization process, one could find a set of social, cultural, political processes transforming the world community into global social, economic, political, cultural interconnections, interdependencies, flows. These processes create a mixture of social, cultural, political forms, styles, structures, which have been described and analyzed by theorists of globalization (e.g., M. Seger, L. Maracz, etc.) as instances of hybridization. In order to investigate hybrid globalization, the authors of the article discuss cultural, political and social features of the heterogeneous global world order. The authors start argumentation by discussing the specifics of hybrid globalization in the context of the world cultural diversity. On the basis of the authors' analysis of hybrid globalization, several key problems of the hybrid globalization theory are scientifically grounded. Hard cases of hybrid globalization are discussed in the context of philosophy. Normative issues of multiculturalism, based on the works of J. Rawls, that influence the theory of hybrid globalization are specified. Rawls' arguments about the nature of reason, equality, justice, pluralism might reconceptualize the hybridization process in the contemporary world community. The authors find another point in understanding hybrid globalization in W. Kymlicka's notion of liberal culturalism concensus, which points out the mixing structures of the contemporary heterogeneous global world order. An important idea is also connected with the analysis of hybrid globalization in the context of Post-Marxist issues, which argue that ethnic identities are not pure or static constructions but change in new circumstances or by sharing the social space with other heritages or influence. "Blackness", for example, is a syncretic identity for it has been influenced by dominant European white cultural forms. This lack of pure identities means that minority groups are not homogeneous constructions. And this provides a strong argument for heterogeneous globalization (instead of homogeneous one). Further argument is connected with the diversity of the contemporary political life and political positions. This process leads to the formation of democratic federalism and hybrid globalization. Another point is connected with contemporary discussions on human rights in the context of cultural values, identities, the democratic theory. The modern globalization process leads to a collapse of Eurocentrism. Human rights are connected with any culture, so multicultural human rights provide for the emergence of hybrid globalization. In the conclusion, the authors summarize the results and come to the key point that the existing type of universalistic, homogeneous globalization is replaced by the new type of hybrid globalization.

REFERENCES

1. Maracz, L. (2011) Hybridity as a Characteristic Feature of Globalization. In: Róka, J. (Ed.) *Globalization, Europeanization and other Transnational Phenomena. Description, Analysis and Generalization*. Budapest: BKF. pp. 14–31.
2. Kukathas, C. (2003) *The Liberal Archipelago: A Theory of Diversity and Freedom.* Oxford: Oxford University Press. pp. 15–22.
3. Barry, B. (2001) *Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism.* Cambridge, M.A: Harvard.
4. Kymlicka, W. (1995) *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights.* Oxford: Oxford University Press.
5. Taylor, Ch. (1992) The Politics of Recognition. In: Gutmann, A. (ed.) *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition.* Princeton: Princeton University Press. pp. 225–226.
6. Rawls, D. (1971) *Theory of Justice*. Oxford: Oxford University Press.
7. Frost, M. (2004) Can Dispersed Practices be Held Ethically Accountable. *Global Society*. 18 (1). pp. 88–89.
8. Ferguson, Y.H. & Mansbach, R.W. (2004) *Remapping Global Politics. History's Revenge and Future Shock.* Iowa State University.
9. Brown, C. (2002) Do Great Powers Have Great Responsibilities? Great Power and Moral Agency. *Global Society*. 2 (1). pp. 14–15
10. Vertovec, S. (2010) *Trasnationalism*. New York: Roultedge. pp. 3–5.
11. Korobeynikova, L.A. (2016) *Globalizatsiya i dukhovnost'. Kriticheskoe osmyslenie sovremennogo protsessa globalizatsii* [Globalization and spirituality. A critical reflection on the modern globalization process]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 01 July 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 88–95. DOI: 10.17223/15617793/447/11

УДК 12.128

Н.В. Серова

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ ЭКЗИСТЕНЦИИ ЧЕЛОВЕКА: О ЗНАЧЕНИИ НЕКЛАССИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ПРИРОДЫ ВРЕМЕНИ В ФИЛОСОФИИ М. ХАЙДЕГГЕРА И Н.А. БЕРДЯЕВА

Рассматриваются неклассические интерпретации времени в учениях М. Хайдеггера и Н.А. Бердяева. Применяемые в исследовании методы анализа, сравнения и обобщения основных идей позволяют утверждать об особом значении темпоральной проблематики в философии начала XX в. Установлено, что ее разработка была призвана предотвратить углубление экзистенциального кризиса. Применение термина «темпоральность» сделало возможным противостоять объективации субъективности человека.

Ключевые слова: И. Кант; Н.А. Бердяев; М. Хайдеггер; человек; темпоральность; экзистенция; объективное время; собственное время; несобственное время; целостное время; разорванное время.

Введение

В начале XX в. в свет вышли две значимые работы, ставшие событием в философской жизни, это – «Смысл истории» Н.А. Бердяева и «Бытие и время» М. Хайдеггера. Их объединял вопрос о смысле существования человека в пределах отведенного ему времени и перед натиском обезличивающей его силы объективного мира. Рассмотрение этого вопроса философы начали с переосмысления принятого в метафизике понятия о времени. В начале своей работы они обратились к концепции И. Канта, согласно которой время мыслилось как «чистая форма чувственного созерцания» [1. С. 56]. Этим она отличалась от предшествующих учений, рассматривавших его в качестве атрибута естественных явлений [2] или как единую меру измерения их длительности [3]. Но в условиях своей исторической эпохи И. Кант еще не мог сделать более радикального шага в изучении этой проблемы и рассматривал ее в контексте теории познания и «классических координат “субъект-объектных” отношений» [4. С. 76]. Как писал Н.А. Бердяев, «тут сказался научный дух веков новой истории» [5. С. 168]. Однако это не помешало экзистенциалистам отыскать в его концепции предпосылки становления темпоральной проблематики.

Отражение последствий абсолютизации роли науки, расширения массового производства, пропаганды новых идеологий и экспериментов в области словесности во внутреннем мире человека стало очевидно уже в начале XX в. В целях противостояния объективизации его субъективности философы переосмыслили принятое в метафизике понятие о времени, подчеркивая в нем глубокий экзистенциальный смысл. В данной статье нам предстоит установить открывающиеся разработкой темпоральной проблематики возможности противодействия объективации субъективности человека. В поиске ответа на этот вопрос необходимо, во-первых, определить то, каким образом переосмысление учения И. Канта о времени приводит экзистенциалистов к постановке темпоральной проблематики; во-вторых, показать общие идеи и выявить причины расхождений в концепциях времени М. Хайдеггера и Н.А. Бердяева; в-третьих, установить логику противодействия объективации субъективности, выводимую в ходе разработки ими темпоральной проблематики. По признанию экзистенциалистов, идеи трансцендентальной философии И. Канта оказали влияние на определение основных направлений в их творчестве. Однако они видели в ней и те ограничения, которые препятствовали ее автору представить в своих трудах развернутую концепцию темпоральности.

М. Хайдеггер и Н.А. Бердяев о постановке темпоральной проблематики в философии И. Канта

Давая оценку степени разработанности темпоральной проблематики в учении И. Канта, М. Хайдеггер пришел к выводу о том, что в этом направлении он сделал только первый шаг. Он не смог ее развить из-за того, что не предпринял онтологического анализа условий существования человека во времени и не преодолел характерной для метафизики трактовки времени как исчисления. «Вследствие этой двоякой подверженности традиции, – писал М. Хайдеггер, – решающая взаимосвязь между временем и “я мыслю” оказывается окутана полным мраком, она не становится даже проблемой» [6. С. 41]. Позже, давая онтологическую интерпретацию его учению в работе «Кант и проблема метафизики», он писал уже об универсальном характере времени, которое мыслилось не только в качестве формы восприятия объективного мира, но и как условие синтеза переживаний и понятий в сознании человека. В этом статусе оно служило тому, чтобы мы могли «определить сущность субъективности более исконно, чем прежде» [7. P. 54]. Исходя из данной интерпретации категории времени, М. Хайдеггер выдвинул предположение о темпоральном характере человеческого разума. И. Кант же не признавал подобных свойств за ним, что М. Хайдеггер расценивал в качестве довода в пользу свободы разума от времени как формы субъективного восприятия, но не как повод утверждать о его вневременном характере.

М. Хайдеггер, с одной стороны, был не согласен с подчинением человека принципам времени как последовательности разделенных мгновений, с другой стороны, он не предполагал возможности вневременного разума, ведь человек – конечное суще-

ство. Выходом из этой двойственной ситуации для него становится формулирование понятия о целостном времени бытия человека. «Благодаря истолкованию Канта Хайдеггер, – пишет Н.А. Артёменко, – получает понятие времени как целостного единства трех измерений: настоящего, прошедшего и будущего» [4. С. 72]. Концепция целостного времени М. Хайдеггера отличается от кантовского понимания времени тем, что, по мнению И. Канта, оно «имеет только одно измерение: различные времена существуют не вместе, а последовательно...» [1. С. 56]. Эта особенность времени как последовательности разделенных мгновений, хотя и является выражением субъективного восприятия объектов, а не отражением расположения объектов в реальном мире, но она ориентирует человека на объективный мир и определение им своего положения в нем. Об этом И. Кант писал, что «время следует считать действительным не как объект, а как способ представлять меня самого как объект» [Там же. С. 60]. М. Хайдеггер, напротив, полагал, что время может быть условием независимого от объектов бытия человека.

О философии И. Канта Н.А. Бердяев упоминал то, что она «была двойственна и противоречива и давала возможность разных истолкований» [5. С. 168]. В этом дуалистическом разграничении между природой и духовной свободой человека он распознавал предпосылки будущей экзистенциальной проблематики. «Именно Кант, – писал русский философ, – делает возможной экзистенциальную метафизику, порядок свободы и есть Existenz» [Там же. С. 169]. Свобода дает начало собственному существованию человека. Но, по мысли И. Канта, он может быть свободным, только руководствуясь принципами разума в рамках человеческого общества. Н.А. Бердяев же полагал, что подчинить волю человека всеобщим принципам, значит отнять у него право на его индивидуальность, поэтому он делал вывод о том, что «у Канта учение о личности не есть все-таки подлинный персонализм, потому что ценность личности определяется нравственно-разумной природой, которая универсально-общая» [8. С. 20]. Н.А. Бердяев видел свободу для человека только в его индивидуальном бытии, в развитии его самосознания и в самостоятельном выборе.

Рассматривая время в качестве условия представления человека о себе как об объекте, И. Кант не соотносил время с его духовным опытом. По поводу этого противоречия Н.А. Бердяев замечал, что «основная ошибка Канта была в том, что он признавал чувственный опыт, в котором даны явления, но не признавал духовного опыта, в котором даны нумены» [5. С. 171]. Решение кантовского дуализма русский философ видел в признании возможности целостного познания духовного опыта. Это решение подвигло его к разработке отличного от кантовской концепции понятия о времени. Если И. Кант придавал времени статус формы восприятия явлений эмпирического опыта, то Н.А. Бердяев не был согласен с тем, что «на внутреннее ядро бытия не могут быть распространены ни форма пространства, ни форма времени» [9. С. 51–52]. Из кантовского учения следовало, что во временном существовании вечные истины человеку недоступны. Это отрицательное отношение времени и вечности Н.А. Бердяев преодолевает в учении о целостном времени, ориентирующем личность на противостояние процессам объективации и на утверждение свободы ее духа.

О темпоральности экзистенции и объективирующей силе времени

Наше обращение к творчеству М. Хайдеггера и Н.А. Бердяева вызвано тем, что они разработали концепции времени, которые открыли широкие возможности исследованию темпоральной проблематики. Оба автора были нацелены на преодоление диктата объективного времени над субъективностью человека. С этой целью они изменили традиционное для философии понятие о времени, проведя границы между временем бытия человека как субъекта и временем, уподобляющим его бытие существованию объектов. Этим они подчеркивали особый характер человеческого бытия в его отличие от объективного мира.

Отграничение времени бытия человека от объективного времени М. Хайдеггер проводит введением в философский дискурс категории «темпоральность» и обосновывает ее применение тем, что «поскольку выражение “временный” в приведенном значении засвидетельствовано дофилософским и философским словоупотреблением и поскольку в последующих исследованиях оно будет применено еще для другого значения, мы именуем исходную смысловую определенность бытия с его чертами и модусами из времени его темпоральной определенностью» [6. С. 35]. Разработка этой категории, по замыслу философа, необходима для ответа на вопрос о смысле подлинного человеческого бытия. В определении «этот феномен как бывшествующе-актуализирующее настающее единый, мы именуем временностью» [Там же. С. 366–367] он подчеркивал неразделенность темпоральности на взаимоисключающие отрезки прошлого, настоящего и будущего. В их взаимной порождающей связи он видел условие целостности и осмысленности бытия человека. Выявляя экстатическую природу темпоральности, М. Хайдеггер вводит новые термины для обозначения ее моментов: «бывшесть», «настающее» и «актуализация» [Там же. С. 366]. Рассматриваемые в качестве «эк-стазов временности» [Там же. С. 369] они применяются им для того, чтобы показать, что все произошедшее с человеком не завершилось в прошлом, но сбылось, все происходящее с ним сбывается, а все возможное для него в будущем сбудется. В экстатическом характере темпоральности философ видел условие свободы человека от власти объективного времени.

Пересматривая традиционные для метафизики антагонистические отношения времени и вечности [10], Н.А. Бердяев отводил центральное место понятию «экзистенциального времени» [5. С. 263] как условию осмысленного бытия человека. С разработки этого термина он начал постановку темпоральной проблематики в своем учении. Подобно тому, как М. Хайдеггер отграничивал понятие «темпоральности» от времени в

широком смысле его понимания, так и Н.А. Бердяев выделял экзистенциальное время в ряду космического и исторического времен. Хотя человек находится во власти природы и исторической необходимости, он все-таки духовно свободен. В силу двойственной природы человека экзистенциальное время располагается между двумя полюсами – «разорванным временем» [9. С. 54] и «целостным временем» [Там же. С. 56]. Оба автора отмечают, что темпоральность экзистенции человека имеет особенный смысл, но он, подчиняясь диктату объективного времени, его не понимает. Изначально принимая объективное время как единственное измерение своего бытия, человек оказывается во власти объективного мира и теряет себя в нем. Описывая характер времени существования человека во власти объективного мира, экзистенциалисты подчеркивали его несоответствие человеческому существу терминами «несобственная временность» [6. С. 367] или «разорванное время» [9. С. 54].

Экстатический характер «несобственной временности» [6. С. 367] выражается в таком существовании человека, при котором он всецело погружается в объективный мир и мыслит соответственно логике «расхожего понимания времени» [Там же. С. 369]. Он относится к своей жизни и оценивает результаты своих поступков через призму модусов «несобственной временности» [Там же. С. 367]. Будущее здесь раскрывается в неизбежной зависимости человека от мира повседневности. «Несобственное будущее, – писал М. Хайдеггер, – имеет характер ожидания» [Там же. С. 378]. В состоянии ожидания человек лишен самостоятельности действий и вынужден подчиниться общим правилам. Достижение желаемой цели говорит о его полном подчинении правилам объективного мира, где он является одним из прочих объектов. «Несобственное настоящее» [Там же. С. 380] в повседневности проявляется в «озабочении» [Там же. С. 96] так, что действия человека определяются теми объектами, которые его в данный момент окружают. На них сосредоточено его внимание и направлены его усилия. «Озабочение, – писал М. Хайдеггер, – всегда уже есть, как оно есть, на основе свойскости с миром. В этой свойскости присутствие может потерять себя во внутримирно встречном и быть им захвачено» [Там же. С. 96]. Человеку только кажется, что он самостоятельно строит свое настоящее, но на деле оно определяется объектами повседневности. В результате он начинает пренебрегать своими собственными интересами и личными переживаниями. «Несобственное же бросание себя на почерпнутые из озаботившего, его актуализируя, возможности возможно только так, что присутствие за-было себя в его самой своей брошенной способности быть» [Там же. С. 380]. В забвении человеком упускается возможность стать самим собой – таков характер «несобственной бывшести» [Там же]. Человек, чье существование подчинено логике «несобственной временности» [Там же. С. 367], лишен возможности быть самим собой и оказывается во власти объективного мира, исключающего какое-либо проявление человеческой субъективности.

«Разорванное время» [9. С. 54] Н.А. Бердяев описывал как последовательность не связанных и противоборствующих друг с другом мгновений прошлого, настоящего и будущего. «Время, – писал он, – не только разорвано на части, но одна часть его восстает против другой» [Там же. С. 55]. В противодействии будущего настоящему и в забвении прошлого торжествует смерть над жизнью и все безвозвратно подлежит истреблению. Вне связи с прошлым и будущим «настоящее, – писал Н.А. Бердяев, – есть лишь какое-то бесконечно мало продолжающееся мгновение, когда прошлого уже нет, а будущего уже нет, но которое само по себе представляет некую отвлеченную точку, не обладающую реальностью» [Там же]. В таком состоянии находится мир природы, охваченный действием «космического времени» [8. С. 155], а также общественная жизнь, над которой властвует «историческое время» [Там же]. Человек, принадлежа природе и обществу, существует в обоих видах «объективированного времени» [Там же. С. 156]. Как только человек начинает мыслить о себе как о части объективного мира, его жизнь разделяется на отделенные мгновенья, последним из которых становится смерть. В этом дроблении жизни человека под действием обоих видов времени разрушается духовная целостность его личности и теряется смысл его бытия. Освободить его от влияния объективного времени, по замыслу философов, было бы возможно через выявление причин его потерянности в бессмысленном круговороте мировых процессов.

О причинах диктата объективного времени над человеком

Причину подчинения человека объективному времени М. Хайдеггер видел в «падении» [6. С. 204], Н.А. Бердяев – в «грехопадении» [11. С. 146]. Идет ли здесь речь о разных сторонах в жизни человека или все дело в выборе авторами разных наименований одного и того же процесса? Подчеркивая неравнозначность этих явлений, М. Хайдеггер писал, что «падение присутствия нельзя поэтому брать и как “грехопадение” из более чистого и высшего “прасостояния”» [6. С. 204]. Падение он рассматривал как отступление человека от самого себя через вовлечение в общественную деятельность с другими людьми. Действуя подобно им, человек становился безличным, но не порочным. Н.А. Бердяев, напротив, не разделял эти понятия и расценивал подчинение человека обществу как греховность, ибо «грехопадение есть ничто иное, как отрицание свободы» [8. С. 57]. Из-за неспособности противостоять греху человек безраздельно вовлекается в общественную жизнь и теряет в ней себя как личность. «Царство обыденности, das Man, – писал он, – есть порождение грехопадения, есть мир падший» [11. С. 146]. Человек должен преодолеть это состояние через восстановление духовной целостности своей личности.

Обоих философов объединяет мысль о том, что повседневность является средой, обезличивающей человека и ведущей к бессмыслице существования в «падшей овременности» [5. С. 265]. Однако если

М. Хайдеггер еще видел в ней возможность для человека быть самим собой в кругу других людей, то Н.А. Бердяев был категоричен и представлял повседневность как безусловную угрозу человеческой личности. Если М. Хайдеггер предполагал для человека возможность найти сообщество духовно близких ему единомышленников в повседневности, то Н.А. Бердяев считал это невозможным. Оба философа сходились в том, что повседневность является непосредственной средой обитания человека, где бы он мог быть самим собой. Но, как писал М. Хайдеггер, «может быть, кто повседневного присутствия как раз не всегда я сам» [6. С. 138]. Человек упускает возможность быть самостоятельной личностью из-за того, что приспособление к своему окружению кажется ему более естественным.

Включаясь в общественную деятельность, человек сам избирает для себя путь «несобственной экзистенции» [Там же. С. 367], где он ориентируется на достижения или промахи занятых ею людей. Сопоставляя результаты их деятельности и собственные достижения, он вовлекается в «бытие-друг-с-другом, в котором бытийная структура всегда моего вот-бытия как со-бытия соединяется со способом бытия Другого как сосуществующего вот-бытия, нужно понимать на основе фундаментальной конституции бытия-в-мире» [12. С. 254]. Человек приспосабливается к общепринятым правилам жизни в ущерб возможности быть самим собой, по этому поводу М. Хайдеггер отмечал, что «люди существуют способом несамостояния и несобственности» [6. С. 152]. Все попытки сравнения себя с другими людьми, выражаются ли они в отличии, усредненности или уравнивании себя с ними, в конечном итоге приводят человека к отрицанию своей личности и потере собственного ориентира в жизни. От этого он не становится порочнее, но он подавляет в себе самостоятельность мышления, свободу выбора и ответственность за принятые им решения. Обезличенный человек в повседневном сосуществовании с другими людьми отдаляется от себя и не располагает своим временем. «Хлопотливо теряя себя на озаботившем, – писал М. Хайдеггер, – нерешительный теряет на нем свое время» [Там же. С. 458]. Пребывая в «несобственной экзистенции» [Там же. С. 367], человек поставлен в зависимость от объективного мира. Он растрачивает время в опеке над окружающими его вещами и потому у него не остается времени для понимания самого себя.

В описаниях обыденного существования Н.А. Бердяев неоднократно обращался к введенному М. Хайдеггером понятию «das Man» [13. P. 114]. Но в отличие от него в повседневности он видел лишь источник обезличивания, порочности и порабощения человека, оказавшегося неспособным противостоять насилию со стороны общества. «В падшем греховном мире, – писал Н.А. Бердяев, – царит das Man, обыденность, принуждающая человека социальность» [11. С. 51]. Повседневность склоняет человека к греховности, принуждая его отказаться от духовной жизни и согласиться с тем, что в мире есть «свобода добра и зла, свобода отпадения от источника высшей Божественной жизни, свобода возвращения и прихождения к ней» [9. С. 61]. В подобного рода существовании Н.А. Бердяев видел объективизацию человеческого духа как начало любого рода рабства, в том числе и рабства у повседневности. Оно выражается в том, что «власть обыденности над человеком приучает к наивно-реалистическому восприятию мира» [5. С. 167]. В соответствии с ним человек подчиняется миру объектов как единственно возможной реальности и ставит под сомнение реальность духовного бытия. Как следствие, внутренняя жизнь человека подчиняется диктату внешней, социальной жизни и он становится лишь одним из исполнителей общепринятых привил. «Царство объективации есть социальное царство, оно создано для среднего, массового человека, для обыденности, для das Man» [5. С. 199]. Повседневность, исключая личные мотивации, предоставляет человеку право существовать только в подчинении коллективным интересам, поэтому такое существование Н.А. Бердяев называет не только обезличенным, но и порочным. Преодолеть его можно через постановку духовных целей, позволяющих человеку выйти за рамки обыденного существования и стать личностью. По мнению же М. Хайдеггера, человек не может преодолеть, но может преобразовать свое существование в повседневности и стать самим собой.

О классическом и неклассическом понятии экзистенции человека

Проблематичность повседневного существования человека подвигла экзистенциалистов к более глубокому переосмыслению принятого в классической философии термина «экзистенция». В истории философии, по мнению М. Хайдеггера, имеются два способа истолкования этого термина: согласно традиционной метафизике, «essentia идёт впереди existentia» [14. С. 200], в то время как Ж.П. Сартр «перевёртывает это положение» [Там же] и утверждает, что существование предшествует сущности. При этом под сущностью подразумевалось возможное бытие, а под существованием мыслилась действительность. В обоих случаях, как отмечал М. Хайдеггер, речь идет о разграничении между сущностью и существованием, а потому «перевёрнутый метафизический тезис остаётся метафизическим тезисом» [Там же]. В связи с этим он ставил вопрос о том, будет ли человеческое бытие иметь собственный смысл, если оно ограничивается действительностью объективного мира.

Н.А. Бердяев также не разделял принятого в философии значения термина «экзистенция». Он был против разделения сущности и существования в человеческом бытии: «Истинной я считаю философию экзистенциальную, то есть иной тип мысли и иное понимание старинной проблемы отношения между essentia и existentia» [8. С. 43]. Прежняя метафизика относила сущность к ноуменальному миру и противопоставляла ее существованию как миру феноменов. Единственно правильный выход из этого дуализма, по его мнению, возможен в экзистенциальной философии, потому что ею утверждается активное духовное участие человека в мире. Если сущность не может быть произведена иным образом, как только

через существование, то нет никакого разделения между ними и они составляют целостное бытие человека. М. Хайдеггера и Н.А. Бердяева объединяет мысль о единстве сущности и существования в бытии человека, но они по-разному видят условия достижения этого единства.

Экзистенция человека, по мнению Н.А. Бердяева, не сводится к внешнему существованию, так как в случае с ней «нумен действует в феноменах» [5. С. 179]. Проявляя свои душевные качества, человек только и обретает смысл своего существования, поэтому его экзистенцию следует относить к ноуменальному миру или «первожизни» [Там же. С. 173]. Духовное содержание внутреннего мира оказывает мощное противодействие превращению человека в объект. Вместе с тем экзистенция не может быть исключена из объективного мира, и в качестве феномена она открывает миру богатство человеческой души. «То, что называется эссенцией или субстанцией, – писал Н.А. Бердяев, – есть создание первичного экзистенциального акта» [15. С. 324]. В чем кроется секрет духовной силы человека, помогающей ему преодолеть падшее состояние и противостоять царящим в мире силам распада? «В экзистенциальной же глубине, – писал философ, – человек находится в общении с духовным миром и со всем космосом» [5. С. 194]. Ему открываются возможности переживания высших истин божественного бытия. Благодаря этой связи человек в своем внутреннем мире противостоит экстериоризации и высвобождается из подчинения внешним обстоятельствам. Все потому, что «Бог не объект для личности, он субъект, с которым существуют экзистенциальные отношения» [Там же. С. 15]. Обращаясь к Богу в своем экзистенциальном опыте, человек обретает духовные силы, чтобы преодолеть свое падшее состояние и проявить себя в творческом созидании.

Анализируя учение М. Хайдеггера, Н.А. Бердяев не находил в нем достаточных оснований для борьбы человека со своим несовершенным состоянием: «Совершенно непонятно, как человек (Dasein) может возвыситься над низостью мира, выйти из царства das Man» [15. С. 291]. Далее Н.А. Бердяев пояснял, что сам человек не может понять искаженности своего существования в объективном мире и освободиться от власти обыденности. В его самостоятельном противостоянии ей он видел лишь притязания атеистической мысли, не способной выразить всю глубину экзистенциального опыта: «Экзистенциалисты антирелигиозного типа так низко мыслят о человеке, так понимают его исключительно снизу, что остается непонятным самое возникновение проблемы познания, возгорание света Истины» [Там же]. К их числу он относил и М. Хайдеггера. Тот же в свою очередь отрицал атеистический и антигуманный смысл своих идей. Если подобные оценки звучали в адрес его учения, то он отвечал тем, что «экзистенциальным определением человеческого существа еще ничего поэтому не сказано о “бытии Божием” или о его “небытии”» [14. С. 213]. Он полагал, что человек, осознав свою вину за то, что он по собственной воле подчинился власти обыденности, может преодолеть свое падшее состояние. Долг человека, к которому его взывает совесть, сделать свободный выбор в пользу своего уникального бытия. «Совесть, – писал М. Хайдеггер, – обнаруживает себя тем самым как принадлежащее к бытию присутствия свидетельство, в котором она зовет само его к его самой своей способности быть» [6. С. 326]. Он не был атеистом и не отрицал участия Бога в жизни людей. Но он считал, что сначала человек должен стать самим собой и только потом его пониманию будут открыты божественные истины. «Лишь из истины бытия, – писал он, – впервые удается осмыслить суть Священного. Лишь исходя из существа Святыни можно помыслить существо божественности. Лишь в свете существа божественности можно помыслить и сказать, что должно называться словом “Бог”» [14. С. 213]. В свете таким образом прочитываемого отношения Бога и человека важнейшим вопросом философии М. Хайдеггера становится вопрос об экзистенции.

Определяя понятие о бытии человека, М. Хайдеггер облекает его в новую словесную форму – «экзистенция» [Там же. С. 198]. Дефисом в начале слова он подчеркивает экстатический характер этого бытия в противоположность существованию объектов. «Онтологическая задача, – писал философ, – тут именно показать, что если мы избираем для бытия этого сущего обозначение экзистенция, этот титул не имеет и не может иметь онтологического значения традиционного термина existentia; existentia онтологически равносильна наличности, которая сущему характеру присутствия не подходит» [6. С. 60]. В прежнем значении этот термин не может быть применим для описания бытия человека, так как в нем содержится характерное для объективного мира ограничение. Оно подразумевает признание существующим действительного и отрицание возможного бытия. Человек же открыт ко всем возможностям и содействует их осуществлению.

Открытость человека перед истиной бытия М. Хайдеггер называл экзистированием и пояснял, что «предложение “человек экзистирует” означает: человек есть то сущее, чье бытие отмечено открытым стоянием внутри непотаенности бытия, отличительно благодаря бытию, отличено в бытии» [16. С. 32]. В этой способности понимать и осуществлять истинное бытие человек раскрывает себя в своей подлинной сути, но он может действовать иначе, отдаляя себя от истины и теряя себя в повседневности. Этот выбор человека М. Хайдеггер рассматривает как антитетическое отношение «несобственного экзистирования» к «собственному экзистированию» [6. С. 266–267]. Отличительный признак собственного экзистирования заключается в том, что «экстазы суть не просто прорывы к... Скорее к экстазу принадлежит “куда” прорыва» [Там же. С. 408]. В этом случае человек не отдаляется от себя, но обретает себя в своей расположенности всем возможностям, открываемым перед ним истиной бытия. «Способ, каким человек в своем подлинном существе пребывает при бытии, есть экстатическое состояние в истине бытия» [14. С. 201]. В этом отношении к бытию проявляется подлинный

способ существования человека, называемый философом «собственной экзистенцией» [6. С. 369]. Он же является причиной, побуждающей человека быть ответственным перед собой и не растворяться в безличном «das Man» [13. P. 114]. Только в этом случае его существование имеет смысл и ни одно мгновение его жизни не будет безвозвратно потеряно.

Особенности неклассического понятия о теморальности экзистенции человека

Единство существования и сущности в «экзистенции» [14. С. 198] определяется иным течением времени в сравнении с объективным временем. Его особый характер экзистенциалисты связывают с тем, что оно является основой внутреннего мира человека, в котором объединяется все пережитое им в прошлом, воспринимаемое в настоящем и предвосхищаемое в будущем. Именуя его «собственной временностью» [6. С. 367], М. Хайдеггер полагал, что оно определяет смысл существования человека в соответствии с его собственной сущностью. Н.А. Бердяев считал, что «целостное время» [9. С. 56] есть следствие духовного подъема человека и оно «зависит от напряженности переживаний внутри человеческого существования» [8. С. 157].

Единство модусов составляет отличительную черту временности бытия человека. «Модусы временности присутствия, согласно Хайдеггеру, нельзя осмыслять из традиционной концепции времени, поскольку она уравнивает статус присутствия с другими видами сущего, и при обычной временной интерпретации присутствие обозначается лишь как наличествующее» [17. С. 25]. От того, имеет ли оно подлинный или неподлинный вид, М. Хайдеггер различает «несобственную временность» от «собственной временности» [6. С. 367]. В первом случае «эк-стазы временности» [Там же. С. 369] отдаляют человека от него самого и подчиняют объективному миру. Во втором случае благодаря ним человек находит себя и удерживается в собственном бытии. Особый характер «собственной временности» [Там же. С. 367] выражается у него терминами «заступание» [Там же. С. 378] (открывающее перед человеком неограниченные возможности стать самим собой), «мгновение-ока» [Там же. С. 379] (дающее ему возможность осуществить себя) и «возобновление» [Там же. С. 380] (помогающее ему сохранить свое бытие). Человек тогда экзистирует так, что он не замыкается на себе, но открывается миру в способности быть самим собой.

Темпоральность экзистенции человека определяется его ориентированием на будущее, потому что «“будущее” значит тут не некое теперь, которое, еще не став “действительным”, лишь когда-то будет быть, но наступление, в каком присутствие в его самой своей способности быть настает для себя» [Там же. С. 366]. Будущее как «заступание» [Там же. С. 378] освобождает человека ото всего, что ограничило его кругом повседневных дел, препятствующих ему быть личностью. Видение новых возможностей в будущем подвигает человека по-иному увидеть свое настоящее и иначе относиться к прошлому. Настоящее тогда расценивается им не как сосредоточение на повседневных делах, но освобождение от бессмысленной суеты ради воплощения возможности быть самим собой. «В решимости настоящее не только возвращено из рассеяния по ближайше озаботившему, но сдержано в настающем и бывшести» [6. С. 379]. Прошлое понимается тогда в качестве времени, когда человек раскрыл в себе творческие способности и состоялся в качестве самостоятельной личности. Он не может изменить прошлое, но может его принять в той мере, в какой оно воплотило открытые для него возможности быть субъектом. «Экзистенциальное единство временности» [Там же. С. 393] составляет условие тому, чтобы человек, оказавшись в положении зависимого от мира объекта, смог вернуть себе достоинство свободной личности. Все потому, что «временность присутствия делает возможным единство экзистенции, и она не суммируется моментами “настоящего”, “прошедшего” и “будущего”, как это происходит при обычном понимании времени» [17. С. 26]. Следует ли из этого вывод о том, что осмысленное бытие возможно только для человека или им определяется и смысл всего мира? «Истолкование бытия как темпоральности, – писал Ж. Деррида, – недостаточно, чтобы дать ответ на вопрос о смысле бытия вообще, но это онтологическая точка отсчета для этого ответа» [18. P. 92]. По нашему мнению, темпоральность, определяя смысл бытия человека в его экстатической направленности к миру, способствует открытию истинного смысла бытия в целом, так как тогда оно понимается иначе, чем это возможно в контексте общепринятого значения времени.

До тех пор, полагал Н.А. Бердяев, пока человек мыслит себя частью природы и общества, он не свободен от власти «разорванного времени» [9. С. 54]. Вместе с ним в его жизнь привносится то разрушение его личности, которое в итоге ведет его к подчинению судьбе, предопределенной ему в объективном мире. И чем более человек оказывается в его власти, тем более осознает свое ничтожество и понимает, что у него иное предназначение. Он начинает искать свободы духа и находит ее в своей причастности к божественному бытию. «Существует судьба человека только в том случае, если человек есть дитя Божье, а не дитя мира» [Там же. С. 61]. С момента осознания своего предназначения, он стремится преодолеть дурную бесконечность уничтожающих друг друга мгновений «разорванного времени» [Там же. С. 54]. Такая возможность для него открывается в созидании бытия, так как, по мнению Н.А. Бердяева, «творчество движется не по плоскости в бесконечном времени, а по восходящей вверх линии, к вечности» [11. С. 219]. В нем ценны не столько результаты, сколько экстатическое устремление человека к вечности и преодоление им падшего состояния мира. Творческую жизнь человека философ связывает с «экзистенциальным временем» [5. С. 263], в котором для него открывается связь с вечностью. Через нее он преодолевает разорванность времен и освобождается от подчинения условностям объективно мира. В творческом акте существование человека во времени не завершается, но время в такие мгновенья целостно. С понятием «це-

лостное время» [9. С. 56] Н.А. Бердяев связывал прорыв человека к вечности в его временном существовании. «Целостное время» [Там же. С. 56] является тем состоянием экзистенциального времени, когда человеку открываются вечные истины божественного бытия. Экстатический характер творческого акта служит прорыву человека из временного, ограниченного и порочного мира к вечной жизни в духе. Живя духовно, человек оказывается вне власти неумолимого течения «разорванного времени» [Там же. С. 54].

Заключение

В начале XX в. перспективы объективизации субъективности человека стали все более очевидными, необходимо было найти те основания в его бытии, которые предотвратили бы разрастание этого процесса. Первый шаг в этом направлении был предпринят И. Кантом, обосновавшем принадлежность времени к субъективности человека. Но он, по критическому замечанию экзистенциалистов, не преодолел традиционного представления о времени и поэтому не перешел к разработке темпоральной проблематики. В его учении оно мыслилось как способ представления человека о себе в качестве объекта. Но «недоработки» И. Канта придали импульс более радикальным интерпретациям понятия «времени» в концепциях экзистенциалистов. Основанием противодействия объективации субъективности ими виделась темпоральность как синтез всех временных модусов, обусловливающая целостность бытия человека. Они противопоставляли ее потоку разрозненных мгновений объективного времени, в котором человек теряет смысл своего существования.

Первый шаг в освобождении человека от диктата объективированного времени заключался в разработке категории, которая выражает особый характер его временного бытия: для М. Хайдеггера это – «темпоральность», для Н.А. Бердяева это – «экзистенциальное время». Вторым шагом стало проведение разграничения между собственной и несобственной временностью в философии М. Хайдеггера, а также разорванным и целостным временем в учении Н.А. Бердяева, для того чтобы показать человеку выход из бесконечного падения в объективированный мир. Третьим шагом стал пересмотр традиционного для метафизики понятия об экзистенции, благодаря чему философы выявили характерный для человека способ бытия во времени. Четвертым шагом стала разработка понятия о темпоральности экзистенции человека как условия предотвращения его превращения в объект. Логика противодействия объективации субъективности человека, выраженная в данной последовательности шагов, раскрывает фундаментальное значение времени в человеческом бытии.

Проблема подчинения человека ритму объективного времени стала общей для философов, мыслящих в разном культурном и религиозном контексте своей деятельности, что можно расценивать как признак назревания глубокого экзистенциального кризиса в начале XX в. Поток объективного времени увлекает человека в круговорот дней, часов, минут, в котором он теряет себя в качестве целостной личности. В этом расколотом состоянии он подчиняется тому, что М. Хайдеггер называл «объективной мерой времени» [13. P. 242]. Однако времени нет вне человека, и он может изменить характер его продолжительности. Темпоральность способствует сохранению целостности экзистенции человека и осмысленности его бытия, вне которого ему недоступна истинная суть происходящих событий. Показывая пути освобождения человека от диктата объективного времени, экзистенциалисты предвидели его усиление в условиях техногенной цивилизации [19] и пытались найти выход.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кант И. Критика чистого разума. Симферополь : Реноме, 1998. 528 с.
2. Лейбниц Г.В. Переписка с Кларком // Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М. : Мысль, 1982. Т. I. С. 430–568.
3. Декарт Р. Начала философии // Декарт Р. Избранные произведения. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1950. С. 409–544.
4. Артеменко Н.А. Хайдеггеровское истолкование «Критики чистого разума» Канта: анализ, интерпретация или полемика // Логос. 2010. № 5 (78). С. 55–77.
5. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М. : Республика, 1995. С. 164–287.
6. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.
7. Heidegger M. Kant and problem of metaphysics. Bloomington : Indiana university press. 1962. 255 p.
8. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М. : Республика, 1995. С. 4–163.
9. Бердяев Н.А. Смысл истории. М. : Мысль, 1990. 175 с.
10. Серова Н.В. Н.А. Бердяев и Л.И. Шестов об экзистенциальном испытании человека в антитезах времени и вечности // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. Воронеж : Издательский дом ВГУ. 2017. № 4. С. 69–80.
11. Бердяев Н.А. О назначении человека // Опыт парадоксальной этики. М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 25–422.
12. Хайдеггер М. Пролегомены к истории времени. Томск : Водолей, 1998. 384 с.
13. Heidegger M. Sein und Zeit. Tubingen : Verlag Max Niemeyer. 1967. 437 p.
14. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие : статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 192–220.
15. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М. : Республика, 1995. С. 288–364.
16. Хайдеггер М. Введение к «Что такое метафизика?» // Время и бытие : статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 27–35.
17. Косыхин В.Г. Время собственное: онтология и темпоральность у М. Хайдеггера и М. Бланшо // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. 2008. № 2. С. 24–28.
18. Derrida J. Heidegger: The Question of being and history. Chicago : The University of Chicago Press, 2016. 228 p.
19. Серова Н.В. Время существования человека в условиях техногенной цивилизации // Проблема человека в современной философии техники : Всерос. науч.-практ. конф., посвященная памяти И.А. Негодаева : материалы и доклады / ред. Е.Е. Несмеянов, Д.К. Куликов. Ростов н/Д. : ДГТУ, 2018. С. 162–169.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 3 июля 2019 г.

Temporality of Human Existence: On the Meaning of a Non-Classical Understanding of the Essence of Time in M. Heidegger's and N.A. Berdyaev's Philosophies

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 88–95.
DOI: 10.17223/15617793/447/11

Natalya V. Serova, Admiral Ushakov State Maritime University (Novorossiysk, Russian Federation). E-mail: nvserova72@yandex.ru

Keywords: I. Kant; N. Berdyaev; M. Heidegger; temporality of person's existence; objective time; authentic time; inauthentic time; integral time; broken time; future.

The article deals with the interpretation of the concept of time presented in the doctrines of M. Heidegger and N.A. Berdyaev. The aim of the study is to identify the possibility of countering the objectification of human subjectivity, which opens up through the development of temporal problems by existentialists in the early 20th century. Using the philosophical works of domestic and foreign authors, the author shows the reasons for the formulation of temporal problems and the importance of developing the category of temporality. Existentialists turn to the Kantian concept of time and, noting its advantages and critically rethinking some of its provisions, make it a starting point in the development of the problem of the temporality of human existence. In Kant's doctrine, they note a new interpretation of the concept of time, but, according to them, he could not change the former metaphysical view on time as a sequence of moments of the fulfillment of phenomena in objective existence. Limited to this understanding of time, Kant could not formulate the concept of the specificity of the temporality of human existence. The timeliness of temporal problems is revealed in the course of application of methods of analysis, analogy and generalization of the main ideas in the works of Berdyaev and Heidegger on the study of the nature of time. In particular, the categories "temporality" and "existential time", "authentic temporality" and "integral time", "inauthentic temporality" and "broken time", as well as the concepts "existence", "authentic existence" and "inauthentic existence", "fall" and "fall into sin", were compared. When analyzing the interpretation of the meaning of the categories "past", "present" and "future" and the subsequent generalization of the identified meanings, the conditions for distinguishing human existence from the existence of objects are determined and the possibility of acquiring the meaning of their existence outside objective determination is demonstrated. The main achievements in the works of Berdyaev and Heidegger are the introduction of the concept of temporality in philosophy to characterize a special way of temporal existence for a person, the separation of authentic and inauthentic, integral and broken time as a condition for the liberation of a person from the power of objective time, the separation of human existence from the environment of another being and the development of the concept of temporality of human existence. The conclusion of the study is the recognition of the significant contribution Heidegger and Berdyaev made in overcoming the existential crisis. In their conceptions of time, they show ways to liberate people from the dictates of objective time as their first step toward meaningful existence. This is especially important in an environment in which modern technology sets new time rhythms of life and takes away people's right to their own time to be themselves. The concepts of time developed by existentialists open a wide field of research in the field of humanitarian knowledge in the future.

REFERENCES

1. Kant, I. (1998) *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. Translated form German. Simferopol: Renome.
2. Leibniz, G.W. (1982) *Sochineniya: v 4 t*. [Works: in 4 vols]. Translated form German. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 430–568.
3. Descartes, R. (1950) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated form French. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit. pp. 409–544.
4. Artemenko, N.A. (2010) Khaydeggerovskoe istolkovanie "Kritiki chistogo razuma" Kanta: analiz, interpretatsiya ili polemika [Heidegger's interpretation of Kant's Critique of Pure Reason: Analysis, Interpretation, or Controversy]. *Logos*. 5 (78). pp. 55–77.
5. Berdyaev, N.A. (1995a) *Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya* [The Kingdom of God and the Kingdom of Caesar]. Moscow: Respublika. pp. 164–287.
6. Heidegger, M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated form German. Kharkov: Folio.
7. Heidegger, M. (1962) *Kant and problem of metaphysics*. Bloomington: Indiana University Press.
8. Berdyaev, N.A. (1995b) *Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya* [The Kingdom of God and the Kingdom of Caesar]. Moscow: Respublika. pp. 4–163.
9. Berdyaev, N.A. (1990) *Smysl istorii* [The meaning of history]. Moscow: Mysl'.
10. Serova, N.V. (2017) N.A. Berdyaev and L.I. Shestov About the Existential Ordeal of Man in the Antithesis of Time and Eternity. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*. 4. pp. 69–80. (In Russian).
11. Berdyaev, N.A. (2003) *Opyt paradoksal'noy etiki* [Experience of paradoxical ethics]. Moscow: OOO "Izdatel'stvo AST". pp. 25–422.
12. Heidegger, M. (1998) *Prolegomeny k istorii vremeni* [History of the Concept of Time]. Translated form German. Tomsk: Izd-vo "Vodoley".
13. Heidegger, M. (1967) *Sein und Zeit*. Tubingen: Verlag Max Niemeyer.
14. Heidegger, M. (1993a) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated form German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika. pp. 192–220.
15. Berdyaev, N.A. (1995c) *Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya* [The Kingdom of God and the Kingdom of Caesar]. Moscow: Respublika. pp. 288–364.
16. Heidegger, M. (1993b) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated form German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika. pp. 27–35.
17. Kosykhin, V.G. (2008) Proper Time: Ontology and Temporality of M. Heidegger and M. Blanchot. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya – Science Journal of VolSU. Philosophy*. 2. pp. 24–28. (In Russian).
18. Derrida, J. (2016) *Heidegger: The Question of being and history*. Chicago: The University of Chicago Press.
19. Serova, N.V. (2018) Vremya sushchestvovaniya cheloveka v usloviyakh tekhnogennoy tsivilizatsii [The time of human existence in a technogenic civilization]. *Problema cheloveka v sovremennoy filosofii tekhniki* [The problem of man in the modern philosophy of technology]. Proceedings of the All-Russian Conference. Rostov-on-Don: Don State Technical University. pp. 162–169. (In Russian).

Received: 03 July 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 96–104. DOI: 10.17223/15617793/447/12

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327

А.А. Кравчук

МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В АРКТИКЕ

Исследуется механизм обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в Арктическом регионе. Выделены две исследовательские задачи – рассмотрение системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в Арктике и проведение анализа действующей нормативно-правовой базы в обозначенной сфере. В основу исследования положен принцип неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности и социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: Арктика; Российская Федерация; система обеспечения национальной безопасности; стратегия социально-экономического развития.

Введение

С началом нового столетия интерес к Арктике начали проявлять все больше государств, причем не только региональных. Научные центры по изучению проблем Арктики создаются в странах, которые, как казалось раньше, никогда не смогут претендовать на роль субъекта международных отношении в Арктическом регионе. Этот факт обусловлен тем, что постепенное уменьшение площади ледового покрова Северного Ледовитого океана (СЛО) ведет к существенному расширению возможностей по осуществлению в регионе хозяйственной деятельности. Включение в арктическую политику большого числа заинтересованных государств способно привести к появлению новых и усилению уже имеющихся в регионе угроз национальной безопасности Российской Федерации (РФ). Ключевой вопрос при этом – сможет ли РФ эффективно противодействовать этим угрозам?

Представленная статья посвящена исследованию механизма обеспечения национальной безопасности (ОНБ) РФ в Арктике. В этимологическом плане категория механизм имеет несколько значений. В первом из них она понимается как «внутреннее устройство (система звеньев) машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие», во втором – как «система, устройство, определяющие порядок какого-либо вида деятельности» [1. С. 354]. В рамках этого исследования под механизмом ОНБ понимается внутреннее устройство и порядок функционирования системы, обеспечивающей безопасность страны. При этом порядок функционирования указанной системы (т.е. взаимодействие всех ее структурных элементов) определяется действующей нормативно-правовой базой государства в сфере ОНБ. Таким образом, в статье автор намерен решить две исследовательские задачи – рассмотреть систему ОНБ РФ в Арктике и провести анализ действующей нормативно-правовой базы в обозначенной сфере.

Система обеспечения национальной безопасности РФ в Арктике

В общем плане под ОНБ РФ понимается совместная скоординированная деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления и различных институтов гражданского общества, направленная на противодействие угрозам национальной безопасности (НБ) и реализацию национальных интересов [2].

В целях непосредственного выполнения этих функций в РФ образована система ОНБ, которая представляет собой совокупность органов государственной власти и органов местного самоуправления, осуществляющих реализацию государственной политики в сфере ОНБ, и инструментов, находящихся в их распоряжении [Там же]. К основным инструментам ОНБ РФ относятся: Вооруженные силы РФ, другие войска, воинские формирования и ведомства, в которых российским законодательством предусмотрена военная служба, а также структурные подразделения федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ), на которые в соответствии с российским законодательством возлагаются функции ОНБ по отдельным направлениям деятельности [3. С. 115].

Правовую основу ОНБ РФ составляют Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы и иные нормативные правовые акты РФ, законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ, органов местного самоуправления, принятые в пределах их компетенции в области безопасности. Основные принципы и содержание деятельности по ОНБ РФ, функции и полномочия федеральных органов государственной власти (ФОГВ), органов государственной власти субъектов РФ (ОГВС), органов местного самоуправления в области безопасности, а также статус Совета безопасности РФ определены федеральным законом «О безопасности» [4]. При этом базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты РФ, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности страны и обеспечение ее устойчивого развития на долгосрочную перспективу, считается «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (далее Стратегия НБ РФ) [2].

В последней версии Стратегии НБ РФ Арктическому региону отведена особая роль в рамках ОНБ РФ. В ст. 13 документа подчеркивается, что в условиях формирования новой полицентричной модели мирового устройства, сопровождающихся ростом глобальной и региональной нестабильности, усиливающейся межгосударственной конкуренцией и борьбой за ресурсы, за доступ к рынкам сбыта и за контроль над транспортными артериями, особое значение приобретает установление лидерства в освоении ресурсов Мирового океана и Арктики. Для этого в рамках реализации государственной социально-экономической политики в числе прочих мер по противодействию угрозам экономической безопасности Стратегией НБ РФ предусматривается расширение использования инструментов государственно-частного партнерства для решения стратегических задач развития экономики, завершения формирования базовой транспортной, энергетической, информационной, военной инфраструктур в Арктике (в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке), развития Северного морского пути (СМП) (Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей). Также документом подчеркивается необходимость развития равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества в Арктическом регионе [2].

Ключевая задача реализации государственной политики в сфере ОНБ РФ заключается в формировании благоприятных условий для устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу. В этой связи стоит особо подчеркнуть тот факт, что в целом Стратегия НБ РФ основана на принципе неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности страны и ее социально-экономического развития [Там же]. Этот принцип также был положен в основу ключевых доктринальных документов, определяющих государственную политику РФ в Арктике [5, 6].

Государственная политика в сфере ОНБ как часть внутренней и внешней политики РФ представляет собой комплекс скоординированных и объединенных единым замыслом политических, социально-экономических, организационных, правовых, военных, специальных, информационных и иных мер. Только глава государства на правах гаранта Конституции и суверенитета РФ уполномочен определять основные направления государственной политики в сфере ОНБ и наделен для этого самыми широкими полномочиями. В соответствии со ст. 83 Конституции РФ в обязанности Президента РФ также входит формирование Совета безопасности РФ (СБ РФ) [7], который представляет собой конституционный совещательный орган, осуществляющий подготовку решений Президента по вопросам ОНБ, военного строительства, организации обороны, военно-технического сотрудничества РФ с иностранными государствами, оборонного производства, по иным вопросам, связанным с защитой конституционного строя, суверенитета, независимости и территориальной целостности РФ, а также по вопросам международного сотрудничества в сфере ОНБ [4].

За прошедшее десятилетие Советом безопасности РФ было рассмотрено множество вопросов, касающихся практически всех областей обеспечения национальной безопасности страны, а принимаемые им решения позволяли оперативно реагировать на возникавшие в этой сфере проблемы, а также проводить мероприятия, направленные на укрепление системы ОНБ страны. Несколько заседаний СБ РФ были напрямую посвящены обсуждению проблем Российской Арктики. Так, 17 сентября 2008 г. состоялось заседание СБ РФ «О защите национальных интересов РФ в Арктике», на котором были утверждены «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» (Основы-2008), а также принят план мероприятий по их реализации. В ходе заседания члены СБ РФ пришли к выводу о необходимости сосредоточения основных усилий «на тех перспективных направлениях, которые смогут обеспечить ощутимую экономическую и социальную отдачу, а также укрепить национальную безопасность» страны [8].

Второе заседание СБ РФ «О реализации государственной политики РФ в Арктике в интересах национальной безопасности», посвященное арктической проблематике, состоялось 22 апреля 2014 г. В ходе указанного заседания Президент РФ выделил шесть приоритетных направлений реализации российской политики в Арктике, а именно: (1) повысить качество государственного управления и выработки решений; (2) продумать план выполнения мероприятий госпрограммы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ (АЗРФ) на период до 2020 г.» и обеспечить ее необходимое ресурсное наполнение; (3) продолжить проработку вопросов международно-правового оформления внешней границы континентального шельфа РФ в СЛО; (4) выработать оптимальную экономическую модель развития СМП; (5) обеспечить экологическую безопасность в АЗРФ; (6) обеспечить комплексную безопасность АЗРФ (провести детальную практическую отработку всех вопросов безопасности в рамках межведомственных учений и тренировок) [9].

Примечательно, что в ходе апрельского заседания Совета безопасности РФ Президент в первую очередь сфокусировал внимание членов Совета на необходимости повышения качества государственного управления и выработки решений при реализации российской арктической политики. Решением этой проблемы, по его мнению, могло бы стать создание единого центра ответственности за реализацию государственной политики в АЗРФ, способного координировать деятельность министерств и ведомств, регионов РФ и бизнеса. При этом Президент предложил Правительству РФ рассмотреть возможность создания органа, по своему статусу аналогичного государственной комиссии с широкими полномочиями [Там же].

На тот момент времени уже действовала Межведомственная рабочая группа по координации деятельности по контролю за реализацией «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и организация национальной безопасности на период до 2020 г.» (Стратегия-2013), созданная 11 октября 2013 г. при Министерстве регионального развития РФ [10]. В состав этой группы входили представители ФОИВ,

ОГВС РФ, Государственной полярной академии, Госкорпорации «Росатом», Совета по изучению производительных сил и Российской академии наук. По нашему мнению, основной недостаток указанной структуры, не позволявший ей в полной мере реализовывать свои контрольные и координирующие функции, заключался в отсутствии необходимых властных полномочий в отношении субъектов, реализующих государственную политику в Арктике. Межведомственная рабочая группа провела три заседания по вопросам реализации Стратегии-2013 и прекратила свою деятельность после упразднения Министерства регионального развития РФ 8 сентября 2014 г. Основным достижением Межведомственной рабочей группы стала разработка Государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 г.» [11].

14 марта 2015 г. во исполнение указа Президента РФ [12] при Правительстве РФ была образована Государственная комиссия по вопросам развития Арктики (Госкомиссия по Арктике), которая стала основным координационным органом, обеспечивающим взаимодействие ФОИВ, ОГВС РФ, иных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций при решении социально-экономических и других задач, касающихся развития АЗРФ и ОНБ [13]. Возглавил этот орган тогдашний заместитель Председателя Правительства РФ Рогозин Д.О. Основная цель деятельности Госкомиссии по Арктике заключалась в реализации национальных интересов РФ в регионе и решение стратегических задач, определенных Основами-2008, а также кардинальное повышение эффективности государственного управления в АЗРФ [14].

В задачи Госкомиссии входят: (1) уточнение целей и задач государственной политики РФ в Арктике, исходя из условий обстановки; (2) повышение эффективности программ и проектов устойчивого развития АЗРФ; (3) координация деятельности ФОИВ, ОГВС РФ, органов местного самоуправления, иных органов и организаций по вопросам ОНБ в регионе (от кризисного реагирования на чрезвычайные ситуации до укрепления обороноспособности страны), устойчивого развития АЗРФ (через комплексное развитие экономики региона и использование Северного морского пути), укрепления международного сотрудничества, улучшения нормативно-правовой базы и т.д.

Госкомиссия по Арктике наделена достаточными полномочиями, позволяющими ей принимать оперативные решения по широкому спектру социально-экономических и военно-политических проблем в АЗРФ. В частности, Госкомиссия имеет право: (1) запрашивать у органов и организаций, деятельность которых она координирует, всю необходимую информацию по вопросам, относящимся к компетенции Госкомиссии; (2) привлекать к работе представителей ФОИВ и ОГВС РФ, научных организаций, ученых и специалистов; (3) создавать подкомиссии (советы, рабочие группы) по отдельным направлениям реализации государственной политики РФ в Арктике; (4) пользоваться информационными базами данных Аппарата Правительства РФ, ФОИВ, ОГВС РФ, иных органов и организаций, представленных в Государственной комиссии; (5) подготавливать предложения о персональной ответственности должностных лиц за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими возложенных на них обязанностей по вопросам, относящимся к компетенции Государственной комиссии.

Работа Госкомиссии по Арктике осуществляется путем проведения заседаний ее членов и президиума, которые проводятся по мере необходимости, но не реже одного раза в полугодие. Решения Госкомиссии, принятые в соответствии с ее компетенцией, становятся обязательными для всех ФОИВ [13].

В структуре Госкомиссии по Арктике созданы девять постоянных рабочих групп и две временные межведомственные рабочие группы, а также два совещательных органа – Деловой совет и Научно-экспертный совет. В целях оперативного решения возложенных на Госкомиссию задач был образован Центр обеспечения деятельности Госкомиссии [15]. В список членов Госкомиссии по Арктике входят высшие должностные лица практически всех российских министерств и ведомств, СБ РФ, главы арктических субъектов РФ и крупнейших российских компаний и т.д.

Госкомиссия по Арктике активно взаимодействует с органами обеих палат Парламента РФ, которые уполномочены заниматься решением арктической проблематики, в частности, с Комитетом Государственной думы РФ по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока [16] и Советом по Арктике и Антарктике при Совете Федерации РФ (СФ РФ) [17].

Подчеркнем важную роль Совета по Арктике и Антарктике в решении проблем правового регулирования в АЗРФ. Будучи экспертно-консультативным органом при СФ РФ, Совет по Арктике и Антарктике решает следующие задачи: анализирует законодательство РФ и правоприменительную практику по вопросам реализации государственной политики и ОНБ РФ в Арктике; готовит предложения Совету Федерации РФ и его органам о внесении изменений в законодательство РФ с целью реализации государственной политики и ОНБ РФ в Арктике; участвует в экспертизе крупных российских и международных проектов, направленных на реализацию целей государственной политики и ОНБ в Арктике, готовит по ним заключения и рекомендации для СФ и его органов; осуществляет мониторинг реализации государственной политики и ОНБ РФ в Арктике.

Кроме того, Совет по Арктике и Антарктике уполномочен рассматривать вопросы формирования и реализации государственной политики и ОНБ РФ в Арктике в следующих сферах: социально-экономи-ческое развитие АЗРФ, военная безопасность, защита и охрана государственной границы в АЗРФ, экологическая безопасность, информационные технологии и связь, наука и технологии, культура, предотвращение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций [18]. Сегодня Советом по Арктике и Антарктике и Госкомиссией по Арктике разработан и применятся действенный механизм проведения совместных заседаний, в ходе которых обсуждаются меры по совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере реализации государственной политики и ОНБ в АЗРФ.

Анализ нормативно-правовой базы в сфере обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития АЗРФ

Начиная с 2008 г. российское руководство стало уделять повышенное внимание вопросам социально-экономического развития Арктического региона, стараясь выделить его в самостоятельный объект государственной политики.

В сентябре 2008 г. были приняты Основы-2008 [5], которые стали ключевым документом, определяющим главные цели, основные задачи, стратегические приоритеты, национальные интересы и механизмы реализации государственной политики РФ в Арктике, а также систему мер стратегического планирования социально-экономического развития АЗРФ и ОНБ РФ.

В февраля 2013 г. во исполнение Основ-2008 была утверждена Стратегия-2013 [6], определившая основные механизмы, способы и средства достижения стратегических целей и приоритетов устойчивого развития АЗРФ и ОНБ. В целях обеспечения комплексного социально-экономического развития АЗРФ и ОНБ Стратегией-2013 был предусмотрен ряд практических мер по следующим направлениям деятельности: (1) совершенствование системы государственного управления в регионе; (2) улучшение качества жизни населения АЗРФ и необходимых социальных условий хозяйственной деятельности; (3) эффективное использование и развитие ресурсной базы Арктики; (4) модернизация и развитие транспортной инфраструктуры АЗРФ; (5) развитие науки и технологий (в том числе информационных); (6) обеспечение экологической безопасности; (7) развитие международного сотрудничества; (8) обеспечение военной безопасности, защиты и охраны государственной границы РФ. Функции контроля реализации Стратегии-2013 были возложены на Правительство РФ, которое должно представлять Президенту страны ежегодный доклад о ходе и результатах ее выполнения. В очередной раз подчеркнем, что в основу двух вышеупомянутых документов положен принцип неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности РФ и социально-экономического развития страны.

В конце 2013 г. был утвержден План мероприятий по реализации Стратегии-2013 [19], в котором были обозначены 60 мероприятий по основным направлениям деятельности, предусмотренным Стратегией-2013. В апреле 2014 г. была принята Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 г.», которая стала основным инструментом реализации Стратегии-2013. Основной целью указанной программы заявлено повышение уровня социально-экономического развития АЗРФ, достижение которой предполагается через решение двух ключевых задач: (1) усиление координации деятельности органов государственной власти при реализации государственной политики в АЗРФ; (2) организация мониторинга социально-экономического развития АЗРФ [11].

Месяцем позже указом Президента были определены пределы сухопутных территорий, отнесенных к АЗРФ [20]. Этот шаг позволил определить пространственные пределы действия нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность в АЗРФ, а также обеспечить сбор и анализ статистических данных макрорегиона. Перечень сухопутных территорий, отнесенных к АЗРФ, весьма обширен, однако им охвачены не все территории субъектов РФ, находящиеся за Полярным кругом и имеющие сложные физико-географические и природно-климатические условия. В этой связи руководство некоторых регионов РФ уже выступило с предложением расширения указанного перечня [21].

Летом 2016 г. был принят новый План реализации Стратегии-2013 [22], в который было включено 80 мероприятий по шести основным направлениям, предусмотренным Стратегией-2013. Планом предусмотрены мероприятия по совершенствованию условий деятельности российских компаний на континентальном шельфе в АЗРФ, сохранению и развитию рыбного хозяйства и ледокольного флота РФ, созданию новых портово-производственных комплексов и модернизации морских портов в регионе, развитию транспортного сообщения (в том числе малой авиации, железнодорожной сети и опорной сети автомобильных дорог), туризма и т.д.

В августе 2017 г. Правительство РФ скорректировало госпрограмму «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ». В новой редакции документа были актуализированы основные задачи и перечень подпрограмм, целевые показатели и индикаторы, расширен состав участников, а срок реализации госпрограммы был продлен до 2025 г. [23].

Отдельного внимания заслуживает вопрос законодательного оформления правового статуса Северного морского пути, который определяется сегодня сразу несколькими нормативно-правовыми актами. В ст. 5.1 Кодекса торгового мореплавания дается определение акватории СМП[1] [24], а в ст. 14 Федерального закона «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне РФ» подчеркивается уникальность СМП как исторически сложившейся национальной транспортной коммуникации РФ [25]. Порядок плавания по трассе Северного морского пути определяется рядом постановлений Правительства РФ и ведомственных нормативно-правовых актов.

По мнению некоторых экспертов, особую актуальность приобретает необходимость принятия Федерального закона «О государственном регулировании охраны и содержания Северного морского пути» [26], который бы окончательно закрепил статус СМП как внутринациональной транспортной артерии, а также позволил выделить Северный морской путь в качестве самостоятельного объекта государственного регулирования [27. С. 330–334].

Как показали результаты исследования Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, на современном этапе правоотношения в АЗРФ регулируют более 500 нормативных правовых актов, около 50 из которых были приняты еще в СССР [28]. Тем не менее, по мнению Председателя Совета по Арктике и Антарктике В.А. Штырова, этот массив документов не обеспечивает надежной, уверенной законодательной основы для реализации

тех целей и задач, которые поставлены в Основах-2008 и Стратегии-2013, и не создает механизмов для реализации Госпрограммы «Социально-экономическое развитие Аркической зоны РФ» [29].

Как справедливо отметила Председатель СФ Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко, существующая нормативно-правовая база, регулирующая отношения в Арктике, фрагментарна и разрознена, поскольку основана на отраслевом подходе (регулирует отдельные сферы отношений), что «объективно препятствует решению многих важнейших вопросов» [30]. В этой связи в ходе проходившего 20 ноября 2015 г. совместного заседания президиума Совета по Арктике и Антарктике и Госкомиссии по Арктике был рассмотрен первоначальный проект «специального, системообразующего, межотраслевого, комплексного» [Там же] федерального закона «О развитии Арктической зоны РФ», который был направлен на доработку и в последующем рассматривался еще несколько раз (в апреле, августе и ноябре 2016 г.). В январе 2017 г. Правительство РФ в очередной раз вернуло законопроект на доработку, указав на необходимость фокусирования документа на решении вопросов экономического развития АЗРФ через обеспечение функционирования опорных зон. В ноябре 2017 г. Минэкономразвития РФ подготовил новую редакцию проекта федерального закона «О развитии Арктической зоны РФ» [31], который, к слову, по-прежнему не принят.

В соответствии с последней версией документа в основу комплексного развития АЗРФ закладывается принцип создания опорных зон развития, представляющих собой территории Арктической зоны РФ, на которых реализуются взаимоувязанные проекты, направленные на комплексное социально-экономическое развитие АЗРФ, достижение стратегических интересов и обеспечение национальной безопасности в Арктике, предусматривающие скоординированное применение действующих инструментов территориального и отраслевого развития, механизмов реализации инвестиционных проектов, в том числе на принципах государственно-частного партнерства, а также особых режимов осуществления хозяйственной деятельности, и территорий с преференциальными условиями ведения предпринимательской деятельности [32].

В соответствии с законопроектом все проекты опорной зоны подразделяются на якорные (ключевые для развития макрорегиона, стоимость которых составляет не менее 100 млрд руб.) и не якорные (иные проекты). Участником опорной зоны может стать юридическое лицо, заключившее с арктическим субъектом РФ инвестиционное соглашение о реализации проекта опорной зоны (для якорных проектов) или соглашение о ведении деятельности в опорной зоне (для не якорных проектов). Документ предусматривает создание управляющей компании, отвечающей за координационно-аналитическое сопровождения функциионирования опорных зон, а также образование территорий с преференциальными условиями ведения предпринимательской деятельности, подобно тем, что действуют на Дальнем Востоке РФ.

Ключевой особенностью законопроекта, как нам представляется, следует считать закрепление за АЗРФ на законодательном уровне статуса особого объекта государственного управления, не связанного с административно-территориального делением РФ, что повысит оперативность и качество принимаемых решений по вопросам комплексного социально-экономического развития стратегически важного для страны макрорегиона.

Заключение

Сформированная в РФ система ОНБ базируется на принципах иерархического разделения властных полномочий в соответствии с существующей в стране вертикалью власти. Самыми обширными полномочиями в сфере ОНБ наделен Президент РФ, реализующий общее управление всей системой ОНБ в соответствии с законодательством РФ, в том числе через возглавляемый им Совет безопасности РФ, в состав которого на правах постоянных членов и членов входят высшие должностные лица основных ФОГВ РФ.

Госкомиссия по Арктике при Правительстве РФ обеспечивает контроль и координацию деятельности всех ФОИВ, ОГВС РФ, иных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций при решении задач по развитию АЗРФ и ОНБ в регионе. Госкомиссия наделена достаточно широкими полномочиями при решении возложенных на нее задач, в том числе в части, касающейся уточнения действующих и принятия новых нормативных документов, обеспечивающих эффективность государственной политики РФ в Арктике, реализацию ее национальных интересов и устойчивое развитие АЗРФ.

Совет по Арктике и Антарктике при СФ РФ производит постоянный анализ законодательства РФ и правоприменительной практики по вопросам реализации государственной политики и ОНБ РФ в Арктике, в случае необходимости готовит предложения в Совет Федерации РФ о внесении изменений в действующее законодательство, тем самым обеспечивая решение проблем правового регулирования обеспечения национальной безопасности РФ в Арктике.

Федеральные министерства, подведомственные им агентства, службы, надзоры, а также федеральные службы и агентства через подразделения своих территориальных органов выполняют свойственные им задачи в сфере ОНБ в Арктике (по направлениям деятельности) в пределах своих полномочий и компетенций, определенных действующим законодательством. При этом при реализации возложенных на них функций эти ведомства активно взаимодействуют друг с другом по смежным направлениям деятельности на основе создаваемых межведомственных региональных планов взаимодействия, которые в том числе предусматривают проведение совместных учений и тренировок.

Органы государственной власти арктических субъектов РФ и органы местного самоуправления в пределах своей компетенции обеспечивают исполне-

ние действующего российского законодательства в сфере ОНБ.

В целом сформированная система ОНБ РФ в Арктике весьма эффективна и способна решать свойственные ей задачи, однако она в бóльшей степени ориентирована на выполнение охранительных функций, а не на решение вопросов социально-экономического развития АЗРФ, что не в полной мере отвечает принципу неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности РФ и социально-экономического развития страны, заложенному последней версией Стратегии НБ РФ.

Основная нагрузка в обеспечении развития АЗРФ ложится на Госкомиссию по Арктике, которая, по нашему мнению, представляет собой весьма громоздкую и неповоротливую структуру, способную иметь дело со стратегическими задачами, но не тактическими, требующими определенной степени оперативности и гибкости в принятии решений. С подписанием Федерального закона «О развитии АЗРФ» эта проблема может быть решена, поскольку в существующей системе ОНБ появятся новые структурные элементы – опорные зоны, их заявители и участники, управляющая компания и т.д. К слову, некоторые из заложенных в законопроекте идей уже эффективно апробированы на Дальнем Востоке РФ. Решение российского руководства применить дальневосточный опыт в Арктике прослеживается и в расширении полномочий вице-премьера Ю.П. Трутнева, который с мая 2018 г. отвечает за развитие сразу двух макрорегионов страны – Дальнего Востока РФ и АЗРФ [33].

Тем не менее следует понимать, что действовать под копирку не удастся, поскольку регионы существенно отличаются друг от друга. Безусловно, Арктика обладает серьезным ресурсным потенциалом, однако сложные климатические условия и географическая удаленность региона от основных промышленных центров страны затрудняют процесс развития там высокотехнологичных отраслей производства, таких как судостроение, приборостроение, газо- и нефтехимия и т.д. Дополнительные издержки на обогрев производственных помещений, отсутствие в регионе развитой электроэнергетической сети, необходимость привлечения дорогостоящих квалифицированных кадров из других регионов страны и многие другие факторы неизбежно приводят к росту себестоимости производимых в Арктике товаров, которые будут заведомо проигрывать продукции, произведенной в других регионах страны и мира. Эти факторы делают Арктику привлекательной для развития добывающей, но не обрабатывающей промышленности, и, судя по всему, российское руководство осознает это, поскольку в соответствии с Основами-2008 АЗРФ рассматривается в качестве стратегической ресурсной, а не промышленной базы страны.

Таким образом, не исключено, что дальнейшая политика РФ на арктическом и дальневосточном направлении будет определяться принципом соразвития двух макрорегионов, при котором роль промышленной базы будет отведена Дальнему Востоку РФ (особенно его южному побережью), чьи природно-климатические и географические характеристики, а также режимы наибольшего благоприятствования предпринимательской деятельности позволяют создать там современный кластер, обеспечивающий высокотехнологичную переработку ресурсов, добываемых в Арктике, Сибири и на самом Дальнем Востоке.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Под акваторией СМП понимается водное пространство, прилегающее к северному побережью РФ, охватывающее внутренние морские воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону РФ, ограниченное с востока линией разграничения морских пространств с США и параллелью мыса Дежнева в Беринговом проливе, с запада меридианом мыса Желания до архипелага Новая Земля, восточной береговой линией архипелага Новая Земля и западными границами проливов Маточкин Шар, Карские Ворота, Югорский Шар.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006. 944 с.
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 10.09.2018).
3. Прохожев А.А. Общая теория национальной безопасности / под общ. ред. А.А. Прохожева. 2-е изд. М. : РАГС, 2005. 344 с.
4. О безопасности (федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_108546/ (дата обращения: 10.09.2018).
5. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом Российской Федерации 18.09.2008 г. № Пр-1969). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119442/ (дата обращения: 10.09.2018).
6. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом Российской Федерации 08.02.2013 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142561/ (дата обращения: 10.09.2018).
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.09.2018).
8. О защите национальных интересов Российской Федерации в Арктике // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации, 17.09.2008. URL: http://www.scrf.gov.ru/council/session/2039/ (дата обращения: 10.09.2018).
9. О реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике в интересах национальной безопасности // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. 22.04.2014. URL: http://www.scrf.gov.ru/council/session/2057/ (дата обращения: 10.09.2018).
10. О создании Межведомственной рабочей группы по координации деятельности по контролю за реализацией Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (приказ Министерства регионального развития от 11.10.2013 г. № 441). URL: http://prognoz-web.ru/articles/3605.htm (дата обращения: 10.09.2018).

11. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года» (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 21.04.2014 г. № 366). URL: http://www.arctic.gov.ru/ FilePreview/7ca1c8fc-eb5a-e511-8262-10604b797c23?nodeId=4370391e-a84c-e511-825f-10604b797c23 (дата обращения: 10.09.2018).
12. О Государственной комиссии по вопросам развития Арктики (указ Президента Российской Федерации от 03.02.2015 г. № 50).
13. Положение о Государственной комиссии по вопросам развития Арктики (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 14.03.2015 г. № 228). URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70801032/#ixzz4YzcMgmFi (дата обращения: 10.09.2018).
14. Журавель В.П. Россия в Арктике. Будет ли госкомиссия ее рулевым? // Арктика и Север. 2016. № 23. С. 5–16.
15. Структура Государственной комиссии по вопросам развития Арктики // Официальный сайт Государственной комиссии по вопросам развития Арктики. 2017. URL: http://www.arctic.gov.ru/4f3f26c6-d94b-e511-825f-10604b797c23 (дата обращения: 10.09.2018).
16. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.01.1998 г. № 2134-II ГД). URL: http://base.garant.ru/1575717/#ixzz4Yu1t3SgH (дата обращения: 10.09.2018).
17. О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30.01.2002 г. № 33-СФ). URL: http://base.garant.ru/12125778/#ixzz4Yu3CE0xj (дата обращения: 10.09.2018).
18. Положение о Совете по Арктике и Антарктике при Совете Федерации Российской Федерации (утверждено распоряжением Председателя Совета Федерации Российской Федерации от 01.12.2015 г. № 221рп-СФ). URL: http://council.gov.ru/structure/docs/51581/ (дата обращения: 10.09.2018).
19. План мероприятий по реализации Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утверждён Председателем Правительства Российской Федерации 16.10.2013 г. № 6208п-П16). URL: http://www.arctic.gov.ru/ FilePreview/6d08ab9f-ec5a-e511-8262-10604b797c23?nodeId=4370391e-a84c-e511-825f-10604b797c23, (дата обращения: 10.09.2018).
20. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации (указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 г. № 296). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162553/ (дата обращения: 10.09.2018).
21. В Совете Федерации обсудили вопрос включения в Арктическую зону 13 улусов Якутии // Интернет-портал News.Ykt.Ru. 21.11.2015. URL: http://news.ykt.ru/article/37351 (дата обращения: 10.09.2018).
22. План реализации Стратегии развития Арктической зоны России и обеспечения национальной безопасности (утверждён Председателем Правительства Российской Федерации 30.09.2016 г.). URL: http://government.ru/news/24459/ (дата обращения: 10.09.2018).
23. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 21.04. 2014 г. № 366 (постановление Правительства Российской Федерации от 31.08.2017 г. № 1064). URL: http://government.ru/docs/29164/ (дата обращения: 10.09.2018).
24. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации (федеральный закон Российской Федерации от 30.05.1999 г. № 81-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=212435#0 (дата обращения: 10.09.2018).
25. О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации (федеральный закон Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 155-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=200592#0 (дата обращения: 10.09.2018).
26. О государственном регулировании охраны и содержания Северного морского пути (проект федерального закона Российской Федерации № 81250-6, ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.05.2012). URL: http://www.consultant.ru/ cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=95600#0 (дата обращения: 10.09.2018).
27. Руйга И.Р., Сюткина С.Ю., Соколова Д.В. Нормативно-правовое обеспечение экономической безопасности Арктической зоны Российской Федерации // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 12. С. 330–334.
28. Совместное заседание президиума экспертного совета по Арктике и Антарктике при Совете Федерации и Государственной комиссии по вопросам развития Арктики // Арктика и Север. 27.11.2015. URL: http://narfu.ru/aan/news.php?ELEMENT_ID=228299 (дата обращения: 10.09.2018).
29. Арктика в законе: зачем нужен закон об Арктической зоне РФ? // Официальный сайт Государственной комиссии по вопросам развития Арктики. 18.07.2016. URL: http://arctic.gov.ru/News/278ac1f2-6d4d-e611-80cc-e672fe4e8e4e?nodeId=9ce9c1ed-d94b-e511-825f-10604b797c23&page=1&pageSize=10 (дата обращения: 10.09.2018).
30. Закон «О развитии Арктической зоны РФ» может быть принят в 2016 году // Известия. 2015. 20 ноября. URL: http://izvestia.ru/news/596628 (дата обращения: 10.09.2018).
31. Подготовлена новая редакция проекта федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» // Официальный сайт Минэкономразвития Мурманской области. 09.11.2017. URL: https://minec.gov-murman.ru/news/232361/ (дата обращения: 10.09.2018).
32. О развитии Арктической Зоны Российской Федерации (проект федерального закона Российской Федерации, текст в ред. от 09.11.2017 г.). URL: http://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=74838 (дата обращения: 10.09.2018).
33. Вице-премьер Трутнев будет отвечать за развитие Дальнего Востока и Арктики // РИА Новости. 2018. 28 мая. URL: https://ria.ru/ politics/20180528/1521530802.html (дата обращения: 10.09.2018).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 19 марта 2019 г.

A Mechanism for Ensuring National Security of the Russian Federation in the Arctic

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 96–104.
DOI: 10.17223/15617793/447/12

Aleksey A. Kravchuk, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: zkv3krava@mail.ru

Keywords: Arctic; Russian Federation; national security system; socioeconomic development strategy.

The article is devoted to the research of the mechanism for ensuring Russia's national security in the Arctic. Within the framework of this article, this mechanism is defined as the internal arrangement and the order of the functioning of the system ensuring the country's security. The order of functioning of this system—that is the interaction of all its structural elements–is determined by the existing normative-legal base of the state in the national security sphere. In this connection, the author successively solves two research objectives: to consider Russia's national security system in the Arctic and to analyze the current normative-legal base in the designated area. The article is based on the principle of an inseparable interconnection and interdependence of national security and socioeconomic development of the country, which was set by Russia's National Security Strategy. The first part of the article shows the goals, tasks and functions of the main structural elements of Russia's national security system in the Arctic, which includes the President, the Security Council, the State Commission for Arctic Development within the Government, the Arctic and Antarctic Council within the Federation Council, competent federal ministries, agencies, services, etc. The author points out that Russia's national security system in the Arctic is very effective and capable of solving relevant tasks, but it is more focused on performing protective functions, rather than addressing the problems of socioeconomic development. In the second part of the article, the author analyses the normative-legal base regulating the issues of national security and socioeconomic development of Russia's Arctic Zone.

He states that this normative-legal base is very fragmented, being based on a sectoral approach rather than an integrated one. So, it is necessary to pass the comprehensive federal law "On the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation", which would allow Russia to legally define its Arctic as a special object of state administration, not related to the administrative-territorial division of the country. Through passing this law Russian leadership could also strengthen the national security system in the Arctic by adding some new structural elements to it, e.g. the Arctic Support Zones, their applicants and participants, the management company, etc. These elements will doubtlessly further facilitate the socioeconomic development of the region.

REFERENCES

1. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow: OOO "A TEMP".
2. Consultant.ru. (2015) *O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii (ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31.12.2015 g. № 683)* [On the National Security Strategy of the Russian Federation (Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of December 31, 2015)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/. (Accessed: 10.09.2018).
3. Prokhozhev, A.A. (2005) *Obshchaya teoriya natsional'noy bezopasnosti* [General Theory of National Security]. 2nd ed. Moscow: Russian Academy of Public Administration.
4. Consultant.ru. (2010) *O bezopasnosti (federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 28.12.2010 g. № 390-FZ)* [On security (Federal Law of the Russian Federation No. 390-FZ of December 28, 2010)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/ docu-ment/cons_doc_LAW_108546/. (Accessed: 10.09.2018).
5. Consultant.ru. (2008) *Osnovy gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v Arktike na period do 2020 goda i dal'neyshuyu perspektivu (utv. Prezidentom Rossiyskoy Federatsii 18.09.2008 g. № Pr-1969)* [The basics of state policy of the Russian Federation in the Arctic for the period up to 2020 and the future perspective (approved by the President of the Russian Federation on September 18, 2008, No. Pr-1969)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119442/. (Accessed: 10.09.2018).
6. Consultant.ru. (2013) *Strategiya razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii i obespecheniya natsional'noy bezopasnosti na period do 2020 goda (utverzhdena Prezidentom Rossiyskoy Federatsii 08.02.2013 g.)* [The development strategy of the Arctic Zone of the Russian Federation and ensuring national security for the period until 2020 (approved by the President of the Russian Federation on February 08, 2013)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142561/. (Accessed: 10.09.2018).
7. Consultant.ru. (1993) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 g.)* [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_28399/. (Accessed: 10.09.2018).
8. Security Council of the Russian Federation. (2008) *O zashchite natsional'nykh interesov Rossiyskoy Federatsii v Arktike* [On the protection of the national interests of the Russian Federation in the Arctic]. 17 Spetember. [Online] Available from: http://www.scrf.gov.ru/council/session/2039/. (Accessed: 10.09.2018).
9. Security Council of the Russian Federation. (2014) *O realizatsii gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v Arktike v interesakh natsional'noy bezopasnosti* [On the implementation of state policy of the Russian Federation in the Arctic in the interests of national security]. 22 April. [Online] Available from: http://www.scrf.gov.ru/council/session/2057/. (Accessed: 10.09.2018).
10. Prognoz-web.ru. (2013) *O sozdanii Mezhvedomstvennoy rabochey gruppy po koordinatsii deyatel'nosti po kontrolyu za realizatsiey Strategii razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii i obespecheniya natsional'noy bezopasnosti na period do 2020 goda (prikaz Ministerstva regional'nogo razvitiya ot 11.10.2013 g. № 441)* [On the establishment of an interdepartmental working group to coordinate activities to monitor the implementation of the Development Strategy of the Arctic Zone of the Russian Federation and national security for the period up to 2020 (Order of the Ministry of Regional Development No. 441 of October 11, 2013)]. [Online] Available from: http://prognoz-web.ru/articles/3605.htm. (Accessed: 10.09.2018).
11. State Commission for Arctic Development. (2014) *Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii "Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Arkticheskoy zony RF na period do 2020 goda" (utv. postanovleniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 21.04.2014 g. № 366)* [The state program of the Russian Federation "Socio-economic development of the Arctic Zone of the Russian Federation for the period up to 2020" (approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 366 of April 21, 2014)]. [Online] Available from: http://www.arctic.gov.ru/ FilePreview/7ca1c8fc-eb5a-e511-8262-10604b797c23?nodeId=4370391e-a84c-e511-825f-10604b797c23. (Accessed: 10.09.2018).
12. Government.ru. (2015) *O Gosudarstvennoy komissii po voprosam razvitiya Arktiki (ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 03.02.2015 g. № 50)* [On the State Commission for Arctic Development (Decree of the President of the Russian Federation No. 50 of February 03, 2015)]. [Online] Available from: http://government.ru/docs/17319/.
13. Garant.ru. (2015) *Polozhenie o Gosudarstvennoy komissii po voprosam razvitiya Arktiki (utv. postanovleniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 14.03.2015 g. № 228)* [The Regulation on the State Commission for Arctic Development (approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 228 of March 14, 2015)]. [Online] Available from: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70801032/#ixzz4YzcMgmFi. (Accessed: 10.09.2018).
14. Zhuravel', V.P. (2016) Russia in the Arctic. Will the State Commission be its helmsman? *Arktika i Sever – Arctic and North*. 23. pp. 5–16. (In Russian).
15. State Commission for Arctic Development. (2017) *Struktura Gosudarstvennoy komissii po voprosam razvitiya Arktiki* [The structure of the State Commission for Arctic Development]. [Online] Available from: http://www.arctic.gov.ru/4f3f26c6-d94b-e511-825f-10604b797c23. (Accessed: 10.09.2018).
16. Base.garant.ru. (1998) *O Reglamente Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii (postanovlenie Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya RF ot 22.01.1998 g. № 2134-II GD)* [On the Rules of Procedure of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Decree of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of January 22, 1998, No. 2134-II, of the State Duma)]. [Online] Available from: http://base.garant.ru/1575717/#ixzz4Yu1t3SgH. (Accessed: 10.09.2018).
17. Base.garant.ru. (2002) O Reglamente Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii (postanovlenie Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii ot 30.01.2002 g. № 33-SF). [Online] Available from: http://base.garant.ru/12125778/#ixzz4Yu3CE0xj. (Accessed: 10.09.2018).
18. Council.gov.ru. (2015) *Polozhenie o Sovete po Arktike i Antarktike pri Sovete Federatsii Rossiyskoy Federatsii (utverzhdeno rasporyazheniem Predsedatelya Soveta Federatsii Rossiyskoy Federatsii ot 01.12.2015 g. № 221rp-SF)* [Regulation on the Council on the Arctic and the Antarctic under the Federation Council of the Russian Federation (approved by order of the Chairman of the Council of the Federation of the Russian Federation of December 01, 2015, No. 221rp-SF)]. [Online] Available from: http://council.gov.ru/structure/docs/51581/. (Accessed: 10.09.2018).
19. State Commission for Arctic Development. (2013) *Plan meropriyatiy po realizatsii Strategii razvitiya Arkticheskoy zony RF i obespecheniya natsional'noy bezopasnosti na period do 2020 goda (utverzhden Predsedatelem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii 16.10.2013 g. № 6208p-P16)* [The action plan for the implementation of the Development Strategy of the Arctic Zone of the Russian Federation and ensuring national security for the period until 2020 (approved by the Chairman of the Government of the Russian Federation on October 16, 2013, No. 6208p-P16)]. [Online] Available from: http://www.arctic.gov.ru/ FilePreview/6d08ab9f-ec5a-e511-8262-10604b797c23?nodeId=4370391e-a84c-e511-825f-10604b797c23. (Accessed: 10.09.2018).

20. Consultant.ru. (2014) *O sukhoputnykh territoriyakh Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii (ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 02.05.2014 g. № 296)* [On the land territories of the Arctic Zone of the Russian Federation (Decree of the President of the Russian Federation No. 296 of May 02, 2014)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162553/. (Accessed: 10.09.2018).
21. News.Ykt.Ru. (2015) *V Sovete Federatsii obsudili vopros vklyucheniya v Arkticheskuyu zonu 13 ulusov Yakutii* [The Federation Council discussed the inclusion of 13 uluses of Yakutia in the Arctic Zone]. 21 November. [Online] Available from: http://news.ykt.ru/article/37351. (Accessed: 10.09.2018).
22. Government.ru. (2016) *Plan realizatsii Strategii razvitiya Arkticheskoy zony Rossii i obespecheniya natsional'noy bezopasnosti (utverzhden Predsedatelem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii 30.09.2016 g.)* [Plan for the implementation of the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and ensuring national security (approved by the Chairman of the Government of the Russian Federation on September 30, 2016)]. [Online] Available from: http://government.ru/news/24459/. (Accessed: 10.09.2018).
23. Government.ru. (2017) *O vnesenii izmeneniy v postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 21.04. 2014 g. № 366 (postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 31.08.2017 g. № 1064)* [On amendments to decree of the Government of the Russian Federation No. 366 of April 21, 2014 (Decree of the Government of the Russian Federation No. 1064 of August 31, 2017)]. [Online] Available from: http://government.ru/docs/29164/. (Accessed: 10.09.2018).
24. Consultant.ru. (1999) *Kodeks torgovogo moreplavaniya Rossiyskoy Federatsii (federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 30.05.1999 g. № 81-FZ)* [The Code of Merchant Shipping of the Russian Federation (Federal Law of the Russian Federation No. 81-FZ of May 30, 1999)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=212435#0. (Accessed: 10.09.2018).
25. Consultant.ru. (1998) *O vnutrennikh morskikh vodakh, territorial'nom more i prilezhashchey zone Rossiyskoy Federatsii (federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 31.07.1998 g. № 155-FZ)* [On inland sea waters, the territorial sea and the adjacent zone of the Russian Federation (Federal Law of the Russian Federation No. 155-FZ of July 31, 1998)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=200592#0. (Accessed: 10.09.2018).
26. Consultant.ru. (2012) *O gosudarstvennom regulirovanii okhrany i soderzhaniya Severnogo morskogo puti (proekt federal'nogo zakona Rossiyskoy Federatsii № 81250-6, red., vnesennaya v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 25.05.2012)* [On state regulation of the protection and maintenance of the Northern Sea Route (draft federal law of the Russian Federation No. 81250-6, as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of May 25, 2012)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=95600#0. (Accessed: 10.09.2018).
27. Ruyga, I.R., Syutkina, S.Yu. & Sokolova, D.V. (2016) Normativno-pravovoe obespechenie ekonomicheskoy bezopasnosti Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [Regulatory support of economic security of the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 12. pp. 330–334.
28. *Arktika i Sever – Arctic and North*. (2015) Sovmestnoe zasedanie prezidiuma ekspertnogo soveta po Arktike i Antarktike pri Sovete Federatsii i Gosudarstvennoy komissii po voprosam razvitiya Arktiki [Joint meeting of the Presidium of the Expert Council on the Arctic and the Antarctic under the Federation Council and the State Commission for Arctic Development]. 27 November. [Online] Available from: http://narfu.ru/aan/news.php?ELEMENT_ID=228299. (Accessed: 10.09.2018).
29. State Commission for Arctic Development. (2016) *Arktika v zakone: zachem nuzhen zakon ob Arkticheskoy zone RF?* [The Arctic in the law: why do we need a law on the Arctic Zone of the Russian Federation?]. 18 July. [Online] Available from: http://arctic.gov.ru/News/278ac1f2-6d4d-e611-80cc-e672fe4e8e4e?nodeId=9ce9c1ed-d94b-e511-825f-10604b797c23&page=1&pageSize=10. (Accessed: 10.09.2018).
30. *Izvestiya*. (2015) *Zakon "O razvitii Arkticheskoy zony RF" mozhet byt' prinyat v 2016 godu* [The law "On the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation" can be adopted in 2016]. 20 November. [Online] Available from: http://izvestia.ru/news/596628. (Accessed: 10.09.2018).
31. Ministry of Economic Development of Murmansk Oblast. (2017) *Podgotovlena novaya redaktsiya proekta federal'nogo zakona "O razvitii Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii"* [A new version of the draft federal law "On the development of the Arctic Zone of the Russian Federation" has been prepared]. 09 November. [Online] Available from: https://minec.gov-murman.ru/news/232361/. (Accessed: 10.09.2018).
32. Regulation.gov.ru. (2017) *O razvitii Arkticheskoy Zony Rossiyskoy Federatsii (proekt federal'nogo zakona Rossiyskoy Federatsii, tekst v red. ot 09.11.2017 g.)* [On the development of the Arctic Zone of the Russian Federation (draft federal law of the Russian Federation, text as amended on November 9, 2017)]. [Online] Available from: http://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=74838. (Accessed: 10.09.2018).
33. RIA Novosti. (2018) *Vitse-prem'er Trutnev budet otvechat' za razvitie Dal'nego Vostoka i Arktiki* [Vice Prime Minister Trutnev will be responsible for the development of the Far East and the Arctic]. 28 May. [Online] Available from: https://ria.ru/ politics/20180528/1521530802.html. (Accessed: 10.09.2018).

Received: 19 March 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 105–115. DOI: 10.17223/15617793/447/13

УДК 314.114

Е.А. Фролова, В.А. Маланина

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ОЖИДАНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО БУДУЩЕГО И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В РОССИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Разработка комплексной оценки эффективности вовлеченности пожилых людей в региональный социум», проект №19-010-00984, и в рамках Плана мероприятий по реализации Программы повышения конкурентоспособности («дорожная карта») ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет» на 2013–2020 годы.

Представлена количественная оценка влияния межличностного доверия, удовлетворенности качеством медицинской помощи, удовлетворенности деятельностью правительства и субъективной оценки состояния здоровья на ожидания относительно будущего и удовлетворенность жизнью пожилых людей в России. Сильные (p-value = 0,000) корреляционные связи выявлены между субъективной оценкой состояния здоровья (как объясняющей переменной и ожиданиями относительно будущего) и удовлетворенностью жизнью.

Ключевые слова: старение; активное долголетие; пожилые люди; субъективное благополучие; ожидания относительно будущего; удовлетворенность жизнью.

Введение

Современные тенденции развития глобальной экономики и общества демонстрируют устойчивость процессов старения населения. По прогнозам Организации Объединенных Наций к 2050 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни в мире вырастет до 77 лет, в том числе в России она составит 76 лет. ООН особо отмечает превышение скорости старения населения над скоростью пополнения численности младших возрастных групп (в среднем, доля старшего поколения растет на 3 процента в год). Ожидается, что к 2030 г. общее число лиц в возрасте старше 60 лет на планете достигнет 1,4 млрд чел., а к 2050 году превысит 2 млрд чел. [1].

Старение населения как объективная общемировая тенденция делает актуальной концепцию активного долголетия (active ageing), предполагающую обеспечение возможностей сохранения автономии для старшего поколения в вопросах финансового обеспечения, независимого проживания и активной роли в вопросах участия в социальной жизни [2–5]. Активное долголетие рассматривается как набор базовых принципов разработки и реализации политики, направленной на повышение качества жизни старшего поколения [6], и мониторинга эффективности ее реализации [7].

Степень активности пожилых людей зависит от комплекса факторов, которые, в свою очередь, определяют временные горизонты будущего (период дожития) и формируют психологические установки человека относительно собственных перспектив (оптимизм / пессимизм). Удовлетворенность жизнью пожилых людей является предметом исследования в работах российских и зарубежных авторов, которые, в частности, отмечают тесную взаимосвязь между активностью и удовлетворенностью жизнью, верой в собственные силы и степенью управляемости жизни [8].

Ключевым фактором благополучия пожилых людей является состояние здоровья, оцениваемое не только специалистами-медиками, но и самим пожилым человеком, его субъективными ощущениями, связанными как с наличием хронических заболеваний, так и с ограничениями в повседневной деятельности и обусловленными состоянием здоровья [9]. Устойчивые тенденции роста продолжительности жизни старшего поколения в развитых и развивающихся странах делают актуальными вопросы предотвращения и компенсации последствий хронических заболеваний [10], что связано как с развитием системы профилактики и медицинской помощи, так и с вопросами укрепления доверия со стороны населения к службам охраны здоровья [11, 12]. В исследованиях установлена взаимосвязь между параметрами физического и психического здоровья, в том числе в контексте оптимистических ожиданий [13, 14].

Важную роль социальных институтов в обеспечении качества жизни пожилых людей в своих исследованиях отмечают М.Н. Самарина, Н.А. Куликова [15]. Межличностное доверие формирует элементы социального капитала, на который пожилой человек может опереться в случае уязвимости, обусловленной ухудшением состояния здоровья или материального положения [16, 17]. Доверие государственным институтам формирует общую среду взаимодействия пожилых людей, значительную часть которой составляют институты социальной поддержки [18].

Вместе с тем, несмотря на наличие широкого круга работ по различным аспектам обеспечения благополучия и качества жизни старшего поколения, требуются комплексные исследования влияния социальных норм и качества социальной инфраструктуры на психологическое благополучие и ожидания относительно будущего.

В данной работе представлены результаты количественной оценки влияния социальных институтов (межличностное доверие и удовлетворенность деятельностью правительства) и инфраструктуры (оценка субъективной удовлетворенности качеством медицинской помощи) на ожидания относительно будущего (оптимизм / пессимизм) в оценке пожилых людей. Также была проведена оценка влияния социальных

институтов и инфраструктуры на субъективное благополучие пожилых людей.

Источником фактических данных для оценки стали результаты 6-й волны Европейского социального исследования (ESS-2012). База данных включает результаты социологических опросов по 36 странам, в том числе РФ, в разрезе ключевых социальных аспектов: доверие, субъективное благополучие, ценности, социодемографические характеристики, политика, здоровье и здравоохранение и ряд других разделов. Общая выборка ESS по лицам старше 55 лет составляет более 20 тыс. человек. Выборка по России (55+) включает 854 респондента из всех макрорегионов (федеральных округов), из которых 69% – женщины, 31% – мужчины, средний возраст 66, 62 года, максимальный возраст – 90 лет [19].

Для оценки ожиданий относительно будущего использовался вопрос D2-4 “I'm always optimistic about my future» (Я всегда с оптимизмом смотрю в будущее», 5-балльная шкала Лайкерта). Именно оптимизм в отношении будущего для пожилых людей является ключевым фактором долгожительства и благополучия [20].

Оценка качества социальных институтов проводилась на основе комплекса оценок качества социальной среды (межличностное доверие и удовлетворенность деятельностью правительства). Для оценки межличностного доверия использовался вопрос A3 «Would you say that most people can be trusted, or that you can't be too careful in dealing with people?» (Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или следует относиться к ним с большой осторожностью?, 10-балльная шкала Лайкерта).

Для оценки степени удовлетворенности деятельностью правительства использовался вопрос B22 «Now thinking about the [country] government, how satisfied are you with the way it is doing its job?» (Оценивая современное состояние, насколько Вы удовлетворены результатами работы национального правительства?, 10-балльная шкала Лайкерта). Как показывают исследования [21], именно общий уровень доверия и удовлетворенность населения деятельностью исполнительных органов власти являются ключевыми индикаторами качества социальной среды (качества формальных норм – законов и неформальных норм – традиций и этики).

Качество социальной инфраструктуры оценивалось на основе вопроса B25 «Please say what you think overall about the state of health services in [country] nowadays?» (Пожалуйста, оцените современное состояние системы здравоохранения в стране, 10-балльная шкала Лайкерта). Для старшего поколения состояние здоровья и возможности по его поддержанию являются ключевыми предикторами ожиданий относительно будущего [22].

Дополнительно в модель был включен фактор субъективной оценки собственного состояния здоровья, вопрос C7 «How is your health in general?» (Как Вы оцениваете собственное состояние здоровья в общем?, 5-балльная шкала Лайкерта).

Основная гипотеза исследования (H1): чем выше доверие и качество социальных институтов, тем выше оптимизм относительно будущего.

Дополнительно проверялись следующие гипотезы:

H2: Женщины более оптимистичны в отношении будущего, чем мужчины.

H3: Степень оптимизма в отношении будущего сокращается с возрастом.

H4: Оценка состояния собственного здоровья и качества медицинской помощи будут ключевыми факторами оптимизма в отношении будущего.

H5: Качество социальных институтов и инфраструктуры влияет на субъективное благополучие пожилых людей.

Результаты исследования

Оптимизм относительно будущего. Оценки оптимизма в отношении будущего дают вполне предсказуемые результаты (рис. 1).

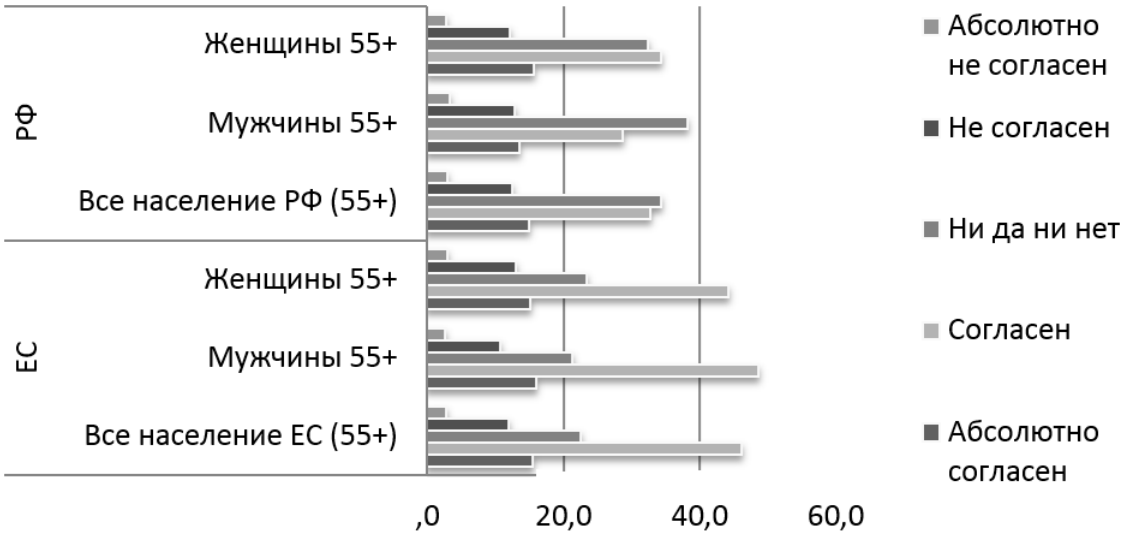

Рис. 1. Оптимизм в отношении будущего: «Всегда с оптимизмом смотрю в будущее».
Источник данных: ESS-2012

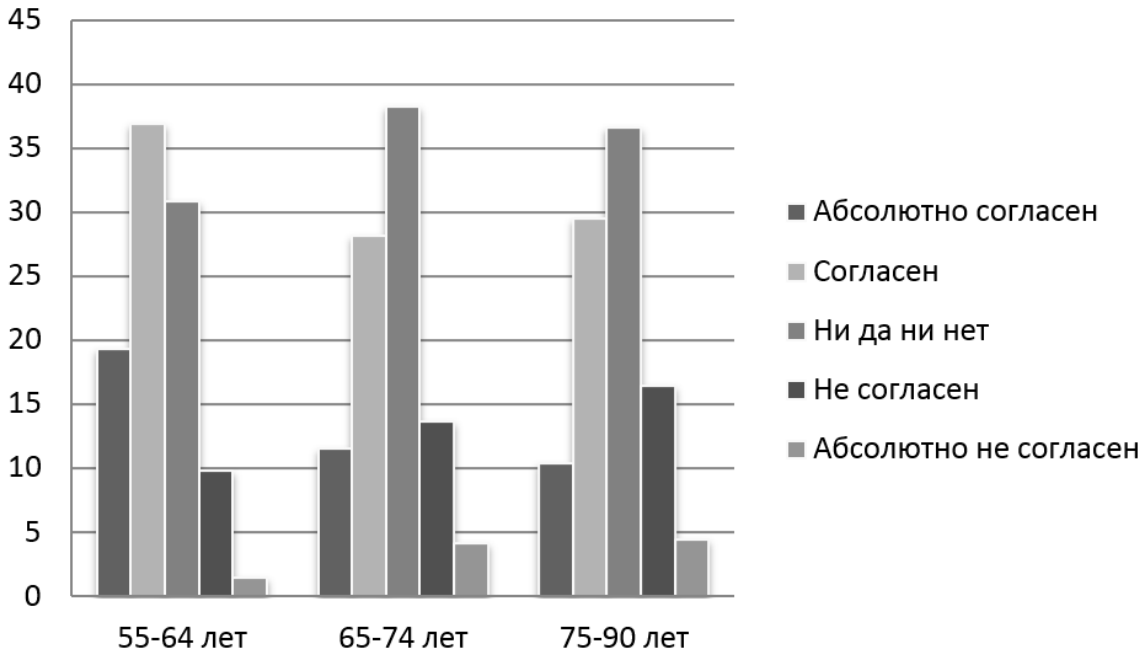

Рис. 2. Оптимизм в отношении будущего в РФ в разных возрастных группах: «Всегда с оптимизмом смотрю в будущее». Источник данных: ESS-2012

Пожилые люди в странах Европы в целом более оптимистично смотрят в будущее (в среднем более 60% респондентов согласны или абсолютно согласны с утверждением «Всегда с оптимизмом смотрю в будущее»), в то время как среди пожилых людей в России преобладают гораздо более осторожные оценки (менее 50% согласны и абсолютно согласны и еще 34% не могут точно выразить свое мнение). Также наблюдаются существенные гендерные различия в оценках будущего. Если в европейских странах мужчины более оптимистичны в отношении своих перспектив будущего, а женщины гораздо более осторожны, то в России ситуация складывается с точностью до наоборот (более 50% женщин абсолютно согласны и согласны, в то время как среди мужчин таковых только 42%).

Таким образом, исследовательская гипотеза H2 «Женщины более оптимистичны в отношении будущего, чем мужчины» находит лишь частичное подтверждение. Оценка оптимистических ожиданий
в зависимости от возраста респондента (рис. 2) отражает устойчивую тенденцию уменьшения оптимизма с возрастом, что свидетельствует о формировании ограниченных временных перспектив будущего у представителей старших возрастных групп пожилых людей. Полученные результаты подтверждают исследовательскую гипотезу H3 «Степень оптимизма в отношении будущего сокращается с возрастом, таким образом уменьшаются и временные перспективы».

Оценка качества системы здравоохранения в стране

Подавляющее большинство респондентов в России оценивает качество государственного здравоохранения крайне низко (70% респондентов оценивают качество менее чем на 4 балла из 10), в то время как в странах Европы более 60% населения считают, что состояние здравоохранения выше среднего, из них почти 38% респондентов оценивают состояние здравоохранения на более чем 7 баллов из 10. Средний балл, который дают респонденты из России, – 3,15, в то время как пожилые люди в европейских странах оценивают состояние здравоохранения в своей стране в среднем на 5,11 баллов, при этом оценки мужчин и женщин практически совпадают (рис. 3).

Оценка качества работы системы государственного здравоохранения представителями разных возрастных групп дает на первый взгляд противоречивые результаты (рис. 4). С возрастом негативные оценки качества здравоохранения уменьшаются, однако позитивные оценки растут гораздо меньше, чем падают отрицательные (не более 11% пожилых людей в РФ оценивают состояние здравоохранения в стране на 7–10 баллов. Данное обстоятельство обусловлено тем, что почти 30% респондентов в РФ в возрасте 75–90 лет отказались отвечать на данный вопрос.

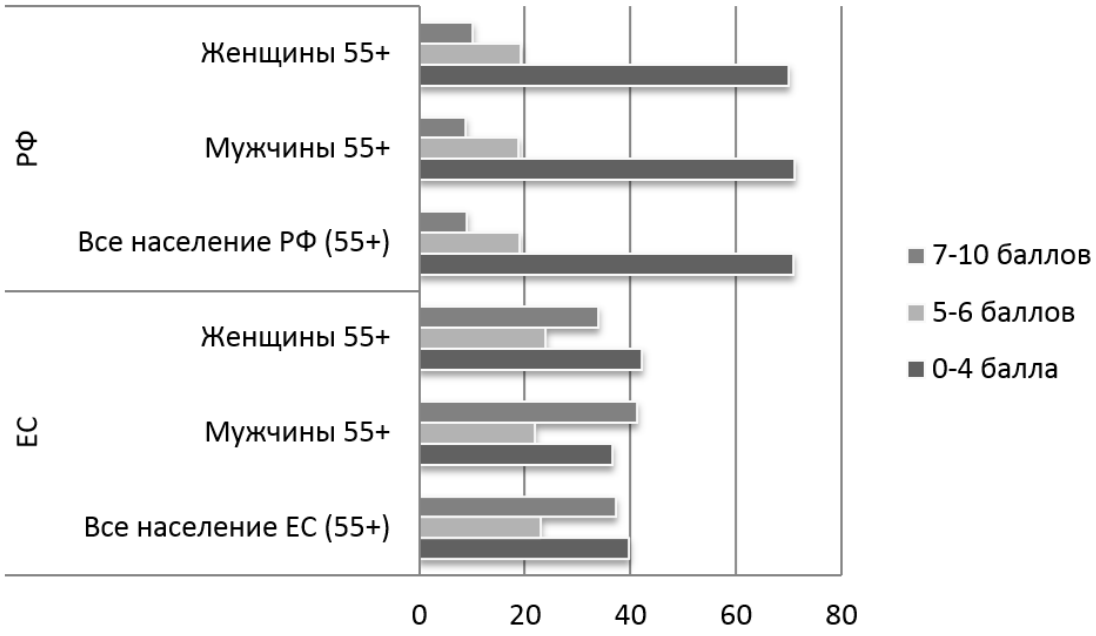

Рис. 3. Оценка качества работы системы государственного здравоохранения (0–4 балла – плохо, 7–10 баллов – хорошо). Источник данных: ESS-2012

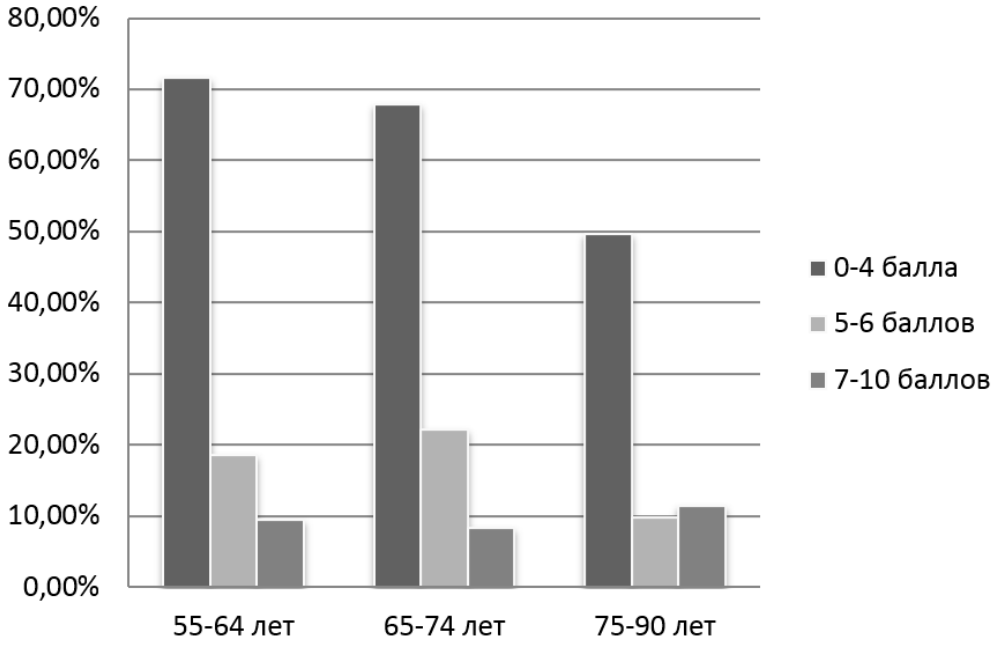

Рис. 4. Оценка качества работы системы государственного здравоохранения в РФ в разных возрастных группах, % от общего числа респондентов соответствующей возрастной группы (0–4 балла – плохо, 7–10 баллов – хорошо). Источник данных: ESS-2012

Оценка качества социальных институтов

Оценить непосредственно многообразие неформальных норм и правил (социальных институтов), существующих в обществе, не представляется возможным. Самым распространенным подходом является косвенная оценка через параметры доверия (персонифицированное и институциональное доверие). Качество социальных институтов в целях данного исследования определялось на основе оценок межличностного доверия («Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или следует относиться к ним с большой осторожностью?»). В среднем респонденты в России оценивают уровень межличностного доверия на 4,3 балла из 10. В странах Европы этот показатель в среднем составляет 4,85, при этом как в РФ, так и в ЕС мужчины характеризуются более высоким уровнем межличностного доверия, чем женщины. В России более 50% респондентов считают, что к людям стоит относиться с осторожностью (0–4 балла в оценке доверия). В странах ЕС более 30% респондентов считают, что большинству людей можно доверять (рис. 5).

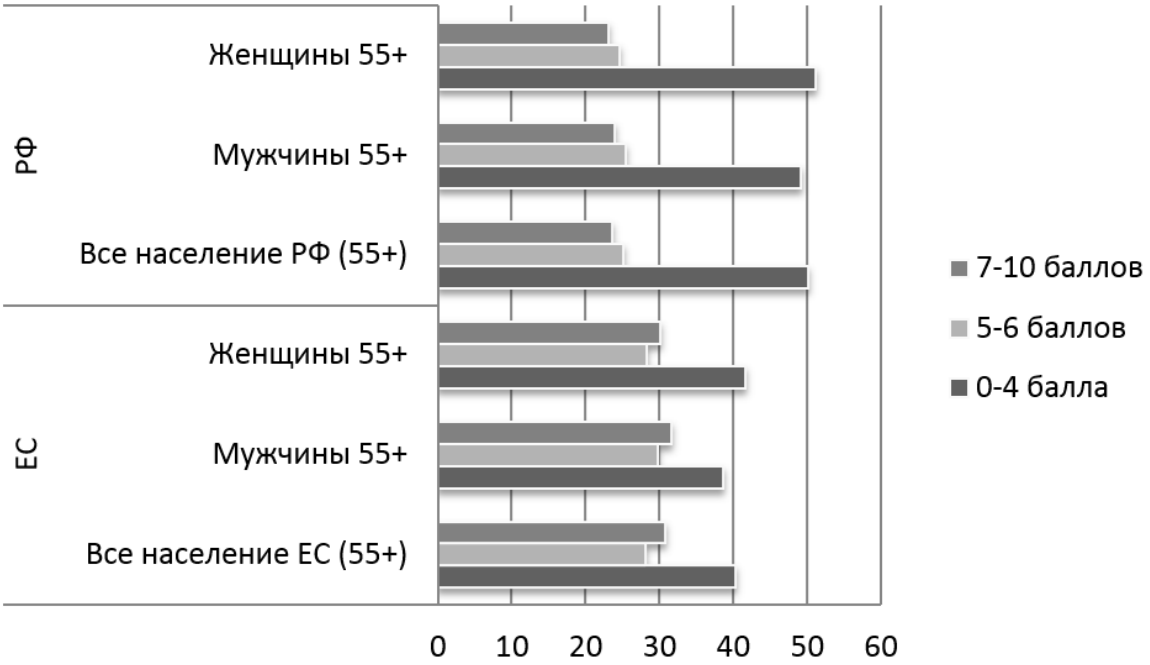

Рис. 5. Оценка межличностного доверия (0–4 балла – плохо, 7–10 баллов – хорошо). Источник данных: ESS-2012

Оценки межличностного доверия очень стабильны и практически не зависят от возраста пожилых людей (рис. 6). Незначительно увеличивается доля тех, кто считает, что большинству людей можно доверять. Таким образом, выборка по РФ фактически делится на две части – одна половина населения считает, что с людьми нужно быть осторожным, четверть занимает среднюю позицию (доверие на уровне 5–6 баллов) и еще 23–25% респондентов относятся к группе лиц с высоким уровнем доверия.

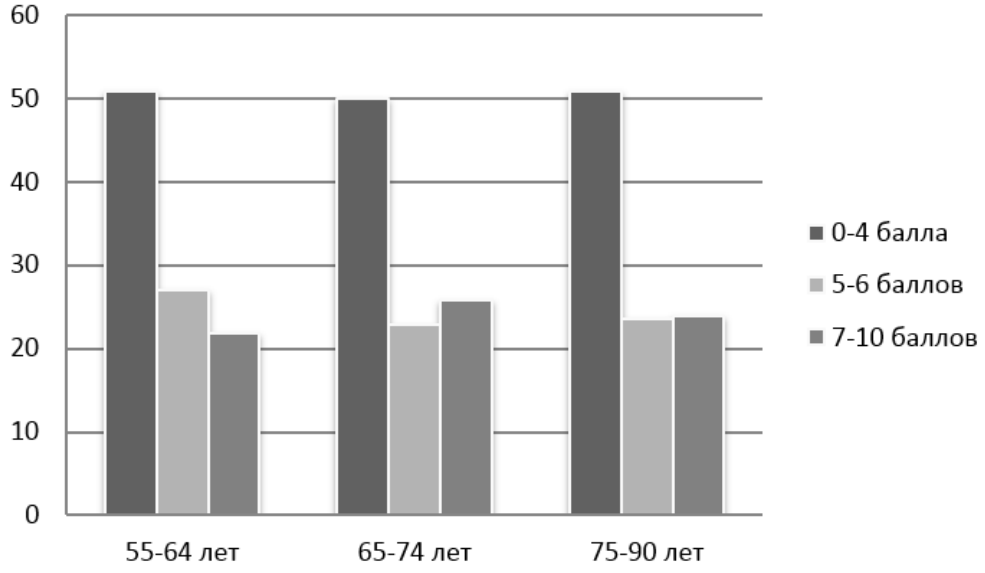

Рис. 6. Оценка межличностного доверия в разных возрастных группах (0–4 балла – плохо, 7–10 баллов – хорошо). Источник данных: ESS-2012

Регрессионная модель

На основе метода множественной линейной регрессии проведена оценка взаимосвязи между оптимизмом в отношении будущего, качеством социальной инфраструктуры и социальных институтов. Дополнительными факторами модели стали: субъективная оценка состояния здоровья, доверие парламенту страны и удовлетворенность деятельностью национального правительства. Все факторы, включенные в модель, являются статистически значимыми (p-value = 0,000). Наиболее тесная связь наблюдается между оптимизмом в отношении будущего и субъективной оценкой состояния здоровья, доверием парла-

менту и удовлетворенностью деятельностью правительства, удовлетворенностью деятельностью правительства и оценкой качества системы государственного здравоохранения в стране (табл. 1).

Таблица 1

Корреляционная матрица факторов (страны ЕС и Россия, N = 20237)

Показатель	Всегда с оптимизмом сморю в будущее	Субъективная оценка состояния здоровья	Межличностное доверие	Доверие парламенту страны	Удовлетворенность деятельностью правительства страны	Оценка качества системы государственного здравоохранения в стране
Всегда с оптимизмом сморю в будущее	1,000	**,310*** **	–,166***	–,177***	–,208***	–,185***
Субъективная оценка состояния здоровья	–	1,000	–,201***	–,205***	–,171***	–,225***
Межличностное доверие	–	–	1,000	,358***	,281***	,296***
Доверие парламенту страны	–	–	–	1,000	**,589*** **	,413***
Удовлетворенность деятельностью правительства страны	–	–	–	–	1,000	**,437*** **
Оценка качества системы государственного здравоохранения в стране	–	–	–	–	–	1,000

*** p-value = 0,000.

В целом результаты являются статистически значимыми (p-value = 0,000; за исключением доверия правительству страны). Однако факторы модели объясняют лишь часть изменчивости зависимой переменной (R = 0,357; R^2 = 0,127). Самое большое влияние на оптимизм в отношении будущего оказывает субъективная оценка состояния здоровья. Доверие парламенту страны, напротив, практически не оказывает влияние на оценку будущего среди старшего поколения (табл. 2).

Таблица 2

Параметры модели множественной линейной регрессии* (страны ЕС и Россия, N = 20237)

Показатель	B	Std. Error	Beta	t	p-value
Константа	2,044	,029		70,829	,000
Субъективная оценка состояния здоровья	**,278**	,007	,264	38,521	,000
Межличностное доверие	–,023	,003	–,061	–8,415	,000
Доверие парламенту страны	–,004	,003	–,012	–1,431	,153
Удовлетворенность деятельностью правительства страны	–,043	,003	–,116	–13,690	,000
Оценка качества системы государственного здравоохранения в стране	–,019	,003	–,052	–6,826	,000

* Зависимая переменная: «Всегда с оптимизмом смотрю в будущее».

В рамках парных линейных регрессий (табл. 3) все факторы являются статистически значимыми (p-value = 0,000). Как и в модели множественной регрессии, самое большое значение в формировании оптимизма в отношении будущего имеет субъективная оценка состояния здоровья (B = 0,334), однако эта модель объясняет лишь 10% изменчивости зависимой переменной (табл. 3).

Таблица 3

Параметры моделей парных линейных регрессий* (страны ЕС и Россия, N = 20237)

Показатель	R	R^2	B	t	p-value
Субъективная оценка состояния здоровья	0,316	0,100	0,334	48,534	0,000
Межличностное доверие	0,164	0,027	–0,062	–24,133	0,000
Доверие парламенту страны	0,177	0,031	–0,065	–25,966	0,000
Удовлетворенность деятельностью правительства страны	0,204	0,042	–0,076	–29,979	0,000
Оценка качества системы государственного здравоохранения в стране	0,186	0,034	–0,067	–27,450	0,000

* Зависимая переменная: «Всегда с оптимизмом смотрю в будущее».

Также как и для стран ЕС, в РФ наиболее тесная связь наблюдается между оптимизмом в отношении будущего и субъективной оценкой состояния здоровья, доверием парламенту и удовлетворенностью деятельностью правительства, удовлетворенностью деятельностью правительства и оценкой качества системы государственного здравоохранения в стране (табл. 4).

Таблица 4

Корреляционная матрица факторов (Россия, N = 737)

Показатель	Всегда с оптимизмом сморю в будущее	Оценка качества системы государственного здравоохранения в стране	Межличностное доверие	Доверие парламенту страны	Удовлетворенность деятельностью правительства страны	Субъективная оценка состояния здоровья
Всегда с оптимизмом сморю в будущее	1,000	–,070	–,028	–,023	–,167	**,277*** **
Оценка качества системы государственного здравоохранения в стране	–	1,000	,127***	,270***	**,419*** **	–,162***
Межличностное доверие	–	–	1,000	,183***	,189***	–,053
Доверие парламенту страны	–	–	–	1,000	**,484*** **	,026
Удовлетворенность деятельностью правительства страны	–	–	–	–	1,000	–,062
Субъективная оценка состояния здоровья	–	–	–	–	–	1,000

Однако в рамках модели множественной линейной регрессии для РФ (табл. 5) только часть факторов является статистически значимой (субъективная оценка состояния здоровья и удовлетворенность деятельностью правительства страны). Среди этих статистически значимых факторов, так же как и в предыдущей модели, преобладает субъективная оценка состояния здоровья (0,376). В целом данная модель описывает только 10,3% изменчивости зависимой переменной ($R^2 = 0,103$).

Таблица 5

Параметры модели множественной линейной регрессии (Россия, N = 737)

Показатель	B	Std. Error	Beta	t	p-value
Константа	1,495	,189		7,907	,000
Субъективная оценка состояния здоровья	,376	,050	,270	7,583	,000
Межличностное доверие	,003	,013	,009	,248	,804
Доверие парламенту страны	,019	,015	,051	1,253	,210
Удовлетворенность деятельностью правительства страны	–,076	,017	–,193	–4,516	,000
Оценка качества системы государственного здравоохранения в стране	,017	,017	,040	1,010	,313

В рамках оценки моделей парных линейных регрессий вклад каждого фактора оказывается несколько ниже, также падает объяснительная сила модели, однако факторы, как и во множественной линейной регрессии, являются статистически значимыми (табл. 6).

Таблица 6

Параметры моделей парных линейных регрессий (Россия, N= 737)

Показатель	R	R^2	B	t	p-value
Субъективная оценка состояния здоровья	0,290	0,084	0,398	8,685	0,000
Удовлетворенность деятельностью правительства страны	0,157	0,025	–0,061	–4,462	0,000

Оценка влияния социальных институтов и инфраструктуры на благополучие пожилых людей

Для оценки благополучия пожилых людей использован вопрос B20 «All things considered, how satisfied are you with your life as a whole nowadays?» (Принимая во внимание все факторы, насколько Вы удовлетворены своей жизнью?, 10-балльная шкала Ликерта). Наиболее тесная связь в ЕС и РФ наблюдается между удовлетворенностью жизнью и оценкой качества системы государственного здравоохранения, а также субъективной оценкой состояния здоровья (табл. 7).

Таблица 7

Корреляционная матрица факторов (страны ЕС и Россия, N = 17645)

Показатель	Субъективная удовлетворенность жизнью	Межличностное доверие	Доверие парламенту страны	Удовлетворенность деятельностью правительства страны	Оценка качества системы государственного здравоохранения в стране	Субъективная оценка состояния здоровья
Субъективная удовлетворенность жизнью	1,000	0,306***	0,349***	0,376***	**0,403*** **	–0,385***
Межличностное доверие	–	1,000	**0,348*** **	0,278***	0,282***	–0,198***
Доверие парламенту страны	–	–	1,000	**0,587*** **	0,404***	–0,195***
Удовлетворенность деятельностью правительства страны	–	–	–	1,000	**0,441*** **	–0,170***
Оценка качества системы государственного здравоохранения в стране	–	–	–	–	1,000	–0,216***
Субъективная оценка состояния здоровья	–	–	–	–	–	1,000

В модели множественной линейной регрессии ключевое влияние на субъективную удовлетворенность жизнью оказывает субъективная оценка состояния здоровья (табл. 8). Оценка качества системы здравоохранения и удовлетворенность деятельностью правительства страны также имеют важное значение. Все факторы модели статистически значимы. Модель описывает более 31% изменчивости зависимой переменной ($R^2 = 0,313$).

Таблица 8

Параметры модели множественной линейной регрессии* (страны ЕС и Россия, N = 20237)

Показатель	B	Std. Error	Beta	t	p-value
Константа	6,206	,070		88,348	,000
Субъективная оценка состояния здоровья	–0,737	0,017	–0,274	–42,234	,000
Межличностное доверие	0,120	0,007	0,123	18,101	,000
Доверие парламенту страны	0,070	0,008	0,075	9,286	,153
Удовлетворенность деятельностью правительства страны	0,152	0,008	0,159	19,842	,000
Оценка качества системы государственного здравоохранения в стране	0,191	0,007	0,208	28,839	,000

* Зависимая переменная: «Субъективная удовлетворенность жизнью».

Оценка влияния социальных институтов и инфраструктуры на благополучие пожилых людей в России демонстрирует несколько иные зависимости. Наиболее тесная связь наблюдается между удовлетворенностью жизнью и удовлетворенностью деятельностью правительства. Межличностное доверие и доверие парламенту страны, оценка качества системы государственного здравоохранения также непосредственно связаны с удовлетворенностью деятельностью правительства (табл. 9).

Таблица 9

Корреляционная матрица факторов (Россия, N = 621)

Показатель	Субъективная удовлетворенность жизнью	Межличностное доверие	Доверие парламенту страны	Удовлетворенность деятельностью правительства страны	Оценка качества системы государственного здравоохранения в стране	Субъективная оценка состояния здоровья
Субъективная удовлетворенность жизнью	1,000	0,243***	0,247***	**0,392*** **	0,307***	–0,267***
Межличностное доверие	–	1,000	0,142***	**0,228*** **	0,145***	–0,002***
Доверие парламенту страны	–	–	1,000	**0,435*** **	0,271***	–0,073***
Удовлетворенность деятельностью правительства страны	–	–	–	1,000	**0,392*** **	–0,006***
Оценка качества системы государственного здравоохранения в стране	–	–	–	–	1,000	–0,122**
Субъективная оценка состояния здоровья	–	–	–	–	–	1,000

В модели множественной линейной регрессии основное влияние на субъективную удовлетворенность жизнью пожилых людей в РФ оказывает субъективная оценка состояния здоровья, межличностное доверие, а также удовлетворенность деятельностью правительства и оценка качества системы государственного здравоохранения (табл. 10). Данные параметры являются статистически значимыми. В совокупности все 5 параметров объясняют 27,1% изменчивости зависимой переменной ($R^2 = 0,271$).

Таблица 10

Параметры модели множественной линейной регрессии* (Россия, N = 621)

Показатель	B	Std. Error	Beta	t	p-value
Константа	5,714	,431		13,245	,000
Субъективная оценка состояния здоровья	–0,833	0,113	–0,257	–7,357	,000
Межличностное доверие	0,134	0,032	0,150	4,238	,000
Доверие парламенту страны	0,087	0,035	0,095	2,458	,014
Удовлетворенность деятельностью правительства страны	0,259	0,040	0,267	6,531	,000
Оценка качества системы государственного здравоохранения в стране	0,124	0,038	0,123	3,230	,001

*Зависимая переменная: «Субъективная удовлетворенность жизнью».

Таким образом, результаты подтверждают исследовательские гипотезы: (H1): чем выше доверие и качество социальных институтов, тем выше оптимизм относительно будущего и, соответственно, тем больше временной горизонт планирования будущего (временные перспективы будущего); H4: Субъективные оценки состояния здоровья и качества медицинской помощи являются ключевыми параметрами оптимизма пожилых людей в отношении будущего; H5: Качество социальных институтов и социальной инфраструктуры влияет на субъективное благополучие пожилых людей.

Заключение

В ходе исследования подтверждение получили три исследовательские гипотезы из пяти. Не установлено наличие взаимосвязи между гендерными характеристиками респондентов и их оценками собственного будущего. Также не нашла подтверждение гипотеза о снижении степени оптимизма в отношении будущего по критерию возраста респондента.

Социальные институты и инфраструктура формируют внешние условия жизни пожилых людей (социальную среду), укрепляя их потенциал независимой и полноценной жизни. Качество этих элементов социальной среды во многом определяет социально-ролевые характеристики пожилых людей и уровень их жизнестойкости.

В исследовании выявлены различия в оценке параметров социальной среды у представителей старшего поколения, которые проживают в странах Европейского союза и в РФ. Более высокий уровень субъективной удовлетворенности жизнью, высокие оценки качества государственного управления в целом и оценки качества оказания медицинской помощи, а также оценки межличностного доверия, характерные для респондентов старше 55 лет из европейских стран, позволяют им более оптимистично относиться к собственным перспективам. Респонденты в РФ гораздо более осторожны в оценках, что объясняется не только текущим положением дел, в том числе оценками собственного состояния здоровья и качества здравоохранения, но и является следствием относительно низкого уровня межличностного доверия, а это сокращает потенциал местного сообщества в развитии институтов поддержки и во многом предопределяет относительно низкие оценки перспектив будущего.

Вместе с тем в ходе исследования выявлена тесная статистически значимая взаимосвязь между оптимизмом в отношении будущего и субъективной оценкой состояния здоровья как для респондентов из ЕС, так и респондентов в РФ. Причем в РФ вклад данного фактора в модель гораздо более значимый (0,376), чем в целом по ЕС (0,278). Оценки качества социальной инфраструктуры (удовлетворенность деятельностью правительства и оценки качества системы государственного здравоохранения в стране) в РФ и ЕС дают схожие результаты.

Оценка субъективного благополучия дополняет оценки оптимизма относительно будущего. Как и в случае ожиданий относительно будущего, наиболее значимым фактором субъективного благополучия является субъективная оценка состояния здоровья, в то время как вклад параметров качества социальных институтов и социальной инфраструктуры в данную модель гораздо скромнее. Также как и в случае оценок будущего, в оценках субъективного благополучия у респондентов из РФ, по сравнению с респондентами из ЕС, субъективная оценка состояния здоровья преобладает, при этом значимость других факторов не выше среднеевропейского уровня.

Таким образом, совокупность полученных результатов позволяет сделать вывод о необходимости развития элементов социальной инфраструктуры, в первую очередь финансируемых за счет государства, направленных на поддержание и улучшение состояния здоровья, повышение физической активности, самостоятельности и независимости пожилых людей.

Эти задачи в РФ позволит решить национальный проект «Демография» (2019–2024 гг.), в состав которого включены пять федеральных проектов, один из которых непосредственно связан с развитием потенциала пожилых людей (проект «Старшее поколение»), а два других направлены на укрепление основ активной и полноценной жизни, в том числе пожилых

людей (проекты «Укрепление общественного здоровья», «Спорт – норма жизни»). В части федерального проекта «Старшее поколение», до 1 декабря 2019 г. во всех регионах РФ должны быть разработаны региональные программы по увеличению периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни. В период действия проекта во всех субъектах РФ должны быть созданы гериатрические центры, более 70% лиц старше трудоспособного возраста должны быть охвачены мероприятиями в сфере профилактических медицинских осмотров, проведены дополнительные медицинские скрининги лиц, проживающих в сельской местности, запланирован и ряд других инициатив, в том числе в области стимулирования трудовой активности. В регионах Сибирского федерального округа, в том числе в Томской области, уже реализуются отдельные инициативы в рамках национального проекта «Демография». Результаты реализации национального проекта «Демография» позволят в будущем дать количественную оценку динамики основных параметров благополучия и качества жизни пожилых людей, в том числе в части ожиданий относительно будущего и субъективной удовлетворенности жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables. Working Paper No. 2017. ESA/P/WP/248. URL: https://esa.un.org/unpd/wpp/publications/files/wpp2017_keyfindings.pdf (дата обращения: 28.02.2019).
2. Morrow-Howell N., Hinterlong J., Sherraden M. Productive aging: Concepts and challenges. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2001.
3. Global Age Watch Index 2014: Insight report «Ageing in the 21st century: a celebration and a challenge». 2004. URL: http://www.helpage.org/global-agewatch/reports/ageing-in-the- 21st-century-a-celebrationand-a-challenge/ (дата обращения: 22.02.2019).
4. Zaid A., Gasior K., Hofmarcher M.M., Lelkes O., Marin B., Rodrigues R., Schmidt A., Vanhuysse P., Zolyomi E. Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology, and Final Results. Research Memorandum / Methodology Report, European Centre Vienna, March 2013. 2013. URL: www.euro.centre.org/data/ aai/1253897823_70974.pdf (дата обращения: 22.02.2019).
5. UNECE. 'Active Ageing and Quality of Life In Old Age', Report prepared by Clemens TeschRoemer of German Centre of Gerontology, ECE/ WG.1/16, United Nations Economic Commission for Europe, Geneva. 2012. URL: http://www. unece.org/index.php?id=30027 (дата обращения: 01.02.2019).
6. Walker A., Zaidi A. Strategies of Active Ageing in Europe // The Future of Ageing in Europe / eds A. Walker. Singapore : Palgrave Macmillan, 2019.
7. Zaidi A., Harper S., Howse K., Lamura G., Perek-Białas J. Building Evidence for Active Ageing Policies: Active Ageing Index and Its Potential. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2018.
8. Суслова Т.Ф., Жучкова С.М. Исследование удовлетворенности жизнью и смысложизненных ориентаций в пожилом и старческом возрасте // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5, № 3. С. 78–90.
9. Deeg D.J.H., Boertje M.L., Galenkamp H. Healthy Life Years and Social Engagement // The Future of Ageing in Europe / eds. A. Walker. Singapore : Palgrave Macmillan, 2018.
10. Parker M.G., Thorslund M. Health Trends in the Elderly Population: Getting Better and Getting Worse // The Gerontologist. 2007. Vol. 47 (2). P. 150–158.
11. Rodrigues R., Huber M., Lamura G. Facts and Figures on Healthy Ageing and Long-Term Care. Vienna : European Centre for Social Welfare Policy and Research, 2012. URL: https://www.euro.centre.org/publications/detail/403 (дата обращения: 22.02.2019).
12. Nyqvist F., Nygård M., Jakobsson G. Social participation, interpersonal trust, and health: A study of 65- and 75-year-olds in western Finland // Scandinavian Journal of Public Health. 2012. Vol. 40, is. 5. P. 431–438. DOI: 10.1177/1403494812453887.
13. Paúl C., Ayis S., Ebrahim S. Disability and Psychosocial Outcomes in Old Age // Journal of Aging and Health. 2007. Vol. 19, is. 5. P. 723–741. DOI: 10.1177/0898264307304301.
14. Ferguson S.J., Goodwin A.D. Optimism and Well-Being in Older Adults: The Mediating Role of Social Support and Perceived Control // The International Journal of Aging and Human Development. 2010. Vol. 71, is. 1. P. 43–68. DOI: 10.2190/AG.71.1.c.
15. Самарина М.Н., Куликова Н.А. Организация клубов общения для граждан пожилого возраста в контексте реализации модели активной старости // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. DOI: 10.17223/15617793/385/9.
16. Clark A.K., Eisenstein M.A. Interpersonal trust: An age-period-cohort analysis revisited // Social Science Research. 2013. Vol. 42, is. 2. P. 361–375.
17. Nyqvist F., Forsman A.K., Giuntoli G., Cattan M. Social capital as a resource for mental well-being in older people: A systematic review // Aging & Mental Health. 2013. Vol. 17, is. 4. P. 394–410. DOI: 10.1080/13607863.2012.742490.
18. Hudson J. Institutional Trust and Subjective Well‐Being across the EU // Kyklos. 2006. Vol. 59, is. 1. P. 43–62. DOI: 10.1111/j.1467-6435.2006.00319.x
19. European Social Survey. 2016. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/ (дата обращения: 08.02.2019).
20. Lennings C.J. Optimism, Satisfaction and Time Perspective in the Elderly // The International Journal of Aging and Human Development. 2000. Vol. 51, is. 3. P. 167–181.
21. Дементьев В.Е. Доверие – фактор функционирования и развития современной рыночной экономики // Российский экономический журнал. 2004. № 8. С. 46–65.
22. Griva F., Tseferidi Sl., Anagnostopoulos F. Time and get healthy: associations of time perspective with perceived health status and health behaviors // Psychology, Health and Medicine. 2015. Vol. 20, is. 1. P. 25–33.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 20 мая 2019 г.

An Analysis of Factors Affecting Future Perspectives and Life Satisfaction of Older Adults in Russia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 105–115.
DOI: 10.17223/15617793/447/13

Elena A. Frolova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: frolova_ea@mail.tsu.ru
Veronika A. Malanina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: milanskaya@mail.ru

Keywords: ageing; active ageing; older adults; subjective wellbeing; optimism in future perspectives; life satisfaction.

This article aims to identify the connection between interpersonal trust, satisfaction with the quality of medical services, satisfaction with government activities, perceived health status and the future perspectives and subjective life satisfaction of older adults in

Russia. The quality of life is prevalently assessed via objective indicators, but the growing body of research currently attempts to address subjective personal attitudes of older adults towards factors contributing to their wellbeing. The data was obtained through Round Six of the European Social Survey (ESS-2012), embracing subjective assessments for personal and socio-demographic variables among national representative samples of European countries and Russia. The methods used to test the research hypothesis include descriptive statistics of the sample, correlation matrices, paired and multiple regression analysis. The study shows that older adults in Russia are 10 percentage points less optimistic about the future than in Europe, while the gender balance is reverse to the European as Russia's women are more optimistic compared to men. The mean interpersonal trust among Russian older adults reaches 4.3 on a 10-point scale, which is slightly lower than in EU (4.85 points). The mean satisfaction with the quality of medical services is predictably lower in Russia, 3.15 on a 10 point scale (vs 5.11 points in the EU). The strongest correlation was revealed between health and optimism about the future. Thus, older adults with a higher perceived health status tend to be more optimistic about the future and more satisfied with life. The regression analysis results showed that the perceived health status along with the quality of medical services as explanatory variables affect older adults' life satisfaction the most. Satisfaction with the government activities and interpersonal trust are also statistically significant for subjective life satisfaction of older adults in Russia. Gender and age proved to be statistically insignificant for optimism about the future among Russian older adults. Though the analysis of several subjective quality-of-life indicators for Russian older adults provided no counterintuitive results, they still need to be continuously confirmed by longitudinal survey data. The study confirmed the hypothesis that subjective health and the level of interpersonal trust determine the life satisfaction of older adults and their attitudes towards future.

REFERENCES

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. (2017) *World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Table*s. Working Paper No. 2017. ESA/P/WP/248. [Online] Available from: https://esa.un.org/unpd/wpp/ publications/files/wpp2017_keyfindings.pdf. (Accessed: 28.02.2019).
2. Morrow-Howell, N., Hinterlong, J. & Sherraden, M. (2001) *Productive aging: Concepts and challenges*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
3. Helpage.org. (2014) *Global Age Watch Index 2014: Insight report "Ageing in the 21st century: a celebration and a challenge"*. [Online] Available from: http://www.helpage.org/global-agewatch/reports/ageing-in-the-21st-century-a-celebrationand-a-challenge/. (Accessed: 22.02.2019).
4. Zaid, A. et al. (2013) *Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology, and Final Results. Research Memorandum.* Methodology Report, European Centre Vienna. [Online] Available from: www.euro.centre.org/data/ aai/1253897823_70974.pdf. (Accessed: 22.02.2019).
5. UNECE. (2012) *'Active Ageing and Quality of Life In Old Age'*, Report prepared by Clemens Tesch-Roemer of German Centre of Gerontology. [Online] Available from: http://www.unece.org/index.php?id=30027. (Accessed: 01.02.2019).
6. Walker, A. & Zaidi, A. (2019) Strategies of Active Ageing in Europe. In: Walker, A. (ed.) *The Future of Ageing in Europe.* Singapore: Palgrave Macmillan.
7. Zaidi, A. et al. (2018) *Building Evidence for Active Ageing Policies: Active Ageing Index and Its Potentia*l. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
8. Suslova, T.F. & Zhuchkova, S.M. (2014) Suslova T.F., Zhuchkova S.M. Research on Life Satisfaction and Life Orientations in Late Adulthood. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 5 (3). pp. 78–90. (In Russian).
9. Deeg, D.J.H., Boertje, M.L. & Galenkamp, H. (2018) Healthy Life Years and Social Engagement. In: Walker, A. (ed.) *The Future of Ageing in Europe.* Singapore: Palgrave Macmillan.
10. Parker, M.G. & Thorslund, M. (2007) Health Trends in the Elderly Population: Getting Better and Getting Worse. *The Gerontologist.* 47 (2). pp. 150–158.
11. Rodrigues, R., Huber, M. & Lamura, G. (2012) *Facts and Figures on Healthy Ageing and Long-Term Care*. Vienna: European Centre for Social Welfare Policy and Research. [Online] Available from: https://www.euro.centre.org/publications/detail/403. (Accessed: 22.02.2019).
12. Nyqvist, F., Nygård, M. & Jakobsson, G. (2012) Social participation, interpersonal trust, and health: A study of 65- and 75-year-olds in western Finland. *Scandinavian Journal of Public Health*. 40 (5). pp. 431–438. DOI: 10.1177/1403494812453887.
13. Paúl, C., Ayis. S. & Ebrahim, S. (2007) Disability and Psychosocial Outcomes in Old Age. *Journal of Aging and Health.* 19 (5). pp. 723–741. DOI: 10.1177/0898264307304301.
14. Ferguson, S.J. & Goodwin, A.D. (2010) Optimism and Well-Being in Older Adults: The Mediating Role of Social Support and Perceived Control. *The International Journal of Aging and Human Development*. 71 (1). pp. 43–68. DOI: 10.2190/AG.71.1.c
15. Kulikova, N.A. & Samarina, M.N. (2014) Organization of communication clubs for the elderly in the context of realization of the model of active ageing. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 385. pp. 57–61. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/385/9.
16. Clark, A.K. & Eisenstein, M.A. (2013) Interpersonal trust: An age-period-cohort analysis revisited. *Social Science Research*. 42 (2). pp. 361–375.
17. Nyqvist, F., Forsman, A.K., Giuntoli, G. & Cattan, M. (2013) Social capital as a resource for mental well-being in older people: A systematic review. *Aging & Mental Health*. 17 (4). pp. 394–410. DOI: 10.1080/13607863.2012.742490
18. Hudson, J. (2006) Institutional Trust and Subjective Well- Being across the EU. *Kyklos*. 59 (1). pp. 43–62. DOI: 10.1111/j.1467-6435.2006.00319.x
19. *European Social Survey*. (2016). [Online] Available from: http://www.europeansocialsurvey.org/. (Accessed: 08.02.2019).
20. Lennings, C.J. (2000) Optimism, Satisfaction and Time Perspective in the Elderly. *The International Journal of Aging and Human Development*. 51 (3). pp. 167–181.
21. Dement'ev, V.E. (2004) Doverie – faktor funktsionirovaniya i razvitiya sovremennoy rynochnoy ekonomiki [Trust as a factor in the functioning and development of a modern market economy]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*. 8. pp. 46–65.
22. Griva, F., Tseferidi, Sl. & Anagnostopoulos, F. (2015) Time and get healthy: associations of time perspective with perceived health status and health behaviors. *Psychology, Health and Medicine*. 20 (1). pp. 25–33.

Received: 20 May 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 116–121. DOI: 10.17223/15617793/447/14

ИСТОРИЯ

УДК 94(4)

Д.В. Алексеев

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И СЕВЕРНАЯ АФРИКА: ПОИСКИ ПУТЕЙ К СТАБИЛЬНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Исследуется процесс развития различных форматов сотрудничества стран Средиземноморья, направленный на преодоление экономического дисбаланса и достижение стабильности. Анализируются основные угрозы в регионе, среди которых выделены нелегальная иммиграция и рост исламского терроризма в сочетании с растущим религиозным обострением. Особое внимание уделяется инициативам Европейского союза по расширению программ инвестирования в развитие Северной Африки для обеспечения безопасности и процветания.

Ключевые слова: Средиземноморье; Европейский союз; безопасность; иммиграция; терроризм; Барселонский процесс; Союз для Средиземноморья; Диалог 5+5.

Средиземноморье – это область с высоким стратегическим значением, и взаимоотношение стран этого региона имеет первостепенное значение для обеспечения мировой безопасности. Экономические, политические, социальные, культурные и религиозные различия между севером и югом Средиземноморского региона делают его районом с высоким риском нестабильности [1. P. 21], что обязывает Европейский союз (ЕС) направить свои усилия на достижение бóльшего баланса и избежание возможных конфликтов [2]. Кроме того, в стратегии безопасности Евросоюза от 2003 г. были определены основные проблемы ЕС в регионе [3. С. 12–15], остающиеся актуальными и в настоящее время.

Терроризм и организованная преступность. Участившиеся террористические атаки и деятельность организованной преступности, осуществляющей трафик наркотиков, оружия и людей, наряду с международным мошенничеством и легализацией средств, полученных преступным путем.

Окружающая среда. Проблема связана с нехваткой воды в связи с постепенным опустыниванием крупных районов Средиземного моря, особенно в Северной Африке. Климатические изменения, которые могут оказывать негативное влияние на экосистему и сельское хозяйство.

Региональные конфликты. Наиболее важным является конфликт между Израилем и Палестиной, но существуют и другие латентные конфликты, например между Марокко и Алжиром. С 2011 г. нестабильность в Средиземноморье связана с конфликтами, вызванными так называемой «арабской весной» [4], которые привели к массовой миграции в сторону итальянского и греческого побережий. Конфликт в этом районе может повлечь за собой ограничение свободы судоходства через Гибралтарский пролив, что, в частности, будет препятствовать поставке нефти из третьих стран (таких как Иран или Саудовская Аравия) в ЕС или приведет к прекращению поставок газа из Алжира.

Внешний долг. Страны южной части Средиземноморского бассейна имеют большой внешний долг, который не может быть погашен в краткосрочной перспективе. По данным Всемирного банка, внешний долг Марокко в 2016 г. составил 46 429 млрд долл. США [5], а ВВП – 91 648 млн евро, ВВП на душу населения – 2 598 евро [6]. Экономическое положение этих стран контрастирует с экономикой стран Средиземноморья, входящих в ЕС. Например, для Испании, несмотря на внешний долг, который в 2017 г. составлял 983 100 млрд евро [7], ВВП достигает 1 118 522 млрд евро, а ВВП на душу населения – 24 100 евро [8], т.е. разрыв слишком велик, чтобы поддерживать ситуацию сбалансированной. Кроме того, страны Северной Африки экспортируют свои товары и сырье в основном в страны ЕС, что определяет их зависимость от рынков сбыта [9. С. 152].

Демографическая ситуация: рост численности населения в Северной Африке в сочетании с дефицитом водных и экономических ресурсов означает увеличение бедности, голода и усиление политической напряженности.

Все эти проблемы заставляют ЕС содействовать диалогу и сотрудничеству в Средиземноморье, способствующему достижению стабильности в регионе.

Усиление миграционных потоков из Африки в Европу с конца 1990-х гг. до настоящего времени является одной из основных причин, по которым европейские страны заинтересованы в укреплении сотрудничества со странами южного побережья Средиземноморья. Еще нескольких десятилетий назад иммиграция была проблемой, которая затрагивала только трудовые и социальные сферы. Хотя и сейчас основной причиной миграционных движений продолжают оставаться экономические проблемы, но тем не менее нельзя не учитывать и угрозу безопасности, исходящую от террористических организаций, таких как «Аль-Каида» в исламском Магрибе и «Боко Харам» в Нигерии.

Задачи укрепления национальной и общественной безопасности ЕС потребовали не только усиления контроля за границами в Средиземноморском регионе, но и увеличения политической и дипломатической активности, позволяющей найти новые способы взаимопонимания между затрагиваемыми странами и выработки оптимальных решений.

Логика, используемая ЕС для Евро-Средиземноморского региона, основана на единстве развития и безопасности (социальной, политической и экономической) – наиболее надежном способе достиже-

ния стабильности как в странах Средиземноморской ассоциации, так и на региональном уровне. Таким образом, в основу европейской стратегии положены три концепции. Во-первых, экспорт европейской модели интеграции как гарантия стабильности для региона посредством сотрудничества в различных областях. Во-вторых, консолидация регионализма для решения проблем глобализации и развития. В-третьих, интеграция в европейскую стратегию принципов, формирующих международный порядок в области безопасности [10].

Поворотным пунктом в средиземноморских отношениях стала Барселонская конференция 1995 г. В рамках Барселонского процесса была разработана стратегия, касающаяся трех четко определенных областей: политической, экономической и социальной, с тем, чтобы углубить связи Средиземноморских стран и добиться бóльшего сотрудничества, предполагающего постепенное сокращение существующего неравенства между странами северного и южного берегов. Предлагается план MEDA – основного финансовго инструмента средиземноморского партнерства, в рамках которого ЕС будет оказывать финансовую и техническую поддержку странам в Средиземноморском бассейне, не являющимся членами ЕС, чтобы содействовать экономической и социальной реформе этих стран и способствовать созданию зоны свободной торговли [11].

На европейском уровне после Барселонской конференции было предложено несколько инициатив по возрождению партнерства в Средиземноморье, среди которых следует выделить Союз для Средиземноморья – форум для сотрудничества, учрежденный 13 июля 2008 г. во время Парижского саммита и призванный содействовать превращению Средиземноморья в зону мира, демократии, сотрудничества и процветания [12]. Союз для Средиземноморья – это организация, основная задача которой заключается в продолжении и развитии инициатив Барселонского процесса, в том числе внесении соответствующих изменений, которые позволили бы воплотить на практике принятые в нем предложения. Союз для Средиземноморья первоначально рассматривался как средиземноморский региональный форум, но впоследствии был распространен на все государства ЕС по просьбе Испании и Германии. Впервые страны Центральной и Северной Европы были привлечены к решению проблем Средиземноморья.

Помимо создания форумов и ассоциаций, ЕС также заключил двусторонние соглашения с некоторыми странами на южном побережье, в том числе с Марокко – одной из основных стран транзита и поставки мигрантов в Европу. После террористических атак в Касабланке в 2003 г. Марокко укрепило пограничный контроль и инициировало подписание соглашений с ЕС о защите. Иммиграция и терроризм выходят на первый план в повестке обеспечения безопасности в зоне Гибралтарского пролива [13. P. 99–116].

Важным этапом деятельности в этом направлении стало предоставление королевству Марокко 13 октября 2008 г. на седьмой сессии Совета ассоциации Марокко–Евросоюз статуса продвинутого членства с ЕС [14. С. 27], который способствует диалогу между обеими сторонами, содействуя поиску общих интересов для достижения соглашений в сфере безопасности, политики и экономики.

На протяжении многих лет развивались и расширялись другие форумы и ассоциации вне рамок ЕС, поощрявшиеся им, которые были направлены на налаживание диалога и определение руководящих принципов действий между странами Средиземноморья. Одним из таких форумов является так называемый «диалог 5 + 5».

Хотя идея создания пространства для представления идей, дискуссий и сотрудничества в интересах развития стран Средиземноморского бассейна была задумана еще в 1980-х гг., она не материализовалась до 1990 г., когда страны северного побережья (Испания, Франция, Италия, Мальта и Португалия) и 5 стран Союза арабского Магриба (Алжир, Ливия, Марокко, Мавритания и Тунис) учредили форум, известный как «диалог 5+5», создание которого состоялось на Конференции министров иностранных дел в Риме [15]. В последующие годы Диалог продолжал свою деятельность, поддерживая политическое соглашение и сотрудничество между его членами. С течением времени его влияние постепенно уменьшалось, пока его деятельность практически не прекратилась в конце 1990-х гг. Работа форума была возобновлена лишь в 2002 г. на конференции в Триполи, на которой были затронуты такие темы, как внешняя политика, вопросы миграции и труда, а также парламентские отношения.

В 2004 г. рамки форума были расширены за счет создания «инициативы 5 + 5», включающей в свою сферу вопросы обороны и безопасности. Инициатива ограничивается Средиземноморским бассейном и направлена на развитие многостороннего сотрудничества и расширения диалога по вопросам безопасности в целях укрепления доверия и взаимопонимания между странами-членами [16]. Эта инициатива зарекомендовала себя как очень эффективный инструмент для обслуживания интересов общей безопасности в Западном Средиземноморье. Совместные военные учения, которые проводятся ежегодно, являются хорошим доказательством развития, достигнутого в области общей безопасности в этом районе [17].

Круг тем, затрагиваемый на форуме, постепенно растет, охватывая такие вопросы, как туризм в 2006 г., транспорт в 2007 г. или образование в 2009 г. Вопросы, касающиеся окружающей среды и возобновляемых источников энергии, которые столь же важны для зоны Средиземноморья, нашли свое место в диалоге на форуме 2010 г.

В 2012 г. в столице Мальты проходил 2-й саммит стран Средиземноморья в формате «диалога 5+5». Главы стран, принимающие участие в саммите, провели консультации относительно усиления регионального сотрудничества, защиты региональной безопасности, вызовов европейского долгового кризиса и других вопросов. Премьер-министр Туниса Лоуренс Гонзи в своей речи на саммите заявил, что Европа и страны Северной Африки стоят перед лицом государственных, региональных и глобальных вызовов, и

глобальный характер мировых процессов создает взаимосвязь данных вызовов. Он отметил, что в нынешней сложной экономической обстановке страны должны развивать новые механизмы регионального сотрудничества в целях преодоления вызовов. Премьер-министр Италии Марио Монти в своей речи подчеркнул, что Италия намерена вместе со странами – участницами «диалога 5+5» поступательно строить основу для сотрудничества. Он отметил, что «диалог 5+5» может сыграть важную роль в укреплении сотрудничества европейских и арабских государств [18].

В настоящее время «диалог 5 + 5» по-прежнему активен, совещания на уровне министров продолжают проводиться ежегодно, и на них рассматриваются вопросы, представляющие общий интерес. На последнем совещании 21 января 2018 г. XIV встречи министров иностранных дел «диалога 5 + 5» по Западному Средиземноморью рассматривались проблемы, связанные с экономическим и социальным развитием, миграцией и молодежной политикой. Работа также была направлена на укрепление сотрудничества в области безопасности в условиях региональных кризисов, особенно в Ливии и Сахеле [19].

Оживление диалога между Севером и Югом, наблюдаемое в последние годы в районе Средиземноморья, отражает стремление западных стран осуществлять поддержку развития стран южного берега с тем, чтобы свести к минимуму значительные экономические, социальные различия, определяющие рост миграционных потоков в Средиземноморье. Однако иммиграция и экономические диспропорции между странами двух противоположных берегов Средиземного моря не являются единственными угрозами региональной стабильности. С начала XXI в. заметно возросли риски безопасности в связи с распространением терроризма и растущим религиозным обострением. Страны Магриба, Машрика и Европы осознают опасность этих угроз, поэтому в повестке дня встреч стран Средиземноморского региона актуальным становятся вопросы безопасности.

Так, в конце 2013 г. в Марокко состоялась II Конференция по безопасности границ, в которой страны Магриба и Сахеля вместе с многочисленными международными организациями обсудили осуществление эффективных мер по искоренению джихадистского терроризма и организованной преступности, прочно обосновавшимся на их общих границах [20. P. 14]. Расширение сотрудничества между всеми вовлеченными государствами воспринимается как единственный эффективный способ искоренения террористической угрозы и борьбы с растущим числом организованных преступных групп в регионе. С этой целью в Рабатской конференции принимали участие такие международные организации, как Международная организация по миграции и FRONTEX.

Волна иммиграции, вызванная «арабской весной» и ее последствиями, иммиграционный кризис в Европе 2015 г. выявили слабые стороны миграционной политики ЕС и несостоятельность различных моделей ассимиляции и адаптации. Традиционно проблема миграции рассматривалась и оценивалась как двусторонняя, однако события показывают, что проблема миграции стала глобальной и затрагивает все страны ЕС.

Еще в 2003 г. при разработке Стратегии европейской безопасности была предпринята первая попытка интеграции европейской политики безопасности [21. P. 28–29]. В документе «Безопасная Европа в лучшем мире» подчеркивается, что ЕС, являясь глобальным игроком на мировой арене, включает в свою политику, помимо традиционных сфер помощи развитию и торговле, и военно-политические вопросы. «Европа должна быть готова разделить ответственность за мировую безопасность и строительство лучшего мира», для достижения которого предлагается использовать миротворческий подход: установление партнерства и многосторонних институтов для осуществления долгосрочной политики по предотвращению терроризма и обеспечению стабилизации [22. С. 108].

Несмотря на ожидание углубления интеграции в политике обороны и обеспечения безопасности стран – членов ЕС, реальность показывает, что в последние годы все усилия в этом направлении не привели к ожидаемому результату. В связи с ростом террористической опасности в европейском обществе усилилось влияние расистских, ксенофобских настроений. Все эти причины привели к обновлению определяющего документа европейской стратегии безопасности. Новая Глобальная стратегия безопасности Европейского союза «Общее видение, единый подход: сильная Европа», представленная на саммите Европейского совета 28 июня 2016 г., является программным документом с точки зрения развития интеграционных процессов во внешней политике и политике безопасности ЕС. В документе подчеркивается, что в качестве основных элементов европейской безопасности применительно и к ЕС, и к странам за его пределами остаются независимость и территориальная целостность государств, нерушимость границ и мирное разрешение споров. Но в отличие от прежней Стратегии, направленной на укрепление региональной и международной безопасности через миротворчество, новая Стратегия, декларируя «общие интересы и принципы», устанавливает приоритетность гарантий безопасности, прежде всего, для граждан и территории Евросоюза.

Вместе с тем в Стратегии отмечается, что ЕС и впредь будет продолжать свою деятельность по предотвращению и разрешению конфликтов, особенно в регионе соседства, с целью минимизации угроз собственным гражданам. Иными словами, вместо Политики соседства, основное внимание ЕС будет отныне сосредоточено на повышении «устойчивости» и применении «принципиального прагматизма» в отношениях с третьими странами [23. С. 4].

В Стратегии особое внимание уделяется региону Средиземноморья, части Африки к югу от Сахары и отмечается, что разрешение конфликтов и содействие развитию и соблюдение прав человека на Юге имеют важное значение для устранения угрозы терроризма, демографических проблем, миграции и изменения климата, а также для использования возможностей совместного процветания. ЕС будет активизировать

свою поддержку, направленную на углубление сотрудничества, а также расширять форматы сотрудничества с региональными и субрегиональными организациями в Африке. При этом отмечается, что деятельность региональных организации не в полной мере отражает сложившуюся динамику и требует восполнения пробелов. В этой связи деятельность ЕС также будет направлена на оказание помощи региональным организациям с целью достижения конкретных результатов за счет активизации двусторонних и многосторонних связей и установления партнерства. ЕС в Магрибе будет поддерживать многостороннее сотрудничество, в том числе через Союз для Средиземноморья, по таким вопросам, как безопасность границ, нелегальный трафик, борьба с терроризмом, доступ к воде и продовольственная безопасность, энергетика и изменение климата, инфраструктура и ликвидация последствий стихийных бедствий.

ЕС будет инвестировать развитие экономики и стимулировать рост занятости в Африке для обеспечения собственной безопасности и процветания. Соглашения об экономическом партнерстве могут способствовать интеграции и мобильности в Африке и поощрять их полное и равноправное участие в глобальных производственных системах. Для поддержки устойчивого развития необходим количественный скачок в европейских инвестициях в Африке. ЕС планирует установить более тесные связи за счет своей политики в области торговли, развития и безопасности в Африке, а также направить свои усилия на развитие таких сфер, как миграция, здравоохранение, образование, энергетика и климат, наука и техника, в целях повышения продовольственной безопасности. ЕС будет продолжать поддерживать усилия по обеспечению мира и безопасности в Африке и содействовать работе африканских организаций в таких областях, как предотвращение конфликтов, борьба с терроризмом и организованной преступностью, миграция и контроль над границами. Реализация этих мер будет осуществляться через дипломатию, общую политику в области безопасности, обороны и развития, а также с помощью целевых фондов для поддержки региональных стратегий [24. P. 27–28].

Средиземноморье – это приоритетная геостратегическая зона, где угрозы безопасности многочисленны, как и инициативы, созданные для их решения. Некоторые из этих инициатив со временем уменьшают свое влияние, но интерес к поддержанию и развитию сотрудничества в этом районе постоянно растет за счет внедрения новых инициатив или возобновления предыдущих. Нелегальная иммиграция, рост исламского терроризма в сочетании с растущим религиозным обострением являются основными угрозами в Средиземноморье, преодолеть которые возможно только совместными усилиями всех стран региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kepel G. Fronteras políticas y religiosas en el Mediterráneo // Tribuna Mediterránea. 2005. № 5. P. 17–28.
2. Gonzáles N.A. La Comunidad Europea, el Magreb y España. Madrid ; Incipe, 2006. URL: http://www.incipe.org/ensayo44.htm.
3. Европейская стратегия безопасности: Безопасная Европа в лучшем мире / Совет Европейского союза. Люксембург : Бюро официальных публикаций Европейских Сообществ, 2009. 43 с. URL: http://docplayer.ru/26336404-Evropeyskaya-strategiya-bezopasnosti-bezopasnaya-evropa-v-luchshem-mire.html
4. Laborie Iglesias M. Implicaciones regionales de las revueltas árabes. IEEE, Documento Análisis, 27/2013. 19 p. URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_analisis/2013/DIEEEA27-2013_ImplicacionesRegionalesRevueltasArabes_MLI.pdf
5. Deuda externa acumulada, total (DOD, US$ a precios actuales). URL: https://datos.bancomundial.org/indicador/DT.DOD.DECT.CD?locations=MA
6. Comparar economía países: Marruecos vs España. URL: https://www.datosmacro.com/paises/comparar/marruecos/espana
7. Sánchez C. La deuda exterior de España sigue creciendo y vuelve a representar el 87% del PIB // El confidencial. 26.09.2017. URL: https://www.elconfidencial.com/economia/2017-09-26/deuda-externa-espana-pib-bce-pasivos-activos-ahorro-balanza-de-pagos-deficit-superavit-posicion-de-inversion-internacional_1449482/
8. PIB de España – Producto Interior Bruto. URL: https://www.datosmacro.com/pib/espana
9. Фитуни Л.Л. Африка в современной мировой системе товарной торговли // Экономическая глобализация и проблемы национальной и международной безопасности. 2013. № 5. С. 148–154. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/afrika-v-sovremennoy-mirovoy-sistemetovarnoy-torgovli
10. González del Miño P. La Asociación Euromediterránea Un modelo de integración regional – abierto, híbrido y asimétrico. Congreso internacional “The EU as a global player”, 7 y 8 abril 2011.
11. Barcelona declaration adopted at the Euro-Mediterranean Conference – 27–28/11/95. URL: http://www.eeas.europa.eu/archives/docs/euromed/docs/bd_en.pdf
12. Joint Declaration of the Paris Summit for the Mediterranean Paris, 13 July 2008. URL: https://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/policy/paris_declaration.pdf
13. Abbas T. Islamic Political Radicalism: A European Perspective. Edinburgh : Edinburgh UniversityPress, 2007. 306 p.
14. Конкин К.С. Марокко и Евросоюз: новый уровень взаимоотношений // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2011. № 1. С. 20–31. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/marokko-i-evrosoyuz-novyy-uroven-vzaimootnosheniy
15. Other processes: 5+5 Dialogue and the Mediterranean Forum. URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/en/PoliticaExterior Cooperacion/Mediterraneo/Paginas/OtrosProcesos.aspx
16. Romeo Núñez M.A. Iniciativa 5+5. Seguridad mediterránea: seguridad compartida. Documento Marco. IEEE, julio de 2012. 29 p. URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_marco/2012/DIEEEM07-2012_5x5_SegMed_RomeoNunez.pdf
17. Todos juntos contra el yihadismo España cede a Túnez el testigo de la presidencia de la Iniciativa 5+5 Defensa // Revista Española de Defensa. Enero 2015. URL: http://www.defensa.gob.es/Galerias/gabinete/red/2015/red-313-cinco-mas-cinco.pdf
18. 2-й саммит стран Средиземноморья в формате «диалога 5+5» проходит на Мальте. URL: http://russian.people.com.cn/31520/7967937.html
19. Mediterráneo Occidental – Diálogo 5+5. Reunión de los ministros de Asuntos Exteriores, Argel, 21 de enero de 2018. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/es/fichas-de-paises/norte-de-africa/article/mediterraneo-occidental-dialogo-5-5-reunion-de-los-ministros-de-asuntos
20. Díez Alcalde J. II Conferencia regional sobre seguridad de fronteras: por la estabilidad del Magreb y del Sahel. IEEE, Documento Análisis, 64/2013, 19 p. URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_analisis/2013/DIEEEA64-2013_ConferenciaSeguridadFronteras.JDA.pdf
21. Orozco Torres L.E. La nueva política europea de vecindad: De la paneuropa a la paraeuropa? Sevilla : Universidad de Sevilla, 2006. 147 p.

22. Бископ С. Основы обновленной Европейской стратегии безопасности // Вестник международных организаций. 2009. № 2 (24) С. 105–120. URL: https://iorj.hse.ru/data/2011/01/21/1208902255/European_Security.pdf
23. Глобальная стратегия безопасности ЕС 2016. Аналитический доклад / под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М. : ИМЭМО РАН, 2017. 33 с. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2017/2017_013.pdf
24. Una visión común, una actuación conjunta: una Europa más fuerte. Estrategia global para la política exterior y de seguridad de la Unión Europea, 2016. 41 p. URL: https://europa.eu/globalstrategy/sites/globalstrategy/files/eugs_es_version.pdf

Статья представлена научной редакцией «История» 22 мая 2019 г.

The European Union and Northern Africa: Finding Ways for Stability and Cooperation in the Mediterranean

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 116–121.
DOI: 10.17223/15617793/447/14

Dmitry V. Alekseev, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: dmitry-vl-alekseev@yandex.ru

Keywords: Mediterranean; European Union; security; immigration; terrorism; Barcelona Process; Union for the Mediterranean; 5+5 Dialogue.

The aim of the article is to analyse the evolution of developing cooperation in the Mediterranean and initiatives of the EU and the other countries of the region to overcome the imbalance, achieve stability and avoid possible conflicts. Attention is paid to the identification of the main problems and challenges for the EU, the proposed measures to resolve them are analyzed, and the results achieved by these projects are discussed. Research methods include a comparative historical method, statistical and structural analysis. The article is based on the documents of the forums, conferences and summits of the countries of the region and the EU, the World Bank data and the publications of foreign and Russian researchers on this topic. In the study, the milestones and forms of cooperation were considered; their turning point was the Barcelona Euro-Mediterranean Conference of 1995, which proposed a strategy in the political, economic and social fields to strengthen the relations and cooperation between the European countries and the countries in the Mashriq and Maghreb regions with a view to reduce existing inequalities. Another important initiative to renew partnership in the Mediterranean was the Union for the Mediterranean launched in 2008. Its main goal was to contribute to the transformation of the Mediterranean into a zone of peace, democracy, cooperation and prosperity. The increased security risks associated with the spread of terrorism and the growing religious tension triggered the convening of the Second Regional Ministerial Conference on Border Security in Rabat in 2013. At the conference, the implementation of effective measures to eradicate jihadist terrorism and organized crime in the region was discussed. The events during and after the Arab Spring indicate the growing tensions in the Mediterranean and affect radically the security strategies of all countries in the region in an attempt to understand and respond to the new political and social models emerging in the Arab countries. Based on the analysis of the documents, it can be concluded that despite the expectation of a deeper integration in the defense and security policy of the EU member states, the reality shows that in recent years all efforts in this direction have not led to the expected result. Due to the growing terrorist threat in European society, the influence of racist, xenophobic sentiments has increased. For all these reasons, the key document of the European security strategy was updated and the priority was established to guarantee the safety primarily for the citizens and the territory of the EU. It is concluded that illegal immigration, the growth of Islamic terrorism accompanied by religious exacerbation are the main threats in the Mediterranean, which can be overcome only by joint efforts of all countries of the region; therefore, interest in maintaining and developing cooperation in this area continues unabated.

REFERENCES

1. Kepel, G. (2005) Fronteras políticas y religiosas en el Mediterráneo *Tribuna Mediterránea.* 5. pp. 17–28.
2. Gonzáles, N.A. (2006) *La Comunidad Europea, el Magreb y España*. Madrid: Incipe. [Online] Available from: http://www.incipe.org/ensayo44.htm.
3. EU. (2009) Evropeyskaya strategiya bezopasnosti: Bezopasnaya Evropa v luchshem mire [A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy]. Luxembourg: European Union External Action Service. [Online] Available from: http://docplayer.ru/26336404-Evropeyskaya-strategiya-bezopasnosti-bezopasnaya-evropa-v-luchshem-mire.html.
4. Laborie Iglesias, I.M. (2013) Implicaciones regionales de las revueltas árabes. *Documento Análisis.* 27. 19 p. [Online] Available from: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_analisis/2013/DIEEEA27-2013_ImplicacionesRegionalesRevueltasArabes_MLI.pdf.
5. World Bank. (2018) *Deuda externa acumulada, total (DOD, US$ a precios actuales).* [Online] Available from: https://datos.bancomundial.org/indicador/DT.DOD. DECT.CD?locations=MA.
6. Datosmacro.com. (2018) *Comparar economía países: Marruecos vs España*. [Online] Available from: https://www.datosmacro.com/paises/comparar/marruecos/espana.
7. Sánchez, C. (2017) La deuda exterior de España sigue creciendo y vuelve a representar el 87% del PIB. *El confidencial*. 26 September. [Online] Available from: https://www.elconfidencial.com/economia/2017-09-26/deuda-externa-espana-pib-bce-pasivos-activos-ahorro-balanza-de-pagos-deficit-superavit-posicion-de-inversion-internacional_1449482/.
8. Datosmacro.com. (2019) *PIB de España – Producto Interior Bruto*. [Online] Available from: https://www.datosmacro.com/pib/espana.
9. Fituni, L.L. (2013) Africa in the Contemporary International System of Trade in Good (Russia, Moscow). *Ekonomicheskaya globalizatsiya i problemy natsional'noy i mezhdunarodnoy bezopasnosti.* 5. pp. 148–154. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/afrika-v-sovremennoy-mirovoy-sisteme-tovarnoy-torgovli.
10. González del Miño, P. (2011) La Asociación Euromediterránea. Un modelo de integración regional –abierto, híbrido y asimétrico. In: Boening, A.B. et al. *The EU as a global player*. Madrid: CEU Ediciones.
11. EEAS. (1995) *Barcelona declaration adopted at the Euro-Mediterranean Conference – 27–28/11/95*. [Online] Available from: http://www.eeas.europa.eu/archives/docs/euromed/ docs/bd_en.pdf.
12. EC. (2008) *Joint Declaration of the Paris Summit for the Mediterranean Paris, 13 July 2008*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/policy/paris_declaration.pdf.
13. Abbas, T. (2007) *Islamic Political Radicalism: A European Perspective.* Edinburgh: Edinburgh UniversityPress.
14. Konkin, K.S. (2011) Morocco and European Union: New Level of the Relationship. *Vestnik RUDN. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya – RUDN Journal of International Relations*. 1. pp. 20–31. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/marokko-i-evrosoyuz-novyy-uroven-vzaimootnosheniy. (In Russian).

15. Government of Spain. (2012) *Other processes: 5+5 Dialogue and the Mediterranean Forum*. [Online] Available from: http://www.exteriores.gob.es/Portal/en/PoliticaExterior Coopera-cion/Mediterraneo/Paginas/OtrosProcesos.aspx.
16. Romeo Núñez, M.A. (2012) Iniciativa 5+5. Seguridad mediterránea: seguridad compartida. *Documento Marco*. 7. [Online] Available from: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_marco/2012/DIEEEM07-2012_5x5_SegMed_RomeoNunez.pdf.
17. *Revista Española de Defensa.* (2015) Todos juntos contra el yihadismo España cede a Túnez el testigo de la presidencia de la Iniciativa 5+5 Defensa. [Online] Available from: http://www.defensa.gob.es/Galerias/gabinete/red/2015/red-313-cinco-mas-cinco.pdf.
18. Russian.people.com.cn. (2012) *2-y sammit stran Sredizemnomor'ya v formate "dialoga 5+5" prokhodit na Mal'te* [The 2nd Summit of the Mediterranean countries in the format of the 5+5 Dialogue is being held in Malta]. [Online] Available from: http://russian.people.com.cn/31520/7967937.html.
19. Diplomatie.gouv.fr. (2018) *Mediterráneo Occidental – Diálogo 5+5. Reunión de los ministros de Asuntos Exteriores*, Argel, 21 de enero de 2018. [Online] Available from: https://www.diplomatie.gouv.fr/es/fichas-de-paises/norte-de-africa/article/mediterraneo-occidental-dialogo-5-5-reunion-de-los-ministros-de-asuntos.
20. Díez Alcalde, J. (2013) II Conferencia regional sobre seguridad de fronteras: por la estabilidad del Magreb y del Sahel. *Documento Análisis.* 64. [Online] Available from: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_analisis/2013/DIEEEA64-2013_ConferenciaSeguridadFronteras.JDA.pdf.
21. Orozco Torres, L.E. (2006) *La nueva política europea de vecindad: De la paneuropa a la paraeuropa?* Sevilla: Universidad de Sevilla.
22. Biscop, S. (2009) European Security Strategy Revisited. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – International Organizations Research Journal*. 2 (24) pp. 105–120. [Online] Available from: https://iorj.hse.ru/data/2011/01/21/1208902255/European_Security.pdf. (In Russian).
23. Arbatova, N.K. & Kokeev, A.M. (eds) (2017) *Global'naya strategiya bezopasnosti ES 2016. Analiticheskiy doklad* [The global security strategy of the EU 2016. Analytical report]. Moscow: IMEMO RAN. [Online] Available from: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2017/2017_013.pdf.
24. EU. (2016) *Una visión común, una actuación conjunta: una Europa más fuerte. Estrategia global para la política exterior y de seguridad de la Unión Europea*. [Online] Available from: https://europa.eu/globalstrategy/sites/globalstrategy/files/eugs_es_version.pdf.

Received: 22 May 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 122–131. DOI: 10.17223/15617793/447/15

УДК 323.2:316.4.063.3

М.В. Белозёрова

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОЧИНСКОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX вв.

Проанализированы социокультурная и экономическая составляющие интеграционных процессов в среде автохтонных (субэтносов черкесов / адыгов) и переселенческих групп населения Причерноморья в инфраструктуру России во второй половине XIX – первой трети XX в. Методологически статья опирается на историко-генетический метод (компаративный анализ по хронологическим срезам). На основе воспоминаний современников и вводимых в исторический оборот архивных данных сделаны выводы о преемственности интеграционных процессов. Выявлена специфика этих процессов в 1920–1930-е гг., проявившаяся в формировании этноконтактной зоны, выстраивании в местах компактного проживания русских и этнических меньшинств иерархически соподчиненной системы управления, корреляции курса «коренизации» и раскрытии рекреационного потенциала региона.

Ключевые слова: интеграция; коренизация; черкесы / адыги; шапсуги; миграция; Сочинское Причерноморье; межэтническое взаимодействие.

Изучение интеграционных процессов XIX–XX столетий в Причерноморье в силу ряда причин попрежнему являются одной из актуальных тем в современных исторических исследованиях. Прежде всего, это вызвано тем, что данный период в политическом, экономическом, культурном развитии России характеризовался присоединением к империи ряда территорий. В этот процесс включался Северный и Западный Кавказ, что повлекло интеграцию народов, населявших их, в структуру российского общества. Современная этнополитическая ситуация в Западно-Кавказском регионе характеризуется стремлением ряда общественных и научных деятелей политизировать итоги Русско-Кавказской войны XIX в. и последовавшие за нею интеграционные процессы. По мнению политолога В. Новикова, в постсоветском пространстве в поисках своей идентичности Русско-Кавказская война для многих народов стала «…ближайшим историческим событием, от которого они начинают отстраивать свое место и роль…» [1] как в прошлом, так и в современном мире. Русско-Кавказская война, ее окончание и последствия положили начало формированию этнической идентичности и консолидационным процессам у многих кавказских народов. У некоторых этносов они так и не были завершены, например, у автохтонных народов Причерноморья. Они были прерваны движением мухаджирства – переселением в Турцию. В результате в российском Причерноморье остались небольшие этнические группы как коренные малочисленные народы (шапсуги) [2]. Этническая консолидация, и особенно ее незавершенность, поиск своей идентичности, также актуализирует данную проблематику.

В историографии утвердилось мнение, что понятие «интеграция», как и процесс интеграции, появилось в политическом лексиконе в 1920-х гг. В исследовательскую практику они впервые были введены немецкими учеными Р. Шмедом, Х. Кельзеном и Д. Шиндлером. До этого понятие «интеграция» (integratio – лат.) как процесс соединения частей в целое, некую целостность, структуру применялось в естественных науках. Ввод его в сферу анализа общественных отношений подразумевал процесс объединения людей и государств в некую социально-политическую общность [3]. Впоследствии термин был перенесен в политическую, экономическую, культурную составляющие жизни общества. В настоящее время широко применяются понятия «политическая интеграция», «социальная интеграция», «экономическая интеграция», «культурная интеграция» и др. То есть проблема интеграции приняла полидисциплинарный (мультидисциплинарный) характер. При этом каждая дисциплина дает свою интерпретацию данной дефиниции. В силу мультидисциплинарности понятия «интеграция» и интеграционных процессов (трансформация социокультурного пространства, миграционные процессы и др.) сегодня к их рассмотрению исследователи подходят комплексно. Интеграция понимается как полиаспектный, многоуровневый процесс, включающий социокультурные, экономические, идеологические, политические, демографические аспекты.

Если рассматривать интеграционные процессы отдельных этносов в структуру российского / советского государства в XIX – первой трети XX в., то их можно характеризовать углублением культурного и этнического взаимодействия (между этносами при сохранении самобытности), формированием различного типа связей (экономических, социальных, культурных) между субъектами, и в итоге формированием гомогенного пространства в соответствии с нормами / стандартами государства.

Их участниками в XIX в. (после окончания Русско-Кавказской войны) и в первой трети XX в. стало и население Причерноморья. Включение региона в состав России, последовавшие затем демографические изменения, складывание полиэтничного по составу населения послужили началом процесса, в историографии получившего название «социоинтегративного» [4].

В историографии Западного Кавказа, при рассмотрении интеграционных процессов в Причерноморье [5. С. 139–141], прослеживается ряд тенденций. Основное внимание исследователей сосредоточено на традиционных для региональной историографии вопросах этнической истории и этнического самосознания черкесов / адыгов, на ходе и итогах Русско-Кавказской войны, процессе мухаджирства, критике и

попытках переоценки взглядов советских исследователей на процессы, протекавшие в среде черкесских народов. Региональная историография в основном охватывает XIX столетие, углубляя хронологические рамки до XVII в. Сужение хронологических рамок до второй половины XIX в. во многом связывается с «переломным периодом» в истории черкесского / адыгского народа. Ход Русско-Кавказской войны и ее политические последствия рассматриваются большинством исследователей как детерминирующие факторы кардинальных изменений в исторических судьбах населяющих этот район народов. Если в советский период исследования социальных и экономических процессов в историографии Западного Кавказа базировались на основе марксистско-ленинской методологии, то с конца 1980-х гг. – на попытках пересмотра сформированных концепций с позиций «цивилизационного» подхода. В предлагаемом контексте исследования советских историков рассматриваются в качестве тупиковых попыток «…подогнать самобытные отношения у горских народов Кавказа под стереотипы и штампы, выработанные на основе изучения явлений западноевропейской и российской истории…». Предпринимаются попытки рассмотреть историческое развитие Кавказа как «цивилизационной целостности», разрушенной вмешательством Российской империи и впоследствии национальной политикой СССР. Интеграционные процессы в Причерноморье рассматриваются как «военная колонизация» региона и связываются с «заселением казачьими станицами» бывших адыгских поселений [6. С. 44].

Подобная позиция в еще большей степени актуализирует необходимость исследования интеграции как автохтонного населения, оставшегося в Причерноморье, так и переселенцев в этот регион на основе первоисточников – архивных документов, аналитических работ и воспоминаний участников этих событий.

Черноморское побережье попало в сферу интересов России в ходе Русско-Кавказской войны XIX в. Проживавшее там население (шапсуги, убыхи, натухайцы, абадзехи и др.) принадлежало к субэтносам черкесов / адыгов. Их система традиционного расселения, плотность населения, типы поселений и жилищ, хозяйственная занятость были обусловлены высотной зональностью и орографическим строением и были универсальны для горных районов [7. С. 30, 51–52, 53, 59; 8; 9]. Поселения локализовались в прибрежной, предгорной и среднегорной зонах. Высокогорные и альпийские зоны использовались сезонно как летние пастбища. Особое место в отраслевой структуре автохтонных народов занимало земледелие (подотрасли: огородничество и садоводство) с существовавшей практикой ограниченной распашки прирусловых террас. Высевали кукурузу, пшено, пшеницу, просо, ячмень, овес. Шапсугам были известны технологии искусственного террасирования склонов. Устройство лесозащитных полос от туманов и холодных потоков воздуха, спускающихся по ущельям ночью, универсальная для горных лесов локализация и размеры пашни (0,3–0,5 га, максимум 1,0–2,0 га), технология искусственного террасирования склонов и обработки почвы (ручная или при помощи пары быков и буйволов и легкого пахотного орудия – рала) были такие же, как в других районах Кавказа и Средиземноморья – Имеретии, Абхазии, Турции. Удельный вес земледелия снижался в зависимости от вертикальной зональности. Террасы использовались под посевы и разбивку садов. Наиболее крупные и ветвистые деревья не вырубались, по ним, как и по высаженным плодовым деревьям, пускались виноградные лозы. Разводили алычу, инжир, черешню, яблоню, грушу, грецкий орех, виноград. Наличие высокогорных пастбищ усиливало роль животноводства. Практиковали пчеловодство и скотоводство (разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз). По воспоминаниям Ф.Ф. Торнау, русского офицера и разведчика в Причерноморье (1830–1840-е гг.), количество крупного и мелкого рогатого скота даже в зажиточных семьях было незначительно: не более 10–20 коров и 30–50 баранов. Практиковалась меновая торговля с Турцией. Предметами мены со стороны турок были ткани (бумажные, шерстяные, шелковые), оружие, соль и др. Черкесы меняли пальмовое дерево, мед, воск, а чаще всего – женщин и мальчиков [10. С. 297]. Традиционно одним из основных источников доходов черкесов / адыгов были набеги как на своих соплеменников, так и на пограничные станицы казаков, грабежи и работорговля [11].

После окончания Русско-Кавказской войны и депортации основной части черкесского населения на Кубань и в Турцию, перед русской администрацией встала необходимость решения по крайней мере двух крупных задач в экономической интеграции Причерноморья: хозяйственная адаптация оставшейся части горцев к новым условиям жизнедеятельности в составе Российской империи и «колонизация» региона [12. С. 47], т.е. заселение региона переселенцами и его экономическое развитие.

При решении первой задачи, согласно архивным данным [13. Л. 1; 14], оставшимся в Причерноморье горцам («общинникам» и «холопам», не пожелавшим «сопровождать… своих господ» в Турцию) предоставлялись личная свобода и земельные наделы, определялись места расселения. Первоначально из-за постоянных набегов на селения русских поселенцев и грабежей была определена территория в горах в 55 верстах (около 58,7 км) от берега Черного моря. Одновременно внимание уделялось формированию торгово-экономических отношений между русскими поселенцами и горцами. Организовывалась меновая торговля необходимыми для горцев товарами, прежде всего солью. По свидетельству начальника Черноморской береговой линии генерал-лейтенанта Раевского, в местах, где «…окрепла мена солью… горцы не предпринимали никаких враждебных покушений…» против русских [15. Л. 1; 16. Л. 1]. Видя выгоду, местное население обратилось к русской администрации с просьбой о расширении торговли и другими товарами: холстом, сафьяном, шелковыми и хлопчатобумажными тканями [17. С. 15, 19].

В целом эти меры способствовали складыванию и развитию мирных отношений с горцами, однако не со всеми этническими группами. По-прежнему враждебно к русским были настроены убыхи. Тем не менее

уже в 1874 г. горцы были «выведены» из своих горных населенных пунктов и «помещены» вблизи штабов батальонов русских, где и образовали аулы: в долине реки Псезуапсе, в урочище Кичмай на реке Шахе (в наст. время – Лазаревский р-н МО «город-курорт» Сочи) и в верховьях реки Кудепсты (в наст. время – Хостинский р-н городского округа Сочи). После расселения горцев вблизи штабов линейных батальонов в течение года их передвижения строго контролировались и регламентировались русским командованием. Постепенно, по воспоминаниям очевидцев, оставшееся черкесское население стало в бóльшей степени заниматься своими традиционными видами хозяйства: скотоводством, садоводством, пчеловодством, полеводством и охотой. Так, общее поголовье скота по отдельным населенным пунктам доходило до 1 400–1 700 голов. В зависимости от количества посевов, урожаи, например, кукурузы составляли 1 121–3 150 пудов, яровой пшеницы от 20 (при посеве 2 пудов) до 48 пудов (при посеве 6 пудов) [17. С. 20].

К решению второй задачи – заселению края и его экономического развития – русская администрация приступила только во второй половине XIX в. Однако при ее решении возникли определенные сложности, связанные с переселением других этнических групп. Сразу же отметим: анализ архивных документов показывает, что попытки, предпринимаемые в региональной историографии, рассматривать интеграционные процессы на Западном Кавказе как «военную колонизацию» и «заселение казачьими станицами» бывших адыгских поселений не корректны.

Миграции населения в Причерноморье отмечались еще в первой половине XIX в., сюда ссылались сектанты из центральных губерний России. Переселенческое движение в Причерноморье, по мнению И.А. Тверитинова, имело, с одной стороны, стихийный характер, с другой – регламентировалось русской администрацией. Из внутренних и приграничных районов России сюда мигрировали крестьяне, ремесленники, казаки. Этот процесс совпал с отменой крепостного права и был во многом вызван аграрным перенаселением в центральных районах России. На основании Положения «О заселении предгорной западной части кавказского хребта», утвержденного 10.05.1862 г., в течение 1863–1864 гг. от Геленджика до Туапсе были основаны 12 станиц кубанских казаков Шапсугского пешего берегового батальона, в которые переселялись добровольно, по жребию или в силу воинской повинности казаки из станиц Кубанской области. Всего было переселено 2 331 человек. Первоначально управление было полувоенное, а с 1871 г. – гражданское [18. С. 14, 15].

Колонизация прибрежной полосы (Сочинское попечительство) и «нагорной» полосы (Красная Поляна) началась с 1869 г. Первыми поселенцами стали немцы и русские. Между тем русские переселенцы вследствие заболеваний малярией, высокого уровня смертности, ограниченных возможностей для пашенного земледелия (традиционного занятия русских и казаков) в этот период не стремились заселять Причерноморье. Но так как задача развития сельского хозяйства в регионе сохранялась, была предпринята попытка создать частновладельческую собственность на побережье Черного моря. Семьи служащих и отставных офицеров Кубанского казачьего войска, добровольно переселявшиеся на побережье, причислялись к дворянству и получали земельный надел в полную и потомственную собственность. Всего в районе Сочинского округа было предоставлено и продано на льготных условиях в частную собственность примерно 95 земельных участков и отчуждено более 53,3 десятин земли. Однако и эта попытка развить сельскохозяйственное производство оказалась неудачной. Значительная часть владельцев была связана службой и не посчитала «…возможным развивать сельское хозяйство» в усадьбах [19. Л. 13, 17, 19]. К тому же большинство лиц приобретали земли исключительно в спекулятивных целях. Таким образом, сельскохозяйственная модель, сложившаяся и развивавшаяся в центральной части России, в Причерноморье оказалась нежизнеспособной.

В этот же период в Сочинском Причерноморье появились и представители других этнических групп: грузины-имеретинцы, греки, эстонцы, молдаване, армяне. Одним из определяющих факторов в миграционном курсе стало то, что переселенцы имели культуру земледелия. Перенос традиционных для переселенцев хозяйственных занятий и сельскохозяйственных культур способствовал их оптимальной хозяйственной адаптации к своеобразным условиям природной среды. Так, амшенские армяне, прибывшие из Турции, обладали навыками горного земледелия. Наряду с разведением скота, выращиванием пшеницы, кукурузы и овощей, разведением садов и виноградников, они стали культивировать табак. Табак разводили и греки-переселенцы (с. Лазаревское). В результате в Причерноморье появилась новая отрасль – табаководство. Греки занимались шелководством, частично используя шелковичные деревья прежних обитателей Причерноморья, частично разводили сами: шелковичный червь был ими вывезен из Турции. Значительное место в хозяйственной специализации греков занимало садоводство. Земледелие и скотоводство превалировали у эстонцев.

Сложившаяся у переселенцев хозяйственная специализация сохранилась и в первой трети XX в. Так, до 75% населения, принадлежащего к различным этническим группам, было занято в табаководстве [20. Л. 2 об.]. Развитию табаководства способствовали нормативно-правовые акты первой половины 1920-х гг.: ст. 15 Декрета СНК от 23.08.1923 г., ст. 4 Инструкции Наркомзема РСФСР от 27.07.1924 г. и ст. 6 Инструкции НКЗ от 02.09.1924 г. [21]. Эти документы регулировали некоторые стороны землепользования в табаководческих районах страны, развитие табачной промышленности и выращивание культуры табака, а также вопросы аренды участков земли, используемых под разведение табака, и возможности возведения на этих землях табаководами-арендаторами построек. На основе этих документов с согласия областных и губернских земельных управлений арендаторам предоставлялось право долгосрочной аренды земель – от 12 до 24 лет. Результатом стало увеличение в районе площади под разведение

табака. В 1922 г. она составила около 19,7 га, а уже в 1925 г. – около 4,1 тыс. га [22. Л. 184]. Другой основной отраслью оставалось садоводство. Вернулись и к попыткам развития полеводства. Но из-за погодно-климатических условий (незначительного количества осадков, засухи) они были неудачны [23. Л. 1, 1 об.]. Так, в начале 1920-х гг. в Адлерской волости оказались безуспешными попытки посева на 285,5 га (174 дес.) озимых и яровых зерновых (пшеницы, ржи, ячменя, овса), необходимых для обеспечения хлебом населения. Не способствовало развитию полеводства и открытие для обслуживания полеводческих хозяйств прокатного пункта сельскохозяйственных орудий (плугов, сеялок, сенокосилок и т.п.), слесарно-кузнечных и колесных мастерских в помещении бывшего Адлерского кредитного товарищества. Уже к 1925 г. в Сочинском райсельхозе фиксировался отказ населения от посевов озимых культур в пользу табаководства, садоводства, пчеловодства.

Учитывая сложившуюся ситуацию, а также неблагоприятные факторы, органы Сочирайсельхоза вынуждены были пересмотреть планы развития сельскохозяйственного производства в Сочинском Причерноморье [24. Л. 6–6 об., 7]. Исходя из наличия негативных факторов, затруднявших развитие сельского хозяйства, – длительных сроков землеустройства, связанных с топографическими особенностями местности и практически полным отсутствием штата квалифицированных работников-землеустроителей, малоземельем и бедностью населения, отсутствием кредитования хозяйств и транспортной инфраструктуры (бездорожье, транспорта) – руководство Сочинского района и земельными органами наметило пути решения этих проблем: 1) зонирование района, 2) проведение землеустроительных работ, результатом которых должно стать выделение земель сельскохозяйственного фонда, 3) финансирование беднейших слоев сельского населения.

Принцип зонирования в Причерноморье уже применялся в конце XIX в. В 1920-х гг. предполагалось также выделить три зоны – прибрежную, среднегорную и высокогорную. При зонировании учитывался принципиально новый фактор, не имевший особого значения в дореволюционный период, – это роль региона как курорта. Он оказал существенное влияние на специфику хозяйственного развития региона и его экономическую интеграцию. Поэтому прибрежная зона изначально выделялась с учетом все увеличивающегося значения Сочинского Причерноморья как курорта.

Был принят ряд нормативно-правовых документов государственного и регионального значения об учете и национализации «лечебных местностей и курортов» [25–27]. Согласно им производился учет и национализация не только зданий, сооружений в Сочинском районе и Туапсинском подрайоне, но и земель и угодий (в том числе земель сельхозназначения, лесов, парков), изымаемых из сельскохозяйственного пользования. В случае необходимости (для лечебных целей и нужд) допускался новый отвод земель и угодий, не находившихся ранее в пользовании курортов. Так, в ведение курортного управления Сочи были переданы «культурные» участки земли – районы Верещагинской стороны с приморским парком (более 108,8 кв. м), Хлудовской стороны полностью (более 426,7 кв. м), дачные участки Раздолинской группы и Васильевского урочища, район «Новый Сочи». В зону ведения курортного управления включались и совхозы, например, совхоз им. Ленина (площадью примерно 358,5 кв. м в районе Ареда). Такой шаг обосновывался важным значением и необходимостью организации подсобных животноводческих и огородническихпредприятий для курорта. Таким образом, в курортную зону для обслуживания создаваемых курортов на побережье включались крупные коллективные хозяйства. Одновременно предусматривались борьба с малярией и благоустройство на этих территориях – проведение мелиоративных работ (осушение всех низменных участков), сооружение водопровода.

В прибрежной зоне предлагался переход от зерново-садоводческого к фермерскому хозяйству и постепенная замена зерновых культур техническими, главным образом табаком, кенафом (*Hibiscus Cannabinus* – однолетнее травянистое растение из семейства мальвовых, волокно кенафа отличается высокой гигроскопичностью и прочностью, идет на изготовление мешковины, брезента, шпагата) и другими культурами. Под их посадку планировалось уже в 1925 г. отвести свыше 2,0 тыс. дес. (около 3,3 тыс. га). В среднегорной зоне предполагалось развитие садоводческого хозяйства как основной отрасли и звероводческого – как вспомогательной. В высокогорной полосе основным типом хозяйства должно было стать полеводческо-скотоводческое, вспомогательным – садоводство. Для развития культурного скотоводства предполагалось развитие травосеяния. Особое значение отводилось шелководству. Основной район развития этих отраслей – Адлерский.

Что касалось участков, не попадавших в курортную зону, то в 1920-е гг. в качестве основных форм организации хозяйства в прибрежной части предлагалась создание трудовых или сельскохозяйственных артелей и сельскохозяйственных товариществ. В данный период времени это была общая модель для всей территории РСФСР. Архивные данные об их создании, количестве, мощности в Сочинском Причерноморье неравнозначны. Основным источником для анализа служат протоколы общих собраний, посемейные и пофамильные списки. Как правило, все хозяйства были маломощны, они объединяли мелкие хозяйства. Решение о создании артели или товарищества принималось на общем собрании всех жителей данного населенного пункта. На момент создания общее число членов в артелях варьировало от 14 до 62 человек, из них трудоспособных – от 11 до 34 человек в разных хозяйствах, т.е. примерно половина от всего состава. Из архивных данных известны следующие объединения: трудовые артели «Свет» (дер. Семеновка Сочинского округа, 1920 г.), «Новая жизнь» (Адлерский район, 1920 г.) , сельскохозяйственные артели «Изумруд» (на р. Херота близ селения Адлер, 1920 г.), в дер. Волковка (Дагомыс, 1919 г.), трудовая культурно-земледельческая артель «Вера» (1920 г., Сочи, Хлудовская сторона, дача № 37

бывш. Рыковского, в 1920-е гг. – Советская). Хозяйственная ориентация различна – скотоводство, пчеловодство, молочное хозяйство. Объединялось не только движимое (скот, сельскохозяйственные инструменты, зерно), но и недвижимое имущество [28. Л. 1, 3; 29. Л. 1, 1 об., 2, 6, 7; 30. Л. 1–2, 9].

В архивных документах первой половины 1920-х гг. не содержится информации о национальной принадлежности членов первых коллективных объединений. Однако по данным пофамильных списков можно проследить, что членами всех вышеперечисленных объединений преимущественно были русские. Было выявлено одно объединение (артель «Эртаба» / «Свобода»), члены которого согласно пофамильному списку были только грузины [28. Л. 1, 3; 29. Л. 1, 1 об., 2, 6, 7; 30. Л. 1–2, 9].

Курортное значение региона, малообеспеченность крестьянских хозяйств, запутанность землепользования делали необходимым проведение землеустроительных работ. Основной задачей стало формирование сельскохозяйственного фонда [31. Л. 19, 29, 30]. Эти работы проводились начиная со второй половины 1920-х гг. Фонд земель сельскохозяйственного назначения составили все площади, пригодные для ведения сельского хозяйства. Это в первую очередь так называемые старожильческие юртовые земли, переселенческие «утвержденные и неутвержденные», заселенные и незаселенные земли, все частновладельческие земли, а также лесные площади, пригодные для ведения сельского хозяйства. Исключение составляли лесные массивы с ценными породами насаждений – самшита, тисса, каштана и др. Во вторую очередь к сельскохозфонду относились все земли, пригодные для ведения сельского хозяйства, расположенные среди бывшего казенного леса.

Населению предоставлялись определенные льготы. Так, лесничеству по согласованию с заповедником предписывалось не чинить препятствий местным жителям выпасать скот на гористых местностях. Выпасы предоставлялись по договорам, но без взимания платы. Сельским обществам разрешалась эксплуатация той части лесов местного значения, которые ими не использовались на нужды крестьянского хозяйства. Но в то же время предусматривался регламент отпуска леса для рынка: только в случае полного «покрытия древесиной… топливных и деловых» нужд крестьян как личных, так и общественных [31. Л. 30]. С целью предохранения лесов от пожаров населению разрешалась очистка лесов государственного и местного значения от валежника и бурелома с возможной реализацией древесины на рынке. Окружному земуправлению предлагалось разработать механизмы отпуска древесины для населения: на бесплатной основе из лесов местного значения и на платной – из лесов государственного значения [31. Л. 29, 30].

Третий комплекс мер предусматривал льготы населению для ведения сельского хозяйства [31. Л. 19]: ссуды на нужды землеустройства с уплатой в рассрочку для беднейших слоев населения; для мобилизованных красноармейцев предполагалось выделить «пустопорожние» земли «культурных участков», в первую очередь и земли «культурных участков» на которых остались насаждения в минимальном количестве – во вторую очередь.

В XIX – начале XX в. в Причерноморье произошли серьезные демографические изменения. Окончание Русско-Кавказской войны, мухаджирство и заселение Сочинского побережья представителями других этносов (русскими, армянами, греками, молдаванами, эстонцами, поляками и др.) положило начало формированию современного этнического состава населения на этой территории. Переселением черкесских племен в единоверную Турцию и заселением христианами Причерноморья был значительно уменьшен «мусульманский элемент» в регионе. Следовательно, был снижен уровень антироссийских настроений и конфликтность местного населения.

Произошли изменения в сословной структуре автохтонного населения. Окончание Русско-Кавказской войны совпало по времени с отменой крепостного права 1861 г. Реформа распространялась на всей территории России, в том числе и на вновь завоеванных землях. В этой связи, на наш взгляд, следует особое внимание акцентировать на двух моментах. Первое: реформа изменила социальную структуру черкесского общества. Согласно исследованиям Р.С. Кантора, в ходе ее реализации была ликвидирована сословность черкесского / адыгского общества [32]. Например, у автохтонных народов Причерноморья [33. С. 201, 211–213, 215, 216, 226; 34] – шапсугов, натухайцев, абадзехов – общественное устройство было феодальным: выделялись дворяне (вуорки), вольные земледельцы (тфокотли), крестьяне (пшитли). Дворяне-вуорки занимали в обществе господствующее положение. Тфокотли составляли большинство народа, они были подчинены вуоркам. Крестьяне делились на две категории: оброчные – пользовались бóльшей свободой, имели более значительные права собственности и не отбывали тягостных повинностей; дворовые люди – всецело принадлежали владельцу. В других районах Западного и Северного Кавказа черкесское общество имело аристократический характер. Его сословная структура состояла из князей (пши), дворян (уорков / вуорков), среднего сословия, находившегося в зависимости покровителей (оги), крестьян (пшитлей), рабов (унаутов). Во второй половине XIX в. сословная структура всех групп черкесов / адыгов была упрощена до социальной категории «сельский житель (обыватель)», социальный статус общинника-черкеса и общинника-русского стал идентичным. Как нам кажется, здесь можно говорить лишь об изменении и упрощении социальной иерархии черкесского общества, но не о ликвидации его сословности. Второе: с реформой «местные обычаи» были обречены, как и «промысел» местной элиты (набеги, грабежи, работорговля). Соответственно, их благополучие было поставлено под угрозу. Поэтому исход черкесской элиты в Турцию вместе с подконтрольными горскими племенами стал единственным выходом для сохранения их социального положения и влияния в среде соплеменников. Во многом именно с этим связано такое явление, как мухаджирство, в результате чего практически весь черкесский этнос (по некоторым данным до 90%) оказался вне России.

Межэтнические контакты в этот период носили лишь эпизодический характер. На это указывают несколько факторов. Например, незначительное число населенных пунктов, расположенных дисперсно: к 1880-м гг. в Сочинском округе было создано всего 20 поселений: из них 17 инородческих и 3 русских [35. С. 14, 15, 17]. Отсутствие школ в инородческих поселениях обусловило то, что не было языка межнационального общения: инородцы не говорили по-русски, а русские не знали национальных языков. И, наконец, начиная с 1890-х гг. русская администрация из политических соображений стала проводить курс русификации (или «обрусения») населения. С этой целью создавались смешанные в этническом отношении населенные пункты, вновь прибывшие русские переселенцы приписывались в греческие, армянские и другие инородческие поселения. Положительных результатов это не принесло: были зафиксированы столкновения, в первую очередь имущественного характера, вызванные тем, что наиболее плодородные земли принадлежали инородцам-сторожилам, вновь прибывшим русским поселенцам доставались земли худшие по качеству [12].

В 1914 г. в Сочинском районе насчитывалось 41 676 жителей, из них около 68,2% составляли сельские жители и 31,8% – городские. Эта тенденция – сохранение преимущественно сельского населения, как и тенденция увеличения общей численности населения, в данном регионе сохранились и последующий период. К 1926 г. произошло увеличение общей численности населения до 47 128 человек. Доля сельских жителей по-прежнему превышала долю городского населения (78,2% и 21,8 соответственно). Национальный состав по данным на 1925 г. в Причерноморье был следующим: всего населения насчитывалось 44 203 человека, доля русских составляла примерно 38,9%, армян – 35,8%, греков – 15,0%, грузин – 5,1%, эстонцев – 3,0%, молдаван – 1,0%, немцев – 0,4%, прочих – 0,9%. В 1932 г. проживало 61 122 человек, из них доля городского населения – около 25,1%, остальные – сельские жители. По национальному составу они распределялись следующим образом: русские – около 27,5% от общей численности населения, украинцы – 18,9%, греки – около 13,0%, армяне – около 16,3%, грузины – около 4,0%, эстонцы – 1,7%, прочие – 8,7% [36. Л. 13]. Таким образом, можно отметить увеличение роста абсолютных показателей населения, в то же время произошло снижение доли ряда традиционных уже для Причерноморья этнических групп (русских, армян, эстонцев) и увеличение других (украинцев).

В это же время стали предприниматься определенные шаги в формировании межэтнических контактов. Здесь главная роль отводилась коренизации национальных меньшинств [38. Л. 49, 74, 99, об.]. Часть мероприятий связывалась с коммунистической и комсомольской пропагандой и агитацией в среде национальных меньшинств. Развертывалась агитационно-пропагандистская работа в городе и деревне, и не только среди русских, но и в среде этнических меньшинств, их старались привлекать в коммунистические и комсомольские ячейки, к общественно-идеологической и советской работе. Особый акцент делался на необходимости проведения работы среди женщин. Уже в 1925–1926 гг. эти мероприятия имели свои результаты – партийными и комсомольскими органами, районными органами власти (исполнительным комитетом) была зафиксирована активизация на конференциях национальных меньшинств при выборах в сельские советы и национальные комиссии [38. Л. 9–10 об., 12–12 об., 14, 28, 35–37].

Меры по коренизации предусматривали: расширение числа работников – представителей различных этнических групп в органах разных ветвей власти различного уровня (райисполкоме, сельских советах, судах); ведение делопроизводства на языках национальных меньшинств; создание типографий и издание агитационной и газетной продукции (например, на армянском языке). Ставилась задача комплектации национальных сельских советов и сельскохозяйственных предприятий руководящими работниками, секретарями, членами правлений, руководителями секций, счетоводами и т.п. из представителей этнических групп, владевших родными языками. Рекомендовалось всю внутреннюю жизнь национальных сельсоветов, колхозов и других типов сельскохозяйственных предприятий вести на национальном языке данной этнической группы. Это касалось не только делопроизводства, но и проведения всех собраний, заседаний и т.п. И здесь проявились определенные трудности. Например, не все граждане в ряде сельсоветов или сельхопредприятий принадлежали к доминирующей этнической группе и владели данным национальным языком. Поэтому их предписывалось «обслуживать» на русском языке. Также для таких граждан надо было переводить на русский язык все прения на собраниях, решения, резолюции, доклады. Или другой пример. К 1932 г. в Сочинском районе существовало 17 сельских советов, из них 3 – с преимущественно армянским населением, 3 – с греческим и 1 – с грузинским населением. Армянские и грузинский сельсоветы были укомплектованы работниками – представителями армян и грузин соответственно, делопроизводство велось также соответственно на армянском и грузинском языках. Греческие сельсоветы не были «обеспечены» национальными кадрами: как правило, председателями были греки, секретарями – русские, делопроизводство велось частично на греческом, частично на русском языке. Это объяснялось тем, что сами греки объяснялись между собой на ломаном турецком языке, греческим почти не владели, знали его немногие [39. Л. 2, 3, 4, 15].

Чтобы решить проблемы, были предприняты меры по формированию системы народного образования, что также предусматривалось курсом коренизации. Открывались курсы по изучению национальных языков, шла ускоренная подготовка учителей для национальных школ, ликвидировалась неграмотность, расширялась сеть начальных школ первой ступени, «избчитален», дошкольных учреждений для всех этнических групп. Национальные школы переводились на местный бюджет, для приобретения учебной литературы для них также централизованно выделялись денежные средства. При формировании системы народ-

ного образования органами исполнительной власти фиксировались и определенные трудности: как правило, сельские школы располагались в крестьянских избах, а не в специальных школьных зданиях, был недостаток школьного оборудования, инвентаря и учебников, в частности на национальных языках, не хватало и учителей для национальных школ. Тем не менее к 1931 г. в Сочинском районе была создана сеть школ, в том числе национальных, их количество увеличивалось и в дальнейшем, как и численность учащихся – представителей национальных меньшинств. Так, в 1931 г. всего школ было 91 (русских – 38, армянских – 37, греческих – 12, грузинских – 3, эстонских – 1), в 1932 г. – уже 100 школ (русских – 42, армянских – 41, греческих – 13, грузинских – 3, эстонских – 1). Численность учащихся в 1931 г. составила в русских школах – 4 110 (в 1932 г. – 4 989) человек, в армянских – 2 400 (в 1932 г. – 2 848), в греческих – 710 (в 1932 г. – 968), в грузинских – 209 (в 1932 г. – 266), в эстонской – 69 (в 1932 г. – 98). В целом охват детей всеобучем составил 97,5%. В национальных школах обучение велось на родных языках. В школах со смешанным национальным составом учеников были сформированы группы учащихся – 2 армянские и одна грузинская, изучавших родные языки [39. Л. 4 об., 5].

Выводы. Интеграционные процессы в среде автохтонного населения и переселенцев в Причерноморье на протяжении всего рассматриваемого нами периода имели социокультурный и экономический характер. Социокультурная интеграция прослеживалась во введении в правовое поле населения Причерноморья как после Русско-Кавказской войны в 1864 г. и окончательного вхождения в состав России Западного Кавказа, так и в 1920–1930-х гг. Во второй половине XIX в. это касалось прежде всего оставшихся в Причерноморье субэтносов черкесов / адыгов, в частности шапсугов. Сословная структура черкесского общества была упрощена, социальный статус общинника-черкеса и общинника-русского стал идентичным. В конце XIX – начале XX в. этот процесс распространился и на мигрантов (армян, греков), бежавших в Россию от геноцида из Турции. Межэтнические контакты в этот период носили лишь эпизодический характер. Переселением населения был снижен уровень антирусских настроений и конфликтность местного населения.

Экономическая интеграция выразилась в попытках развития района как сельскохозяйственного. Особо акцентируем внимание на том, что термин «колонизация Причерноморья», употреблявшийся в XIX в., русской администрацией рассматривался в смысле заселения вновь приобретенных земель и введения их в хозяйственный оборот. Прежде всего уделялось внимание складыванию и развитию мирных отношений с горцами, ориентации на развитие земледелия, скотоводства и торговли. Значительная роль в хозяйственном освоении Причерноморья отводилась переселенцам. Адаптация переселенцев к новым условиям не всегда была удачной, прежде всего это касалось русского населения из внутренних районов России и казаков. Более успешно адаптировалось население, прибывшее из регионов, по своим природно-климатическим условиям близких к условиям Причерноморья. Их хозяйственная специализация (садоводство, табаководство, животноводство) оказалась более устойчивой и сохранилась в первой трети XX в.

В 1920–1930-е гг. государством также активно проводилась политика, направленная на экономическую и социокультурную интеграцию населения в модернизируемое (социалистическое) общество. Экономическая интеграция народов Причерноморья включала мероприятия по изменению существовавших ранее форм хозяйствования, внедрению кооперативных форм организации сельскохозяйственного производства, формированию его как курортного района. Это в свою очередь предусматривало увеличение численности населения, мероприятия по развитию социальной инфраструктуры.

В рамках социокультурной интеграции одним из первых шагов было определение правового статуса для всех народов, населявших бывшую Российскую империю. Здесь прослеживается традиция, заложенная в предыдущий период российской истории, – идентичность прав и обязанностей для соответствующих социальных страт. После революции 1917 г. жителям Причерноморья, как и всему населению, были предоставлены унифицированные права и обязанности гражданина СССР, независимо от их социальной и национальной принадлежности. Прослеживалось выстраивание вертикали власти или иерархически соподчиненной системы управления при организации сельских советов и сельскохозяйственных предприятий как в местах компактного проживания русских, так и этнических меньшинств Сочинского побережья. Вводилась практика избрания на должности председателей, руководителей, членов правлений и т.п. представителей этих национальностей. Определенную роль здесь должен был иметь курс на коренизацию, предусматривавший меры по ликвидации неграмотности, созданию начальных школ первой ступени, ведению делопроизводства на родных языках, формированию национальных кадров.

Заселение Сочинского побережья во второй половине XIX – первой трети XX в. положило начало формированию современного этнического состава населения на этой территории. В этот же период стали закладываться и основы межэтнического и межкультурного взаимодействия. В регионе формировалась, в сущности, этноконтактная зона, где проживали различные по этническому составу группы населения, которые практически одновременно заселяли и осваивали территорию Причерноморья. В процессе складывавшегося в дальнейшем характера межэтнического взаимодействия важнейшим фактором стал тот, что все пришлые этнические группы оказались в той или иной степени в «равноправном» положении переселенцев, которое не позволяло какой-либо одной из них претендовать на статус автохтонного или коренного населения, а следовательно, и на особый правовой статус.

ЛИТЕРАТУРА

1. Онлайн дискуссия – Кавказская война (1817–1864): между памятью и историей // Кавказский узел. URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/forum/topics/3100 (дата обращения: 12.06.2014)
2. Белозёрова М.В. К проблеме взаимосвязи процессов этнической консолидации и национального самоопределения в южных регионах России // Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития. Ростов-н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 175–178.
3. Сорокина И.О. Теоретические основы понятия «интеграция» и принципы ее осуществления // Менеджмент в России и за рубежом. 2008. № 2.
4. Побережников И.В. Урал в Российской истории: интеграция региона в страновое пространство. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30314/1/uibch_2014_1-21.pdf (дата обращения: 07.11.2017).
5. Белозёрова М.В. Социальные институты черкесов в оценках региональной историографии 2000-х гг. // Археология и этнография Кавказа и Крыма. СПб., 2017. 148 с.
6. Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Махачкала, 2006. 59 с.
7. Садовой А.Н., Белозёрова М.В., Агарков Ю.В., Пименова В.В. Отчет о научно-исследовательской работе «Разработка методов экспертной оценки и прогноза качества жизни населения» (№ гос. регистрации 114100740110). ФГБУН Сочинский научно-исследовательский центр РАН, 2014. 88 с.
8. Белозёрова М.В. Некоторые аспекты хозяйственной адаптации переселенцев в Черноморском округе (XIX – первая треть XX столетия) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2016. Ч. 1. Вып. 5. С. 189–192.
9. Садовой А.Н. Традиционная культура и природопользование (автохтонное население Черноморского побережья Кавказа в XIX в.) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (32).
10. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Майкоп, 2008. 332 с.
11. Садовой А.Н. Институт рабства в XIX в. : форма русско-черкесского противостояния // Славянский мир. Диалог культур. Кемерово ; Омск, 2011. С. 164–174.
12. Белозёрова М.В. К проблеме межэтнического взаимодействия на территории российского Причерноморья (на примере Большого Сочи) // Homo communicans II : человек в пространстве коммуникации. Szczecin, Poland, 2012. С. 46–52.
13. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 8.
14. Белозёрова М.В. К проблеме российско-черкесского взаимодействия и формирования этнической идентичности: XIX – начало XXI века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 32. С. 26–33.
15. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 261. Оп. 1. Д. 1955.
16. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 94.
17. Верещагин А.В. Колонизация Черноморского побережья Кавказа. Живой вопрос наших окраин. СПб., 1878.
18. Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX веков. Майкоп : Полиграф-Юг, 2009. 124 с.
19. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. 584. Оп. 3. Д. 16.
20. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 679.
21. Декрет СНК РСФСР от 23.08.1923 г. «Правила о порядке, условиях и сроках использования государственных земельных имуществ» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru /doc_ussr/ussr_1801.htm (дата обращения: 12.02.2018).
22. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 153.
23. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 12.
24. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 15.
25. Декрет от 04.04.1919 г. «О лечебных местностях общегосударственного значения». URL: http://www.library.ru/help /docs/n20310/decret.htm (дата обращения: 12.02.2018).
26. Постановление ВЦИК и СНК от 23.06.1921 г. «Об управлении курортами общегосударственного значения». URL: http://www.ussrdoc.narod.ru/ (дата обращения: 12.02.2018).
27. Постановление СНК от 11.06.1921 г. «О курортах Крыма, Кавказа и Кубани».
28. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 22.
29. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 20.
30. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 24.
31. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 36.
32. Кандор Р.С. Отмена крепостного права у западных адыгов (черкесов) Кубанской области в 60-е гг. XIX в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 90. С. 53–57.
33. Дубровин Н.Ф. Кавказ и народы его населяющие. М. : Кучково поле, 2016. Кн. I. Кавказ. 648 с.
34. Садовой А.Н. Социальная стратификация черкесов Причерноморья в конце XIX – начале XX в. Сословный и классовый аспекты анализа // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения : научно-технический журнал. 2016. № 1 (34). С. 120–129.
35. Из доклада чиновника особых поручений действительного статского советника М.А. Краевского на тему «К вопросу колонизации Черноморской губернии» с приложением части исследования младшего таксатора Личкуса о бывших горских аулах, а также частновладельческих и поселянских хозяйствах Черноморской губернии». СПб., 1897.
36. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. 25. Оп. 1. Д. 183.
37. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. 25. Оп. 1. Д. 153.
38. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. 25. Оп. 1. Д. 171.
39. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. 25. Оп. 1. Д. 679.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2019 г.

Integration Processes at the Sochi Coast of the Black Sea in the Second Half of the 19th – the First Third of the 20th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 122–131.
DOI: 10.17223/15617793/447/15

Marina V. Belozerova, Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation). E-mail: mbelozerowa@mail.ru

Keywords: integration; korenizatsiya; Circassians/Adygs; Shapsugs; migration; Sochi Black Sea area; interethnic interaction.

The integration of the native peoples (Circassians/Adygeans, Shapsugs) and migrants at the Sochi coast of the Black Sea is analyzed in the article based on state archive materials, memories and analytical works of the participants of the events of the second half of the 19th – the first third of the 20th centuries. Some of the archival information was first introduced into scientific discourse. The topic is of theoretical and applied relevance. It is not sufficiently studied in the Western Caucasus regional historiography, and it is an object of political debate. The characteristic features of the sociocultural and economic integration of different ethnic groups are revealed in the article. The native population of the Black Sea region and migrants were introduced into the legal field of the Russian Empire in the second half of the 19th – the first third of the 20th centuries. Personal freedom and land allotments were provided to them. The social status of Circassian and Russian community members became identical. This further spread to all migrants at the time. The development of agriculture in the region was a sign of economic integration. The Russian administration used the term "colonization of the Black Sea region" in the 19th century. The essence of this term was the region's settlement and introduction of land into economic use. Migrants made a major contribution to this process. Russian migrants' and Cossacks' adaptation to the new conditions was not always successful. Migrants from Turkey (Armenians, Greeks), Georgia (Georgians) adapted their farming to the landscape environment successfully. Their economic specialization (horticulture, tobacco growing, animal husbandry) proved to be more stable and was preserved in the first third of the 20th century. The author believes that the population's sociocultural and economic integration into the modernized (socialist) society was successfully pursued by the state in the 1920s—1930s. Changes in the forms of economy, cooperation in agriculture, a new (recreational) specialization were the signs of economic integration. The population increase and the social infrastructure development in the region were consequences of the integration. The USSR citizen's unified rights and obligations were granted to all ethnoses with no exceptions. Identical executive authorities were formed throughout the country, including the Sochi Black Sea Coast. These were rural councils and agricultural enterprises in national settlements (Russian, Armenian, Greek, Georgian and others). Representatives of ethnic groups became heads of administrative bodies and artels in rural areas. Korenizatsiya ("putting down roots") was of great importance. Korenizatsiya measures included elimination of illiteracy, establishment of primary schools (of the first stage) and training of population in them, record keeping in native (ethnic) languages, formation of the national personnel.

REFERENCES

1. Kavkazskiy uzel. (2014) *Onlayn diskussiya – Kavkazskaya voyna (1817–1864): mezhdu pamyat'yu i istoriey* [Online discussion: The Caucasian War (1817–1864): Between memory and history]. [Online] Available from: http://www.kavkaz-uzel.ru/forum/topics/3100. (Accessed: 12.06.2014).
2. Belozerova, M.V. (2014) [On the problem of the relationship between the processes of ethnic consolidation and national self-determination in the southern regions of Russia]. *Modernizatsiya polietnichnogo makroregiona i sopredel'nykh gosudarstv: opyt, problemy, stsenarii razvitiya* [Modernization of poly-ethnic macro-region and neighbouring states: practices, problems, scenarios of development]. Proceedings of the International Conference. Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN. pp. 175–178. (In Russian).
3. Sorokina, I.O. (2008) Teoreticheskie osnovy ponyatiya "integratsiya" i printsipy ee osushchestvleniya [The theoretical foundations of the concept "integration" and the principles of its implementation]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom.* 2.
4. Poberezhnikov, I.V. (2014) *Ural in Russian History: The Integration of the Region into the Country Space*. [Online] Available from: http://elar.urfu.ru/bitstream/ 10995/30314/1/uibch_2014_1-21.pdf. (Accessed: 07.11.2017). (In Russian).
5. Belozerova, M.V. (2017) Sotsial'nye instituty cherkesov v otsenkakh regional'noy istoriografii 2000-kh gg. [Circassian social institutions in assessments of the regional historiography of the 2000s]. In: *Arkheologiya i etnografiya Kavkaza i Kryma* [Archeology and ethnography of the Caucasus and Crimea]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Kudaeva, S.G. (2006) *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva (XIX v.)* [The Adygs (Circassians) of the North-West Caucasus: the processes of transformation and differentiation of the Adyghe society (19th century)]. Abstract of History Dr. Diss. Makhachkala.
7. Sadovoy, A.N. et al. (2014) *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote "Razrabotka metodov ekspertnoy otsenki i prognoza kachestva zhizni naseleniya" (№ gos. registratsii 114100740110)* [Report on the research work "Development of expert assessment methods and forecasting the quality of life of the population" (state registration number 114100740110)]. Sochi: Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences.
8. Belozerova, M.V. (2016) [Some aspects of the economic adaptation of immigrants in the Black Sea District (19th – first third of the 20th centuries)]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of ancient and traditional societies]. Proceedings of the International Conference. Vol. 5. Pt. 1. Tyumen: Tyumen State University. pp. 189–192. (In Russian).
9. Sadovoy A.N. (2015) Traditional Culture and Natural Resources Use (Black Sea Coast Natives in the XIX Century). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts.* 3 (32).
10. Tornau, F.F. (2008) *Vospominaniya kavkazskogo ofitsera* [Memoirs of a Caucasian officer]. Maykop: Poligrafizdat "Adygeya".
11. Sadovoy, A.N. (2011) Institut rabstva v XIX v.: forma russko-cherkesskogo protivostoyaniya [Institute of Slavery in the 19 century: A Form of the Russian-Circassian Confrontation]. In: *Slavyanskiy mir. Dialog kul'tur* [Slavic World. Dialogue of Cultures]. Kemerovo; Omsk: Kemerovo State University of Culture and Arts. pp. 164–174.
12. Belozerova, M.V. (2012) K probleme mezhetnicheskogo vzaimodeystviya na territorii rossiyskogo Prichernomor'ya (na primere Bol'shogo Sochi) [On the problem of interethnic interaction in the territory of the Russian Black Sea (on the example of Greater Sochi)]. In: Yanashek, K. et al. (eds) *Homo communicans II: chelovek v prostranstve kommunikatsii*. Szczecin, Poland: GRAFFORM. pp. 46–52.
13. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-348. List 1. File 8. (In Russian).
14. Belozerova, M.V. (2015) To the Problems of the Russian-Circassian Interaction and Formation of Ethnic Identity: XIX – Early XX Century *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts.* 32. pp. 26–33. (In Russian).
15. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 261. List 1. File 1955. (In Russian).
16. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 261. List 1. File 94. (In Russian).

17. Vereshchagin, A.V. (1878) *Kolonizatsiya Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza. Zhivoy vopros nashikh okrain* [Colonization of the Black Sea coast of the Caucasus. A relevant problem of our borderlands]. St. Petersburg: tip. V.F. Putsykovicha.
18. Tveritinov, I.A. (2009) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Sochinskogo okruga vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov* [Socio-economic development of the Sochi district in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries]. Maykop: Poligraf-Yug.
19. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund 584. List 3. File 16. (In Russian).
20. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-25. List 1. File 679. (In Russian).
21. Libussr.ru. (2018) *Dekret SNK RSFSR ot 23.08.1923 g. "Pravila o poryadke, usloviyakh i srokakh ispol'zovaniya gosudarstvennykh zemel'nykh imushchestv"* [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of August 23, 1923, "Rules on the procedure, conditions and terms for the use of state land property"]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1801.htm. (Accessed: 12.02.2018).
22. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-25. List 1. File 153. (In Russian).
23. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-158. List 1. File 12. (In Russian).
24. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-158. List 1. File 15. (In Russian).
25. Library.ru. (2018) Dekret ot 04.04.1919 g. "O lechebnykh mestnostyakh obshchegosudarstvennogo znacheniya" [Decree of April 04, 1919, "On therapeutic areas of national significance"]. [Online] Available from: http://www.library.ru/help/docs/n20310/decret.htm. (Accessed: 12.02.2018).
26. Ussrdoc.narod.ru. (2018) *Postanovlenie VTsIK i SNK ot 23.06.1921 g. "Ob upravlenii kurortami obshchegosudarstvennogo znacheniya"* [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of June 23, 1921, "On the management of resorts of national significance"]. [Online] Available from: http://www.ussrdoc.narod.ru/. (Accessed: 12.02.2018).
27. (1958) Postanovlenie VTsIK i SNK "O kurortakh Kryma, Kavkaza i Kubani" ot 11 iyunya 1921 goda [Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars "On the Resorts of the Crimea, the Caucasus and Kuban" of June 11, 1921]. In: *Postanovleniya KPSS i Sovetskogo pravitel'stva ob okhrane zdorov'ya naroda* [Decisions of the CPSU and the Soviet Government on the protection of public health]. Moscow: Medgiz. pp. 75–76
28. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-158. List 1. File 22. (In Russian).
29. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-158. List 1. File 20. (In Russian).
30. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-158. List 1. File 24. (In Russian).
31. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-158. List 1. File 36. (In Russian).
32. Kandor, R.S. (2009) Abolition of Serfdom of the West Adyghe (Circassians) in the Kuban Region in the 1860s. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 90. pp. 53–57. (In Russian).
33. Dubrovin, N.F. (2016) *Kavkaz i narody ego naselyayushchie* [The Caucasus and its peoples]. Book 1. Moscow: Kuchkovo pole.
34. Sadovoy, A.N. (2016) Sotsial'naya stratifikatsiya cherkesov Prichernomor'ya v kontse XIX – nachale XX v. Soslovnyy i klassovyy aspekty analiza [Social stratification of the Circassians of the Black Sea at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. The estate and class aspects of analysis]. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya: nauchno-tekhnicheskiy zhurnal*. 1 (34). pp. 120–129.
35. Anon. (1897) *Iz doklada chinovnika osobykh porucheniy deystvitel'nogo statskogo sovetnika M.A. Kraevskogo na temu "K voprosu kolonizatsii Chernomorskoy gubernii" s prilozheniem chasti issledovaniya mladshego taksatora Lichkusa o byvshikh gorskikh aulakh, a takzhe chastnovladel'cheskikh i poselyanskikh khozyaystvakh Chernomorskoy gubernii* [From the report of the official of special assignments of M.A. Kraevsky, the current state adviser, on the topic "On the issue of colonization of the Black Sea Province" with an appendix of part of the study of the younger taxiator Lichkus on the former mountain villages, as well as private and rural farms of the Black Sea Province]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
36. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund 25. List 1. File 183. (In Russian).
37. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund 25. List 1. File 153. (In Russian).
38. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund 25. List 1. File 171. (In Russian).
39. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund 25. List 1. File 679. (In Russian).

Received: 26 March 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 132–138. DOI: 10.17223/15617793/447/16

УДК 398.221

А.В. Дарчиев

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОБРАЗА ДЗЕРАССЫ В ОСЕТИНСКОЙ НАРТИАДЕ

Статья посвящена рассмотрению малоизученного персонажа осетинской нартиады – дочери морского владыки по имени Дзерасса. Анализ нартовского сказания о Дзерассе позволил выявить ряд важных признаков, свидетельствующих об архаичной основе данного сюжета, а также о типологическом единстве Дзерассы с богинями-прародительницами архаичных мифологий. Присутствующий в сказании мотив разделяющего меча находит многочисленные фольклорные параллели, но вопрос о его происхождении требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: нартовский эпос; Дзерасса; богиня-мать; близнецы; рыцарский роман; лисица; меч; символ непорочности; мифология.

Дзерасса – одна из главных героинь осетинской нартиады, дочь морского владыки Донбеттыра. Сказители неизменно называют Дзерассу красавицей (*Дзерассæ-рæсугъд*), подтверждая это весьма поэтичным описанием ее внешности: она сияет, как солнце (*хурау æрттивы*), у нее золотые волосы (*сызгъæрин хилтæ*) и черные брови (*сау æрфгуытæ*), она белолицая (*урсцъар цæсгом*), ее улыбка нежна, как вечерний свет заходящего солнца (*худæн былтæ хур бон изæрау*), ее взгляд, словно сияние луны (*йæ фæкаст – мæйрухс*), она стройна, у нее «лебединая» шея (*йæ конд – хъазхъуыр*). Красота не единственное достоинство Дзерассы. Обладая способностью к превращениям, в образе голубки она проникает в сад Бурафарныга и похищает плоды чудесной яблони нартов. Но однажды нартовские близнецы Ахсар и Ахсартаг, охранявшие яблоню, ранили ночную похитительницу. По ее кровавому следу братья вышли к берегу моря. Ахсартаг спустился в подводное царство Донбеттыра, исцелил Дзерассу и стал ее мужем. После возвращения Ахсартага и Дзерассы на морской берег между Ахсаром и Ахсартагом возникает конфликт, приведший к гибели обоих братьев. У Дзерассы от Ахсартага родились близнецы Уырызмаг и Хамыц, которые положили начало сильнейшему нартовскому роду Ахсартагката. Такова в самых общих чертах фабула сказания о Дзерассе[1]. Анализу данного сказания посвящено немало прекрасных страниц в книгах В.И. Абаева [2. С. 153–159][2], Л.А. Чибирова [3. С. 39–42], А.А. Туаллагова [4. С. 28–75] и В.А. Цагараева [5. С. 20–49], поэтому мы выделим лишь некоторые аспекты, требующие дальнейшего изучения.

Для похищения яблок из нартовского сада Дзерасса оборачивается не только золотой голубкой [6. С. 17], но и лисицей [Там же. С. 27]. Недавние исследования Клауса Майлана показали, что в архаичных мифологиях лисица является священным животным богини-матери, подательницы плодородия во всех его проявлениях [7, 8]. Присутствующая в нартовском сказании специфическая связь лисицы и водной стихии обнаруживает некоторые соответствия в фольклоре североевропейских народов. В датской сказке только лисица знает дорогу к Морской деве и показывает ее герою [9. S. 28], а в шведской Морская дева сама превращается в лисицу [10. S. 8].

Особенно интересна саамская сказка, в которой два брата, преследуя лисицу, вышли к берегу моря. Вместо лисы они встретили здесь Морскую деву, которая сидела на камне и расчесывала свои длинные волосы. Младший брат хотел выстрелить в нее, но старший помешал ему, предупредив Морскую деву об опасности. На следующий вечер старший брат пришел на то же место на берегу. Сначала перед ним появилась черная лисица, в которую он выстрелил. Вслед за этим из моря выплыла Морская дева и пригласила юношу в подводный дом своего отца. Там он получил богатые дары, вернулся обратно и с тех пор стал зажиточным и счастливым человеком. А младшего брата, пытавшегося убить Морскую деву, повсюду преследовали неудачи [11. S. 62–64].

Кроме очевидной связи Морской девы и лисицы, саамская сказка обнаруживает и другие соответствия с нартовским сказанием. Так же, как и нартовские близнецы, два брата преследуют лисицу и выходят к берегу моря. Здесь они находят Морскую деву, из-за которой между братьями возникает разногласие, подобно тому как из-за Дзерассы возникает конфликт между Ахсаром и Ахсартагом. Один брат пытается выстрелить в Морскую деву, но другой всячески препятствует ему. В Дзерассу стреляют, но затем спасают от смертельной раны. В обоих случаях отмечается особая сила, заключенная в волосах морской обитательницы. Для того чтобы подняться со дна морского на берег, Дзерасса совершает какую-то магическую манипуляцию: «Потянула она свой волос в тот час, когда исполняется просимое (*айвæзта йæ сæры хил курдиат сахаты*), и оба они, Ахсартаг и Дзерасса, превратились в больших перламутровых рыб и устремились со дна морского на поверхность» [6. С. 30]. В саамской сказке один из братьев также спускается в морские глубины и поднимается обратно, при этом, чтобы юноша не захлебнулся, Морская дева велит ему уткнуться лицом в ее волосы [11. S. 63]. Возможно, указанные соответствия объясняются древними контактами угро-финских племен с индоиранцами, отразившимися и в области мифологических представлений[3].

Лисица, образ которой принимает Дзерасса, наделяется эпитетами *хины* и *цæллаг* [6. С. 27]. *Хин* означает «колдовство», и выражение *хины рувас*, несомненно, есть то же самое, что и *хины сырд* «заколдованный зверь», как во многих фольклорных текстах называется неуязвимое животное, способное погубить охотника [14. С. 202]. Дзерасса-лиса обладает такой

же волшебной неуязвимостью, опасной для стреляющих в нее нартов: «*Нарты фæсивæд æй æхсынц фатæй, æмæ йæ хъуыны дæр нæ хизы сæ фаты æрттигъ, фæстæмæ сæхиуыл æсхъиуы*» [6. С. 27] («Нартовская молодёжь пускает в нее стрелы, но наконечники их стрел не пронзают даже ее волос (шерсть) и в них самих обратно отскакивают»). Но *хин* означает еще и «хитрость, хитрый». Действительно, лисица – существо весьма проворное, сообразительное и хитрое. Эти незаменимые свойства также помогают нашей красавице провести сторожей и вдоволь наесться яблок в саду Бурафарныга.

Относительно значения *цæллаг рувас* полной ясности нет. Его переводят как «плескливая» [15. С. 87], «пирующая» [16. С. 197] или «хитрая» [17. С. 513] лисица. В другом тексте, очевидно, записанном от того же сказителя, с такой лисицей сравниваются голодные нарты, набросившиеся на еду: «*Нарт дын фæхæлæф кодтой кæрæфау æмæ цæллаг рувасау цæлминас кæнынц*» [6. С. 242] («Нарты с жадностью расхватали [угощения] и, словно *цæллаг* лисицы, пируют-угощаются»). Как видно, здесь *цæллаг* сближается по значению с *цæлуарзаг* «любитель угощения, обжора» и применительно к лисице, вероятно, также указывает на ее превосходный аппетит. Добавим, что в природе лисы действительно любят полакомиться яблоками и даже способны взбираться на невысокие, слегка наклоненные деревья.

В Сослановском цикле имеется сказание, которое в основных чертах повторяет сюжет о Дзерассе и волшебной яблоне. «Сестра семи братьев» (*авд æфсымæры хо*) превратилась в куницу и проникла в селение нартов. Сослан стал преследовать ее и выстрелом из лука нанес тяжелую рану. Затем он явился в дом семи братьев и исцелил девушку, приложив к ее ране оторванный стрелой кусочек куньей шкуры. Благодарные братья отдали сестру в жены Сослану [18. С. 416]. Здесь героиня превращается не в лису, а в куницу[4], и это не единственный случай подобной замены. «Нарты и чёрная лисица» – малый цикл осетинской нартиады, объединяющий сказания о том, как на охоте Уырызмаг, Хамыц и Сослан / Созырыко убили черную лисицу и делили между собой ее шкуру. В одном варианте лису вновь заменяет куница: «*Стæй сыл иу сæлавыр алыгъди, рацахстой йæ, аргæвстой йæ, йæ фыд ын бахордтой, йæ цармыл та йын тæрхон кодтой*» [6. С. 203]. По славянским народным представлениям, лисица – животное, родственное куньим и другим пушным зверям, поэтому здесь также прослеживается взаимозаменяемость лисы и куницы в сходных фольклорных контекстах [21. С. 114–115].

Оказавшись у донбеттыров, Ахсартаг исцеляет раненую Дзерассу при помощи чудесных нартовских яблок. Отметим особо, что действие происходит на морском дне, а эти яблоки – красного цвета (*сырхфарс фæткъуытæ, уд ирвæзынгæнæг*) [6. С. 29]. Подводный мир в эпосе несет в себе явные признаки мира иного, потустороннего, поэтому можно предположить, что мотив «яблока в море» связан с известным элементом осетинского поминального обряда: у стола с приготовленными для посвящения покойному едой и напитками ставят наполненное пивом ведро, в которое опускают красное яблоко. Можно сказать, что яблоко в емкости с пивом представляет собой зримую модель нартовского мотива. И коль скоро нартовские яблоки спасают Дзерассу от смерти, возможно, в поминальном обряде красное яблоко также связано с представлениями о воскрешении и бессмертии. Нартовский мотив «яблока в море» напоминает отчасти ведийский космогонический миф о золотом зародыше, плавающем в изначальных водах [22. С. 112–146]. При этом ведийские тексты изображают вместилище изначальных вод (океана) в нижнем мире, как ведро, полное благ / воды, или кувшин, наполненный напитком бессмертия амритой [Там же. С. 156, 158]. Ср. ведро с пивом в осетинском обряде.

В другом сказании упавшее в море яблоко указывает Уырызмагу путь к донбеттырам. Сами нарты, согласно одному варианту, происходят из морских глубин: «*Нарт кæцæй рантæстæнцæ, уой Хуцауæй æндæр неке зонуй, фал тауæрæхъæй зæгъунцæ, денгизи бунæй рацудæнцæ Нарти адæм, зæгъгæ*» [6. С. 22]. («Откуда появились нарты, этого никто, кроме Бога, не знает, но предания говорят, что нартовский народ вышел со дна морского»). Сопоставление этих двух мотивов делает возможным еще одного толкование: яблоко в осетинском поминальном обряде, вероятно, также могло представляться указателем пути в ту морскую обитель, из которой некогда предки (каковыми у осетин считались нарты) появились на свет.

Вернувшись из подводного царства, Ахсартаг и Дзерасса находят на морском берегу шалаш Ахсара. Дзерасса остается в шалаше, Ахсартаг же отправляется на поиски брата. В это время возвращается Ахсар, которого Дзерасса принимает за своего мужа (ведь они близнецы, ничем не отличающиеся друг от друга). Поняв, что перед ним жена его брата, Ахсар отстраняется от Дзерассы. В ряде вариантов эпизод ночлега в шалаше дополнен интересной деталью: приготовив постель, Ахсар кладет между собой и Дзерассой меч [6. С. 60, 78–79, 97; 23. С. 26]. Насколько нам известно, Т.А. Гуриев первым обратил внимание на эту деталь и сопоставил ее с аналогичным мотивом в германо-скандинавской мифологии, где Сигурд добывает невесту (Брюнхильду) для своего побратима Гуннара, с которым они очень похожи. Сигурд выдает себя за Гуннара и проводит с его невестой три ночи, но всякий раз кладет меч между собой и Брюнхильдой [24. С. 155–159].

Выявив эту аналогию, Т.А. Гуриев наметил весьма перспективное направление исследований. Немногим позднее в статье Йоста Гипперта разделяющий меч Ахсара был определен как один из вариантов широко распространенного в средневековой европейской литературе мотива о «символе непорочности», т.е. о лежащем в постели между мужчиной и женщиной предмете, чаще всего обнаженном мече, символизирующем непорочность или верность [25. S. 1214]. Гипперт отсылает к статье Карин Лихтблау “Symbolum castitatis” [26. S. 96–99], из которой явствует, что, помимо германо-скандинавского эпоса, данный мотив ярко представлен в рыцарских романах, и в первую очередь – в известном старофранцузском романе «Ами и Амиль».

Доблестные рыцари Ами и Амиль находятся на службе у императора Карла Великого. Внешне друзья настолько похожи друг на друга, что их невозможно отличить. Амиль совершает серьезный проступок, вступив в связь с принцессой Белиссантой, о чем вскоре предатель Ардре доносит императору. Чтобы оправдать себя, Амиль должен сразиться с доносчиком в так называемом поединке Божьего суда. Амиль опасается, что потерпит поражение (сознание древних не допускало мысли о победе виновного в подобных поединках), однако на помощь ему приходит Ами. Он вступает в схватку вместо своего друга-близнеца, Амиль же в это время вынужден выдавать себя за Ами и делить ложе с его женой Лубией. Но каждую ночь Амиль кладет между собой и Лубией обнаженный меч, оправдываясь необходимостью воздержания, будто бы предписанного ему врачом [27. S. 1–30]. Более того, в некоторых текстах он предупреждает Лубию о смертельной опасности: она будет убита мечом, как только попытается нарушить эту границу [28. S. 150].

Кроме «символа непорочности», можно отметить и другие совпадающие детали. Дзерасса возмущена тем, что «муж» кладет между ними обнаженный меч [6. С. 78–79]. Казалось бы, все могло завершиться благополучно, если бы Ахсар просто объяснил Дзерассе, кто он такой. Но вплоть до возвращения брата Ахсар не проронил ни слова. Очевидно, архаичная мифологическая схема, которой следует сказитель, исключала возможность такого объяснения и требовала, чтобы Ахсар не раскрывал себя, оставляя Дзерассу в опасном заблуждении. Надо полагать, этому имелось какое-то объяснение, но текст сказания его не сохраняет, отчего вся ситуация кажется абсолютно нелогичной. С Амилем и Лубией происходит нечто похожее: Лубия изумлена и гневно требует объяснений от «мужа», положившего между ними меч [27. S. 29]. Амиль, также как и Ахсар, не раскрывает себя, но его поведение оправданно, поскольку он сознательно заменяет своего друга.

О происхождении мотива «разделяющего меча» («символа непорочности») существуют разные мнения. Согласно Райтценштайну, он восходит к древнему обычаю, когда в первую брачную ночь муж клал между собой и женой деревянное изображение божества (шест, палку), которому придавалось оплодотворяющее значение. Лишь позднее оплодотворяющий шест был заменен мечом и стал восприниматься как символ разделения [29. S. 198–201]. В то же время Якоб Гримм видел в этом мотиве отражение существовавшего в древности правового обычая: если мужчина делил ложе с женщиной, которой не желал касаться, он клал между собой и этой женщиной меч [30. S. 232–234]. Некоторые современные исследователи придерживаются аналогичной точки зрения и трактуют разделяющий меч как древний «правовой символ» (Rechtssymbol) [31. S. 138].

Как уже отмечалось, Амиль может доказать, что не вступал в связь с Белиссантой, только сразившись в поединке Божьего суда со своим обвинителем. Несмотря на то, что разделяющий меч должен быть неоспоримым доказательством непорочно проведенной ночи, трагическая развязка неизбежна почти во всех вариантах осетинского сказания, и здесь также присутствует мотив Божьего суда. Чтобы развеять возникшие у брата подозрения, Ахсар (или в иных вариантах Ахсартаг) пускает в небо стрелу с такой молитвой: «О единый Бог, творец мира! Если виновен я в том, в чём ты (*т.е. брат-близнец – Д.А.*) меня подозреваешь, пусть стрела эта двумя уйдёт в небо, вернётся обратно одной и поразит меня в голову. Если же душа моя чиста, то пусть уйдёт вверх одна стрела, а вернутся обратно две и поразят наши головы!» [6. С. 60]. Перед нами акт Божьего суда, совершаемого с той же целью, что и в рыцарском романе: доказать или опровергнуть нарушение запрета, касающегося отношений с женщиной.

Ами не только сразился вместо друга в судебном поединке, но и вынужден был участвовать за него в таинстве брака с Белиссантой, совершив тем самым великий грех. Этого небеса не простили даже безупречному Ами, и его поразила проказа. Когда выяснилось, что исцелиться он может, только омывшись кровью сыновей Амиля, последний пожертвовал детьми ради друга. Но вскоре после этого дети чудесным образом ожили[5]. Сцена, когда убитая горем Белиссанта обнаруживает своих сыновей живыми, содержит одну весьма любопытную деталь:

Man hatte unterdes die Thür geöffnet.
Da offenbarte sich die Gnade Gottes:
Man fand die Kinder unter ihrer Decke,
Doch lebten sie und jubelten vor Freude.
Sie hielten einen Apfel, der von Gold war,
Und damit spielten sie so froh und munter [27. S. 78].

«Меж тем открыла она дверь.
И тут явилась милость Божья:
Нашла детей она под их покровом,
Но были живы те и в радости великой.
Держали они яблоко из злата,
И бодро, весело игрались им».

Золотое яблоко в руках оживших детей Амиля – деталь, на первый взгляд, никак не мотивированная. Однако в романе это единственное упоминание какого-либо яблока, и тот факт, что оно относится именно к моменту оживления детей, позволяет предположить, что и здесь яблоко первоначально было таким же средством возвращения к жизни, каким оно выступает в нартовском сказании (согласно ряду вариантов, чудесные нартовские яблоки тоже золотые).

После исцеления Ами друзья-близнецы совершают паломничество в Святую землю:

176. Aus Blaivies zogen sie bei Tagesanbruch;
Sie wollten übers Meer, nach Ablass trachtend…
Sie ritten jeden Tag in kleinem Trabe,
Bis endlich sie das Meer vor sich erblickten.
Sie segelten bei gutem Wind hinüber
Und machten erst beim heil'gen Grabe Halt.
Dort küssten sie gar oft das heil'ge Kreuz,
An dem Herr Jesus einst gepeinigt wurde.
Drauf traten sie den Rückweg wieder an.
Sie fuhren übers weite Meer zurück;
Dann stiegen sie auf ihre guten Renner.
Es ritten durch die Lombardei dahin
Die beiden edlen Helden.

177. Nach ihrer Meerfahrt nahmen die Barone
Den Rückweg mitten durch die Lombardei;
In ihre Lande wollten sie zurück.
Sie kamen auf der Reise durch Mortara;
In dieser Stadt befiel sie eine Krankheit,
Und daran starben sie, das ist gewiss.
Die Pilger, die auf jener Strasse wallen,
Die wissen, wo ihr Grab gelegen ist [27. S. 84–85].

«176. Двинулись в путь из Блаи они на рассвете;
Желали они через море пройти, стремясь получить искупленье…
Мелкою рысью скакали они каждый день,
И вот пред собою увидели море.
С ветром попутным под парусом плыли они,
И только у Гроба Святого своё прекратили движенье.
Истово Крест они там целовали святой,
Господь Иисус на котором когда-то подвергся мученьям.
После в обратный они отправились путь.
Снова поплыли они по широкому морю;
А после взобрались на добрых своих скакунов.
Через Ломбардию мчались они,
Два благородных героя.
177. Плаванье в море своё завершив, бароны
Через Ломбардию путь обратный держали;
В земли родные они хотели вернуться.
Дорога их проходила через Мортару;
В городе том сражены они были недугом,
Из-за него и почили, истинно это.
Странники, что по дороге той бродят,
Знают они, где лежит их могила».

Последнее путешествие Ами и Амиля, если и не совпадает сюжетно с гибелью Ахсара и Ахсартага, то, как нам представляется, обнаруживает некоторые фабульные соответствия с нартовским сказанием. Как видно из приведенного выше текста, паломничество, которое совершают два друга-близнеца, это дорога к морю и последовавшее затем морское путешествие, подобно тому как к морю устремляются братья-близнецы Ахсар и Ахсартаг. В приведенном выше отрывке ощущается особое значение этой детали: Ами и Амиль «хотели» пройти через море (Sie wollten übers Meer), а описанию пути к морю и плаванию отводится едва ли не больше места, чем пребыванию в Святой земле. Завершив морское плавание, Ами и Амиль возвращаются домой, но, проезжая на обратном пути через город Мортару[6], умирают от какой-то болезни (по другой версии, погибают от руки убийцы), так же как после возвращения из моря Ахсара и Дзерассы погибают нартовские братья-близнецы. Ами и Амиль погребены бок о бок в одной могиле, так же как вместе погребены Ахсар и Ахсартаг. Вероятно, все это свидетельствует о том, что в рыцарском романе старый фольклорный мотив о путешествии близнецов к морю и их гибели на обратном пути подвергся переработке, в результате которой рыцари предстают перед нами благочестивыми христианами, совершившими паломничество и умершими по дороге в родные земли.

Мотив «символа непорочности» встречается в знаменитом рыцарском романе о Тристане и Изольде, причем здесь имеется еще одно интересное совпадение: меч разделяет Тристана и Изольду, когда они спят в лесном шалаше [35. С. 56–58], точно так же как разделённые мечом Ахсар и Дзерасса находятся в шалаше посреди леса [6. С. 29–31]. Король Марк, муж Изольды, увидев, что спящие разделены обнаженным мечом, убедился в их невиновности. Он забрал с постели меч Тристана и оставил вместо него свой. Похожий мотив обнаруживаем в сказании о том, как нарты испытывали Батраза. Возвратившись из похода, Батраз застал жену в постели с другим мужчиной. Благородный герой вонзил между спящими свою саблю, а сам заночевал во дворе [36. С. 218].

Уже давно высказывалось мнение о том, что в основе рыцарского романа об Ами и Амиле лежит древняя легенда «восточного происхождения» [27. S. I; 37. S. 438; 38. S. XII], и, вероятно, роман о Тристане и Изольде также испытал сильное влияние восточной литературы [35. С. 653–655]. Поэтому для объяснения всех этих аналогий нельзя исключать возможность заимствования, но каким образом и в каком направлении оно проходило, еще предстоит выяснить.

В то же время следует иметь в виду, что сходство может быть типологическим, как это прекрасно показала А.Л. Баркова, проведя сравнительный анализ осетинского сказания о Дзерассе и индейского мифа о близнецах Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу [39]. На фоне разительных совпадений с индейским мифом, которые невозможно объяснить ничем, кроме типологического (архетипического?) сходства, исследовательница замечает и одно отличие нартовского текста. Индейские близнецы выступают как неразличимые герои. О них говорят то в единственном, то во множественном числе. Они имеют одну жену и, словно один персонаж, оба близнеца выступают прародителем главных героев. У Ахсара и Ахсартага, по мнению, исследовательницы, такая особенность не прослеживается. «У нас нет оснований полагать, – пишет А.Л. Баркова, – что некогда и Ахсар, и Ахсартаг вступали в союз с Дзерассой. Параллель с индейским эпосом убеждает нас, скорее, в другом: что возможность полиандрии всегда *яростно* отрицалась осетинскими сказителями» [Там же].

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют внести некоторые коррективы в это заключение. Общепринятое изложение сюжета о Дзерассе и нартовских близнецах в интересующей нас части выглядит так: охраняя чудесное дерево, один из братьев бодрствует, в то время как другой спит. В Дзерассу стреляет и попадает один (бодрствующий) брат. На дно морское также спускается один из братьев, а другой дожидается в шалаше на берегу. Дзерасса и брат ее мужа проводят в шалаше непорочную ночь и даже не разговаривают. Родившиеся у Дзерассы близнецы – Уырызмаг и Хамыц – дети одного из братьев (Ахсартага или Ахсара). Однако это изложение не отражает всего многообразия вариантов данного сказания, многие из которых в указанных моментах кардинально отличаются от версии, принятой за основную. Приведем некоторые из них.

1. Охраняя яблоню, Ахсар и Ахсартаг не спят, вместе и одновременно стреляют в Дзерассу из одно-

го ружья: «*сæ фыдæлты хæзна бæласы цонгмæ баластой æмæ йæ, змæлын кæцæй цыд, уырдæм фæгæрах кодтой*» [6. С. 16]. Наутро они вместе находят окровавленное золотое крыло раненой голубки (т.е. Дзерассы), подбирают его и, словно речь идет об одном персонаже, кладут «за свой пояс»: «*Базыр систой æмæ йæ бафснайдтой сæ роны*» [Там же].

2. Ахсар и Ахсартаг спускаются на морское дно и вместе попадают в дом донбеттыров [Там же. С. 38].

3. Дзерасса вступает в связь с деверем, и в этот момент их застает вернувшийся с охоты муж [Там же. С. 18, 24, 31, 52, 74]. В результате – и тексты говорят об этом со всей определенностью – Дзерасса беременеет от обоих братьев одновременно, а родившиеся у нее близнецы Уырызмаг и Хамыц это сыновья Ахсара и Ахсартага: «*Дзерассæ дын бацис сывæрджын Æхсар æмæ Æхсæртæгæй, æмæ йын Донбеттыртæм райгуырди дыууæ лæппуйы, фаззæттæ, Хæмыц æмæ Уырызмæг*» [Там же. С. 33] («Дзерасса забеременела от Ахсара и Ахсартага, и в [доме] донбеттыров родились у неё два мальчика, близнецы Хамыц и Уырызмаг»); «*Уый йæ цæгатмæ куы ныццыди, уæд басывæрджын дыууæ æфсымæрæй, æмæ йын дыууæ лæппуйы райгуырд*» [6. С. 53] («Когда спустилась она в [подводный] родительский дом, то забеременела от двух братьев [*от Ахсара и Ахсартага. – А.Д.*], и родились у неё два мальчика»; «*Ус йæ цæгатмæ ныццыд, йæ цæгаты басывæрджын Æхсар æмæ Æхсæртæгæй, æмæ йын райгуырд Уырызмæг æмæ Хæмыц*» [Там же. С. 74] («Женщина спустилась в [подводный] родительский дом, в родительском доме забеременела от Ахсара и Ахсартага и родились у неё Уырызмаг и Хамыц»).

Резюмируя все вышесказанное, приходим к следующим выводам. В образе Дзерассы просматриваются черты древней богини-матери, о чем, помимо прочих признаков, свидетельствует мотив превращения Дзерассы в лисицу. Братья-близнецы Ахсар и Ахсартаг, от которых Дзерасса рождает главных героев эпоса, выступают как двуединый персонаж, что является несомненным признаком архаичной мифологической основы сказания о Дзерассе. Мотив меча, разделяющего Дзерассу и Ахсара / Ахсартага, имеет многочисленные фольклорные и этнографические параллели, однако вопрос о его происхождении до сих пор не решен и требует дальнейшего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В одном варианте эта героиня выступает под именем Ацира-рæсугъд, красавица Ацира. Ср. Асират (в позднейшем призношении Ашера) – в западносемитской мифологии имя владычицы моря, матери божественных близнецов Шахару и Шалимму [1. С. 71].

[2] В.И. Абаев обнаружил яркий параллелизм между сказанием об Ахсаре и Ахсартаге и италийской легендой о Ромуле и Реме, в частности, мотив связи близнецов с водной стихией. По мнению ученого, выявленные аналогии могут быть отражением давних контактов предков латинян и скифов, о чем свидетельствует ряд латинско-осетинских лексических схождений [2. С. 155]. Не относится ли к таким схождениям и осет. удайын «мочить, увлажнять» – лат. udāre «мочить, увлажнять», udus «мокрый, влажный» ?

[3] Е.Е. Кузьмина обратила особое внимание на сходство образа богини-матери в финно-угорской и иранской мифологии. В обеих традициях богиня-мать тесно связана с бобрихой, которая первоначально выступала ее зооморфным воплощением, а затем и священным животным. Высказывалось предположение, что образ богини-матери, ассоциировавшейся с бобрихой, был заимствован иранцами из угорской традиции. В то же время Е.Е. Кузьмина отмечает, что соотнесенность богини-матери с водной стихией и обитающими в ней животными характерна для всех ираноязычных народов: «У иранцев это покровительница вод Ардвисура Анахита в бобровой шкуре, у скифов – прародительница дочь Днепра (Дон априса) змееногая нимфа, в греческом искусстве изображавшаяся с морскими коньками, у осетин – прародительница Дзерасса – живущая в глубинах вод дочь повелителя вод Донбетыра, предстающая в образе водяной черепахи» [12. С. 251–252]. На основании этих и других фактов исследовательница высказывает предположение о древнем происхождении индоиранского культа богини-матери, сформировавшегося в евразийской лесостепной зоне в непосредственной близости к территории финно-угорских племен [13. P. 175].

[4] Не связано ли осетинское сæлавыр «куница» с загадочным животным салаврика (sālāvriká) ведийской мифологии? Считается, что салаврика обозначает оборотня [19. С. 246] или какого-то хищного зверя из семейства Canidae [20. С. 371].

[5] См. интересные наблюдения К.Ю. Рахно об ареальных связях данного мотива: [32. С. 230–242]. К приведенным автором аналогиям следует добавить и кабардинское предание «Два друга», при этом речь идет не только о мотиве исцеления детской кровью. Кабардинское предание обнаруживает едва ли не полное сюжетное совпадение с французским романом об Ами и Амиле [33. С. 94–103]. Это поразительное сходство заслуживает отдельного рассмотрения.

[6] Вероятно, стоит обратить внимание на тот факт, что современная Мортара окружена топонимами, отражающими былое сармато-аланское присутствие в Северной Италии: в 35 км. северо-западнее Мортары расположена Аланья, в 20 км. к юго-востоку – Аланья Ломеллина. Относительно недалеко от Мортары находились также поселения Алан Д'Риано, Сармато, Сармарате и др. [34. С. 51–58].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шифман И.Ш. Культура древнего Угарита (XIV–XIII вв. до н.э.). М. : Наука, 1987. 236 с.
2. Абаев В. И. Нартовский эпос осетин // Абаев В. И. Избранные труды. Владикавказ : Иркутск, 1990. Т. 2. С. 142–242.
3. Чибиров Л.А. Осетинская Нартиада: мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ : Иркутск, 2016. 463 с.
4. Туаллагов А.А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2001. 315 с.
5. Цагараев В.А. Золотая яблоня нартов: История, мифология, искусство, семантика. Владикавказ : РИПП им. В.А. Гассиева, 2000. 300 с.
6. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа: на осет. яз. Владикавказ : Иристон, 2003. Кн. 1. 590 с.
7. Mailahn K. Der Fuchs in Glaube und Mythos. Berlin-Münster : Lit, 2006. 448 s.
8. Mailahn K. Der Fuchs und die Göttin: Erkenntnisse über ein heiliges Tier der Großen Mutter. Gamburg : disserta Verlag, 2014. 344 s.
9. Mailahn K. Göttin, Fuchs und Ostern. Berlin : Lit, 2007. 112 s.
10. Wislicenus H. Die Symbolik von Sonne und Tag in der germanische Mythologie, mit Beziehung auf die allgemeine Mythologie. 2. Aufgabe. Zürich : Schabelitz'sche Buchhandlung, 1867. 92 s.
11. Poestion J.C. Lappländische Märchen, Volkssagen, Räthsel und Sprichwörter. Nach lappländischen, norwegischen und schwedischen Quellen. Wien : Carl Gerold's Sohn, 1886. 303 s.
12. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М. : МГП «Калина», 1994. 463 с.
13. Kuz'mina E.E. The origin of the Indo-Iranians. Leiden-Boston : Brill, 2007. 762 p.

14. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л. : Наука, 1989. Т. 4. 325 с.
15. Чочиев А.Р. Нарты-арии и арийская идеология. М. : Акалис, 2000. 504 с.
16. Моргоева Л.Б. Функциональная специфика лексико-семантических репликаций в текстах нартского эпоса // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации : сб. науч. тр. Владикавказ : СОИГСИ, 2015. С. 192–200.
17. Осетинско-русско-английский словарь: в 2 т. Владикавказ : СОИГСИ, 2015. Т. 2. 570 с.
18. Сказания о нартах: на осет. яз. : в 5 т. Орджоникидзе ; Иркутск, 1989. Т. 1. 496 с.
19. Элиаде М. Священные тексты народов мира. М. : КРОН-ПРЕСС, 1998. 624 с.
20. Атхарваведа. Избранное. М. : Наука, 1989. 406 с.
21. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М. : Международные отношения, 2004. Т. 3. 693 с.
22. Кёйпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. М. : Наука, 1986. 196 с.
23. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа: на осет. яз. Владикавказ : СОИГСИ, 2003. Кн. 7. 617 с.
24. Гуриев Т.А. Наследие скифов и алан : Очерки о словах и именах. Владикавказ : Иркутск, 1991. 173 с.
25. Gippert J. Narten // Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1999. Bd. 9. S. 1210–1218.
26. Lichtblaw K. Symbolum castitatis // Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2010. Bd. 13. S. 96–99.
27. Amis und Amiles. Ein altfranzösisches Heldengedicht. In deutsche Verse übertragen von Heinrich Grein. Kiel : Robert Cordes, 1902. 92 s.
28. Winst S. Amicus und Amelius: Kriegerfreundschaft und Gewalt in mittelalterischer Erzahltradition. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2009. 500 s.
29. Reitzenstein F.F. v. Fruchtbarkeitszeremonien // Handwörterbuch der Sexualwissenschaft. Enzyklopädie der nature- u. kulturwissenschaftlichen Sexualkunde des Menschen / Neuausgabe von R. Jütte. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2001. S. 198–201.
30. Grimm J. Deutsche Rechtsalterthümer. 4-te vermehrte Ausgabe. Leipzig : Theodor Weicher, 1899. Bd 1. 675 s.
31. Schulz M. Gottfried von Strassburg: “Tristan”. Stuttgart : J.B. Metzler, 2016. 231 s.
32. Рахно К.Ю. Два мотива сармато-аланского происхождения в средневековой религиозной литературе // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации : сб. науч. тр. Владикавказ : СОИГСИ, 2015. С. 230–242.
33. Народные сказания кавказских горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис : Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1872. Вып. 6. С. 94–103.
34. Бахрах Б.С. Аланы на Западе (от первого их упоминания в античных источниках до периода раннего средневековья). М. : Ард, 1993. 191 с.
35. Легенда о Тристане и Изольде. М. : Наука, 1976. 736 с.
36. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа: на осет. яз. Владикавказ : ИПП им. В.А. Гассиева, 2005. Кн. 3. 712 с.
37. Meyers Grosses Konversations-Lexikon. 6-te Aufl. Leipzig ; Wien : Bibliographisches Institut, 1902. Bd. 1. 904 s.
38. Konrad von Würzburg. Engelhard. Hrsg. von Ingo Reiffenstein. 3., neubearb. Aufl. d. Ausg. Paul Gereke. Tübingen : Niemeyer, 1982. 278 s.
39. Баркова А.Л. О некоторых необычных параллелях к осетинскому нартскому эпосу // Избранные материалы X Международного конгресса молодых ученых Перспектива. Нальчик, 2007. URL: http://mith.ru/caucas/pers02.htm (дата обращения: 29.05.2018).

Статья представлена научной редакцией «История» 24 сентября 2018 г.

On Some aspects of the Image of Dzerassa in the Ossetian Nartiada

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 132–138.
DOI: 10.17223/15617793/447/16

Anzor V. Darchiev, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: dar-anzor@yandex.ru

Keywords: Nart epic; Dzerassa; Mother Goddess; twins; knightly romance; fox; sword; symbol of purity; mythology.

The aim of the research is to determine the mythological content of the image of Dzerassa and try to identify its areal relations. The achievement of this aim involves an extensive use of comparative material from other folklore and mythological traditions in the Indo-European area and beyond. The source base of the research is the most authoritative scientific edition of the Ossetian Nart legends, as well as materials of Ossetian ethnography. Comparative material is represented by the data of the German-Scandinavian epos, fairy tale folklore of the peoples of Europe, and medieval chivalry novels. The study is based on *a* comparative methodology. The combination of a comparative mythological method and historical typological analysis allows a comparison of the Nart tales with texts belonging to other folk traditions in order to create a more complete picture of the Ossetians’ traditional worldview. The study examined the motives of the tales of Dzerassa, which until now have not been developed to a sufficient degree. (1) *The transformation of Dzerassa into a fox* finds close matches in the folklore of Northern European peoples, especially of the Saami, which is probably due to the contacts between the Indo-Iranians and Finno-Ugric tribes. (2) *Dzerassa’s healing with a miraculous apple* can be traced to the Ossetian funeral ritual, in which the apple was associated with a set of ideas about immortality. (3) *The theme of the “symbol of purity”* (an unsheathed sword) is similar to European epic tales and medieval chivalric novels. The context of the Dzerassa legend provides evidence in favor of the fact that this motif dates back to the ancient legal tradition. (4) *Twins as a twofold character*. In the legend of Dzerassa, the twins Akhsar and Akhsartag act as a single character. Dzerassa gets pregnant simultaneously from the two brothers and gives birth to twins, who are considered to be sons of both Akhsar and Akhsartag. These motives find typological conformity far beyond the existence of the Nart epic tales. There is no doubt that the legend of Dzerassa and the Nart twins is part of the archaic mythological legacy. The image of Dzerassa has distinctive traits of the ancient Mother Goddess, which can be seen in the motif of Dzerassa turning into a fox, as well as in that of Akhsar and Akhsartag acting as a dual character and as the progenitors of the main characters. The sword between Dzerassa and Akhsar/Ahsartag has numerous folklore and ethnographic analogies, but the question of its origin is still not resolved and requires a further study.

REFERENCES

1. Shifman, I.Sh. (1987) *Kul’tura drevnego Ugarita (XIV–XIII vv. do n.e.)* [The culture of ancient Ugarit (14th–13th centuries BC)]. Moscow: Nauka.
2. Abaev, V.I (1990). *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 2. Vladikavkaz: Irkutsk IR. pp. 142–242.
3. Chibirov, L.A. (2016) *Osetinskaya Nartiada: mifologicheskie istoki i areal’nye svyazi* [Ossetian Nartiada: Mythological sources and areal connections]. Vladikavkaz: Irkutsk IR.
4. Tuallagov, A.A. (2001) *Skifo-sarmatskiy mir i Nartovskiy epos osetin* [The Scythian-Sarmatian world and the Nart epos of Ossetians]. Vladikavkaz: North Ossetian State University.

5. Tsagaraev, V.A. (2000) *Zolotaya yablonya nartov: Istoriya, mifologiya, iskusstvo, semantika* [The golden apple tree of the Narts: History, mythology, art, semantics]. Vladikavkaz: RIPP im. V.A. Gassieva.
6. Khamitsaeva, T.A. (2003) *Nartovskie skazaniya. Epos osetinskogo naroda* [Nart legends. Epos of the Ossetian people]. Book 1. Vladikavkaz: Iriston. (In Ossetian).
7. Mailahn, K. (2006) *Der Fuchs in Glaube und Mythos.* Berlin-Münster: Lit.
8. Mailahn, K. (2014) *Der Fuchs und die Göttin: Erkenntnisse über ein heiliges Tier der Großen Mutter*. Gamburg: disserta Verlag.
9. Mailahn, K. (2007) *Göttin, Fuchs und Ostern*. Berlin: Lit.
10. Wislicenus, H. (1867) *Die Symbolik von Sonne und Tag in der germanische Mythologie, mit Beziehung auf die allgemeine Mythologie*. 2. Aufgabe. Zürich: Schabelitz'sche Buchhandlung.
11. Poestion, J.C. (1886) *Lappländische Märchen, Volkssagen, Räthsel und Sprichwörter. Nach lappländischen, norwegischen und schwedischen Quellen*. Wien: Carl Gerold's Sohn.
12. Kuz'mina, E.E. (1994) *Otkuda prishli indoarii? Material'naya kul'tura plemen andronovskoy obshchnosti i proiskhozhdenie indoirantsev* [Where did the Indo-Aryans come from? The material culture of the Andronovo tribes and the origin of the Indo-Iranians]. Moscow: MGP "Kalina".
13. Kuz'mina, E.E. (2007) *The origin of the Indo-Iranians.* Leiden; Boston: Brill.
14. Abaev, V.I. (1989) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.
15. Chochiev, A.R. (2000) *Narty-arii i ariyskaya ideologiya* [The Nart-Aryans and the Aryan ideology]. Moscow: Akalis.
16. Morgoeva, L.B. (2015) Funktsional'naya spetsifika leksiko-semanticheskikh replikatsiy v tekstakh nartskogo eposa [The functional specificity of lexical-semantic replications in the texts of the Nart epic]. In: *Nartovedenie v XXI veke: sovremennye paradigmy i interpretatsii* [Nart studies in the 21st century: modern paradigms and interpretations]. Vladikavkaz: SOIGSI. pp. 192–200.
17. Guriev, T.A. (ed.) (2015) *Osetinsko-russko-angliyskiy slovar': v 2 t.* [Ossetian-Russian-English Dictionary: in 2 volumes]. Vol. 2. Vladikavkaz: SOIGSI.
18. Gutiev, K. (1989) *Skazaniya o nartakh: v 5 t.* [Tales of the Narts: In 5 vols]. Vol. 1. Ordzhonikidze; Irkutsk IR. (In Ossetian).
19. Eliade, M. (1998) *Svyashchennye teksty narodov mira* [Sacred texts of the peoples of the world]. Translated form French. Moscow: KRON-PRESS.
20. Bongard-Levin, G.M. (ed.) (1989) *Atkharvaveda. Izbrannoe* [Atharva Veda. Selected Works]. Moscow: Nauka.
21. Tolstoy, N.I. (ed.) (2004) *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
22. Keyper, F.B.Ya. (1986) *Trudy po vediyskoy mifologii* [Works on Vedic mythology]. Moscow: Nauka.
23. Khamitsaeva, T.A. (2003) *Nartovskie skazaniya. Epos osetinskogo naroda* [Nart legends. Epos of the Ossetian people]. Book 7. Vladikavkaz: SOIGSI. (In Ossetian).
24. Guriev, T.A. (1991) *Nasledie skifov i alan: Ocherki o slovakh i imenakh* [The legacy of the Scythians and the Alans: Essays on words and names]. Vladikavkaz: Irkutsk IR.
25. Gippert, J. (1999) Narten. In: *Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung*. Bd. 9. Berlin; New York: Walter de Gruyter. pp. 1210–1218.
26. Lichtblaw, K. (2010) Symbolum castitatis. In: *Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung*. Bd. 13. Berlin; New York: Walter de Gruyter. pp. 96–99.
27. Anon. (1902) *Amis und Amiles. Ein altfranzösisches Heldengedicht*. In deutsche Verse übertragen von Heinrich Grein. Kiel: Robert Cordes.
28. Winst, S. (2009) *Amicus und Amelius: Kriegerfreundschaft und Gewalt in mittelalterischer Erzahltradition*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
29. Reitzenstein, F.F. (2001) v. Fruchtbarkeitszeremonien. In: *Handwörterbuch der Sexualwissenschaft. Enzyklopädie der nature- u. kulturwissenschaftlichen Sexualkunde des Menschen*. Neuausgabe von R. Jütte. Berlin; New York: Walter de Gruyter. pp. 198–201.
30. Grimm, J. (1899) *Deutsche Rechtsalterthümer*. 4-te vermehrte Ausgabe. Bd 1. Leipzig: Theodor Weicher.
31. Schulz, M. (2016) *Gottfried von Strassburg: "Tristan"*. Stuttgart: J.B. Metzler.
32. Rakhno, K.Yu. (2015) Dva motiva sarmato-alanskogo proiskhozhdeniya v srednevekovoy religioznoy literature [Two motives of a Sarmatian-Alanian origin in medieval religious literature]. In: *Nartovedenie v XXI veke: sovremennye paradigmy i interpretatsii* [Nart studies in the 21st century: modern paradigms and interpretations]. Vladikavkaz: SOIGSI. pp. 230–242.
33. Anon. (1872) Narodnye skazaniya kavkazskikh gortsev [Folk legends of the Caucasian highlanders]. In: *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh* [Collection of data about the Caucasian highlanders]. Is. 6. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo. pp. 94–103.
34. Bakhrakh, B.S. (1993) *Alany na Zapade (ot pervogo ikh upominaniya v antichnykh istochnikakh do perioda rannego srednevekov'ya)* [Alans in the West (from their first mention in ancient sources to the period of the early Middle Ages)]. Moscow: Ard.
35. Mikhaylov, A.D. (1976) *Legenda o Tristane i Izol'de* [The legend of Tristan and Isolde]. Moscow: Nauka.
36. Khamitsaeva, T.A. (2005) *Nartovskie skazaniya. Epos osetinskogo naroda* [Nart legends. Epos of the Ossetian people]. Book 3. Vladikavkaz: IPP im. V.A. Gassieva. (In Ossetian).
37. Meyer, J. (1902) *Meyers Grosses Konversations-Lexikon.* 6-te Aufl. Bd. 1. Leipzig; Wien: Bibliographisches Institut.
38. von Würzburg, K. (1982) *Engelhard*. Hrsg. von Ingo Reiffenstein. 3. neubearb. Aufl. d. Ausg. Paul Gereke. Tübingen: Niemeyer.
39. Barkova, A.L. (2007) [On some unusual parallels to the Ossetian Nart epic]. *Izbrannye materialy X Mezhdunarodnogo kongressa molodykh uchenykh Perspektiva* [Perspective, Selected materials of the X International Congress of Young Scholars]. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University. [Online] Available from: http://mith.ru/caucas/pers02.htm. (Accessed: 29.05.2018). (In Russian).

Received: 24 September 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 139–146. DOI: 10.17223/15617793/447/17

УДК 551(092)

Ж.А. Ермекбай

АКАДЕМИК КАНЫШ ИМАНТАЕВИЧ САТПАЕВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

На материалах личного фонда раскрывается производственная, научная, государственная и общественная деятельность выдающегося сына казахского народа Каныша Имантаевича Сатпаева (1899–1964). Освещается жизненный путь ученого-геолога, доктора геолого-минералогических наук, академика, который был связан с индустриализацией страны, созданием цветной и черной металлургии в Казахстане, развитием науки и открытием Академии наук республики.

Ключевые слова: Карсакпай; Джезказган; Томский технологический институт; К.И. Сатпаев; М.А. Усов; В.Л. Комаров; Казахский филиал АН СССР; Академия наук КазССР.

В 2019 году исполнилось 120 лет со дня рождения К.И. Сатпаева. Его трудовая, научная, общественная и государственная деятельность как одного из ярких личностей XX столетия достаточно освещена в разных биобиблиографических и научно-популярных публикациях. Из автобиографии Каныша Имантаевича известно, что родился он 12 апреля 1899 г. в семье кочевника в ауле № 4 Аккелинской волости Павлодарского уезда Семипалатинской области Российской империи, в настоящее время это Баянаульский район Павлодарской области Республики Казахстан. Начальное обучение прошел в аульной школе, затем в 1911 г. поступил в Павлодарское русско-киргизское училище, а в 1914–1918 гг. учился в Семипалатинской учительской семинарии. После окончания семинарии Сатпаев работал учителем и судьей в родном крае.

Отметим, что Каныш Сатпаев с ранних лет проявлял интерес к знаниям и поэтому стремился получить качественное образование. В то время в Казахстане не было высших учебных заведений, и вот судьба свела его с профессором Томского технологического института М.А Усовым, который оказался в родном ауле Каныша Сатпаева. Михаил Антонович с семьей приехал в казахскую степь на кумысолечение, и его знакомство с молодым Канышем оказалась судьбоносным. Беседы профессора с любознательным человеком о строении Земли, богатых недрах Казахстана оставили большое впечатление в сознании Сатпаева, стремившегося получить высшее образование. И он твердо решил учиться в Томске, в одном из лучших образовательных центров России. Отметим, что русский профессор стал любимым учителем, наставником и впоследствии К.И. Сатпаев не раз добрыми словами вспоминал Михаила Антоновича Усова.

Осенью 1921 г. после сдачи приемных экзаменов Каныш Сатпаев стал студентом геологического отделения горного факультета Томского технологического института. О студенческих годах К.И. Сатпаева в Томске, его учителях, сокурсниках мы узнаем из статьи Е.К. Рахимова, работы И.Т. Лозовского и Г.А. Сипайлова и альбома-книги, основанной на документах архива Национального исследовательского Томского политехнического университета, посвященной 120-летию со дня его рождения [1–3]. В 1926 г. К.И. Сатпаев успешно защитил дипломный проект, получил звание горного инженера-геолога, став первым геологом из казахов. Трудовую деятельность начал в Атбасарском тресте цветных металлов, которому подчинялись Джезказганский медный рудник и Байконурские буроугольные шахты, Карсакпайский завод и старый завод в Спасске, использующие руды Нильдинского месторождения, расположенные в пустынных районах Центрального Казахстана. Само руководство треста «Атбасцветмет», созданного в 1925 г., находилось в Москве, а коллектив Карсакпайскоого комбината, включающие рабочих, инженеров, техников, жил в районе добычи и выплавки меди, который охватывал большую территорию Центрального Казахстана.

Перед К.И. Сатпаевым стояла задача организации геологической службы для дальнейшей разведки меди в Джезказгане и в соседнем Байконурском угольном месторождении. Отметим, что геолого-разведочные работы в Джезказгане в советский период начались с 1926 года трестом Геолоком (геологический комитет) и носили сезонный характер, т.е. бурение вели в летнее время. В 1929 г. К.И. Сатпаев назначается руководителем геолого-разведочного отдела треста «Атбасцветмет», с этого года и ведутся круглогодичные стационарные разведочные работы. У Сатпаева на первых порах сложились сложные отношения с правлением Геолокома по вопросу промышленных перспектив Джезказганского месторождения. Несмотря на прогнозы К.И. Сатпаева, считавшего Джезказганские месторождения богатыми медной рудой, специалисты Геолокома считали этот район малозначимым в плане наличия крупных запасов меди. Для геолога Сатпаева было главным привлечь государственные планирующие органы и научные учреждения СССР к разработке этого района. Еще в 1928–1929 гг. в республиканском журнале «Народное хозяйство Казахстана» были опубликованы его статьи, посвященные экономическим вопросам развития природных ресурсов Центрального Казахстана [4–8].

Деятельность геолога Сатпаева в районе Джезказгана совпала с курсом индустриализации и первыми пятилетними планами развития народного хозяйства, направленными на создание материально-технической базы СССР. Таким образом, К.И. Сатпаев оказался в нужном месте в нужное время, однако это были нелегкие годы становления крупной меднорудной базы Советского Союза. Ему пришлось преодолевать многие препятствия на пути становления Джезказганского меднорудного месторождения и строительства крупного медеплавильного комбината. Это были производственные и социально-бытовые трудности, а

также нелегкие природные условия для людей, трудившихся в этом регионе, где остро не хватало буровиков, разведчиков, инженерно-технических кадров геолого-разведочной отрасли. В одном из геолого-разведочных отчетов, проведенных в районе Джезказгана за первую советскую пятилетку (1928–1932) развития народного хозяйства СССР под руководством геолога Сатпаева, сказано: *«За 4 года работы заснято геологической съемкой площадь в 116 км^2, захватывающая почти все наиболее интересные в рудном и стратиграфическом отношениях участки Центрального Джезказгана. Широкий размах геофизических работ в Джезказгане, не имеющий себе аналога нигде в других меднорудных районах Союза, при наличии огромного геологического материала, накопленного в Джезказгане главным образом в процессе широких разведочных работ I пятилетки, дают геофизикам все ключи к правильному пониманию и практически интересный интерпретацию геофизических работ… Одним из основных факторов, определяющих успехи строительства (да и последующей эксплуатации) такого гиганта, как и Большой Джезказган с его ежегодной производительностью первой очереди в 150 000 тонн красного металла, являются несомненно вопросы кадров… перед будущим "Джезказганстроем" будет стоять трудная, но неизбежная задача… по подготовке квалифицированных кадров рабочих и инженерно-технического персонала для строительства»* [9. Л. 1–4].

Повседневная работа геолога дала свои результаты. К концу 1931 г. в недрах Джезказганского месторождения были найдены крупные запасы, благодаря которым Джезказган прочно занял первое место среди медных месторождений СССР, а в 1932 г. Сатпаев издал первую свою монографию, где были подведены итоги масштабных геолого-разведочных работ в Джезказган-Улытауском районе за 1929–1932 гг. [10]. Осознавая перспективы Джезказганского района, богатого медной рудой, Всесоюзный совет народного хозяйства СССР принял в 1931 г. решение о строительстве Большого Джезказганского медеплавильного завода. Был составлен технический проект крупного медеплавильного комбината в СССР, в Карсакпай приехали специалисты нескольких проектных и исследовательских институтов для осуществления намеченного плана.

Однако плановые работы по освоению Джезказганского месторождения в 1933–1934 гг. пришлось остановить, что было связано с отказом Главцветмета от дальнейшего финансирования проекта. Перед Сатпаевым встала задача, заключавшаяся в продолжении работ по исследованию недр Джезказгана и сохранению ядра коллектива. Для этого он предпринял ряд неординарных решений, например, заключил подрядные договоры на работы с различными организациями. Одним из таких решений была идея созыва специальной сессии Академии наук СССР в Москве, посвященной производительным силам Рудного Алтая и Большого Джезказгана. Под руководством выдающихся русских ученых – академиков В.А. Обручева, А.Д. Архангельского, главного эксперта Наркомата тяжелой промышленности СССР профессора В.В. Венюкова, а также при поддержке правительства Казахстана в ноябре 1934 г состоялась специальная сессия АН СССР. Ученые признали стратегическую важность освоения медных руд Джезказгана как одного из крупнейших мировых месторождений в мире и указали на необходимость планомерного исследования его богатейших минеральных ресурсов. Доклады научной сессии были опубликованы издательством Академии наук СССР в 1935 г.

Инженер-геолог К.И. Сатпаев со своими коллегами принял самое активное участие в подготовке и работе сессии, сделал пять докладов, посвященных медным рудам Джезказгана, железным рудам Карсакпая и Найзатаса, марганцевым рудам Жезды, месторождениям углей, свинца, золота, редких металлов, огнеупоров, флюсов и минеральных стройматериалов. В частности, в резолюции секции полезных ископаемых по докладам К.И. Сатпаева «Геология и металлогения полезных ископаемых Джезказганского района» и С.А. Букейханова «Запасы и характеристика структурных рудных районов Джезказгана» отмечено: *«Джезказганские руды относятся практически в основной массе к типу монометаллических медных руд, где практически нет мышьяка, висмута и других вредных [примесей]… и дешево перерабатывать Джезказганские руды в высококачественную черновую медь. Джезказганские руды характеризуются не глубоким и спокойным залеганием в виде рудных тел обычно наслоенных друг над другом, что позволяет разрабатывать несколько рудных тел из одной шахты… Весьма устойчивые породы не требуют практически крепления и ничтожной водоотлив сильно удешевляют стоимость добычи руды, и с другой стороны, позволяет расширять фронт горных работ по объему до любых нужных пределов»* [11. Л. 1].

Заручившись выводами научной сессии о перспективности освоения Джезказганского месторождения для страны, Каныш Имантаевич 31 декабря 1934 г. был на приеме у наркома тяжелой промышленности СССР С. Орджоникидзе, который поддержал идею строительства Большого Джезказганского комбината. В 1936 г. началось строительство железной дороги Караганда–Джезказган протяженностью 400 километров, параллельно со строительством этой ширококолейной трассы начались подготовительные работы по строительству Большого Джезказганского комбината. В личном архиве академика К.И. Сатпаева есть копия приказа наркома тяжелой промышленности С. Орджоникидзе от 25 марта 1936 г. о строительстве Джезказганского медеплавильного комбината. В приказе указывалось: *«1. Главцветмету закончить в текущем году необходимые изыскания, разведки и научно-исследовательские работы для обеспечения проекта. 2. Приступить во второй половине текущего года к проектированию комбината, мощностью в 200 тыс. тонн в год, с окончанием технического проекта к половине 1937 года, предусмотрев ввод в эксплуатацию по очередям. 3. К моменту открытия временного движения (согласно постановления Правительства к 1. XI.–37 г.) обеспечить приступ строительства подсобных предприятий и жилстроительства. 4. Главцветмету организовать и выслать*

на Джезказган в апреле сего года Комиссию для выбора площадки. Срок окончания строительства установить – конец 1940 г. 5. Плановому отделу НКТП т. Кругликову предусмотреть во второй половине текущего года на проектные, геологоразведочные и научно-исследовательские работы – два миллиона рублей из лимитов Главцветмета» [12. Л. 1].

Итак, после нелегких лет борьбы за признание Джезказгана крупнейшей меднорудной базой Советского Союза проектные работы начались. Однако смерть С. Орджоникидзе в начале 1937 г. приостановила их и только в 1938 г. после встречи Сатпаева с новым наркомом тяжелой промышленности Л.М. Кагановичем дело сдвинулось. 10 февраля 1938 г. вышел приказ наркома тяжелой промышленности СССР о строительстве Джезказганского комбината, что обозначило новый этап в освоении богатейших минеральных ресурсов Центрального Казахстана. Хочется особо подчеркнуть, что Джезказган всегда был в центре внимания Каныша Сатпаева, будь это строительство комбината и города или вопросы обогащения руд, водоснабжения, проведения геолого-разведочных работ. Особое значение он придавал проблеме больших безвозвратных потерь руды, которые происходили в процессе эксплуатации месторождения [13. С. 47–48]. Обо всем этом свидетельствуют многие факты. Так, 31 января 1939 г. в письме секретарю ЦК ВКП (б) Лазарю Кагановичу Сатпаев с озабоченностью писал: *«Вчера получили по радио извещение о разукрупнении Наркомтяжпрома… Ваш уход от руководства цветной металлопромышленности порождает у нас большую тревогу за дальнейшую судьбу Джезказгана. Как Вам известно, Джезказган, несмотря на свои миллионные запасы, в течении ряда лет замораживался подлыми вредителями из пятаковской банды, сидевшими в руководстве цветной металлопромышленности Союза. Только Ваше личное вмешательство в начале 1938 года оживило Джезказган и вдохновило новый энтузиазм в его кадры. В частности, коллектив геолого-разведчиков успешно освоил в 1938 году отпущенные Вами большие кредиты и выявил новые полмиллиона тонн меди в недрах Джезказгана. Из небольшого месторождения с 61.000 тонн меди, каким он являлся в период работы английских концессионеров, Джезказган ныне стал одним из 5-ти мировых месторождений меди, располагая 4,5 миллионами тонн выявленного металла в своих недрах… В связи с Вашим уходом от руководства цветной металлопромышленности возникает беспокойство, поймут-ли новые руководители Наркомата цветной промышленности значение Джезказгана… В связи с этим мы просим Вас, чтобы Вы не оставили своего шефства над Джезказганом и направили работу нового Наркомата в отношении Джезказгана по начертанному Вами верному пути. Преданный Вам геолог (Сатпаев)»* [14. Л. 1].

Успехи, достигнутые в период индустриализации, когда в Центральном Казахстане была создана мощная меднорудная база Советского Союза, не прошли даром для геолога и организатора производства К.И. Сатпаева. Его приметили в высшем руководстве Казахстана и во всесоюзном масштабе. Так, осенью 1940 г. в связи с 20-летием Казахстана Сатпаев был направлен в Москву с докладом о достижениях науки в Казахстане. Отметим, что в 1940 г. в связи с празднованием 20-летия образования Казахской республики Каныш Имантаевич оказался в числе награжденных и был отмечен высшей наградой СССР – орденом Ленина. По его словам, *«Эта высокая награда правительства была воспринята как лично мной, так и коллективом геологоразведчиков Джезказгана не только с понятной радостью, но и с сознанием, что фактом этого награждения был отмечен патриотический труд всего коллектива, вынесшего на своих плечах тяжелую борьбу за осуществление идеи Большого Джезказгана…»* [15. С. 14]. Отметим, что К.И. Сатпаев был награжден орденом Ленина четырежды.

К.И. Сатпаев как специалист-геолог интересовался недрами не только Джезказгана, но и других регионов Казахстана. Ему принадлежит идея создания черной металлургии в Центральном Казахстане. Еще в 1928 г. он изучал недра, хранящие железные руды в Атасуйском, Карсакпайском, Аятском и других районах Центрального Казахстана, и опубликовал ряд работ, посвященных вопросам черной металлургии. В одном из писем, написанных профессору М.Ю. Шацу 25 июля 1943 г., он пишет: *«Состояние вопросов черной металлургии в Казахстане таково: а) уже строится и в IV кв. т/г будет сдана в эксплуатацию 1 очередь передельного металлургического завода в Караганде; б) закончен технический проект строительства большого металлургического завода в Караганде на мощность 1 млн. тн чугуна и стали в год. Проект завода находится сейчас на экспертизе Научно-технического совета Наркомчермета СССР. Руководство проектированием и строительством завода черной металлургии в Казахстане находится в руках Наркомчермета СССР. При СНК КазССР работает «Комитет содействия строительству завода черной металлургии», председателем которого является т. Ундасынов (Председатель СНК КазССР)…»* [16. Л. 3–4].

После 15 лет непрерывной работы в Джезказгане Каныш Сатпаев был назначен директором Института геологических наук Казахского филиала Академии наук СССР, находящегося в столице Казахской ССР г. Алма-Ата. Одновременно он занимал и должность заместителя председателя, а затем и председателя КазФАН СССР. Это назначение совпало с началом Великой Отечественной войны. В суровые годы войны проявились гражданский патриотизм, организаторские способности, уверенность в победе над врагом нашего соотечественника. Он занимался актуальными вопросами, связанными с нуждами оборонной промышленности, разведкой месторождений минеральных ресурсов, созданием новой базы черной металлургии, развитием науки республики, привлечением эвакуированных ученых научно-образовательных центров страны к работе над научными темами, имеющими прямое отношение к военно-промышленному комплексу. В военное время он был заместителем председателя Научно-технического совета при Гос-

плане Казахской ССР, затем председателем его постоянной комиссии по тяжелой промышленности. Занимался обустройством эвакуированных ученых из Москвы, Ленинграда и других городов европейской части СССР в Казахстане, а как член Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны, возглавляемой президентом Академии наук СССР академиком В.Л. Комаровым, сделал многое для использования минерально-сырьевой базы Казахстана для непрерывной работы оборонных заводов по выпуску военной продукции.

К нему непосредственно обращались за помощью выдающиеся ученые страны в решении неотложных научных, производственных и бытовых проблем. В личном архиве академика есть много разных документов, свидетельствующих о том, насколько максимально он занимался всесторонними вопросами. В ноябре 1941 г. к К.И. Сатпаеву обратился вице-президент АН СССР О.Ю. Шмидт и и.о. председателя Комитета филиалов вице-президент академии Е.А. Чудаков с просьбой: *«…принять самое активное участие в создании эвакуированным в г. Алма-Ата учреждениям АН благоприятных условий для успешной их деятельности на новом месте (содействие в получении рабочих помещений, обеспечение жилплощадью научных сотрудников и проч.). В частности, Президиум Академии Наук просит Вас возможно полно использовать научные силы прибывших в Алма-Ата учреждений АН для решения актуальных вопросов народного хозяйства и культурного строительства Казахской ССР»* [17. Л. 2].

В ответном письме от 9 января 1942 г. Сатпаев пишет: *«Глубокоуважаемые Отто Юльевич и Евгений Алексеевич! ... 1. Выделили отдельный новый дом для размещения академиков, членов-корреспондентов АН и руководителей отдельных институтов АН. Академикам и членам-корреспондентам представлены отдельные квартиры, в большинстве из двух комнат. Здесь же получили по комнате несколько человек докторов наук. 2. Для остальных докторов и профессоров эвакуированных учреждений АН выделен под общежитие другой дом. 3. Значительная часть прочих работников АН разместилась в городе по ордерам Горсовета, или по частному найму жилплощади, за исключением 14 человек работников, которые проживают пока в служебных помещениях Филиала и для которых изыскиваются жилые помещения. 4. В отношении рабочих помещений учреждения АН размещены следующим образом: а) институты: географии, экономики, философии, лаборатории цитологии и группа историков (10 чел.) – размещены в Филиале АН. б) группа физиологов (во главе с акад. Штерн Л.С.), лаборатории биофизики и белка размещены в учебных учреждениях Наркомздрава КазССР… В отношении улучшения условий питания и быта научных работников АН приняты следующие меры: 1) Семьи всех академиков, членов-корреспондентов и части докторов наук прикреплены к правительственной столовой СНК КазССР; семьи всех остальных научных работников АН прикреплены к другой закрытой столовой, улучшенного типа, где условия питания, по отзыву самих столующихся, являются вполне удовлетворительными. 2) В отношении медицинского обслуживания первая группа работников (академики, члены-корреспонденты, часть докторов) прикреплены к поликлинике СНК КазССР, а остальной состав – к специальной поликлинике в системе НКЗдрава КазССР. 3) Для обслуживания нужд научных работников АН отведен специальный магазин в системе НКторга, где можно приобретать мебель, постельное белье, одежду, посуду и проч. 4. Для особо нуждающихся научных работников была оказана единовременная денежная помощь (главным образом в виде заимообразной ссуды), а также помощь в одежде»* [17. Л. 3–4].

16 апреля 1943 г. директор Института биохимии академик А.Н. Бах в своем письме писал: *«Многоуважаемый Каныш Имантаевич! В период пребывания в Средней Азии Институт Биохимии в своих работах уделял значительное внимание исследованиям вопросов, связанных с хранением сахарной свеклы… нами начато также изучение внутренней природы и биохимической обусловленности устойчивости свекловичного корня при хранении, которая весьма выражена у местной свеклы… прошу Вас дать Институту возможность продолжить начатые им исследования в КазФилиале Академии Наук СССР и помочь их проведению в смысле предоставления соответствующего лабораторного помещения для группы профессора Рубина Б.А., а также путем прикомандирования к этой группе двух Ваших технических сотрудников»* [Там же. Л. 11]. Такого рода писем, непосредственно обращенных к К.И. Сатпаеву, немало в его личном архиве, что свидетельствует, как ответственно он подходил к решению насущных задач в деле создания нормальных бытовых, производственных, социальных условий для эвакуированных ученых, нашедших внимание и заботу в Казахстане. Конечно, в этом заключалась большая заслуга академика Сатпаева, к голосу которого прислушивались руководители республики и не могли отказать в просьбе.

Являясь членом Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны, он приложил все свои научные, организаторские возможности для реализации поставленных задач. Председатель этой комиссии Президент АН СССР академик В.Л. Комаров непосредственно обращался к Сатпаеву в решении важных вопросов, касающиеся вклада науки в дело победы. 5 декабря 1942 г. В.Л. Комаров отправил К.И. Сатпаеву план основных работ Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны и просил: *«…прошу Вас дать указания институтам Вашего Филиала о включении в их планы работ на 1943 г. соответствующих разделов, по которым Институты включены в план Комиссии в качестве исполнителей. Представленные в плане Комиссии темы имеют важное народнохозяйственное, оборонное значение и требуют максимальной кооперации научных сил. Я уверен в том, что академические учреждения, коим предстоит осуществлять план Комиссии на 1943 г., примут са-*

мое активное участие в реализации и выделят для этой цели наиболее квалифицированных работников» [18. Л. 1].

Сатпаев, несмотря на большую загруженность производственными проблемами, находил время для написания научных работ по результатам своей деятельности. Более 130 публикаций было посвящено экономическому значению Джезказганского района, касалось геологического строения месторождения, развития цветной и черной металлургии Центрального Казахстана [13. С. 47]. В 1942 г. Всесоюзная аттестационная комиссия по ходатайству Института геологических наук АН СССР и по совокупности трудов, посвященных исследованию Большого Джезказгана, без защиты кандидатской и докторской диссертаций присвоила К.И. Сатпаеву ученую степень доктора геолого-минералогических наук, что было редким и исключительным фактом в научной сфере Советского Союза. В том же году ему была присуждена Сталинская премия второй степени за труд «Рудные месторождения Джезказганского района». В 1943 г. К.И. Сатпаев избран член-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1946 г. – действительным членом Академии наук Казахской ССР и академиком АН СССР. Присвоенная ученая степень доктора наук, минуя защиты диссертаций, избрание членом-корреспондентом и потом действительным членом АН СССР свидетельствуют о том, что интеллектуальный феномен в лице К.И. Сатпаева был по достоинству оценен научной общественностью страны.

Именно в годы Великой Отечественной войны выросла роль советской науки и ее вклад в достижение победы над германским нацизмом. Благодаря усилиям ученых были разработаны новые технологии в оборонной промышленности, что дало фронту качественное вооружение. Немалый вклад в победу внес коллектив Казахского филиала АН СССР, возглавляемый К.И. Сатпаевым. Начиная с 1943 г. он стал готовить фундамент для преобразования КазФАН в полноценную республиканскую академию. И в этом есть большая заслуга российских ученых, поддержавших инициативу казахского ученого-геолога, первого руководителя Казахского филиала АН СССР. Об истории преобразования КазФАН в Академию наук Казахской ССР можно узнать из статьи, опубликованной на страницах журнала Томского государственного университета [19]. Не буду повторяться, но все же отмечу известные исторические факты открытия АН КазССР.

Преобразованию Казахского филиала в республиканскую академию, как ни парадоксально, способствовала Вторая мировая война, которая потребовала вклада научных достижений для победы над врагом. Благодаря усилиям Сатпаева оборонная промышленность СССР была обеспечена в полном объеме таким стратегическим сырьем, как ферромарганец для отливки крепкой броневой стали. Безусловно, большинство пуль и снарядов, выпущенных в СССР, были изготовлены из Джезказганской руды, которая доставлялась в Балхашский медеплавильный завод. Именно Сатпаев заявил о наличии марганцевой руды в Жезды, когда враг в 1941 г. захватил Никопольское марганцевое месторождение на Украине. За вклад в победу академик Сатпаев был награжден орденом Великой Отечественной войны 2-й степени.

Его неуемная организаторская деятельность способствовала ускорению перехода филиала в полноценную академию. В 1944 г. президент АН СССР академик В.Л. Комаров дал заключение правительству Казахстана: *«Темпы развития Казахского филиала АН СССР, расширение объема, рост и качество научных исследований, наблюдаемые за последние три года, а также запроектированные СНК КазССР и Казахским филиалом Академии наук мероприятия по дальнейшему расширению и укреплению объединяемых филиалом научных учреждений, дают Президиуму Академии наук СССР основание полагать, что в 1945 г. будет возможность поставить [вопрос] о преобразовании Казахского филиала Академии наук СССР в Академию наук КазССР»* [15. С. 18]. 1 июня 1946 г. состоялось торжественное открытие Академии наук Казахской ССР и, конечно, первым президентом был избран К.И. Сатпаев. Являясь на протяжении 16 лет руководителем Академии наук Казахстана академик Сатпаев внес большой вклад в развитие этого научного центра и вхождения его в число передовых академий союзных республик СССР.

Жизненный путь академика Сатпаева был нелегким, ему пришлось пережить заслуженную славу, а также травлю и гонения. В 1951 г. Бюро Центрального комитета Коммунистической партии Казахстана освободило академика К.И. Сатпаева от должности президента АН КазССР с обвинениями в покровительстве «буржуазным националистам», переиздании эпоса «Ер Едиге», сокрытии социального происхождения, в многочисленных кадровых и финансовых нарушениях и других надуманных ошибках. Ему пришлось покинуть Казахстан и уехать в Москву, где он нашел поддержку в лице российских ученых. Президент АН СССР академик А.Н. Несмеянов, глубоко уважавший К.И. Сатпаева, предложил ему должность директора одного из геологических институтов. Однако Сатпаев хотел трудиться на родине. Благодаря поддержке руководства Академии наук СССР ему позволили работать в качестве директора Института геологических наук АН Казахской ССР, где он полностью посвятил себя геологической науке. И все же справедливость восторжествовала, в 1955 г. К.И. Сатпаев был восстановлен в должности президента АН республики и был таковым до своей кончины в 1964 г.

Его супруга, верный соратник и друг Таисия Алексеевна Сатпаева (Кошкина) в своих воспоминаниях написала такие слова: *«Трудно сказать, какой период жизни и работы Каныша Имантаевича был наиболее эффективным и плодотворным. Вся его жизнь – это бурная неустанная деятельность в достижении новых целей, в решении новых задач, всегда стоявших перед ним нескончаемой вереницей. В стремлении выполнить поставленные перед собой задачи он вкладывал всю свою неиссякаемую энергию, всю неукротимость своей деятельной натуры»* [20. С. 28]. Кстати, Таисия Алексеевна училась вместе с Канышем Имантаевичем на одном факультете в Томском технологическом институте (по специальности

инженер-геолог) и она вместе с супругом прошла все этапы совместной жизни, вырастила детей. Их дочь, тоже геолог, доктор геолого-минералогических наук Меиз Канышевна Сатпаева о родителях писала: *«Прекрасно, что Каныша Имантаевича и Таисию Алексеевну объединяла любовь друг к другу, к выбранной профессии и к большой мечте. Их любовь, перешедшая в большую дружбу единомышленников, несет особый свет. Имеет особое счастье. Такое встречается редко. Каныш Имантаевич не ошибся. Таисия Алексеевна всю жизнь помогала ему, была добрым другом. В то же время не скажешь, что кандидат наук осталась в тени академика, сама проделала большую работу в геологической практике. Она как соратник К.И. Сатпаева полностью посвятила себя Большому Джезказгану. Таисия Алексеевна держала тесную связь с Джезказганом до конца своей жизни»* [20. С. 12].

Каныш Имантаевич Сатпаев в предвоенное время внес достойный вклад разработке Джезказганского меднорудного месторождения, в годы Великой Отечественной войны возглавил научные силы Казахстана для работы на оборону Родины, создал Академию наук Казахстана и был до конца жизни директором Института геологических наук, дал ход строительству комбинатам, городам, каналу Иртыш–Караганда, основал советскую металлогеническую науку, определил возможные запасы нефти на полуострове Мангыстау. По инициативе академика впервые в СССР начались работы по металлогении Центрального Казахстана и составлению первой металлогенической карты прогнозов в геологической науке СССР. Еще в 1954 г. в отделении геолого-географических наук АН СССР было созвано совещание по обсуждению результатов работы над выполненной картой, а в 1958 г. в Казахстане была проведена первая Объединенная Всесоюзная научная сессия АН СССР и АН КазССР, Мингео и охраны недр СССР и КазССР по металлогеническим и прогнозным картам [15. С. 21]. Об этой уникальной работе можно прочитать в материалах Академии наук Казахской ССР за 1956 год: *«Одной из крупных тем, выполненной коллективом авторов под руководством академика К.И. Сатпаева, является составление прогнозной металлогенической карты Центрального Казахстана на медные руды в масштабе 1:500.000. Материалы и выводы по этой работе используются геолого-разведочными организациями Центрального Казахстана»* [21. Л. 2]. Отметим, что за создание первой металлогенической карты в СССР в 1958 г. всему коллективу Института геологических наук АН КазССР во главе с К.И. Сатпаевым была присуждена Ленинская премия в области науки, одна из наиболее высоких государственных наград СССР.

Один из библиографов академика, писатель М. Сарсеке, вспоминал встречу, состоявшуюся осенью 1981 г. в Москве с министром среднего машиностроения, трижды Героем Социалистического Труда Е.П. Славским. Ефим Павлович сказал тогда: *«Не обижайтесь на мои резкие слова, дорогой писатель, но скажу откровенно: вы, казахстанцы, до сих пор не поняли, какого необыкновенного человека имели в лице Каныша Имантаевича, великие заслуги его ведь еще не оценены во всей полноте не только в Казахстане, но и в союзном масштабе. В нашем веке вряд ли это произойдет. Скорее всего, вы это поймете лишь в XXI веке. И тогда наступит время Сатпаева, непременно наступит, запомните!»* [22. С. 46]. Мнение одного из организаторов советской атомной промышленности и цветной отрасли СССР вызывает доверие. Ведь именно академик К.И. Сатпаев проводил исследование природных ресурсов полуострова Мангышлак и убеждал министра Е.П. Славского в перспективности развития этого региона, который стал важным кладовым в нефтегазовой отрасли СССР.

У истоков алюминиевой промышленности Казахстана также стоял академик К.И. Сатпаев. На основе разведки торгайских (амангельдинских) бокситов по его инициативе в г. Павлодаре было организовано отделение АН КазССР по глинозему и расширена лаборатория глинозема Института металлургии и обогащения академии, что послужило базой для строительства Павлодарского алюминиевого завода. Отметим, что в геологической науке практически не было ни одной отрасли, где бы не принимал участия академик Сатпаев.

Как отметил известный казахский писатель, драматург и ученый М.О. Ауэзов: *«Самое главное качество Каныша Имантаевича как президента Академии наук Казахстана – он талантливый, трудолюбивый организатор. Безусловно, это нелегкое дело – руководить, развивать многие отрасли науки, объединенные в Академии. Особенность Сатпаева в том, что он умеет разговаривать и с химиком, и с биологом, и с физиком, и с медиком, и с историком, языковедом-литературоведом на языке их науки. Как ученый Сатпаев всегда в неустанном поиске, для всех научных сотрудников он – настоящий учитель, образец для подражания»* [Там же. С. 12–13].

Имя выдающегося ученого, государственного и общественного деятеля одно время было незаслуженно забыто, однако времена изменились, пришло новое поколение, которое справедливо оценило заслуги нашего соотечественника. В апреле 1999 г. в Республике Казахстан отметили 100-летний юбилей Каныша Имантаевича Сатпаева. Отметим, что ЮНЕСКО включила 100-летие Сатпаева в число юбилейных дат, празднование которых проходило под эгидой этой всемирной организации. Памятник академику Сатпаеву открыт в Алма-Ате 12 апреля 1999 г., где с речью на торжественном юбилейном собрании выступил первый Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев. Памятник К.И. Сатпаеву открыт и в г. Джезказгане, его имя присвоено каналу Иртыш–Караганда и Казахскому национальному техническому университету, учреждены ежегодные государственные премии имени Сатпаева за лучшие работы в области естественных наук, изданы труды академика, а также альбомы, статьи, книги воспоминаний, посвященные Канышу Имантаевичу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рахимов Е.К. Каныш Имантаевич Сатпаев и город Томск // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308, № 4. С. 243–248.
2. Лозовский И.Т., Сипайлов Г.А. Студенческие годы Каныша Сатпаева в Томске : биографический очерк // Томский политехнический университет. 2-е изд. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2019. 136 с.
3. К 120-летию К.И. Сатпаева. «Институт, который дал ему крылья…». Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2019.
4. Сатпаев К.И. Карсакпайский район и его перспективы // Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 1. С. 92–109.
5. Сатпаев К.И. О перспективах развития Спасских промыслов // Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 8. С. 77–88.
6. Сатпаев К.И. Атбасарское медное дело и его перспективы // Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 9–10. С. 212–232.
7. Сатпаев К.И. Минеральное сырье и цветные металлы. 1929. № 1. С. 30–42.
8. Сатпаев К.И. О развитии цветной и черной металлургии в районе Карагандинского бассейна (Топливные ресурсы района Карагандинского бассейна) // Народное хозяйство Казахстана. 1929. № 6–7. С. 11–43.
9. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1289.
10. Сатпаев К.И. Джезказганский меднорудный район и его минеральные ресурсы. М. ; Л. : Цветметиздат, 1932. 64 с.
11. ЦГА РК. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1302.
12. ЦГА РК. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1310.
13. Каныш Имантаевич Сатпаев. Материалы к биобиблиографии ученых Казахстана. Алматы : «Ғылым», 2002. 327 с.
14. ЦГА РК. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1353.
15. Каныш Сатпаев. Өнегелі өмір / под ред. Г.М. Мутанова. Алматы : Қазақ университеті, 2016. 411 с.
16. ЦГА РК. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1413.
17. ЦГА РК. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1571.
18. ЦГА РК. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1545.
19. Ермекбай Ж.А. Формирование и развитие науки Советского Казахстана // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 105–110.
20. Сатпаева Т.А. Каныш Имантаевич Сатпаев. Алматы : НИЦ «Ғылым», 2003. 264 с.
21. ЦГА РК. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1432.
22. Каныш Сатпаев: Энциклопедия. / гл. ред. Б.О. Жакып. Алматы : «Қазақ энциклопедиясы», 2003. 616 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 сентября 2019 г.

Academician Kanysh Satpayev: Strokes to the Portrait

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 139–146.
DOI: 10.17223/15617793/447/17

Zharas A. Ermekbay, Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University (Nur-Sultan, Kazakhstan). E-mail: ermekjaras@mail.ru

Keywords: Karsakpai; Zhezkazgan; Tomsk Technological Institute; K.I. Satpayev; M.A. Usov; V.L. Komarov; Kazakh Branch of USSR Academy of Sciences; KazSSR.

The article covers the production, scientific, state and social activities of Kanysh Satpayev (1899–1964), an outstanding son of the Kazakh people, based on the materials of his personal archive. The life of the geologist, doctor of geology and mineralogy, academician was associated with the industrialization of the country, the creation of non-ferrous and ferrous metallurgy in Kazakhstan, the development of science and the opening of the Academy of Sciences of the Republic, in which he participated directly. The article describes his professional and scientific activities. He studied at the Geological Department of the Mining Faculty of Tomsk Technological Institute and graduated with the degree of a mining engineer-geologist, becoming the first Kazakh geologist. Satpayev's work activity coincided with the course of industrialization of the country and the first five-year plans for the development of the national economy of the USSR. In 1931, as a result of the prospecting work of the geologist Satpayev, large reserves of copper ore were found in the depths of Zhezkazgan, thanks to which Central Kazakhstan was the first among the copper deposits of the USSR. Satpayev as a geologist was interested not only in Zhezkazgan, but also in other regions of Kazakhstan. He proposed the ideas of founding a steel industry in Central Kazakhstan and an oil industry in the Mangystau Peninsula, of establishing the Academy of Sciences of Kazakhstan. The author of the article analyzes Satpayev's activity in the position of the director of the Institute of Geological Sciences of the Kazakh Branch of the USSR Academy of Sciences based on the documents from archives and the reviewed literature. He also demonstrates Satpayev's professional and scientific contribution related to the needs of defense industry during World War II, to exploration of mineral resources, to the creation of a new base of ferrous metallurgy, to the development of science of the Republic and the preparation of the establishment of the Academy of Sciences of Kazakhstan. The author concludes that Satpayev was an honored industry worker who made a great contribution to the development of the national economy and a famous scientist geologist, founder of the Academy of Sciences of Kazakhstan. It is noted that the name of the outstanding scientist, statesman and public figure was once undeservedly forgotten, but times changed, a new generation came that rightly appreciated his merits. In 1999 UNESCO included Satpayev's 100th anniversary into the list of anniversary events. Monuments to Satpayev were erected, his name was given to the Irtysh-Karaganda channel and the Kazakh National Technical University, Satpayev annual state awards for the best works in the field of natural sciences were established, works of the scientist, as well as albums, articles, books of memoirs devoted to Academician Satpayev, were published.

REFERENCES

1. Rakhimov, E.K. (2005) Kanysh Imantaevich Satpaev and Tomsk. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletinof the Tomsk Polytechnic University*. 308 (4). pp. 243–248. (In Russian).
2. Lozovskiy, I.T. & Sipaylov, G.A. (2019) Studencheskie gody Kanysha Satpaeva v Tomske: biograficheskiy ocherk [Student years of Kanysh Satpayev in Tomsk: a biographical essay]. In: *Tomskiy politekhnicheskiy universitet* [Tomsk Polytechnic University]. 2nd ed. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
3. Tomsk Polytechnic University. (2019) *K 120-letiyu K.I. Satpaeva. "Institut, kotoryy dal emu kryl'ya…"* [To the 120th anniversary of K.I. Satpayev. "The institute that gave him wings . . ."]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.

4. Satpaev, K.I. (1928) Karsakpayskiy rayon i ego perspektivy [Karsakpaysky district and its prospects]. *Narodnoe khozyaystvo Kazakhstana*. 1. pp. 92–109.
5. Satpaev, K.I. (1928) O perspektivakh razvitiya Spasskikh promyslov [On the prospects for the development of the Spassky crafts]. *Narodnoe khozyaystvo Kazakhstana*. 8. pp. 77–88.
6. Satpaev, K.I. (1928) Atbasarskoe mednoe delo i ego perspektivy [Atabasar copper business and its prospects]. *Narodnoe khozyaystvo Kazakhstana*. 9–10. pp. 212–232.
7. Satpaev, K.I. (1929) Atabasarskoe mednoe delo i ego perspektivy [Atabasar copper business and its prospects]. *Mineral'noe syr'e i tsvetnye metally*. 1. pp. 30–42.
8. Satpaev, K.I. (1929) O razvitii tsvetnoy i chernoy metallurgii v rayone Karagandinskogo basseyna (Toplivnye resursy rayona Karagandinskogo basseyna) [On the development of non-ferrous and ferrous metallurgy in the Karaganda basin region (Fuel resources of the Karaganda basin region)]. *Narodnoe khozyaystvo Kazakhstana*. 6–7. pp. 11–43.
9. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 2057. List 1. File 1289. (In Russian).
10. Satpaev, K.I. (1932) *Dzhezkazganskiy mednorudnyy rayon i ego mineral'nye resursy* [Zhezkazgan copper ore region and its mineral resources]. Moscow; Leningrad: Tsvetmetizdat.
11. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 2057. List 1. File 1302. (In Russian).
12. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 2057. List 1. File 1310. (In Russian).
13. Gylym. (2002) *Kanysh Imantaevich Satpaev. Materialy k biobibliografii uchenykh Kazakhstana* [Kanysh Satpayev. Materials for bio-bibliography of Kazakhstan scientists]. Almaty: "Gylym".
14. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 2057. List 1. File 1353. (In Russian).
15. Mutanov, G.M. (ed.) (2016) *Kanysh Satpaev. Önegeli ömir* [Kanysh Satpayev. A wonderful life]. Almaty: Kazak universiteti,
16. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 2057. List 1. File 1413. (In Russian).
17. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 2057. List 1. File 1571. (In Russian).
18. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 2057. List 1. File 1545. (In Russian).
19. Ermekbay, Zh.A. (2016) The formation and development of the Soviet Kazakhstan science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 105–110. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/413/16
20. Satpaeva, T.A. (2003) *Kanysh Imantaevich Satpayev*. Almaty: NITs "Fylym". (In Russian).
21. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 2057. List 1. File 1432. (In Russian).
22. Zhakyp, B.O. (ed.) (2003) *Kanysh Satpaev: Entsiklopediya* [Kanysh Satpaev: An Encyclopedia]. Almaty: "Қазақ entsiklopediyasy".

Received: 12 September 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 147–157. DOI: 10.17223/15617793/447/18

УДК 321(091), 34(091)

М.Ю. Задорин, М.С. Молодцова

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТОРГОВЛИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАНЦЕВ В ПЕРИОД С 1645 ПО 1696 гг.

Анализируются политико-правовые аспекты торговли с иностранцами на Русском Севере в XVII в. Государственная торговая политика требовала надлежащей организации промыслов, управления деятельностью торговцев, контроля и привлечения их к ответственности. В частности, раскрывается политико-правовая специфика торговой деятельности с иностранными купцами на примере такого порубежного города, как Архангельск, установлен нормативный и институциональный механизм принятия управленческих решений.

Ключевые слова: Русский Север; торговля; история; право; торговые иноземцы; Новоторговый устав; ярмарки.

Введение

В XVII в. в Московском государстве наблюдалась активизация торговой деятельности, в которой участвовали разные слои общества. Русское законодательство XVII в. связывало понятие «торговый промысел» с профессиональной деятельностью определенных лиц, которые преимущественно занимались торговлей и сопутствующими ей действиями. В правовых актах XVII–XVIII вв. их обозначали как «торговый человек», «купецкий человек», иногда с указанием группы – «гостиной сотни торговый человек» [1. С. 86]. Во многих актах термин «купец» обозначал сторону одноразовой сделки – покупателя [2. С. 55]. Понятие «купчина» или «государев купчина» означало иностранного коммерсанта или отечественного торгового представителя российского государства [2. С. 302–305, 603; 3. С. 798; 4. С. 614–615; 5. С. 483–484]. Кроме того, монастыри назначали «купчин» из числа своих крестьян для осуществления торговых поручений [6. С. 7]. В первой четверти XVIII в. все чаще в источниках появляется термин «купечество», означающий посадских «тяглецов» (горожан, обложенных налогами и повинностями), занимающихся торговлей, отличая их от посадских «цеховых» (ремесленников).

В царствование Алексея Михайловича существовали следующие группы торговых людей, различавшиеся по своему политико-правовому статусу: 1) «гости» (среди них особые «именитейшие» купцы); 2) «торговые люди гостиной и суконной сотен» (большой, средней и меньшой статьи); 3) «городовые торговые люди»; 4) «нетяглые торговые люди»; 5) «торговые крестьяне»; 6) «торговые иноземцы»; 7) «московские торговые иноземцы».

Анализируя их правовой статус, можно прийти к выводу, что эти группы отличались, прежде всего, обязанностями перед государством и, соответственно, получаемыми за это правами. Однако особый интерес представляют именно торговые иноземцы, так как именно они были одними из основных «игроков» и конкурентов на внутреннем рынке, и прежде всего на Русском Севере. Политика и законодательство того времени демонстрируют, что государственная власть XVII в. была заинтересована в поставках зарубежной продукции (текстильных изделий, оружия и т.д.) и сбыте русских товаров в Европу. Кроме того, российская экономика нуждалась в практических знаниях, накопленных западной промышленностью. Развитие торговли с европейцами соответствовало интересам царского правительства, пользовавшегося правом первоочередной покупки иностранных товаров («узорочных товаров», серебряных монет). С другой стороны, активность иностранных купцов, особенно европейцев, на русском рынке наносила ущерб торговым кругам России, которые и по финансовым возможностям и по деловым качествам заметно уступали. Европейцы подчинили себе значительную часть русского рынка, контролировали его основные отрасли, лишали русских купцов доступа к ценным товарам.

Взаимоотношения купцов и представителей власти

Во второй половине XVII в. государственное управление в сфере торговли представляло собой достаточно неэффективную систему. Бóльшая часть торговых людей находилась, по сути, в полном распоряжении царских чиновников различных уровней, которые открыто «кормились» за их счет. Н.И. Костомаров писал, что в эпоху первых Романовых *«торговец был всегда под надзором власти… Необеспеченный законом, он был постоянно под произволом воевод, таможенных и приказных людей, которые при удобном случае не забывали пользоваться за счет купечества лихоимством»* [7. С. 94].

По свидетельству Н.И. Костомарова, воеводы и приказные под разными предлогами *«хватали торговцев, сажали в тюрьму, вымогали взятки, разгоняли торги, брали насильно товары, били торговцев батогами, сталкивались с ябедниками, которые подавали челобитныя на зажиточных торговцев; воеводы и подьячие, не смотря на явную лживость иска, заводили дело с тем, чтоб обирать купцов»* [12. С. 163].

И. Посошков с горечью замечал: *«Бояре не ставили купечества ни в яичную скорлупу; бывало на грош все купечество променяют»* [9. С. 10]. Анализ источников позволил установить большое число жалоб торговых людей на притеснения, постоянное вымогательство, злоупотребления со стороны управляющих.

Значительная часть торговой прибыли переходила в руки исполнителей государственной власти ли-

бо в виде открытых подарков в «почесть», либо в форме фиктивных займов. Правительство предпринимало некоторые меры для ограничения произвола воевод и приказных людей. Еще в 1620 г. им было не только запрещено участвовать в торговле, но даже покупать что-нибудь у посадских, включая съестную продукцию [8. С. 163]. С 1635 г. верхотурским, а в 1638 г. двинским воеводам запрещалось «вступаться» в таможенные и кабацкие дела. В 1646 г. сибирские торговые люди были освобождены от воеводского подчинения [10. С. 685]. «Корыстный» характер воеводской службы был отменен в 1656 г., но фактически сохранялся до петровских преобразований. Исследование показывает, что имелись наказы воеводам, содержавшие запрет мешать торговой деятельности русских и иностранных купцов. Но по этому вопросу они были сформулированы в крайне общей форме и не были унифицированы. Вышеуказанные меры практически не исправили сложившегося положения.

С одной стороны, воеводы в рамках своих полномочий имели практически ничем не ограниченную власть; с другой стороны, за пределами своей компетенции были полностью бюрократически зависимы от московских приказов и не могли принимать самостоятельных решений даже по мелким делам, как и таможенные служащие. Приказная волокита была следствием, в частности, отсутствия уставов и регламентов учреждений, что заставляло по даже незначительному поводу просить указа у Боярской Думы или царя [11. С. 44].

Отсутствие единого управления торговыми делами, подчиненность посадского населения разным приказам серьезно препятствовали развитию торгового предпринимательства, накоплению капиталов, а значит, и пополнению казны. Требовался переход к новой системе регулирования сферы торговых отношений.

А.Л. Ордин-Нащекин отмечал необходимость учреждения «пристойного приказа» не только для управления городами, но и для защиты посадского населения от посягательств царских чиновников. Он ввел в Новоторговый устав 1667 г. положение о подчинении всех торговых людей одному Приказу большого прихода. Это ведомство должно было наблюдать за непревышением сборов, взимаемых с купцов, защищать от произвола воевод. Принцип отстранения воевод от торговых дел проведен в ст. 1, 2, 18, 35, 88 и 89 Устава.

Однако на практике злоупотребления продолжались. В 1685 г. Й.В. ван Келлер обратил внимание русского правительства на факты вмешательства местного воеводы в деловые операции на архангелогородской ярмарке, сообщив, что представители местной администрации регулируют цены, конфискуют товары и взимают незаконные пошлины [12. С. 58–83]. Указ от 14 июля 1685 г. особо запрещал двинским воеводам вторгаться в деятельность голландцев и гамбуржцев [3. С. 675–677]. Это отвечало интересам государства, так как пресечение вымогательства у торговых людей уменьшало разорение плательщиков сборов.

Правовой статус иностранных купцов

По русскому законодательству XVI–XVII вв. «торговыми иноземцами» считались иностранцы, занятые в торговле и не состоявшие на службе у царя. Издавна сложилось право их свободного приезда на период торговли в порубежные города Московского государства, где они были обязаны проживать и торговать в специально предназначенных для этого гостиных дворах. Это разрешение напрямую касалось поморских гаваней. В первой половине XVI в. иностранцам был запрещен только морской и сухопутный проход в сибирские земли, чтобы предотвратить торговую экспансию [13. С. 70–72]. Кроме общего права торговая деятельность иностранцев в XVII в. регулировалась также международными договорами, персональными царскими жалованными, проезжими и иными грамотами, актами центральной власти. Московские государи также посылали к монархам других стран особые акты с извещением о предоставлении их подданным тех или иных таможенных и торговых привилегий. Предоставляемые права, кроме права приезда, касались отдельных народностей, торговых компаний или физических лиц, но не всех иностранцев в совокупности [14. С. 385].

Во второй половине XVII в. Россия имела небольшое число специальных торговых договоров с зарубежными странами, например, с Персией, Китаем, Францией (1629 г., но он был малоэффективен, вторая попытка заключения нового франко-русского торгового договора была в 1668 г. [7. С. 84]). Хотя, например, В.Н. Захаров утверждает, что первый в истории России торговый договор был заключен с Великобританией в 1734 г. [15. С. 298].

Чаще вопросы коммерции регулировались политическими соглашениями, в том числе мирными договорами. Так, между Россией и Швецией в 1617 г. был подписан «Столбовский мир» (договор). По его условиям подданные шведского короля могли «вольно и беспомешно» торговать в пограничных и внутренних русских городах. Кардисский мирный договор от 21 июня 1661 г. восстановил прежнюю привилегию. Для свободной торговли было достаточно иметь проезжие грамоты «от того места начальников и приказных людей, откуда они приехали» и уплатить проезжие пошлины. Шведским торговцам разрешалось оборудовать торговые дворы в Москве, Великом Новгороде, Пскове и Переяславле [2. С. 539].

В 1655–1663 и 1685–1689 гг. велась торгово-дипломатическая переписка с Венецией, в том числе по поводу свободной торговли в Архангельске. Такое право было дано венецианским купцам в 1657 г. при условии уплаты обычных во всех портах пошлин [13. С. 182–183]. В 1688 г. было позволено торговать в России при соблюдении требований Новоторгового устава подданным Бранденбурга, в 1689 г. – прусским купцам [4]. А с Англией и Нидерландами в XVII в. Россия вообще не имела специальных договоров, хотя именно эти иностранцы проявляли наибольшую активность на русском рынке.

Важно отметить и то, что в дальнейшем торговые отношения с иноземцами на Русском Севере получи-

ли развитие в таком феномене, как «поморская торговля», особенно во «фронтирных» зонах [16. P. 519–535; 17. P. 915–927].

Вместе с тем торговые права иноземцев закреплялись не столько в межгосударственных соглашениях, сколько в российских нормативных и индивидуальных правовых актах. Они регламентировали торговлю иностранцев в пограничных и внутренних городах России, причем правила внутренней торговли отличались бóльшей строгостью.

Индивидуальные правовые акты создавали особый привилегированный статус иностранным торговым компаниям или отдельным купцам, как правило, за серьезные заслуги перед Русским государством или исходя из финансовых, внешнеполитических и иных потребностей страны (П. Фанлютцену, Д. Артману, А. Гутману, К. Каненгитеру, И. Плюсу, О. Вульфу и др.).

Жалованные грамоты давали обладателям следующие привилегии в торговой сфере: 1) свободно приезжать в порубежные и внутренние города России и свободно выезжать из страны, иметь свои суда и дощаники, на них перевозить товары; 2) торговать беспошлинно, с уплатой половины размера пошлин или только некоторых из них; 3) не давать товары в таможнях для досмотра, а только заявлять о них с подачей собственноручно заверенных росписей; 3) иметь дворы в определенных городах с освобождением от посадского тягла и постоя; 4) быть под юрисдикцией Посольского приказа и др.

Ярким примером может служить описание привилегированных условий торговли голландских купцов Адольфа и Ивана Гутманов, приведенное в статье В.Н. Захарова и М.С. Черкасовой [18. С. 97–132].

Одновременно грамоты включали требования в основном общего характера. Торговым иноземцам запрещалось: 1) передавать грамоту посторонним лицам или брать с собой подданных других государств; 2) провозить товары в обход таможни; 3) привозить чужие товары, выдавая за свои; 4) держать «закладников» (горожан или крестьян покровительством феодала) из русских людей; 5) торговать в розницу; 6) прибегать к посредничеству русских людей в торговых операциях с импортно-экспортными товарами и т.д. [14. С. 398–399].

Мелкие торговцы были заинтересованы в присутствии европейцев и неоднократно подчеркивали свое позитивное отношение, поскольку те снабжали их кредитами и ссудами, вовлекали в свои промыслы [19. С. 22–37]. Однако русская торговая элита крайне негативно воспринимала влияние иностранных предпринимателей на внутреннем рынке. Ввиду отсутствия достаточных капиталов и умений даже крупные отечественные предприниматели не могли успешно конкурировать с иноземными.

С 1620 г. русские купцы постоянно оказывали на правительство давление с целью изменить его политику в отношении иностранных торговцев. Первая челобитная была представлена царю в 1627 г., в последующем массовые челобитья повторялись: в 1635, 1637, 1639, 1642, 1646 гг. [20. С. 91–123, 21]. Терпящие убытки торговые люди Русского Севера также писали царю челобитные. Например, челобитные 1652, 1653 и 1656 гг. вологодских торговых людей на голландских купцов и иных торговых иноземцев [19. С. 22–37; 22. С. 328].

С другой стороны, и иностранные купцы, порой, не были чисты на руку, в связи с чем перечень оснований для подачи жалоб был обширным. Иностранцы скупали товары по неоправданно низким ценам непосредственно у производителей, минуя купцов, и затем, вопреки запретам, торговали ими в розницу по искусственно завышенным ценам. При лучшей организации дела, большем объеме капитала и сговоре иноземных торговцев это вело к нечестной конкуренции. Они использовали мелких русских торговцев в качестве подставных лиц и уходили, таким образом, от уплаты пошлин и запрета торговать в розницу, импортировали незаконно купленные казенные и другие товары, а также совершали иные махинации во время прохождения таможенных процедур и осуществления обменных операций. При этом препятствовали вывозу русскими их собственных товаров за границу.

В Новоторговом уставе 1667 г. содержались и такие новые меры ограничения иностранной торговли внутри России, как повышение пошлин. Для иноземцев в Архангельске и приграничных городах устанавливалась пошлина в размере 5% с оборота товаров, продаваемых на вес, и 4% – с оборота прочих товаров. Торговавшие на внутреннем рынке России платили дополнительную транзитную пошлину в размере 10% со стоимости товаров; еще 6% взималось при продаже товаров в российских городах. Всего, таким образом, иностранцы платили теперь пошлину более 20%, т.е. в разы больше российских купцов и московских торговых иноземцев. Такие высокие тарифы доказывают, что предназначались они для защиты интересов отечественных торговых людей.

Для торговли во внутренних городах Московского государства устанавливались особые требования, просуществовавшие до 1730-х гг. По общему правилу, для проезда с торговой целью было необходимо запрашивать в Посольском приказе проезжую грамоту в определенный город. По приезде в него иностранец был обязан взять новую грамоту. На практике западные купцы получали их не в Посольском приказе, а у властей соответствующих городов. Прибывший иностранец подвергался «расспросу», местные власти могли затребовать «свидетельствованные листы», т.е. рекомендательные письма [23. С. 104]. В Москву некоторым иностранным подданным разрешалось приезжать с большими запасами и одновременно небольшой группой [2].

К 1680-м гг. русские власти согласились на компромисс, который в значительной степени восстанавливал права общины иностранных купцов и делал дифференцированные ставки таможенных пошлин наиболее важным средством благоприятствования русскому купечеству. После того как иноземцам было дозволено возвратиться в Москву, все больше их стало приезжать вообще без товаров, за которые следовало бы платить пошлины. По мнению Н.Н. Репина, основная причина была в том, что деньги и товары уже были даны в кредит русским торговым людям еще в Архангельске [24. С. 345].

Таким образом, политика русских властей по правовому оформлению отношений с европейскими коммерсантами соединяла в себе две противоположные тенденции: ограничение торговых прав на внутреннем рынке страны и закрепление государственных гарантий их нахождения в российских внешнеторговых центрах. Постепенно в политике начинает прослеживаться тенденция «русского меркантилизма», что проявилось, в том числе, в нормах Новоторгового устава 1667 г. Как отмечает Н.Н. Репин, «русские купцы к началу XVIII в. стали хозяевами внутреннего рынка страны» [25. С. 53].

Роль таможни и особых судов в регулировании торговли

Контроль обложения торговых промыслов осуществляли таможенные органы, которые к концу XVII в. стали централизованными и довольно разветвленными. Работой таможни руководили 1–2 «головы» (руководители таможенных изб, отвечавшие за сбор податей) с «товарищами», число которых зависело от размера таможни и объема торговых оборотов. В их подчинении находились «целовальники» (фискальные чиновники). Например, в 1690 г. гость А. Филатьев был направлен в Холмогоры вместе с одним из товарищей, другой товарищ отправился в Вологду, чтобы контролировать отпуск товаров, а третий – в Архангельск [13. С. 96]. В порубежных городах, в частности в Архангельске, по Торговому уставу, в ведении таможен находились торговые дела иностранных коммерсантов. Царским указом 1685 г. наблюдение за иностранными кораблями и их охрана были также возложены на таможню. Не только Новоторговый устав 1667 г., но и многочисленные акты на его основе запрещали воеводам вмешиваться в таможенную деятельность, чтобы *«великого государя казне в сборах порухи не было»*.

Очевидно, что большое количество актов, повторяющих положения об ответственности чиновников, говорит о постоянных нарушениях запретов, о недостаточном уровне организации торговых дел. Идея подчиненности купечества одному приказу так и осталась на бумаге до времен Петра I.

В середине XVII в. своего судопроизводства не было даже у верхушки торгового люда не имели. Г. Котошихин писал: *«А кому гостем или торговым и посадским людем случитца на каких-нибудь людех искати и отвечати, и им велено искати на Москве и в городех у бояр, и у воевод, и у приказных людей, где кто ведом и судим. А своих у них судов ни в каких делах не бывает»* [26. С. 288]. В ст. 89 Новоторгового устава предполагалось рассматривать и дела торговых людей в *«одном пристойном приказе, дабы волокитою по разным приказам им, купецким людям, промыслов своих не отбывать и чтоб всякой торговой промысел без волокит множился»* [27. С. 5]. Это была первая попытка создать специальный суд для купечества. Однако рассмотрение жалоб на воевод в приказе тянулось по нескольку лет. Сосредоточенность судебных дел в Москве создавала трудности и задержки в осуществлении судопроизводства.

В ст. 2 Новоторгового устава 1667 г. говорится об учреждении при Архангельской таможне особого суда: *«Всякую полную расправу у города Архангельского в торговых делах русским людям и иноземцам чинить в таможне гостю со товарищами»* [28. С. 118–119]. Такие суды впоследствии были образованы и при других таможнях, не только пограничных, но и внутренних [29. С. 44–46]. Они продолжали действовать в XVIII в. и в связи с реорганизацией системы управления перешли в подчинение местным городским органам власти и Коммерц-коллегии – вышестоящей инстанции по рассмотрению торговых дел.

Зарождение банковской и рыночной системы на Русском Севере

Значительным препятствием для развития торговли в XVII в. было отсутствие у русских купцов собственных капиталов и государственного регулирования кредитования. Небогатые посадские торговцы были вынуждены дешево отдавать свои товары иностранцам, подряжались поставлять их в определенный срок, а также нанимались в качестве комиссионеров. Все это подрывало русскую оптовую торговлю. В 1665 г. псковский воевода А.Л. Ордин-Нащокин попытался создать ссудный банк для «маломочных» купцов. Его функции должна была исполнять «земская изба», действовавшая при поддержке крупных торговцев. Чтобы мелкие купцы как можно меньше общались с зарубежными закупщиками, они могли быть агентами только богатых псковитян, могли брать у них ссуды для покупки исключительно русских товаров и в декабре и мае доставлять их в земскую избу. Причем крупные торговцы кредитовали не всех желающих, а своих свойственников или знакомых. Данный прообраз банка существовал короткое время из-за отсутствия четко разработанного плана деятельности, противодействия со стороны бояр и приказных чиновников.

На территории Русского Севера, как обоснованно считает В.Н. Булатов, рынок сложился уже к XVI в. [13. С. 162]. Во второй половине XVII в., кроме стационарной, действовали две основные формы торговли: периодическая и развозно-разносная [23. С. 163–164]. Низшей формой торговли была развозно-разносная. Она имела случайный характер, так как покупатель не мог на нее точно рассчитывать. Осуществляли ее «коробейники» (странствующие торговцы), продававшие необходимые мелкие товары. Передвижной торговлей занимались скупщики и «прасолы» (оптовые скупщики скота и съестных припасов), покупавшие товары у мелких производителей и перепродававшие их крупными партиями на ярмарках по более высокой цене [30. С. 163–164]. Специальных правовых норм, регулировавших указанную форму торговли, не было.

Более развитой формой были «торжки» и ярмарки. Периодически организуемые торги (или торжки) представляли собой места продажи сельскохозяйственной продукции, которые проходили в определенное время, обычно по праздникам, у храмов и монастырей [31. С. 48]. Они открывались с разрешения

правительства с учетом их расположения и мнения местных жителей. Как правило, они существовали при монастырях, которые добивались от властей права забирать доходы с торгов на свои нужды. Надзор за торгами и торговые сборы мог находиться в ведении казны, а торговые сборы могли быть пожалованы монастырям или частным лицам или отданы на откуп [4. С. 134–136]. Специального акта, регулировавшего функционирование торжков, не было, но отдельные вопросы их организации получили нормативное закрепление. Например, именной указ 1682 г. запрещал проводить их в воскресный день и подтверждал ранее установленный запрет торговать там казенным питьем [3. С. 485].

Торжки, расположенные на географически удобных местах, благодаря своему хозяйственному значению увеличивались и постепенно превращались в ярмарки, становясь центрами оптовой торговли. Ярмарки были главной формой торговли из-за слабости экономических связей и отсутствия прямых контактов между производством и потреблением. В XVII в. их деятельность регламентировалась сложившимися обычаями. Можно говорить о полном отсутствии общих специальных актов об организации ярмарок до начала XVIII в. Однако отдельные вопросы их функционирования (сроки, места и порядок продажи товаров, контроль совершаемых операций, взимание сборов) получили закрепление в законодательстве [2. С. 677–691; 3. С. 500; 4. С. 43–44, 111, 209–210].

В связи с удаленностью населенных пунктов друг от друга на Русском Севере было большое количество ярмарок. Например, с XVI в. такая действовала в Холмогорах, в XVII в. всероссийское значение приобрела Важская Благовещенская ярмарка. Были известны пушные ярмарки в Сольвычегодске: Алексеевская, Прокопьевская и Введенская [32]. В Архангельске проводилась одна из крупнейших в государстве ярмарок, куда ежегодно приезжали купцы из Москвы, Ярославля, Вологды, Костромы, Яренска, Сольвычегодска и других городов. Можно согласиться с высказанным в литературе мнением, что в определенном смысле крупнейшие купцы, ориентированные на внешнюю торговлю, игнорировали местные рынки на Сухоно-Двинском пути. Несмотря на наличие лавок в Вологде, Тотьме, Устюге, Соли Вычегодской, городская торговля здесь не имела для них основополагающего значения, эти города воспринимались лишь как транзитные центры [33. С. 322–323; 34. С. 126].

Вопросы организации и работы ярмарок

О значении архангелогородской ярмарки говорит ряд документов второй половины XVII в. С середины XVII в. голландские купцы все чаще выражали недовольство тем, что она проводилась лишь в течение августа. По их просьбе с 1663 г. правительство разрешило проводить ярмарку с 1 июня до 1 сентября [35. С. 135; 36. С. 154]. Но в 1664 г. по требованию русских торговцев, стремившихся полностью продать свой товар, ее сроки были продлены после 1 сентября до прихода последних кораблей. Мотивом такого решения было стремление властей избавить русских купцов от убытков, которые они терпели от простоя, прибывая на ярмарку задолго до иностранцев. Западноевропейские купцы ожидали, пока русские не будут готовы предложить выгодные цены, и скупали товары только в последнюю неделю. Дабы предотвратить возникавшее затоваривание рынка, местная архангельская администрация в 1667 г. предложила всем иноземцам приезжать в мае и торговать в июне, но это требование было невыполнимым. В 1667 г. Новоторговым уставом в ст. 76 окончание ярмарки опять было ограничено 1 сентября под предлогом, что суда, уплывая поздно от Архангельска к Вологде, попадали во льды, от чего портились царские и купеческие товары [2. С. 688].

В 1671 г. несколько отечественных гостей вновь обратились к правительству с ходатайством о продлении сроков архангельской ярмарки после 1 сентября. Они ссылались на то, что русские купцы привозят товары в Архангельск в мае-июне, а западноевропейские суда прибывают лишь в августе, при этом иностранцы сначала договариваются между собой, а с русскими начинают торговать только в последние дни августа. В результате этого отечественные купцы не имеют возможности хорошо рассмотреть заграничный товар и вынуждены в спешке совершать сделки. В таких условиях они платят слишком высокую цену за покупной товар, а свой вынуждены продавать по низкой, что ведет к большим убыткам [35. С. 135]. Западноевропейские купцы были против продления ярмарки после 1 сентября и требовали соблюдения установленных сроков.

В 1674 г. Посольский приказ подтвердил положение, что торги в Архангельске не могут продолжаться долее 1 сентября, а нераспроданный товар не облагается пошлиной. Очевидно, русское правительство стремилось сохранить привлекательность торговли для иностранцев. На практике дата окончания торгов – 1 сентября – все равно не соблюдалась. Самые активные торги были в августе, но расчеты продолжались до конца октября, что и объясняло затягивание сроков ярмарки.

Лишь в 1678 г. русские власти сообщили голландскому резиденту в Москве, что навязывать крайний срок окончания ярмарки нельзя, и доказывали, что все проблемы проистекают из-за позднего прихода кораблей в Архангельск. Указ 1678 г. вновь подтвердил отсутствие ограничений на продолжительность ярмарки [37. С. 86–87].

В 1679 г. уже Генеральные Штаты (Франция) обратились к царю Федору Алексеевичу с просьбой об обязательном закрытии ярмарки с 1 сентября. Просьба была удовлетворена, кроме того, купцам было дозволено размещать нераспроданный товар на хранение в Архангельске до следующих ярмарочных торгов. Впрочем, и в 1679 г. торговцам в некоторых случаях было разрешено продолжать торговлю после 1 сентября.

Для управления делами ярмарки и для сбора пошлин ежегодно назначался гость. При Михаиле Федоровиче под его начальством состояли двое «таможенных голов» и выборные «целовальники» (должностные лица по сбору податей). Таможенные головы выбирались из торговых людей московской гостиной

сотни, а целовальники – двое из гостиной сотни, двое из суконной и, сверх того, «сколько пригоже» из местных жителей. После того как было замечено, что в последние целовальники выбирали даже из пахотных людей, ничего не понимавших в торговле, с 1658 г. установилось правило, что целовальников должно быть шесть, по одному из торговых людей Ярославля, Вологды, Великого Устюга, Костромы, Яренска и Сольвычегодска. Новоторговый устав 1667 г. подтвердил, что во время ярмарки в Архангельске должен находиться гость, который не подчинялся в таможенном отношении воеводе, чтобы не было ущерба сборам в казну. В помощь гостю назначались по одному представителю московских «гостиной» и «суконной» сотни (торговые люди), по два человека из вышеуказанных городов.

Торговля на ярмарке происходила оптом на кораблях без разгрузки или в гостиных дворах после разгрузки. Русские могли подвозить на судах свои товары в гавань, входить на иностранные корабли, где и производилась меновая или покупная торговля. При ней присутствовали таможенные головы или целовальники. Чиновники ходили на иностранные корабли в сопровождении «служилых людей» (лиц, несших военную и административную службу) для охраны русских торговцев и для решения споров.

Оценка происходила по весу и счету товаров. Во избежание споров иностранцы не только записывали в таможенных книгах товары, но также их цену и ставили собственноручные подписи. С 1667 г. указы требовали, чтобы на заграничные товары налагались клейма с обозначением, в каких городах и какими производителями они изготовлены. Так правительство старалось предотвратить сбыт в Россию некачественной продукции и ее подделку. Несмотря на подробное правовое регулирование полномочий таможенных служащих, часто возникали разногласия между ними и коммерсантами. Например, в 1667–1668 гг. голландцы и гамбуржцы обвиняли гостей В. Шорина и А. Кириллова в многочисленных случаях злоупотреблений, связанных со сбором пошлин в Архангельске. А. Кириллов вместе с гостями В. Шориным и А. Сухановым выдвинул по адресу иноземцев ответные обвинения в том, что они противоправными коллективными действиями пытались изменить в свою пользу условия торговли (экспортно-импортные цены). По словам А. Кириллова, голландские купцы В. Меллер, Д. Хартман и их гамбуржец П. Ферпоортен сговорились о снижении цен на юфть (сорта мягкой кожи), и из-за этого русские коммерсанты недополучили 15 тыс. руб. А. Кириллов конфисковал товаров на 3 195 руб. Однако товары были возвращены после заявления иностранцев, что они не были ознакомлены с положениями Новоторгового устава [37. С. 89, 98].

Западноевропейские купцы жаловались на то, что гость Иван Панкратьев в 1673 г. конфисковал товаров почти на 16 тыс. руб. у голландских и гамбургских торговцев [Там же. С. 85]. В 1665 и 1685 гг. голландские купцы жаловались, что им не дают записывать свои торги в таможенные книги [8. С. 69, 72].

В ответ на жалобы правительство посылало в таможни акты, предписывающие необходимость соблюдения законодательства.

Создание гостиных дворов как средство фискального надзора

Оптовая периодическая торговля сосредотачивалась на гостиных дворах, розничная стационарная – в рядах (рыбном, охотном, мясном и др.). По установленным дням в крупных городах действовали рынки, куда свозились товары с ближайших деревень.

Еще со времен Ивана III было установлено для приезжих купцов обязательное правило осуществлять оптовую торговлю на гостиных дворах [38. С. 389]. В каждом посаде, где велась привозная торговля, был один или несколько гостиных дворов. Если его не было, то приезжим предписывалось складывать товары и торговать в рядах и амбарах, но только оптом [4. С. 148]. В гостином дворе была возможность найти безопасное жилье на время торгового сезона, хранить и взвешивать товары, оформлять сделки. Двинская таможенная грамота 29 марта 1588 г. подтверждает обязанность иногородних купцов останавливаться только на холмогорском гостином дворе и торговать там же.

Соборное Уложение 1649 г. в ст. 36 гл. XIX указывало всем приезжим в Москву торговать в гостином дворе, а не в рядах. Если же у приезжих были собственные или наемные лавки, в которых продавались товары, но не было дворов, то им также предписывали торговать в гостином дворе, а лавки в рядах продать тягловым жителям столицы [2. С. 113–114].

В XVII в. России были и частные гостиные дворы. Например, шведские были в Москве и Новгороде. С началом русско-шведской войны 1656–1661 гг. они были взяты в казну. В 1662 г. их вернули, и до начала Северной войны они действовали непрерывно. В 20–40-х гг. XVII в. существовали гостиные дворы английской торговой компании в Москве, Архангельске, Холмогорах, Вологде и Ярославле, большинство которых она была вынуждена продать из-за высылки в 1649 г. англичан из внутренних районов России в порубежные города. В 1630-е гг. были восстановлены любекские дворы в Новгороде и Пскове [39. С. 188–193].

Явившийся на государственный гостиный двор купец должен был внести определенные виды платы: «избная» за помещение для себя лично и «лавочная» (или «амбарная») за помещение для товара. Часто гостиные дворы были «на откупах» (монополизированы) у торговых людей, иногда «брали на откуп» какую-то одну статью доходов, например, «поворотную пошлину» (за вывоз товара с гостиного двора) [8. С. 131].

Русскому правительству было выгодно сосредотачивать торговлю приезжих коммерсантов в гостиных дворах. Скорее всего, основная цель данного правила заключалась в держании всех коммерческих отношений под фискальным надзором, чтобы собрать максимальное количество пошлин и не допустить бескон-

трольные торговые операции «на жилецких дворах» (не относящихся к «служилым людям»). Обоснование необходимости становиться на гостиных дворах указывалось в различных актах. Например, в данном в июне 1681 г. наказе большой Московской Таможне было предписано товары к себе во двор не свозить, а складывать на гостиных дворах, в амбары или лавки, чтобы не было возможности укрыть их от таможенного контроля. Всех нарушивших эти правила русских и иностранных торговых людей ждало суровое наказание вплоть до смертной казни [3. С. 320–325].

Находясь на дворе под постоянным контролем, иноземные купцы с трудом могли скрыть товары и не могли вести противозаконную для иностранцев розничную торговлю, были вынуждены производить только оптовую торговлю, оставляя русским торговым людям посредническую прибыль от перепродажи иноземных товаров. Указы запрещали пускать в гостиные ряды мелочных торговцев: крестьяне и ремесленники могли продавать свои товары только оптом купцу. Тем самым наличие таких мест обеспечивало интересы государства и русского купечества.

Торговля вне гостиных дворов запрещалась. Только тем, кто привозил свои товары на судах, санях или возах, разрешалось продавать их оптом, не выкладывая, но с уплатой дворникам гостиного двора поворотной пошлины. Однако в разных местах существовали свои правила, основанные на местных торговых обычаях и особых уставных грамотах [40. С. 337]. Например, в Каргополе обязательным условием была ценность товара не более 2 руб. Если торговец не хотел торговать в самой огороженной части, то мог складывать товар в частных домах при уплате дворникам гостиного двора «теплового» (платы за тепло, приготовление еды, продукты, скатерти и т.д.). По указу 1681 г. разрешалось покупать оптом хлеб у приезжих с саней и возов. Многие оптовые торговцы, не принадлежащие к посаду, и монастыри имели на посадах свои дворы, пользовались правом складывать в них свои товары и торговать ими [8. С. 131–132].

В действительности торговля шла и за пределами обусловленного места. Правительство пыталось с этим бороться, что отражалось в указах о запрещении торговать в «неуказанных местах» и установлении ответственности для тех местных жителей, кто пускал на свои дворы приезжих с товарами. Однако все равно *«приезжие иноземцы… мимо гостиных дворов у себя на дворех втайне товары держали, також и в порубежных городех мимо гостиных дворов от себя врознь всяким людям продавали… от чего русские люди в разоренье пришли»* [2].

Во исполнение государственного веления во многих поселениях на Русском Севере были построены гостиные дворы, в некоторых, например в Вологде – даже несколько. В XVI–XVII вв. они существовали в Коле, в Холмогорах, Верховажье и других местах [13. С. 23, 28, 132]. Относительно Архангельска было издано распоряжение, чтобы *«однолично приезжие люди мимо гостиных дворов нигде не ставились и особных дворов и анбаров, опричь аглинских гостей и галанцев, которым по имянным государевым грамотам велено держать свои дворы и амбары, ни у кого не было»* [36. С. 204–205]. Здесь в связи с активной внешнеторговой деятельностью с 1587 г. существовали принадлежащие казне русский и немецкий, т.е. иностранный, деревянные гостиные дворы со множеством государственных и частных помещений *«на поклажу товаров»*.

В 1667, 1668 и 1670 гг. в Архангельске в колоссальных пожарах они сгорели. В первые недели после этого купец П. Марселис предложил московским властям отстроить новые. Все дальнейшее строительство в 1668–1684 гг. самых больших в то время в России каменных гостиных дворов велось при высочайшем одобрении и обошлось примерно в 120 тыс. руб. [41. С. 177–179]. Комплекс включал в себя русский гостиный двор (106 торговых помещений), немецкий гостиный двор (110 помещений), крепость между ними и 6 башен. То есть предназначался для выполнения не только торговой, но и оборонительной функций. В комплексе, помимо общих построек, магазинов (складов) и лавок, где во время ярмарок русские купцы выставляли товары, находились православная церковь, «съезжая изба» (приказная, канцелярия воеводы), «двор воеводы» (государев двор), тюрьма и пороховой погреб. За крепостью в лицевой части немецкого гостиного двора располагалась таможня [35. С. 140–141]. По словам Балтазара Койэта, одного из членов свиты голландского посла Кунрата Кленка, в 1675 г. все товары, приходившие в Архангельск по реке или морю, должны были заноситься в русский гостиный двор *«так, чтобы снаружи не оставалось ничего, кроме одного образца. Каждый купец, который в Архангельске или на Архангельск торговлю ведет, имеет там свою сводчатую палату, за съем которой он в год весьма мало денег платит»* [Там же. С. 141].

Таким образом, единого консолидированного акта, касающегося организации гостиных дворов и проведения там торговли, во второй половине XVII в. не существовало. В связи с этим в разных посадах имели место особенности, установленные либо центральной властью, либо местной при санкционировании правительства, либо местными обычаями.

Ценовое и товарное регулирование, транспортировка грузов

В то же время можно утверждать, что не во всех мерах по регулированию торговли прослеживается исключительно фискальный интерес. Например, ограничение продаж в субботу, воскресенье и духовные праздники было связано с религиозными представлениями русских людей [2. С. 21, 718–719; 3. С. 638–639]. Предпринимались попытки запретить скупку и спекуляцию съестными припасами, особенно хлебом [3. С. 325–329]. Боярский приговор 1694 г. запрещал под страхом *«жестокого наказания и вечного разорения»* перекупать привозимые крестьянами товары: *«скупщики, складчики и кулатчики»* у *«приезжих торговых людей, сложась, мяс, и рыбы, и сена, и золы, и дров, и хлеба... большими статьями для своих прибылей и прихотей не скупали»* [4. С. 171–172]. Распоряжения властей устанавливали «указные» (регулируемые) цены, прежде всего, на хлеб, что вызы-

вало явное недовольство продавцов. Естественно, прекратить спекуляцию одними правовыми средствами было невозможно, а экономические были еще не развиты.

В Новоторговом уставе 1667 г. уже в общем виде отразилось правило о необходимости хорошего качества продаваемого товара иностранного и российского производства, правильном его измерении. Данная норма была принята в ответ на участившиеся случаи импорта плохого товара, который продавался по высокой цене. В дальнейшем регулирование качества развивалось более конкретно применительно к отдельным видам товаров.

Развитие внешней торговли Московского государства зависело в большой мере от возможности отправлять товары за границу на собственных судах. Пользуясь иностранными кораблями, русские торговые люди тратили большие деньги для оплаты услуг перевозчиков и, соответственно, мало присутствовали на европейском рынке. В XVI–XVII вв. на севере России было довольно развитое каботажное торговое сообщение с Норвегией, куда поморы возили свои товары. В 1570 г. Строгановы основали в северодвинской Соломбале судостроительную верфь для постройки торговых и промысловых судов [30. С. 370].

Мысли о собственном торговом флоте, портах и эффективности внешней торговли занимали московских монархов задолго до Петра I. В 1581 г. по указу Ивана Грозного на острове Соломбала соорудили небольшую верфь. В 1602 г. по указу Бориса Годунова на ней было построено 15 морских судов [42. С. 13]. Во второй половине XVII в. Алексей Михайлович предпринял неудачную попытку организовать казенное судостроение. А.Л. Ордин-Нащекин отстаивал идею о необходимости создания русского купеческого флота и был поставлен царем во главе «корабельного дела». По царскому указу 1667 г. на верфи в подмосковном селе Дединове предполагалось построить несколько судов для защиты торговых интересов русских купцов на Каспийском море, однако это идея практически не была реализована [11. С. 46]. В дальнейшем вопрос о русском судоходстве оставался без внимания вплоть до начала правления Петра I.

Развитие отечественной торговли зависело в большой мере и от возможности доставлять товары в различные места России. Во второй половине XVII в. главными путями сообщения оставались водные, среди которых основным был путь Москва–Архангельск протяженностью 1 500 верст (примерно 1 600 км). Из столицы обычно зимой товары отправлялись санным путем до Вологды. Там они хранились на складах до вскрытия рек. С наступлением тепла они доставлялись стругами по Сухоне до Устюга, а от Устюга по Двине вниз к Архангельску. Активное движение по «Великому северному речному пути» стимулировало развитие Вологды, так как именно этот город был перевалочным пунктом с сухопутного тракта на водную артерию. Для перевозки грузов только между Вологдой и Архангельском в XVII в. требовались тысячи речных судов разной грузоподъемности, а общий грузооборот составлял 2–3 миллиона пудов [43. С. 4].

Издержки на перевозку товара существенно увеличивали его стоимость и делали его часто недоступным широкому кругу покупателей. Ситуация хорошо прослеживается на следующем примере. В конце XVII в. стоимость провоза одного пуда товаров от Москвы до Архангельска составляла 19 коп., в то время как стоимость одного пуда ржи в центре России составляла 1,25 коп. [15. С. 26].

Естественно, раньше и быстрее других товаров доставлялись купленные в Архангельске для царского обихода, ибо их возили на ямских и земских подводах. Большие расстояния, малочисленность населения, дорогой и небезопасный перевоз товаров, в конечном итоге, сдерживали развитие всероссийского рынка и внутренней торговли. Однако на Русском Севере эти негативные факторы сглаживались постоянным внешнеторговым спросом на экспортные товары и более высоким уровнем вовлеченности населения в рыночные отношения, в производство товаров, в сферу услуг.

Правительство практически не заботилось о состоянии путей сообщения. В Соборном Уложении 1649 г. видна попытка хотя бы частично решить этот вопрос. В главе IX «О мытах, и о перевозех, и о мостах» были регламентированы сбор проезжих пошлин и обеспечение сохранности и благоустройства сухопутных и водных путей. Если обязанные лица будут собирать *«мыто, перевоз и мостовщину»* при неудовлетворительном состоянии путей, то должны компенсировать торговым людям убытки, возникшие из-за проблем с дорогой.

В то время обсуждался проект сооружения канала для соединения Белого моря с Волгой. Кроме того, частично внимание уделялось организации ямской службы и регулярного почтового сообщения, но в основном для государственных, а не частных нужд. 8 июня 1693 г. был издан именной указ об учреждении почты от Москвы до Архангельска для пересылки как царских актов, так и торговой корреспонденции [4. С. 158–159].

Заключение

Рассмотрев правовые и организационные основы торговой деятельности во второй половине XVII в., можно констатировать прежде всего более четкое оформление статуса торгующего населения.

Торговый протекционизм второй половины XVII в. стал совпадением государственных политических, финансовых интересов и потребностей верхушки русского купечества как экономической опоры царской власти. Законодательство постепенно вытесняло иностранных коммерсантов в порубежные города, устанавливало повышенные размеры платежей, новые ограничения и запреты в данной отрасли. В то же время для поддержания внешнеэкономической активности им гарантировалось строгое соблюдение законодательства, защита от злоупотреблений. Правовое положение торговых иноземцев в основном устанавливалось российскими актами, а также немного-

численными международными соглашениями и нормами обычного права. Выдаваемые им царские жалованные грамоты были действенным инструментом осуществления экономических и политических задач.

Во второй половине XVII в. не было четкой системы управления торговыми делами, не существовало соответствующего единого административно-судебного учреждения. Больше четкости было в организации таможенного дела ввиду его прямой связи с обеспечением государственных фискальных интересов.

В исследуемый период не существовало общероссийских актов, устанавливавших единые организационные основы торговли. Организация рыночных отношений на Русском Севере, кроме ряда актов, посвященных наиболее значимым ярмаркам, объектам инфраструктуры, товарам и т.п., во многом определялась установившимися нормами обычного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулакова И.П. «Москвичи торговые люди» конца XVI – начала XVII вв. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. 1994. С. 85–92.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Т. I. 1649–1675. СПб. Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. № 1. С. 21, 55, 113–114; № 80; № 107. С. 302–305; № 301. С. 539; № 366. С. 603; № 408. С. 677–691, 688; № 414. С. 718–719.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Т. II. 1676–1688. 8. СПб. Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. № 873. С. 320–325; № 874. С. 325–329; № 976. С. 485; № 993. С. 500; № 1089. С. 638–639; № 1129. С. 675–677; № 1193. С. 79.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Т. III. 1689–1699. СПб. Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. № 1330; № 1332; № 1356. С. 43–44; № 1409. С. 111; № 1458. С. 148; № 1470. С. 158–159; № 1480. С. 171–172; № 1520. С. 209–210; № 1686. С. 614–615.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Т. IV. 1700–1712. СПб. Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. № 3056. С. 483–484.
6. История предпринимательства в России: Кн. 1. От средневековья до середины XIX века. М., 2000. С. 7.
7. Ионичев Н.П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX века) : учеб. пособие для вузов. М., 2001. 247 с.
8. Костомаров Н.И. Очерк истории торговли Московского государства в XVI и XVII ст. СПб., 1862. 302 с.
9. Лаппо-Данилевский А.С. Промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899. 126 с.
10. Гайнутдинов Р.К. Государство и купечество в России в XVI – первой половине XVII: время создания предпосылок правового регулирования торгово-промышленных отношений // Lex Russica. 2005. № 4. С. 679–685.
11. Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. 592 с.
12. Белов М.И. Россия и Голландия в последней четверти XVII века // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика, культура). М., 1966. С. 58–83.
13. Булатов В.Н. Русский север. Кн. 3: Поморье (XVI – начало XVIII в.). Архангельск, 1999. 336 с.
14. Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.). СПб., 2006. 472 с.
15. Галаган А.А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. М., 1997. 160 с.
16. Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? // Bylye Gody. 2015. Vol. 37, is. 3. P. 519–535. WOS:000364784300007.
17. Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Lapp Crafts in the History of the Russian-Norwegian Borderland in 1855–1900 // Bylye Gody. 2017. Vol. 44, is. 3. P. 915–927. WOS:000416765900020; EID: 2-s2.0-85028932118.
18. Захаров В.Н., Черкасова М.С. Иностранные купцы и их дворы в Вологде в XVII – первой четверти XVIII века // Вологда: Краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 3. С. 97–132.
19. Булгаков М.Б. Деятельность западноевропейского купечества в городе Вологде в первой половине XVII века // Вологда: Краеведческий альманах. Вологда : Легия, 2003. Вып. 4. С. 22–37.
20. Смирнов П. Новое челобитье московских торговых людей о высылке иноземцев. Киев, 1912. 39 с.
21. Базилевич К.В. Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в. // Известия АН СССР. Сер. 7. Отд-ние обществ. наук. 1932. С. 91–123.
22. Черкасова М.С. О деятельности торговых иноземцев в Вологде в XVII – начале XVIII // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен: сб. ст. / гл. ред. Г.В. Судаков. Вологда, 2002. С. 327–340.
23. Орленко С.П. История торговли : учеб. пособие. М., 2006. 352 с.
24. Репин Н.Н. Внешняя торговля через Архангельск и внутренний рынок России во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. 411 с.
25. Репин Н.Н. Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. (Архангельский и Петербургский порты). Омск, 1989. С. 81.
26. Котошихин Г. О Московском государстве в середине XVII в. // Русское историческое повествование XVI–XVII веков. М., 1984. С. 288.
27. Московский коммерческий суд. Очерк истории Московского коммерческого суда (1833–1908) и его современные деятели / под ред. Н.А. Победоносцева, Т.М. Годзевича. СПб., 1909. 218 с.
28. Российское законодательство X–XX веков. М. : Юридическая литература, 1986. Т. 4. 512 с.
29. Хачиров Р.Б. Коммерческие суды в России: правовые идеи и противоречия организации в допетровский период // Администратор суда. 2008. № 1. С. 44–46.
30. Экономическая история мира. Европа / под общ. ред. М.В. Конотопова. М., 2004. 634 с.
31. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права / по изданию 1914 г. М., 1994. 335 с.
32. Государственный архив Архангельской области. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 115, 125, 449; Оп. 2. Д. 44, 60, 70.
33. Мерзон А.Ц. Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960. 715 с.
34. Тимошина Л.А. Расселение гостей, членов гостиной и суконной сотен в русских городах XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. 1994. С. 117–151.
35. Велувенкамп Я.В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006. 328 с.
36. Кулишер И.М. История русской торговли и промышленности. Челябинск, 2003. 576 с.
37. Котилайне Я.Т. Борьба за русский рынок: голландские купцы в Архангельске и на Балтике в конце XVII столетия // Нидерланды и Северная Россия : сб. науч. ст. СПб., 2003. С. 77–80.
38. Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. I. С. 389.
39. Шаскольский И.П. О деятельности шведского гостиного двора в Новгороде в XVII в. // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1984. Вып. 2 (12). С. 188–193.

40. Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. 432 с.
41. Двинской летописец. Пространная редакция // Полное собрание русских летописей. Л., 1977. Т. 33. С. 177–179.
42. Быховский И.А. Архангелогородские корабелы. Архангельск, 1988. 176 с.
43. Колесников П.А. Северная Русь (XVIII столетие). Вологда, 1973. 228 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 июня 2018 г.

Political and Legal Aspects of Trade with the Participation of Foreigners in the Russian North in 1645–1696

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 147–157.
DOI: 10.17223/15617793/447/18

Maksim Yu. Zadorin, Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: m.zadorin@narfu.ru
Maria S. Molodtsova, Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: m.pavshinskaya@narfu.ru

Keywords: Russian North; trade; history; right; trading foreigners; Novotorgovy Charter; trade fairs.

The article analyzes the political and legal aspects of trade with foreigners in the Russian North in the 17th century. The aim of the article is to identify the specifics of the development of the norms that regulated trading activity in Russia at the end of the 17th century and establish peculiarities of its implementation in the Russian North, with the participation of foreigners. A wide range of historical and legal literature on relevant topicss as well as data from the State Archive of Arkhangelsk Oblast were used. The methodological basis of the research is a complex of general scientific and specific legal methods, in particular, a systematic method, analysis, synthesis and generalization. A formal legal method was also used for analyzing the legal acts of the Russian state, interstate treaties and other sources. A historical legal method allowed considering the formation and development of a multilateral regulation of trading activities in a chronological aspect taking into account regional features. During the research, (1) merchants of pre-Petrine Rus were classified, their relationship with the authorities and officials was revealed; (2) specific privileges and restrictions for foreigners through "charters" were determined; (3) the features of price and tariff regulation for Russian and foreign merchants, as well as trade conflicts with foreigners, were disclosed; (4) the role of the customs and the judicial sector in the regulation of trade was noted; (5) the formation of the banking system and of the rudiments of market relations in the Russian North was revealed; (6) features of the functioning of fairs and trades were established; (7) the role of guest houses as a fiscal control system was determined; (8) the logistics system of the Russian North which had an impact on trade relations was described. The article concludes that trade protectionism in the second half of the 17th century became a coincidence of the political and financial interests of the state and of needs of the top of the Russian merchant class as an economic pillar of the tsarist power. The laws gradually supplanted foreign merchants to frontier cities, set higher payments, new restrictions and bans in the industry. At the same time, to maintain foreign economic activity, merchants were guaranteed strict compliance with the law, protection from any abuse. The legal status of foreign traders was mainly established by Russian domestic acts, as well as by a few international agreements and customary laws. In the second half of the 17th century, there was no clear system of managing commercial affairs and no corresponding single administrative and judicial institution. During the period under review, there were no all-Russian acts that established common organizational bases for trade, and the organization of market relations in the Russian North was largely determined by the established norms of customary law.

REFERENCES

1. Kulakova, I.P. (1994) "Moskvichi torgovye lyudi" kontsa XVI – nachala XVII vv. ["Muscovites trading people" of the late 16th – early 17th centuries]. In: Timoshina, L.A. (ed.) *Torgovlya i predprinimatel'stvo v feodal'noy Rossii* [Trade and entrepreneurship in feudal Russia]. Moscow: Arkheogr. Tsentr. pp. 85–92.
2. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. I. 1649–1675. Is. 1. St. Petersburg Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 21, 55, 113–114.
3. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. II. 1676–1688. Is. 873. St. Petersburg Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 320–325.
4. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. III. 1689–1699. Is. 1330. St. Petersburg Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
5. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. IV. 1700–1712. Is. 3056. St. Petersburg Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 483–484.
6. Bovykin, V.I. et al. (2000) *Istoriya predprinimatel'stva v Rossii* [History of entrepreneurship in Russia]. Book 1. Moscow: ROSSPEN.
7. Ionichev, N.P. (2001) *Vneshnie ekonomicheskie svyazi Rossii (IX – nachalo XX veka)* [Foreign economic relations of Russia (9th – early 20th centuries)]. Moscow: Aspekt Press.
8. Kostomarov, N.I. (1862) *Ocherk istorii torgovli Moskovskogo gosudarstva v XVI i XVII st.* [An outline of the history of trade in the Moscow state in the 16th and 17th centuries]. St. Petersburg: izdanie Nikolaya Tiblena.
9. Lappo-Danilevskiy, A.S. (1899) *Promyshlennye i torgovye kompanii v pervoy polovine XVIII stoletiya* [Industrial and trading companies in the first half of the 18th century]. St. Petersburg: tip. V.S. Balashev i Ko.
10. Gaynutdinov, R.K. (2005) Gosudarstvo i kupechestvo v Rossii v XVI – pervoy polovine XVII: vremya sozdaniya predposylok pravovogo regulirovaniya torgovo-promyshlennykh otnosheniy [The state and merchants in Russia in the 16th – first half of the 17th cc.: the time of creating prerequisites for the legal regulation of commercial and industrial relations]. *Lex Russica*. 4. pp. 679–685.
11. Pavlenko, N.I. (1990) *Petr Velikiy* [Peter the Great]. Moscow: Mysl'.
12. Belov, M.I. (1966) Rossiya i Gollandiya v posledney chetverti XVII veka [Russia and Holland in the last quarter of the 17th century]. In: Beskrovnyy, L.G. (ed.) *Mezhdunarodnye svyazi Rossii v XVII–XVIII vv. (Ekonomika, politika, kul'tura)* [International relations of Russia in the 17th–18th centuries (economics, politics, culture)]. Moscow: Nauka. pp. 58–83.
13. Bulatov, V.N. (1999) *Russkiy sever* [Russian north]. Book 3. Arkhangelsk: M.V. Lomonosov Pomor State University.
14. Shumilov, M.M. (2006) *Torgovlya i tamozhennoe delo v Rossii: stanovlenie, osnovnye etapy razvitiya (IX–XVII vv.)* [Trade and customs in Russia: formation, main development stages (9th–17th centuries)]. St. Petersburg: Nauka.
15. Galagan, A.A. (1997) *Istoriya predprinimatel'stva rossiyskogo. Ot kuptsa do bankira* [History of Russian entrepreneurship. From merchant to banker]. Moscow: Os'-89.

16. Goldin, V.I., Zaikov, K.S. & Tamitskiy, A.M. (2015) Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? *Bylye Gody*. 37 (3). pp. 519–535. (In Russian).
17. Zaikov, K.S. & Tamitskiy, A.M. (2017) Lapp Crafts in the History of the Russian-Norwegian Borderland in 1855–1900. *Bylye Gody*. 44 (3). pp. 915–927. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2017.3.915
18. Zakharov, V.N. & Cherkasova, M.S. (2000) Inostrannye kuptsy i ikh dvory v Vologde v XVII – pervoy chetverti XVIII veka [Foreign merchants and their yards in Vologda in the 17th – first quarter of the 18th centuries]. In: Beznin, N.A. (ed.) *Vologda: Kraevedcheskiy al'manakh* [Vologda: A Local History Almanac]. Is. 3. Vologda: Legiya. pp. 97–132.
19. Bulgakov, M.B. (2003) Deyatel'nost' zapadnoevropeyskogo kupechestva v gorode Vologde v pervoy polovine XVII veka [The activities of the West European merchants in Vologda in the first half of the 17th century]. In: Beznin, N.A. (ed.) *Vologda: Kraevedcheskiy al'manakh* [Vologda: A Local History Almanac]. Is. 4. Vologda: Legiya. pp. 22–37.
20. Smirnov, P. (1912) *Novoe chelobit'e moskovskikh torgovykh lyudey o vysylke inozemtsev* [New petition of Moscow merchants about the expulsion of foreigners]. Kiev: tipografiya T. G. Meynandera.
21. Bazilevich, K.V. (1932) Kollektivnye chelobit'ya torgovykh lyudey i bor'ba za russkiy rynok v pervoy polovine XVII v. [Collective petitions of trading people and the struggle for the Russian market in the first half of the 17th century]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. 7. Otd-nie obshchestv. nauk*. pp. 91–123.
22. Cherkasova, M.S. (2002) O deyatel'nosti torgovykh inozemtsev v Vologde v XVII – nachale XVIII [On the activities of commercial foreigners in Vologda in the 17th – early 18th centutries]. In: Sudakov, G.V. (ed.) *Russkaya kul'tura na rubezhe vekov: Russkoe poselenie kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Russian culture at the turn of the century: Russian settlement as a sociocultural phenomenon]. Vologda: Knizhnoe nasledie. pp. 327–340.
23. Orlenko, S.P. (2006) *Istoriya torgovli* [History of trade]. Moscow: Forum: INFRA-M.
24. Repin, N.N. (1970) *Vneshnyaya torgovlya cherez Arkhangel'sk i vnutrenniy rynok Rossii vo vtoroy polovine XVII – pervoy chetverti XVIII v.* [Foreign trade through Arkhangelsk and the domestic market of Russia in the second half of the 17th – first quarter of the 18th centuries]. History Cand. Diss. Moscow.
25. Repin, N.N. (1989) *Vneshnyaya torgovlya i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii v XVIII v. (Arkhangel'skiy i Peterburgskiy porty)* [Foreign trade and socio-economic development of Russia in the 18th century (Arkhangelsk and Petersburg ports)]. Omsk: Omsk State University.
26. Kotoshikhin, G. (`1984) O Moskovskom gosudarstve v seredine XVII v. [On the Moscow state in the middle of the 17th century]. In: Labyntsev, Yu.A. (ed.) *Russkoe istoricheskoe povestvovanie XVI–XVII vekov* [Russian historical narration of the 16th–17th centuries]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
27. Pobedonostsev, N.A. & Godzevich, T.M. (ed.) (1909) *Moskovskiy kommercheskiy sud. Ocherk istorii Moskovskogo kommercheskogo suda (1833–1908) i ego sovremennye deyateli* [Moscow Commercial Court. Essay on the history of the Moscow Commercial Court (1833–1908) and its contemporary agents]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg.
28. Man'kov, A.G. (ed.) (1986) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation of the 10th–20th centuries]. Vol. 4. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
29. Khachirov, R.B. (2008) Kommercheskie sudy v Rossii: pravovye idei i protivorechiya organizatsii v dopetrovskiy period [Commercial courts in Russia: legal ideas and contradictions of the organization in the pre-Petrine period]. *Administrator suda*. 1. pp. 44–46.
30. Konotopov, M.V. (ed.) (2004) *Ekonomicheskaya istoriya mira. Evropa* [The economic history of the world. Europe]. Moscow: Dashkov i K°.
31. Shershenevich, G.F. (1994) *Uchebnik torgovogo prava* [The textbook of commercial law]. Reprint of the 1914 edition. Moscow: Spark.
32. State Archive of Arkhangelsk Oblast. Fund 1025. List 1. Files 115, 125, 449.
33. Merzon, A.Ts. & Tikhonov, Yu.A. (1960) *Rynok Ustyuga Velikogo v period skladyvaniya vserossiyskogo rynka (XVII vek)* [Market in Veliky Ustyug during the establishment of the All-Russian market (17th century)]. Moscow: USSR AS.
34. Timoshina, L.A. (1994) Rasselenie gostey, chlenov gostinoy i sukonnoy soten v russkikh gorodakh XVII v. [Housing of guests, members of gostinaya and sukonnaya sotnyas in Russian cities of the 17th century]. In: Timoshina, L.A. (ed.) *Torgovlya i predprinimatel'stvo v feodal'noy Rossii* [Trade and entrepreneurship in feudal Russia]. Moscow: Arkheogr. Tsentr. pp. 117–151.
35. Veluvenkamp, Ya.V. (2006) *Arkhangel'sk. Niderlandskie predprinimateli v Rossii. 1550–1785* [Arkhangelsk. Dutch businessmen in Russia. 1550–1785]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
36. Kulisher, I.M. (2003) *Istoriya russkoy torgovli i promyshlennosti* [History of Russian trade and industry]. Chelyabinsk: Sotsium.
37. Kotilayne, Ya.T. (2003) Bor'ba za russkiy rynok: gollandskie kuptsy v Arkhangel'ske i na Baltike v kontse XVII stoletiya [The struggle for the Russian market: Dutch merchants in Arkhangelsk and the Baltic at the end of the 17th century]. In: Bespyatykh, Yu.N. et al. (eds) *Niderlandy i Severnaya Rossiya* [The Netherlands and Northern Russia]. St. Petersburg: Blits. pp. 77–80.
38. Anon. (1813) *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov* [Collection of state letters and treaties]. Vol. 1. Moscow: Tip. Vsevolozhskogo.
39. Shaskol'skiy, I.P. (1984) O deyatel'nosti shvedskogo gostinogo dvora v Novgorode v XVII v. [On the activities of the Swedish guest house in Novgorod in the 12th century]. In: *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik* [Novgorod historical collection]. Is. 2 (12). pp. 188–193.
40. Chechulin, N.D. (1889) *Goroda Moskovskogo gosudarstva v XVI veke* [Cities of the Moscow state in the 16th century]. St. Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova.
41. Lur'e, Ya.S. & Serbina, K.N. (eds) (1977) Dvinskoy letopisets. Prostrannaya redaktsiya [Dvinsky chronicler. Full edition]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 33. Leningrad: Nauka. pp. 177–179.
42. Bykhovskiy, I.A. (1988) *Arkhangelogorodskie korabely* [Arkhangelogorod shipbuilders]. Arkhangelsk: Knizhnoe izdatel'stvo.
43. Kolesnikov, P.A. (1973) *Severnaya Rus' (XVIII stoletie)* [Northern Russia (18th century)]. Vologda: [s.n.].

Received: 11 June 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 158–164. DOI: 10.17223/15617793/447/19

УДК 94(4)

С.В. Кондратьев

БАРРИСТЕРЫ XVI – НАЧАЛА XVII в.: МЕЖДУ СТЕПЕНЬЮ И ПРОФЕССИЕЙ

Статья посвящена барристерам – студентам судебных подворий, активно превращающихся в практикующих адвокатов и консультантов. Показано, что термин «барристер» использовался как для обозначения обучающегося студента (inner-barrister), так и закончившего цикл обучения (upper-barrister). Обозначен переходный статус барристеров, история их эволюции, сфера профессиональной деятельности, численность, уровень доходов.

Ключевые слова: Англия; юристы; адвокаты; барристеры; подворья; суды; доходы.

Английская юриспруденция и английская адвокатура в пореформенную эпоху пережили существенные сдвиги. Реформация привела к выдавливанию из управления клириков, которых заменили юристы общего права. Секуляризация земель и богатств церкви, начавшаяся с их передачи короне, затем обернулась перераспределением имуществ среди мирян, что сопровождалось невиданным ростом земельных тяжб. Удвоение населения, общий экономический подъем, развитие торговли, доходное строительство и аренда домов в Лондоне стали еще одной причиной расширяющегося сутяжничества [1. P. 11–12]. По общему признанию специалистов, традиционная структура профессии не могла справиться с «взрывным» увеличением дел [2. P. 82–88; 3. P. 52; 4. P. 195]. «Половодье» тяжб подняло престиж юриста в обществе и привело между 1590 и 1640 гг. к росту численности судебных подворий, готовивших юристов, как минимум в пять раз [3. P. 5]. Не получавшие земли младшие сыновья джентри стремились становиться юристами и делать карьеру в судах или органах управления [Ibid. P. 87].

В самом общем виде структура профессии в описании современника выглядит так: 12 судей общего права, около 30 сержантов (serjeants at law), около 2 тыс. практикующих юристов (counsellers) и клерки – атторнеи, солиситоры и «крючкотворы» (atturneys, solicitors, pettyfoggers) [5. P. 25]. На вершине адвокатского сообщества находились сержанты, которые были объединены с отдельную корпорацию, монопольно вели дела в самом доходном суде королевства – Суде Общих тяжб (Court of Common Please), отличались своими мантиями и белыми шапочками [6. P. 157–159.]. Ступенью ниже находились «подмастерья» (apprentices), которые в XIII–XIV вв. (по аналогии со средневековыми цехами) были учениками у своих мастеров-сержантов, но затем этот термин закрепился за «почтенными адвокатами» (в XV в. об этом пишет Джон Фортескью, в XVI в. – Томас Уолмсли, в начале XVII в. – Эдвард Кок), не имеющими права представлять интересы клиента в Суде Общих тяжб, но допущенных в другие королевские суды [7. P. 70; 8. P. 312; 9. P. 563]. Экономические и демографические реалии, растущий престиж профессии практикующего юриста привели к определенной деформации юридической корпорации. Но вот то, что источник именует адвокатами, или практикующими юристами, еще находилось в процессе становления.

Начиная с XVI в. адвокатской практикой активно начинают заниматься барристеры (barristers). Барристеры относительно недавно стали объектом изучения. Им посвящен краткий общий очерк Джона Бейкера и фундаментальное исследование Вильфрида Преста [10. P. 69–76; 3. P. 442]. Последний дал содержательный групповой портрет, произвел основательные подсчеты и выявил динамику роста численности занимающихся адвокатской практикой барристеров, а также охарактеризовал их религиозные предпочтения, участие в структурах управления страной и занятие политикой. Мы в настоящей статье намерены остановиться на социопрофессиональных характеристиках барристеров и на их неоформленном корпоративном статусе.

В отличие от сержантов и «подмастерьев», которые появились в XIII в., и обучающих юристов судебных подворий («третий университет») [11. P. 965–967], происхождение которых датируются XIV в. [2. P. 3–28], барристеры впервые упоминаются в середине XV в. в регистрах подворья Линкольн-инн, сведенных в так называемую «Черную книгу». Источник сообщает в записи за 1455 г. о неких Хэберте (Herbert) и Солиаде (Sulyard) – «лучших барристерах этого подворья» [duo de optimis barrer) [12. P. 26]. Статут Линкольн-инна за 1466 г. выделяет «скамью» (bench), т.е. сообщество бенчеров, и «стойку», «барьер» (bar) – сообщество «полных барристеров» (utter barristers). Оба сообщества должны «по общему, единому и добровольному желанию <…> взаимодействовать, понимать, учреждать и осуществлять то, что хорошо, полезно и необходимо для общества и подворья» [Ibid. 41]. Спустя два года было специально установлено, что никто в подворье, кроме бенчера и полного барристера, не может нанимать себе клерка [Ibid. P. 49].

По мнению Дж. Бейкера, бенчеры, которые затем станут управлять подворьями, и барристеры, которые сегодня являются практикующими адвокатами, изначально таковыми не являлись. Не было профессии «бенчер» и «барристер». Он полагает, что по аналогии с университетскими степенями – бакалавр и магистр – бенчеры вначале были носителями более высокой степени, которая следовала за степенью барристера [10. P. 72, 75]. В. Прест согласен с Дж. Бейкером относительно барристеров, но воздерживается от каких-либо заключений относительно бенчеров [3. P. 5]. Имплицитные сомнения В. Преста имеют под собой основания. В поданных в 1540-х гг. Генриху VIII Томасом Дентоном, Николосом Бэконом и Робертом Кэри предложениях по реформированию юридического образования, выделены три разряда: бенчеры (они же лекторы), полные барристеры (Utter-Barresters) и

младшие барристеры (Inner-Barresters). Бенчеры, как сказано здесь же, это те, кто читает лекции и управляет подворьем [13. P. 544]. Отметим условность и размытость этих аналогий. Иначе говоря, если проводить аналогии с университетами, то бенчеры, скорее, соответствуют статусу профессора. Но, как мы покажем ниже, в источниках, а не современных построениях, встречаются самые разные поименования барристеров, включая лексему «профессор».

В 1632 г. в Линкольн-инн генеральный атторней Англии Уильям Ной (William Noy) сказал: «Каждый судебный инн – это особенный университет <…>. В других университетах краткое пребывание дает право именоваться софистерами (sophisters), четырехлетнее – бакалаврами, семилетнее – магистрами искусств, пребывание от 14 до 19 лет дает самое высокое и почетное имя – имя доктора. В наших правовых университетах на пятый год мы заслуживаем имя мутмэнов (mootmen) (которые напоминают детей, начавших говорить), на седьмом году или немного позднее – имя барристеров <…> на 27 году, прочитав первую лекцию, – имя подмастерьев права, а еще позднее, может, через 3 или 4 года, звание, которого нет выше, – сержанта (servient) права. И всякое выступление любого юриста в ходе прений в одном из судов Вестминстера есть не просто великий и умный (learning) труд, но еще и публичное представление того, что такое доктор в наших университетах» [14. P. 144]. Такую же аналогию между степенями и рангами университетов и подворий проводит Эд. Кок [15. P. XXXV].

Итак, мы располагаем двумя поименованиями – «младшие» и «полные барристеры». Т. Дентон и др. оставили разъяснения. «Полные барристры – это те, кто в подворье во время учебных постановочных процессов (moots) за свои знания и основательность приглашаются лекторами участвовать в дискуссии и приводить аргументы по сомнительным казусам или вопросам». Их называют полными барристерами, потому что они во время упомянутых процессов сидят позади разделительной стойки, которую они называют барьером, и по своим познаниям они следуют непосредственно за бенчерами» [13. P. 544].

«Остальные учащиеся (learners) называются младшими барристерами. Они юны, у них отсутствуют знания и основательность. Они не способны выступать и приводить резоны во время упомянутого постановочного учебного процесса». Но в ходе учебного процесса их могут приглашать садиться у барьера вместе с полными барристерами, чтобы по памяти, на юридическом французском, воспроизводить услышанные на процессе доводы [Ibidem].

В 1564 г. было установлено, что «приглашению к стойке или получению статуса полного барристера» должна предшествовать сдача неких экзаменов перед бенчерами, чтобы показывать, что студенты «приглашаются к стойке «за свои познания» (for their learning) [16. P. 148].

Очевидно, что полный барристер это набравшийся знаний студент, который участвует в постановочных судебных процессах, и его допускают за стойку, что являлось имитацией настоящего суда, где сержанты и подмастерья приводили аргументы перед судьями. А младший барристер – это студент, сидящей перед стойкой, фиксирующий в тетради аргументы сторон, и время от времени вызываемый для воспроизводства их [6. P. 161]. Очевидно также, что «мутмэн» и «младший барристер» означают примерно одно и то же, а именно: студента, овладевающего правовыми знаниями в ходе различных упражнений (exercises) и еще не допущенного к стойке, чтобы участвовать в учебных постановочных процессах.

В XVI в. барристеры, пользуясь дефицитом профессиональных адвокатов и стряпчих, начинают пробовать себя на этих поприщах, т.е. начинается долгий процесс трансформации барристера из человека, получившего в подворье степень, в практикующего юриста и адвоката.

В 1532 г. парламентский статут впервые признает барристеров «знающими право» людьми [3. P. 5]. Затем эта же формула была подтверждена статутом 1563 г. [10. P. 75]. В 1547 г. королевская прокламация признала, что допущенные в иннах к стойкам барристеры имеют право присутствовать в судах Вестминстера [17. P. 50]. В 1559 г. судьи судов общего права вынесли решение, что полные барристеры, после 10 лет пребывания в этом статусе, «допускаются к стойке судов Вестминстера и в Канцлерский суд», т.е. получают право вести дела в этих судах. В 1574 г. «по рекомендации Тайного совета» было решено судьями, что «никто, кроме бенчеров или барристеров», которые после допуска к стойке в течение 5 лет «постоянно пополняли свои знания или были не менее 2 лет лекторами в младшем (канцлерском. – *С.К.*) подворье», не может быть допущен вести дела в судах Вестминстера или составлять иски, били или прощения». В 1614 г. срок между допуском к стойке подворья и к стойке суда Вестминстера был официально сокращен судьями до 3 лет. Он мог быть еще меньшим, если полный барристер был лектором в младшем инне [16. P. 311–312, 317–318]. В. Прест полагает, что в 1630-е гг. ограничения превратились в формальность и студенты, допущенные до стоек в своих иннах, т.е. получившие статус барристера, практически сразу же начинали практиковать [17. P. 50–51]. В 1590 г. некий Бротон (Broughton), «подмастерье» права из Иннер-Темпла, подал в Суд Казначейства иск против принца, который, по мнению истца, не имея на это права, практиковал как адвокат в Уэльсе (a Practicer of the Law in the Marchers of Wales). Ответчик именовал себя «адвокатом и эрудитом права» (conciliarius and in lege eruddutus) и сумел доказать, что является «членом» одного из подворий и «был там студентом многие годы». Суд признал его право быть адвокатом, подчеркнув, что таковой деятельностью не могут заниматься клерки из-за «недостаточности их познаний» [18. P. 237–238]. Иначе говоря, возник прецедент, согласно которому допуск к стойке в одном из судебных подворий предоставлял право заниматься адвокатской практикой в судах общего права и являлся свидетельством достаточной квалификации юриста. Одновременно этот же вердикт лишал такой возможности атторнеев и солиситоров, которые долгое время конкурировали с барристерами, и окончательно превращал их в стряпчих.

Кроме Вестминстера, где барристеры выступали адвокатами сторон, за исключением закрытого для них Суда Общих тяжб, они находили себе занятие в провинциальных, манориальных, баронских судах. Поскольку барристеры не оформились как особая гильдия, они легко становились клерками различного рода администраций [17. P. 50–51, 54].

Именно неоформленность «барристеров» и других категорий юристов, находящихся ниже имеющих свои гильдии сержантов, порождает главные трудности при их идентификации. Ибо один и тот же барристер, по замечанию Дж. Бейкера, мог выступать в разных качествах «сегодня как адвокат, а завтра как атторней», т.е. клерк [19. P. 88–90]. На рубеже XVI–XVII вв. современники нередко отмечали, что барристерам приходится выполнять обязанности клерков и, в частности, солиситоров [3. P. 12–13]. Например, в описании судов, сделанном Р. Робинсоном в 1592 г., сказано, что в Канцлерском суде «солиситорами являются джентльмены-барристеры судебных подворий, которые, как это видно из законов нашего королевства и, судя по верной информации от их клиентов, снабжают добрыми сведениями сержантов и counsellours-at-Law для надлежащего ведения их дел» [20. P. 13].

Иначе говоря, проблема идентификации «барристеров», «атторнеев», «солиситоров» и прочих представителей юридической профессии, скрывающихся за разными терминами, связана с тем, что две главные функции адвокатуры – представление интересов стороны в ходе судебного разбирательства и предварительное консультирование лица, обращающегося за помощью в судебное учреждение, подготовка и сочинение стандартных бумаг, их рассылка – еще окончательно не отделились друг от друга. Кроме того, обычные в Средние века прения между судьями и адвокатами с начала XVI в. вытесняются общением посредством документов. Но для того, чтобы сочинять и представлять письменные документы, не требовалось обладать статусом сержанта, подмастерья и даже барристера. Достаточно было быть атторнеем [4. P. 19]. Возможно, именно поэтому число сержантов, несмотря на рост числа тяжб, было стабильным. «Чистыми» адвокатами в Англии XVI в. по-прежнему оставались сержанты. Что касается «барристеров» и «атторнеев», то они стремились превратиться в «чистых» адвокатов. И «барристеры», видимо, во второй половине XVI – начале XVII в. изрядно преуспели в этом, а атторнеи, напротив, были потеснены. Но полностью освободиться от секретарских функций барристеры еще не смогли. Нам, думается, вполне уместно дать такое определение «барристерам». «Барристеры» – это адвокаты, сохранившие рудименты юрисконсультских полномочий и стремящиеся от них освободиться. «Атторнеи» и «солиситоры» – это клерки и юрисконсульты, которым время от времени удавалось выступить в роли адвоката.

Подчеркнем условность наших определений. Ибо юрист, допущенный к стойке, нередко бóльшую часть жизни оставался держателем должности, совсем или почти совсем не занимаясь адвокатурой.

Отметим еще одно обстоятельство, которое выделяли современники. Когда они пишут об адвокатах, то всегда именуют их «учеными в праве людьми» (learned in Law, eruditus in legibus terre), «знатоками права» (sages of law), «профессорами права», «людьми, ведущими тяжбу» (pleaders), но в отношении технического персонала судов и адвокатов такие термины не использовались [19. P. 108–112; 21. P. 71a; 22. P. 66; 31. P. 133].

Структура не сохранившегося «Трактата об адвокате, или лице, практикующем в праве» (Treatise touching the Counseller or Practizer of the Lawes) Дж. Доддриджа позволяет судить о профессиональных обязанностях барристера. Их три: 1. «Давать “приватные” советы и консультации клиенту у себя на дому (his Private Counsell given at home in his Chamber to his Client). 2. Составление разного рода поземельных договоров (the drawing of Assurances and Conveiances, which are of sundry sorts). 3. Публичная защита интересов клиента в судах, которая осуществляется в четырех формах: письменное изложение позиции (обращение в суд), правовая аргументация, опровержение аргументов противоположной стороны, в ходе судебного разбирательства, представление фактических доказательств, защита дел в судах справедливости» (his Pleadings for his Client <…>: In point of Law: In Argument of Demurrers: In matter of fact, as in giving or delivering of Evidence. And the Patronage of Causes in Courts of equitie) [23. P. The second Treatise touching the Counseller or Practizer of the Lawes, is also subdivided into three principall Parts or Sections].

Защита, отнюдь, не означала обязательного присутствия адвоката в суде. Адвокат представлял в суд позицию стороны, которая излагалась письменно на французском языке. Только нетипичные случаи требовали помощи квалифицированного барристера. Но поскольку большинство дел были стереотипными, изложить позицию (point of law) по образцам легко мог какой-нибудь атторней, а в Суде Общих тяжб или Суде Королевской скамьи – клерки, подчиненные отвечающим за фиксацию судопроизводства и составление судебных документов протонатариям (prothonotaries). В Суде Общих тяжб с этим было труднее, поскольку там действовало формальное правило, требующее, чтобы поступающие документы подписывались сержантами права. Но в Суде Королевской скамьи такое правило введут только в 1666 г. Многие барристеры специализировались на составлении стандартных документов, практиковали в своих покоях, в подворьях, и вообще не выступали за стойкой судов [3. P. 13–14]. В середине XVII в. купец Эдмунд Лич (Edmund Leach) с грустью вспоминал те «старые времена», в которые клерки Канцелярии («находясь возрасте, когда приходит постижение законов нашей нации») составляли судебные приказы и ошибки были редки, и когда сержанты права излагали позиции сторон (speciall pleadings), что делало правосудие быстрым, не растягивающимся на годы. И противопоставлял древность современности, в которой клерки и сержанты увлечены более «прибыльным делом»: первые сочиняют отчеты, а вторые выступают за стойками судов общего права и слушают дела в

Канцелярии. Сочинение судебных приказов и письменное изложение позиций отошло к простым «невежественным» клеркам и атторнеям, из-за чего много пропусков и ошибок в судебных приказах и биллях [24. P. 5].

Собственно то, что можно называть защитой, адвокатурой и представлением интересов стороны, у Дж. Доддриджа изложено в двух последних формах: правовая аргументация, опровержение аргументов противоположной стороны в ходе судебного разбирательства (Argument of Demurrers) и представление фактических доказательств (matter of fact, as in giving or delivering of Evidence). В ходе судоговорения и состязания с привлечением фактов доказывались, опровергались, корректировались положения, изложенные ранее письменно. Эту работу барристеры, как адвокаты сторон, часто выполняли перед судьями судов Вестминстера и судьями в ассизных округах [3. P. 15].

Судя по свидетельству Дж. Доддриджа, быстро растущее судопроизводство в судах справедливости и прерогативных судах – Канцелярии, Палате прошений, Звездной палате, в Суде по делам опеке, Казначействе, Советах Севера и Уэльса, где судопроизводство начиналось не латинским приказом или изложением дела на французском языке, а петицией или биллем, составленным по-английски, – особенно привлекало барристеров. В отличие от Суда Общих тяжб и Суда Королевской скамьи, в которых служили сотни клерков и атторнеев, прерогативные суды и суды справедливости таковых не имели, и появившиеся вакансии поспешили заполнить люди, допущенные к стойке в судебных подворьях. Барристеры здесь также в основном занимались первоначальным письменным изложением позиций сторон, т.е. сочиняли петиции или билли, либо писали на них ответы. Кроме того, в таких судах уже существовала практика, обязательного визирования адвокатом составленного им документа [Ibid. P. 16–18].

Очевидно, что деятельность барристера (адвоката) состояла в консультировании на дому клиентов, сочинении от имени клиента судебных бумаг и представлении его интересов (защита) перед судьями в суде.

Юристы, живущие в столице, консультировали и практиковали в своих «палатах» (chambers) в подворьях либо в комнатах, которые располагались зачастую рядом с местом их проживания либо под них отводилось помещение на первом этаже дома, в котором жил юрист. Барристеры, приезжающие в Лондон из провинции на время судебных сессий, из-за дороговизны предпочитали селиться у знакомых или родственников либо снимать комнаты в одной из таверн. Видимо, это были покои, состоящие из нескольких помещений. Из-за дороговизны два барристера делили такие покои между собой, здесь же или в прихожей вели прием клиентов, в этих же покоях располагались их слуги [Ibid. P. 40].

Роджер Норт так описывал помещения, где принимал клиентов и жил его брат Френсис Норт, тогда начинающий юрист, будущий главный судья Суда Общих тяжб и лорд-хранитель королевской печати: «После того, как Его Светлость был призван к стойке, он, перво-наперво, озаботился приобретением комнаты для адвокатской практики, которая не должна была быть выше двух пар лестничных пролетов. Комната первого этажа ценилась не так высоко, как комната, отдаленная от нее одной парой лестничных пролетов, но все-таки ее ценили выше, чем комнату, отделенную двумя пролетами, и платили соответственно. Он продал свою студенческую коморку и сдал в аренду отцовский дом, что принесло ему около 300 фунтов. С этими деньгами он начал жизнь в Элм Корт, в угловой комнате в два лестничных пролета высотой» [25. P. 54].

А вот умерший в 1580 г. Роберт Кимптон (Robert Kympton) снимал за 10 шиллингов в год в Грейз-инн покои, состоящие из палаты (Cubicle), в которой обитал с женой и дочерью, двух «кабинетов» (Studdyes), соединенных переходом, и подвала [26. P. 31–32].

Исключительно большие покои в несколько внушительных комнат занимал в Иннер-Темпл Эд. Кок, их передал ему в пользование граф Лейстер [27. P. 47–48].

Юристы, занятые адвокатской практикой преимущественно в провинции, принимали клиентов в кабинетах, гостиных или даже прихожих своих домов. С клиентами высокого ранга они вели дела либо по переписке через поверенных знати, либо знатные особы принимали юристов у себя в назначенное время. Провинциальный и столичный адвокат много передвигался верхом и находился в движении [3. P. 40–42, 46].

Адвокат не мог обходиться в своей деятельности без клерка или даже нескольких клерков, занятых пересылкой корреспонденции, перепиской бумаг и составлением проектов официальных документов. Это была практическая школа, состоявшая из дальних и ближних родственников, постигающих в течение нескольких лет за стол и платье ремесло солиситора. Клерки жили в доме барристера и сопровождали его в поездках. Во время ученичества клерку не полагалось жалование. Пройдя такую школу, клерки моги стать атторнеями или солиситорами в каком-либо суде или учреждении [Ibid. 43–44]. В. Прест отмечает также, что барристеры по социальному статусу были выходцами из слоев, стоявших выше тех, из которых рекрутировались атторнеи и солиситоры [3. P. 9].

Начиная со второй половины XVI в. подворья значительно увеличили количество допущенных к стойке студентов. В 1588 г. канцлер Англии Кристофер Хаттон сетовал, что сегодня одно подворье допускает ежегодно к стойке больше барристеров, чем все четыре во времена его молодости [28. P. 423]. В середине XVII в. граф Кларендон утверждал, что каждый пятый из поступающих учиться в инны становится полным барристером [29. P. 328].

Наплыв новоявленных адвокатов и юрисконсультантов вызывал у современников опасения относительно качества их подготовки и соответствия традиционным стандартам. Кр. Хаттон говорил о «неопытных», «нерадивых» и «беззаботных» молодых людях, которые становятся полными барристерами [30. P. 220–223]. Между 1601 и 1602 гг. в Звездной палате разбиралось дело между двумя полными барристерами из Миддл-Темпла. Один из них, Кристо-

фер Меррик (Christofer Merrike), подал иск против Роберта Пая (Robert Pye), который не отдавал долг в 5 фунтов. Пытаясь вернуть деньги, Меррик поколотил Пая и отобрал у того 56 шиллингов и роговую чернильницу. После длительных разбирательств правда восторжествовала. Роберт Пай был признан виновным и приговорен к штрафу в 1 тыс. марок, отрезанию уха и выставлению у позорного столба [31. P. 129–133]. Эта тяжба заставила лорда Томаса Эджертона (Thomas Egerton) – хранителя большой королевской печати, заявить подворьям, что поскольку истец и ответчик являлись «профессорами права» им следует с большим тщанием отбирать тех, кого они допускают к стойке. И не допускать, как они делают, студентов «десятками и группами». Претенденты должны быть «образованы, честны и религиозны». Если бы подворья подходили к отбору таким образом, они никогда бы не приняли Пая даже в стены подворья. Ему, подчеркнул Т. Эджертон, надлежало продолжать ремесло отца, который был мясником. «Добрые и образованные профессора права – такие же добрые члены общества (Commonwealth), как и другие его члены, но невежественные профессора права такие же “опасные вредители” как кровососущие вши» (For the good and literate professors of the law are as good members of the Commonwealth as any others, but the ignorant and bad professors of the law are as ‘daungerouse’ Vermin’ to the Commonwealth as ‘ Caterpillers’) [Ibid. P. 133].

Судьи пытались количественно ограничить число допускаемых в подворьях к стойке. В 1596 г. они предписали иннам не допускать к стойке более 4 своих студентов в год. В 1614 г. судьи подняли эту цифру до 8 [16. P. 314, 317].

Собранные В. Престом данные показывают, что подворья игнорировали эти предписания. Общее число барристеров, допущенных к стойке за период с 1590 по 1640 гг., по его подсчетам, составило 2 293 чел. [3. P. 84]. Другими словами, Т. Уильсон, описывая Англию на рубеже веков, был точен, говоря о двух тысячах адвокатах (counsellors). Трудно сказать, в каких пропорциях такое количество юристов, имеющих право заниматься адвокатской деятельностью, распределялось по стране. Видимо, значительная их часть была связана с центральными судами Лондона. Однако утвердиться здесь было нелегко. Это удавалось далеко не всем. Известно, что в 1560 г. только 80–90 человек регулярно вели дела в судах Вестминстера [6. P. 28, 290 n. 1]. И если допустить, что число юристов, пробившихся через плотные ряды конкурентов к постоянной адвокатской практике, росло пропорционально числу тяжб, то к началу революции их могло быть лишь в пять раз больше, т.е. приблизительно 400–450 человек [1. P. 182].

Однако джентльмены-барристеры находили себе применение в провинциальных графствах в качестве стюардов в манориальных судах, судей городских судов (recorders), клерков городских гильдий и корпораций, клерков провинциальных судов. Они были арбитражными управляющими (commissioners of bankruptcy), ростовщиками, крупными приобретателями земли и землевладельцами, пайщиками торговых компаний, владельцами рудников, осушителями болот [1. P. 20].

Занимающемуся адвокатской практикой успешному столичному и провинциальному барристеру постоянно приходилось передвигаться между своими клиентами, окружными ассизными судами и наезжать в Лондон во время судебных сессий, где они, как мы видели выше, либо имели «комнаты» в подворьях, либо покупали или арендовали покои. Жизнь некоторых адвокатов была расписана буквально по часам.

Оставивший мемуары судья Суда Королевской скамьи Джеймс Уайтлок пишет, что был допущен к стойке в 1600 г. и сразу начал практиковать. В 1612–1614 гг., будучи барристером, ему приходилось постоянно присутствовать и вести дела клиентов в Суде Королевской скамьи, Суде Канцлера, Звездной палате, Палате Прошений [32. P. 27, 30. 76–77]. Еще раньше, с 1608 г., барристер два раза в год (зимой и летом) вместе с разъездными судьями посещает Оксфордский судебный округ, где ведет дела своих клиентов [3. P. 14]. В 1609 г. Дж. Уайтлок получает должность городского судьи в Вудстоке [32. P. 19]. В 1618 г. он становится мировым судьей в Оксоне (Oxon) [Ibid. P. 62].

Адвокатская и консультационная деятельность приносила барристеру хороший доход. В первый год практика дала Дж. Уайтолку чуть больше 39 фунтов, в 1603 г. – он заработал 82 ф., в 1604 г. – 188 ф., в 1605 г. – 200 ф., в 1607 г. – 300 ф., в 1608 г. – 400 ф., 1612 – 500 ф., в 1615 г. – 600 ф. Четвертую часть денег юрист зарабатывал в Оксфордском судебном округе, во время ассизных сессий, а также активно сотрудничая с городскими судьями и советами [32. P. XIV; 33. P. 191–197].

Подведем итог. В Англии XVI – начала XVII в. студенты подворий, получив степень полного барристера, активно вовлекались в практическую адвокатскую и консультативную деятельность. Им удалось существенно продвинуться в своих профессиональных притязаниях – вести дела в большинстве судов Вестминстера, в ассизных судах, провинциальных судах, занимать позиции в органах управления городов и провинций, служить стюардами у лордов крупных маноров. Однако предреволюционные барристеры были еще далеки от корпоративного объединения. Они оставались членами своих подворий. Барристер с широкими горизонтальными связями внутри судейской корпорации, в столичных и провинциальных кругах нарабатывал значительную клиентуру и получал высокие доходы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brooks C.W. Lawyers, Litigation and English Society Since 1450. London, 1998.
2. Baker J.H. Common Law Tradition. Lawyers, Books and Law. London, 2000.
3. Prest W. Rise of the Barristers. A Social History of English Bar, 1590–1640. Oxford, 1986.
4. Brooks C.W. Pettyfoggers and Vipers of Commonwealth. «Lower branch» of the Legal Profession in Early Modern England. Cambridge, 1986.

5. Wilson T. State of England, anna Dom. 1600 // Camden Miscellany. 3rd ser. London, 1936.
6. Baker J.H. Introduction to English Legal History. 4th ed. Oxford, 2007.
7. Fortescue J. On Law and Governance of England / ed. by S. Lockwood. Cambridge, 2002.
8. Serjeant Walmsley's description // Baker J.H. Order of Serjeants at Law. A Chronicle of Creations, with Related Texts and Historical Introduction. London, 1984.
9. Coke E. Institutes of Laws of England. London, 1832. Pt. II.
10. Baker J.H. Degree of Barrister // Baker J.H. Common Law Tradition. Lawyers, Books and Law. London, 2000.
11. Buc G. Tried University of England. Or, a Treatise of Foundations of All Colledges, Ancient Schools of Priviledges, and of Houses of Learning, and Liberall arts, within and about most Famous Cities of London // Stow J. Annales, or, A General Chronicie of England / ed. by E. Howes. Londini, 1615.
12. Records of Honorable Society of Lincoln's Inn. The Black Books. Lincoln's Inn. 1897. Vol. I.
13. Denton T., Bacon N., Cary R. To the most High and most Excellent Prince our most Gracious and most Redoubted Sovereign Lord and King Henry the Eight // Fortescutus illustratus, or, A commentary on that nervous treatise, De laudibus legum Angliæ, written by Sir John Fortescue, Knight... by Edward Waterhous, Esquire. London, 1663. P. 543–546.
14. Pearce R.R. Guide to Inns of Court and Chancery. London, 1855.
15. Coke E. Coke E. Reports. London, 1826. Vol. II, Pt. 3.
16. Dugdale W. Origines Juridicales; Or Historical Memorials of the English Laws, Courts of Justice, Forms of Tryal, Punishment in Cases Criminal, Law-Writers, Law-Books, Grants and Settlements of Estates, Degree of Serjeant, Inns of Court and Chancery. London, 1666.
17. Prest W. Inns of Court under the Elizabeth I and the Early Stuarts 1590–1640. Longman, I972.
18. Leonard W. Third part of the reports of several excellent cases of law, argued and adjudged in the courts of law at Westminster. [microform]: In the time of the late Queen Elizabeth; from the first, to the five and thirtieth year of her raign. Collected by a learned professor of the law, William Leonard, Esquire; then of the honourable society of Grays-Inne: not before imprinted; and now published by William Hughes of Grays-Inne, Esq; With alphabeticall tables of the names of the cases, and of the matters contained in the book. London, 1686.
19. Baker J. Legal Profession and Common Law: Historical essays. London, 1986.
20. Robinson R.A Briefe Collection of the Queens Majesties most High and Most Honourable Courtes of Recordes / ed. by R.L. Rickard. London, 1953. Vol. XX.
21. Coke E. Institutes of Laws of England. London, 1832. Pt. I.
22. Thynne. Of the Antiquity of Houses of Law // A Collection of curious written by the eminent antiquaries upon several heads in our English Antiquities / ed. by T. Hearn. London, 1771. Vol. l.
23. Doddridge J. English lawyer describing a method for the managing of the lawes of this land. London, 1631.
24. Leach E. Down-fall of Unjust Lawyers, with Monopolizing Officers, who have devoured much of the wealth of this nation, and the rising of the just written and proposed in order to the abolishing the chargeablenesse of proceedings in law-suits. London, 1652.
25. North R. Lives of the Right Hon. Francis North, Baron Guilford, Lord Keeper of Great Seal, under King Charles II. And King James II. London, 1826. Vol. I.
26. Abstracts of Inquisitiones post mortem relating to the city of London, returned into the Court of Chancery during the Tudor period. Part III. Elizabeth, 1577–1603 / ed. E.A. Fry. London, 1908.
27. Boyer A.D. Sir Edward Coke and Elizabethan Age. Stanford, 2003.
28. Foss E. Judges of England; with Sketches of their lives. London, 1857. Vol. 5.
29. Clarendon E. Collection of Several Tracts. London, 1727.
30. Baker J.H. Counsellors and Barristers. An Historical Study // Cambridge Law Journal. 1969. Vol. 27, № 2.
31. Les reportes del cases in Camera Stellata, 1593 to 1609: from the original Ms. of John Hawarde / ed. by W.P. Baildon. London, 1894.
32. Famelicus of Sir James Whitelocke / ed. by J. Bruce. London, 1858.
33. Powell D.X. Sir James Whitelocks's Liber Famelicus 1570–1632: Law and Politics in Early Stuart England. Bern, 2000.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 октября 2018 г.

Barristers of the 16th – Early 17th Centuries: Between the Degree and Profession

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 158–164.
DOI: 10.17223/15617793/447/19

Sergey V. Kondratiev, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: sk.tm@mail.ru

Keywords: England; lawyers; counselor; barristers; Inns of Court; courts; incomes.

The article is devoted to barristers: students and graduates of judicial courts who actively became practicing counselors and consultants. The term "barrister" was used both to designate students (inner-barrister) and those called to the bar (upper-barrister). English jurisprudence and the English Bar in the post-Reformation period underwent essential changes. The multiple growth of trials required more lawyers, increased their incomes, raised the prestige of the profession. The obvious public demand increased the number of young people entering the Inns of Court (a "third university") to receive education, and led to a significant increase in the number of their graduates, i.e. upper-barristers admitted to the bar. In the 16th century, barristers, using the shortage of professional lawyers and solicitors, began to attempt themselves in these fields. Thus it was the start of a long transformation of a barrister from a person who received a degree in the Inns of Court to a practicing lawyer and a pleader. This practice was fixed in 1590 by a judicial precedent; according to it, the admission to the bar in one of the Inns of Court granted the right to practice law in the courts of common law and was evidence of a sufficient qualification of a lawyer. Barristers had the right to handle cases in the courts of Westminster (the Court of the King Bench, the Chancery, the Court of Requests, etc.), with the exception of the Court of Common Pleas, the most profitable one. Barristers accompanied judges and handled cases in assize circuits and in provincial courts. Barristers worked as members of justices of the peace in provincial counties, stewards in manorial courts, recorders in cities and towns, clerks of city guilds and corporations, attorneys in provincial courts. They were commissioners of bankruptcy, usurers, large land purchasers and landowners, shareholders of trading companies, owners of mines, men draining swamps and marshes. The author believes that barristers with wide horizontal connections inside the judiciary in the capital and provincial circles built up a significant pool of clients and received high incomes. In the 16th–17th centuries, barristers had not yet created their own professional corporation, remaining members of the Inns of Court that admitted them to the bar.

REFERENCES

1. Brooks, C.W. (1998) *Lawyers, Litigation and English Society Since 1450*. London: The Hambledon Press.

2. Baker, J.H. (2000) *Common Law Tradition. Lawyers, Books and Law*. London: The Hambledon Press.
3. Prest, W. (1986) *Rise of the Barristers. A Social History of English Bar, 1590–1640*. Oxford: Clarendon Press.
4. Brooks, C.W. (1986) *Pettyfoggers and Vipers of Commonwealth. "Lower branch" of the Legal Profession in Early Modern England*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Wilson, T. (1936) State of England, Anno Dom. 1600. In: *Camden Miscellany*. 16:52. 3rd ser. London: London Royal Historical Society.
6. Baker, J.H. (2007) *Introduction to English Legal History*. 4th ed. Oxford: Butterworths.
7. Fortescue, J. (2002) *On the Laws and Governance of England.* Cambridge: Cambridge University Press.
8. Anon. (1984) Serjeant Walmsley's description. In: Baker, J.H. *Order of Serjeants at Law. A Chronicle of Creations, with Related Texts and Historical Introduction*. London: Selden Society.
9. Coke, E. (1797) *Institutes of Laws of England*. Pt. II. London: [s.n.].
10. Baker, J.H. (2000) *Common Law Tradition. Lawyers, Books and Law*. London; Rio Grande, Ohio: Hambledon Press. pp. 69–76.
11. Buc, G. (1615) Tried University of England. Or, a Treatise of Foundations of All Colledges, Ancient Schools of Priviledges, and of Houses of Learning, and Liberall arts, within and about most Famous Cities of London. In: Stow, J. *Annales, or, A General Chronicie of England.* Londini: [s.n.].
12. Baildon, W.P. et al. (1897) *The records of the honorable society of Lincoln's Inn. The Black Books*. Vol. 1. London: Lincoln's Inn.
13. Denton, T., Bacon, N. & Cary, R. (1663) To the most High and most Excellent Prince our most Gracious and most Redoubted Sovereign Lord and King Henry the Eight. In: Waterhous, E. *Fortescutus illustratus, or, A commentary on that nervous treatise, De laudibus legum Angliæ, written by Sir John Fortescue, Knight*. London: Printed by Tho. Roycroft for Thomas Dicas. pp. 543–546.
14. Pearce, R.R. (1855) *Guide to Inns of Court and Chancery*. London: Butterworths.
15. Coke, E. (1826) *The Reports.* Vol. II, Pt. 3. London: J. Butterworth and son.
16. Dugdale, W. (1666) *Origines Juridicales; Or Historical Memorials of the English Laws, Courts of Justice, Forms of Tryal, Punishment in Cases Criminal, Law-Writers, Law-Books, Grants and Settlements of Estates, Degree of Serjeant, Inns of Court and Chancery*. London: Printed by F. and T. Warren for the author.
17. Prest, W. (1972) *Inns of Court under the Elizabeth I and the Early Stuarts 1590–1640*. Longman.
18. Leonard, W. (1686) *Third part of the reports of several excellent cases of law, argued and adjudged in the courts of law at Westminster. [microform]: In the time of the late Queen Elizabeth; from the first, to the five and thirtieth year of her raign. Collected by a learned professor of the law, William Leonard, Esquire; then of the honourable society of Grays-Inne: not before imprinted; and now published by William Hughes of Grays-Inne, Esq; With alphabeticall tables of the names of the cases, and of the matters contained in the book.* London: Printed by the assigns of R. and E. Atkins, Esquires, for R. Chiswell and Tho. Roykroft.
19. Baker, J. (1986) *Legal Profession and Common Law: Historical essays.* London: Hambledon Continuum.
20. Robinson, R.A. (1953) *Briefe Collection of the Queens Majesties most High and Most Honourable Courtes of Recordes*. Vol. XX. London: Butler & Tanner Ltd.
21. Coke, E. (1832) *Institutes of Laws of England.* Pt. I. London: E. & R. Brooke.
22. Thynne. (1771) Of the Antiquity of Houses of Law. In: Hearn, T. (ed.) *A Collection of curious written by the eminent antiquaries upon several heads in our English Antiquities*. Vol. l. London: printed for T. Evans.
23. Doddridge, J. (1631) *English lawyer describing a method for the managing of the lawes of this land*. London: Printed by the Assignes of I. More, Esq.
24. Leach, E. (1652) *Down-fall of Unjust Lawyers, with Monopolizing Officers, who have devoured much of the wealth of this nation, and the rising of the just written and proposed in order to the abolishing the chargeablenesse of proceedings in law-suits*. London: Printed by E. Cotes.
25. North, R. (1826) *Lives of the Right Hon. Francis North, Baron Guilford, Lord Keeper of Great Seal, under King Charles II. And King James II.* Vol. I. London: Henry Colburn.
26. Fry, E.A. (ed.) (1908) *Abstracts of Inquisitiones post mortem relating to the city of London, returned into the Court of Chancery during the Tudor period*. Part III. Elizabeth, 1577–1603. London: The British record Society.
27. Boyer, A.D. (2003) *Sir Edward Coke and Elizabethan Age*. Stanford: Stanford University Press.
28. Foss, E. (1857) *Judges of England; with Sketches of their lives*. Vol. 5. London: Longmans et al.
29. Clarendon, E. (1727) *Collection of Several Tracts*. London: Printed for T. Woodward, and J. Peele.
30. Baker, J.H. (1969) Counsellors and Barristers. An Historical Study. *Cambridge Law Journal.* 27 (2).
31. Baildon, W.P. (ed.) (1894) *Les reportes del cases in Camera Stellata, 1593 to 1609: from the original Ms. of John Hawarde.* London: Privately printed.
32. Bruce, J. (ed.) (1858) *Famelicus of Sir James Whitelocke.* London: Oxford University Press.
33. Powell, D.X. (2000) *Sir James Whitelocks's Liber Famelicus 1570–1632: Law and Politics in Early Stuart England*. Bern: Verlag Peter Lang.

Received: 24 October 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 165–176. DOI: 10.17223/15617793/447/20

УДК 2-133

Е.В. Нам

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ТЕЛЕСНОСТИ: ОТ ОПЫТА К ИДЕЕ (ШАМАНСКИЙ КОНТЕКСТ)

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, номер проекта 33.8608.2017/П220/9.10.

Предлагается феноменологический анализ опыта телесности с последующим выходом на рассмотрение ключевых элементов шаманской идеологии и практики. Утверждается, что «древний» человек попал в ситуацию «качания» между различными способами существования. Он то погружался в мир (существование-для-других), то вновь выпадал из него (существование-для-себя). Существование-для-себя в знаковой репрезентации рассматривается как «сакральная» реальность, противопоставленная миру «профанному», т.е. миру-для-других. Делается вывод, что первоначальная размытость пространственно-временных характеристик «профанной» реальности породила ситуацию множественности миров и неустойчивой самоидентификации человека. Шаманские практики можно рассматривать как варианты управляемого возврата к первоначальному опыту «качания» между разными способами существования и множественной идентификации.

Ключевые слова: феноменологический опыт; интуитивная презентация; символическая репрезентация; синтагматика; парадигматика; телесная схема; существование-для-себя; существование-в-себе.

Введение

Мир культуры рождается из особых взаимоотношений человека с миром. Заданные природой механизмы, управляющие поведением живых существ, дополняются благодаря культуре «экстрагенетическими» программами, формирующими различные варианты культурной коммуникации человека и окружающей его реальности. Основу такого рода культурных программ составляют знаки и символы, в которых, по мысли К. Гирца, «запасаются» смыслы и значения и посредством которых человек интерпретирует свой жизненный опыт и организует свое поведение [1. С. 150]. Изучение знаковой природы человеческой коммуникации позволило приоткрыть завесу тайны многих далеких (и не столь далеких) от нас в пространстве и во времени культур, сделав образ «другого» более понятным и притягательным.

В то же время человеческая мысль, значительно продвинувшись в изучении своих оснований, а именно механизмов осмысления человеческого способа бытия, устремилась за собственные пределы на поиски наивного, дорефлексивного контакта с миром. «Знак репрезентирует присутствующее в его отсутствии» [2. С. 178]. Существование в культурном пространстве позволяет нам заменять вещь ее знаком, отсрочивать встречу с ней путем замены живого опыта присутствия абстрактной идеей. Однако развитие культуры с неизбежностью приводит к усложнению знаков, которые, по мысли Ч. Пирса, «растут» и постоянно обрастают новыми, не свойственными им изначально значениями [3. С. 94]. В связи с этим существует все возрастающая опасность удаления от изначальных смыслов, их забвения и утраты. «Становится все более и более трудно реконструировать присутствие акта (акта чистого мышления – прим. автора), погребенного под историческими наслоениями» [2. С. 108]. Феноменологическая редукция «выводит из игры все конституированное знание и настаивает на необходимости отсутствия исходных предпосылок» [Там же. С. 12]. Она «снимает» тот базовый слой культуры, который выражается в знаках (словах, жестах, образах и т.д.), с тем, чтобы обнаружить под ним и описать первоначальный перцептивный опыт, выступающий в качестве источника любых смыслов.

В рамках дорефлексивного контакта с миром первичные переживания бытия основываются на телесных ощущениях, поэтому различные варианты первичного опыта являются теми или иными модификациями телесно-смысловых ситуаций. «Тело – это то, что сообщает миру бытие» [4. С. 118]. Тело осуществляет роль посредника между переживанием и порождаемым им смыслом, является первым носителем значения, а также универсальной границей, очерчивающей контуры человеческого бытия. Кроме этого, тело становится каналом коммуникации, посредством которого осуществляется передача информации и обмен ценностями между субъектами.

Традиционные и архаические культуры, базирующиеся на мифологическом способе мировосприятия, содержат в себе отголоски того периода, когда происходило активное конструирование смыслов и ценностей, призванных выразить первичные переживания живого бытия. Тогда знаки в полной мере несли в себе энергию этих переживаний и в то же время уже содержали в себе зерно будущей независимости человека от переживаемой реальности, его способности переплавлять любой опыт в идею. «Миф удерживает сущность в явленности, мифический феномен – это не репрезентация, а вид подлинного присутствия» [Там же. С. 373].

С учетом всего вышесказанного несомненной является перспективность и продуктивность изучения вариантов и возможностей конституирования культурных смыслов через переработку различных видов телесного опыта, а также самого механизма движения от опыта к идее через коммуникативные (символические) коды телесности. Уникальное значение в рамках традиционного мировоззрения имеют шаманистические культуры, в которых опыты телесной трансформации шамана, существования на границе миров, телесного перемещения (перехода) между мирами формируют ядро традиции и являются основой множества ритуальных практик. В то же время именно те-

лесные практики шаманов в наименьшей степени поддаются научному объяснению, поскольку не укладываются в рамки символических интерпретаций и зачастую противоречат физическим и физиологическим законам, сформированным в рамках рационалистической парадигмы.

В данной статье предполагается рассмотрение отдельных (ключевых) элементов шаманизма посредством интерпретации первичных телесных и телесно-смысловых ситуаций, постепенно обретающих культурно-значимые символические формы. В качестве теоретической базы исследования использованы феноменологические теории Э. Гуссерля и М. Мерло-Понти, которые с необходимостью были дополнены оригинальной теорией Ж. Деррида. Исследование было проведено на основе материалов по сибирскому шаманизму. Сибирский регион представляет собой уникальное культурное пространство, где шаманизм достиг максимальной концентрации и выраженности и представляет (представлял) собой культурную доминанту, так или иначе оказавшую влияние на все стороны культурной и хозяйственной деятельности. В то же время в статье приводятся лишь необходимые отсылки к конкретным этнографическим материалам, которые выполняют роль наглядных иллюстраций теоретических выводов, что обусловлено стилем самой статьи, приближенной к стилю эссе.

По своей структуре статья распадается на 3 части. В первой части дается феноменологический разбор опыта телесности. Вторая часть представляет собой рассмотрение перехода от опыта телесности к его знаковым репрезентациям. В третьей части представлен анализ того, как опыт телесности и его осмысление отражаются в шаманской практике и формируют особую идеологию. В силу сложности заявленной проблематики, все выводы, сделанные в статье, носят предварительный и дискуссионный характер.

Феноменология телесности (перцептивный опыт)

В феноменальном мире тело человека занимает особое положение. Границы, благодаря которым мы устанавливаем сложные отношения с миром природы (отождествляем или, наоборот, противопоставляем) и формируем многообразный мир культуры, проходят внутри нашего тела, а точнее являются результатом различных вариантов телесного опыта. Для достижения целей нашего исследования необходимо рассмотреть три модуса или способа существования, основанных на разных вариантах телесного опыта. За основу рассмотренной ниже классификации были взяты выделенные Ж.П. Сартром типы бытия: бытие-в-себе, бытие-для-себя и бытие-для-других [5], которые были рассмотрены сквозь призму телесного существования человека в теории восприятия М. Мерло-Понти [4].

Тело, растворенное в мире природы, обладает особым способом бытия – оно существует «в-себе». В этом случае «оно, подобно механизму, функционирует единообразно» и «пребывает в абсолютном неведении относительно себя и мира» [Там же. С. 166, 169]. «У бытия-в-себе вовсе нет внутри, которое противопоставлялось бы некоторому вне и которое было бы аналогично суждению, закону, сознанию себя. У в-себе нет сокровенного: оно сплошное <…> Оно… не знает изменчивости <…> Оно само безгранично и исчерпывается бытием <…> оно в принципе ускользает от времени» [5. С. 39]. Этот тип бытия находится вне любого опыта.

Мир становится доступным нашему опыту благодаря восприятию. Наряду с существованием-в-себе появляется существование-для-себя, поскольку человек открывает для себя мир и делает это посредством собственного тела. В отношении существования-для-себя уместно использовать словосочетание «первичный опыт», поскольку он имеет целый ряд особенностей по сравнению с другими вариантами опыта, вырастающего на его основе. У В. Молчанова понятием первичного или непосредственного опыта обозначается «опыт различений и различения различий» [6. С. 13]. Исследователь выделяет первичные различения, которые мы можем отнести к существованию-для-себя, во-первых, составляющие саму ткань опыта: различение переднего плана и фона, непосредственного и опосредованного, прямого и косвенного; во-вторых, различение различных видов опыта: тяжелое/легкое, теплое/холодное и т.д. [Там же. С. 53]. Понятием «первичный опыт» можно определить все то, благодаря чему мы открываем для себя мир и взаимодействуем с ним здесь и сейчас, то, что Ж. Деррида определяет как «акт живого бытия», как «живое настоящее, самоприсутствие трансцендентальной жизни» [2. С. 15, 20].

Важнейшее значение в любом перцептивном опыте имеет акт внимания, который представляет собой активное формирование объекта, прояснение того, что раньше существовало только в виде неопределенного горизонта. Выделяются передний план, который имеет четкий фокус, и фон, имеющий более размытые очертания. Внимание порождает ситуацию интенциональности, нацеленности на предмет. «Акт внимания укоренен в жизни сознания» [4. С. 59]. Сознание и есть некоторое внимательное «разглядывание» мира, формирующее его предметную сферу. Сознание есть то, что формирует границы, очерчивает конечное в бесконечном. В то же время любой акт внимания – это вариант телесного опыта, связанного с тактильными, зрительными, слуховыми и прочими ощущениями. Сознание, как интенция, вызревает внутри тела, являясь его продолжением, расширением его горизонтов. «Сознание есть бытие в отношении вещи при посредстве тела» [Там же. С. 186].

В. Молчанов предлагает рассматривать первичный телесный опыт как систему первичных телесных суждений, «которые, как и суждения в обычном смысле, претендуют на истину, но могут оказаться ложными». Они предшествуют ментальным суждениям (т.е. суждениям в обычном смысле), составляют их почву [6. С. 15, 198]. Первичный телесный опыт предполагает переход из мира необходимости в мир возможности. Например, ощущение тяжести мы можем считать телесным суждением Там же. С. 231]. Осуществляя первичные различения, мы уже наделяем мир значением, судим о нем. Поэтому «всякое восприятие – это

мышление о восприятии», восприятие – это «акт, который сразу же, наряду с набором данных, создает и связующий их смысл» [4. С. 66–67]. В то же время любое телесное суждение рождается из движения, вернее в движении. «…Любое движение является одновременно и движением, и осознанием движения» [Там же. С. 152]. Следуя логике рассуждений Мерло-Понти, мы можем выделить неделимую триаду, составляющую основу первоначального опыта: восприятие-суждение-движение. Движение и его значение слиты воедино. Это значит, что тело несет в себе смысл, но не полагает его вовне, внутреннее и внешнее еще не различимы.

Кроме опыта различений, необходимого для взаимодействия с миром, существование-для-себя предполагает особого рода раздвоенность. Человек не только открывает мир для себя и вокруг себя, но и себя-вне-мира. С помощью тела мы выделяем и наблюдаем внешние объекты, но наблюдать свое тело как вещь мы не можем (такая возможность появляется только в рамках существования-для-других). Тело выступает своего рода осью, вокруг которой конституируется мир вещей и «лики всех объектов» обращены к этому центру [Там же. С. 119]. Все, что окружает тело как источник перцептивного опыта, как бы стягивается к нему, группируется вокруг него, как периферия по отношению к ядру. Поэтому тело не может быть фрагментом пространства, оно формирует его и задает его параметры. В то же время, конструируя пространство, тело включается в его структуру особым образом. Контур тела представляет собой границу, которую обычные пространственные отношения не пересекают. Пространство телесное и пространство внешнее представляют собой разные измерения. «Мое тело не воспринимается мной как набор сосуществующих в пространстве органов. Это – моя неделимая собственность» [Там же. С. 137].

Время, как и пространство, рождается из первичного перцептивного опыта и тесно связано с актом внимания, с ситуацией интенциональности. Тело как целостность не имеет временной структуры, поскольку время, как и пространство, требует различения и разделения. В самих вещах времени тоже нет. По мысли М. Мерло-Понти, «в самих вещах будущее и прошлое пребывают в своего рода вечном предсуществовании и вечном постсуществовании» [Там же. С. 521]. Внимание требует последовательного сосредоточения на тех или иных предметах, поэтому мы можем говорить о том, что время рождается в интенциональном акте и устанавливает соответствия между значимыми движениями, между смыслами, между пространственными отношениями. Оно имеет функцию упорядочивания наличных переживаний. При этом вид временной перспективы, по мысли Э. Гуссерля, аналогичен перспективе пространственной. Чем дальше мы отдаляемся от точки присутствия (Теперь), тем более расплывчатой и слитной становится она в нашем восприятии (в ретенции), постепенно полностью исчезая с горизонта восприятия [7. С. 29].

Тело, воспринимаемое как целостность, внепространственно и вневременно, находится в положении вне-мира, и вместе с тем «творит» мир, его пространственно-временную структуру. Пространственно-временные отношения уже намечены, но еще не выведены вовне. В рамках существования-для-себя все смыслы мира, заключенные в телесном опыте, не выходят за пределы восприятия, за пределы опыта. В то же время точка присутствия («Здесь» и «Теперь», то, что Ж. Деррида обозначал как «акт живого бытия», «окончательно ускользающий от всех разделений») благодаря триаде «восприятие-суждение-движение» переходит в «поле присутствия», которое содержит в себе первичные различения и расширяется в двух измерениях: «здесь-там» и «прошлое-настоящее-будущее» [4. С. 52].

Телесный опыт в рамках существования-для-себя позволяет человеку «сращиваться» с окружающей средой, интегрироваться в ней без посредничества знаков и представлений. И здесь уместно ввести такое понятие, как «телесная схема». Схемой тела обычно считают «дорефлексивный синтез сигналов, поступающих от разных органов тела и его подсистем, на основе которого и могут осуществляться автоматические или бессознательные действия тела, лежащие в фундаменте всех сознательных или интенциональных его действий» [8. С. 111]. Мы будем говорить о телесной схеме как системе соответствий, интегрирующей не просто опыт тела, но и опыт тела в мире. В связи с этим Мерло-Понти говорит о таком механизме адаптации к новым условиям существования, как приобретение навыка. Приобретение навыка представляет собой реорганизацию и обновление телесной схемы. Навык – это ни знание, ни автоматизм, но двигательное усвоение двигательного значения, выражающее способность человека расширять свое бытие в мире, дополняясь новыми орудиями [4. С. 191–193]. Таким образом, в рамках существования-для-себя уже возможна орудийная деятельность как воплощение двойственности «движение-суждение».

Истинная коммуникация как культурный феномен возникает уже в ситуации «существования-для-других». Существование-для-других предполагает «внедрение себя в мир» и формирование знаковой реальности, необходимой для репрезентации себя миру. М. Мерло-Понти предлагает четкое разделение между «хватать» («трогать») и «показывать» [Там же. С. 144] как двумя вариантами телесных движений. Хватая и трогая, мы действуем в мире-для-себя, или даже в рамках существования-в-себе. Показывая, мы открываем мир для других. И в этом случае движение становится знаком, транспортирующим некий смысл от меня к другому. Таким образом, тело снова раздваивается. Появляется тело-для-меня и тело-для-другого. По мысли Мерло-Понти, объективное тело принадлежит порядку «для другого», а тело феноменальное – к порядку «для меня». И при этом они сосуществуют в одном мире и находятся в определенных отношениях [Там же. С. 147]. В терминологии Ж. Дерриды, эта дихотомия предстает как радикальный разрыв между интуитивной презентацией (интуиция самого себя в присутствии, самоприсутствие), представляющей собой опыт отсутствия или бесполезности знаков, и символической репрезентацией, представляющей предмет посредством знаковых образов [2. С. 82–83]. Э. Гус-

серль подчеркивал полноту интуитивной презентации и неполноту репрезентации предмета посредством знаковых образов [7. С. 112–113]. В символической репрезентации живой опыт настоящего подменяется возможностью отсроченного присутствия, растянутого во времени, и это становится возможным благодаря материальности любого знака, выведенного в пространство. Таким образом, в символической репрезентации пространство и время получают свое полное воплощение с помощью знаков.

Кроме того, в рамках символической репрезентации появляется еще одна дихотомия: тело знака – его физическая сторона (означающее) и значение знака (означаемое), которая завершила процесс перехода от опыта к идее. По всей видимости, изначально физическую сторону знака воплощало тело человека. Тело, внедренное в мир, стало носителем значений, и это потребовало расчленения первоначальной феноменальной целостности телесной схемы. Отдельные части тела стали отдельными знаками. Благодаря такому расчленению становится возможным язык жестов, где тело выступает главным каналом коммуникации, передающим сообщения (значения) от меня к другому. В то же время идеальная сторона знака как носитель значения также должна была быть выведена наружу и закреплена в сознании. Главную роль здесь могло сыграть овладение речью. По мысли Ж. Дерриды, сознание и речь очень трудно отделить друг от друга. «…Сознание обязано своим привилегированным статусом возможности живого голосового посредника» [2. С. 26]. Благодаря речи произошло четкое закрепление границ (контуров) отдельных предметов. Называние предметов способствовало их возвращению из бесформенного потока бытия, и поэтому было равносильно новому творению. Однако речь невозможна без своей физической стороны, поскольку она производится нашим телом. Поэтому оформление дихотомии «материальное-идеальное», первоначальным воплощением которой могло стать разделение двух вариантов коммуникации – жестов и речи, произошло достаточно поздно.

В рамках наших размышлений очень полезным может быть проанализированное Ж. Дерридой выделение двух видов знаков: указания и выражения. Указание представляет собой внешний, эмпирический феномен. Выражение лица, жесты, все телесное и все мирское в слове, все видимое и пространственное входит в сферу указания. Вне видимости и пространственности указание не существует. Выражение же по своей внутренней сущности способно существовать вне эмпирической сферы и даже не быть коммуникативным актом, обращенным к другому. Хотя, конечно, чаще всего оно вовлечено в сферу указания и с трудом вычленяется из нее [2. С. 41–45]. «Выражения существуют с полнотой значений именно в одинокой ментальной жизни, где они более не служат для указания на что бы то ни было» [Там же. С. 36]. Указание всегда указывает на некоторое существование в мире. Выражение – это чистая идеальность, реально нигде в мире не существующая. Более того, Деррида видит в этом различении указания и выражения среди прочих оппозицию мировости и трансцендентальности, которая составила основу мировых религий.

От опыта телесности к знаковой репрезентации

Неправомерно было бы процесс движения от опыта к идее представлять лишь как серию различений, приведших к культурному многообразию символических репрезентаций. Параллельно происходили и процессы синтеза, объединяющие множественность символов с вневременной и внепространственной реальностью, что получило свое воплощение в постоянном возведении профанного многообразия мира к его сакральным образцам. Именно благодаря синтезу сформировались сложные механизмы мыслительной деятельности человека. Попробуем рассмотреть эти процессы с помощью схемы:

Существование-в-себе и существование-для-себя (рефлекс и восприятие) являются модальностями «дообъектного зрения» и, по мысли Мерло-Понти, утверждают тотальность нашего бытия [4. С. 116]. Тем не менее если существование-в-себе – это исключительно природное состояние, то в рамках существования-для-себя вызревают первичные различения и намечаются условия для перехода в мир культуры. Мир-для-себя и тело-вне мира, выделенные в рамках существования-для-себя, оформляют ситуацию первичного различения центра и периферии. Кроме того, в этой раздвоенности уже вызревают, но еще сокрыты все основные дуальные структуры мифологического сознания (внутреннее-внешнее, невидимое-видимое, левое-правое и, в конечном итоге, сакральное и профанное). На новом уровне центр (тело-вне-мира) разделяется на тело-для-другого и тело-для-себя. Мир-для-себя посредством знаковой репрезентации переходит во внешний план существования и становится миром-для-другого. В результате выделения тела-для-другого и мира-для-другого формируется ситуация существования-для-других, выражающая себя вовне посредством знаков. Существование-для-других предполагает оформление категорий пространства и времени. Параллельно с этим опыт восприятия тела-для-себя продолжает утверждать ситуацию существования вне пространства и времени в рамках интуитивного схватывания себя (своего тела) как некоей неподдающейся расщеплению целостности.

Восприятие мира посредством первичных различений приводит к утрате изначального равновесия. Поэтому древний человек в определенном смысле попал в ситуацию «качания» между различными способами существования. Он то погружался в мир (существование-для-других), то вновь выпадал из него (существование-для-себя). Архаическое время часто представляют в виде колебательной модели и связывают с переживанием природных ритмов (смена дня и ночи, рождения и смерти), из которых рождается чувство времени. Однако мы можем предположить, что такая колебательная модель могла сложиться только из возможности соотнесения двух компонентов: феноменологического опыта и природных ритмов. Более того, вычленение этих ритмов из единого потока бы-

тия стало возможным благодаря первичному опыту, ставшему мерой ритмичности временного потока. Так рождается представление о переходах от света к тьме, от рождения к смерти, от профанного к сакральному и обратно. Возможно, что первоначально каждый переход, подобно каждой фазе качания маятника, переживался как смерть и новое рождение. День мог восприниматься как жизнь, а ночь как смерть. Отсюда берет начало хорошо известное в традиционных и архаических культурах соответствие смерти и сна как состояний пребывания вне мира. Ситуация «качания» распространялась и на восприятие человеком самого себя как существа умирающего и рождающегося вновь с каждой новой фазой движения маятника. Причем в каждом новом рождении человек уже был другим «Я», другим существом, вынужденным снова идентифицировать себя в реальности. То же самое касалось и мира, который каждый раз погружался во тьму и затем рождался заново. А значит, каждый раз это был обновленный мир, отличающийся от предыдущего.

Рис. 1. Феноменология телесности

Далее в условиях существования-для-других (знаковой репрезентации) происходит различение физической и идеальной стороны знака. Знак-указание и есть объединение этих сторон в одно целое. Однако постепенно идеальная сторона знака приобретает способность существования, независимого от предметной (физической) сферы. Знак-выражение дает возможность осуществления вторичной интериоризации, когда мир-для-другого становится миром-для-себя. Мир-для-себя находится вне сферы коммуникации, он снова погружается в ситуацию интуитивной презентации. Параллелизм указания и выражения утверждает ситуацию окончательного разделения внутреннего и внешнего, материального и идеального. Благодаря такой вторичной интериоризации смыслов возникает идея метафизического, существующего вне пространства и времени бытия. Эта идея легла в основу многих трансцендентальных спекуляций как чисто религиозного, так и философско-религиозного и философского толка.

Если попробовать приведенный выше феноменологический дискурс в отношении знака перевести на язык семиотики, то указание и выражение могут быть описаны через термины «метонимия» и «метафора», как они представлены у Э. Лича [9]. Естественно, что при такой процедуре перевода не учитываются многие нюансы, а какие-то акценты будут смещены. Однако эта процедура может быть оправдана полученными в ходе ее применения результатами. Метонимия предполагает сущностную связь между означаемым и означающим. Физическая сторона знака детерминирует его значение. Метафора предполагает установление свободного, детерминированного только волей человека и установившейся традицией соотношения физической и идеальной стороны знака. В этих условиях идеальная сторона знака приобретает определенную долю независимости. Применяя термины парадигматический (ассоциативный) и синтагматический, можно описать почти то же самое различение, которое мы наблюдаем в терминах метафора и метонимия [Там же. С. 24]. Если прочитывать нашу схему не сверху вниз, а разделить ее на правую и левую стороны, то мы увидим, что правая сторона тяготеет к синтагматике, которая, по мнению Ф. де Соссюра, характеризуется протяженностью во времени, последовательностью элементов, изменчивостью и т.д. Левая сторона тяготеет к парадигматике с ее вневременной структурой и неделимостью на части [10. С. 120–121]. Синтагматические и парадигматические связи формируют сложную структуру нашего мышления и нашей речи. Кроме того, мы можем заметить, что левая и правая сторона схемы описывают дихотомию «сакральное-профанное». На схеме также видно, что эта дихотомия по своему содержанию гораздо глубже и полнее, нежели деление на материальное и идеальное, или внешнее и внутреннее.

Двойные разнонаправленные стрелки на схеме показывают различные варианты соотнесения друг с другом сакральности и профанности. Нас, прежде всего, будет интересовать ситуация «качания» между существованием-для-себя и существованием-для-других. Речь об этом пойдет ниже. Однако уже сейчас мы можем предположить, что это наиболее архаичный вариант взаимодействия сакрального и профанного. Переход от указания к выражению и обратно утверждает ситуацию духовной трансформации, характерную, прежде всего, для мировых религий. Переход от тела-для-другого к телу-для-себя и обратно предполагает приобщение к сакральности через телесную трансформацию. Ярким примером такой трансформации могут служить даосские практики внутренней и внешней алхимии. Однако это самые предварительные рассуждения. Более подробный разбор данной проблематики не входит в задачи данной статьи.

Ранний феноменологический опыт, описанный выше, получил свое знаковое воплощение, что позволило человечеству сохранить его в памяти. Сложности дешифровки многих мифологических сюжетов связаны именно с тем, что они представляют собой репрезентацию первичного опыта, от которого человек значительно отдалился, погрузившись в знаковую реальность. С учетом всего вышесказанного, мы можем выделить несколько вариантов такого опыта, которые составили основу главных мифологических сюжетов. Прежде всего, это опыт выделения центра и периферии. Благодаря ему сформировалась первая космологическая схема: центральная ось (тело-вне-мира) и остальное пространство (мир-для-себя), в той или иной степени тяготеющее к этому центру. Центр мира символизирует акт творения, который разворачивается в концентрическую схему движения – радиально от центра к периферии. Эту схему можно считать универсальной, причем она распространяется на характеристику не только пространства, но и времени. Акт творения – это еще и точка, от которой ведет свое начало отчет времени.

Варианты первичного опыта различений составили основу многих космогонических сюжетов. Первый вариант представляет собой устойчивый мотив деления: небо отделяется от земли, вода от земли, свет от тьмы. В соответствии с нашей схемой этот сюжет мог фиксировать ситуацию перехода от опыта первичного восприятия мира-для-себя к знаковой репрезентации этого мира для других. Такой переход с необходимостью требует, чтобы первичный опыт различения (разделения) был означен и стал доступен для восприятия другим. В дальнейшем дуальные схемы становятся распространенным механизмом закрепления и передачи опыта взаимодействия с миром. Особый интерес для нас представляет другой распространенный космогонический сюжет – расчленение тела божества или первочеловека и создание космического порядка из его частей. Тело-вне-мира, представляющее собой целостность, существующую вне пространства и времени, центральная ось, творящая мир вокруг себя, раздваивается. Появляется тело-для-себя, сохраняющее характеристики внемирности (внепространственности и вневременности), и тело-для-другого, погрузившееся в мир и ставшее носителем значений. Расчлененное тело (тело-для-другого) становится основой определенного космического порядка, где каждая часть представляет собой элемент (знак) мироздания, определяет пространственно-

временную картину мира. По сути дела, сюжет отделения неба от земли и сюжет расчленения тела являются двумя необходимыми вариантами космогонии, закрепившими два варианта перехода к существованию в рамках знаковой репрезентации.

Ситуация «качания» как промежуточная между различными способами существования в мифологическом плане могла осмысляться как возможность свободного перемещения между небом и землей, доступная каждому человеку. Дерево, гора, веревка, лестница как варианты центральной оси, осуществляющей связь между небом и землей, символизировали собой возможность периодического переживания телесного опыта существования-вне-мира. Оформление структуры мира сопровождалось определением четких границ, все более затруднявших такой переход, а точнее – требовало его ограничения, что и нашло свое выражение в мифах, повествующих о прерывании свободного сообщения между мирами. По мнению М. Элиаде, архаический миф о дереве, веревке, горе, лестнице, мосте, которые в начале времен соединяли небеса и землю, был распространен у народов в самых разных уголках земли. Из-за ошибки, совершенной мифическим предком, связь эта оборвалась – дерево было срублено, веревка или лестница разорваны. Эта ошибка стала также причиной смертности человека [11. С. 285–288]. В феноменологическом плане это можно рассматривать как утрату человеком способности свободного перехода от существования-для-других к существованию-для-себя и обратно. Равномерное движение маятника было нарушено, произошло замыкание человеческого существования в цикл. Это знаменовало собой формирование устойчивой мифологической картины мира, имеющей четкие пространственно-временные характеристики, а также мифологического мышления, способного посредством мифов осуществлять синтез двух способов существования, двух способов мироощущения – вневременного (парадигматического) и разворачивающегося во времени (синтагматического).

В космогонических сюжетах часто присутствуют те или иные предметы, которые являются атрибутами божества, творящего мир. Например, в мифологии сибирских народов чаще всего можно встретить палку (посох). По мысли А.М. Сагалаева, «посох – первое орудие, упоминаемое в космогонических мифах урало-алтайских народов Западной Сибири, первый атрибут божества, используемый им в процессе достройки мира» [12. С. 38]. Кроме посоха, в космогониях Сибирских народов можно проследить действие таких орудий, как ковш, ложка и лук. Данные предметы повсеместно использовались в первичной производственной деятельности и вместе с тем выступали в роли ритуальных орудий. Ю.В. Балакин предложил обозначить первичные производственные действия с использованием предметов термином «ритуальный архетип», подчеркнув тем самым их универсальный, архетипический характер. Среди таких действий им были выделены удар, вращение, качание и операции по соединению и разъединению [13. С. 223]. Если мифы творения отражают ситуацию перехода от существования-для-себя к существованию-для-других, то мы можем с определенной долей уверенности сказать, что орудийная деятельность человека начала формироваться раньше, чем способность представлять мир с помощью знаков. И связана она со способностью приобретения навыка обращения с предметами, встраиваемыми в телесную схему. В рамках существования-для-себя человек уже освоил определенные действия (действия-суждения), способствующие расширению спектра его взаимодействия с окружающей средой. Именно поэтому эти действия могли быть выведены в мифологиях в качестве космоустроительных.

Феноменологический опыт телесности в контексте шаманских практик

Для встраивания феноменологической теории в анализ шаманской системы представлений и шаманских практик нам нужно более подробно рассмотреть ситуацию «качания» между разными способами существования. Если мы обратимся к нашей схеме, то увидим, что переход от существования-для-себя к существованию-для-других осуществлялся по двум парам разнонаправленных линий, отмечающих первичное разделение мира-для-себя и тела-вне-мира. Первая пара линий указывает на ситуацию «качания» между миром-для-себя и миром-для-другого. Вторая пара разворачивает перед нами ситуацию «качания» между телом-вне-мира и телом-для-других, которая способствовала самоидентификации человека. Рассмотрим каждую линию более подробно.

Благодаря первому варианту опыта сформировались дуальные схемы мироздания, где выделяются мир людей и мир духов (варианты: мир живых и мир мертвых, мир человеческий и мир иной). Именно такие схемы являются преобладающими в картине мира народов Сибирского региона, где наибольшее распространение получил шаманизм. Мы можем условно выделить два варианта выстраивания отношений между мирами у сибирских народов: динамичные и статичные. Динамично выстроенные отношения между мирами более соответствуют самой динамике «качания». Они выстраивались по принципу сообщающихся сосудов. Так, например, ульчи Амурского края верили, что если в мире живых стоит лето и день, то в мире мертвых в это время – зима и ночь. Обитатели страны мертвых имеют изобилие дичи в то время, как на земле неулов, и наоборот [14. С. 40–41]. Гиляки представляли землю мертвых такой же, как наша земля, только солнце там светит тогда, когда у нас ночь, а луна, когда у нас день. Покойники живут в таких же селениях, только меняется имущественное положение: бедный становится богатым, а богатый – бедным [15. С. 48–49]. Эвены считали, что те шаманы, которые при жизни были сильными, после смерти делаются слабыми, и наоборот [16. С. 69]. Можно предположить, что такой тип отношений фиксировал существование более прозрачной границы, через которую происходил активный обмен ценностями (светом, теплом, жизненной силой, охотничьей удачей, благополучием и т.д.)

Статичный вариант отношений предполагал четко установленные границы и соответственно неизменную структуру самих миров, которая чаще всего выстраивалась по принципу противопоставления. В шаманской системе представлений алтайцев подземное царство Эрлика называется бессолнечным местом, в противоположность земному миру, называемому солнечным [17. С. 177]. В шорских героических сказаниях солнцем освещаемый земной мир противопоставляется нижней земле «черного айна». В характеристике земного мира преобладает белый цвет (белая тайга, белое море), нижнего – черный (черная тайга, черный ветер, черная гора и т.д.) [18]. В подземном мире может быть ущербное, половинчатое солнце и луна. Это может быть также мир, где солнце светит как луна, кругом сырость и болота. Эвены считали, что в царстве мертвых солнце не светит, небо как туман, а земля как пар [16. С. 68]. Наряду с отсутствием тепла и света в подземном мире ощущается явный недостаток жизненности (чахлая растительность или ее отсутствие) или ее ущербные формы (корявые деревья, уродливые обитатели). По представлениям кетов, далеко на севере находится Мертвый остров, где растет всего «несколько кривых деревьев, да немного белых травинок» [19. С. 5]. А в якутском фольклоре нижний мир – это оледенелая страна с щербатым солнцем и луной, где растут корявые деревья и чахлые травы, а живут там однорукие и одноногие чудовища [20. С. 191]. В инобытии по-другому течет время. Можно выделить 3 основных варианта течения времени в ином мире: 1) время там течет гораздо медленнее, чем в мире людей, оно стремится к минимуму изменений, вплоть до их полного прекращения; 2) время течет вспять; 3) временные характеристики нечеловеческих миров совпадают с течением времени в давние времена [21. С. 183–187]. Можно также заметить, что при статичном варианте выстраивания отношений жизнь в мире людей достаточно жестко противопоставляется иным вариантам существования, несущим на себе отпечаток нечеловеческого, некомфортного и даже непригодного для человека.

Создается впечатление, что «древнему» человеку необходимо было четко промаркировать иные миры, найти им такие значимые характеристики, которые, с одной стороны, соотносили бы их с человеческим миром, а с другой стороны, позволяли надежно отличать их от мира людей. То есть четко отграничить их друг от друга. Для чего это было нужно? Для того, чтобы их не перепутать! Давайте вновь вернемся к ситуации маятникового качания. Периодически выпадая из пространства и времени, человек возвращался вновь уже в мир с несколько иными характеристиками – в иной мир. Потенциально этих миров могло быть бесконечное количество. Конечно, их нужно было четко зафиксировать, и как минимум ограничить их количество. Неважно, сколько их будет (3,7, 9 или 99), главное, чтобы все они были определены и описаны. Может быть, нечеловеческие миры рисовались столь некомфортными для человеческого образа жизни именно для того, чтобы у человека не возникало соблазна вновь и вновь пересекать их границы? Носители шаманского мировоззрения очень боялись неожиданного пересечения границы миров, поскольку это нарушало установившийся порядок, грозило выпадением из сложившейся системы пространственно-временных отношений. В других мирах это соотношение было немного иным. Можно было потеряться и не найти дорогу обратно. Страх потеряться в иных мирах, непреодолимое желание путешествий между мирами и в то же время насущная необходимость периодического разрушения границ были сильнейшими переживаниями для «древнего» человека.

Именно поэтому вместе с формированием структуры мироздания появляются и «ритуальные специалисты», способные неслучайным образом пересекать границы миров и, тем самым, оказывать помощь своим соплеменникам, утратившим эту способность. По сути дела, одна из важнейших функций шамана – это поддержание отношений между мирами по принципу сообщающихся сосудов. Хоть границы и были четко установлены, но ведь с помощью шамана можно было осуществлять постоянный обмен ценностями, поддерживая, таким образом, баланс и устойчивость самой системы отношений. Е.С. Новик, осуществившая структурный анализ шаманских камланий, пришла к выводу, что независимо от вида камлания его главная цель – восстановление равновесия, ликвидация некоего нарушения миропорядка, выражающегося в неправильном распределении ценностей [22. С. 55–57]. В соответствии с теорией Е.С. Новик, одухотворение и персонификация объектов природы являются не столько следствием анимистического мироощущения, сколько средством фиксации диалогических отношений, где модель партнера строится в соответствии с собственными целями. Поэтому система отношений с иными мирами, да и сами их характеристики выстраиваются именно по этому принципу. Именно диалогичность отношений является одним из ключевых принципов традиционного шаманизма.

Самыми надежными маркерами границ между мирами в мировоззренческих системах народов Сибири являются дерево и нить (веревка), которые в действительности и представляли собой центральную ось, пройдя сквозь которую (т.е. выпав из пространства и времени) можно было попасть в другую реальность. Именно эта ось рассматривалась в шаманских культурах как сакральная. Иные миры в шаманской системе представлений в соответствии с нашей схемой скорее можно отнести к вариантам профанной реальности, разновидности мира-для-других. Постепенно в силу своей труднодоступности (для феноменологического опыта) эти миры приобретают статус, имеющий элементы сакральности. Например, очень медленное течение времени, вплоть до его отмены, переизбыток жизненности и света. Временные характеристики нечеловеческих миров могут совпадать с течением времени в давние времена. Там находятся существа – податели жизни и благополучия, требующие почитания. Диалогичность отношений постепенно тоже нарушается. А вместе с этим дуальные схемы мироздания уступают место триадам, где наряду с подземным миром большую роль играют небесные сферы. Так сравнение небесного и подземного миров у ал-

тайцев подчеркивает контрастность света и тьмы. В подземном мире (Алыс-дере) царит вечный полумрак, там никогда не показывается солнце и не просыхает земля. В небесной сфере (Дени-дере) светло и весело [23. С. 5]. В соответствии с шаманской картиной мира телеутов на самом высоком слое неба находилась земля Ульгеня, где «светилась, как месяц, золотая гора и сияла, как солнце, серебряная гора» [24. С. 140–141]. Шаман ваховских хантов, долетая до седьмого неба, где живет Торум, видел «светлоту, лучше некуда. Семь солнц светит, серебро течет, как река» [25. С. 157]. Подробное изучение перехода к иерархичной системе отношений между мирами, пришедшей на смену диалогичной системе, не входит в круг тем нашего исследования. Однако мы можем предположить, что именно этот переход разрушил господство шаманской идеологии, стал основой социальных иерархий и способствовал выделению новой категории ритуальных специалистов жреческого типа. Именно в их компетенцию стало входить поддержание отношений со сферой сакрального, которая предопределяет жизнь и благополучие человеческого коллектива.

Научившись измерять пространство и время, человек четко обозначил границы собственного мира. Однако что представлял собой этот мир? Это было обжитое человеком пространство, за пределами которого начиналось иномирье. Иной мир в сознании «древнего» человека – это мир, где изменяются пространственно-временные характеристики. Выходя за пределы своей территории, человек, как и в ситуации «качания», выпадал за пределы мира, попадал в сакральную реальность (вне пространства и времени), а доходя до обжитой территории чужого племени, пересекал границы иного мира. Поэтому дальние земли, где люди жили в иной пространственно-временной системе координат, по своим характеристикам очень напоминали мир духов. Отправление в путь в традиционном мировоззрении выступало метафорой смерти, а возвращение приравнивалось к новому рождению [26. С. 73]. Герои эпических произведений народов Сибири – это, прежде всего, путешественники. И зачастую невозможно определить, в какой реальности они путешествуют, поскольку дальние страны в миропонимании людей мало чем отличались от иных миров. Именно поэтому эпические герои по многим своим характеристикам сопоставимы с шаманами.

Дж. Скотт обратил внимание на удивительное разнообразие единиц и методов измерения пространства и времени в традиционных крестьянских хозяйствах Европы. И речь здесь идет не только о различии мер измерения в разных деревнях, но и о том, что тот или иной способ измерения был ситуативен, связан с моментом времени и местом. Чтобы охватить потрясающее многообразие способов измерения земли, можно вообразить множество карт, построенных в разных системах координат, которые будут сильно отличаться по площади [27. С. 49–50]. Кроме того, мерой измерения чаще всего служили те или иные части тела, которые также были очень разными у разных людей. Давайте теперь представим, насколько многомерным могло быть такое пространство и как по-разному могло восприниматься время в таком мире. Только введение системы единообразных единиц измерения сделало наш мир трехмерным в пространстве и равномерно текущим из прошлого в будущее. Эта процедура окончательно утвердила границы нашего мира, сделав их непрозрачными.

В условиях «качания» между мирами человеку необходимо было не только четко определить границы этих миров, но и осуществить самоидентификацию. На нашей схеме хорошо видно, что такая идентификация могла быть только телесной. Она формировалась по линии «качания» от тела-вне-мира к телу-для-другого и обратно. Такие перемещения человек переживал как собственную смерть и новое рождение. Причем каждый раз он рождался новым существом. Многочисленные мифы, где описываются превращения человека в животное, растение или какой-то предмет ландшафта, могли возникнуть именно благодаря этой ситуации. Наиболее интересны мифы, герои которых могут превращаться в других существ, обойдя кругом (например, 3 раза) какой-либо сакральный объект или пересекая условную границу между мирами. Такой границей или сакральным центром было возвращение к переживанию тела-вне-мира. Переходя вновь к ситуации существования-для-других, тело переживалось как иное, и взаимодействовало оно уже с иным миром.

Как можно было в этих условиях идентифицировать себя таким образом, чтобы прекратить череду метаморфоз? Согласно одной бурятской легенде, раньше у человека была способность к оборотничеству. «Медведь прежде был охотник и шаман. Он, отправляясь на охоту, обходил три раза одно дерево и обращался в медведя; в таком виде он ловил зверей, потом снова обходил вокруг дерева три раза и становился человеком. Кто-то срубил то дерево, и шаман остался навеки медведем» [28. С. 168]. Установление четких границ между мирами способствовало прекращению свободного перемещения и соответственно свело на нет и практику свободных превращений. Человек обозначил границы собственного тела. Однако если свободные «качания» между разными способами существования были прекращены, то они с неизбежностью сохранились и были совмещены в рамках телесных ощущений. Человек одновременно воспринимал свое тело как тело-для-другого, расчлененное на части и помещенное в пространственно-временную систему координат, и как вне-мировую (вне пространства и времени), неделимую, принадлежащую только самому человеку телесность. Именно последняя определяла сущностную основу человека, стягивающую воедино все его жизненные проявления (то, что в традиционных культурах именуется жизненной силой, душой, двойником и т.д.). Именно она могла покидать тело и путешествовать между мирами (например, во сне). Однако если она долго отсутствовала, то страдать начинало тело физическое. В шаманских культурах одна из самых распространенных причин болезни – потеря души. Наличие парциальных душ, или душ различных частей тела, иллюстрирует ситуацию изначальной расчлененности тела, которое лишь постепенно было собрано в единый организм. То есть

древний человек должен был выполнить еще одну сложнейшую задачу – собирание собственного тела. Наличие дополнительного духа-покровителя у шамана указывает на его двойную идентификацию, на его принадлежность разным мирам. А чем больше у него было духов-помощников, тем более многомерной была та реальность, в которой он мог путешествовать.

Возможно, что в условиях диалогичных отношений с окружающим миром по принципу интерсубъективности, одухотворение окружающего мира также было закономерным следствием телесной двойственности самого человека. Духи тех или иных природных объектов и явлений, как и «душа» человека, составили основу сакрального мира, противопоставленного профанному. Кроме этого, одухотворение природы – это еще один вариант идентификации в условиях «качания» между мирами. Духи среднего мира – это его маркеры. В ситуации изменчивости проявлений мира (миров) они всегда оставались одними и теми же. Благодаря им человек не мог спутать свой мир (свою реку, свою гору, свое дерево) с различными вариантами иномирья, населенного иными существами.

Собирание тела в единый организм, определение его границ в мире способствовало возникновению нового феноменологического опыта – переживания опыта тела в мире. Тело научилось ориентироваться в конкретной пространственно-временной системе координат. Постепенно была осуществлена кардинальная реорганизация «телесной схемы», представляющей собой систему соответствий между телом и миром, позволяющей телу моментально реагировать на вызовы внешней среды и решать различные двигательные задачи. Так благодаря телу осуществляется наше укоренение в мире [4. С. 190, 194]. Принадлежность шамана разным мирам требовала его телесного укоренения в разных пространственно-временных системах координат. Отсюда возникает практика шаманских инициаций, сопровождающаяся расчленением тела шамана и его вторичным собиранием. Шаманское посвящение предполагало «переделку» всех частей тела. Так, например, по представлениям нганасан, специальные духи выковывают на огне кости, чтобы они стали железными, выковывают сердце, чтобы оно стало смелым и мужественным, наделяют прозорливыми глазами, закаливают голос и наделяют чуткими ушами [29. С. 95]. Тело шамана как будто целенаправленно и мучительно «подгонялось» под мерки иномирья. Особо важную роль при этом играла переделка глаз, ушей, горла как главных каналов, через которые мы контактируем с окружающей реальностью. Они же выступали и главными каналами коммуникации между мирами. Шаманские инициации подтверждают тот факт, насколько важную роль играет тело человека для его «внедрения» в мир.

С учетом всего вышесказанного становится понятным, что шаман – это человек, способный «качаться» между разными способами существования и перемещаться между мирами в условиях установления четких пространственно-временных границ человеческого (среднего) мира. В пользу этого может говорить приписываемая шаманам способность к превращениям. У якутов сила шамана зависела от того, в какое животное могла обратиться его душа. Самыми могущественными считались шаманы, души которых обращались в быка, жеребца, орла, лося или медведя. Самыми слабыми и несчастными были шаманы, душа которых обращалась в собаку или волка. У нанайцев существовало предание о шаманке-змее, приносившей много неприятностей людям [30. С. 125]. В пользу возможных шаманских превращений говорят ритуальные костюмы, которые могли имитировать птиц и зверей, а также выделение различных категорий зверей-шаманов, характерное, например, для кетов и эвенков. Духи-покровители и помощники сибирских шаманов чаще всего выступали в образах различных животных. С их помощью шаман мог отправляться в разные сферы мироздания, принимая их облик или подражая им во время камлания. Вполне закономерно, что отправляться в иные миры нужно было в ином облике, и лишь позднее необходимость превращений была заменена имитацией этой процедуры с помощью костюма и введением фигур духов-помощников, с помощью которых шаман пересекал границы миров.

Заключение

На основе всего вышесказанного, мы можем сделать предварительное заключение о том, что шаманизм как особая идеология и ритуальная практика является результатом раннего феноменологического опыта, полученного в результате маятникового «качания» между двумя способами существования: «профанным» и «сакральным». Размытость пространственно-временных характеристик «профанной» реальности, нечеткое определение ее границ породили ситуацию множественности миров и соответственно множественной и неустойчивой самоидентификации человека в этих мирах. Формирование представлений о границах, выраженных в самых разнообразных мифологических образах и сюжетах, было важнейшей процедурой на пути «собирания» человеком самого себя, а также идентификации «своего» мира и размежевания его с «иными» мирами. Шаманская идеология с ярко выраженной символикой мирового дерева как сакральной оси мироздания получила своеобразное выражение в шаманских практиках – вариантах управляемого возврата к первоначальному опыту «качания» между мирами и множественной идентификации. Рассмотрение различных форм взаимодействия «сакрального» и «профанного», представленных на схеме, может также приблизить нас к разгадке удивительной «живучести» шаманизма, который в отдельных своих проявлениях мы можем встретить в разных уголках земли в разные исторические периоды. Шаманизм, будучи наиболее архаичным вариантом такого взаимодействия, не конкурировал с идеологиями, обслуживающими сферу сакрального, он утверждал ситуацию поддержания отношений с иной формой профанности. И именно поэтому элементы шаманских практик сохранились на самом низовом уровне, вне социальных и религиозных иерархий, и успешно продолжают существовать по сегодняшний день.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гирц К. Интерпретация культур. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 560 с.
2. Деррида Ж. «Голос и феномен» и другие работы по теории знака. СПб. : Алетейя, 2017. 208 с.
3. Пирс Ч.С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 3 (7). С. 88–95.
4. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Ювента ; Наука, 1999. 606 с.
5. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М. : Терра-Книжный клуб ; Республика, 2002. 640 с.
6. Молчанов В. Феномен пространства и происхождение времени. М. : Академический проект, 2015. 277 с
7. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М. : Гнозис, 1994. 162 с.
8. Соколовский С. Тела и технологии сквозь призму техноантропологии // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 99–121.
9. Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 142 с.
10. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М. : Логос, 1998. 296 с.
11. Элиаде М. Мефистофель и андрогин. СПб. : Алетейя, 1998. 375 с.
12. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 155 с.
13. Балакин Ю.В. О возможности применения теории архетипов в археологии // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории : материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск : Изд-во Томского ун-та. 2001. С. 222–224.
14. Богораз В.Г. Чукчи. Религия. Л. : Изд-во Главсевморпути, 1939. 195 с.
15. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. Смидовича. Л., 1936. 571 с.
16. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая пол. XVIII в.). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан : Кн. изд-во, 1983. 176 с.
17. Каруновская Л.Э. Представления алтайцев о вселенной (Материалы к алтайскому шаманству) // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 160–183.
18. Шорский героический эпос. Т. 4: Шорские эпические сказания в записях В.В. Радлова. Кемерово : Примула, 2013. 207 с.
19. Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков // СМАЭ. ТII.2, СПб. : Типография Императорской академии наук, 1914. 90 с.
20. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М. : Наука, 1974. 402 с.
21. Нам Е.В. Космология и практика Сибирского шаманизма. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 296 с.
22. Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. М. : Вост. лит., 2004. 304 с.
23. Потанин Г.Н. Ерке. Культ неба в Северной Азии : Материалы тюрко-монгольской мифологии. Томск : Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1916. 132 с.
24. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л. : Наука, 1991. 321 с.
25. Шатилов М.Б. Драматическое искусство ваховских остяков // Из истории шаманства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. С. 155–165.
26. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1988. 225 с.
27. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М. : Университетская книга, 2005. 576 с.
28. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб. : Типография В. Киршбаума, 1883. 1026 с.
29. Попов А.А. Нганасаны. Социальное устройство и верования. Л. : Наука, 1984. 152 с.
30. Соколова З.П. Животные в религиях. СПб. : Лань, 1998. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 июля 2019 г.

The Phenomenology of Corporeality: From Experience to Idea (In the Context of Shamanism)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 165–176.
DOI: 10.17223/15617793/447/20

Elena V. Nam, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: n.elvad@yandex.ru

Keywords: phenomenological experience; intuitive presentation; symbolic representation; syntagmatic and paradigmatic analysis; corporal scheme.

The article presents a phenomenological analysis of corporeality followed up by an analysis of key elements of shamanic ideology and practice by means of interpreting primary corporal and corporal-semantic situations. It is argued that the body acts as a mediator between experience and the meaning this experience generates, and thus the body is the primary carrier of meaning as well as the universal boundary designating human existence. Three ways of being in the world are defined, based on different corporal experiences. The body immersed in the world of nature has a unique way of being: it exists ‘in-itself’. The world becomes accessible to our experience through perception. Along with being-in-oneself, there comes being-for-oneself, as people discover the world for themselves and does this through their body. In addition to the experience of distinguishing oneself and the world needed to interact with the world, being-for-oneself presupposes a special kind of bifurcation. Discovering the world for and around them, people also discover themselves-outside-the-world. And here, the body acts as an axis around which the world of things is constituted. Cultural meanings are produced as a result of human transition from being-for-oneself to being-for-others. Corporeality in being-for-oneself allows people to ‘coalesce’ with the surrounding environment and become integrated into it without the mediation of signs and representations. Being-for-others implies introducing oneself to the world and forming a space of signs needed for this presentation of oneself, including creating the categories of space and time. Ancient people, in a sense, found themselves in a situation of a pendulum swinging back and forth between different modes of existence: from immersing themselves into the world (being-for-others) to distancing themselves from it (being-for-oneself). In terms of signs and representations, the latter is seen as a ‘sacred’ reality as opposed to the world of the ‘profane’, i.e., the world-for-others. It is concluded that the primary vagueness of the ‘profane’ reality’s space-time characteristics and its blurred boundaries resulted in the plurality of worlds and in the multiple and unstable nature of human self-identification in these worlds. The formation of ideas about boundaries was crucial for the humans to ‘assemble’ themselves, identify ‘their’ world, and separate it from ‘other’ worlds. Shamanic ideology, with the world tree symbolizing the universe’s sacred axis (being-for-oneself), is expressed in shamanic practices as a controlled return to the primary experience of swinging between different modes of existence and multiple identifications. Shamanism did not compete with ideologies serving the sphere of

the sacred; it sought to maintain relationships with different forms of the profane. That is why elements of shamanic practices were always retained at a grassroots level, outside of social and religious hierarchies, and for that reason these elements successfully continue into the present.

REFERENCES

1. Geertz, C. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [The interpretation of cultures]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
2. Derrida, J. (2017) *"Golos i fenomen" i drugie raboty po teorii znaka* [Speech and Phenomena: And Other Essays on Husserl's Theory of Signs]. Translated form French. St. Petersburg: Aleteyya.
3. Peirce, Ch.S. (2009) What is sign? Translated form English by A.A. Argamakova. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 3 (7). pp. 88–95. (In Russian).
4. Merleau-Ponty, M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of perception]. Translated form French. St. Petersburg: Yuventa; Nauka.
5. Sartre, J.P. (2002) *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology]. Translated form French. Moscow: Terra – Knizhnyy klub; Respublika.
6. Molchanov, V. (2015) *Fenomen prostranstva i proiskhozhdenie vremeni* [The phenomenon of space and the origin of time]. Moscow: Akademicheskiy proekt.
7. Husserl, E. (1994) *Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni* [The Phenomenology of Internal Time-Consciousness]. Translated form German. Moscow: Gnozis.
8. Sokolovskiy, S. (2018) Bodies and Technologies Through the Prism of Techno-Anthropology. *Antropologicheskiy forum – Forum for Anthropology and Culture*. 38. pp. 99–121. (In Russian).
9. Leach, E. (2001) Kul'tura i kommunikatsiya: Logika vzaimosvyazi simvolov. K ispol'zovaniyu strukturnogo analiza v sotsial'noy antropologii [Culture and Communication: The Logic by Which Symbols Are Connected, an Introduction to the Use of Structuralist Analysis in Social Anthropology]. Translated form English. Moscow: Izd. firma "Vostochnaya literatura" RANs.
10. Saussure, F. de. (1998) *Kurs obshchey lingvistiki* [General Linguistics]. Translated form French. Moscow: Logos.
11. Eliade, M. (1998) *Mefistofel' i androgin* [Mephistopheles and the androgyne]. Translated form French. St. Petersburg: Aleteyya.
12. Sagalaev, A.M. (1991) *Uralo-altayskaya mifologiya: Simvol i arkhetip* [Ural-Altai mythology: Symbol and archetype]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie.
13. Balakin, Yu.V. (2001) [On the possibility of applying the theory of archetypes in archeology]. *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii* [The space of culture in the archeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent territories]. Proceedings of the XII West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 222–224. (In Russian).
14. Bogoraz, V.G. (1939) *Chukchi. Religiya* [The Chukchi. Religion]. Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi.
15. Shternberg, L.Ya. (1936) *Pervobytnaya religiya v svete etnografii. Issledovaniya, stat'i, lektsii* [Primitive religion in the light of ethnography. Research, articles, lectures]. Leningrad: Izd-vo Istituta narodov Severa.
16. Lindenau, Ya.I. (1983) *Opisanie narodov Sibiri (pervaya pol. XVIII v.). Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century). Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East]. Magadan: Kn. izd-vo.
17. Karunovskaya, L.E. (1935) Predstavleniya altaytsev o vselennoy (Materialy k altayskomu shamanstvu) [Altaian's Representations about the Universe (Materials on Altai Shamanism)]. *Sovetskaya etnografiya*. 4–5. pp. 160–183.
18. Funk, D.A. (2013) *Shorskiy geroicheskiy epos* [Shor heroic epic]. Vol. 4. Kemerovo: Primula.
19. Anuchin, V.I. (1914) *Ocherk shamanstva u eniseyskikh ostyakov* [Essay on shamanism in the Yenisei Ostyaks]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.
20. Ergis, G.U. (1974) *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut folklore]. Moscow: Nauka.
21. Nam, E.V. (2017) *Kosmologiya i praktika Sibirskogo shamanizma* [Cosmology and practice of Siberian shamanism]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Novik, E.S. (2004) *Obryad i fol'klor v sibirskom shamanizme: opyt sopostavleniya struktur* [Rite and folklore in Siberian shamanism: the experience of comparing structures]. Moscow: Vost. lit.
23. Potanin, G.N. (1916) *Erke. Kul't neba v Severnoy Azii: Materialy tyurko-mongol'skoy mifologii* [The cult of the sky in North Asia: Materials of Turkic-Mongolian mythology]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela.
24. Potapov, L.P. (1991) *Altayskiy shamanizm* [Altai shamanism]. Leningrad: Nauka.
25. Shatilov, M.B. (1976) Dramaticheskoe iskusstvo vakhovskikh ostyakov [The dramatic art of the Vakhovsk Ostyaks]. In: Lukina, N.V. (ed.) *Iz istorii shamanstva* [From the History of Shamanism]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 155–165.
26. L'vova, E.L. et al. (1988) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir* [The traditional worldview of the Turks of southern Siberia. Space and time. The real world]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie.
27. Skott, J. (2005) *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalilis' proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition have Failed]. Translated form English. Moscow: Universitetskaya kniga.
28. Potanin, G.N. (1883) *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii* [Essays on Northwest Mongolia]. Is. IV. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma.
29. Popov, A.A. (1984) *Nganasany. Sotsial'noe ustroystvo i verovaniya* [Nganasans. Social structure and beliefs]. Leningrad: Nauka.
30. Sokolova, Z.P. (1998) *Zhivotnye v religiyakh* [Animals in religions]. St. Petersburg: Lan'.

Received: 21 July 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 177–187. DOI: 10.17223/15617793/447/21

УДК 001.32:910.4:622.3(470.13)«1940»

Л.П. Рощевская, А.А. Бровина, М.П. Рощевский

ЭКСПЕДИЦИЯ АН СССР НА ВОДНЫЙ ПРОМЫСЕЛ КОМИ АССР В 1940 г.

Работа выполнена при поддержке комплексной программы фундаментальных научных исследований «Научные исследования северных территорий европейской России в контексте геополитических интересов государства» (№ 0412-2015-0003).

Выявлены предпосылки, состав, итоги экспедиции ученых АН СССР на Водный промысел в Коми АССР в 1940 г. Установлена преемственность с Печорской бригадой Полярной Комиссии АН СССР (1933 г.). Изложена краткая история промысла, где в условиях ГУЛАГа репрессированные исследователи создали единственное в мире производство по добыче радия. Показано деловое общение специалистов по развитию новых направлений науки и созданию научных основ экономической модернизации северо-востока европейской части СССР.

Ключевые слова: Академия наук СССР; А.П. Карпинский; А.Е. Ферсман; В.Г. Хлопин; Г.А. Разуваев; Н.Н. Славянов; Коми АССР; Водный промысел; Ф.А. Торопов; М.Д. Крашенинников.

В первой половине XX в. потребность в расширении энергетических ресурсов побуждала ученых заняться поисками и изучением редкого радиоактивного химического элемента – серебристо белого металла радия. Первым русским ученым, понявшим значение радиоактивности, был академик В.И. Вернадский, по инициативе которого при Императорской академии наук в 1911 г. была организована Радиевая комиссия. С 1915 г. в ее работе приняли участие будущие академики: геохимик и минералог Александр Евгеньевич Ферсман, который обосновал необходимость применения геохимических методов при поисках месторождений полезных ископаемых, радиохимик, создатель первого в России радиевого завода Виталий Григорьевич Хлопин, который разрабатывал технологию промышленного получения радия и редких элементов. Одним из центров исследования ядерных проблем впоследствии стал Государственный радиевый институт в Ленинграде. После 1917 г. под руководством В.Г. Хлопина проведены исследования, касающиеся нахождения радия, урана и продуктов распада ториевого ряда в глубинных природных рассолах СССР, связанных с нефтяными месторождениями. Единственным таким месторождением были буровые воды нефтяных месторождений в пос. Чибью Автономной области Коми (соврем. г. Ухта Республики Коми), где в 1926 г. в межпластовых водах обнаружены соли радия в концентрациях, достаточных для промышленной добычи. Первый чистый радий из ухтинских вод был получен в институте. История освоения этих природных ресурсов до сих пор изучена недостаточно. Ухтинские месторождения в это время являлись «территорией ГУЛАГа», где разведку и добычу полезных ископаемых, в том числе радия, вели силами заключенных. В 1931 г. радиевый промысел был реорганизован в Ухтинско-Печорский исправительно-трудовой лагерь (Ухтпечлаг) и стал называться «Промысел № 2 им. ОГПУ». С 1940 г. Водный промысел отнесен к категории рабочих поселков, в 1944 г. получет название «Водный». В 1931–1953 гг. Водный промысел – это завод по осаждению радия из минеральной воды и получению радиевого концентрата и поселение осужденных при заводе.

В начале XX в. перед учеными стояли задачи комплексного изучения естественных производительных сил страны. От степени их использования зависит благосостояние и дальнейшее развитие. Практическому использованию сил природы всегда предшествует длительный период их изучения, процесс детальных исследований методов их использования на основе научного анализа широкого комплекса естественно-исторических данных и экономических условий. Предположения о неведомых богатствах северных территории России, сделанные первыми исследователями-натуралистами, были подтверждены научным сообщество в 1920–1930-х гг. В этой связи исследование истории первых научных экспедиций Академии наук СССР на северных территориях страны представляется актуальным. Одной из них была экспедиция в Коми АССР на Водный промысел, которая состоялась в 1940 г. под руководством академика А.Е. Ферсмана.

До сих пор сведения об этой экспедиции не были достоянием открытой печати. Поскольку она состоялась накануне войны, надо полагать, что приезд ученых был не случаен. Ученые решали научные стратегические задачи по изучению и использованию радия, созданию и усовершенствованию профильного промышленного предприятия. Цель и задачи настоящей статьи заключаются в раскрытии исторических фактов этого события, а именно: предпосылки, основные проблемы и итоги экспедиции; участие выдающихся ученых во внедрении фундаментальных знаний о «новом» веществе в практическую плоскость, в разработке методов добычи вещества, в развитии радиевого производства, анализе форм и результатов взаимодействия Академии наук СССР с уникальным промышленным производством.

Историография и источники

Сведения о радиевой промышленности в Коми АССР были секретными, но иногда становились известны и массовому читателю. В опубликованных материалах для агитаторов было сказано: «Заново выработан технологический процесс производства [в] радиевой промышленности» [1. С. 18]. В местной газете «За

новый Север» неоднократно писали о громадных запасах полезных ископаемых на промысле [2].

Издания ГУЛАГа не скрывали наличие месторождения под Ухтой, но научные проблемы были сформулированы только в первом номере производственно-технического журнала Ухто-Печорского треста «Недра Советского Севера». Основные статьи подготовили научные сотрудники Ухтпечтреста, фактические лидеры геолого-разведочных работ Н.Н. Тихонович, Ф.А. Торопов, Д.Г. Хомяков и др. Репрессированные исследователи выдвигали в своих статьях основные теоретические проблемы, возникавшие при освоении нового месторождения [3. С. 273–299]. В других ведомственных изданиях подчеркивали вклад научных исследований в промышленное освоение месторождения [4], большую научную работу, проделанную «коллективом инженерно-технических работников радиевого промысла и, в первую очередь, работниками Центральной химической лаборатории [на Водном промысле], разработавших и практически освоивших совершенно новые методы извлечения радия из радиоактивных вод Ухты» [5].

Открыто писать о месторождении радия в республике стали только в 1980-х гг., иногда упоминая о приезде ученых на промысел. Геологи характеризовали посещение ученых из центра как исследование Коми АССР [6], но не называли все имена участников [7. С. 3–9]. Научная литература содержит преимущественно описание технологии производства и обсуждение проблем радиационной безопасности на территории бывшего радиевого производства [8–11]. История промысла как подразделения ГУЛАГа освещена в работах А.Н. Кустышева [12].

Вопросы взаимодействия ученых Академии наук СССР с сотрудниками Водного промысла почти не привлекали внимания специалистов. Некоторые авторы относят экспедицию А.Е. Ферсмана к контролирующей комиссии и приписывают ей экспертные функции [13]. Впервые термин «комиссия» для обозначения экспедиции под руководством А.Е. Ферсмана появился в мемуарах специалистов, работавших с академиком Г.А. Разуваевым в г. Горьком [14. С. 213]. Неточности или умолчания в современных публикациях побуждают искать новые источники.

Документы по проблеме выявлены авторами в Государственном учреждении Республики Коми «Национальный архив Республики Коми»; Научном архиве ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; ведомственном архиве завода «Прогресс» (г. Ухта, Республика Коми); Музее истории освоения нефтяных запасов Ухтинского государственного технического университета; Музее истории поселка Водный. Их можно разделить на несколько групп: делопроизводственные документы, источники личного происхождения (переписка, дневники, мемуары), публикации в местной прессе. В совокупности выявленные источники позволяют охарактеризовать экспедицию ученых в 1940 г.

Краткая история Водного промысла

Честь открытия радия в ухтинских водах принадлежала Северной экспедиции АН СССР, когда в 1926–1927 гг. геолог А.А. Черепенников и радиолог Л.Н. Богоявленский на реке Ухта обнаружили наличие солей радия в достаточных концентрациях. В 1929 г. в этот район по инициативе ГУЛАГа прибыла первая партия заключенных для освоения месторождения. В дальнейшем развитии научных исследований на Водном промысле большую роль сыграла Печорская бригада Полярной комиссии АН СССР под руководством президента АН СССР А.П. Карпинского в 1933 г. [3]. Одному из участников бригады, сотруднику Государственного радиевого института химику П.И. Толмачеву, институт поставил задачу «изучения выходов природных вод и газов». Позднее он отмечал, что: «Содержащие радий воды Ухты являются новым видом сырья, впервые используемым у нас в Союзе. Поэтому в целом экспедиция, и я лично с особенным интересом еду изучать Ухтинский нефтеносный район и выходы рассольных вод» [15]. Печорская бригада осуществила крупное экспедиционное обследование Северного края, в который входила Автономная область Коми. Члены бригады внесли ряд предложений по включению природных богатств Севера в советскую экономику, показали, насколько необходимо привлечение крупнейших специалистов, а также средств для решения серьезных научных задач по выявлению перспектив развития и экономического потенциала территорий на базе передовых для того времени технологических разработок.

Для физического, радиологического и химического изучения вод, солей и концентратов Печорская бригада рекомендовала установить систематическое общение местных работников с соответствующими специальными научными институтами путем консультаций, обмена опытом; поездок на Ухту специалистов из центральных институтов для разработки отдельных тем и постановки исследовательских работ в центральных учреждениях Союза на основе детально разработанного общего плана работ по водам Ухты с учетом вклада местных научных ячеек. В постановлении говорилось, что «для изучения проблем, связанных с радиоактивными водами Ухты, необходимо привлечь для консультаций центральные научные и лечебные организации: несколько академических институтов, в том числе Радиевый институт (проф. В.Г. Хлопин и акад. В.И. Вернадский), Институт кристаллографии, минералогии и геохимии им. М.В. Ломоносова (А.Е. Ферсман), Гидрологический институт в Ленинграде, Бальнеологический институт в Пятигорске и другие». Кроме того, планировалось «усилить научное оборудование местных лабораторий новейшими приборами и соответствующей литературой при активном участии Академии наук». Наконец, в целях «общей увязки всей работы по изучению радиоактивных вод Ухты», создать опорный пункт Академии наук на Ухте [16]. По значению планируемых комплексных исследований резолюцию можно рассматривать как программу научного исследования радиевых вод на Ухте.

Ознакомившись с состоянием научно-исследовательской работы по изучению радиоактивных вод, технологии их переработки и физиологического воздействия, Печорская бригада Полярной комиссии Ака-

демии наук констатировала исключительное значение радиоактивных вод Ухтинского района как основного сырья для радиевой промышленности в СССР. Радиевое месторождение в Ухте в конце 1934 г. признано «наиболее интересным в научном и практическом отношении». После получения и обсуждения первых данных о составе радиоактивных вод месторождения на Ухте, Государственным радиевым институтом было организовано планомерное обследование вод Союза на радиоактивность. Таким образом, на основе обследования Ухтинского месторождения выросла большая геохимическая проблема, которая и разрабатывалась в институте под общим руководством акад. В.И. Вернадского и проф. В.Г. Хлопина. Систематическими работами, в которых принимали участие проф. В.И. Баранов, Б.А. Никитин, Л.В. Комлев и их сотрудники, удалось выяснить, что богатые радиоактивными веществами воды нефтяных месторождений представляют собой довольно обычное явление, которое до настоящего времени было пропущено радиологами. Попытка теоретического объяснения этого явления была дана Л.В. Комлевым. Академиком В.И. Вернадским была поставлена геохимическая проблема международного масштаба – создание геологической радиоактивной карты, которая дала бы географическое распределение радиоактивной энергии на земной поверхности [17].

Как видно из воспоминаний доктора технических наук З.В. Ершовой, отсутствие в стране «разведанных запасов радиоактивных руд привело к необходимости создания нового производства – получения радия-мезотория из природных вод Ухтинского месторождения». На московском Заводе редких элементов в 1934 г. организовали производство радиевых препаратов из концентратов, получаемых на Ухтинском месторождении, а затем в 1936 г. вернули в Ухту [18. С. 100].

Через несколько лет после приезда Печорской бригады, к 1940 г. на Водном промысле произошли значительные изменения. На 1 августа 1940 г. в Водном находилось 2 756 заключенных и 573 вольнонаемных [19. С. 39]. В 1942 г. населенный пункт Водный промысел отнесен к категории рабочих поселков и стал «центром радиевой промышленности союзного значения». На территории промысла действовали: завод концентратов по переработке радиоактивных вод с валовой продукцией 16 502,6 тыс. руб. в 1942 г.; кирпичный завод с производительностью 1,2 млн штук кирпича; электростанция с мощностью 1 700 кВт; паровая станция; лесорама, механическая, монтажная и деревообрабатывающая мастерские; овощной совхоз с пахотной площадью 103 га; социально-культурные и коммунально-бытовые учреждения; неполная средняя школа; больница и др. [20. С. 355–356]. Здесь был сосредоточен коллектив талантливых ученых и практиков. Среди них следует назвать основателя советской радиевой промышленности, химика-технолога, доктора технических наук И.Я. Башилова (1892–1953). После ареста в октябре 1939 г. его перевели в химическую лабораторию Водного промысла [21]. Интеллектуальное ядро производства составляли ученые с мировыми именами: доктор геологических наук, профессор-геохимик И.И. Гинзбург, инженер-химик, доктор технических наук Ф.А. Торопов, начальник производства завода концентратов, химик-органик, будущий академик Г.А. Разуваев и др. Многие химики до ареста работали в крупных научных учреждениях за рубежом и хорошо знали уровень мировой науки.

Крупнейшим научным подразделением промысла являлась центральная химическая лаборатория, в которой производилось исследование вод. Здесь трудилось несколько десятков человек. Был накоплен громадный материал об учете и анализах воды [22]. Богатство собранных данных подчеркивал в июле 1939 г. начальник химической лаборатории Ф.А. Торопов: «У нас имеются огромные материалы, которые находятся под спудом, хотя они и систематизированы, но еще не известны широкой публике. Нигде нет такого богатого материала по изучению радиоактивности, как на Ухте» [23]. В лаборатории проходили научные коллоквиумы, во время которых обсуждали исследования, проведенные на Водном промысле [24]. Для проведения разнообразных опытов, научных исследований и создания новой технологии производства репрессированные исследователи комплектовали в химической лаборатории научную библиотеку. В библиотеке насчитывалось до 1 200 названий, и сотрудники были знакомы с мировой наукой.

Государственный радиевый институт содействовал научному росту исследователей из Водного. В октябре 1939 г. Ф.А. Торопов побывал в Москве и встретился с В.И. Вернадским. В дневнике 14 октября 1939 г. академик отразил две главные темы беседы. Первая была посвящена научным проблемам: «Вчера утром Фед[ор] [Александрович] Торопов – с ним о его докторской: новая методика, огромн[ая] лаборатория (50 чел[овек]) и новые технологии <…>. С ним о *RaMsThP* (радий-мезоторий I). О его докторстве – все работы секретные. Особым образом?». Вторая тема разговора – условия содержания в лагере: «Не выпускают (за пределы поселка), и условия тяжелые. Квартира есть, но еды недостаточно. Все НКВД поставлены как люди второго ранга, отдельное второго сорта питание. До Ежова можно было в лаборатории вести научную атмосферу. Берия ничего не изменил» [25].

В лагере Ф.А. Торопов и Г.А. Разуваев написали монографию «Методы получения радия кристаллизацией, обогащение до чистого радия». Работа была напечатана на машинке и имела гриф «для служебного пользования» [14. С. 35]. В рукописи была обнародована новая тематика, показан вклад в развитие научных знаний. Академик Г.А. Разуваев вспоминал: «Торопов сделал докторскую диссертацию тут же в Чибью по сланцам и она была утверждена ВАКом без защиты». Данное событие состоялось в 1940 г. Тогда же Торопова избрали членом ученого совета Государственного радиевого института [26].

Встреча с В.И. Вернадским в какой-то степени предопределила цели, задачи и состав новой экспедиции ученых на Ухтинское месторождение. В 1940 г. предполагалось обсудить научные проблемы, выяснить итоги изучения радиоактивных вод и перспективы дальнейшей работы. Цель поездки в полном объе-

ме осталась неизвестной, так как относилась к секретным разделам исследований. Участник экспедиции геолог А.А. Чернов считал, что задача заключалась в исследовании «происхождения радиоактивных вод, их циркуляции и запасов» [27].

Накануне приезда ученых 2 марта 1940 г. на промысле состоялось совещание, на котором обсудили результаты хозяйственной деятельности за 1939 г. В совещании участвовали бывший начальник о**тдельного лагерного пункта** (ОЛП № 10) майор госбезопасности А.В. Михайлюк, вновь назначенный начальник капитан госбезопасности Н.Д. Дорофеев, старший инженер М.Д. Крашенинников, начальник центральной химической лаборатории Ф.А. Торопов и начальник химических заводов В.С. Кремень. Основное сообщение сделал Крашенинников. Он привел данные о том, сколько ежегодно получено радия от всех химических заводов и сколько выпущено готовой продукции за 1936–1939 гг. [28]. Создается впечатление, что руководители Водного промысла предпочитали самим себе составить четкую картину производства.

Состав экспедиции

В составе экспедиции от Академии наук СССР отправились девять человек: академики А.Е. Ферсман, В.Г. Хлопин и Д.С. Рождественский, профессора Н.Н. Славянов, В.И. Баранов, В.Н. Васильев, Л.В. Комлев, А.А. Чернов, а также Е.М. Рожанская. Дадим краткую характеристику каждого ученого.

Академик А.Е. Ферсман еще в 1933 г. инициировал необходимость комплексного обследования северо-востока Европейской России и организацию комплексной экспедиции Полярной комиссии АН СССР. С ним вели длительные переговоры о включении в состав бригады, но личный приезд не состоялся в связи с его занятостью, а затем болезнью. Тем не менее его громадный научно-организационный опыт, приобретенный при освоении богатств Кольского полуострова, конечно, был учтен в 1933 г. В 1940 г. А.Е. Ферсман возглавил экспедицию, о которой идет речь.

Другой участник экспедиции, академик В.Г. Хлопин, был не менее знаменит в научных и производственных кругах. Под его руководством была разработана технология промышленного получения плутония из урана. Ему принадлежит честь открытия и первых исследований радийсодержащих вод. Недаром, как видно из разрозненных документов завода «Прогресс», работавшего в пос. Водный, Комитет по изобретательству при Совете труда и обороны прислал на промысел патент В.Г. Хлопина с описанием способа очистки и отделения радия от бария.

Физик, один из организаторов оптической промышленности в СССР, академик Д.С. Рождественский (1876–1940) организовал и возглавлял в 1918–1932 гг. Государственный оптический институт – научное учреждение нового типа, совмещающее в одном коллективе фундаментальные исследования и прикладные разработки. Он получил принципиально новые данные о строении атомов, связал теоретические представления с практическими задачами спектрального анализа. Он внес крупный вклад в теорию и систематику атомных спектров. Много лет он преподавал в Петербургском университете, а после 1917 г. осуществил реформу в преподавании физики, а также создал прообраз современной аспирантуры [29].

Геолог и гидрогеолог, член-корреспондент Н.Н. Славянов (1878–1958) служил в Геологическом комитете, Институте геологических наук АН СССР (1933–1946). В 1933–1935 гг. руководил мерзлотными исследованиями вдоль трассы Байкало-Амурской магистрали, изучал минеральные воды СССР, их химический состав и классификацию. Успешно сочетая геологический, гидрогеологический и гидрометеорологический подходы, Славянов значительно расширил принципы и методы изучения минеральных вод, способы их рациональной добычи, вывода на поверхность Земли и возможность эксплуатации. Он предложил оригинальный подход к изучению химического состава минеральных вод, их терминологию и классификацию применительно к использованию в бальнеологии. Исследования Н.Н. Славянова способствовали развитию многих курортов страны [30, 31]. Участие в поездке Н.Н. Славянова как основоположника новой науки бальнеологии подчеркивает, насколько серьезно в то время стоял вопрос об организации под Ухтой нового медицинского учреждения.

Пятый участник экспедиции – геохимик, ученик В.И. Вернадского, доктор геолого-минералогических наук, профессор Ленинградского университета Л.В. Комлев (1904–1979). С 1929 г. работал в Государственном радиевом институте, занимался распределением урана и тория в гранитоидных породах.

Геохимик В.И. Баранов (1892–1972), сотрудник Государственного радиевого института, создал кафедру радиометрии в Московском геологоразведочном институте. В 1935 г. Баранов стал доктором наук и преподавал в Московском университете до 1972 г. В 1933–1941 гг. он был научным руководителем радиологической лаборатории Центрального института курортологии. Баранов не успел присоединиться к Печорской бригаде в Чибью, так как прибыл туда позже, но в курс дела на Водном промысле его ввел И.И. Гинзбург. Баранов разработал собственную очень емкую и важную программу исследования радиоактивной воды на промысле [3. С. 222–223]. Ученый изучал радиоактивность природных вод, почв и горных пород, участвовал в составлении инструкций и руководств по радиометрии, по терминологии в области измерения ионизирующих излучений, по работе с радиоактивными изотопами. Под его руководством и при участии выполнены первые работы по радиоактивности вод нефтеносных районов, по изучению поведения радона в человеческом организме после приема радоновых ванн.

Геолог Александр Александрович Чернов (1877–1963) интересовался радиоактивностью полезных ископаемых. В 1914 г. он был участником Московской экспедиции по отысканию радия в Фергане. С 1921 г. Чернов заложил основы современных представлений о геологическом строении и перспективах развития минерально-сырьевой базы северо-востока Европей-

ской России. Поездка в составе Печорской бригады ему не удалась, но пропустить подобную экспедицию в 1940 г. он уже не смог. В одном из отчетов он писал, что был в составе бригады А.Е. Ферсмана в марте 1940 г. Научные интересы Чернова в большей степени были вызваны желанием подробнее ознакомиться с накопленными в геологическом отделе Водного промысла образцами и кернами. Специфика технологического процесса добычи радия его, видимо, интересовала меньше.

Экономист В.Н. Васильев (1899 – после 1960) был проректором Горного института (1927–1930), директором института «Гипроруд» (1931–1933). С 1933 г. он являлся ученым секретарем Совета по изучению производительных сил АН СССР (СОПС). Деятельность Васильева на посту ученого секретаря СОПС была достаточно успешна, но в 1937 г. его якобы за связь с врагами народа сняли с должности. В 1938 г. восстановлен на работе, назначен ученым секретарем Отделения геолого-географических наук АН СССР. Как участник Печорской бригады он писал: «…огромные потенциальные возможности Печоры дают полную гарантию развития там социалистической индустрии», поэтому особенно важно «установить действительную оперативную связь с краевыми организациями для обеспечения необходимых масштабов и сущности экспедиционной работы Академии наук в Северном крае» [15].

На Водный промысел ездила Е.М. Рожанская (урожд. Ильницкая, по второму браку Ферсман) (1903–1980). В 1931 она получила специальность химика-лаборанта, в 1933–1934 гг. работала секретарем Уральского филиала АН СССР, в начале 1930-х гг. вышла замуж за А.Е. Ферсмана. В дальнейшем – неофициальный референт своего мужа, являлась младшим научным сотрудником Геологического музея им. А.П. Карпинского АН СССР. Во время поездки в Ухту выполняла обязанности секретаря бригады. После кончины А.Е. Ферсмана принимала деятельное участие в публикации его научного наследия.

Главный вывод из этих кратких биографических справок таков. Поездку 1940 г. можно однозначно считать продолжением Печорской бригады Полярной комиссии АН СССР. Налицо кадровая преемственность. Очевидно, что ставились близкие научные проблемы. Ученые стремились внести ясность в научные проблемы происхождения радия-мезотория, высказать новейшую точку зрения на научные открытия, сделанные репрессированными исследователями за колючей проволокой, признать их. Еще одна стратегическая проблема – выяснение возможности увеличения добычи радия из ухтинских вод.

Деятельность в ходе экспедиции

На Водном промысле экспедиция находилась 4–7 марта 1940 г. Ученые побывали на буровых вышках, обошли все производство, познакомились со сложным обеспечением производства энергией, посетили центральную химическую лабораторию, завод по переработке радиевых концентратов, больницу. Во время осмотра нефтяных вышек и вышек по забору воды их сопровождали старший инженер буровой колонны К.И. Попов и инженер по бурению Галушкин.

Главным инженером в июле 1938 – марте 1944 гг. был Михаил Дмитриевич Крашенинников (1898–1953). Он окончил Московское высшее техническое училище, работал на 1-й Московской государственной электрической станции им. Г. Смидовича. Арестован в марте 1933 г., отбывал наказание на Водном промысле. Освобожден 1 сентября 1936 г. Остался работать по вольному найму. В 1936–1938 гг. – начальник электромеханической колонны промысла. В 1936–1942 гг. под его руководством построены и расширены дизельные станции и освоено крупное компрессорное хозяйство для добычи воды, что обеспечило быстрое развитие производства. С 1936 г. добыча радиоактивной воды увеличилась почти в два раза. Характеризовался как высококвалифицированный инженер с широким кругозором и большими организаторскими способностями. М.Д. Крашенинников обеспечил освоение глубоко-вращательного бурения, постройку нового завода концентратов, двух компрессорных станций, воздухо- и водопроводов и электросети в несколько десятков километров. По его инициативе на промысле провели успешное бурение на газ, что дало возможность сэкономить значительное количество мазутного топлива в котельных. В 1943 г. награжден орденом «Знак Почета». С 1944 г. – начальник, с февраля 1946 г. – главный инженер Водного промысла.

Центральной химической лабораторией в 1932–1947 гг. руководил главный технолог завода Федор Александрович Торопов. Еще до Первой мировой войны он защитил диссертацию и получил ученое звание «доктора философии с отличием». Одно из его первых научных исследований 1915 г. вошло в довоенные немецкие и русские учебники. В 1917–1929 гг. занимал пост выборного директора, затем главного инженера крупных химических заводов. В 1929 г. арестован и доставлен на Водный промысел. Разносторонняя эрудиция, творческая инициатива позволили ему вести работы самого различного профиля. Коллеги отмечали, что Торопову было присуще исключительно глубокое понимание существа явления, что позволяло ему предлагать наиболее простые и правильные решения.

В 1947 г. научные сотрудники Ухтинского комбината Ф.А. Торопов и М.Д. Крашенинников за разработку нового метода получения химического продукта получили Сталинскую премию.

Для выяснения происхождения радиоактивной воды члены экспедиции познакомились с геологическим положением района, спецификой расположения водяных вышек, качавших воду. Эту информацию они получили от главного геолога завода Александра Васильевича Кулевского (1897–1944). В 1923–1925 гг. он учился в Географическом институте. Арестован в 1928 г. и осужден на 10 лет лагерей, отправлен на Соловки. В июне 1929 г. этапирован на Ухту. Его называли летописцем Ухтинской экспедиции. Колонизован в 1932 г., возглавил геологическую службу 3-го промысла (Ярегского месторождения). Предложил опыты с термообработкой пласта. В 1937 г. стал од-

ним из соавторов проекта нефтяной шахты на Яреге. Повторно приговорен в 1938 г. к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Направлен в Воркутпечлаг, занимался разведкой нефти в районе Еджыд-Кырта Коми АССР [32].

К середине 1930-х гг. в СССР основной областью применения радия являлась медицина. Именно в это время начинаются физиологические исследования и поиск оптимальных условий для курортно-санаторного поддержания здоровья. Развертываются геолого-разведочные работы, ухтинские минеральные воды выводятся на поверхность земли путем глубинного бурения. Воды начинают использовать с лечебно-профилактическими целями. Поэтому помимо центральной химической лаборатории участники экспедиции ознакомились с больницей и первой в Коми АССР физиологической лабораторией. Подробную информацию приехавшим специалистам по курортологии Н.Н. Славянову и В.И. Баранову давал бывший репрессированный врач Лев Львович Давыдов, арестованный в декабре 1934 г. в Москве после убийства С.М. Кирова. В 1936 г. он прибыл в Ухтижемлаг и с осени 1938 г. заведовал физиологической лабораторией и бальнеологическим стационаром. После освобождения Давыдов остался работать на Водном врачом.

Выяснилось, что проблема лечебного применения ухтинских минеральных вод стояла в планах работы промысла с 1931 г. и с этого времени в Ухте занимались бальнеологией, т.е. разделом медицины, изучающим целебные минеральные воды с целью их лечебно-профилактического применения. В 1933 г. Водный промысел посетили сотрудники Центрального института курортологии из Москвы. В изучении медицинского воздействия ухтинской воды на здоровье тогда участвовал основатель института В.А. Александров, который усовершенствовал применявшуюся за рубежом классификацию лечебных минеральных вод.

В развитии физиологических исследований о влиянии радиоактивной воды большую роль сыграли несколько врачей лаборатории. В отчете о работе в 1937 г. Давыдов писал, что за год амбулаторию посетили 5 989 вольнонаемных и 7 171 заключенных [33]. Врачи изучали эффективность лечения радиевыми водами, наличие токсичности или стимулирующих факторов лечения, исследовали влияние вод на болезни кожи, подагру, гинекологические и венерические заболевания, катары верхних дыхательных путей, ревматизм и ишиасы. Диспансеризация рабочих имела основной задачей «предупреждения возможных случаев радиевого отравления» [34. Л. 256].

Л.Л. Давыдов пришел к выводу, что для установления общей характеристики радиевого производства можно использовать богатые статистические данные завода и собственные результаты, предлагал подчинить научно-исследовательскую работу лаборатории производственным интересам. Врач одним из первых обратил внимание на то, что ранее даже не ставился вопрос о предельных дозировках, допускаемых при лечении водами.

Давыдов писал, что «физиологическое воздействие радия на человеческий организм» является «основной проблемой профессиональной вредности радиевого производства» и поэтому должны быть «пересмотрены с этой точки зрения все имеющиеся нормы и методы радиотерапии» [35]. Он предлагал каждого рабочего провести через обследование не менее четырех раз в год. Следовательно, с 1937 г. основное направление исследований физиологической лаборатории изменилось. Акцент был сделан на определение вредного, а не лечебного свойства радиоактивной воды. Исследования лаборатории привели к пониманию токсичности воды: «…от лечения ваннами пришлось отказаться» [34. Л. 261].

В ходе этих осмотров и многочасовых бесед с репрессированными исследователями происходил обмен мнениями, шли дискуссии по многим вопросам. О взаимоотношениях ученых из центра и репрессированных исследователей говорит такой факт. Г.А. Разуваев, находившийся в Водном, много лет спустя рассказал молодым коллегам, что «однажды завод посетила комиссия, в состав которой входил директор Радиевого института АН СССР академик Виталий Григорьевич Хлопин. Увидев Григория Алексеевича, он отделился от остальных членов комиссии, подошел к нему и крепко пожал руку» [14. С. 213]. Этот эпизод свидетельствовал о гражданской солидарности ученых.

Научные результаты экспедиции под руководством А.Е. Ферсмана имели преимущественно стратегическое значение и были засекречены. Поэтому в местных архивах не обнаружено протоколов заседаний, проектов постановлений и решений.

Но один документ, выставленный в экспозиции музея истории поселка Водный, может дать надежную информацию. О достаточно широком круге общения говорит фотографическая карточка, на которой с приезжими запечатлено одиннадцать репрессированных исследователей и руководящих сотрудников промышленного производства (рис. 1). Фотография выполнена на Водном промысле. Фоном служил традиционный для того времени агитационный транспарант по итогам соревнования за годы «третьей Сталинской пятилетки» [36].

Из жителей Водного промысла помогал в работе бригады из Москвы начальник химических заводов и секретарь комитета ВЛКСМ В.С. Кремень. Он выполнял эту общественную нагрузку с 1938 г. и, судя по документам, считался выдвиженцем комсомольской организации. Вначале на промысле было всего 20 комсомольцев. Зимой 1939–1940 гг. стали прибывать свободные молодые люди, комсомольская организация настолько увеличилась, что в феврале 1940 г. началось создание цеховых комсомольских бюро [37]. Участникам экспедиции был полезен опыт химика-технолога Н.М. Щура (1894 – после 1974), который с декабря 1933 г. отбывал наказание на Водном промысле. Как квалифицированный инженер-химик, он имел хорошую теоретическую подготовку и богатый практический опыт переработки радиоактивной воды. В 1940–1950-е гг. руководил работой всех химзаводов, ввел многочисленные нововведения в технологию переработки вод: насыщение воды в колонках, нефтеловушки, распределители воды постоянного уровня, ступенчатые водомеры собственной конструкции [38. С. 151].

Рис. 1. Научные сотрудники АН СССР и репрессированные исследователи. Пос. Водный промысел Коми АССР. Март 1940 г.

Сидят слева направо: репрессированный главный технолог завода Ф.А. Торопов, акад. А.Е. Ферсман, начальник промысла капитан госбезопасности Н.В. Дорофеев, акад. В.Г. Хлопин, акад. Д.С. Рождественский, проф. Н.Н. Славянов, репрессированный проф. И.Я. Башилов.

Стоят слева направо: репрессированный главный инженер завода М.Д. Крашенинников, сотрудник Государственного радиевого института проф. В.И. Баранов, репрессированные старший инженер буровой колонны К.И. Попов, главный геолог завода А.В. Кулевский, инженер по бурению Галушкин, начальник участка концентратов В. Михайловский, главный врач больницы Л.Л. Давыдов, начальник химических заводов и секретарь комитета ВЛКСМ В.С. Кремень, неизвестный, старший технолог колонны эксплуатации промысла Н.М. Щур, сотрудник Радиевого института проф. Л.В. Комлев

Постоянно сопровождал гостей начальник Водного промысла капитан, затем майор государственной безопасности Н.В. Дорофеев. Сведения о нем лаконичны. Известно, что в конце 1943 г. он стал заместителем начальника Ухтокомбината и ездил в Ленинград в связи с доставкой двух эшелонов нефти и нефтепродуктов, добытых сверх плана. В 1944 г. был награжден орденом «Знак Почета» «за успешное выполнение заданий правительства». Как рассказывал бывший директор завода «Прогресс» Н.Е. Волков, Дорофеев был «строгий, но не страшный». Он дважды добился отмены мобилизации Волкова на фронт, признавая его важным специалистом, знающим компрессорное хозяйство промысла.

Появление в Ухте крупнейших ученых мира было отмечено в духе того времени: состоялось объединенное партийное собрание Ухтинского района и политотдела Ухтижемлага НКВД. На собрании присутствовали 152 коммуниста и 121 кандидат в члены партии. Была предоставлена возможность выступить секретарю партийной организации Водного промысла Суранову. Он обратил внимание на слабую подготовку специалистов из местных кадров, на то, что в лагере недостаточно уделяют внимания молодым специалистам. На промысле не ощущается опоры на коммунистов. Политотдел все внимание при подборе кадров в лагере уделяет старым специалистам, а коммунистов обходят стороной. В качестве примера оратор рассказал, что коммуниста начальника завода концентратов Михайловского при решении крупных проблем и вопросов по организации работы производства «обходят стороной» [39].

Работа экспедиции отражена в нескольких статьях. А.А. Чернов писал, что «радиоактивные воды, обнаруженные в Коми АССР, пока единственное в мире месторождение, где радий находится в значительных количествах и в таком составе других солей, который представляет большое удобство для его извлечения» [40]. Он подчеркивал, что радиоактивные воды занимают особое место среди природных богатств Коми АССР.

Первая статья А.Е. Ферсмана, видимо, появилась в центральной газете «Индустрия» [41], затем перепечатана в местной газете «За Ухтинскую нефть» [42]. Ферсман писал о поездке в радужных тонах. Приближаясь к промыслу, ученые увидели вдали вышки и залитые электрическим светом домики. «Исключительному энтузиазму работников, смелости техниче-

ской мысли обязаны мы возникновению сложнейшего промышленного предприятия в условиях, когда каждый гвоздик, каждый лист железа нужно было доставлять за тысячи километров». Ферсман следующим образом охарактеризовал радиевый промысел: «Водные промыслы Ухты занимают пространство в несколько тысяч квадратных километров. Здесь пробурены многочисленные скважины, некоторые глубиной до 750 и более метров. При помощи насосов или эрлифта вода выкачивается в отстойники, затем подается на заводики. Отсюда концентрат поступает на центральный завод, который путем различных длительных процессов извлекает сверкающие соли бромида, состоящие из смеси радия и мезотория. В особых свинцовых толстостенных ящиках радий поступает в Радиевый институт Академии наук <…>. Даже при далеко еще не совершенном технологическом процессе процент извлечения радия из ухтинской воды выше того, что достигается на радиевых заводах, работающих на богатых рудах. Себестоимость радия по сравнению с мировыми ценами вполне приемлема и оправдана» [43].

Экспедиция под руководством А.Е. Ферсмана пришла к выводу, что на Водном промысле создана новая технология получения радия, являющаяся технической революцией в радиевой промышленности. Ученые, посетившие Водный промысел в 1940 г., пришли к выводу, что геохимические процессы обогащения местных вод солями радия и мезотория носят не частный, а региональный характер, охватывают значительную территорию, а радионосные рассолы сопряжены с образованиями скопления нефти и газа [12. С. 167].

28 апреля 1940 г. на общем собрании Академии наук СССР академик А.Е. Ферсман ознакомил «с одним крупнейшим завоеванием, сделанным советскими химиками и геологами в области радиевой промышленности». Он говорил: «Мы можем сейчас прямо сказать, что старые нормы и принципы технологической работы в области овладения радием являются опрокинутыми не какими-либо теоретическими предпосылками, а реальными фактами – построенным и успешно работающим в крупных масштабах заводом. Мы можем прямо сказать, что если в самых [богатых] рудах Северной Канады и Бельгийского Конго для добычи одного грамма радия требуется 4–6 тонн руды, то здесь один грамм радия требуется из 250 тыс. тонн сырья, т.е. из такого рассеяния, которое, казалось бы, лежит вне всяких возможностей и над которым смеялись радиологи и хозяйственники Запада, когда мы рассказывали о смелых предложениях страны Советов создать радиевую промышленность путем извлечения этого металла из соляных вод». Этот доклад опубликован в журнале «Известия АН СССР» [44]. Как вспоминала одна из участников этого собрания, «А.Е. Ферсман рассказал много интересного о нефтеносном районе Ухтинского месторождения, в водах которого содержатся запасы радия. Он высказал предположение о существовании подземного моря, питающегося, по-видимому, водами, проходящими через мощные слои урановых и ториевых минералов» [18. С. 99]. Все названные публикации появились в открытой печати и были призваны обосновать неисчерпаемые богатства недр на территории СССР, а также гарантировать успешное освоение сырья.

3 апреля 1940 г. заместитель директора Государственного института редких металлов А.И. Розенблюм подписал заключение об экспертизе технологической части технического проекта кристаллизации завода концентратов Водного промысла. Автор счел проект «крайне интересным», «потому что единственным источником товарного радия в СССР в настоящее время является Ухтинское радиевое водное месторождение <…> служащее сырьевой базой для получения радия». Авторы заключения уточнили, что технологический проект значительно шире своего скромного названия, так как предполагает не только расширение кристаллизационного отделения, но и строительство и монтаж нескольких новых установок. Предложенная схема получения радия признана наиболее рациональной, значительное увеличение размеров чаш для выпаривания – оправданным, а расположение аппаратуры и системы труб – удобным [28].

После возвращения в Москву А.Е. Ферсман отправил на промысел свое исследование с дарственной надписью: «В библиотеку геологического отдела Водных промыслов Ухты от автора. 27 марта 1940 г.» [45]. Ныне монография хранится в музее Ухтинского государственного технического университета.

Личные деловые контакты репрессированных исследователей и сотрудников Государственного радиевого института продолжались и после Великой Отечественной войны. Г.А. Разуваев вспоминал: «Начальник лагеря послал меня в Москву сопровождать поезд с продукцией завода. В Москве я зашел к [академику] Александру Николаевичу Несмеянову (знакомы были издавна). Он спросил, могу ли я отыскать оттиски моих публикаций. Комплект оттисков нашелся у одного коллеги – и академик Несмеянов велел мне по ним немедленно защищаться <…> Кандидатом химических наук я стал еще в 1945, будучи формально ссыльным». В воспоминаниях супруги Разуваева, Елены Владимировны, имеется очень ценное дополнение: «Находясь в ссылке, Г.А. Разуваев вернулся к научной работе и, благодаря поддержке давних друзей (академиков А.Н. Несмеянова, Д.Н. Курсанова и других), сумел в феврале 1945 г. за два месяца до окончания войны защитить кандидатскую диссертацию» [14. С. 284]. Следует подчеркнуть, что в годы войны Курсанов работал в Базе АН СССР по изучению Севера им. С.М. Кирова в г. Сыктывкаре. Из Водного Разуваев написал заявление на защиту докторской. Через некоторое время он был освобожден. Докторскую диссертацию защитил в 1946 г. по совокупности шестидесяти опубликованных работ.

Технологические открытия на Водном промысле отмечены в справочной литературе. Работами Государственного радиевого института и ученых АН СССР установлена широкая распространенность радиоактивных вод, приуроченных к нефтяным месторождениям, разработаны методы анализа радиоактивного сырья и ряд технологических приемов получения радиоактивных веществ. «Крупным успехом Института является полная расшифровка процесса дробной

кристаллизации, являющегося основным процессом промышленного получения радия» [46].

В декабре 1948 г. И.В. Сталину представили проект организации на Ухтинском Водном промысле МВД СССР производства радия из урановой руды. С этого времени началась реконструкция завода. В июне 1949 г. Совет Министров СССР организовал комиссию сотрудников Всесоюзного института гидрогеологии и инженерной геологии, Государственного радиевого института и химиков промысла. Комиссия работала на Водном с 15 июля 1949 г. Коллектив возглавлял Л.В. Комлев. Документы и материалы А.Е. Ферсмана, полученные в 1940 г., были привлечены для работы. В заключении сказано, что за 18 лет эксплуатации промысла получено 211 грамм эквивалентов высококачественных препаратов смеси радия и мезотория, получен обширный геохимический материал по многочисленным месторождениям радиевых вод Союза с лабораторными исследованиями процесса выщелащивания радия и его изотопов из пород и минералов [47]. Обширный геохимический материал и лабораторные исследования позволили разработать вполне научную теорию, которая получила общее признание в стране [48. С. 190].

Итак, анализ выявленных документов и биографических данных показал, что группой выдающихся геохимиков страны под руководством академика А.Е. Ферсмана в ходе экспедиции были проанализированы и оценены уникальные результаты изысканий на радиевом месторождении в Ухте. Несмотря на кратковременность экспедиции, ученым удалось обобщить накопленный опыт и суммировать результаты с точки зрения их результативности и применимости. Одновременно были поставлены новые научные и практические проблемы в изучении и использовании радия, внедрении инновационных технологий, создании и усовершенствовании профильного промышленного предприятия. Экспедиция АН СССР на Водный промысел Коми АССР в 1940 г. способствовала созданию научных основ экономической модернизации северо-востока европейской части СССР и явилась крупным событием в истории науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культурное строительство в Коми АССР / сост. П.П. Попов, Г.С. Юхнин. Сыктывкар, 1939. 25 с.
2. Иевлев А. Когда еще не было секретов. Из истории радиевого промысла в п. Водный // Вестник Института геологии. 2006. № 7. С. 19–22.
3. Рощевский М П., Рощевская Л.П., Бровина А.А. Печорская бригада академика А.П. Карпинского. Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2015. 646 с.
4. Строительство жел[езно]-дор[ожной] линии Котлас–Кожва. Очерки по истории строительства и экономике края / Главное управление лагерей железнодорожного строительства. Севжелдорстрой НКВД СССР. – [пос.] Железнодорожный, 1942 г. С. 6–7.
5. Ухтинский комбинат за 15 лет (1929–1944 гг.). Альбом. Ухто-Ижемский лагерь НКВД СССР, 1944 // Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (ГУ РК «НА РК»). 2-е хранилище. Ф. 3728. Оп. 1. Д. 1611. 81 л.
6. Остащенко Б. Ради единого грамма радия // Красное знамя. Сыктывкар. 1983. 8 ноября.
7. Юшкин Н.П. Экспедиция А.Е. Ферсмана в Коми АССР важнейшая веха в развитии минералогических исследований на Европейском Севере // Топоминералогия и минералы рудоносных регионов. Сыктывкар : Коми филиал АН СССР, 1984. 134 с.
8. Евсеева Т.Н., Таскаев А.И., Кичигин А.И. Водный промысел. Сыктывкар, 2000. 39 с.
9. Таскаев А.И., Кичигин А.И. Водный промысел: производство радия в Республике Коми. Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2002. 32 с.
10. Кичигин А.И., Таскаев А.И. «Водный промысел»: История производства радия в Республике Коми (1931–1956 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 4. С. 3–30.
11. Жуковский В.М. Водный промысел. Первое промышленное радиохимическое производство в России. Екатеринбург, 2002. 96 с.
12. Кустышев А.Н. Ухтижемлаг – лагерь принудительно труда // Покаяние. Мартиролог / сост. М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 2009. Т. 9, ч. 1. С. 17–175.
13. Жуковский В.М. Становление радиохимического производства в России // Вести Уральск. отд. РАН. 2003. № 3. С. 58–71.
14. Воспоминания об академике Григории Алексеевиче Разуваеве / ред. О.М. Нефедов. М., 1994. 352 с.
15. Красный Север. Вологда. 1933. 9 июня.
16. Постановление Печорской бригады по итогам работ в Ухтинском районе п. Чибью, 1 июля 1933 г. // Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 5931. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–4.
17. Университеты и научные учреждения / Наркомпрос РСФСР. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л.; М. : Объединенное научно-техн. изд., 1935. URL: http://leftinmsu.narod.ru/library_files/books/Universytety_narkompros_files/Universytety_narkompros.html
18. Академик В.Г. Хлопин. Очерки, воспоминания современников / ред. А.М. Петросьянц. Л., 1987. 231 с.
19. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар, 1997. 190 с.
20. Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т. 1: июль 1938 – апрель 1945. Сыктывкар, 1998. 639 с.
21. Башилов И.Я. «Посмотрите же на мои дела!» // Химия и жизнь. 1989. Вып. 11. С. 22–31.
22. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.
23. Письмо заместителя председателя Госплана при СНК Коми АССР Н. Трошева заведующему химической лабораторией Ф.А. Торопову о подготовке к изданию стенограммы выступления. 1 августа 1939 г. // Ведомственный архив завода «Прогресс».
24. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 32. 69 л.
25. Вернадский В.И. Дневник. URL: http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/authors/vernadsky/1939.htm
26. Сквозь серебряную стужу. К 70-летию поселка Водный / руков. проекта А.Д. Артемьев. М., 2001. 123 с.
27. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 10. Д. 242. Л. 9–10.
28. Отчет за 1939 г. по основной деятельности // Ведомственный архив завода «Прогресс». Д. 370.
29. Гуло Д.Д., Осиновский А.Н. Дмитрий Сергеевич Рождественский (1876–1940). М., 1980.С. 88–104.
30. Горная энциклопедия. URL: http://www.mining-enc.ru/s/slavyanov/
31. Большая медицинская энциклопедия / ред. Б.В. Петровский. 3-е изд. Т. 23. URL: // http://xn--90aw5c.xn--c1avg/index.php
32. Репрессированные геологи / Всерос. науч.-исслед. геол. ин-т им. А.П. Карпинского (ВСЕГЕИ), Всерос. геол. о-во (РосГео) / сост. А.И. Баженов, Л.П. Беляков, С.П. Гладкий и др.; гл. ред. В.П. Орлов; 3-е изд., испр. и доп. М. ; СПб., 1999. 450 с.
33. ГУРК «НА РК». Ф. 1668. Оп. 1. Д. 488. Л. 28
34. ГУРК «НА РК». Ф. 1668. Оп. 1. Д. 520. Л. 256, 261.
35. ГУРК «НА РК». Ф. 1668. Оп. 1. Д. 598. Л. 5.
36. Крашенинникова Ю.А. Водный промысел в лицах: Михаил Дмитриевич Крашенинников // Покаяние: Мартиролог / сост. М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 2010. Т. 9, Ч. 2. 762 с.

37. ГУРК «НА РК». Ф. 1464. Оп. 5. Д. 3. Л. 50
38. Историко-культурный атлас г. Ухты / ред.-сост. И.Д. Воронцова. Ухта, 2009. 507 с.
39. ГУ РК «НА РК». Ф. 825. Оп. 2. Д. 20. Л. 18
40. За новый Север. 1940. 29 апреля.
41. Ферсман А.Е. Радиевые месторождения Ухты // Индустрия. 1940. 2 июня.
42. Ферсман А.Е. Радиевые месторождения Ухты // За Ухтинскую нефть. 1940. 18 июня.
43. Ферсман А.Е. Радиевые месторождения Ухты // За новый Север. 1940. 6 июля.
44. Ферсман А.Е. К минералогии ухтинских радиевых месторождений // Известия АН СССР. Сер. геологическая. 1940. № 3. С. 38–47.
45. Ферсман А.Е. Геохимические и минералогические методы поисков полезных ископаемых. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 446 с.
46. 220 лет Академии наук СССР. Справочная книга / сост. В.С. Яблоков, Л.А. Плоткин; ред. Н.Г. Бруевич. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1945. 327 с.
47. Комлев Л.В., Игнатович Н.К., Кремс А.Я., Солнцев О.А., Щербина В.В., Торопов Ф.А., Баранов В.И. Заключение комиссии представителей АН СССР, МВД, Министерства геологии СССР по выяснению причин радиоактивности подземных вод Ухтинского района. Ухта, 1949. 129 л. Машинопись // Ведомственный архив завода «Прогресс».
48. Атомный проект СССР. Документы и материалы : в 3 т. / ред. Л.Д. Рябев. М. : Наука. Физматлит, 1998. Т. 2, Ч. 4. 432 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 августа 2019 г.

Expedition of the USSR Academy of Sciences to the Vodny Radium Deposit of the Komi ASSR in 1940

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 177–187.
DOI: 10.17223/15617793/447/21

Larisa P. Roshchevskaya, Komi Science Centre, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: lp38rosh@gmail.com
Alexandra A. Brovina, Komi Science Centre, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: brovina72@mail.ru
Mikhail P. Roshchevsky, Komi Science Centre, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: roshmp@mail.ru

Keywords: Academy of Sciences of USSR; Alexander Karpinsky; Alexander Fersman; Vitaliy Khlopin; Grigory Razuvaev; Nicholay Slavyanov; Komi ASSR; Vodny radium deposit; Fedor Toropov; Mikhail Krasheninnikov.

The article considers the historical role of the Russian Academy of Sciences in the scientific study of the Arctic and subarctic territories of Russia. The aim of the article is to disclose the historical facts of a unique event: the 1940 expedition of leading scientists of the USSR Academy of Sciences under the leadership of Academician A.E. Fersman to the Ukhta radium deposit in the Komi ASSR. The objectives of the study were to identify the background, the main problems and the results of the expedition; to show the participation of outstanding scientists in the implementation of fundamental knowledge about the “new” substance in the practical plane, in the development of methods of extraction of the matter, in the development of radium production, analysis of forms and results of interaction of the USSR Academy of Sciences with the unique industrial production. This topic has not received proper coverage in scientific literature. Unpublished archival documents of the State Archive of Arkhangelsk Oblast, the Scientific Archive of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences and the National Archive of the Komi Republic were identified and used to reach the objectives. The scientific works of the expedition members and of modern researchers were involved. The objectives of the study were reached on the basis of the methods of modern historical science (the principles of historicism and scientific objectivity) and general scientific methods (analysis and synthesis, description, construction of analogies). The article highlights a brief history of radium extraction in the settlement Vodny, activities and results of the expedition, the scientific contacts of the academicians with the repressed researchers of radium extraction. The continuity in the actions of Fersman’s brigade with those of the brigade of the USSR Academy of Sciences under the leadership of Academician A.P. Karpinsky (1933) was established. In the course of the expedition, the scientists found out that the repressed researchers F.A. Toropov, M. D. Krasheninnikov and others created a new technology, which became a technical revolution in the radium industry. The main conclusion of the article is that in 1940 a group of outstanding geochemists of the country, during an expedition under the leadership of A.E. Fersman, analyzed and evaluated the unique results of research at the radium deposit in Ukhta. The scientists were able to summarize the experience and the results in terms of their effectiveness and applicability. At the same time, new scientific and practical problems were raised in the study and use of radium, in the introduction of innovative technologies, in the creation and improvement of the field-specific industrial enterprise. It has been proved that the expedition of the USSR Academy of Sciences to the Vodny radium deposit in the Komi ASSR in 1940 contributed to the creation of scientific foundations of economic modernization of the European North-East of the USSR and was a major event in the history of science.

REFERENCES

1. Popov, P.P. & Yukhnin, G.S. (1939) *Kul’turnoe stroitel’stvo v Komi ASSR* [Cultural construction in the Komi Autonomous Soviet Socialist Republic]. Syktyvkar: Komigiz.
2. Ievlev, A. (2006) Kogda eshche ne bylo sekretov. Iz istorii radievogo promysla v p. Vodnyy [When there were no secrets. From the history of the radium industry in Vodny settlement]. *Vestnik Instituta geologii*. 7. pp. 19–22.
3. Roshchevskiy, M P., Roshchevskaya, L.P., & Brovina, A.A. (2015) *Pechorskaya brigada akademika A.P. Karpinskogo* [The Pechora Brigade Academician A.P. Karpinsky]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN.
4. Main Directorate of Camps of Railway Construction. Sevzheldorstroy of the NKVD of the USSR. (1942) *Stroitel’stvo zhel[ezno]-dor[ozhnoy] linii Kotlas–Kozhva. Ocherki po istorii stroitel’stva i ekonomike kraya* [Construction of the Kotlas–Kozhva railway line. Essays on the history of construction and economy of the region]. Zheleznodorozhnyy: [s.n.]. pp. 6–7.
5. National Archive of the Komi Republic (NA RK). Repository 2. Fund 3728. List 1. File 1611. 81 p. *Ukhtinskiy kombinat za 15 let (1929–1944 gg.). Al’bom. Ukhto-Izhemskiy lager’ NKVD SSSR, 1944* [The Ukhta plant: 15 years (1929–1944). An Album. Ukhta-Izhem camp of the NKVD of the USSR, 1944].
6. Ostashchenko, B. (1983) Radi edinogo gramma radiya [For the sake of a single gram of radium]. *Krasnoe znamya.* Syktyvkar. 8 November.
7. Yushkin, N.P. (1984) Ekspeditsiya A.E. Fersmana v Komi ASSR vazhneyshaya vekha v razvitii mineralogicheskikh issledovaniy na Evropeyskom Severe [Expedition of A.E. Fersman in the Komi ASSR is a major milestone in the development of mineralogical research in the European

North]. In: *Topomineralogiya i mineraly rudonosnykh regionov* [Topomineralogy and minerals of ore-bearing regions]. Syktyvkar: Komi Branch of the USSR Academy of Sciences.
8. Evseeva, T.N., Taskaev, A.I. & Kichigin A.I. (2000) *Vodnyy promysel* [Vodny radium deposit]. Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
9. Taskaev, A.I. & Kichigin, A.I. (2002) *Vodnyy promysel: proizvodstvo radiya v Respublike Komi* [Vodny radium deposit: Radium production in the Komi Republic]. Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
10. Kichigin, A.I. & Taskaev, A.I. (2004) "Vodnyy promysel": Istoriya proizvodstva radiya v Respublike Komi (1931–1956 gg.) ["Vodny radium deposit": The history of radium production in the Komi Republic (1931–1956)]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 4. pp. 3–30.
11. Zhukovskiy, V.M. (2002) *Vodnyy promysel. Pervoe promyshlennoe radiokhimicheskoe proizvodstvo v Rossii* [Vodny radium deposit. The first industrial radiochemical production in Russia]. Yekaterinburg: Ural State University.
12. Kustyshev, A.N. (2009) Ukhtizhemlag – lager' prinuditel'no truda [Ukhtizhemlag: a forced labor camp]. In: Rogachev, M.B. (ed.) *Pokayanie: Martirolog* [Repentance: Martyrology]. Vol. 9. Pt. 1. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo. pp. 17–175.
13. Zhukovskiy, V.M. (2003) Stanovlenie radiokhimicheskogo proizvodstva v Rossii [Formation of radiochemical production in Russia]. *Vesti Ural'sk. otd. RAN*. 3. pp. 58–71.
14. Nefedov, O.M. (ed.) (1994) *Vospominaniya ob akademike Grigorii Alekseeviche Razuvaeve* [Memoirs of Academician Grigory Razuvaev]. Moscow: Nauka.
15. *Krasnyy Sever*. Vologda. (1933) 9 June.
16. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 5931. List 1. File 15. Pages 1–4. *Postanovlenie Pechorskoy brigady po itogam rabot v Ukhtinskom rayone p. Chib'yu, 1 iyulya 1933 g.* [Resolution of the Pechora brigade based on the results of work in the Ukhta district of the Chibyu river, July 1, 1933].
17. People's Commissariat of Education of the RSFSR. (1935) *Universitety i nauchnye uchrezhdeniya* [Universities and scientific institutions]. 2nd ed. Leningrad; Moscow: Ob"edinennoe nauchno-tekhn. izd. [Online] Available from: http://leftinmsu.narod.ru/library_files/books/Universytety_narkompros_files/Universytety_narkompros.html.
18. Petros'yants, A.M. (ed.) (1987) *Akademik V.G. Khlopin. Ocherki, vospominaniya sovremennikov* [Academician V.G. Khlopin. Essays, memoirs of contemporaries]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie.
19. Morozov, N.A. (1997) *GULAG v Komi krae. 1929–1956* [GULAG in the Komi region. 1929–1956]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.
20. Gabova, N.B. et al. (1998) *Svod pravovykh aktov i inykh dokumentov, prinyatykh organami zakonodatel'noy vlasti Respubliki Komi* [Code of legal acts and other documents adopted by the legislative bodies of the Komi Republic]. Vol. 1. Syktyvkar: Prolog.
21. Bashilov, I.Ya. (1989) "Posmotrite zhe na moi dela!" ["Look at my affairs!"]. *Khimiya i zhizn'*. 11. pp. 22–31.
22. Scientific Archive of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund 20. List 1. File 7. Page 17. (In Russian).
23. Departmental Archive of the Progress Plant. *Pis'mo zamestitelya predsedatelya Gosplana pri SNK Komi ASSR N. Trosheva zaveduyushchemu khimicheskoy laboratoriey F.A. Toropovu o podgotovke k izdaniyu stenogrammy vystupleniya. 1 avgusta 1939 g.* [Letter from N. Troshev, Deputy Chairman of the State Planning Commission at the Council of People's Commissars of the Komi Autonomous Soviet Socialist Republic, to F.A. Toropov, Head of the Chemical Laboratory, about preparing for the publication of the transcript of the speech. August 1, 1939].
24. Scientific Archive of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund 20. List 1. File 32. 69 p. (In Russian).
25. Vernadskiy, V.I. (1939) *Dnevnik* [A diary]. [Online] Available from: http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/authors/vernadsky/1939.htm
26. Artem'ev, A.D. (2001) *Skvoz' serebryanuyu stuzhu. K 70-letiyu poselka Vodnyy* [Through the silver cold. On the 70th anniversary of Vodny settlement]. Moscow: IRIA Marengo Interneyshnl print.
27. Scientific Archive of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. List 10. File 242. Pages 9–10. (In Russian).
28. Departmental Archive of the Progress Plant. File 370. *Otchet za 1939 g. po osnovnoy deyatel'nosti* [Report for 1939 on main activities].
29. Gulo, D.D. & Osinovskiy, A.N. (1980) *Dmitriy Sergeevich Rozhdestvenskiy (1876–1940)*. Moscow: Nauka. pp. 88–104. (In Russian).
30. Mining-enc.ru. (n.d.) Nikolay Nikolaevich Slavyanov. In: *Gornaya entsiklopediya* [Mountain encyclopedia]. [Online] Available from: http://www.mining-enc.ru/s/slavyanov/
31. Petrovskiy, B.V. (1989) *Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya* [A Large Medical Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 23. [Online] Available from: http://xn--90aw5c.xn--c1avg/index.php.
32. Bazhenov, A.I. et al. (1999) *Repressirovannye geologi* [Repressed geologists]. 3rd ed. Moscow; St. Petersburg: VSEGEI.
33. National Archive of the Komi Republic (NA RK). Fund 1668. List 1. File 488. Page 28. (In Russian).
34. National Archive of the Komi Republic (NA RK). Fund 1668. List 1. File 520. Pages 256, 261. (In Russian).
35. National Archive of the Komi Republic (NA RK). Fund 1668. List 1. File 598. Page 5. (In Russian).
36. Krasheninnikova, Yu.A. (2010) Vodnyy promysel v litsakh: Mikhail Dmitrievich Krasheninnikov [Vodny radium deposit in persons: Mikhail Krasheninnikov]. In: Rogachev, M.B. (ed.) *Pokayanie: Martirolog* [Repentance: Martyrology]. Vol. 9. Pt. 2. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
37. National Archive of the Komi Republic (NA RK). Fund 1464. List 5. File 3. Page 50. (In Russian).
38. Vorontsova, I.D. (ed.) (2009) *Istoriko-kul'turnyy atlas g. Ukhty* [Historical and cultural atlas of Ukhta]. Ukhta: Titul.
39. National Archive of the Komi Republic (NA RK). Fund 825. List 2. File 20. Page 18. (In Russian).
40. *Za novyy Sever*. (1940) 29 April.
41. Fersman, A.E. (1940) Radievye mestorozhdeniya Ukhty [Radium deposits of Ukhta]. *Industriya*. 2 June.
42. Fersman, A.E. (1940) Radievye mestorozhdeniya Ukhty [Radium deposits of Ukhta]. *Za Ukhtinskuyu neft'*. 18 June.
43. Fersman, A.E. (1940) Radievye mestorozhdeniya Ukhty [Radium deposits of Ukhta]. *Za novyy Sever*. 6 July.
44. Fersman, A.E. (1940) K mineralogii ukhtinskikh radievykh mestorozhdeniy [On the mineralogy of Ukhta radium deposits]. *Izvestiya USSR AS. Ser. geologicheskaya*. 3. pp. 38–47.
45. Fersman, A.E. (1940) *Geokhimicheskie i mineralogicheskie metody poiskov poleznykh iskopaemykh* [Geochemical and mineralogical methods of mineral exploration]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
46. Bruevich, N.G. (ed.) (1945) *220 let Akademii nauk SSSR. Spravochnaya kniga* [220 years of the USSR Academy of Sciences. A reference book]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
47. Departmental Archive of the Progress Plant. Komlev, L.V. et al. (1949) *Zaklyuchenie komissii predstaviteley USSR AS, MVD, Ministerstva geologii SSSR po vyyasneniyu prichin radioaktivnosti podzemnykh vod Ukhtinskogo rayona* [The conclusion of the commission of representatives of the Academy of Sciences of the USSR, the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Geology of the USSR to clarify the causes of radioactivity in groundwater in the Ukhta district]. Manuscript.
48. Ryabev, L.D. (ed.) (1998) *Atomnyy proekt SSSR. Dokumenty i materialy: v 3 t.* [Atomic project of the USSR. Documents and materials: in 3 volumes]. Vol. 2. Pt. 4. Moscow: "Nauka. Fizmatlit".

Received: 07 August 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 188–193. DOI: 10.17223/15617793/447/22

УДК 39

З.А. Тычинских

ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ 1897 г.)

Статья подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ «Динамика социокультурных процессов в Западной Сибири как полиэтничном регионе в XVIII – начале XX в.» № 0408-2018-0003.

Рассматривается историко-демографическая характеристика татарского населения Тобольской губернии в конце XIX в. по результатам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Автор приводит сведения о численности, составе и размещении татарского населения, его демографических и социальных характеристиках. На основе сравнительного анализа данных за 60-е и 90-е гг. XIX в. выявляются изменения в численности и расселении, степени урбанизации, половозрастной структуре, которые произошли с данной группой населения в пореформенный период.

Ключевые слова: Западная Сибирь; Тобольская губерния; Первая всеобщая перепись населения 1897 г.; татары; демография.

Первая всеобщая перепись населения Российского государства, проведенная в конце XIX столетия, стала новым и важным для страны мероприятием. Перепись охватила все регионы империи, все категории и слои населения. В ходе мероприятия был проведен статистический учет каждого жителя страны по специально разработанной программе, который позволил получить сведения о численности, составе и размещении населения, его демографических, социальных и экономических характеристиках. Анализ и обобщение материалов переписи населения позволяют проследить характер изменений в социально-культурном облике многонациональной империи, рассмотреть общие и специфические черты в развитии социально-культурных процессов. В результате проведенной переписи были получены статистические данные, на основе которых можно проводить комплексный демографический, экономический, социальный анализ состояния населения российских регионов в конце XIX столетия.

Целью нашего исследования является историко-демографическая характеристика татарского населения Тобольской губернии во второй половине – конце XIX в. и выявление изменений в численности и расселении, степени урбанизации, половозрастной структуре, которые произошли с данной группой населения в пореформенный период.

Основной группой источников для исследования стали материалы Первой всеобщей переписи 1897 г. [1]. Также нами используются статистические материалы, опубликованные в «Списке населенных мест по Тобольской губернии за 1868–1869 гг.», которые позволяют провести определенный сравнительный анализ данной группы населения по основным демографическим показателям [2]. Однако следует заметить, что указанный источник нами используется в основном для выявления общих тенденций, происходивших в демографии населения губернии, поскольку данное издание не может быть полноценным источником для статистики населения региона из-за методов сбора информации.

После проведения переписи населения все материалы были собраны, подсчитаны и сведены в специальные таблицы в масштабах страны, отдельных губерний и областей в Центральном статистическом комитете Министерства внутренних дел. Данной структурой была проделана большая аналитическая работа, которая в последующем вылилась в 89-томное издание (в 119 книгах) под редакцией Н.А. Тройницкого. Отдельный том содержал материалы переписи населения Тобольской губернии «Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Тобольская губерния» [1].

Тобольская губерния в конце XIX в. была одной из самых больших по территории, занимая четвертое место среди регионов Российской империи. Одновременно с этим, Тобольская губерния была на одном из последних – 80-м месте по плотности населения. Согласно данным переписи 1897 г. плотность населения в губернии составляла 1,18 чел. на 1 кв. версту. Наиболее заселенными были юго-западные округа, а именно Курганский, Ялуторовский, Тюменский и Ишимский [Там же]. Этому обстоятельству способствовали не только более благоприятные природно-климатические условия, но и исторический ход заселения территории.

Одной из важных задач переписи было определение национального состава населения Российской империи. Как отмечал С.К. Патканов, основным критерием для определения национальности при проведении переписи был принят «родной язык» [3. Т. 1. С. II].

Население Тобольской губернии по составу было многонациональным, общей численностью 1 433 043 человека. Как отмечали составители тома, в него входили представители 60 различных племен и народностей [1. С. XXXI]. Русские составляли среди них 88,63%, на четвертом месте находились татары, численность которых составляла 56,957 чел., или 3,97% всего населения губернии [Там же. С. XXXII]. Таким образом, среди инородческого населения Тобольской губернии татары являлись самой большой по численности группой [Там же. С. XXXIII].

Таблица 1

Расселение и численность татарского населения Тобольской губернии во второй половине – конце XIX в.

Округ	Количество населения во второй половине XIX в.	% от общего числа татарского населения губернии	Количество населения в конце XIX в.	% от общего числа татарского населения губернии
Тобольский	15 704	42,3	22 563	39,6
Березовский	14	0,04	10	0,01
Ишимский	31	0,08	1 614	2,8
Курганский	5	0,02	179	0,3
Сургутский	–	0	19	0,02
Тарский	7 866	20,9	14 288	25
Туринский	89	0,2	324	0,6
Тюкалинский	–	0	271	0,5
Тюменский	9 083	24,4	12 244	21,4
Ялуторовский	4 361	11,7	5 445	9,5
Итого	37 153		56 957	100

Составлено и подсчитано по: [1; 2. С. 80].

Согласно сведениям, приведенным в «Списке населенных мест Тобольской губернии за 1868–1869 гг.», татарское население Тобольской губернии в конце 60-х гг. XIX в. насчитывало 37 153 человек. По итогам Первой всеобщей переписи 1897 г. численность татар составила уже 56 957 человек, увеличившись, таким образом, за три десятилетия почти на 20 тыс. человек или в полтора раза. По данным 60-х гг. XIX в. 99,3% населения было сосредоточено в четырех округах Тобольской губернии – Тобольском, Тюменском, Тарском и Ялуторовском. Итоги переписи 1897 г. показывают, что более 98% татарского населения проживало в пяти округах: Тобольском, Тарском, Тюменском, Ялуторовском и Ишимском. Таким образом, традиционными центрами проживания татар в течение второй половины XIX в. оставались сельские поселения Тобольского, Тарского, Тюменского и Ялуторовского округов.

Селения татар были в основном небольшими по размерам. Так, во второй половине XIX в. насчитывалось 236 татарских поселений, расположенных в пяти округах Тобольской губернии – Тобольском, Тарском, Туринском, Тюменском и Ялуторовском. Наибольшее количество татарских поселений (107) находилось в Тобольском округе, из которых 21 насчитывало количество жителей до 50 человек, 26 – от 51 до 100. Население от 101 до 500 человек проживало в 59 деревнях. В одном поселении Тобольского округа насчитывалось свыше 500 человек. В Тарском округе располагалось 64 татарских поселения. В 21 населенном пункте количество жителей не превышало 50 человек, в 16 проживало от 51 до 100 человек, в 25 поселениях – от 101 до 500, а в 2-х – до тысячи. В Тюменском округе татары проживали в 49 населенных пунктах. Девять из них были небольшими по размерам, с числом жителей до 100 человек, в 13 насчитывалось от 51 до 100 жителей, в 24 – от 101 до 500 и в 3-х – до 1 000 человек. В Туринском округе находилось 1 татарское село с населением менее 100 человек. В Ялуторовском округе было 15 поселений татар, одно из которых насчитывало до 50 жителей, два – до 100, в 10 населенных пунктах проживало от 101 до 500 человек и в 2-х – до тысячи [2]. Сельских населенных пунктов, где численность татар превышала 1 тысячу человек, в губернии не наблюдается. Как видим по приведенным сведениям, почти половину поселений составляли населенные пункты с числом жителей менее 100 человек.

В конце XIX в. подавляющее большинство татарского населения проживало в сельских поселениях Тобольского, Тарского, Туринского, Тюменского и Ялуторовского округов губернии. Татары Тобольского округа по административно-территориальному делению относились к Отдельно-Бабасанской, Байкаловской, Бухарской, Вагайской, Городовой, Истятской, Карагайской, Карачинской, Надцинской, Оброчных чувальщиков, Уватской и Эскалбинской волостям. В Тарском округе татары проживали в Аялымской, Бухарской, Коурдакской, Саргатской, Тавско-Утузской, Тевризской волостях. Татары Туринского округа относились к Куртумовской волости. Татарское население Тюменского округа проживало в Бухарской, Калымской, Кашегальской, Кречетинской и Нердинской волостях. В Ялуторовском округе были две татарские волости – Авазбакеевская и Сингульская [1].

По мере развития капиталистических отношений в Российской империи достаточно быстрыми темпами происходили процессы урбанизации. Как отмечают Ю.М. Гончаров и В.А. Скубневский, численность городского населения по всем городам Западной Сибири к 1897 г., по сравнению с 1858 г., выросла в 2,3 раза [4. С. 190]. Однако темпы прироста городского населения и доля горожан в составе населения в Западной Сибири значительно отставали от Центральной России. Так, если в европейской части страны доля горожан в общем составе населения составляла в начале XX в. около 15%, то в Западной Сибири она не превышала 8%. Такое положение, как считают Ю.М. Гончаров и В.А. Скубневский, во многом определялось тем, что со второй половины XIX в. Западная Сибирь становится регионом интенсивной крестьянской колонизации [Там же].

Несмотря на то, что татарское население Тобольской губернии постепенно втягивалось в урбанизационные процессы, прирост городского населения происходил довольно слабыми темпами. Если во второй половине XIX в. общее количество татар составило в губернии 37 153 человек, то городского населения – 655, т.е. 1,8% . При этом основная часть горожан была сосредоточена в Тобольске (387 чел.) и Таре (204 чел.).

Таблица 2

Состав городского и сельского татарского населения Тобольской губернии во второй половине XIX в.

Округ	Городское население		Сельское население		Всего населения	Соотношение городских татар к общему населению, %
	муж.	жен.	муж.	жен.	об. пола	
Тобольский	210	177	8 062	7 255	15 704	2,5
Тарский	108	96	3 938	3724	7 866	2,6
Туринский	2	–	40	47	89	2
Тюменский	5	2	4 794	4 282	9 083	0,07
Ялуторовский	3	2	2 262	2 094	4 361	0,1
Березовский	7	7			14	100
Ишимский	19	12			31	100
Курганский	5	–			5	100
Итого	359	296	19 096	17 402	37 153	1,8

Составлено и подсчитано по: [2].

Таблица 3

Состав городского и сельского татарского населения Тобольской губернии в конце XIX в.

Округа	Количество татарского сельского населения	Соотношение, %	Города	Количество татарского городского населения	Соотношение, %
Тобольский	22 152	98,2	Тобольск	411	1,8
Березовский	10	100	Березов	–	0
Ишимский	1 571	97,3	Ишим	43	2,7
Курганский	152	85	Курган	27	15
Сургутский	16	84,2	Сургут	3	15,8
Тарский	13 675	95,7	Тара	613	4,3
Туринский	303	94,1	Туринск	19	5,9
Тюкалинский	238	87,8	Тюкалинск	33	12,2
Тюменский	11 845	96,7	Тюмень	399	3,3
Ялуторовский	5 422	99,9	Ялуторовск	23	0,04
Всего	55 386	97,4	всего	1 571	2,6

Составлено и подсчитано по: [1].

К концу XIX в. происходят существенные изменения в составе татарского населения сибирских городов. Наибольшее количество городских татар стало проживать в Таре, на второе место перешел Тобольск, значительно возросла доля татар-горожан в Тюмени, где за три десятилетия она выросла с 7 человек до 399, т.е. в 57 раз. Общая численность татар-горожан увеличилась с 655 до 1 571 человека. Заселение татарами других городов губернии было незначительным (см. табл. 3). Исследователи отмечают, что для западносибирских городов было характерно наличие значительного числа выходцев из Европейской России [4. С. 190]. Как считает Н.А. Тройницкий, большинство татар, проживающих в городах, принадлежало к неместным татарам и бухарцам [1. С. XXXIV.]. По мнению Д.М. Исхакова, доля татар-мигрантов в конце XIX в. среди городского населения Западной Сибири составила 69% [5. С. 53].

Сравнивая соотношение между долями горожан региона среди русских и татар по результатам переписи 1897 г., можно заметить, что среди русских она составила 6%, а среди татар – 2,7%. Таким образом, темпы роста городского населения у татар Тобольской губернии были достаточно низкими, значительно отставая от общих показателей. К. Ноак, рассматривая поволжско-приуральских татар, отмечает, что степень урбанизации у них составляла 7,87%, что было гораздо ниже среднего показателя в империи, составлявшего 13,4% [6. С. 149]. Как видим, показатели по Тобольской губернии были значительно ниже и по сравнению с татарским населением европейской части России.

Таблица 4

Структура татарского населения по половозрастным группам

Пол	Возрастные группы					
	0–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60 лет и старше
Мужчины	14 443	4 465	3 366	3 038	2 205	2 297
Женщины	13 487	4 651	3 168	2 368	1 567	1 647
Всего	27 930	9 116	6 534	5 406	3 772	3 944

Составлено и подсчитано по: [1].

При рассмотрении возрастной структуры татарского населения Тобольской губернии можно наблюдать, что его состав был достаточно «молодым». Так, доля лиц в возрасте до 19 лет составляла практически

половину, или 49%. К следующей возрастной группе – от 20 до 29 относилось 16% населения. Татары в возрасте от 30 до 39 лет составили 11,5%, а возрастная группа от 40 до 49 лет – 9,5%.

Старшее поколение в возрастных группах от 50 до 59 и свыше 60 лет составляли примерно одинаковую долю, соответственно 6,6 и 6,9%, занимая в общей структуре татарского населения 13,5 %.

Обращает на себя внимание преобладание мужского населения над женским. По результатам переписи мужчин-татар насчитывалось 28 956 человек (50,8%), а женщин – 26 428 (49,2%). В целом в соотношении полов сохранились пропорции, которые были характерны для 60-х гг. XIX в. Эти пропорции значительно отличались от ситуации в целом по Тобольской губернии, где из общего количества населения 1 433 043 человек мужчины составляли 706 498, или 49,3%, а женщины – 726 545, или 50,7%.

Видимо, такое преобладание мужского населения у татар было связано с тем, что мальчиков рождалось больше, чем девочек. Так, в первой возрастной группе (от 0 до 19 лет) мальчиков больше почти на 1 000 человек. Ситуация несколько меняется в следующей возрастной группе (от 20 до 29 лет), где наблюдается небольшое преобладание женщин. Возможно, это было связано с большей смертностью среди мужчин либо с оттоком мужского населения в другие регионы в поисках работы. Однако последующие возрастные группы вновь показывают большую долю мужчин в сравнении с женщинами.

Таблица 5

Половозрастной состав татарского городского населения

Пол	Возрастные группы					
	0–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60 лет и старше
Мужчины	342	245	148	107	75	75
Женщины	274	96	81	58	40	41
Всего	616	341	229	165	115	116
% от общего числа татар-горожан	39,2	21,7	14,6	10,5	7,3	7,4

Составлено и подсчитано по: [1].

При рассмотрении городских татар наблюдается общая для татарского населения губернии тенденция существенного преобладания доли мужчин над женщинами. При этом, в случае с горожанами эта ситуация усиливается. Особенно в возрастной группе от 20 до 29 лет, где число мужчин превысило число женщин в 2,5 раза. В остальных возрастных группах также доля мужчин-горожан значительно превышает численность женщин. Видимо, это можно объяснить и тем обстоятельством, что в состав татар-горожан в рассматриваемый период активно вливались мигранты из Поволжья и Приуралья, большую часть которых составляли мужчины.

Таблица 6

Семейное состояние татарского населения

Группы по семейному состоянию	Мужчины	Женщины
Холостые и незамужние	17 267	13 200
Состоящие в браке	10 742	11 771
Вдовцы, вдовы	1 835	1 970
Разведенные	89	48

Составлено и подсчитано по: [1].

Анализ семейного состояния татарского населения показывает значительную долю группы холостых и незамужних, которая составила 30 467 человек, или 53,5% от всего татарского населения губернии. Данное положение исходит из общего демографического состояния татарского сообщества, в котором почти половину населения (49%) составила молодежь до 19 лет. В категории состоящих в браке, несмотря на некоторое преобладание в брачном возрасте мужского населения над женским, наблюдается перевес более чем на 1000 человек количества состоящих в браке женщин над женатыми мужчинами. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что в конце XIX в. определенное количество мужчин, прежде всего зажиточных, имело по 2 и более жены. Количество разведенных среди татар было незначительным, оно составляло около 0,2% населения.

В общее число тюркского населения Тобольской губернии, показавшего родным татарский язык, кроме аборигенного татарского населения, вошли также неместные татары и бухарцы. Категория сибирских бухарцев начала формироваться начиная с XVI в. и к концу XIX в. составила в Тобольской губернии 11 307 человек. Расселение бухарцев в регионе происходило вокруг крупных торговых центров – Тобольска, Тары и Тюмени. Переселившись в Западную Сибирь из Средней Азии в течение XVI–XVIII вв. и расселившись среди местных татар, бухарцы постепенно ассимилировались с ними [1. С. XXXIII].

Таблица 7

Численность сибирских бухарцев в конце XIX в.

Округ	Бухарцы	% в общем составе тюрко-татарского населения (округа)
Тобольский	3 380	14,9
Тюменский	3 070	25
Тарский	4 515	31,6
Ялуторовский	173	3
Ишимский	148	9,2
Туринский	21	6,4
Всего	11 307	19,9

Составлено и подсчитано по: [1].

Часть татарского населения губернии происходила из европейских губерний Российской империи, в основном из Поволжья и Приуралья. Как отмечают исследователи, за последнюю треть XIX в. произошел значительный рост численности татарского населения, большую часть которого обеспечила миграция [7. С. 43]. Группу татар-переселенцев, насчитывающую 8 074 человек, составляли как добровольно приехавшие в Сибирь, так и сосланные и отбывающие наказание. В Тобольской губернии поволжско-приуральские татары проживали в основном в селениях местных татарских волостей [3. С. 51]. Наибольшее число татар-мигрантов проживало в Тарском, Ишимском, Тобольском и Тюменском округах. В общей численности татарского населения губернии они составили 14,2%. В городах региона они составили, по данным Н.А. Томилова и С.Н. Корусенко, 52,2% [7. С. 43].

Таблица 8

Численность поволжско-приуральских татар в Тобольской губернии в конце XIX в.

Округ	Поволжско-приуральские татары	% в общем составе татар (округа)
Тобольский	1 392	6,2
Тарский	2 962	20,7
Ишимский	1 431	88,6
Тюменский	1 148	9,4
Ялуторовский	637	11,7
Всего	8 074	14,2

Составлено и подсчитано по: [1].

Результаты переписи 1897 г. отразили демографическое состояние татарского сообщества Тобольской губернии и происходившие в нем изменения. Эти изменения во многом были связаны с проведенными в 60–70-е гг. XIX в. реформами, направленными на унификацию системы управления и более активную интеграцию национальных окраин в общегосударственные процессы.

Перепись показала значительный рост татарского населения губернии в последней трети XIX в., который был связан как с естественным приростом, так и с усилившимися в пореформенный период активными миграционными процессами. Тюрко-татарское население губернии было неоднородным и состояло из трех основных категорий – местных татар, сибирских бухарцев и татар-мигрантов.

При этом все указанные группы в подавляющем большинстве жили в сельских населенных пунктах, занимаясь сельским хозяйством. Степень урбанизации сибирско-татарского населения в пореформенный период была довольно слабой, отставая не только от общих показателей по России, но и от показателей по татарскому населению европейских губерний. Результаты исследования отразили также существенную разницу в уровне урбанизации между татарским и русским населением губернии.

Со второй половины XIX в. население национальных окраин Российской империи стало постепенно втягиваться в орбиту российского капиталистического хозяйства. Однако для татарского населения Сибири были характерны очень медленные темпы интеграции в общероссийскую систему. Вместе с тем происходившие в стране объективные процессы не могли не затронуть население сибирских губерний. Ускорение миграционных процессов серьезно повлияло на постепенное нарушение былой замкнутости и оторванности от промышленно развитых районов страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. СПб. : Издание Центрального статистического комитета МВД. 1899–1905. Тобольская губерния. LXXVIII (XLVI). 247 с.
2. Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. LX. Тобольская губерния. СПб. : Типография МВД, 1871.
3. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) : [в 3 т.]. СПб., 1911–1912. Т. 1: Сводные таблицы и краткие выводы. 1912. 196 с.

4. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул : ИП Колмогоров И.А., 2014. 252 с.
5. Исхаков Д.М. Историческая демография татар. Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2014. 440 с.
6. Ноак К. Некоторые особенности социальной структуры поволжских татар в эпоху формирования наций (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 147–158.
7. Корусенко С.Н., Томилов Н.А. Демографическая и географическая характеристики // История и культура татар Западной Сибири / под ред. З.А. Тычинских. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 36–44.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 ноября 2018 г.

A Historical and Demographic Description of the Tatar Population of Tobolsk Province in the Post-Reform Period (Based on the First General Census of 1897)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 188–193.
DOI: 10.17223/15617793/447/22

Zaytuna A. Tychinskikh, Tobolsk Complex Scientific Station, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: zaituna.09@mail.ru

Keywords: Western Siberia; Tobolsk Province; First General Census of 1897; Tatars; demography.

The aim of this article is the historical and demographic description of the Tatar population of Tobolsk Province in the post-reform period. To reach this aim, information is revealed about the number, structure and location of the Tatar population, its demographic and social characteristics, as well as the nature of the changes that took place in the last third of the 19th century. The author shows the changes in the number and settlement, the degree of urbanization, the age and sex structure that occurred in this group of population in the post-reform period based on a comparative analysis of data for the 1860s–1890s. The source base for the study was materials of the First General Census of 1897 and statistical data on Tobolsk Province for 1868–1869. In the course of the study, the author came to the following conclusions. The results of the Census of 1897 reflected the demographic state of the Tatar community of Tobolsk Province and the changes that took place in it. These changes were associated, in many ways, with the reforms carried out in the 1860s—1870s that aimed at the unification of the system of governance and the active integration of national borderlands in the national processes. The census showed a significant increase in the Tatar population of the province in the last third of the 19th century, which was associated with both the natural growth and the increased active migration processes in the post-reform period. The author shows that the Turkic-Tatar residents of the province who indicated Tatar as their mother tongue were heterogeneous in composition and included local Tatars, Siberian Bukharans and Tatar migrants. All of these groups mostly lived in rural areas and were engaged in agriculture. The degree of urbanization of the Tatar population in the post-reform period was weak and lagged behind both the overall indicators for Russia and the indicators for the Tatar population of European provinces. The results of the study reflect a significant difference in the level of urbanization between the Tatar and Russian residents of the province. Thus, despite the fact that, in the second half of the 19th century, the population of the national borderlands of the Russian Empire was gradually drawn into the orbit of the Russian capitalist economy, the Tatar population of Siberia was characterized by a very slow pace of integration into the Russian state system.

REFERENCES

1. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1899–1905) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897]. St. Petersburg: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD. Tobol'skaya guberniya.
2. Ministry of the Internal Affairs of the Russian Empire. (1871) *Spisok naselennykh mest po svedeniyam 1868–1869 gg. Rossiyskoy imperii, sostavlennye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom ministerstva vnutrennikh del* [The list of settlements of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of the Internal Affairs, according to the data of 1868–1869]. Vol. LX. St. Petersburg: Tipografiya MVD.
3. Patkanov, S.K. (1911) *Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoy sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev (na osnovanii dannykh spetsial'noy razrabotki materiala perepisi 1897 g.): [v 3 t.]* [Statistical data showing the tribal composition of the Siberian population, language and clans of foreigners (based on data from a special analysis of the census material of 1897): [in 3 volumes]]. Vol. 1. St. Petersburg: tip. "Sh. Bussel'".
4. Skubnevskiy, V.A. & Goncharov, Yu.M. (2014) *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: Naselenie. Ekonomika. Zastroyka i blagoustroystvo* [Cities of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: Population. Economy. Development and improvement]. Barnaul: IP Kolmogorov I.A.
5. Iskhakov, D.M. (2014) *Istoricheskaya demografiya tatar* [Historical demography of the Tatars]. Kazan: Izd-vo "Fen" AN RT.
6. Noak, K. (1998) Nekotorye osobennosti sotsial'noy struktury povolzhskikh tatar v epokhu formirovaniya natsiy (konets XIX – nachalo XX v.) [Some features of the social structure of the Volga Tatars in the era of the formation of nations (late 19th – early 20th centuries)]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 147–158.
7. Korusenko, S.N. & Tomilov, N.A. (2015) Demograficheskaya i geograficheskaya kharakteristiki [Demographic and geographical characteristics]. In: Tychinskikh, Z.A. (ed.) *Istoriya i kul'tura tatar Zapadnoy Sibiri* [History and culture of the Tatars of Western Siberia]. Kazan: Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. pp. 36–44.

Received: 02 November 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 194–201. DOI: 10.17223/15617793/447/23

УДК 314.9(=512.211)(571.56)“19/20”

В.В. Филиппова

ЭВЕНЫ ЯКУТИИ В XX ВЕКЕ: ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И ИЗМЕНЕНИЯ В РАССЕЛЕНИИ

Статья посвящена анализу динамики численности и изменению расселения эвенов Республики Саха (Якутия) в XX в. на материалах переписей населения. Осуществлен пересчет численности эвенов по переписи 1926–1927 гг., на основе которого получены новые данные – 3 482 чел. вместо ранее указанных 738 чел. Рассмотрено изменение географии расселения эвенов на территории Якутии в XX в. Автором составлена карта современного расселения эвенов Якутии с выделением их локальных групп на основе классификации эвенского языка.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера; эвены; расселение; перепись населения; Якутия.

Актуальность исследования этносов, у которых имеется большой риск потерь и / или искажений культурной и этнической идентичности в эпоху глобализации и культурной интеграции, не вызывает сомнений. Высокий риск потери этнической идентичности вероятен у представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, численность населения которых в каждой группе этносов не превышает 50 тыс. чел. Бóльшая часть территорий традиционного проживания и природопользования малочисленных этносов охватывает северные регионы, где идет или планируется промышленное освоение крупными корпорациями, которые определяют стратегию и характер природопользования и всего социально-экономического развития данных регионов. В этом свете результаты изучения численности населения и территориального размещения, являющихся факторами, оказывающими влияние на сохранность материальной и духовной культуры, традиционных занятий и на самобытность этноса, будут востребованы. Исследование динамики численности и изменения пространственного размещения локальных групп малочисленных этносов позволяет выявить устойчивость и адаптацию данных этносов к различным трансформациям.

Республика Саха (Якутия) является одним из субъектов компактного проживания эвенов, где сосредоточено около 70% эвенского населения Российской Федерации. Современное расселение эвенов на территории Якутии было сформировано к началу XX в. В пределах республики эвены расселены небольшими группами в северо-восточных улусах (районах): естественной границей расселения эвенов на севере является побережье Северного Ледовитого океана, на юге – правобережье нижнего Алдана, на западе – р. Лена, на востоке – бассейн р. Колыма в пределах территории республики.

Несмотря на преобладающую концентрацию эвенов на территории Якутии, отсутствуют специальные работы, посвященные расселению эвенов республики и динамике их численности на локальном уровне. Расселение эвенов Якутии рассматривалось в трудах исследователей Севера, наряду с различными аспектами хозяйства и культуры, в которых вырисовывалась общая картина их расселения в северо-восточной части России.

Наиболее точная фиксация численности эвенов началась с переписи 1926–1927 гг., когда эвенов и эвенков стали учитывать отдельно друг от друга – эвены были записаны как «ламуты», а эвенки – «тунгусы». В последующих переписях указывались современные официальные названия данных этносов – эвены и эвенки. Первая Всесоюзная перепись населения 1926 г. и специальная Приполярная перепись населения 1926–1927 гг. зафиксировали на территории Якутской АССР 738 ламутов (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности эвенов Якутии по переписям населения

Показатель	1926–1927 гг.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Абсолютная численность, чел.	738/3842*	3 199	3 537	6 471	5 763	8 668	11657	15071
Уд. вес от общей численности КМНС Якутии, %	4,7	22,2	25,9	39,5	31,5	35,1	35,5	37,7
Уд. вес от общей численности эвенов в РФ, %	35,5	31,8	39,2	54,8	47,2	50,8	61,1	69,0

Примечание: *Пересчитано автором на основе первичных материалов переписи 1926–1927 гг.: Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 70. Оп. 1. Д. 42, 845, 846, 923.

Составлено и подсчитано по: Всесоюзная перепись 1926 г. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. С. 180–181; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-9570. Оп. 5. Д. 166; Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии (Этно-статистическое исследование). Якутск: Якутский научный центр, 1994. 144 с.; Всероссийская перепись населения 2002 г.: Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Статистический сборник. Якутск, 2005; Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 19.03.2018).

Темп роста численности эвенов по официальным данным за межпереписной период 1926–1939 гг. составил 427,1%. Резкий рост численности эвенов объясняется тем, что в переписи 1926–1927 гг. в качестве ламутов были зафиксированы эвены, проживающие на территории Булунского, Верхоянского и Колымского округов. Эвены, проживающие на остальной территории, в том числе и в Якутском округе, были учтены как тунгусы.

Несмотря на богатое содержание, материалы переписи населения 1926–1927 гг. трудно сопоставимы с данными последующих переписей населения по причине разноуровнего территориального охвата. Как известно, результаты переписи населения 1926–1927 гг. опубликованы только на уровне округов, а материалы последующих переписей представлены на районном уровне. Сравнение материалов переписи 1926–1927 гг. на районном уровне с материалами других переписей населения проблематично ввиду несопоставимости административно-территориальных границ Якутской АССР. Изменения административных границ Якутии в 1930-е гг. повлекли за собой изменение численности и этнического состава населения, как в абсолютных, так и в относительных цифрах.

На сегодняшний день результаты пересчетов переписи 1926–1927 гг. в разрезе районов Якутской АССР недостаточно включены исследователями в научный оборот. Автором статьи был осуществлен пересчет численности эвенов на основе первичных данных 1926–1927 гг., который выявил их новую численность в Якутии – 3 842 чел. вместо ранее указанных 738 чел. Соответственно темп роста численности эвенов за 1926–1939 гг. составит 85,1%, что уже ближе к реальности. Получается, что за период с 1926/1927 по 1939 г. численность эвенов сократилась на 120 чел., что можно связать с изменениями в административно-территориальном делении. Например, за рассматриваемый период территория Балыгычанского района была передана Дальневосточному краю, а часть районов Восточной и Западной тундр – Чукотскому автономному округу.

Ареал расселения эвенов по данным переписи 1939 г. стал шире по сравнению с переписью 1926–1927 гг. Наиболее многочисленные группы эвенов населяли современные территории проживания – Момский, Нижнеколымский, Оймяконский, Среднеколымский, Томпонский, Усть-Янский и Эвено-Бытантайский районы (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности эвенов Якутии по переписям населения (пересчитано автором в современных границах республики)

Районы (улусы)	1926–1927 гг.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Абыйский	211	23	68	52	75	142	221	348
Алданский	0	7	0	205	169	231	213	271
Аллаиховский	68	43	118	299	377	544	565	612
Амгинский	0	3	66	67	56	103	134	129
Анабарский	0	0	0	34	68	97	266	225
Булунский	61	1	335	1069	49	384	607	1272
Верхневилюйский	0	11	0	20	19	44	54	34
Верхнеколымский	139	132	114	116	141	197	269	289
Верхоянский	62	25	198	123	38	189	376	625
Вилюйский	0	11	0	25	36	53	70	106
Горный	0	0	0	5	15	26	57	70
Жиганский	0	0	7	265	8	48	63	51
Кобяйский	331	412	362	512	530	677	809	928
Ленский	0	2	0	22	26	57	34	38
Мегино-Кангаласский	0	1	20	67	35	68	111	134
Мирнинский	0	0	0	120	52	93	84	156
Момский	915	454	389	450	457	645	781	944
Намский	0	4	0	60	24	48	183	142
Нерюнгринский	0	9	0	8	17	51	106	162
Нижнеколымский	265	273	370	346	430	520	511	600
Нюрбинский	0	5	0	32	27	45	53	46
Оймяконский	0	234	172	221	303	322	406	429
Олёкминский	0	0	0	46	38	65	149	265
Оленёкский	0	0	0	0	13	30	19	20
Среднеколымский	24	43	197	222	288	364	395	523
Сунтарский	0	0	111	22	28	63	127	94
Таттинский	0	0	0	14	24	0	57	57
Томпонский	1130	508	400	532	622	735	829	927
Усть-Алданский	0	8	0	24	31	46	36	51
Усть-Майский	0	0	42	109	25	44	148	129
Усть-Янский	365	497	268	518	578	939	1 070	1 333
Хангаласский	0	7	0	111	74	125	234	289

Чурапчинский	0	1	0	8	37	54	67	75
Эвено-Бытантайский*	271	485	601	712	745	903	1 184	1 521
г. Якутск с подчиненной территорией	0	0	0	281	389	651	1 369	2 176

Источник: НА РС (Я). Ф. 70. Оп. 1. Д. 427. Л. 45–49; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=2570; Статистический сборник «Список населенных мест районов Якутской АССР с указанием их численности населения по переписи 1939 г.»; Статистический сборник «Численность наличного и постоянного населения и лиц в возрасте 18 лет и старше по каждому сельскому населенному пункту с указанием численности преобладающей национальности по Якутской АССР по переписи 1959 г.»; Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии (Этно-статистическое исследование). Якутск: Якутский научный центр, 1994. С. 131–132; Всероссийская перепись населения 2002 г.: Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Статистический сборник. Якутск, 2005; Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Статистический сборник. URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/

Происшедшие изменения в административно-территориальном делении за рассматриваемый межпереписной период также приводили к увеличению численности эвенов в одних районах и их сокращению в других. Так, изменения в расселении эвенов в 1959 г. были связаны с изменениями в административно-территориальном делении Среднеколымского района в 1950-е гг. – из состава которого был исключен и выделен как самостоятельный Верхнеколымский район. В результате эвены, ранее причисленные Среднеколымскому району, были учтены указанной переписью уже в составе Верхнеколымского района. В результате образования на территории Среднеколымского района в 1954 г. Березовского кочевого совета появился новый локальный ареал расселения эвенов – березовский. Ранее березовские эвены представляли собой одно территориальное объединение с рассохинской группой эвенов Магаданской области и не были учтены предыдущими переписями.

Первые необходимые демографические данные о березовских эвенах были получены во время переписи 1959 г., которая установила, что в Березовском кочевом Совете проживало 166 эвенов. До этого точных сведений о количестве данной группы эвенов не имелось. Регистрация березовских эвенов закономерно привела к 4,6-кратному росту численности на территории Среднеколымского района между 1939 и 1959 гг. [1. С. 278].

Другим фактором колебания численности эвенского населения в районах выступает терминологическая путаница с указанием национальности женщин-эвенкиек и женщин-эвенок в переписных листах, что наглядно можно проследить на примере эвенов Булунского района. Жителей данного района в материалах переписей населения причисляли то к эвенам, то к эвенкам, тогда как этнографами и лингвистами было установлено, что тунгусоязычное население, проживающее на территории Булунского улуса по правобережью р. Лена, являются эвенами, по левобережью – эвенками [2. С. 45; 3. С. 106; 4. С. 157]. В их работах выявлено, что эвенское население в Булунском улусе проживало только на территории Хара-Улахского наслега (с. Найба) и являлись предками северного рода тюгясирцев. Как отмечала К.А. Новикова, по языку эвены этого наслега близки к эвенам Саккырырского (Эвено-Бытантайского) района. Автор статьи на основе материалов переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. осуществила пересчет численности эвенского населения в разрезе Хара-Улахского наслега и в результате уточнила их численность в Булунском районе, которая представлена в табл. 3.

За период с 1959 по 1989 г. численность эвенов возросла в 2,5 раза. Начиная со второй половины XX в. у эвенов, как и у всех коренных народов Якутии, наблюдается уменьшение доли сельского населения, связанное прежде всего с общерегиональными процессами урбанизации. Так, у эвенов численность и доля городского населения выросла с 2,9% в 1959 г. до 22,0% в 1989 г. Рост городского населения в республике был связан с ее интенсивным промышленным освоением, в том числе и районов проживания эвенов. Увеличение городских жителей среди эвенов происходило за счет преобразования сельских населенных пунктов в городские и непосредственного перемещения людей в городские поселения. Вышеизложенные обстоятельства, по исследованию В.Б. Игнатьевой, обусловили концентрацию эвенов-горожан в районах их традиционного расселения: Булунского – 3,5%, Аллаиховского – 12,8%, Усть-Майского – 2,0%, Усть-Янского – 7,8% [5. С. 84–85].

Материалы переписей населения 1970, 1979 и 1989 гг. показали, что в эти годы наблюдался рост числа выходцев эвенов в нетрадиционных для них районах, что привело к изменению их географии расселения. Эвены численностью более 100 чел. в 1989 г. проживали в Амгинском и Хангаласском районах, в остальных нетрадиционных районах их расселения численность не превышала 100 чел. (табл. 3).

Существенное отличие переписи населения 1989 г. от предыдущих было в том, что эвены впервые зафиксированы на территории первого национально-территориального образования коренных малочисленных народов Севера в Якутии – Эвено-Бытантайском национальном районе. Данный район был образован постановлением Президиума Верховного Совета ЯАССР от 21 апреля 1989 г. за счет части территории Верхоянского района. Административным центром данного улуса было установлено село Батагай-Алыта. В состав Эвено-Бытантайского национального района были включены Верхнебытантайский, Нижнебытантайский и Тюгясирский сельские советы [6. Л. 42–43].

Во вновь образованном национальном районе по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. проживало 903 эвена, что составляло 10,4% от общей численности эвенов, проживавших на территории Якутии, и 33,4% от общей численности населения района, что и послужило основой для образования

новой административной национальной единицы. В остальных районах республики удельный вес эвенов составлял 8 и менее процентов от общей численности эвенов, проживавших на территории Якутии. Образование Эвено-Бытантайского национального района послужило примером остальным компактно проживающим группам коренных малочисленных народов Севера Якутии для образования национально-территориальных родовых сельских советов. В 1990-е гг. ряд наслегов, в которых компактно проживали малочисленные народы Севера, выразили добровольное волеизъявление об образовании национальных сельских советов.

Материалы последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. стали основой для разработки Перечня районов проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, утвержденного постановлениями Совета Министров ЯАССР № 142 от 18 марта 1991 г., Правительства Российской Федерации № 22 от 11 января 1993 г. и № 997 от 7 октября 1993 г. Согласно данному Перечню территории 20 районов Якутии полностью или частично были отнесены к районам проживания коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Эвены, по данному Перечню, компактно проживали на территории 12 районов и 33 населенных пунктов (здесь указаны населенные пункты, в которых удельный вес эвенов составляет от 10 до 83% от общей численности населения поселений). На основании Распоряжения Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р в Перечень районов расселения эвенов был включен Табалахский наслег Верхоянского района, что увеличило количество районов проживания малочисленных народов Севера с 20 до 21, а количество населенных пунктов с 35 до 36.

В настоящее время на территории Республики Саха (Якутия) из 21 улуса, являющихся районами проживания коренных малочисленных народов Севера, эвены проживают в следующих 13 муниципальных районах: Абыйский улус (район), Аллаиховский (улус (район), Булунский (улус (район), Верхнеколымский улус (район), Верхоянский район, Кобяйский (улус (район), Момский район, Нижнеколымский район, Оймяконский улус (район), Среднеколымский улус (район), Томпонский район, Усть-Янский улус (район) и Эвено-Бытантайский национальный улус (район) (табл. 3). Из районов проживания только Эвено-Бытантайский улус имеет статус национального. Из 35 наслегов компактного проживания эвенов 21 наслег имеет статус национального, 2 наслега – статус национального (кочевого). Этническая принадлежность присутствует в названии трех муниципальных образований – Хара-Улахский национальный (эвенский) наслег, Томпонский национальный (эвенский) наслег и Кировский эвенский национальный наслег.

Наряду с уточнением численности, научную новизну статьи составляет карта расселения эвенов Якутии, выполненная автором с использованием программного обеспечения ArcGIS в разрезе наслегов (рис. 1).

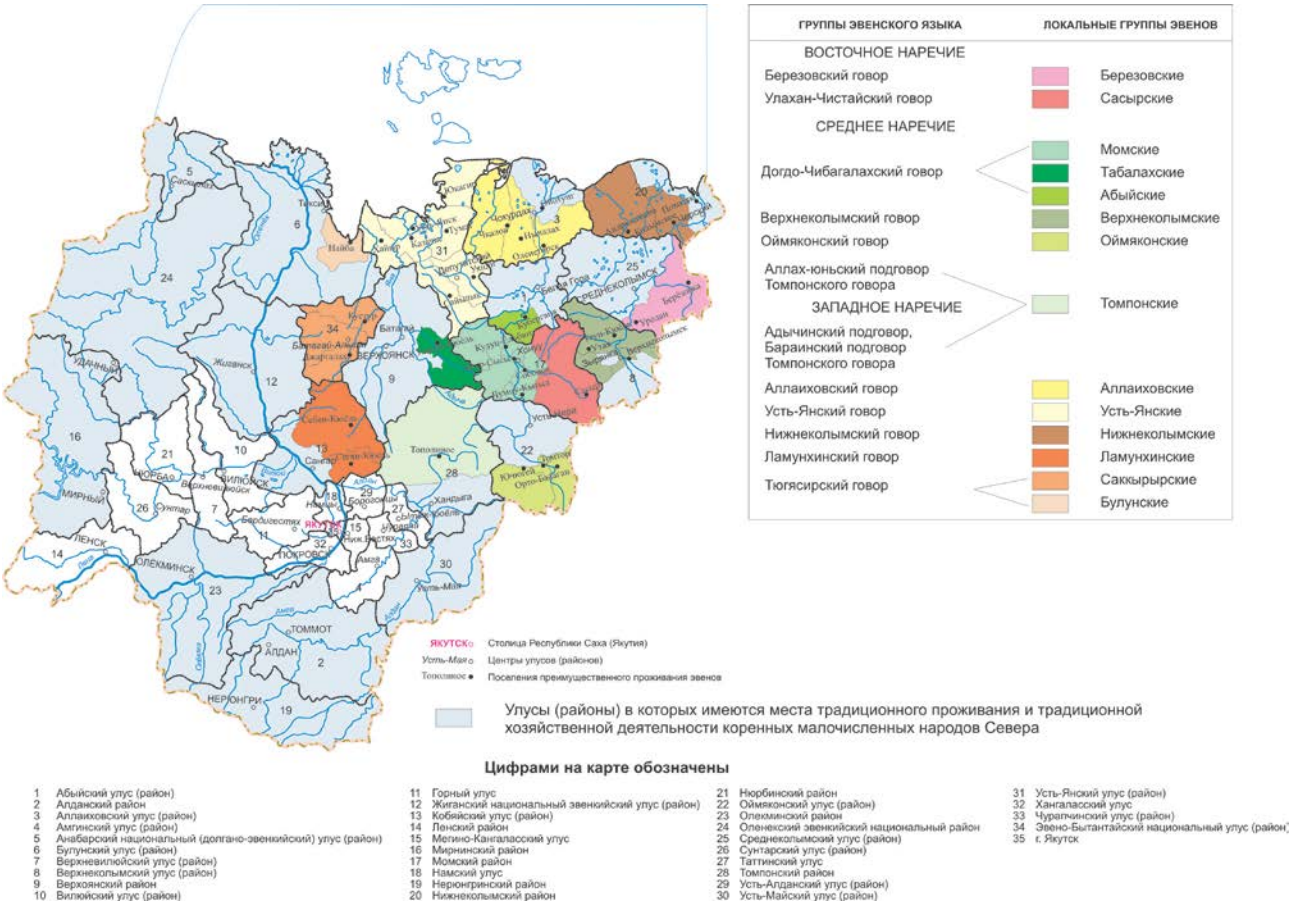

Рис. 1. Районы проживания эвенов в Республике Саха (Якутия) (составлено В.В. Филипповой. 2018)

Так как на этнографических картах разные части территории окрашиваются определенным цветом в зависимости от количественного преобладания какой-либо одной национальности, имеющиеся карты расселения народов Якутии не дают полного представления о национальном составе населения, в частности эвенов. На картах расселения народов Якутии ареалы расселения эвенов отсутствуют в тех районах, где преобладает русское или якутское население.

Расселение отдельных народов на картах отображается способом ареалов с использованием лингвистического подхода. В основу лингвистического подхода положен этноязыковой принцип, позволяющий сгруппировать народы по языковым семьям и группам языков. Использование этноязыковой классификации в качестве легенды для карты современного расселения эвенов связано с тем, что данная классификация аналогична для этногеографической (этноареальной) классификации – классификации народов в зависимости от географического ареала их проживания. Для составления условных обозначений для карты расселения эвенов Якутии принят низовой уровень языковой классификации – локальные группы эвенов сгруппированы по диалектам и говорам.

Таблица 3

Численность и районы преимущественного проживания локальных групп эвенов Якутии по данным переписи 2010 г., чел.

Локальная группа эвенов	Улус (район)	Наслег	Населенный пункт	Численность населения		
				Всего	Всего КМНС	в т.ч. эвенов
Березовские	Среднеколымский	Березовский национальный (кочевой) наслег	Березовка	330	288	286
			Уродан	8	7	7
Сасырские	Момский	Улахан-Чистайский	Сасыр	713	364	348
Момские	Момский	Тебюляхский национальный наслег	Чумпу-Кытыл	198	37	33
		Чыбагалахский национальный наслег	Кулун-Елбют	243	78	77
		Момский национальный наслег	Хонуу	2476	397	364
		Индигирский национальный наслег	Буор-Сысы	387	79	75
		Соболохский национальный наслег	Соболох	304	51	40
Табалахские	Верхоянский	Табалахский наслег	Улахан-Кюёль	1017	102	100
Абыйские	Абыйский	Майорский национальный наслег	с. Куберганя	530	223	220
Верхнеколымские	Верхнеколымский	Арылахский наслег	Усун-Кюёль	499	58	51
		Верхнеколымский наслег	Верхнеколымск	365	113	73
		Утаинский наслег	Утая	98	80	72
Оймяконские	Оймяконский	Борогонский 2-й наслег	Томтор	1 190	167	131
		Сордоннохский наслег	Орто-Балаган	330	66	47
		Ючюгейский наслег	Ючюгей	322	136	129
Томпонские	Томпонский	Томпонский национальный (эвенский) наслег	Тополиное	915	752	744
Аллаиховские	Аллаиховский	Береляхский наслег	с. Чкалово	155	80	61
		Быянгнырский наслег	с. Нычалах	117	37	32
		Юкагирский национальный наслег	с. Оленегорск	254	143	132
		Межселенная территория	Ойотунг (возр.)	0	0	0
Усть-Янские	Усть-Янский	Казачинский национальный наслег	Казачье	1 367	255	193
		Омолойский национальный наслег	Хайыр	433	236	218
		Силянняхский национальный наслег	Сайылык	771	267	260
		Туматский национальный наслег	Тумат	533	34	119
		Усть-Янский национальный наслег	Усть-Янск	317	32	23
		Уяндинский национальный наслег	Уянди	154	131	130
		Юкагирский национальный (кочевой) наслег	Юкагир	128	17	7
Нижнеколымские	Нижнеколымский	Национальное юкагирское МО “Олёринский Суктул”	Андрюшкино	741	509	300
		Чукотский национальный Халарчинский наслег	Колымское	811	520	114
Ламунхинские	Кобяйский	Ламынхинский национальный наслег	с. Себян-Кюёль	796	680	676
		Кировский эвенский национальный наслег	с. Сегян-Кюёль	395	122	115

Саккырырские	Эвено-Бытантайский	Тюгясирский наслег	с. Батагай-Алыта	1 832	1004	984
		Верхне-Бытантайский наслег	с. Джаргалах	269	157	156
		Нижне-Бытантайский наслег	с. Кустур	766	381	381
Булунские	Булунский	Хара-Улахский национальный эвенский наслег	с. Найба	522	246	115

Также нами предпринята группировка ареалов расселения по диалектам и говорам, проведенная на основе классификации эвенского языка. В настоящее время известно несколько подходов к классификации эвенских диалектов. Так, В.И. Цинциус выделила 11 диалектов и говоров на территории Якутии, относящихся к восточному (колымско-омолонский, верхнеколымский, индигирский и томпонский говоры) и западному наречиям (саккырырский, ламунхинский и юкагирский) [7]. В отличие от В.И. Цинциус, К.А. Новикова, кроме восточного и западного наречия, отдельно выделила третье – среднее наречие, куда относила томпонский, момский, аллаиховский говоры [8]. Из 26 говоров и диалектов эвенского языка, выделяемых А.А. Бурыкиным, к восточному наречию относятся приколымский говор (березовские и улахан-чистайские эвены), к западному наречию – верхнеколымский диалект, нижнеколымский диалект, индигирский диалект (оймяконский, томпонский, момский говоры), аллаиховский диалект (говор), устьянский диалект, саккырырский диалект (тюгясирский и ламунхинский говоры) [9].

Представленные классификации значительно разнятся и по составу говоров, и по номенклатуре, поэтому в данной статье для составления карты современного расселения эвенов Якутии за основу взята классификация диалектов и говоров эвенского языка, разрабатываемая сотрудниками отдела североведения Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН на основе ранее изданных работ и лингвистических экспедиционных исследований в местах проживания эвенов в 2003–2015 гг. Лингвистические и фольклорные материалы, собранные сотрудниками среди эвенов, населяющих районы компактного проживания эвенского этноса, представлены на сайте Института в разделе «Аудиовизуальный фонд эвенского языка» [10].

Исследователи эвенского языка отмечают, что несмотря на обширный объем работ и материалов по многим диалектам и говорам эвенского языка, проводимых и собранных усилиями исследователей Санкт-Петербурга и Якутии, определенные идиомы эвенского языка еще не получили достаточно полного освещения в литературе, а некоторые из них не имеют системного описания. Сложность описания говоров эвенов Якутии обусловлена, по их мнению, тем, что указанные говоры характеризуются высокой степенью вариативности на всех языковых уровнях, что объясняется дву- и многоязычием носителей, влиянием якутского языка и др. [11. С. 310]. Согласно предлагаемой классификации эвенского языка сотрудников ИГИиПМНС СО РАН, нижнеколымский говор следует отнести скорее к западному наречию эвенов, верхнеколымский говор – к группе переходных говоров, вобравшей в себе черты говоров восточного и западного наречий [12. С. 122]. Язык томпонских эвенов они относят к среднему и западному наречиям. К среднему наречию отнесен язык старшего поколения аллах-юньских эвенов, переселившихся в Томпонский район, а к западному наречию – язык адыччинских эвенов, по своим фонетическим особенностям наиболее близкий к среднему наречию, а также язык бараинских эвенов, имеющий сходство с ламунхинским говором западного диалекта эвенского языка [13. С. 70].

На основе классификации диалектов и говоров эвенского языка, разрабатываемой лингвистами ИГИиПМНС СО РАН, создана легенда карты современного расселения эвенского языка, состоящая из трех наречий (восточное, среднее, западное), 11 говоров и 3 подговоров. Принадлежность локальных групп к тому или иному наречию и говору отображается цветовой гаммой: для восточного наречия применяются оттенки розового цвета; для среднего наречия – оттенки от зеленого к болотному; для западного наречия – переходные цвета от желтого к коричневому. Названия локальных групп эвенов даны по их административно-территориальной принадлежности: по названию населенных пунктов, наслегов и районов.

Березовская локальная группа эвенов находится на территории Среднеколымского улуса и включает два населенных пункта – с. Березовка (центр наслега) и с. Уродан. Сасырская локальная группа эвенов, как и березовская локальная группа, являются представителями, говорящими на улахан-чистайском говоре восточного диалекта эвенского языка. Эвены данной локальной группы проживают в единственном населенном пункте Улахан-Чистайского наслега – в с. Сасыр Момского района. В данном районе выделяется также другая локальная группа эвенов – момские, которые по языковой классификации относятся к догдочибагалахскому говору среднего наречия. К данной группе эвенов относятся все поселения Момского района, кроме с. Сасыр – с. Хонуу (центр района), с. Кулун-Елбют, с. Чумпу-Кытыл, с. Буор-Сысы и с. Соболох. Догдо-чибагалахский говор характерен и для эвенов Абыйского улуса и табалахских эвенов Верхоянского района, которые являются выходцами из Момского района. В Абыйском улусе эвены проживают на территории одного наслега – Майорского национального наслега, центром которого является село Куберганя. В Верхнеколымском улусе эвены проживают в селах Верхнеколымск (Верхнеколымский наслег) и Утая (Утаинский наслег) и Усун-Кюёль (Арылахский наслег).

В Оймяконском улусе эвены являются единственными представителями малочисленных народов Севера, компактно проживающими на территории трех наслегов: II Борогонского (с. Томтор), Сордоннохского

(с. Орто-Балаган) и Ючюгейского (с. Ючюгей). Томпонская локальная группа представляет собой ареал смешения эвенов – представителей среднего и западного наречия, проживающих в единственном поселении Томпонского наслега – в с. Тополиное. На территории данного наслега проживают эвены годниканского, мямяльского и тукулано-бараинского родов, которые были переселены из частей территории бывшего Баягантайского улуса, Оймяконского, Верхоянского, Усть-Майского и Усть-Алданского районов при создании Томпонского района [14. С. 56]. В Аллаиховском улусе эвены компактно проживают на территории трех наслегов – Юкагирского (с. Оленегорск), Быянгнырского (с. Нычалах) и Береляхского (с. Чкалов). Наибольший удельный вес эвенов республики охватывает Усть-Янский ареал расселения эвенов. На территории Усть-Янского улуса эвены компактно проживают в с. Сайылык (Силянняхский наслег), Казачье (Казачинский наслег), с. Хайыр (Омолойский наслег), с. Тумат (Туматский наслег) и в с. Усть-Янск (Усть-Янский наслег).

Нижнеколымский улус является самым крайним северо-восточным районом расселения эвенов Якутии. Большинство нижнеколымских эвенов, по архивным данным, являются потомками Уяганского рода, в меньшем числе были представлены члены Дельянского, Ламутского и Омолонского родов, что дает основание предполагать, что проникновение эвенов в низовья Колымы происходило преимущественно с востока – со стороны Чукотки [4. С. 157]. В настоящее время в данном улусе эвены проживают в двух селах: эвенско-юкагирском Андрюшкино и чукотско-эвенском Колымское.

Ламунхинская локальная группа эвенов находится в Кобяйском улусе. В отличие от других локальных групп эвенов Якутии, именно здесь наблюдается наибольшая концентрация эвенского населения республики (6,9% от общей численности эвенов) и сохранивших родной язык. Эвены данного улуса являются потомками ламунхинского рода и проживают в двух наслегах: Кировского (с. Сегян-Кюёль) и Ламынхинского (с. Себян-Кюёль). Тюгясирская локальная группа эвенов охватывает территории следующих административно-территориальных единиц: Хара-Улахского национального наслега Булунского района (с. Найба) и территорию Эвено-Бытантайского национального района. Для обозначения тюгясирской локальной группы эвенов, проживающих в с. Найба, использовано название района – булунские эвены.

На территории единственного национально-территориального образования эвенов Якутии – в Эвено-Бытантайском национальном улусе, проживает 10,2% эвенского населения республики, составляющие саккырырскую локальную группу эвенов. Территория улуса относится к местам традиционного проживания тюгясиров южного рода. В настоящее время в улусе проживают потомки не только эвенов-тюгясиров, но и эвенов-ламунхинцев, переселившихся из соседнего Кобяйского района. Территория улуса полностью относится к районам компактного проживания малочисленных народов и состоит из трех наслегов: Тюгясирского, Нижне-Бытантайского и Верхне-Бытантайского. Более 60% эвенов улуса проживают в центре района – в с. Батагай-Алыта, образованного в 1936 г.

Проведенное исследование в целом позволяет заключить, что современное расселение эвенов в Республике Саха (Якутия) представляет собой территориально разбросанные ареалы их локальные группы. Данные локальные ареалы в основном сформировались еще в начале XX в. и находятся в северо-восточных районах республики. В силу обширности территории и отсутствия транспортной системы некоторые локальные группы эвенов представляют собой и в начале XXI в. этнокультурные изоляты: ламунхинская, томпонская и березовская. В настоящее время эвены, проживающие на территории данных локальных ареалов, сохранили эвенский язык. Сопоставление ареалов расселения эвенов с районами распространения говоров эвенского языка на составленной карте показало, что освоение территории происходило по бассейнам крупных рек. Так, догдочибагалахский говор характерен для эвенов, проживающих в долине р. Индигирка (момский и абыйский локальные ареалы). К ним также примыкает ареал табалахских эвенов. Улахан-Чистайский говор также находится в Момском районе, но характерен для сасырских эвенов, населяющих бассейн р. Мома. В настоящее время среди районов проживания эвенов относительно моноэтничными являются Березовский, Ламынхинский, Уяндинский и Томпонский наслеги, где удельный вес эвенов составляет более 80,0% от общей численности населения наслегов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филиппова В.В. Расселение и динамика численности эвенского населения Якутской Колымы в XX веке // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 271–284.
2. Гурвич И.С. Эвены-тюсягиры // Краткие сообщения. М., 1956. Вып. 25. С. 42–55.
3. Новикова К.А. О расселении, численности и родоплеменных названиях эвенов Якутской АССР // Краеведческие записки. Магадан : Магаданское книжное изд-во, 1962. С. 102–118.
4. Туголуков В.А. Эвены // Этническая история народов Севера. М. : Наука, 1982. С. 155–168.
5. Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии (Этно-статистическое исследование). Якутск : Якутский научный центр, 1994. 144 с.
6. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 50. Оп. 65. Д. 179.
7. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ч. 1: Фонетика и морфология. Л. : Учпедгиз, 1947. 270 с.
8. Новикова К.А. Очеки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Л. : Наука, 1980. 242 с.
9. Бурыкин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме : (на материале эвенского языка) : [социолингвистические и собственно лингвистические аспекты]. СПб. : Петербургское востоковедение, 2004.
10. Аудиовизуальный фонд эвенского языка // Электронный ресурс. URL: http://igi.ysn.ru/indexsakha.php?page=karta

11. Шарина С.И. Диалекты эвенского языка: состояние исследований и классификация // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России : материалы XVII Всерос. науч. конф. Уфа : Ин-т истории, языка и литературы Уфим. науч. центра Российской академии наук, 2017. С. 308–312.
12. Кузьмина Р.П. Исследование говоров эвенов Якутии // Libri Magistri. 2017. Т. 4. С. 120–126.
13. Кузьмина Р.П. Отличительные черты в системе консонантизма эвенских говоров (на материале томпонского и ламунхинского говоров эвенского языка) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 8. С. 69–74.
14. Ковлеков С.И. Томпонские эвены: история, культура, хозяйство // Томпонский улус (район): история, культура, фольклор / гл. ред. В.Н. Иванов. Якутск : Бичик, 2007. С. 53–62.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 сентября 2018 г.

The Evens of Yakutia in the Twentieth Century: Population Dynamics and Changes in Settlement

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 194–201.
DOI: 10.17223/15617793/447/23

Viktoriia V. Filippova, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: Filippovav@mail.ru

Keywords: indigenous peoples of North; Evens; settlement; census; Yakutia.

The article examines the dynamics of the number and change of settlement of the Evens of the Republic of Sakha (Yakutia) in the twentieth century. The study was based on published and unpublished sources. The unpublished sources, primary archival materials of population censuses at the local level, were extracted from the funds of the National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) and the Russian State Archive of Economics. The published sources were collections of statistics on censuses' results from the official website of state statistics institutions. Changes in the administrative-territorial borders of Yakutia in the twentieth century led to changes in the number and ethnic composition of the population, in both absolute and relative terms. The main aim of the study was to conduct a comprehensive analysis of the number of the Evens population in the twentieth century in the areas of their settlements in Yakutia. It is revealed that most of the Evens live in the territory of 21 districts in 36 settlements today. The scientific novelty of the article is the map of the Evens' settlement in Yakutia made by the author of the article using ArcGIS. Due to the fact that ethnographic maps of different parts of the territory only show the majority of one nationality, the current ethnic maps of the settlement of the peoples of Yakutia do not give a complete picture of the national composition of the population, in particular, of the Evens. In the ethnic maps of the peoples of Yakutia, the Evens' settlement areas are not indicated in the areas where the Russian or Yakut population are predominant. The author made the map including 14 local areas of the Evens settlement, which were not previously displayed in the ethnic maps of Yakutia. Areas of the Evens' local settlement were grouped on the basis of the classification of the Even language developed by the researchers of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. The comparison of the Evens' settlements with the areas of the Even language dialects in the map showed that they explored the territory along the basins of large rivers. In general, the study suggests that the current settlement of the Evens in the Republic of Sakha (Yakutia) is geographically dispersed areas of their local groups. These local areas were mainly formed in the early twentieth century and are located in the northeastern districts of the Republic.

REFERENCES

1. Filippova, V.V. (2016) Settlement and Population Dynamics of the Even Population of Yakutsk Kolyma in XX century. *Nauchnyy dialog*. 4 (52). pp. 271–284. (In Russian).
2. Gurvich, I.S. (1956) Eveny-tyusyagiry [Evens-Tyusyagirs]. *Kratkie soobshcheniya*. 25. pp. 42–55.
3. Novikova, K.A. (1962) O rasselenii, chislennosti i rodoplemennykh nazvaniyakh evenov Yakutskoy ASSR [On the resettlement, abundance and tribal names of the Evens of the Yakut ASSR]. In: *Kraevedcheskie zapiski* [Local Lore Notes]. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izd-vo. pp. 102–118.
4. Tugolukov, V.A. (1982) Eveny [The Evens]. In: Gurvich, I.S. (ed.) *Etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnic history of the peoples of the North]. Moscow: Nauka. pp. 155–168.
5. Ignat'eva, V.B. (1994) *Natsional'nyy sostav naseleniya Yakutii (Etno-statisticheskoe issledovanie)* [The national composition of the population of Yakutia (An ethno-statistical study)]. Yakutsk: Yakutskiy nauchnyy tsentr.
6. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 50. List 65. File 179. (In Russian).
7. Tsintsius, V.I. (1947) *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essay on the grammar of the Even (Lamut) language]. Pt. 1. Leningrad: Uchpedgiz.
8. Novikova, K.A. (1980) *Ocherki dialektov evenskogo yazyka: Ol'skiy govor* [Essays on dialects of the Even language: Olsky dialect]. Leningrad: Nauka.
9. Burykin, A.A. (2004) *Yazyk malochislennogo naroda v ego pis'mennoy forme: (na materiale evenskogo yazyka): [sotsiolingvisticheskie i sobstvenno lingvisticheskie aspekty]* [The language of a small nation in its written form: (on the material of the Even language): [sociolinguistic and linguistic aspects proper]]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
10. *Audiovisual Fund of the Even Language*. [Online] Available from: http://igi.ysn.ru/indexsakha.php?page=karta.
11. Sharina, S.I. (2017) [Dialects of the Even language: state of research and classification]. *Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii* [Topical issues of the dialectology of languages of the peoples of Russia]. Proceedings of the XVII All-Russian Conference. Ufa: Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. pp. 308–312. (In Russian).
12. Kuz'mina, R.P. (2017) Issledovanie govorov evenov Yakutii [The study of the dialects of Yakutia's Evens]. *Libri Magistri*. 4. pp. 120–126.
13. Kuz'mina, R.P. (2012) he Peculiar Features in the System of Consonatizm of Even Dialect (on the Material of Tomponsky and Lamunkhinsky Dialects of the Even Language). *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta – Transbaikal State University Journal*. 8. pp. 69–74. (In Russian).
14. Kovlekov, S.I. (2007) Tomponskie eveny: istoriya, kul'tura, khozyaystvo [Tompon Evens: history, culture, economy]. In: Ivanov, V.N. (ed.) *Tomponskiy ulus (rayon): istoriya, kul'tura, fol'klor* [Tompon ulus (district): history, culture, folklore]. Yakutsk: Bichik. pp. 53–62.

Received: 24 September 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 202–206. DOI: 10.17223/15617793/447/24

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.016

Д.В. Викторов

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ НА ОСНОВЕ ОЦЕНКИ СТАБИЛОМЕТРИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Раскрывается необходимость профессионально-прикладной физической подготовки в вузе. Обосновано, что для студентов с ограниченными возможностями здоровья ввиду слабой физической подготовленности и развития затруднительно использовать прикладные средства физической культуры для формирования профессиональной адаптации. В представленной экспериментальной методике прикладного физкультурного образования сравнивались стабилометрические показатели одних и тех же студентов с ОВЗ до и после профессионально-прикладного этапа подготовки.

Ключевые слова: студенты; профессиональная адаптация; ограниченные возможности; педагогический процесс; прикладное физкультурное образование; стабилометрия.

Профессия предъявляет к человеку специфические требования, и часто очень высокие, к его физическим и психическим качествам, прикладным навыкам. В связи с этим возникает необходимость профилирования процесса физического воспитания при подготовке молодежи к труду, сочетания общей физической подготовки со специализированной – профессионально-прикладной физической подготовкой (ППФП). Происходит процесс активного приспособления, освоения личностью новых для нее социальных условий при обеспечении необходимого уровня физической и функциональной подготовленности, тренированности, развития профессионально важных качеств. В деятельности этот процесс профессиональной адаптации выступает связующим звеном в поддержании оптимального соотношения изменяющихся внешних условий при относительной стабильности выполняемых функций, обеспечивая единый, комплексный процесс взаимосвязи личности и профессии [1].

Сущность профессионально-прикладной физической подготовки состоит в оптимальном использовании средств, методов и форм физического воспитания на каждом из компонентов формирования профессиональной адаптации. В образовательном процессе вуза ППФП достаточно широко и постоянно осмысляется, переоценивается, приводя к формированию более целостного взгляда на физическую культуру в целом [2]. Учет этих научных положений имеет принципиальное значение для теории и практики ППФП в плане сосредоточения внимания на воспитании ведущих для данной профессии способностей. От уровня их развития в бóльшей степени зависит профессиональная работоспособность.

Исследование показало, что состояние здоровья студентов характеризуется следующими особенностями: снижением доли практически здоровых (35–48%), увеличением соматических заболеваний (22–41%), снижением показателей физического развития (59–63%), нарастанием темпа старения (43–64%). Частота хронических заболеваний в студенческой среде колеблется в широких пределах: 15,4% – заболевания органов дыхания, 19,2% – сердечно-сосудистые и 34,6% – заболевания опорно-двигательного аппарата, причем среди девушек показатели заболеваемости в среднем в 1,2 раза выше. Около 30,8% студентов имеют от двух и более негативных отклонений [3]. Стоит отметить, что существует неопределенное число студентов, имеющих серьезные ограничения здоровья, однако сознательно не предоставивших образовательному учреждению каких-либо сведений об ограничениях возможностей здоровья.

В связи с этим возникла необходимость сформулировать конкретные практические рекомендации по построению профессионально-прикладного процесса студентов с ограниченными возможностями здоровья, поскольку традиционная профессиональная подготовка не всегда эффективно решает эту задачу.

Цель исследования: Обосновать и разработать методику профессионально-прикладной физической подготовки для формирования профессиональной адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Практика показывает, что в образовательных учреждениях высшего образования студенты с ограниченными возможностями здоровья временного или постоянного характера требуют существенного снижения физических нагрузок с учетом работоспособности и функциональных возможностей, многие не в полном объеме готовы к выполнению стандартной учебной прикладной физической подготовки. Организация и методика учебного процесса таких студентов имеет свои особенности, приводящие к необходимости совершенствовать учебный процесс физического воспитания в целом и профессионально-прикладной физической подготовке в частности. Учеными доказывается, что профессионально-прикладная физическая подготовка способствует отработке профессиональных навыков и умений (В.А. Кабачков, С.А. Полиевский и др.), но нами не обнаружено работ, посвященных формированию профессиональной адаптации средствами профессионально-прикладной физической подготовки у данной категории студентов.

В достижении указанной цели решающее значение имеет прикладное физкультурное образование (ПФО), педагогический процесс профессионально-прикладной физической подготовки, в ходе которого у студентов с ограниченными возможностями здоровья

в достаточной степени увеличивается диапазон адаптационных возможностей организма, формируются профессионально важные качества и, как следствие, профессиональная адаптация.

Организация исследования. В исследовании принимали участие студенты ЮУрГУ (НИУ) (экспериментальная группа (ЭГ)) – 39 человек и студенты ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского (контрольная группа, (КГ)) – 31 человек. Возраст 17–22 года. Обследование проводилось в начале и конце учебного года на стабилометре МБН (Россия).

При проведении эксперимента были рассмотрены следующие показатели стабилометрии.

1. Скорость общего центра давления (ОЦД) (V) – величина, определяющаяся отношением длины пути ЦД, точки, локализующейся на вертикальной проекции опоры, за время исследования ко времени исследования. Чем меньше этот показатель, тем выше функция устойчивости.

2. Площадь статокинезограммы (мм^2) – показатель, характеризующий поверхность, занимаемую статокинезиограммой. Статокинезиограмма может иметь очень сложную траекторию, однако современная компьютерная техника легко справляется с вычислением площади таких поверхностей. Увеличение площади говорит об ухудшении устойчивости, уменьшение – соответственно об улучшении.

3. Показатель отношения длины статокинезиограммы к ее площади (LFS) показывает, как длина укладывается в площадь, и отражает меру энергозатрат на поддержание позы, что более точно характеризует процесс ПФО.

4. Качество функции равновесия (КФР, %) является самым стабильным показателем, характеризующим индивидуальное генетическое свойство человека поддерживать равновесие. У одних людей этот показатель низкий, у других – высокий, что свидетельствует о профпригодности. Данный показатель оценивает, насколько минимальна скорость ОЦД при своевременной компенсации студентом отклонений его тела от вертикали. В итоге чем выше значение КФР, тем лучше человек поддерживает равновесие.

Полученные данные представлены в виде M ± m, где M – средняя, а ± m – стандартное отклонение. Анализ достоверности полученных результатов проводился по t-критерию Стьюдента. Различия в группе до и после эксперимента считали значимыми, если данный критерий ≤ 0,05.

Следует отметить, что получаемая при этом информация позволяет сопоставлять количественные характеристики двигательных реакций, формируемых в процессе целенаправленных занятий по ПФО, а значит, получать объективные, практически значимые данные, отражающие физические возможности студентов с ограниченными возможностями здоровья. Все перечисленные показатели обусловливают стабильность (устойчивость) функционирования физиологических систем и всего организма в целом в течение того периода времени, которое нужно для эффективного выполнения профессиональной деятельности.

Все обследованные студенты занимаются физическим воспитанием в основной медицинской группе, но в медицинской справке имеют отметку об отнесении их к подготовительной медицинской группе. Независимо от специфики будущей профессии у всех студентов есть отклонения от нормативных антропометрических показателей, морфофункциональных характеристик, физического развития и физической подготовленности.

Практика показывает, что научно-методическое обеспечение процесса прикладной физической подготовкой со студентами, имеющими ограничения в здоровье, не всегда дают должный эффект. С одной стороны, обучающиеся ограничены выполнять прикладную учебную деятельность в пределах диапазона возможностей своего здоровья. С другой – преподаватели не владеют в достаточной степени необходимым уровнем знаний, нужных для понимания сущности патологических процессов, происходящих в организме при различных заболеваниях, проявляют необоснованную пассивность и инертность в этой важной работе, что существенным образом отражается на функциональной подготовленности, а в итоге и на процесс адаптации человека к изменяющимся условиям его жизнедеятельности.

В отличие от традиционной практики профессионально-прикладного физического воспитания прикладное физкультурное образование, в рамках авторского подхода, представляет собой педагогический процесс, направленный на развитие у студентов с отклонениями в состоянии здоровья профессионально важных качеств, способствующих успешному овладению профессией и дальнейшему совершенствованию в ней, открывающий инновационный путь применения концептуальной модели, педагогических условий, технологий их реализации в процессе формирования профессиональной адаптации.

В своей работе мы даем авторское определение понятия «прикладное физкультурное образование» – это педагогический процесс достаточной по объему и адекватной профессионально-прикладной физической подготовки независимо от факторов и условий выбранной профессиональной деятельности, способный сформировать у студентов с отклонениями в состоянии здоровья профессионально важные качества, способствующие успешной функциональной подготовленности, отражающей увеличение диапазона адаптационных возможностей организма.

Традиционно наибольшее (направленное) развитие какого-либо физического качества происходит при условии одновременного эффективного развития других качеств, так же как быстрое овладение новыми двигательными навыками во многом зависит от того, имеется ли у обучаемых достаточный запас навыков, ранее выработанных с помощью разнообразных физических упражнений.

Для студентов с ограниченными возможностями здоровья прикладное физкультурное образование как подсистема профессионального образования включает последовательные взаимосвязанные этапы в виде организации учебного процесса при двухразовых занятиях в неделю, позволяющие сократить период адаптации к физическим нагрузкам и повысить двигательную подготовленность: первый этап – концептуальный – создание у личности в процессе общей физической подго-

товки воспитанности и обученности, формирующейся в процессе лекций, бесед, проблемного изложения материала и т.п.; второй этап – познавательный – актуализация в процессе профессионально-прикладной физической подготовки студентов возможностей организма, индивидуальных особенностей и использование этих знаний в профессиональной деятельности под руководством преподавателя; третий этап – результативно-проектировочный – самостоятельное выполнение деятельности в избранном виде физических упражнений, которая может корректироваться, уточняться, модифицироваться и даже полностью изменяться, проявление готовности и способности решать практические ситуации на основе собственной ценностной позиции, учитывая вероятные и желаемые изменения.

«Привязка» этапов к семестрам обусловлена распределением содержания учебного материала и видов учебной деятельности, которые во многом предполагают соответствующую позицию обучаемого, но не предопределяют ее, т.е. эти внешние условия не задают позицию студента жестко, не являются для всех одинаковыми. Вместе с тем они справедливы для большинства студентов вне зависимости от факторов прикладного физкультурного образования, на каждом из этапов происходят конкретные преобразования в физических качествах студентов, на каждом этапе физическая культура оказывает разностороннее ориентированное воздействие на личность, чем достигаются наиболее полные результаты.

На каждом этапе первого, третьего, пятого семестров в содержательную часть включались виды легкой атлетики циклического и ациклического характера, поскольку легкоатлетические упражнения являются основополагающими в жизнедеятельности человека, способствуют разностороннему развитию физических способностей и важных профессиональных качеств. Прикладной характер проявляется прежде всего в совершенствовании адаптационных механизмов организма к физическим нагрузкам различной интенсивности и внешним условиям среды.

Включение на этапах второго, четвертого, шестого семестров физических упражнений из различных профессионально-прикладных видов спорта, подвижных и спортивных игр обусловливалось диагнозом и состоянием здоровья. Главной прикладной задачей является формирование физической работоспособности при выполнении значительного объема физической нагрузки.

Занятия проводились согласно поэтапной структуре вовлечения в ПФО, независимо от выбранной специальности, позволяющей студентам с ОВЗ сократить период адаптации к физическим нагрузкам и таким образом повысить двигательную подготовленность. Последовательная организация учебного процесса при двухразовых занятиях в неделю включала: общую физическую подготовку, профессионально-прикладную физическую подготовку, специализацию в избранном виде физических упражнений (табл. 1).

Таблица 1

Планирование и периодизация ПФО студентов с ограниченными возможностями здоровья

Периоды учебной работы	1-й курс	2-й курс	3-й курс
	Этапы и задачи учебного процесса		
1-й, 3-й, 5-й семестры	Адаптация организма студентов к физическим нагрузкам	Восстановление физической работоспособности	Развитие специальных качеств
2-й, 4-й, 6-й семестры	Развитие навыков прикладной направленности	Закрепление навыков прикладной направленности	Совершенствование навыков прикладной направленности

Поскольку профессиональная адаптация неразрывно связана с физической культурой личности, позволяющей судить о качестве процесса становления специалиста, невозможно найти критерий, который интегральным образом позволил бы измерить эту совокупность. Физическое упражнение как средство ПФО формируется по законам теории и методики физической культуры, тогда как трудовое двигательное действие обусловлено законами экономики, производственной технологии и даже правовыми законами.

Многочисленными исследованиями установлено, что внедрение ППФП в практику физического воспитания студентов, специалистов предприятий создает предпосылки для сокращения сроков профессиональной адаптации, повышения профессионального мастерства, достижения высокой работоспособности и производительности труда. Труд систематически занимающихся ППФП более квалифицирован, производителен, экономичен. Эти специалисты более устойчивы к заболеваниям, меньше утомляются во время работы. Совершенствование профессионально важных функций организма человека возможно лишь на базе общего укрепления здоровья, улучшения деятельности всех систем организма.

Поэтому целесообразно в роли критериев использовать метод стабилометрии – способа исследования баланса тела человека, поскольку параметры тела находятся в прямой зависимости от состояния различных органов и систем. Данный метод позволяет отследить качество функции равновесия, т.е. динамику освоения человеком новых двигательных навыков.

Результаты исследования. Показано, что под влиянием систематической физической деятельности уровень адаптации к вестибулярным нагрузкам повышается, развиваются менее выраженные реакции на вестибулярное раздражение [4]. Следовательно, процесс ПФО является физиологической основой роста тренированности и достижения повышенных результатов, скорость которых определяется характером физической деятельности. Из табл. 2 видно, что сравнительная оценка средних значений обоих групп в 2015/16 уч. г. выявила достоверные отличия ($p > 0,05$) по всем показателям стабилометрии. Исключение составляет показатель КФР, подтверждающий наличие устойчивой нормы, независимо от стандарта ис-

следования. При сравнении и анализе полученных показателей КГ до эксперимента и КГ после эксперимента достоверных отличий нами не выявлено (р > 0,05). Достоверные отличия нами зафиксированы между ЭГ до эксперимента и ЭГ после во всех показателях стабилометрии.

Таблица 2

Динамика изменения показателей стабилометрии

Среднее значение показателя	Учебные заведения	Этапы исследования		
		2015/16 уч. г.	2016/17 уч. г.	2017/18 уч. г.
Скорость ОЦД, V (мм/с)	ЮУрГУ	24,7 ± 2,7	18,3 ± 2,1	17,8 ± 1,9*
	ЮУрГИИ	17,4 ± 1,8	16,1 ± 0,3	16,3 ± 0,4
Площадь статокинезиограммы, S90 (мм^2)	ЮУрГУ	234,1 ± 51,4	206,2 ± 39,8	173,6 ± 32,7*
	ЮУрГИИ	248,3 ± 42,2	229,4 ± 39,01	232,31 ± 40,9
Отношение длины статокинезиограммы к ее площади, LFS90 (1/мм)	ЮУрГУ	3,1 ± 0,45	2,55 ± 0,4	2,03 ± 0,32*
	ЮУрГИИ	2,91 ± 0,14	2,57 ± 0,19	2,2 ± 0,22
КФР	ЮУрГУ	64,36 ± 5,2	76,77 ± 4,7	85,10 ± 4,02*
	ЮУрГИИ	65,52 ± 2,44	69,36 ± 4,35	73,12 ± 3,27

* – достоверность различий между показателями 2015/16 и 2017/18 уч. лет при р ≤ 0,05.

Анализ скорости ОЦД также свидетельствует о выраженной положительной динамике у студентов ЭГ. Уменьшение значений данного показателя к 3-му курсу является отражением улучшения стабильности.

Площадь статокинезиограммы – это часть плоскости, ограниченной кривой статокинезиограммы, показатель, зависящий от многих параметров. Значительное снижение данного показателя в ЭГ на 26% – с 234,1 до 173,6 свидетельствует об эффективности ПФО. В то время как данный показатель в КГ снизился лишь на 15,7%.

Суммарная энергия, затраченная на поддержание или изменение позы за время проведения исследования (LFS), характеризует энергоемкость усилий поддержания позы. Данный показатель имеет еще и явно выраженный физический смысл, что позволяет более точно связывать его значение с параметрами анализируемого ПФО. Эффективность в данном случае означает минимизацию затрат энергии, которая у студентов с ОВЗ экспериментальной группы к концу 3-го курса отражает экономичность ввиду выраженной динамики с 3,1 (1-й курс) до 2,55 (2-й курс) и 2,03 (3-й курс), что свидетельствует о динамичности перестроек функциональной системы статокинетической устойчивости в новых, усложненных условиях.

Показатель стабильности (КФР), интегративно отражающий состояние равновесия, не имеет достоверных различий ни до, ни после эксперимента, что подтверждает наличие устойчивой нормы у всех студентов, стабильность координационно-пространственных параметров деятельности и результативность технических действий. Однако у студентов ЭГ данный параметр сопровождается уменьшением разброса колебаний.

Выводы. На основе анализа реальной практики установлено, что профессиональная адаптация организма студентов с ОВЗ является условием не только дифференцирования нагрузки, но и ее оптимизации. Таким механизмом является прикладное физкультурное образование, представляющее собой педагогическую систему, объединения не способом присвоения готовых образцов прикладных педагогических практик, необходимых в трудовой деятельности, а созданием нового универсального знания как личного образовательного продукта, открывающего инновационный путь применения концептуальной модели, педагогических условий, технологий их реализации в процессе формирования профессиональной адаптации будущих специалистов с ограниченными возможностями здоровья к профессиональной деятельности.

ПФО не противопоставляется физическому воспитанию, одновременно служит средством всесторонней физической подготовки и, наоборот, должно идти параллельно ему на протяжении всего срока обучения. Но удельный вес той или другой подготовки может меняться в зависимости от характера отклонений в состоянии здоровья студентов как на протяжении определенного периода, так и в каждом отдельном занятии.

Стабилометрический контроль у студентов с ограниченными возможностями здоровья позволяет своевременно и оперативно выявлять уровень адаптационных возможностей организма к физическим нагрузкам. Использование компьютерной стабилометрии существенно упрощает процедуру оценки функционального состояния организма студентов с ограниченными возможностями здоровья. Представляется возможным применение полученных данных для оценки влияния ПФО независимо от факторов и условий выбранной профессиональной деятельности.

Адекватность нагрузок ПФО автоматизирует процессы построения движений, что благотворно влияет на необходимые профессиональные навыки: воспитание способности перестраивать двигательную деятельность в условиях внезапно меняющейся обстановки; формирование разнообразных движений с постепенным увеличением их координационной сложности;

повышение пространственной, временной и силовой точности движений на основе улучшения двигательных ощущений и восприятий; преодоление нерациональной мышечной напряженности, поскольку излишняя напряженность увеличивает энергозатраты, что приводит к искажению точности движений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коровин С.С. Методологические основы теории профессиональной физической культуры // Теория и практика физ. культуры. 2018. № 4. С. 43–44.
2. Загревская А.И. Физкультурно-спортивное образование студентов как предмет системного исследования // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 380. С. 176–180.
3. Янчик Е.М., Янчик В.В., Моторин Б.М. Индивидуальный подход при проведении занятий со студентами специальной медицинской группы в вузе // Наука ЮУрГУ: материалы 66-й научной конференции: секции социально-гуманитарных наук. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2014. С. 851–855.
4. Гайнуллин Р.А., Исаев А.П., Кораблева Ю.Б. Оценка статокинетической устойчивости студентов методом стабилометрии // Медицинский вестник Башкортостана. 2015. Т. 10, № 4. С. 45–50.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 20 мая 2019 г.

Professional Adaptation of Students with Disabilities Based on the Assessment of Stabilometric Indicators

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 202–206.
DOI: 10.17223/15617793/447/24

Dmitriy V. Viktorov, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: viktorovdv@yandex.ru

Keywords: students; professional adaptation; disability; pedagogical process; applied physical education; stabilometry.

The article focuses on the organization and methodology of the educational process of students with disabilities on the basis of an improved professional applied physical training. In Russia's higher education system, there is a clear trend towards the deterioration of students' health with a continuous increase in the number of students with disabilities, and among girls the incidence rate is 1.2 times higher. In higher education institutions, students with disabilities of temporary or permanent nature require a significant reduction in physical activity taking into account their performance and functionality; many are not fully ready to perform standard educational applied physical training. To improve the situation, applied physical education (APE) is crucial. APE is a pedagogical process of professional and applied physical training, during which students with disabilities sufficiently increase the range of adaptive body capabilities, form professionally important qualities and, as a result, professional adaptation. The method of stabilometry was used as APE criteria. This method studies the balance of the human body by tracking the quality of the equilibrium function, that is, the dynamics of applied motor skills development in people. Stabilometric indicators of students with disabilities were compared before and after the professional applied preparation phase. 39 students of the South Ural State University and 31 of the South Ural State Institute of Arts were tested. Following the experimental method, the stages of the educational process organization were implemented during classes twice a week to reduce the period of adaptation to physical loads and to increase motor preparedness. The first stage was educating and training of a person during general physical training via lectures, conversations, problem-based presentation of material, etc. The second stage was actualizing of students' body capabilities and individual features via professional and applied physical training. The third stage was independent performance of activity in the selected type of physical exercises which can be corrected, specified, modified. The results of the study indicate that stabilometric control in APE of in students with disabilities allows to timely and quickly identify the level of adaptive body capacity to physical activity, regardless of the factors and conditions of the selected professional activity.

REFERENCES

1. Korovin, S.S. (2018) Methodological Foundations for Vocational Physical Education Theory. *Teoriya i praktika fiz. kul'tury*. 4. pp. 43–44. (In Russian).
2. Zagrevskaya, A.I. (2014) Sports education of students as a subject of system research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 380. pp. 176–180. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/380/29
3. Yanchik, E.M., Yanchik, V.V. & Motorin, B.M. (2014) [An individual approach when conducting classes with students of a special medical group at a university]. *Nauka YuUrGU* [Science of SUSU]. Proceedings of the 66th Conference. Chelyabinsk: South Ural State University. pp. 851–855. (In Russian).
4. Gaynullin, R.A., Isaev, A.P. & Korableva, Yu.B. (2015) Evaluation of Students' Statokinetic Resistance by Stabilometric Analysis. *Meditsinskiy vestnik Bashkortostana – Bashkortostan Medical Journal*. 10 (4). pp. 45–50.

Received: 20 May 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 207–214. DOI: 10.17223/15617793/447/25

УДК 37.025; 37.036.5

Э.В. Галажинский, В.И. Кабрин

ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ ТРАНСФЕССИОНАЛА В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ УНИВЕРСИТЕТА

Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Представлен обзор и анализ проблемы понимания творческой личности трансфессионала в контексте университетского образования на основе транскоммуникативной парадигмы, ведущей к новому синтезу холодинамического и ноодинамического подходов в гуманитарных и естественных науках. В проекте решения проблемы предложена четырехуровневая схема транскоммуникации, в которой раскрываются качества креативного лидерства как сквозной компетенции личности трансфессионала. Подчеркивается, что наиболее эффективное формирование качеств креативного лидерства происходит в различных группах интенсивного опыта с применением имагинативных методов развития творческого потенциала.

Ключевые слова: холодинамика; ноодинамика; трансфессионал; креативное лидерство; транскоммуникация; имагинативные методы.

Введение

Перспективы эффективного образования творческой личности в современных условиях мировых культурно-экономических потрясений приобретают особую остроту и становятся мировоззренческими, управленческими и в широком смысле образовательными вызовами, требующими креативных решений. Учитывая быстроту и сложность происходящих изменений – образовательных, управленческих и в целом мировоззренческих, необходимо понять качественную трансформацию методов управления, активно влияющих на стратегию выживания и развития университетов. При этом назрел переход к новым социально-антропологическим проектам, таким как, например, «Человек креативный» (В.С. Ефимов) [1. С. 40]. На первый план выходит проблема потенциала креативного лидерства личности трансфессионала, формирующая мобильную творческую атмосферу эффективной работы групп актуальных прорывных проектов.

Скорость изменений в проблемном пространстве высоких технологий цифровой эпохи и соответствующих им научно-образовательных задач разворачивает потенциал самообновления возможностей университета в сторону трансдисциплинарных исследований комплексных проблем и программ трансфессионального образования (И.А. Колесникова) [2].

Цель данной работы – анализ возможностей применения современных методологий для развития творческого потенциала личности трансфессионала.

Предлагается транскоммуникативная модель синтеза синергетического и холодинамического подходов в интеграции естественно-научного и гуманитарного знания для обеспечения трансдисциплинарной стратегии развития научно-образовательного процесса, формирующего трансфессионала с высоким потенциалом креативного лидерства (Э.В. Галажинский, В.И. Кабрин, М. Джексон) [3, 4].

Творческий холизм трансфессионально-ориентированного научно-образовательного процесса

Научная трансдисциплинарная парадигма активно развивается в контексте обновляющегося транскультурального мировоззрения, в котором становится более ощутимой синергия наук, искусств, технологий и культуры в целом. Останется ли эта культура в ее современной сетевой (онлайн) ориентации с «трансгуманистической» утопией (Г.Л. Ильин) [5] или примет возможность развиваться в трансперсональной ноэтической перспективе (М. Мерфи, Х. Феррер, М.Б. Менский, Р. Пенроуз) [6–9] – вопрос открыт. В связи с холодинамической ориентацией современной науки последняя перспектива может вдохновлять.

Синхронистичность движения творческих идей в ноосфере и элементарных частиц в квантовом мире и в вновь может быть осмыслена в едином универсуме бытия и сознания (С.Л. Рубинштейн) [10], в имплицитной и эксплицитной реальности (Д. Бом, М. Талбот) [11, 12].

Вспоминая провидческие мысли Анаксагора об организующем приоритете мирового интуитивного ума (ноуса), обращаясь к идеям-эйдосам Платона в понимании ноэтического холизма мира и переходя к современным интерпретациям имплицитного и эксплицитного порядка Д. Бома, можно увидеть единство холодинамики и ноодинамики экологической эволюции (как в целом, так и на уровне конкретных систем, организаций).

Продолжая этот мировоззренческий вектор в развитии идеи университета (К. Ясперс) [13], R. Barnett разворачивает концепцию экологического университета (Barnett, 2017) [14]. В 15 основных тезисах он конкретизирует многоплановость взаимоотношений холодинамической и ноодинамической онтологий в развитии университета. «Развитие экологических возможностей каждого университета требует воображения и институционального бесстрашия. (Экологические возможности университета не могут быть получены простым экологическим сканированием ситу-

ации, они должны быть умозрительно созданы и воплощены в жизнь)… университет является реальным социальным институтом и представляет собой идею… Идея экологического университета является одновременно реалистической и идеалистической… она предполагает критический взгляд на то, как университеты стали необоснованно привязаны к инструментальным основаниям и потерпели неудачу в восприятии мира как неотъемлемой ценности и интереса» [14. P. 17–18].

R. Barnett указывает на серьезную проблему современного университета, которая в соответствии с его природой требует качественно нового разрешения. Рефлексивный взгляд со стороны западного научного сообщества также видит опасность в управленчестве, которое не только «проникло в любую возможность человеческого существования... но и просочилось в каждый закоулок университетской жизни» (S. Shepherd) [15. P. 1668]. При этом экологический университет рассматривается как «слабый отблеск утопической надежды о будущем современного прагматичного университета… зараженного такими “пагубными идеологиями”, как предпринимательство, глобализация и менеджериализм» (G. Badley) [16. P. 631].

В связи с этим вновь акцентируется смысловая парадигма качественного трансдисциплинарного образования в современном университете.

И.А. Колесникова обращает специальное внимание на транссмысл метафор в сложных ситуациях трансдисциплинарной коммуникации, приводя данные исследования о роли метафоричности в процессах транскоммуникации [2]. Она ссылается на результаты диссертационного исследования, проведенного в рамках научного проекта «Транскоммуникация» (С.В. Лебединская) [17].

C.A. Alves показывает результаты постдипломного обучения (университет Unipaz-RJ – Бразилия), основанного на трансдисциплинарном и холистическом подходе в динамично трансформирующихся технологических, политических, культурных и социальных изменениях. Тематика образовательного курса объединяет четыре компоненты «человеческих *умственных способностей*, выраженных через физические, эмоциональные, интеллектуальные и *духовные* факторы. Процесс обучения согласуется с образованием и заботой, способствуя возникновению *парадоксальных связей* между двумя полушариями мозга» [18]. По опытным наблюдениям автора, такая идея – жизнь в интеграции со всей Вселенной – необратимо меняет людей. Человек восстанавливает мир путем интеграции между людьми и структурами, а также через синтеграцию наук, философии, искусств и духовных традиций.

Этот подход требует нового типа творческой коммуникации, объединяющей сложное трансдисциплинарное пространство соответствующего комплекса научных и образовательных дисциплин. Соразмерной этой задаче является концепция и методология транскоммуникации как в эволюционно-экологическом, так и в культурно-историческом масштабах. Именно в транскоммуникативных событиях можно по-новому увидеть органическое и смысловое единство холо- и ноодинамики в диапазоне личности, группы и организации.

Методология и феноменология развития транскоммуникативной культуры личности трансфессионала

Новый тип сознания и новый тип мировоззрения являются первичными социокультурными и социально-психологическими контекстами, без которых невозможна реализация нового типа трансфессионального образования. Новый тип сознания прорастает с освоением все более динамичных процессов реальности. Он заключается в переходе от традиционных и уже инертных рационалистических оснований к ноодинамическим акцентам, связанным *с развитием интуитивного ума и творческой интуиции.*

Аналитическим концептом, соразмерным новому мировоззрению и творческому трансфессиональному образовательному процессу, может стать концепт транскоммуникации. В нем холодинамические универсалии (эмерджентность, аттрактивность, фрактальность, голографичность) переводятся в живую ткань человеческого общения.

Транскоммуникация – это латентный смысловой динамизм, транзит, который возникает в любой форме общения, ориентированного на поиск, обнаружение и образование смысла. Трансдинамизм как «внутренний нерв» коммуникации меняется синхронно с изменением состояний сознания партнеров общения. Он показывает возможность общения с качественно *инаковыми* субъектами – как с «братьями меньшими», так и с более сложными смысловыми образованиями – историческими и культурными персонажами, группой, нацией, государством, формируя с ними *смысловые отношения*. Нисходящая (духовно-телесная) транскоммуникация позволяет понять – до какой степени наше воображение может менять собственно телесный органический образ жизни.

Биологи часто недоумевают, почему мозг одинаково (!) реагирует на образы восприятия (созданные на основе физической информации физических органов чувств) и на *образы воображения*, полученные сверхчувственным смыслообразованием сознания. Для психологов, деятелей науки и образования, это, может быть, самое ценное качество мозга – принимать идеи, эйдосы, мыслеобразы не менее и даже более серьезно (предвкушение), чем физические раздражители. Б. Лотто отмечает, что «…через воображение мы на самом деле меняем наши нейроны (историю) и, следовательно, перцептивное поведение <…> С. Кослин – гений и отец основатель смелого образовательного проекта Minerva… с использованием функциональной магниторезонансной томографии совершил прорыв, доказав: для мозга нет разницы – представлять зрительные образы или видеть их… вы можете применять визуализацию в любой сфере жизни… для мозга “реальность” намного более широкое и вместительное понятие, чем наша узкая и общепринятая концепция реальности как физического опыта и не-реальности – как вымышленного. На нейроклеточ-

ном уровне мы переживаем обе» [19. С. 159–160]. Такое нейродинамическое обобщение в контексте новых исследований подтверждает *транскоммуникативную природу* специфического *качества человеческой жизни.* Все символически означенные события требуют воображения для их осмысления. В любой культуре это настолько универсально, что, как правило, уже не осознается на уровне личности, а нейродинамика мозга, обученная и перестроенная культурно-историческими поколениями, работает безотказно.

Отсюда новое дыхание методов идеомоторной тренировки, динамической медитации и активного воображения [20, 21]. В имагинативных методах образования происходит *транскоммуникативная встреча ноодинамических и нейродинамических процессов*. Такая встреча – не механическая, а преображающая и придающая смысл нейродинамике и телесности в целом, которая при этом становится символичной. Транскоммуникативный подход в образовании делает его ноэтическим, т.е. создающим интуитивно-творческую основу для формирования трансдисциплинарных конструктивных компетенций трансфессионала.

Транскоммуникация образует мост или синтез творчества и культуры. В заданном нередуктивном контексте транскоммуникативной холархии выделяется четыре уровня – масштаба – «единицы» творческого процесса.

I. Креативность транскоммуникативного импульса Встречи

Транскоммуникативный импульс уже легко обнаруживается в альтруистической улыбке младенца (в отличие от улыбки – удовольствия от питания). Однако такой приятной встрече с мамой предшествовал ряд стрессогенных ситуаций родовой деятельности и внезапная встреча с абсолютно незнакомым «чужим» внешним миром. У взрослых эта проблема встречи, как правило, связана с конфликтом полярных мотивов – «жаждой изречения» и «страхом обреченности». Встреча – это всегда выход за пределы «себя» в реальную неопределенность с *переживанием децентрации,* что неизбежно образует рефлексивную суперпозицию – основу сознания. Этот выход не гарантирует «чудо встречи», но содержит риск провалиться в пустоту игнорирования, непонимания, отчуждающих насмешек или конфронтаций. Встреча как децентрация, как преодоление аутизма, эгоцентризма – *это всегда риск.* Но только в нем и проявляется первичный потенциал креативности и «достижений», поскольку состоявшаяся встреча, в отличие от механического взаимодействия, есть *преодоление себя и открытие нового*.

Таким образом, транскоммуникативный импульс встречи начинается со стресс-мобилизации. Эустресс, т.е. собственно «коммуникативный стресс», индуцирует «транс» как переход границ и децентрацию, что неизбежно увеличивает вероятность отклика и реализацию встречи. Поскольку речь идет о трансформации новой энергии стресса в энергию транса, мы получаем первичное представление о транскоммуникативном факторе как стресс-транс-формации (СТФ). В этом случае Встреча (с партнером или любым событием в жизненном мире человека) может рассматриваться как первичное творческое достижение в качестве переживания новой синтонности и синхронистичности, т.е. как транс, содержащий новый смысл.

II. Творческий потенциал элементарной транскоммуникативной ситуации

Рассматривая транскоммуникативный фактор в эксплицитном, ситуативно-дифференцированном плане, можно выделить основные функциональные моменты-позиции базовой транскоммуникативной ситуации. Это *партнеры* с циклически меняющимися позициями *коммуникатора* и *реципиента*; *предмет* общения, удвоенный в «опытах» партнеров, и, конечно, удвоенная интерпретация способов *символизации* партнерами предмета (язык, тезаурус, дискурс, стиль и т.п.).

Эта многосторонняя проблемная ситуация требует креативного решения в транскоммуникативных инициативах партнеров, а именно – в децентрациях. Уход в стереотипные «конвенции по поводу» ведет скорее к фальсификации общения, недоразумения от которого могут сохраняться долго, но неизбежно приводят к взаимным разочарованиям. Транскоммуникативной инициативы партнеров требуют обе координаты общения – *интерактивная* (ориентация партнеров друг на друга и друг в друге) и *информативная* (ориентация партнеров во встречных презентациях «предмет – язык»):

– я формирую интеракцию с партнером, исходя из своего образа себя и образа партнера, каким я его себе представляю, но партнер также исходит из своего (другого) образа себя и меня;

– предъявляя предмет общения якобы общепринятыми языковыми средствами, я исхожу из уникального, сокровенного опыта их освоения, а при этом партнер поступает точно также, т.е. совсем по-другому.

Даже длительные квазинаучные дискуссии об определении общего смысла опыта и единства интерпретаций тезаурусов и дискурсов могут создать лишь временную успокаивающую иллюзию договоренности для неповторимой ситуации.

Естественный, интуитивный, творческий способ воссоединения коммуникативной ситуации в жизни существует – обозначим его как «синхронная обратная связь» (СОС).

Человеческая коммуникация всегда протекала как *динамическая синестезия* аудиальных и визуальных, интерактивных и эмотивных образов. И в современном общении задействованы все эти векторы синестезии и трансформации, даже когда речь идет о специализированных «деформированных» формах «односторонней» публичной коммуникации – псевдомонологе (лекции, докладе, проповеди и т.п.). Конкретно это выглядит так. Когда мы произносим длинную речь слушателям, то на поверхности – односторонняя *аудиальная* коммуникация. Но многие из вовлеченных в процесс синхронно становятся коммуникаторами в *визуальном* канале, имея множество средств (часто неосознанных), показывающих свое понимание – непонимание, согласие – несогласие, принятие – непринятие, важность – неважность, внимание – игнорирование, вовлеченность – безразличие, со-размышление –

отвлеченность, восторг – возмущение… Этот многомерный спектр визуальной коммуникации кажется бесконечным – не менее, чем аудиальная болтливость коммуникатора.

Спонтанно реагируя в качестве реципиента на всю эту мозаику встречной визуальной информации, мы синхронно можем *импровизировать* множеством лингвистических и паралингвистических вариаций речевого сообщения. Таким образом, внешне односторонний монолог может оказаться интенсивным творческим диалогом, если мы в качестве коммуникаторов погружены с СОС. *Синхронный интуитивный «перевод» и трансформация визуальных образов-ответов в аудиальные речевые образы рождают транссмыслы.* Я и партнер становимся соавторами творческого транскоммуникативного процесса, создающего общую атмосферу *ситуации встречи*.

III. Творческая динамика транскоммуникативного пространства личности, группы, организации

Коммуникативное пространство – это пульсирующее поле интенций разной энергетической плотности, где культурно-исторически определились основные формы общения: контакты, беседы, диалоги, отношения. В нем раскрываются транскоммуникативные интенции, имеющие определенную специфику креативности:

– архетипические «пресубпозиции» *Контактов* (неожиданный контакт глаз, взглядов со спонтанно возникающей симпатией или антипатией) – в интуитивной проницательности и смелости взгляда;

– ситуативные интересы, образующие почву для *Бесед*, – в формировании позиций собеседников, креативной оригинальности дискурса;

– актуализированные компетенции, инициирующие *Диалоги* и *Дискуссии*, – в остроумном решении проблем;

– ценностно-смысловые *Отношения* – в мудром жизнетворчестве.

Целостная творческая потенциализация коммуникативного пространства образуется переходами между этими разноуровневыми формами общения. Но именно Отношения создают, расширяют и углубляют его сквозные транссмысловые контексты.

Построение картографии таких пространств, разных в разных сферах сотворчества, становится перспективной задачей проектирования *транскоммуникативного образовательного хронотопа* развития творческой личности.

IV. Сотворение транскоммуникативного мира человека

Емкий и живой универсум бытия человека как личности приходит с самим младенцем – с его трансцендентным криком, а чуть позже – с той самой альтруистической улыбкой. Этот феномен – *рождение личности* и ее жизненного мира – пробный камень психологии, да и антропологии в целом. Существует множество его интерпретаций от телесноориентированной до трансперсональной парадигм, но здесь сконцентрируемся на креативном аспекте жизненного мира студента (а значит и преподавателя).

Мир личности студента в группе похож на созвездие уникальных добровольных избирательных, ориентированных на взаимность отношений по важным аспектам (семантика, партнеры, интересы, переживания времени). Он похож на его повседневный коммуникативный мир за пределами конкретной учебной группы. Иными словами, из группы в группу – от первичной (семейной) до разных последующих компаний, тусовок, организаций, коллективов – человек несет в себе и с собой какую-то архетипическую или *паттернальную структуру как потенциально вакантную*. Он ищет свой коктейль уникальности-избирательности-взаимности для оптимальной полноты самореализации и роста.

Ноэтическое понимание природы транскоммуникативного мира личности позволяет рассматривать его как высшую ступень со-творчества и соприсутствия; а самореализация становится сореализацией и соучастием в трансфессиональном научно-образовательном процессе.

Именно в масштабе транскоммуникативного мира в течение всей жизни человека происходит творческая потенциализация базовых человеческих отношений и качественный духовный рост (В.И. Кабрин) [22, 23]. Транскоммуникативные миры студентов, формирующиеся в трансдисциплинарном образовании, могут создать внутреннюю мотивацию к инициативной творческой форме общения в групповом решении междисциплинарных проблем научно-исследовательского и проектно-технологического планов. В этом контексте коммуникативная культура трансфессионала с необходимостью поднимается на уровень креативного лидерства.

Креативное лидерство как базовая компетенция личности трансфессионала: критериальные основания

В анализе идеи и проблематики трансфессионализма, идущей от методологических семинаров Г.П. Щедровицкого и О.И. Генисаретского, обобщаются прагматические характеристики поведения и динамических компетенций (Н.А. Ткачёва, А.Б. Фокина) [24]. Но чтобы не консервировать упрощенный стереотип трансфессионала как сетевика-навигатора, «дилетанта широкого профиля», вызывающего иронический скепсис у традиционалистов, назрела потребность в понимании глубинного и перспективного фактора трансфессионализма, формирующего новый тип личности будущего. Выделим два центральных вектора становления такой личности.

1. Высокая чувствительность к перспективным проблемам через глубокое креативное погружение в противоречивую область опыта и знаний на стыках смежных профессий и далеких друг от друга наук. В нашем случае это, например, синтез методологий квантовой холодинамики и психологической ноодинамики креативных состояний сознания (М. Талбот, К. Уилбер, С. Котлер, Р. Пенроуз) [9, 12, 21, 25].

2. Творческая коммуникабельность на основе предрасположенности к освоению *культуры транскоммуникации*, рассмотренной выше.

В едином пространстве этих векторов определяется *потенциал креативного лидерства трансфессио-*

нала как его базовая личностная компетенция. Можно сказать, что она формируется в этом коммуникативно-креативном пространстве Встречи с Новым. Коммуникативный и креативные процессы, описываемые обычно отдельно друг от друга в культуре и искусстве таких встреч, обнаруживаются как аспекты единого холодинамического и ноодинамического события, плодотворность которого – в новом порожденном транссмысле. Когда партнеры обнаруживают друг друга иными, т.е. новыми друг для друга, потому что каждый удивился и децентрировался от себя прежнего во встрече с новой проблемой-событием, их взаимное креативное лидерство становится конкурентно-сотрудничающим, т.е. оптимально плодотворным.

В контексте трансфессионального образования и практического решения комплексных проблем узкий специалист неизбежно выходит за рамки сугубо профессиональных компетенций. Попадая в трансфессиональное пространство интегральной проблематики, он неизбежно становится на какое-то время дилетантом для других профессионалов, которых он воспринимает как дилетантов в своей профессии. Это сложная и важная для профессионально-личностного роста проблема может быть решена через:

– освоение нового типа творческой коммуникации в трансфессиональном пространстве, где нужно научиться уважать смежные профессии не меньше, чем свою, вникая в суть и не путаясь в частностях;

– содействие формированию взаимной толерантности к «дилетантам»;

– активацию креативной инициативы в столкновении с неожиданным, чтобы указанные изменения не были поверхностно-декларативными;

– конструктивный вклад в общее трансфессиональное решение лидерским позиционированием в отстаивании своих, даже интуитивно дилетантских и неожиданных для других предложений.

Трансфессиональная коммуникация является главным фактором развития потенциала креативного лидерства трансфессионала, так как именно в ней чаще возникают встречи с неожиданно новым опытом. Таким образом, креативное лидерство – это не просто еще один тип лидерства в ряду общеизвестных, хотя такая редукция была бы более воспринимаемой и понятной, особенно для руководителей разных уровней. Совсем другое дело, когда такая альтернатива предлагается в качестве основной перспективы для саморазвивающихся образовательных организаций (В.И. Кабрин, Э.В. Галажинский, 2017) [3, 26].

Парадоксальное мышление А. Эйнштейна и опыт его научных открытий показал, что «ни одна проблема не может быть решена на том же уровне сознания, на котором она создана» [27]. Последнее время лидеры крупных организаций становятся все более чувствительными к незримым на первый взгляд границам компетенций и возможностей, выходящих за рамки административных. В Центре креативного лидерства (CCL, США), разрабатывающем и практикующем систему Пограничного лидерства (BSL) по всему миру, обнаружили 181 такую границу, а по частоте встречаемости выдели пять основных: вертикальные, горизонтальные, границы стейкхолдеров, демографические и географические. C. Ernst, D. Chrobot-Mason [28] обнаружили типичную для лидеров ловушку понимания, или «ограничивающие убеждения» – восприятия этих границ как барьеров, – и сформулировали проблему – учиться воспринимать границы как мосты к инновационным и преобразующим решениям. В этой связи внимание уделяется образованию трансграничных кросс-функциональных команд, виртуальных рабочих групп и межотраслевому партнерству (S. Jones, G. Lefoe, M. Harvey, K. Ryland) [29].

P. Ibbotson, L. Darso расширяют понятие творческого лидерства как пограничного феномена, где заложены перспективы для жизни и борьбы с неопределенностью. Через развитие компетенций присутствия, осознания, бдительности и видения лидер может увидеть то, что еще туманно просматривается для других [30].

Это основные направления развития нексус-эффекта (от лат. nectere – связывать). Эта метафора для лидеров, работающих на связях между границами и центром темы или ситуации через групповое связывание разделяющих их различий ради достижения коллективного холистического эффекта, когда 1+1 > 2, а 2+2 > 5. В комплексном интервьюировании крупных университетских лидеров отмечается, что «респонденты обычно не использовали навыки BSL в качестве явного лидерского подхода. Значительная часть их понимания охвата границ оказалась скрытой или молчаливой. Дальнейшее рассмотрение этих вопросов требует более детального анализа на уровне отдельного лидера» (Prysor, Henley, 2018) [31].

Эта актуальная проблема имеет явную транскоммуникативную природу. Через понимание транскоммуникации как творческого преобразования научно-образовательного процесса и развития пограничного и трансграничного креативного лидерства, достигается качественно новый эффект, расширяющий возможность подготовки трансфессионалов.

Наиболее близкой к перспективному решению подготовки настоящих, т.е. креативных суперлидеров представляется концепция Ч. C. Manz и H. Sims: «суперлидер должен способствовать появлению “самолидерства” у подчиненных, исполняя роль не диктатора, а учителя и воспитателя: он поощряет их ставить собственные цели и не бояться совершать ошибок» [32. P. 30].

Анализируя культурно-исторический опыт, R. Sternberg, J. Kaufman, J. Pretz отмечают, что творческий лидер генерирует идеи, которые «могут выглядеть глупыми, бесполезными и… быть даже раздражающими и оскорбительными» [33. P. 146]. Такой лидер вдохновляет других на развитие таких рискованных и неожиданных идей, тем самым создавая их инвестиционную емкость. По-сути, он децентрируется от собственного авторства, формируя более альтруистическую атмосферу в команде.

Креативный лидер не только искренне радуется и поощряет высокие креативные достижения своих коллег, но и реально выстраивает стратегию создания условий и доверительной атмосферы для того,

чтобы они стремились превзойти его собственные результаты. В этом смысле такой человек осознает и переосмысливает свой талант и становится мудрой децентрированной сильной личностью, преодолевающей свои естественные эгоцентрические амбиции.

Для качественного совершенствования среды постиндустриального инновационного общества необходимо готовить креативных лидеров на уровне трансдисциплинарных учебно-образовательных программ университетов. Эффективнее всего это начинать с первых занятий, когда вчерашние абитуриенты еще полны ожиданием новизны и еще не взыграли старые привычные рефлексы. Это возможно, если сами преподаватели, тренеры, консультанты обнаруживают себя креативными лидерами, разделяя при этом общий трансформационный риск со студентами. Например, обязательный курс образовательного стандарта «Отрасли психологии, психологические практики и психологические службы» мог оказаться рутинным и скучным для магистрантов. Однако с первых дней занятий мы доверили каждому подготовить личную модификацию и апробацию в учебной группе любой заинтересовавшей студента психологической практики, актуализирующей и развивающей самые разные стороны личности. По-сути, каждому предлагалось провести с группой занятие в качестве креативного лидера.

На глазах, от занятия к занятию, менялась креативная позиция, нарастала взаимная восприимчивость и отзывчивая ответственность, расширялся диапазон приемлемости, уважения, доверия друг к другу; в группе возникала особая креативная психологическая атмосфера с ее растущим переносом и на другие дисциплины; складывались условия междисциплинарного, трансфессионального видения ключевых проблем; рушились барьеры между физикой, биологией, лингвистикой, философией и теологией. Далее выстраивалась система раскрытия креативного потенциала личности магистранта от интенсивного погружения в первичную Встречу до самостоятельного формирования креативного мира в группе для реализации прорывного проекта (С. Финкельштейн, Т. Лотон, Ч. Харви, 2007) [34].

Ставка на креативное лидерство позволила динамично трансформировать живой материал в проект новой образовательной технологии, сотканной из уникального опыта каждого участника как лидера и инициатора изменений и как изменившегося реципиента преобразующих воздействий.

Стратегия проблемно-ориентированных автономных программ магистратур в университете ощутимо расширяет естественную трансдисциплинарную почву и транскоммуникативную среду формирования обновленного мировоззрения и новых компетенций креативного лидерства трансфессионалов. В этом направлении свой потенциал показали коммуникативно-креативные тренинги – от универсальных сессий ритм-синтеза (ритм объединяет всех) до имагинативных практикумов поиска творческих решений. Такой репертуар потенциализации креативного лидерства участников научно-образовательного процесса ограничивается только гибкими пределами целесообразности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефимов В.С. Вызовы будущего: высшая школа России в ситуации постиндустриального перехода // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. 2012. № 3. С. 40–57.
2. Колесникова И.А. Трансдисциплинарная стратегия исследования непрерывного образования // Непрерывное образование: XXI век. Вып. 4 (8). 2014. DOI: 10.15393/j5.art.2014.2642
3. Кабрин В.И., Галажинский Э.В. Психологические перспективы потенциализации креативного лидерства трансфессионала в университетском образовании // Новые психологические контексты становления личности в меняющемся мире / под. ред. Э.В. Галажинского, В.И. Кабрина. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2017. С. 11–69.
4. Джексон М. С. Системное мышление: Творческий холизм для менеджеров / науч. ред. и пер. с англ. Ф.П. Тарасенко. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2016. 404 с.
5. Ильин Г.Л. «Трансгуманизация» современного образования // Высшее образование в России. 2018. № 1 (219). С. 133–142.
6. Мерфи М. Будущее тела. Исследование дальнейшей эволюции человека. М. : РИПОЛ классик, 2010. 912 с.
7. Феррер Х. Новый взгляд на трансперсональную теорию. М. : АСТ, 2004. 397 с.
8. Менский М.Б. Феномен сознания с точки зрения квантовой механики // Метафизика. 2012. № 1 (3). С. 103–114.
9. Пенроуз Р. Циклы времени. Новый взгляд на эволюцию Вселенной. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. 333 с.
10. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб. : Питер, 2017. 288 с.
11. Бом Д. Развёртывающееся значение. Три дня диалогов с Дэвидом Бомом / пер. М. Немцова // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 01.02.2011. URL: https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5119
12. Талбот М. Голографическая Вселенная. Новая теория реальности. М. : София, 2016. 384 с.
13. Ясперс К. Идея университета. Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 2006. 159 с.
14. Barnett R. The Ecological University. A Feasible Utopia. London : Routledge. 2017. 228 p.
15. Shepherd S. Managerialism: an ideal type // Studies in Higher Education. 2018. Vol. 43, № 9. P. 1668–1678. DOI: https://doi.org/10.1080/03075079.2017.1281239.
16. Badley G. The pragmatic university: a feasible utopia? // Studies in Higher Education. 2016. Vol. 41, № 4. P. 631–641. DOI: https://doi.org/10.1080/03075079.2014.942269
17. Лебединская С.В. Исследование транскоммуникативных процессов в рефлексивной метафоре // Транскоммуникация: преобразование жизненных миров человека / под. ред. В.И. Кабрина. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та. 2011. 400 с.
18. Alves C.A. Answers from the Holistic Transdisciplinary Paradigm to the Contemporary Chalenges in Education: The Subject Awakening and Integration among Sciences, Tradition, Wisdom and Experiences // Open Access Library Journal. 2016. № 3. DOI: http://dx.doi.org/10.4236/oalib.1102497
19. Лотто Б. Преломление. Наука видеть иначе. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. 368 с.
20. Активное воображение. Юнгианский подход / под ред. Б. Дорст, Р. Фогеля. Харьков : Гуманитарный Центр, 2016. 200 с.
21. Уилбер К. Интегральная медитация. М. : Рипол классик, 2017. 368 с.
22. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. : Смысл, 2005. 248 с.

23. Кабрин В.И. Психологический универсум человека ноэтического // Психологический универсум образования человека ноэтического: сб. ст. / под. ред. В.И. Кабрина, Э.И. Мещеряковой. Томск : Водолей, 1999. С. 47–59.
24. Ткачёва Н.А., Фокина А.Б Трансфессионализм и профессиональный потенциал молодежи // Успехи современной науки и образования. 2016. № 9, Т. 2. С.185–186.
25. Котлер С., Уил Д. Похищая огонь. Как поток и другие состояния измененного сознания помогают решать сложные задачи. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. 256 с.
26. Кабрин В.И. Креативное лидерство в холодинамике коммуникативных миров самообновляющейся организации // Сибирский психологический журнал. 2017. № 63. С. 170–183. DOI: 10.17223/17267080/63/12
27. Чернова Е.В. Хаос и порядок: фрактальный мир // Природа. 2015. № 5. С. 34–45. DOI: 10.1128/JVI.77.1.45 56.2003
28. Ernst C., Chrobot-Mason D. Boundary Spanning Leadership: Six Practices for Solving Problems, Driving Innovation, and ransforming Organizations by Chris Ernst and Donna Chrobot-Mason. Published in partnership – Center for Creative Leadership and New York : McGraw-Hill, 2011.
29. Jones S., Lefoe G., Harvey M., Ryland K. Distributed leadership: a collaborative framework for academics, executives and professionals in higher education // Journal of Higher Education Policy and Management. 2012. Vol. 34, is. 1. P. 67–78. DOI: https://doi.org/10.1080/1360080X.2012.642334
30. Ibbotson P., Darso L. Directing creativity: The art and craft of creative leadership // Journal of Management & Organization. 2008. Vol. 14, is. 5. P. 548–559. DOI: 10.5172/jmo.837.14.5.548
31. Prysor D., Henley A. Boundary spanning in higher education leadership: identifying boundaries and practices in a British university // Studies in Higher Education. 2018. Vol. 43, is. 12. P. 2210–2225. DOI: https://doi.org/10.1080/03075079.2017.1318364
32. Manz C., Sims H. Super Leadership: Beyond the Myth of Heroic Leadership // Organizational Dynamics. 1991. Vol. 19, is. 4. P. 18–35.
33. Sternberg R., Kaufman J., Pretz J. A propulsion model of creative leadership // Creativity and Innovation Management. 2004. Vol. 13, is. 3. P. 145–153.
34. Финкельштейн С., Лотон Т., Харви Ч. Стратегия прорыва. М. : Companion Group, 2007. 336 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 24 сентября 2018 г.

The Prospect of the Development of a Creative Personality of a "Trans-Professional" in the Conditions of Changes in the Scientific and Educational Paradigm of the University

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 207–214.
DOI: 10.17223/15617793/447/25

Eduard V. Galazhinskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rector@tsu.ru
Valery I. Kabrin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kabrin@list.ru

Keywords: holodynamics; noodynamic; transcommunication; trans-professional; imaginative methods; creative leadership.

The article presents a project for the development of a creative personality of a trans-professional in the context of education based on the transcommunicative paradigm. The article indicates the crisis of higher education in the transition to a post-industrial society. A social request for a creative person with a trans-professional outlook contradicts formal education, which leads to the degradation of creative and personal dimensions of an individual. The transdisciplinary development of modern sciences and the new scientific worldview lead to a new synthesis of the holodynamic and noodynamic paradigms as the basis for the synthesis of natural and human sciences in education and research projects. In this context, a new image of a university is being formed as a source of a new transcommunicative culture and a trans-professional worldview. The generalization of the latest results of the studies of quantum holodynamics in physics and imaginative neurodynamics in psychology makes it possible to build new ecologically relevant models of transdisciplinary educational programs and scientific and technological solutions. On the basis of the synthesis of the holodynamic and noodynamic paradigms, the authors propose a conceptual and phenomenological scheme of transcommunication, in which the qualities of a trans-professional creative personality are harmoniously revealed and developed. The article shows that a person masters the contexts of life, education and science with multiple scales that evoke four significant transcommunicative culture formations: (1) moments of spontaneous meetings, at which stress-trans-formation reveals something new in the unknown thus creating new trans-meanings; (2) transcommunicative meaningful situations, in which, thanks to syntony and synesthesia, the ability to mutual synchronous feedback arises. (3) transcommunicative environments, in which intuitive insight manifests itself in contact; creative originality of discourse occurs in conversations; ingenious problem solving happens in discussion; delicate wisdom occurs in relationships; (4) in transcommunicative axiological worlds (of personalities, groups, teams), a proactive selective search for an individual configuration of relations is implemented for optimal creative self-realization. It has been established that active participation in these processes of mastering a transcommunicative culture develops creative leadership as a basic competence of a trans-professional personality. Thus, the transcommunicative paradigm organically combines the development of creative and communicative features of a personality in scientific and educational projects of a university, which in traditional approaches hardly correlate.

REFERENCES

1. Efimov, V.S. (2012) Future challenges: high school of Russia in postindustrial transition. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya – Vestnik NSUEM*. 3. pp. 40–57. (In Russian).
2. Kolesnikova, I.A. (2014) Transdisciplinary strategy of lifelong education research. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek – Lifelong education: The XXI century*. 4 (8). (In Russian). DOI: 10.15393/j5.art.2014.2642
3. Kabrin, V.I. & Galazhinskiy, E.V. (2017) Psikhologicheskie perspektivy potentsializatsii kreativnogo liderstva transfessionala v universitetskom obrazovanii [Psychological prospects for the potential of creative leadership of a transfessional in university education]. In: Galazhinskiy, E.V. & Kabrin, V.I. (eds) *Novye psikhologicheskie konteksty stanovleniya lichnosti v menyayushchemsya mire* [New psychological contexts of personality formation in a changing world]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 11–69.
4. Jackson, M.S. (2016) *Sistemnoe myshlenie: Tvorcheskiy kholizm dlya menedzherov* [Systems Thinking: Creative Holism for Managers]. Translated form English by F.P. Tarasenko. Tomsk: Tomsk State University.
5. Il'in, G.L. (2018) "Transhumanization" of Modern Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 1 (219). pp. 133–142. (In Russian).
6. Murphy, M. (2010) *Budushchee tela. Issledovanie dal'neyshey evolyutsii cheloveka* [The Future of the Body: Explorations into the Further Evolution of Human Nature]. Translated form English. Moscow: RIPOL klassik.
7. Ferrer, J.H. (2004) *Novyy vzglyad na transpersonal'nuyu teoriyu* [Revisioning Transpersonal Theory]. Translated form English. Moscow: AST.

8. Menskiy, M.B. (2012) Fenomen soznaniya s tochki zreniya kvantovoy mekhaniki [The phenomenon of consciousness from the point of view of quantum mechanics]. *Metafizika*. 1 (3). pp. 103–114.
9. Penrose, R. (2014) *Tsikly vremeni. Novyy vzglyad na evolyutsiyu Vselennoy* [Cycles of Time: An Extraordinary New View of the Universe]. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy.
10. Rubinshteyn, S.L. (2017) *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. St. Petersburg: Piter.
11. Bohm, D. (2011) Razvertyvayushcheesya znachenie. Tri dnya dialogov s Devidom Bomom [Unfolding Meaning | A Weekend of Dialogue with David Bohm]. Translated form English by M. Nemtsov. [Online] Available from: https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5119.
12. Talbot, M. (2016) *Golograficheskaya Vselennaya. Novaya teoriya real'nosti* [The Holographic Universe: The Revolutionary Theory of Reality]. Translated form English. Moscow: Sofiya.
13. Jaspers, K. (2006) *Ideya universiteta* [The idea of the university]. Translated form English. Minsk: Belarus State University.
14. Barnett, R. (2017) *The Ecological University. A Feasible Utopia*. London: Routledge.
15. Shepherd, S. (2018) Managerialism: an ideal type. *Studies in Higher Education*. 43 (9). pp. 1668–1678. DOI: 10.1080/03075079.2017.1281239
16. Badley, G. (2016) The pragmatic university: a feasible utopia? *Studies in Higher Education*. 41 (4). pp. 631–641. DOI: https://doi.org/10.1080/03075079.2014.942269
17. Lebedinskaya, S.V. (2011) Issledovanie transkommunikativnykh protsessov v refleksivnoy metafore [The study of transcommunicative processes in a reflective metaphor]. In: Kabrin, V.I. (ed.) *Transkommunikatsiya: preobrazovanie zhiznennykh mirov cheloveka* [Transcommunication: the transformation of human life worlds]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Alves, C.A. (2016) Answers from the Holistic Transdisciplinary Paradigm to the Contemporary Chalenges in Education: The Subject Awakening and Integration among Sciences, Tradition, Wisdom and Experiences. *Open Access Library Journal*. 3. DOI: 10.4236/oalib.1102497
19. Lotto, B. (2018) Prelomlenie. Nauka videt' inache [Deviate: The Science of Seeing Differently]. Translated form English. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
20. Dorst, B. & Fogel, R. (eds) (2016) *Aktivnoe voobrazhenie. Yungianskiy podkhod* [Active Imagination. A Jungian Approach]. Translated form German. Kharkov: Gumanitarnyy Tsentr.
21. Wilber, K. (2017) *Integral'naya meditatsiya* [Integral meditation.]. Translated form English. Moscow: Ripol klassik.
22. Kabrin, V.I. (2005) *Kommunikativnyy mir i transkommunikativnyy potentsial zhizni lichnosti: teoriya, metody, issledovaniya* [The communicative world and trans-communicative potential of a person's life: theory, methods, research]. Moscow: Smysl.
23. Kabrin, V.I. (1999) Psikhologicheskiy universum cheloveka noeticheskogo [The psychological universe of a noetic person]. In: Kabrin, V.I. & Meshcheryakova, E.I. (eds) *Psikhologicheskiy universum obrazovaniya cheloveka noeticheskogo* [The psychological universe of a noetic person's education]. Tomsk: Vodoley. pp. 47–59.
24. Tkacheva, N.A. & Fokina, A.B. (2016) Transfessionalizm i professional'nyy potentsial molodezhi [Transfessionalism and professional potential of youth]. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 9 (2). pp. 185–186.
25. Kotler, S. & Wheal, J. (2019) *Pokhishchaya ogon'. Kak potok i drugie sostoyaniya izmenennogo soznaniya pomogayut reshat' slozhnye zadachi* [Stealing Fire. How Silicon Valley, the Navy Seals and Maverick Scientist Are Revolutionizing the Way We Live and Work]. Translated form English. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
26. Kabrin, V.I. (2017) Creative leadership in holodynamics of the communicative worlds of self-renewed organization. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 63. pp. 170–183. DOI: 10.17223/17267080/63/12
27. Chernova, E.V. (2015) Chaos and Order: Realm of Fractals. *Priroda*. 5. pp. 34–45. (In Russian).
28. Ernst, C. & Chrobot-Mason, D. (2011) *Boundary Spanning Leadership: Six Practices for Solving Problems, Driving Innovation, and ransforming Organizations*. New York: McGraw-Hill; Center for Creative Leadership.
29. Jones, S. et al. (2012) Distributed leadership: a collaborative framework for academics, executives and professionals in higher education. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 34 (1). pp. 67–78. DOI: https://doi.org/10.1080/ 1360080X.2012.642334
30. Ibbotson, P. & Darso, L. (2008) Directing creativity: The art and craft of creative leadership. *Journal of Management & Organization*. 14 (5). pp. 548–559. DOI: 10.5172/jmo.837.14.5.548
31. Prysor, D. & Henley, A. (2018) Boundary spanning in higher education leadership: identifying boundaries and practices in a British university. *Studies in Higher Education*. 43 (12). pp. 2210–2225. DOI: 10.1080/03075079.2017.1318364
32. Manz, C. & Sims, H. (1991) Super Leadership: Beyond the Myth of Heroic Leadership. *Organizational Dynamics*. 19 (4). pp. 18–35.
33. Sternberg, R., Kaufman, J. & Pretz, J. (2004) A propulsion model of creative leadership. *Creativity and Innovation Management*. 13 (3). pp. 145–153.
34. Finkelstein, S., Lawton, T. & Harvey, C. Breakthrough strategy (2007) *Strategiya proryva* [A breakthrough strategy]. Moscow: Companion Group.

Received: 24 September 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 215–221. DOI: 10.17223/15617793/447/26

ПРАВО

УДК 346.62

О.М. Акимов, О.И. Ларина

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭМИССИИ И ОБРАЩЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ДЕНЕГ

Исследуются правовые основы эмиссии и обращения цифровых денег в России и за рубежом, оцениваются российские нормотворческие инициативы. Делается вывод о невозможности легализации частных цифровых денег (криптовалют) как законного платежного средства в России без необходимых внесений изменений в Конституцию РФ. По мнению авторов необходимо поставить вопрос о расширении законодательных возможностей Банка России по выпуску национальных цифровых денег.

Ключевые слова: цифровые деньги; криптовалюты; правовое регулирование; центральный банк; денежная эмиссия; платежи.

Деньги представляют собой важную общественную категорию и правовой институт. Являясь, с одной стороны, товаром-эквивалентом, с другой – общественной условностью и предметом государственного регулирования, деньги выступают сегодня объектом, требующем переосмысления и формирования новых подходов в регулировании. Эволюция этого института идет стремительно в последнее столетие, что требует пересмотра регулирующих правовых норм.

С точки зрения анализа правовых норм (Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «О Центральном банке РФ (Банке России)», Федеральный закон «О национальной платежной системе») в России в настоящее время существует только одна официально признанная форма денежной единицы – российский рубль. Однако с точки зрения анализа форм возможных платежных инструментов в России могут быть наличные, безналичные и электронные формы платежей, в том числе реализуемые с помощью цифровых технологий. Цифровые технологии представляют собой особый способ передачи сигналов в телекоммуникационных устройствах. Основная идея этой технологии – в представлении сигналов дискретными полосами аналоговых уровней, а не в виде используемого ранее непрерывного спектра. Отметим, что важным нововведением в развитии современных денежных систем является наличие такого пока не до конца осознанного и понятного явления, как цифровые деньги (цифровые валюты или криптовалюты). Как правило, под цифровыми валютами понимают финансовые активы, используемые как платежные единицы, эмиссия которых децентрализована. При этом в мире уже существует более 2 тысяч видов таких эмитированных цифровых валют. Вместе с тем в некоторых странах есть прецедент выпуска криптовалюты центральным банком (например, в Венесуэле), в других ставится вопрос о выпуске национальных цифровых денег (Россия). Таким образом, наряду с децентрализованными цифровыми валютами появляются и национальные цифровые деньги, что определяет необходимость развития правового регламентирования этих явлений.

Первая криптовалюта (биткоин) появилась только 10 лет назад, а впервые электронные платежи были использованы в России около 20 лет назад (в 1998 г.), когда была создана электронная платежная система «ПэйКэш». Правовые же нормы использования этой формы платежей появились только в 2011 г., когда был принят Федеральный закон № 161 от 27.06.2011 «О национальной платежной системе», в котором дается правовая трактовка электронных денег. Следует отметить, что так называемым электронным деньгам присуще противоречие: с одной стороны, они являются средством платежа, с другой – обязательством эмитента, которое должно быть выполнено в традиционных (неэлектронных) деньгах. В то же время такое качество денег, как обязательство эмитента, сделало возможным появление «частных денег», возможность создания которых предсказывал еще Хайек в прошлом столетии [1]. Так, в общей совокупности электронных денег можно выделить фиатные (т.е. законодательно установленная форма платежей) электронные деньги и нефиатные электронные деньги (т.е. относимые к денежным суррогатам, легальность использования которых в платежах не определена). В настоящее время прослеживается эволюция и одной, и другой указанных форм денег. И однозначного и унифицированного развития правового регулирования в мире пока нет.

Развитие информационных технологий сделало возможным появление такого явления, как цифровые деньги (криптовалюты). Иногда понятия цифровых денег и электронных денег смешиваются, что достаточно некорректно. Только электронные деньги пока в России в настоящий момент являются официальной правовой категорией. «Электронное средство платежа – средство или способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств» [2]. Данное определение подтверждает то, что перевод электронных денежных средств осуществляется в рамках применяемых форм безналичных платежей и расчетов, т.е. электронные деньги представляют собой безналичные денежные средства.

Электронные нефиатные деньги представляют собой электронные денежные средства, выраженные в единицах стоимости негосударственных платежных

систем. Эмиссия, обращение и погашение таких денег происходят по внутренним правилам платежной системы. Особой разновидностью нефиатных электронных денег являются виртуальные деньги, включая игровую валюту и криптовалюту. Игровая валюта включает в себя частные (нефиатные) электронные деньги для приобретения и продажи виртуальных товаров и услуг в различных сетевых сообществах, таких как социальные сети, виртуальные миры и онлайн-игры. Особенность виртуальных денег состоит в том, что они не имеют обеспечения ни реальными законными деньгами, ни драгоценными металлами, ни каким-либо другим видом товара, а также по ним отсутствуют юридически обязанные субъекты [3].

Таким образом, несмотря на официально закрепленное национальным законодательством монопольное право на эмиссию денег центральными банками, в настоящее время наблюдается тенденция по формированию «частных денег». В то же время эти «частные деньги» не могут быть признаны деньгами в полной мере, поскольку, как известно, сущность денег раскрывается через их функции. Так, деньги должны выполнять пять классических функций: быть средством платежа, выполнять функцию средства обращения, быть мерой стоимости, выступать средством сбережения, а также выполнять функцию мировых денег. Современные «частные деньги» могут пока выполнять не все перечисленные функции, а лишь отдельные. Вместе с тем, попытка регулирования и создания криптовалют, эмитированных центральными банками, может стать толчком к реальному формированию новых типов денежных систем, основанных на использовании, в том числе частных цифровых денег.

Правовое регулирование частных цифровых денег (криптовалют) является весьма сложной проблемой. Это объясняется следующими факторами: многообразием частных цифровых валют, отсутствием, как правило, у подобных криптовалют единого эмитента, экстерриториальным характером эмиссии (майнинга).

В этой связи интересным представляется изучение опыта стран, которые достигли определенного прогресса в регулировании выпуска и обращения частных цифровых денег. Стоит выделить три основных подхода к правовому регулированию криптовалют. Первый – полный (или частичный) запрет на выпуск и обращение частных цифровых денег. Второй – отсутствие регулирования данного вопроса как такового. И наконец, третий – легализация всех или отдельных аспектов выпуска и обращения частных цифровых денег. В рамках третьего похода могут быть дополнительные подвиды правового регулирования. Рассмотрим на примерах отдельных стран все три подхода.

Полный запрет на выпуск и обращение частных цифровых денег действует в Алжире, Боливии, Египте, Ираке, Марокко, Непале, Пакистане, Объединенных Арабских Эмиратах. Это связано преимущественно с противоречием нормам исламского права, так как любые операции с криптовалютами считаются в данных странах харамом (запрещенными действиями).

Частичный запрет на операции с частными криптовалютами действует в Китае, Колумбии, Индонезии, Иране, Кувейте, Саудовской Аравии и некоторых других. Впрочем, это не мешает Китаю занимать одно из первых мест по майнингу Bitcoin и других известных криптовалют.

Во многих странах регулирование эмиссии и обращения частных цифровых денег (криптовалют) вовсе отсутствует. В большинстве случаев Центробанки или другие органы, ответственные за регулирование финансовых операций, выпускают заявления (statements), в которых они предупреждают потенциальных пользователей о многочисленных рисках, которые возникают из-за различных операций с нерегулируемыми криптовалютами. В ряде случаев в заявлениях говорится, что хотя операции с криптовалютами не запрещены, но они не являются законным платежным средством на территории страны. В качестве примера можно назвать такие страны, как Эквадор, Казахстан, Украина, Узбекистан, Киргизия, Венгрия, Греция и др.

Наиболее интересным представляется изучение правового опыта тех стран, которые достигли определенного прогресса в регулировании криптовалют. Одной из стран, где разрешено использование криптовалюты для повседневных платежных операций, является Канада. По заявлению канадского агентства потребителей финансовых услуг физические лица могут использовать цифровые валюты, чтобы покупать товары и услуги по интернету или в магазинах, которые готовы принимать к оплате подобные валюты. Также разрешена свободная продажа цифровых валют на биржевых площадках. Канадский опыт интересен тем, что, несмотря на легализацию криптовалют, они не считаются законным платежным средством на территории Канады. Законным платежным средством остается только канадский доллар (монеты и банкноты). Торговые точки могут принимать к оплате криптовалюты или не принимать по своему желанию.

Налоговое агентство Канады определяет криптовалюты как товар, соответственно все сделки по оплате криптовалютами трактуются как бартерные сделки. В феврале 2014 г. Канада впервые в мире приняла закон, который подвел виртуальные валюты, включая Bitcoin, под действие национального Закона по противодействию отмывания денег, полученных преступным путем [4. С. 11].

В Аргентине в соответствии с конституцией единственным законным средством платежа являются только деньги Центробанка. И в тоже время из-за текущего валютного и финансового кризиса криптовалюты активно используются на ее территории для совершения платежей как замена песо и иностранным валютам. Официального запрета на использование Bitcoin и других криптовалют в Аргентине нет. Однако прибыль, полученная от продажи цифровых валют, подлежит налогообложению [Там же. С. 7].

На территории постсоветского пространства наиболее значимый прогресс в регулировании криптовалют достигнут в Республике Беларусь. 22 декабря 2017 г. Президентом Белоруссии А.Г. Лукашенко был подписан Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики» (Декрет), который разрешает использование

криптовалют в целях покупки, продажи, обмена и майнинга. Введены существенные требования по регистрации обменных площадок и криптовалютных обменников, являющихся резидентами Парка высоких технологий (особой экономической зоны со специальным налогово-правовым режимом), при соблюдении ими требований к минимальному объему капитала. Для физических лиц Декретом установлен специальный режим операций с цифровыми знаками (токенами). Физические лица могут совершать следующие операции (п. 2.2): майнинг, хранение токенов в виртуальных кошельках, обмен токенов на иные токены, их приобретение, отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, а также дарение и завещание токенов – доходов от майнинга и иных операций. Токены не подлежат декларированию. До 2023 г. доходы, получаемые от майнинга и иных операций с криптовалютами, освобождаются от налогообложения [5].

Отметим также, что Декрет, в отличие от законодательства Канады, не дает право совершать покупки в торговых точках при помощи криптовалют, а это означает, что криптовалюты в Белоруссии не признаются средством платежа (цифровыми деньгами).

Подводя итоги рассмотрения международного опыта, можно заметить, что не существует единых подходов к регулированию такого нового явления, как частные деньги (криптовалюты). В каких-то странах пошли по пути запретов, где-то, наоборот, создают либеральные режимы правового регулирования новых цифровых технологий. Нет стран, в которых криптовалюты признавались бы законным средством платежа, хотя в некоторых допускается их свободное обращение, и по факту они выполняют некоторые традиционные функции денег.

Частные деньги (криптовалюты) могут по-разному наименоваться в законах разных стран. Это могут быть: «цифровые валюты» (Аргентина, Тайланд), «виртуальное имущество» (Канада, Китай), «токены» (Белоруссия, Германия), «платежные токены» (Швейцария), «виртуальный актив» (Мексика), «электронная валюта» (Колумбия), «кибер-валюта» (Италия).

Таким образом, с экономической точки зрения деньги должны выполнять пять известных функций (быть: средством платежа, средством обращения, мерой стоимости, средством сбережения, а также выполнять функцию мировых денег), и эти функции определяют их сущность и природу. С точки зрения правовых норм деньги – это правовой институт и «продукт» государственной власти, что в обязательном порядке закрепляется в мандате центрального банка только за ним. Комплексное взаимодействие этих подходов делает возможным использование каких-либо активов в виде денег.

Как было отмечено выше, на сегодняшний день в мире не сформировано единых норм и правил обращения криптовалют, которые являются частью так называемых цифровых финансовых активов. В современной российской платежной индустрии не определен пока порядок расчетов между участниками экономических процессов с цифровыми финансовыми активами: их регистрация, учет совершенных операций, налогообложение. В общем виде можно сказать, что цифровые валюты – это набор данных в электронном виде, обладающий ценностью. Что касается определения цифрового финансового актива, то оно дано в проекте Федерального закона «О цифровых финансовых активах», в соответствии с которым «цифровой финансовый актив – имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных (криптографических) средств» [6].

В проекте указанного закона отмечено, что к цифровым финансовым активам относятся криптовалюта, токен. При этом обозначено, что цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации. Вместе с тем отметим, что на практике встречаются не только указанные виды активов, но также иные цифровые платежные инструменты (разные конфигурации смарт-контрактов). Применение смарт-контрактов, в соответствии с которым понимается «договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств», предусмотрено указанным законопроектом [Там же]. Однако отметим, что цифровой аккредитив представляет собой платежный инструмент, исполнение которого подразумевает использование криптовалюты при проведении сделки. С одной стороны, использование такого аккредитива является лишь техническим исполнением обычной, установленной и регулируемой государством практики проведения платежных операций, с другой стороны – возможность применения такого механизма противоречит пока не принятым нормам проекта российского Федерального закона «О цифровых финансовых активах». Из этого следует необходимость доработки имеющегося проекта нормативного регулирования цифровых финансов.

Также отметим, что в соответствии с предполагаемым порядком регулирования «лица, не являющиеся в соответствии с Федеральным законом от 22.04.96 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» квалифицированными инвесторами, могут приобрести в рамках одного выпуска токены на сумму не более пятидесяти тысяч рублей». При этом применяется строгий порядок идентификации любого клиента, открывающего электронный кошелек (программно-техническое средство, которое позволяет хранить информацию о цифровых записях). Из обозначенного следует, что, пройдя идентификацию (т.е. доказав свою легальность и легальность своих денежных средств), любое лицо вправе распоряжаться собственным имуществом для вложения в цифровые валюты или, например, что близко по уровню рискованности, купить лотерейные билеты, но не вправе вложить более 50 тыс. рублей в цифровые ценные бумаги. При этом напомним, что в соответствии со ст. 6 ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ операции с денежными средствами или иным имуществом подлежат обязательному контро-

лю, если сумма, на которую она совершается, равна или превышает 600 000 рублей, а идентификация клиента не требуется, если совершается конверсионная операция до 40 тыс. рублей [7].

Кроме того, следует в указанном законопроекте определиться с таким понятием, как «пиринговая платежная система». Так, по своей сущности цифровая валюта является не особой валютой, а пиринговой платежной системой, т.е. системой прямых платежей между субъектами без посредника, при этом в качестве промежуточного эквивалента используется виртуальная счетная единица.

Новые формы цифровых денег могут быть как частными, так и национальными (центробанковскими). В случае национальных цифровых денег их эмитентом выступает Центральный банк или иной государственный институт, выполняющий его функции.

Сотрудники Международного валютного фонда определяют центробанковские цифровые валюты как «новую форму денег, которая выпускается электронно центральным банком и предназначенная служить как законное средство платежа. Она отличается от других форм денег, выпускаемых центральными банками: наличных денег и резервных балансов и предназначена для широкого круга лиц» [8. С. 7].

Эмиссия национальных цифровых денег призвана повысить надежность и эффективность платежей, обеспечить финансовую стабильность, вытеснить из обращения наличные деньги, а также расширить финансовую инклюзию.

Стоит отметить, что центробанки могут выпускать различные формы цифровых денег. Как правило, различают цифровые деньги центробанков, базирующиеся на так называемых токенах (token-based) и на счетах (account-based).

Принципиальная разница между ними следующая. Деньги, базирующихся на токенах, критически зависят от возможности получателя денег верифицировать (установить подлинность) получаемого объекта (денег). Так как в случае с данной разновидностью цифровых денег существует возможность электронной подделки и повторной отправки тех же самых денег. Концептуально токены центрального банка близки к частным криптовалютам, таким как Bitcoin, и служат альтернативой наличным деньгам, так как могут передаваться непосредственно между пользователями без центрального контрагента.

Для цифровых денег центральных банков, базирующихся на счетах, ключевая задача заключается в необходимости идентификации владельца счета. Важная проблема – это несанкционированное перечисление или выведение денег со счета без разрешения владельца счета.

Выделяют несколько ключевых характеристик цифровых денег центральных банков, о которых стоит помнить при разработке правил, регулирующих их обращение.

Анонимность. Базирующиеся на токенах деньги могут обладать различной степенью анонимности, которую установит сам центробанк.

Механизм передачи. Цифровые деньги центробанка могут передавать как на основе двухстороннего базиса, так и с использованием посредника (самого центробанка, коммерческого банка или иного агента).

Выплата процентов на остатки. Центральный банк может установить позитивные, нулевые или даже отрицательные проценты на любой вид его цифровых денег.

Лимиты на максимальный платеж. Центральный банк может устанавливать лимиты на максимально допустимый размер средств, принадлежащих пользователю [9].

Указанные особенности цифровых денег центробанка позволяют гибко подходить к разработке национальной цифровой валюты. Можно установить высокий уровень анонимности платежей близкий к наличным деньгам. Также базирующаяся на токенах платежная система позволяет проводить платежи без центрального контрагента, что также сближает цифровые деньги и наличные. Однако для цифровых денег, базирующихся на токенах, существует проблема вероятной легализации средств, полученных преступным путем, так как при платежах не требуется идентификация владельца счета. В этой связи на наш взгляд более реалистичным выглядит сценарий выпуска национальных цифровых денег, базирующихся на счетах.

Отметим, что на сегодня среди центробанков развитых стран еще не существуют примеры выпуска собственных цифровых денег для широкого круга пользователей, но есть проекты по их созданию. Например, существует проект на базе Федеральной резервной системы по выпуску токенизированных цифровых денег – так называемый Fedcoins. Близки к выпуску собственной цифровой валюты Народный банк Китая и центральный банк Швеции (E-Krona).

В развивающихся странах попытка создания государственной криптовалюты (El Petro), обеспеченной нефтью, была предпринята Венесуэлой в 2018 г. Однако эксперимент закончился неудачно. Центральный банк Ирана также высказал желание выпустить собственную «национальную виртуальную валюту» в целях замены доллара из-за введенных американских санкций.

На наш взгляд, в ближайшие несколько лет центробанки ряда стран, как развитых, так и развивающихся, все же запустят собственные цифровые деньги в обращение, что сделает национальные денежные системы более гибкими и способными решать существующие проблемы.

Однако опрос центральных банков в 2018 г. на предмет того, имеют ли они законные полномочия выпускать свою цифровую валюту, показал следующее: примерно 25% опрошенных центральных банков уже имеют возможности выпускать свою цифровую валюту, 35% – не имеют подобной возможности, и еще 40% не определились [10. С. 12].

В настоящее время Банк России законодательно не имеет полномочий для выпуска цифровой валюты для широкого круга пользователей, вне зависимости от того будет ли эта цифровая валюта базироваться на счетах или на токенах. Но, что важно подчеркнуть, для эмиссии частных цифровых денег необходимы изменения Конституции Российской Федерации, а также Гражданского

кодекса (ст. 140). В то же время указанные правовые документы не ограничивают Банк России в выборе доступных форм выпуска собственных денег, в том числе и собственной цифровой валюты. Ограничения существуют лишь на уровне Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (Закон о Центральном банке). Рассмотрим основные ограничители для выпуска цифровых денег Банка России, которые содержит данный Закон.

В ст. 4 Закона о Центральном банке содержится перечень функций, которые выполняет Банк России. В частности в п. 2. ст. 4, говорится о том, что Банк России «монопольно осуществляет эмиссию наличных денег и организует наличное денежное обращение» [11]. О праве на выпуск собственных цифровых денег в ст. 4 не говорится. В этой связи необходимо расширить функции Банка в части монопольного осуществления эмиссии собственных цифровых денег и организации их обращения.

Решение о выпуске цифровых денег должно приниматься Советом директоров Банка России. Следовательно, должны быть расширены функции Совета директоров Банка России в части принятия решения о выпуске цифровых денег и изъятии их из обращения. Для этого нужно дополнить ст. 18 п. 9 Закона о Центральном банке, где перечисляются функции Совета директоров, новыми полномочиями о выпуске цифровых денег Банка России и об изъятии их из обращения.

И наконец, главное ограничение, которое по существу меняет традиционные принципы работы Центробанка. Так, Банку России для выпуска собственной цифровой валюты, базирующейся на счетах, необходимо предоставить возможность для населения и бизнеса напрямую работать со счетами, открытыми непосредственно в самом центральном банке. В настоящее время Банк России имеет право открывать счета для обслуживания только кредитным организациям, государственным органам и полевым (т.е. военным) учреждениям.

Так, рядовые экономические агенты (физические лица и нефинансовые компании) могут использовать для платежей 2 разновидности денег: 1) наличные (которые являются обязательствами Центробанка в физической форме); 2) банковские депозиты (которые являются обязательствами коммерческих банков в электронной форме).

Для коммерческих банков доступна третья опция – так называемые «резервы» Центрального банка / денежные средства на корреспондентских счетах, которые являются обязательствами Центробанка в электронной форме. Таким образом, небанковские организации и физические лица не могут открывать счета в Банке России, а значит, пользоваться возможностью платежей при помощи резервов Центробанка. Для реализации выпуска цифровых денег это ограничение необходимо устранить.

Для выпуска цифрового рубля Банку России будет необходимо открыть миллионам физических лиц и организаций специальные счета для расчетов. А уже после этого при помощи этих счетов будут производиться платежи между клиентами.

Для того чтобы Центробанк смог начать эмиссию цифровой валюты, законодатель должен дать Банку России право на осуществление банковских операций с юридических лицами, не имеющими лицензии на осуществление банковских операций, и физическими лицами, в части открытия и ведения специальных счетов (сейчас банковские операции с этими субъектами запрещены ст. 49 Закона о Центральном Банке).

Помимо этого является необходимым внесение отдельных статей в Закон о Центральном банке, касающихся ключевых механизмов организации обращения национальных цифровых денег. На наш взгляд, это можно сделать, внеся изменения в главу 12 Закона о Центральном банке «Организация безналичных расчетов», так как цифровые деньги Банка России, при их эмиссии, могут быть, по сути, разновидностью безналичных средств. Сегодня ст. 80–82 в Законе не используются. На месте данных статей Закона о Центральном Банке следует прописать, в какой форме допускается выпуск цифровых денег Банка России (на счетах или на токенах), какие ключевые ограничения накладываются на их выпуск, а также прописать иные существенные характеристики эмиссии национальной цифровой валюты и ее обращения.

В результате эмиссия цифрового рубля будет полностью легализована – цифровые деньги Банка России станут законным платежным средством в России. Физические и юридические лица будут приравнены к коммерческим банкам в возможностях открывать специальные счета в Центробанке и проводить расчеты цифровыми деньгами Банка России. Платежи станут более безопасными, так как исключается риск дефолта Банка России, а также при определенных обстоятельствах более дешевые, если будут установлены низкие тарифы на транзакции с цифровыми деньгами Банка России.

Таким образом, интернационализация хозяйства и мирового финансового рынка, создание новых технологий и динамика экономических отношений приводят к развитию новых средств платежа (которые часто называют по-разному: цифровые деньги, сетевые деньги, виртуальные деньги и др.), но суть этих инструментов – в обслуживании реальных сделок и в возможности их конвертации в реальные деньги. Именно признание указанной счетной единицы рядом официальных центральных банков делают возможным использование ее как средство платежа. Теоретически концепция регулирования использования цифровых денег может быть сформирована двумя возможными моделями. В первой модели эмитентом криптовалюты является центральный банк. Функции центрального банка заключаются в разработке собственной децентрализованной системы, в которой будет обращаться единый вид криптовалюты и осуществляться централизованный майнинг, выдача лицензий на осуществление деятельности в рамках функционирования криптовалюты как инструмента безналичных расчетов и переводов, что позволит осуществлять государственный контроль, учет и регулирование, сбор статистических данных. Роль финансовых организаций, соответственно, получивших лицензию на осуществление операций с цифровыми активами, будет состоять в участии в децен-

трализованной системе путем присоединения к ней, размещения части серверов децентрализованной сети, полной регистрации конечных пользователей в офисе финансовой организации (агента). Таким образом, в первой модели финансовые организации не осуществляют майнинг, однако их системы производят обработку транзакций.

В соответствии со второй моделью в функции центрального банка входит только лицензирование финансовых организаций на проведение операций с криптовалютами. К функциям финансовых организаций будет относиться централизованный майнинг криптовалют конкретными эмитентами и полная регистрация конечных пользователей.

Как представляется, в силу национальных традиций и наличия высокой степени централизации государственного управления, для России более предпочтительным выглядит первая модель развития. Однако, как было отмечено, этот путь также требует корректировки российской правовой базы. Обычные деньги в наличной форме обладают так называемой абсолютной ликвидностью, и помимо этого дают своему владельцу возможность использовать такие их качества, как доходность, стабильность, сохранность, доступность, легальность, конфиденциальность. Пока цифровые валюты не обладают перечисленными качествами и это тормозит их активное использование экономическими субъектами. Однако, если эмитентом криптовалюты будет национальный центральный банк, риски использования криптовалют значительно сократятся, их качество повысится, что позволит вывести денежную и платежную системы на новый уровень развития (с меньшими транзакционными издержками и комиссиями посредникам).

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М. : Новости / Catallaxy, 1992. 304 с.
2. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 №161-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.04.2019).
3. Ларина О.И., Морыженкова Н.В. Тенденции использования электронных и цифровых денежных средств // Банковское дело. 2019. № 2 (300). С. 6–13.
4. Regulation of cryptocurrency around the world. 2018. URL: https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/cryptocurrency-world-survey.pdf (дата обращения: 29.04.2019).
5. Декрет президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. № 8 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1&p5=0 (дата обращения: 27.04.2019).
6. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc &ba se=PRJ&n =172447# 07155775896713923 (дата обращения: 27.04.2019).
7. Федеральный закон от 07.08.2001 №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.04.2019).
8. Mancini-Griffoly T., Martinez Peria M., Agur I. Casting light on central bank digital currency. IMF staff discussion note. November 2018.
9. Central bank digital currencies. URL: https://www.bis.org/cpmi/publ/d174.pdf (дата обращения: 27.04.2019 г.).
10. Proceeding with caution – a survey on central bank digital currency. BIS papers. 2019. № 101. January.
11. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.04.2019).

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 мая 2019 г.

Legal Regulation of Digital Money Issuance and Circulation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 215–221.
DOI: 10.17223/15617793/447/26

Oleg M. Akimov, State University of Management (Moscow, Russian Federation). E-mail: akimof@rambler.ru
Olga I. Larina, State University of Management (Moscow, Russian Federation). E-mail: oilarina@mail.ru

Keywords: digital money; cryptocurrency; legal regulation; central bank; money issue; payments.

The article considers the issues of legal regulation of new forms of money that have appeared quite recently or may appear in the coming years. At this stage of development, their legal status is not determined, and Russia will have to choose the most appropriate model for their regulation. First of all, the trends in the development of money forms are researched, since it is the development of information technologies that made the emergence of the phenomenon of digital money (cryptocurrency) possible. The authors note that the concepts of digital money and electronic money are mixed in Russia, which is quite incorrect. Only electronic money in Russia is currently the official legal category while new forms of digital money are still outside the legal field. The next important issue is the choice of a regulatory model for the use of digital money. The authors distinguish two models. In the first model, the issuer of digital money is the central bank. At the same time, the functions of the central bank are to develop their own decentralized system, in which a single type of cryptocurrency will circulate. In accordance with the second model, the functions of the central bank include only the licensing of financial organizations and other participants to conduct operations with private cryptocurrencies. The authors note that, despite global trends in the use of “private money”, it cannot be fully recognized as money, since the essence of money is revealed through its functions, and modern private cryptocurrencies cannot perform all the necessary functions, but only individual ones. It seems that due to national traditions and a high degree of centralization of public administration, the first model seems preferable for Russia. At the same time, an attempt to regulate and create digital money issued by central banks can be an impetus for the actual formation of new types of monetary systems based on the use of, e.g., private digital money. In the course of the work, the authors explore the legal aspects of regulating the issue of digital money by the Bank of Russia and come to the conclusion that, when deciding on the implementation of the first model of using digital money, neither the Constitution of the Russian Federation nor the Civil Code contain restrictions on issuance of digital money by the Russian Central Bank. The main restrictions, which are analyzed in this article, are enshrined in the Federal Law “On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)”, since this law does not provide for the powers of the Bank of Russia to issue its own national digital currency. In this regard, the authors propose to eliminate these restrictions and expand the powers of the Bank of Russia to issue digital money for a wide range

of people. Amendments to the federal law proposed in the work will allow creating a more flexible and reliable system of payments based on digital money of the Central Bank and will strengthen the financial inclusion for different segments of the population.

REFERENCES

1. Hayek, F. (1992) *Pagubnaya samonadeyannost'* [The Fatal Conceit: The Errors of Socialism]. Moscow: Novosti / Catallaxy.
2. Consultant Plus. (2011) *Federal Law "On the National Payment System" No. 161-FZ of June 27, 2011 (latest edition).* Moscow: SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russian). (Accessed 04.04.2019). (In Russian).
3. Larina, O.I. & Moryzhenkova, N.V. (2019) Tendentsii ispol'zovaniya elektronnykh i tsifrovykh denezhnykh sredstv [Trends in the use of electronic and digital money]. *Bankovskoe delo*. 2 (300). pp. 6–13.
4. The Law Library of Congress, Global Legal Research Center. (2018) *Regulation of cryptocurrency around the world*. [Online] Available from: https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/cryptocurrency-world-survey.pdf. (Accessed: 29.04.2019).
5. Pravo.by. (2017) *Dekret prezidenta Respubliki Belarus' "O razvitii tsifrovoy ekonomiki" ot 21 dekabrya 2017 g. № 8* [Decree of the President of the Republic of Belarus "On the Development of the Digital Economy" No. 8 of December 21, 2017]. [Online] Available from: http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1&p5=0. (Accessed: 27.04.2019).
6. Consultant Plus. (2018) *Draft Federal Law No. 419059-7 "On Digital Financial Assets"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=172447#07155775896713923. (Accessed: 27.04.2019). (In Russian).
7. Consultant Plus. (2001) *Federal Law No. 115-FZ of August 07, 2001 "On Counteracting the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism" (latest edition).* Moscow: SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russian). (Accessed: 04.04.2019). (In Russian).
8. Mancini-Griffoly, T., Martinez Peria, M. & Agur, I. (2018) *Casting light on central bank digital currency*. IMF Staff Discussion Note. November.
9. Bis.org. (2018) *Central bank digital currencies*. [Online] Available from: https://www.bis.org/cpmi/publ/d174.pdf. (Accessed: 27.04.2019).
10. *BIS papers*. (2019) Proceeding with caution – a survey on central bank digital currency. 101. January.
11. Consultant Plus. (2002) *Federal Law No. 86-FZ of July 10, 2002, "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" (latest edition).* Moscow: SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russian). (Accessed: 26.04.2019). (In Russian).

Received: 15 May 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 222–231. DOI: 10.17223/15617793/447/27

УДК 34, 343, 349.6

М.А. Вакула, Д.А. Добряков, Т.Ф. Минязева

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАГРЯЗНЕНИЕ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА ПО УГОЛОВНОМУ И АДМИНИСТРАТИВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируется законодательная регламентация уголовной и административной ответственности за загрязнение атмосферного воздуха в Российской Федерации. Рассматривается практика применения соответствующих норм УК РФ и КоАП РФ и отмечается невозможность однозначного разграничения правонарушений, связанных с загрязнением атмосферного воздуха, если такое загрязнение не повлекло причинение вреда здоровью человека.

Ключевые слова: загрязнение атмосферного воздуха; экологические правонарушения; уголовная ответственность; административная ответственность.

Правовое регулирование рационального и эффективного использования природных ресурсов, а равно и их охраны в контексте реализации конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду принадлежит в России к числу наиболее актуальных проблем. Государственная политика в области экологического развития определяет стратегической целью решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов, необходимых для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, укрепление правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечение экологической безопасности [1].

Однако, несмотря на наличие в целом сформированной нормативной правовой базы и значительные финансовые вложения государства, до настоящего времени не удалось достичь реальных успехов в снижении уровня загрязнения окружающей среды и улучшении экологической ситуации в целом, что отражается, помимо прочего, в оценке сопутствующего экономического ущерба. По словам Президента РФ, «по ряду направлений нагрузка на природу достигла критических значений. В итоге ежегодный экономический ущерб доходит до 6 процентов ВВП, а с учетом последствий для здоровья людей – и до 15 процентов» [2].

Учитывая значимость обеспечения благоприятной окружающей среды для поддержания нормального качества жизни и здоровья населения, невозможно не обратиться к проблеме регламентации ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации об охране окружающей среды (в частности, атмосферного воздуха) и обеспечения неотвратимости наступления такой ответственности.

Всего в 2017 г. было выявлено 283,6 тысячи правонарушений в сфере охраны окружающей среды и природопользования (против 288,2 тыс. в 2016 г.) [3], из которых зарегистрировано как преступления по статьям главы 26 УК РФ («Экологические преступления») 24,4 тысячи (что на 2,9% больше, чем в 2016 г.) [4]. При этом только 7,8 тысяч лиц (против 8,6 тысяч в 2016 г.) было осуждено по уголовным делам, причем назначенное им наказание в 47,4% случаев назначалось как условное [5–6]. Статистика осуждений за загрязнение атмосферного воздуха демонстрирует еще более «интересные» показатели – в 2017 г. лишь 2 лица было осуждено по ст. 251 УК РФ «Загрязнение атмосферы» (рост по отношению к 2016 г. составил 50% – в указанном году имело место только одно осуждение по названной статье) [7–8].

Сложно однозначно оценить, насколько отраженные в статистических данных государственные меры противодействия экологическим правонарушениям адекватны опасности и масштабу таких правонарушений (и в первую очередь преступлений – как наиболее опасной их разновидности), но можно констатировать, что их эффективность недостаточна. Об этом свидетельствуют, например, регулярно случающиеся и широко освещаемые в СМИ скандалы, связанные с отравлением людей «каким-то газом», выбросами сероводорода и прочих веществ в атмосферу разнообразными предприятиями и учреждениями, начиная с промышленных объектов и заканчивая мусорными полигонами, и наконец, выпадением «черного снега» [9–13].

При этом согласно Государственному докладу «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2017 году» [14] в 21% российских городов (из числа тех, где ведутся регулярные наблюдения за состоянием атмосферного воздуха) уровень загрязнения воздуха характеризуется как высокий или очень высокий, причем в этих городах проживает 13,5 млн человек, что составляет 12% городского населения Российской Федерации (здесь следует отметить, что относительно 34% населения в докладе вовсе нет определенных данных и остается лишь гадать, в каких условиях проживает эта часть граждан России).

При этом представляется, что существенная доля в общих показателях загрязнения «лежит на совести» правонарушителей – как физических, так и юридических лиц, в связи с чем уместно обратиться к установленным в законодательстве Российской Федерации санкциям, являющимся одним из наиболее важных инструментов охраны окружающей среды и, в том числе, атмосферного воздуха.

Применительно к атмосферному воздуху такими санкциями являются прежде всего положения ст. 251 УК РФ и ст. 8.21 КоАП РФ (а также некоторых других статей главы 26 УК РФ и глав 7, 8 и 10 КоАП РФ), которые будут проанализированы далее.

Ст. 251 УК РФ «Загрязнение атмосферы» устанавливает уголовную ответственность за загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха вследствие нарушения правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или нарушение эксплуатации установок, сооружений и иных объектов (ч. 1) и содержит два квалифицирующих признака – причинение вреда здоровью человека (ч. 2) и причинение смерти по неосторожности (точнее – наступление смерти человека по неосторожности, ч. 3). При этом понятие «загрязнение атмосферы» в контексте ст. 251 УК РФ объединяет в себе два самостоятельных состава преступления, а именно (1) нарушение правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ и (2) нарушение эксплуатации установок, сооружений и иных объектов, но не распространяется на загрязнение воздуха в жилых, производственных и иных помещениях, ответственность за которое закреплена в других статьях УК РФ (ст. 143, 215, 217 и 219 УК РФ) [15. С. 700–701].

Примечательно, что как основной (ч. 1 ст. 251 УК РФ), так и квалифицированный (ч. 2 ст. 251 УК РФ) составы преступлений предполагают только реальное причинение вреда, не охватывая возможность создания угрозы его причинения. Подобное законодательное решение имеет место во всех статьях главы 26 УК РФ, за исключением одной – в ч. 1 ст. 247 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов» ответственность устанавливается за совершение определенных деяний, «если эти деяния создали угрозу причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде», причем под созданием угрозы в данном случае следует понимать «наличие конкретной опасности реального причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде» вследствие возникновения «такой ситуации, которая повлекла бы предусмотренные законом вредные последствия, если бы они не были предотвращены вовремя принятыми мерами или иными обстоятельствами, не зависящими от воли лица, нарушившего правила обращения с экологически опасными веществами и отходами» [16].

Представляется, что установление уголовной ответственности не только за деяние, повлекшее причинение вреда окружающей среде или здоровью человека, но и за деяние, создающее угрозу причинения такого вреда, имело бы существенное предупредительное значение и повысило бы эффективность охраны окружающей среды, стимулируя потенциальных субъектов экологических преступлений к правомерному поведению. В полной мере это касается и ответственности за загрязнение атмосферного воздуха как жизненно важного компонента окружающей среды (ст. 1 Федерального закона от 04.05.1999 № 96-ФЗ).

Переходя к административной ответственности и ст. 8.21 КоАП РФ («Нарушение правил охраны атмосферного воздуха»), отметим, что данная статья устанавливает административную ответственность за выброс вредных веществ в атмосферный воздух или вредное физическое воздействие на него без специального разрешения (ч. 1), нарушение условий специального разрешения на выброс вредных веществ в атмосферный воздух или вредное физическое воздействие на него (ч. 2) и нарушение правил эксплуатации, неиспользование сооружений, оборудования или аппаратуры для очистки газов и контроля выбросов вредных веществ в атмосферный воздух, которые могут привести к его загрязнению, либо использование неисправных указанных сооружений, оборудования или аппаратуры (ч. 3).

Необходимость получения разрешения, на которое ссылается законодатель в ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ, предусмотрена ст. 14 Федерального закона от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха». В таком разрешении в целях охраны атмосферного воздуха устанавливаются нормативы предельно допустимых выбросов и другие условия эксплуатации стационарных источников выбросов, причем перед их утверждением должна быть в обязательном порядке проведена инвентаризация выбросов, которая представляет собой систематизацию сведений о количестве и составе выбросов, а также о распределении их источников на конкретной территории (ст. 22 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха»; Постановление Правительства РФ от 02.03.2000 № 183 «О нормативах выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух и вредных физических воздействий на него»).

Несмотря на наличие достаточно четкого правового регулирования, отсутствует единый подход к тому, как именно надлежит квалифицировать то или иное противоправное деяние – в правоприменительной практике встречаются случаи, когда загрязнение атмосферного воздуха от стационарных источников (в частности, отсутствие разработанного и утвержденного проекта нормативов предельно допустимых выбросов, непроведение инвентаризации выбросов) квалифицируется как по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ (как нарушение правил охраны атмосферного воздуха [17–19]), так и по ст. 8.1 КоАП РФ (как нарушение экологических требований при эксплуатации промышленных объектов [20–21]).

Кроме того, в ст. 8.1 КоАП РФ установлены меры административной ответственности за несоблюдение экологических требований при территориальном планировании, градостроительном зонировании, архитектурно-строительном проектировании, строительстве, капитальном ремонте, реконструкции, вводе в эксплуатацию, эксплуатации, выводе из эксплуатации зданий, строений, сооружений и иных объектов капитального строительства. Субъектом правонарушения здесь могут быть лица, которые в силу закона, договора либо иного документа являются уполномоченными на ведение соответствующей деятельности с соблюдением экологических требований. Объективная сторона административного правонарушения, предусмотренного ст. 8.1 КоАП РФ, состоит в несоблюдении экологических требований, приведенных в диспозиции статьи и предусмотренных в ст. 34–39 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

Вместе с тем эксплуатация объектов капитального строительства (т.е. стационарных источников выбросов) без специального разрешения или с нарушением условий такого разрешения подпадает под диспозицию ст. 8.21 КоАП РФ (ч. 1 или 2 соответственно).

При этом неосуществление производственного контроля либо превышение норм, установленных в проекте предельно допустимых выбросов, свидетельствует о нарушении правил охраны атмосферного воздуха, поскольку обязанности осуществлять такой контроль и не превышать предельно допустимые выбросы установлены в ст. 25 и 30 Федерального закона № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» [22. С. 8–11]. Неосуществление производственного контроля, отсутствие лица, ответственного за осуществление производственного контроля, непредставление статистической отчетности либо превышение количества предельно согласованных выбросов также квалифицируются как по ст. 8.1 КоАП РФ [23–24], так и по ч. 2 ст. 8.21 КоАП РФ [25–27].

Таким образом, расширительное толкование диспозиций, содержащихся в ст. 8.1 и 8.21 КоАП РФ, влечет возникновение на практике ситуаций, в которых одно и то же деяние квалифицируется как два административных правонарушения, в связи с чем в отношении одного лица возбуждаются два дела: по ст. 8.1 КоАП РФ (за отсутствие проекта предельно допустимых выбросов в атмосферу вредных (загрязняющих) веществ) и по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ (за осуществление выбросов вредных веществ без разрешения) [28], что нарушает закрепленный в КоАП РФ принцип недопустимости привлечения лица к административной ответственности дважды за одно и то же деяние (ст. 4.1 КоАП РФ).

Примечательным в рассмотрении подобных дел является решение Верховного Суда Российской Федерации, которым восемь административных дел, возбужденных в отношении одного юридического лица по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ, были объединены в одно производство – юридическое лицо осуществляло без соответствующего разрешения выбросы загрязняющих веществ в воздух посредством нескольких принадлежащих ему котельных в пределах одного города [29].

После приведенного анализа административной и уголовной ответственности за нарушение правил охраны атмосферного воздуха необходимо отметить, что отсутствуют устойчивые критерии отнесения экологического правонарушения, причинившего вред атмосферному воздуху, к административному проступку (ст. 8.1 и 8.21 КоАП РФ) или к уголовно наказуемому деянию (ч. 1 ст. 251 УК РФ), если ситуация не связана с причинением вреда здоровью человека вплоть до летального исхода.

Доктрина указывает, что при оценке степени общественной опасности противоправных деяний, с одной стороны, следует ставить вопрос о признании деяния малозначительным в том случае, когда показатели загрязнения или изменения природных свойств воздуха незначительно превышают признанные безопасными нормативы [30. С. 67]. С другой стороны, формулировка состава преступления, предусмотренного ст. 251 УК РФ, содержит указание на нарушение правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ как способ совершения преступления и предполагает установление ответственности за любое изменение природных свойств воздуха, а не только за его загрязнение [31. С. 29–39]. Таким образом, при ныне действующем правовом регулировании любое виновно совершенное и противоправное (т.е. сопряженное с нарушением правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или нарушение эксплуатации установок, сооружений и иных объектов) загрязнение атмосферного воздуха должно влечь уголовную ответственность [32. С. 30], поскольку законодателем не предусмотрены конкретные основания для отнесения рассматриваемых деяний к числу уголовно- или административно-наказуемых, а соответствующая судебная практика слишком малочисленная и не позволяет провести ее системный анализ [31. С. 32].

Обусловленное конституционными принципами правового государства, верховенства закона и юридического равенства требование определенности правового регулирования предполагает, что механизм его действия должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений из содержания конкретного нормативного положения или системы нормативных положений, находящихся в очевидной взаимосвязи [33]. Однако конструкция состава ч. 1 ст. 251 УК РФ в действующей редакции УК РФ сформулирована таким образом, что не позволяет четко отграничить его от состава административного проступка по ст. 8.21 КоАП РФ. В обоих случаях в нормах разных отраслей права используются тождественные термины, что затрудняет отнесение того или иного правонарушения к той или иной юрисдикции (административной или уголовной соответственно).

Доказывание факта загрязнения атмосферного воздуха необходимо как для привлечения к уголовной ответственности по ст. 251 УК РФ, так и в случае привлечения к административной ответственности на основании ст. 8.21 КоАП. Так, суд апелляционной инстанции отменил решение нижестоящего суда и признал незаконными постановления Управления природных ресурсов и охраны окружающей среды Алтайского края о привлечении юридического лица к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ, поскольку названное Управление не доказало наличие в действиях лица состава вменяемого ему правонарушения и допустило нарушение при производстве по делу об административном правонарушении. Суд кассационной инстанции согласился с выводом суда апелляционной инстанции о нарушении требований КоАП РФ при получении Управлением доказательств, однако счел законным постановление Управления о привлечении общества к административной ответственности. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации были поддержаны выводы суда апелляционной инстанции о том, что «выброс в атмосферный воздух веществ сам по себе еще не свидетельствует о наличии состава административного правонарушения – выброса вредных веществ в атмосферный воздух без специального разрешения» [34].

С другой стороны, при доказанном факте осуществления вредоносной эмиссии веществ, загрязняющих атмосферный воздух, возникает вопрос об оценке такого факта в рамках уголовной юрисдикции, который при отсутствии сведений о причине-

нии вреда здоровью человека решается, как правило, в пользу административной квалификации деяния. Так, юридическое лицо обратилось в Арбитражный суд Ставропольского края с заявлением к Департаменту Росприроднадзора по Северо-Кавказскому федеральному округу об отмене как незаконного постановления по делу об административном правонарушении о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ [35]. В данном примере в обжаловании было отказано, но у судебных инстанций не возникло сомнений в правильности квалификации совершенного деяния, несмотря на факт нарушения правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ и наличие вредоносных последствий для воздуха.

Таким образом, подчеркнем еще раз, в законодательстве нет четкой границы между административным проступком и уголовным преступлением в части загрязнения атмосферного воздуха (за исключением случаев причинения вреда здоровью человека). В этой связи следует обратиться к судебной практике по конкретным административным и уголовным делам, анализ которой позволяет поставить еще один вопрос – насколько предусмотренные законодателем меры, содержащиеся в ст. 8.21 КоАП РФ и 251 УК РФ, адекватны соответствующим правонарушениям и соответствуют ли они концептуальной дифференциации административного правонарушения и преступления по степени общественной опасности деяния, являющейся, пожалуй, главным критерием их различия [36. С. 75].

Прежде всего отметим, что меры административной ответственности зависят от «природы» субъекта – наказания, назначаемые в соответствии с КоАП РФ юридическим лицам, кратно больше таковых, назначаемых лицам физическим (нами анализируются случаи назначения только штрафа как наказания, сопоставимого со штрафом по УК РФ). В десяти проанализированных постановлениях судов первой инстанции по делам о совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ [37–46], физическим лицам (должностным лицам, индивидуальным предпринимателям и прочим лицам) административный штраф назначался в размере от двух тысяч рублей (в одном случае) до сорока тысяч (в четырех случаях), тогда как в десяти аналогичных постановлениях в отношении юридических лиц [47–56] штраф варьировался от девяноста тысяч (в четырех случаях) до ста девяноста тысяч в двух случаях (сто восемьдесят тысяч рублей – в трех случаях).

В то же время в трех приговорах судов первой инстанции в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 251 УК РФ [57–59], сумма назначенного штрафа варьировалась от двадцати до пятидесяти тысяч рублей.

Из вышеизложенного следует два вывода:

– размер административного штрафа, назначаемого за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ, в среднем больше (причем существенно), чем размер штрафа, назначаемого за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 251 УК РФ;

– привлечение к административной ответственности за нарушение правил охраны атмосферного воздуха происходит гораздо чаще, нежели осуждение за загрязнение атмосферы как уголовное преступление (причем случаи привлечения к ответственности в рамках уголовной юрисдикции из-за своей малочисленности видятся скорее как статистическая погрешность, но не как пригодная для осмысления судебная практика).

Далее перейдем к сопоставлению деяний, совершение которых повлекло привлечение к ответственности в результате производства по соответствующим административным и уголовным делам. Как юридические, так и физические лица во всех рассмотренных случаях были привлечены к административной ответственности по ст. 8.21 КоАП РФ за деяния, которые судом чаще всего определялись так: «осуществляло выброс вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух без специального разрешения».

Среди осужденных по ст. 251 УК РФ один «осуществил загрязнение атмосферного воздуха, то есть нарушил правила выброса в атмосферу загрязняющих веществ, если эти деяния повлекли загрязнение воздуха, а также допустил нарушение правил охраны окружающей среды», а другой – «не осуществлял контроль за использованием в процессе производственной деятельности газоочистного оборудования, вследствие чего допустил выброс загрязняющих веществ в атмосферный воздух от двух короткобарабанных печей по рафинации свинца через организованный источник выбросов – вытяжную трубу, которая отсутствует в проекте предельно допустимых выбросов предприятия, не оборудована газоочистными сооружениями, что повлекло загрязнение природных свойств воздуха». Третий осужденный по ст. 251 УК РФ умышленно нарушил «Правила эксплуатации установок очистки газа», утвержденные 28 ноября 1983 г., что «привело к выбросу вредных веществ – пыли, диоксида серы, оксида углерода в атмосферу с превышением нормы предельно допустимого выброса, установленного для ООО… в 7 раз, в 9,7 раз, в 40,5 раз соответственно, что повлекло загрязнение атмосферного воздуха».

В целом, как уже отмечалось выше, однозначно разделить составы рассматриваемых административного правонарушения и преступления практически невозможно, как невозможно объяснить, почему нарушение правил охраны атмосферного воздуха, которое во всех случаях состоит в выбросе «загрязняющих веществ в атмосферу или вредном физическом воздействии на него без специального разрешения» (ст. 8.21 УК РФ), влечет в среднем существенно более строгое наказание, чем «нарушение правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или нарушение эксплуатации установок, сооружений и иных объектов, сопряженное с загрязнением или иным изменением природных свойств воздуха» (ст. 251 УК РФ).

Безусловно, трудность отграничения административного проступка от преступления обусловливают «сложность проявлений экологического вреда» и «неочевидность причинно-следственных связей между

негативным воздействием на окружающую среду и причиненным вредом», отмеченные Конституционным судом [60] в связи с многогранностью проявлений экологических последствий. Как указывает Конституционный суд РФ, «ущерб, причиненный экологическими правонарушениями, включает экологический вред окружающей среде, вред, причиняемый здоровью человека (социальный вред), и вред имуществу, находящемуся в частной или публичной собственности (экономический вред)» [Там же].

Учитывая складывающуюся судебную практику, целесообразно обратить внимание на еще один немаловажный критерий, позволяющий в случае возникновения трудностей в разграничении уголовно наказуемого деяния и административного проступка, а именно – на размер нанесенного вреда и причиненного ущерба, т.е. оценить степень общественной опасности противоправного деяния в настоящих и будущих затратах.

До сих пор не выработано единого мнения по вопросу определения вреда, причиненного атмосферному воздуху, и в научной среде. Так, в уголовном праве одно из общественно опасных деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 251 УК РФ, это «нарушение правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ… если эти деяния повлекли загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха». В самом уголовном законе определение понятия «иное изменение природных свойств воздуха» не дается, как нет его нет и в законодательстве об охране атмосферного воздуха.

В свою очередь доктрина предлагает понимать иное изменение природных свойств воздуха как «негативное отклонение от существовавшего ранее состояния атмосферы, которое может проявляться в повышении концентрации химических веществ или взвешенных частиц, влияющем на прозрачность, содержание озона, либо в изменении теплового режима, радиационных, электромагнитных и иных показателей» [61. С. 716], либо как просто «негативное отклонение от существовавшего состояния атмосферы» [62. С. 158]. Также встречается мнение, что изменение природных свойств воздуха «происходит в результате воздействия шума, вибрации, ионизирующего излучения, температурного и других физических факторов и оказывает вредное воздействие на здоровье человека и окружающую природную среду» [63. С. 55].

Кроме рассмотренных существуют и другие существенные проблемы, одной из которых является недостаточная проработанность в действующем российском законодательстве показателей «качества атмосферного воздуха», которые позволили бы однозначно оценить состояние окружающей среды и ее «благоприятность» для жизнедеятельности человека, а также установить факт причинения вреда атмосферному воздуху и характеристики такого вреда. Отсутствие четко определенных такс и методик оценки вреда атмосферному воздуху и последствий от его загрязнения для сопредельных природных сред (коими являются поверхностные воды, почва, зеленые насаждения и т.д.) препятствует обеспечению возмещения вреда в полном объеме, которого требует законодательство.

Но не менее важно и то, что без полноценных критериев определения вреда атмосферному воздуху от его загрязнения многие экологические правонарушения остаются безнаказанными и характеризуются высокой степенью латентности, что практически нивелирует предупредительное значение соответствующих уголовно- и административно-правовых запретов, низводя их ценность к минимуму, ведь сколь бы не была строга ответственность, в ней нет смысла без должного применения на практике.

При этом современные тенденции изменения административного законодательства в части порядка осуществления контроля и надзора свидетельствуют о направленности государственной политики на освобождение хозяйствующих субъектов от избыточных проверочных и контрольных мероприятий, а равно и от ответственности за допускаемые ими нарушения – в том числе и связанные с загрязнением окружающей среды. Подобные меры направлены на обеспечение благоприятных условий для развития предпринимательства, однако выявляемые контрольно-надзорными органами нарушения свидетельствуют о явной преждевременности исключения государственного присутствия из указанной сферы правоотношений [64. С. 7–11]. Более того, государственная власть в силу конституционного установления продолжает нести ответственность за обеспечение охраны окружающей среды и, следовательно, обязана принять «меры, направленные на сдерживание загрязнения окружающей среды, предупреждение и минимизацию экологических рисков» [65].

На основе изложенного, учитывая экономические последствия загрязнения окружающей среды, представляется необходимым ужесточение нормативов допустимого воздействия на окружающую среду при осуществлении хозяйственной и / или иной деятельности, что будет способствовать построению современной экологически ориентированной экономики, как это предусмотрено Основами государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. Важными шагами на этом пути являются законодательный запрет установления временных сверхнормативных выбросов и сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду, а также снижение удельных показателей выбросов и сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду и образования отходов по видам экономической деятельности до уровня, соответствующего аналогичным показателям, достигнутым в экономически развитых странах (прежде всего, европейских).

Кроме того, при определении степени общественной опасности экологического правонарушения для его адекватной квалификации следует обеспечить учет социального вреда (вред здоровью), а также ущерба публичным и частным собственникам в рамках оценки экологического вреда, в том числе атмосферному воздуху. При этом законодательство в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения трактует ущерб (вред) здоровью человека как наблюдаемое или ожидаемое нарушение состояния здоровья человека или состояния здоровья будущих поколений, обусловленное воздействием факторов среды обитания

и характеризуемое медико-социальной значимостью негативных последствий для жизни или здоровья, а также частотой случаев негативных последствий и их стоимостными оценками [66].

Говоря о стоимостных оценках последствий загрязнения окружающей среды и их общественной значимости, нельзя не упомянуть, что согласно научным исследованиям, проведенным еще в начале 2000-х гг., экономические издержки для здоровья населения России, связанные с загрязнением воздуха и воды, достигали не менее 4–6% от ВВП [67]. К настоящему времени, как отмечалось выше, данный показатель существенно вырос.

Резюмируя изложенное, отметим, что для достижения целей стратегии экологической безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года») целесообразно сформировать методологию оценки реального вреда от загрязнения атмосферного воздуха и окружающей среды в целом с использованием экосистемного подхода, а также обеспечить неотвратимость наступления и адекватность ответственности за совершение экологических правонарушений, однозначно дифференцируемой на основе такой методологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // Президент России, 30.04.2012. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/15177 (дата обращения: 20.04.2019).
2. Заседание Государственного совета по вопросу об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений // Президент России, 27.12.2016. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/53602 (дата обращения: 20.04.2019).
3. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2017 г. // Генеральная прокуратура РФ. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/f39/0112_2017.xls (дата обращения: 20.04.2019).
4. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2017 года // МВД РФ. URL: https://media.mvd.ru/files/application/1241295 (дата обращения: 20.04.2019).
5. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России № 10.1 за 2016 г. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=3834 (дата обращения: 20.04.2019).
6. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России № 10.1 за 2017 г. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4572 (дата обращения: 20.04.2019).
7. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации № 10-а за 2016 г. URL: www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/f10a-svod-2016.xls (дата обращения: 20.04.2019).
8. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации № 10-а за 2017 г. URL: www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/k3-svod-2017.xls (дата обращения: 20.04.2019).
9. 29 человек пострадали в результате выброса сероводорода под Оренбургом // Известия, 20.09.2017. URL: https://iz.ru/648120/massovym-otravleniem-detei-v-orenburzhe-zanialis-sledovateli (дата обращения: 20.04.2019).
10. Недетский выброс: как в Волоколамске свалка отравила школьников // РБК, 21.03.2018. URL: https://www.rbc.ru/politics/21/03/2018/5ab287079a794710fb181795 (дата обращения: 20.04.2019).
11. «Жжение на лице не проходило весь день»: Жители Крыма жалуются на ожоги, отравления и астму. Всему виной выброс кислоты // Lenta.ru, 06.09.2018. URL: https://lenta.ru/articles/2018/09/06/armyansk/ (дата обращения: 20.04.2019).
12. Экологическая катастрофа в Находке: жители задыхаются от угольной пыли // Вести.ru, 28.03.2017. URL: https://www.vesti.ru/doc.html?id=2871021 (дата обращения: 20.04.2019).
13. Кузбасс завалило черным снегом: фото и видео // National Geographic Россия, 15.02.2019. URL: http://www.nat-geo.ru/planet/1257477-kuzbass-zavalilo-chernym-snegom-foto-i-video/ (дата обращения: 20.04.2019).
14. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2017 году» // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации, 28.12.2018. URL: http://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/ (дата обращения: 20.04.2019).
15. Лопашенко Н.А. (ст. 251) Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. 6-е изд. М. : Норма, 2009. 960 с.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.
17. Постановление Верховного Суда РФ от 28.11.2018 № 56-АД18-10 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.12.2014 № Ф01-5395/2014 по делу № А29-2517/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
19. Постановление Верховного Суда РФ от 01.09.2017 № 81-АД17-22 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Постановление Верховного Суда РФ от 17.08.2018 № 18-АД18-41 // СПС «КонсультантПлюс».
21. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14.04.2015 № Ф10-676/2015 по делу № А54-6246/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Логинова Е.С. Административная ответственность хозяйствующих субъектов за нарушение правил охраны атмосферного воздуха // Российская юстиция. 2014. № 2. С. 8–11.
23. Решение Верховного суда Республики Марий Эл от 06.07.2017 по делу № 7Р-235/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
24. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.07.2014 № 17АП-8142/2014-АК по делу № А60-12427/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
25. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 09.03.2011 № Ф03-548/2011 по делу № А59-4041/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
26. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 12 мая 2011 г. № КА-А40/4183-11 по делу № А40-103341/10-92-539 // СПС «КонсультантПлюс».
27. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 5 апреля 2012 г. № 07АП-2343/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
28. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 апреля 2012 г. № 15АП-2170/2012 по делу № А32-26045/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
29. Постановление Верховного Суда РФ от 06.06.2014 № 64-АД14-8 // СПС «КонсультантПлюс».
30. Устинова Т.Д. Общественная опасность и ее влияние (учет) при конструировании норм Общей части УК РФ // Lex Russica. 2015. № 3. С. 63–72.
31. Кашепов В.П. Развитие законодательства об уголовной ответственности за экологические преступления // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 29–39.
32. Бокуц Е.Ю. Понятие «загрязнение воздуха», используемое в диспозиции ст. 251 УК // Законность. 2011. № 12. С. 28–32.

33. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации “Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Заполярнефть”» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 24. Ст. 3547.
34. Постановление Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 № 17254/10 по делу № А03-3457/2010 // СПС КонсультантПлюс.
35. Постановление Верховного Суда РФ от 25.04.2016 № 308-АД16-3830 по делу № А63-5304/2015 // СПС КонсультантПлюс.
36. Берназ Л.П., Жочкина И.Н., Кичигин Н.В. и др. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный) / отв. ред. Н.И. Хлуденева. М. : ИЗиСП ; КОНТРАКТ, 2018. 528 с.
37. Постановление Кисловодского городского суда № 5-841/2018 от 6 июня 2018 г. по делу № 5-841/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
38. Постановление Жигулевского городского суда № 5-484/2017 от 6 октября 2017 г. по делу № 5-484/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
39. Постановление Жигулевского городского суда № 5-503/2017 от 13 октября 2017 г. по делу № 5-503/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
40. Постановление Заиграевского районного суда № 5-98/2017 от 4 декабря 2017 г. по делу № 5-98/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
41. Постановление Кировского районного суда г. Омска № 5-539/2018 от 21 мая 2018 г. по делу № 5-539/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
42. Постановление Николаевского-на-Амуре городского суда № 5-46/2018 от 28 июня 2018 г. по делу № 5-46/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
43. Постановление Клявлинского районного суда № 5-7/2018 от 19 февраля 2018 г. по делу № 5-7/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
44. Постановление Ленинского районного суда г. Самары № 5-134/2018 от 15 мая 2018 г. по делу № 5-134/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
45. Постановление Воткинского районного суда № 5-50/2018 от 16 мая 2018 г. по делу № 5-50/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
46. Постановление Ленинского районного суда г. Самары № 5-194/2018 от 27 июля 2018 г. по делу № 5-194/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
47. Постановление Ногинского городского суда № 5-788/2017 от 12 октября 2017 г. по делу № 5-788/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
48. Постановление Исакогорского районного суда г. Архангельска № 5-120/2017 от 6 октября 2017 г. по делу № 5-120/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
49. Постановление Охинского городского суда № 5-153/2017 от 25 сентября 2017 г. по делу № 5-153/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
50. Постановление Тосненского городского суда № 5-52/2017 от 13 марта 2017 г. по делу № 5-52/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
51. Постановление Октябрьского районного суда г. Новосибирска № 5-7/2018 от 7 февраля 2018 г. по делу № 5-7/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
52. Постановление Центрального районного суда г. Красноярска № 5-711/2016 5-711/2017 от 24 ноября 2017 г. по делу № 5-711/2016 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
53. Постановление Североморского районного суда № 5-336/2017 от 13 ноября 2017 г. по делу № 5-336/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
54. Постановление Ленинского районного суда г. Самары № 5-156/2018 от 21 июня 2018 г. по делу № 5-156/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
55. Постановление Ленинского районного суда г. Самары № 5-41/2018 от 19 февраля 2018 г. по делу № 5-41/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
56. Постановление Кабанского районного суда № 5-42/2018 от 18 мая 2018 г. по делу № 5-42/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
57. Приговор Шалинского городского суда № 1-137/2018 от 9 июля 2018 г. по делу № 1-137/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
58. Приговор Светлоярского районного суда № 1-129/2017 от 30 июня 2017 г. по делу № 1-129/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
59. Приговор Энгельсского районного суда № 1-150/2017 от 29 марта 2017 г. по делу № 1-150/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру).
60. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П // СПС КонсультантПлюс.
61. Ашин А.А., Войтович А.П., Волженкин Б.В. и др. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. М. : КОНТРАКТ ; ИНФРА-М, 2009. 1015 с.
62. Применение ответственности за экологические правонарушения : учеб.-метод. пособие для практических работников / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. О.Л. Дубовик. М. : Городец, 2007. С. 158.
63. Князев А.Г., Чураков Д.Б., Чучаев А.И. Экологические преступления : науч.-практич. пособие / под ред. А.Г. Князева. М. : Проспект, 2009. 464 с.
64. Майоров В.И., Изюмова Е.С. Анализ основных изменений законодательства о контрольно-надзорной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 6. С. 7–11.
65. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2009 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта “б” пункта 4 Постановления Правительства Российской Федерации “Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия” в связи с запросом Верховного суда Республики Татарстан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 3.
66. Руководство по оценке риска для здоровья населения при воздействии химических веществ, загрязняющих окружающую среду. Руководство. Р 2.1.10.1920-04 (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 05.03.2004) // СПС КонсультантПлюс.
67. Бобылев С.Н., Сидоренко В.Н., Сафонов Ю.В., Авалиани С.Л., Струкова Е.Б., Голуб А.А. Макроэкономическая оценка издержек для здоровья населения России от загрязнения окружающей среды. М. : Ин-т Всемирного банка; Фонд защиты природы, 2002. 32 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 июня 2019 г.

Issues of Liability for Air Pollution Under the Criminal and Administrative Laws of Russia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 222–231.
DOI: 10.17223/15617793/447/27

Marina A. Vakula, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: vakula2004@yandex.ru
Denis A. Dobryakov, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: den-dobryakov@yandex.ru
Tatiana F. Minyazeva, Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia (Moscow, Russian Federation); Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: minyazeva2008@rambler.ru

Keywords: air pollution; ecological offences; criminal liability; administrative liability.

Provisions of the criminal and administrative laws of the Russian Federation on liability for air pollution are analyzed in the article using the formal-legal method. It is noted that these provisions contain shortcomings of both sectoral (related to criminal or administrative law separately) and intersectoral (affecting the two mentioned branches of law) nature. Among the sectoral shortcomings, the authors single out, above all, the excessive generalization of the wording of the disposition of Article 251 of the Criminal Code of the Russian Federation, in accordance with which criminal liability should follow any air pollution in violation of the pollutants emission rules, regardless of the amount of such pollution and the scale of damage. In addition, the authors stress that only the actual infliction of harm is criminal in accordance with Article 251 of the RF Criminal Code (the accomplished fact of air pollution). At the same time, Article 247 of Chapter 26 of the RF Criminal Code (Violation of the Rules for Dealing with Environmentally Hazardous Substances and Waste) shows a different, more appropriate (in the authors' opinion) approach to establishing responsibility for an environmental crime: liability is provided for both real harm and the threat of causing harm. The authors state that fixing liability for creating the threat of harm in Article 251 of the RF Criminal Code would strengthen the precautionary significance of this provision. At the intersectoral level, the authors note that the dispositions of articles that establish liability for air pollution (Article 251 of the RF Criminal Code and Article 8.21 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) are confusingly similar: there are no clear criteria in the laws to classify an environmental offense that caused harm to atmospheric air as an administrative or a criminal offense, unless an offense is associated with harm to human health or life. The consequence of this confusion is the inconsistency of judicial practice, the analysis of which showed that actions that resemble in composition can be classified both as criminal and administrative offenses; the former in practice are of an insignificant number (1–2 sentences under Article 251 of the RF Criminal Code per year). Attention is drawn to the measures of punishments imposed for the commission of such offenses – the fine under Article 8.21 of the RF Code of Administrative Offenses may be multiple times more than the fine under Article 251 of the RF Criminal Code. At the same time, the authors note that fines under the RF Code of Administrative Offenses are imposed, first of all, on legal entities, while fines imposed on individuals are generally consistent with "criminal" ones. Based on the conducted research, the authors propose to clarify at the legislative level the quality of atmospheric air indicators, which are necessary for assessing the conditions of the environment, disclosing the harm fact and determining its characteristics. Taking into account such indicators, it is advisable to form a methodology for assessing real harm (including social harm) from air pollution using an ecosystem approach, and it is this methodology that should underlie the differentiation of liability for the commission of any environmental offense.

REFERENCES

1. Kremlin.ru. (2012) *Osnovy gosudarstvennoy politiki v oblasti ekologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda (utv. Prezidentom RF 30.04.2012)* [The basics of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period until 2030 (approved by the President of the Russian Federation on April 30, 2012)]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/15177. (Accessed: 20.04.2019).
2. Kremlin.ru. (2016) *Zasedanie Gosudarstvennogo soveta po voprosu ob ekologicheskom razvitii Rossiyskoy Federatsii v interesakh budushchikh pokoleniy* [The meeting of the State Council on the environmental development of the Russian Federation in the interests of future generations]. 27 December. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/53602. (Accessed: 20.04.2019).
3. Office of the Prosecutor General of the Russian Federation. (2017) *Statisticheskie dannye ob osnovnykh pokazatelyakh deyatel'nosti organov prokuratury Rossiyskoy Federatsii za yanvar'–dekabr' 2017 g.* [Statistical data on the main performance indicators of the prosecution authorities of the Russian Federation for January–December 2017]. [Online] Available from: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/f39/0112_2017.xls. (Accessed: 20.04.2019).
4. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2017) *Sostoyanie prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' – dekabr' 2017 goda* [The state of crime in the Russian Federation for January–December 2017]. [Online] Available from: https://media.mvd.ru/files/application/1241295. (Accessed: 20.04.2019).
5. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii № 10.1 za 2016 g.* [Summary statistics on the state of the criminal record in Russia No. 10.1 for 2016]. [Online] Available from: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=3834. (Accessed: 20.04.2019).
6. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2017) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii № 10.1 za 2017 g.* [Summary statistics on the state of the criminal record in Russia No. 10.1 for 2017]. [Online] Available from: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4572. (Accessed: 20.04.2019).
7. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Otchet o chisle osuzhdennykh po vsem sostavam prestupleniy Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii № 10-a za 2016 g.* [Report on the number of convicts for all offenses of the Criminal Code of the Russian Federation No. 10-a for 2016]. [Online] Available from: www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/f10a-svod-2016.xls. (Accessed: 20.04.2019).
8. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2017) *Otchet o chisle osuzhdennykh po vsem sostavam prestupleniy Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii № 10-a za 2017 g.* [Report on the number of convicts for all offenses of the Criminal Code of the Russian Federation No. 10-a for 2017]. [Online] Available from: www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/k3-svod-2017.xls. (Accessed: 20.04.2019).
9. *Izvestiya*. (2017) 29 chelovek postradali v rezul'tate vybrosa serovodoroda pod Orenburgom [29 people were injured as a result of the release of hydrogen sulfide near Orenburg]. 20 September. [Online] Available from: https://iz.ru/648120/massovym-otravleniem-detei-v-orenburzhe-zanialis-sledovateli. (Accessed: 20.04.2019).
10. RBK. (2018) *Nedetskiy vybros: kak v Volokolamske svalka otravila shkol'nikov* [A massive release: how a dump poisoned schoolchildren in Volokolamsk]. 21 March. [Online] Available from: https://www.rbc.ru/politics/21/03/2018/5ab287079a794710fb181795. (Accessed: 20.04.2019).

11. Lenta.ru. (2018) *“Zhzhenie na litse ne prokhodilo ves’ den’”: Zhiteli Kryma zhaluyutsya na ozhogi, otravleniya i astmu. Vsemu vinoy vybros kisloty* [“The face was burning all day”: Residents of Crimea complain of burns, poisoning and asthma. A release of acid is to blame]. 06 September. [Online] Available from: https://lenta.ru/articles/2018/09/06/armyansk/. (Accessed: 20.04.2019).
12. Vesti.ru. (2017) *Ekologicheskaya katastrofa v Nakhodke: zhiteli zadykhayutsya ot ugol’noy pyli* [Ecological disaster in Nakhodka: residents choking on coal dust]. 28 March. [Online] Available from: https://www.vesti.ru/doc.html?id=2871021. (Accessed: 20.04.2019).
13. National Geographic Rossiya. (2019) *Kuzbass zavalilo chernym snegom: foto i video* [Kuzbass filled up with black snow: photos and videos]. 15 February. [Online] Available from: http://www.nat-geo.ru/planet/1257477-kuzbass-zavalilo-chernym-snegom-foto-i-video/. (Accessed: 20.04.2019).
14. Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation. (2018) *Gosudarstvennyy doklad “O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchey sredy Rossiyskoy Federatsii v 2017 godu”* [State report “On the State and Environmental Protection of the Russian Federation in 2017”]. 28 December. [Online] Available from: http://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/. (Accessed: 20.04.2019).
15. Lopashenko, N.A. (2009) (st. 251) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [(Article 251) Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. 6th ed. Moscow: Norma.
16. *Byulleten’ Verkhovnogo Suda RF*. (2012) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 18.10.2012 № 21 “O primenenii sudami zakonodatel’stva ob otvetstvennosti za narusheniya v oblasti okhrany okruzhayushchey sredy i prirodopol’zovaniya” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 of October 18, 2012, “On the application by the courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management”]. 12.
17. Consultant Plus. (2018) *Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 56-AD18-10 of November 28, 2018*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
18. Consultant Plus. (2014) *Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of December 26, 2014, No. F01-5395/2014 in case No. A29-2517/2014*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
19. Consultant Plus. (2017) *Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of September 01, 2017, No. 81-AD17-22*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
20. Consultant Plus. (2018) *Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of August 17, 2018, No. 18-AD18-41*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
21. Consultant Plus. (2015) *Resolution of the Arbitration Court of the Central District of April 14, 2015, No. F10-676/2015 in case No. A54-6246/2013*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
22. Loginova, E.S. (2014) Administrativnaya otvetstvennost’ khozyaystvuyushchikh sub”ektov za narushenie pravil okhrany atmosfernogo vozdukha [Administrative liability of business entities for violation of the rules for the protection of atmospheric air]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 2. pp. 8–11.
23. Consultant Plus. (2017) *Decision of the Supreme Court of the Republic of Mari El of July 06, 2017, in case No. 7R-235/2017*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
24. Consultant Plus. (2014) *Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal of July 31, 2014, No. 17AP-8142/2014-AK in case No. A60-12427/2014*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
25. Consultant Plus. (2011) *Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the Far Eastern District of March 03, 2011, No. F03-548/2011 in case No. A59-4041/2010*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
26. Consultant Plus. (2011) *Resolution of the Federal Arbitration Court of the Moscow District of May 12, 2011, No. KA-A40/4183-11 in case No. A40-103341/10-92-539*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
27. Consultant Plus. (2012) *Resolution of the Seventh Arbitration Court of Appeal of April 5, 2012, No. 07АП-2343/2012*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
28. Consultant Plus. (2012) *Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal of April 28, 2012, No. 15AP-2170/2012 in the case No. A32-26045/2011*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
29. Consultant Plus. (2014) *Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of June 06, 2014, No. 64-AD14-8*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
30. Ustinova, T.D. (2015) Public Danger and Its Influence (Consideration) in Construction of the Norms of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Lex Russica*. 3. pp. 63–72. (In Russian).
31. Kashepov, V.P. (2012) Razvitie zakonodatel’stva ob ugolovnoy otvetstvennosti za ekologicheskie prestupleniya [The development of legislation on criminal liability for environmental crimes]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 6. pp. 29–39.
32. Bokuts, E.Yu. (2011) Ponyatie “zagryaznenie vozdukha”, ispol’zuemoe v dispozitsii st. 251 UK [The notion “air pollution” used in the disposition of Art. 251 of the Criminal Code]. *Zakonnost’*. 12. pp. 28–32.
33. Russian Federation. (2015) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.06.2015 № 12-P “Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 2 stat’i 99, chasti 2 stat’i 100 Lesnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i polozheniy postanovleniya Pravitel’stva Rossiyskoy Federatsii “Ob ischislenii razmera vreda, prichinennogo lesam vsledstvie narusheniya lesnogo zakonodatel’stva” v svyazi s zhaloboy obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost’yu “Zapolyarneft’”” [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 02, 2015, No. 12-P “In the case on the verification of the constitutionality of Part 2 of Article 99, Part 2 of Article 100 of the Forest Code of the Russian Federation and the provisions of the resolution of the Government of the Russian Federation“ On calculating the amount of damage caused to forests as a result of violation of forest legislation” in connection with the complaint of Zapolyarnneft LLC]. *Sobranie zakonodatel’stva RF*. 24. Art. 3547.
34. Consultant Plus. (2011) *Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of May 31, 2011, No. 17254/10 in case No. A03-3457/2010*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
35. Consultant Plus. (2016) *Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of April 25, 2016, No. 308-AD16-3830 in case No. A63-5304/2015*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
36. Bernaz, L.P. et al. (2018) *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federal’nomu zakonu ot 10 yanvarya 2002 g. № 7-FZ “Ob okhrane okruzhayushchey sredy” (postateynyy)* [Scientific and practical commentary on Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002, “On Environmental Protection” (article by article)]. Moscow: “IZiSP”; “KONTRAKT”.
37. SudAkt.Ru. (2018) *Decision of the Kislovodsk City Court No. 5-841/2018 of June 6, 2018, in case No. 5-841/2018*. (In Russian).
38. SudAkt.Ru. (2017) *Decision of the Zhigulevsky City Court No. 5-484/2017 of October 6, 2017, in case No. 5-484/2017*. (In Russian).
39. SudAkt.Ru. (2017) *Decision of the Zhigulevsky City Court No. 5-503/2017 of October 13, 2017, in case No. 5-503/2017*. (In Russian).
40. SudAkt.Ru. (2017) *Decision of the Zaigraevsky District Court No. 5-98/2017 of December 4, 2017, in case No. 5-98/2017*. (In Russian).
41. SudAkt.Ru. (2018) *Decision of the Kirovsky District Court of Omsk No. 5-539/2018 of May 21, 2018, in case No. 5-539/2018*. (In Russian).
42. SudAkt.Ru. (2018) *Decision of the Nikolaevsk-on-Amur City Court No. 5-46/2018 of June 28, 2018, in case No. 5-46/2018*. (In Russian).
43. SudAkt.Ru. (2018) *Decision of the Klyavlinsky District Court No. 5-7/2018 of February 19, 2018, in case No. 5-7/2018*. (In Russian).
44. SudAkt.Ru. (2018) *Decision of the Leninsky District Court of Samara No. 5-134/2018 of May 15, 2018, in case No. 5-134/2018*. (In Russian).
45. SudAkt.Ru. (2018) *Decision of the Votkinsk District Court No. 5-50/2018 of May 16, 2018, in case No. 5-50/2018*. (In Russian).
46. SudAkt.Ru. (2018) *Decision of the Leninsky District Court of Samara No. 5-194/2018 of July 27, 2018, in case No. 5-194/2018*. (In Russian).
47. SudAkt.Ru. (2017) *Resolution of the Noginsk City Court No. 5-788/2017 of October 12, 2017, in case No. 5-788/2017*. (In Russian).
48. SudAkt.Ru. (2017) *Decision of the Isakogorsky District Court of the city of Arkhangelsk No. 5-120/2017 of October 6, 2017, in case No. 5-120/2017*. (In Russian).

49. SudAkt.Ru. (2017) *Resolution of the Okha City Court No. 5-153/2017 of September 25, 2017, in case No. 5-153/2017*. (In Russian).
50. SudAkt.Ru. (2017) *Resolution of the Tosno City Court No. 5-52/2017 of March 13, 2017, in case No. 5-52/2017. (In Russian).*
51. SudAkt.Ru. (2018) *Decision of the Oktyabrsky District Court of Novosibirsk No. 5-7/2018 of February 7, 2018, in case No. 5-7/2018*. (In Russian).
52. SudAkt.Ru. (2017) *Decision of the Central District Court of Krasnoyarsk No. 5-711/2016 5-711/2017 of November 24, 2017, in case No. 5-711/2016*. (In Russian).
53. SudAkt.Ru. (2017) *Decision of the Severomorsky District Court No. 5-336/2017 of November 13, 2017, in case No. 5-336/2017*. (In Russian).
54. SudAkt.Ru. (2018) *Decision of the Leninsky District Court of Samara No. 5-156/2018 of June 21, 2018 in case No. 5-156/2018*. (In Russian).
55. SudAkt.Ru. (2018) *Decision of the Leninsky District Court of Samara No. 5-41/2018 of February 19, 2018, in case No. 5-41/2018*. (In Russian).
56. SudAkt.Ru. (2018) *Decision of the Kabansky District Court No. 5-42/2018 of May 18, 2018, in case No. 5-42/2018*. (In Russian).
57. SudAkt.Ru. (2018) *Verdict of the Shali City Court No. 1-137/2018 of July 9, 2018, in case No. 1-137/2018*. (In Russian).
58. SudAkt.Ru. (2017) *Verdict of the Svetloyarsky District Court No. 1-129/2017 of June 30, 2017, in case No. 1-129/2017*. (In Russian).
59. SudAkt.Ru. (2017) *Verdict of the Engels District Court No. 1-150/2017 of March 29, 2017, in case No. 1-150/2017*. (In Russian).
60. Consultant Plus. (2015) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 12-P of June 02, 2015*. Moscow: SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russian).
61. Ashin, A.A. et al. (2009) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)]. Moscow: KONTRAKT; INFRA-M.
62. Dubovik, O.L. (ed.) (2007) *Primenenie otvetstvennosti za ekologicheskie pravonarusheniya* [The application of liability for environmental offenses]. Moscow: Gorodets.
63. Knyazev, A.G., Churakov, D.B. & Chuchaev, A.I. (2009) *Ekologicheskie prestupleniya* [Environmental crimes]. Moscow: Prospekt.
64. Mayorov, V.I. & Izyumova, E.S. (2017) Analiz osnovnykh izmeneniy zakonodatel'stva o kontrol'no-nadzornoy deyatel'nosti [Analysis of the main changes in the legislation on control and supervision]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 6. pp. 7–11.
65. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. (2009) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 14.05.2009 № 8-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniya podpunkta "b" punkta 4 Postanovleniya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii "Ob utverzhdenii Poryadka opredeleniya platy i ee predel'nykh razmerov za zagryaznenie okruzhayushchey prirodnoy sredy, razmeshchenie otkhodov, drugie vidy vrednogo vozdeystviya" v svyazi s zaprosom Verkhovnogo suda Respubliki Tatarstan" [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 8-P of May 14, 2009, "In the case of the verification of the constitutionality of the provisions of Subparagraph B of Paragraph 4 of the Regulation of the Government of the Russian Federation "On approval of the procedure for determining fees and their maximum sizes for environmental pollution, waste disposal, other harmful effects" in connection with the request of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan"]. 3.
66. Consultant Plus. (2018) *Instruction on assessing public health risk from exposure to chemicals that pollute the environment. Instruction. R 2.1.10.1920-04 (approved by the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation on March 05, 2004).* Moscow: SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russian).
67. Bobylev, S.N. et al. (2002) *Makroekonomicheskaya otsenka izderzhek dlya zdorov'ya naseleniya Rossii ot zagryazneniya okruzhayushchey sredy* [Macroeconomic assessment of costs from environmental pollution for the health of Russia's population]. Moscow: In-t Vsemirnogo banka; Fond zashchity prirody.

Received: 17 June 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 232–240. DOI: 10.17223/15617793/447/28

УДК 349.6; 340.5

Н.В. Данилова, А.П. Гоглов

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПРАВЕ ФРАНЦИИ

Рассматривается современное состояние института экологической ответственности во Франции. Выявляются специфика экологической ответственности как особого вида юридической ответственности в европейском и французском праве, пределы ее применения, показана роль органов публичной власти в механизме ее реализации. Определяются наиболее эффективные правовые конструкции и нормы, которые могут быть использованы для совершенствования российского института возмещения экологического вреда.

Ключевые слова: право Франции; экологическая ответственность; экологический вред; Экологический кодекс Франции; Директива об экологической ответственности.

Введение

Принятие Европейским парламентом и Советом Европейского Союза Директивы № 2004/35/CE от 21 апреля 2004 г. «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий» [1] (далее – Директива) положило начало процессу формирования на национальном уровне в праве отдельных государств – членах ЕС новой публично-правовой модели взаимодействия государства и бизнеса в вопросах восстановления и предупреждения экологического вреда. Франция не только транспонировала нормы европейского права в свою национальную правовую систему, но и пошла несколько дальше по пути развития института экологической ответственности.

В отличие от стран Европы, в научной доктрине и правоприменительной практике России до сих пор превалируют взгляды на институт возмещения экологического вреда как на частноправовой. Результатом искусственного встраивания категорий частного права в публично-правовую ткань экологических отношений является то, что нивелируется сама возможность восстановления нарушенного состояния окружающей среды, в связи с чем эффективность данного института экологического права падает. Вместе с тем идея о признании экологической ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности в научных кругах чаще всего встречает непонимание и критику. Полагаем, что для России опыт правового регулирования этих вопросов в странах ЕС может представлять практический интерес для определения путей дальнейшего развития института возмещения экологического вреда.

В рамках настоящей работы институт экологической ответственности будет рассмотрен на двух уровнях: (1) Европейского Союза и (2) Франции. На первом уровне будут проанализированы положения Директивы как центрального звена системы правового регулирования, на втором уровне – особенности ее имплементации в Экологический кодекс Франции, а также пределы и возможности применения во Франции гражданской ответственности за экологический вред. Соответственно, этому будут посвящены первая и вторая часть работы. В заключительной части определим, какие принципы и механизмы европейского и французского экологического права в данной области могут быть заимствованы правом России.

Экологическая ответственность в праве Европейского Союза

В современных исследованиях оценка правовой природы юридической ответственности, предусмотренной Директивой, достаточно однозначна. На уровне Европейского Союза она создает «стандарт публично-правовой ответственности за экологический ущерб» [2. P. 26]. Отметим, что концепция Директивы менялась в процессе ее подготовки. Первоначально Директива предполагала использование гражданско-правового механизма возмещения как экологического вреда, так и связанного с ним вреда здоровью человека и частной собственности [3. P. 171]. Однако в последующем разработчики отказались от этой идеи в пользу публично-правового порядка. Это объяснялось тем, что принадлежность какому-либо лицу экологического блага, которое по своей природе является публичным, недопустимо. Поэтому положения классического деликтного права здесь, в публичных правоотношениях, не могут подлежать применению. Кроме того, сами методы оценки причиненного вреда не в полной мере вписываются в гражданско-правовые механизмы [4. P. 12].

Своего рода методологической основой Директивы послужила Белая книга об экологической ответственности, выпущенная Европейской Комиссией в 2000 г. [5]. Именно в ней впервые были намечены основы публично-правовой ответственности за экологический вред. Интересно, что Белая книга предлагала двухуровневый механизм ответственности за экологический вред. Согласно ему государственные органы были обязаны выполнять восстановление окружающей среды (первый уровень), а общественные организации получали право действовать на вспомогательной основе в том случае, если компетентные органы бездействовали или действовали не должным образом (второй уровень) [6. P. 7]. Иными словами, экологические неправительственные организации наделялись правом подавать в суды иски на предполагаемых загрязнителей, без обращения к компетентным органам. Однако в последующем при работе над проектом Директивы этот вариант был расценен как неприемлемый в силу того, что он приводил к делегированию важных функций государства общественным организациям. Согласно Директиве единственным «защитником» окружающей среды как общественного блага может быть только государство в лице органов публичной власти.

Именно в обязанности государства в лице компетентных органов входит определение ответственных загрязнителей и обеспечение того, чтобы они предпринимали или финансировали необходимые профилактические или восстановительные меры, детализирующиеся в Директиве. Директива базируется на идее, что государство несет ответственность перед своими гражданами за благоприятное состояние окружающей среды, поскольку окружающая среда является общественным благом. Как верно отмечает В.Г. Мельникова, в итоге в ЕС конструкция правового регулирования возмещения экологического вреда все более отдаляется от гражданско-правового механизма возмещения вреда, что обусловлено как особым публичным характером защищаемого блага, так и развитием специальных механизмов юридической ответственности и устранения его последствий (санации) в сфере экологических отношений, и становится элементом экономического регулирования, обеспечивая реализацию принципа «загрязнитель платит» [7. С. 102].

Граждане, пострадавшие от экологического вреда, а также неправительственные организации, занимающиеся вопросами защиты окружающей среды, в таком механизме не имеют права на обращение в суд с требованием о возмещении экологического вреда. Для защиты своих прав они должны обратиться к властям и представить необходимые доказательства экологического инцидента. Уполномоченные органы обязаны рассмотреть данное обращение, и если предполагаемый экологический вред произошел (или должен произойти), то компетентный орган должен потребовать, чтобы загрязнитель принял меры для его устранения (или предотвращения).

Директива имеет достаточно жесткие пределы действия. Прежде всего, она регламентирует только вопросы причинения вреда самой окружающей среде. Ее положения не распространяются на случаи причинения вреда здоровью человека, имуществу и т.п. (п. 14 Преамбулы). Это является решающим обстоятельством, благодаря которому Европейский Союз выделил экологическую ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности.

Кроме того, Директива использует дефиницию «экологический ущерб» («environmental damage») [8. С. 28], который охватывает лишь определенные объекты регулирования (ст. 3 Директивы). Так, Директива применяется в отношении:

1) экологического ущерба, возникшего вследствие осуществления вида профессиональной деятельности, указанного в Приложении III, и любой потенциальной угрозы такого ущерба, возникшего по причине такой деятельности;

2) ущерба защищенным видам и естественным средам обитания, возникшего вследствие какого-либо иного вида профессиональной деятельности, чем указанного в Приложении III, и потенциальной угрозы такого ущерба, возникшей по причине какой-либо такой деятельности, когда руководство предприятия совершило нарушение или допустило небрежность.

Приложение III Директивы выделяет 14 видов профессиональной деятельности, которые находятся в правовом поле режима экологической ответственности. К ним относятся, например, работы по сбору, транспортировке, утилизации и хранению отходов, включая обслуживание территорий хранения отходов; забор воды и создание водохранилищ и иные виды деятельности, которые в основном сводятся к производству, хранению и перевозке опасных веществ.

Что касается второй группы объектов регулирования Директивы, то она охватывает виды животных, растений и ареалов их обитания, указанных в Директивах № 79/409/ЕЭС «О сохранении диких птиц» [9] и № 92/43/ЕЭС «О сохранении естественных сред обитания дикой фауны и флоры» [10]. Указанное означает, что Директивой не охватываются случаи причинения вреда большинству видов животных, растений и ареалов их обитания. Кроме того, Директива, как правило, не охватывает случаи причинения вреда некоторым компонентам природной среды, таким как озоновый слой, околоземное космическое пространство, недра. Экологический ущерб может включать в себя случаи причинения вреда атмосферному воздуху, но только при условии, что такой вред влечет за собой причинение вреда воде, почве, охраняемым видам или естественным средам обитания, т.е. является по своей природе сопутствующим. Что касается земли как компонента природной среды, то Директива может применяться только при условии наличия двух обстоятельств: а) должно иметь место загрязнение почвы; б) должна присутствовать угроза причинения вреда здоровью человека.

Пункт 13 Преамбулы указывает на один из важнейших принципов экологического права Европейского Союза – экологический ущерб должен быть конкретным и поддаваться определению (подсчету). Не может приниматься во внимание вред, трудновосполнимый и невосполнимый, как это происходит в России при применении такс и методик расчета вреда, по сути условных способов определения вреда. В том случае, если предписанные уполномоченным органом действия причинителя вреда не привели к восстановлению окружающей среды, то принцип res judicata не подлежит применению, и компетентный орган государства вправе требовать от оператора проведения дополнительных работ или возмещения оставшегося экологического вреда, при условии, что стоимость таких мер пропорциональна нанесенному вреду [11. P. 41]. Примечательно, что данный принцип в свое время был подтвержден Судом Европейского Союза в объединенных делах от 09.03.2010 C-379/08 и C-380/08 [12].

Согласно Приложению II Директивы процедура устранения экологического ущерба различается в зависимости от вида природного ресурса. Так, устранение экологического ущерба в отношении вод, защищенных видов или естественных сред обитания достигается через восстановление природы до ее исходного уровня путем первичного, дополнительного и компенсирующего восстановления. Первичное восстановление предполагает проведение восстановительных мер, которые возвращают поврежденные природные ресурсы к исходному уровню или приближают к нему. Дополнительное восстановление

применяется тогда, когда первичное восстановление недостаточно. Компенсирующее восстановление призвано устранить потери природных ресурсов, возникшие с момента причинения ущерба до момента полного действия первичного восстановления.

Процедура устранения экологического ущерба землям несколько отличается от предыдущей. При устранении такого ущерба должны быть приняты необходимые меры по полному или частичному удалению загрязняющих веществ с территории, с тем, чтобы исключить риск негативного влияния на здоровье человека. Наличие таких рисков оценивается с помощью процедур оценки рисков с учетом характеристик и функций почвы, типа и концентрации загрязняющих. Можно заметить, что процедура устранения экологического вреда землям увязывается с негативным влиянием на здоровье человека, тогда как в отношении ущерба водам, защищенным видам или естественным средам обитаниям для его устранения необходимо восстановление исходного уровня природной среды.

Важно, что в качестве целей возмещения экологического вреда Директива называет не только восстановление окружающей среды, но и предотвращение экологического вреда. Она предоставляет компетентным органам государства право требовать от руководства компаний принимать превентивные меры, направленные на предотвращение экологического вреда, либо вообще самим принять подобные меры. Данное положение, естественно, не следует толковать абсолютно. Суд Европейского Союза в одном из решений (C-683/16 от 13.06.2018) указал, что превентивные меры могут быть предписаны только в ответ на событие, действие или бездействие, которые создали неминуемую угрозу экологического ущерба [13]. Помимо этого у уполномоченных органов есть право требовать в административном порядке возмещения и уже свершившегося экологического вреда. Данное положение Директивы было заимствовано из американского законодательства, а именно Комплексного акта об экологических мерах, компенсации и ответственности (CERCLA) 1980 г., более известного как «Закон о Суперфонде» [14]. И указанный американский акт, и Директива, по сути, устанавливают первичную обязанность причинителя вреда устранить экологический вред и субсидиарную обязанность компетентных органов государства обеспечить полное восстановление окружающей среды (безусловно, за счет средств причинителя вреда) [15. P. 176].

Директива была транспонирована всеми государствами – членами Европейского союза. Нельзя сказать, что этот процесс проходил безболезненно. Например, в Австрии он породил серьезную дискуссию относительно приемлемости публичных механизмов в этой эколого-правовой сфере [16. P. 478]. Далеко не все страны Европейского Союза выполнили требование ст. 19 Директивы о приведении законов, регламентов и административных положений в соответствие с Директивой к 30 апреля 2007 г. Из Доклада Европейской комиссии Совету и Европейскому парламенту ясно, что полное осуществление всеми государствами – членами Европейского Союза переноса положений Директивы было достигнуто только в середине 2010 г. [17]. В отношении некоторых стран понадобилось обращение Европейской комиссии в Суд Европейского Союза (материалы дела C-417/08 от 18.06.2009 [18]). Отметим, что и Франция нарушила срок, предусмотренный ст. 19 Директивы, поскольку имплементировала положения Директивы лишь 1 августа 2008 г. Представляется, что основной причиной медленного процесса транспонирования норм Директивы явилась необходимость введения нового публично-правового режима экологической ответственности, идущиго в разрез с устоявшимися механизмами гражданской ответственности за экологический вред.

Европейской комиссией была разработана Рабочая программа на 2017–2020 гг. для улучшения действия Директивы [19]. В ней предусматривается ряд мероприятий, направленных, во-первых, на развитие финансовой безопасности операторов через использование экологического страхования и, во-вторых, на обучение сотрудников компетентных органов государств – членов Европейского Союза по применению положений Директивы. В качестве конечной цели декларируется предотвращение и устранение экологического вреда на основе принципа «загрязнитель платит», а значит, способствует улучшению качества окружающей среды Европейского Союза.

Таким образом, на сегодняшний день право Европейского Союза служит тем краеугольным камнем, вокруг которого строится вся система французского экологического законодательства. Директива устанавливает систему экологической ответственности, основная цель которой – предотвращение и устранение экологического вреда. Директива, несмотря на использование терминов цивилистики, применяет публично-правовой подход к обеспечению того, чтобы оператор (хозяйствующий субъект), чья деятельность наносит экологический вред, нес финансовую ответственность за устранение такого ущерба. Цель экологической ответственности, отличающей ее от традиционной деликтной, состоит в том, чтобы побудить операторов принимать меры по минимизации экологического вреда в соответствии с принципом устойчивого развития, а также непосредственно восстанавливать нарушенное состояние окружающей среды.

Экологическая ответственность в праве Франции

Во Франции нормативными актами, имплементировавшими положения Директивы № 2004/35/CE в национальное право, являются Закон № 2008-757 от 1 августа 2008 г. «Об экологической ответственности и имплементации различных положений права Сообщества в сфере окружающей среды» [20] и Указ № 2009-468 от 23 апреля 2009 г. «О предотвращении и устранении некоторых повреждений, нанесенных окружающей среде» [21]. Этими документами были внесены дополнения в Экологический кодекс Франции (Code de l'environnement) [22] (далее – ЭК Франции). Рассмотрим его положения подробно.

Статьи L.160-1 – L165-2 ЭК Франции определяют общие условия экологической ответственности во Французской Республике. Согласно ст. L160-1 Экологического кодекса Франции при определении экологического вреда следует ориентироваться на выработанный Директивой принцип «загрязнитель платит». В отличие от Директивы французский законодатель разъясняет, кого следует понимать под оператором. Оператором признается любое физическое или юридическое лицо (государственное или частное), которое осуществляет профессиональную деятельность, приносящую прибыль, либо некоммерческую экономическую деятельность. По сути, речь здесь идет непосредственно о субъектах, которые своей профессиональной деятельностью оказывают воздействие на окружающую среду.

Для применения экологической ответственности во Франции экологический вред должен быть классифицирован как «серьезный». В силу положений статьи L161-1 Экологического кодекса Франции такой экологический вред может быть установлен в случаях, если он:

– во-первых, создает серьезный риск причинения вреда здоровью человека вследствие загрязнения почвы в результате прямого или косвенного воздействия на поверхность или почву веществ, смесей, организмов или микроорганизмов. Такая «серьезность» причинения личного вреда здоровью человека оценивается в момент события или в момент причинения вреда в зависимости от характеристик и свойств грунта, а также от природы и концентрации загрязняющих веществ. Аналогичного рода положение мы можем встретить и в Директиве № 2004/35/CE;

– во-вторых, оказывает серьезное негативное влияние на химический, количественный или экологический потенциал вод, в том числе и вод в исключительной экономической зоне, территориальном море и внутренних французских водах, за исключением случаев, установленных законом;

– в-третьих, оказывает серьезное негативное влияние на восстановление и сохранение видов и ареалов обитания, упомянутых в Директивах № 79/409/ЕЭС и № 92/43/ЕЭС;

– в-четвертых, создает непосредственную угрозу нанесения экологического вреда в ближайшем будущем.

Как и в рамках наднационального регулирования, дефиниция экологического вреда во Франции охватывает не только случаи непосредственного негативного воздействия на окружающую среду, но и угрозу возникновения такого экологического вреда в ближайшем будущем. Сделано это с целью применения превентивных мер, направленных на недопущение фактического негативного изменения состояния окружающей среды. Вопросы применения превентивных мер детально раскрываются в статьях R162-2 – R162-5. Статьей R162-2 Экологического кодекса Франции определяются компетентные органы, которые уполномочены принимать превентивные меры в контексте Директивы № 2004/35/CE. Ими являются префект департамента, в котором происходит деятельность оператора, представляющая угрозу окружающей среде, а в Париже таким лицом является специально уполномоченный префект полиции.

По французскому законодательству оператор, деятельность которого вызывает риск возникновения экологического вреда, должен сообщить указанному административному органу информацию, которая должна включать:

– происхождение и значительность угрозы экологического вреда;

– меры, предпринятые оператором для устранения или ограничения угрозы;

– прогнозируемое развитие угрозы с учетом мер, принятых оператором;

– факторы, позволяющие считать, что эти меры вряд ли предотвратят повреждение.

Далее административный орган обязан выяснить эффективность предпринятых оператором мер. В случае, если они оказались неэффективными, либо когда оператор вообще не проинформировал орган об их выполнении, компетентный орган должен немедленно реализовать возложенные на него законом полномочия.

Из изложенных нормативных положений видно, что режим экологической ответственности во Франции преследует в первую очередь цель не допустить возникновение экологического вреда, в чем и заключается огромное преимущество законодательства об охране окружающей среды Франции. Как указывают европейские исследователи П. Бентата и М. Форе, такая интерпретация текста ЭК Франции предотвращает случаи, когда оператор может умышленно причинять экологический вред, поскольку в случае его умышленного причинения он должен доказать, что вред окружающей среде не мог быть предотвращен при помощи превентивных мер [23. P. 124]. В этой связи О.А. Терновая отмечает, что в нормах ЭК Франции проявляются особенности французского и европейского понимания экологического вреда, тогда как в России экологический вред охватывается только случаями фактического загрязнения окружающей среды [24. С. 44].

Положения ст. L161-2 – L161-5 ЭК Франции аналогичны положениям Директивы. Так, в них идет речь о том, что нормы об экологической ответственности не подлежат применению, если с момента причинения экологического вреда прошло больше 30 лет. Что касается действия во времени ЭК Франции, то его нормы не подлежат применению, если экологический вред имел место до 30 апреля 2007 г. (последней даты, когда государства – члены Европейского Союза должны были имплементировать нормы Директивы в национальное законодательство) вне зависимости от времени наступления последствий.

В статье L162-1 ЭК Франции нашли своё закрепление два вида экологической ответственности – объективная (безвиновная) и виновная. Перечень случаев применения объективной ответственности устанавливается, во-первых, Приложением III к Директиве и, во-вторых, статьей R162-1 Экологического кодекса Франции. Выше нами отмечалось, что Директива применяется, в частности, в отношении экологического ущерба, возникшего вследствие осуществления какого-либо вида профессиональной деятельности,

указанного в Приложении III, и любой потенциальной угрозы такого ущерба, возникшего по причине такой деятельности. Французский законодатель в связи с этим дублирует данные виды профессиональной деятельности в указанной ст. R162-1 ЭК Франции и устанавливает, что оператор, причинивший экологический ущерб в результате осуществления такой деятельности, несет объективную ответственность за него. Во всех же остальных случаях применяется традиционная виновная ответственность.

В 2009 г. произошел прецедент разрыва трубопровода в заповеднике Coussouls de Crau в департаменте Буш-дю-Рон на юге Франции, повлекший разлив нефти, который не подпадал под режим объективной ответственности [25] в силу того, что транспортировка нефти по трубопроводу не является видом деятельности, предусмотренной в Приложении III к Директиве. Учитывая указанный пробел, во Франции 2 мая 2012 г. был издан Указ № 2012-615 [26], касающийся безопасности транспортировки по трубопроводам химических веществ, природного газа и т.п., который, в том числе, ввел объективную экологическую ответственность за причинение экологического вреда в результате эксплуатирования подобных трубопроводов, расширив тем самым рамки применения Директивы № 2004/35/CE. И это не единственный случай, когда Французская Республика пошла дальше рассматриваемой Директивы.

Так, в исключительных обстоятельствах (например, когда оператор, ответственный за принятие превентивных мер, не может быть идентифицирован) экологические неправительственные организации могут обратиться либо к компетентному органу, либо сами принять эти меры. Эта возможность не предусмотрена в Директиве № 2004/35/CE, но дополняет ее и рассматривается как шаг вперед, и этот вариант гарантирует, что экологический вред будет эффективно устранен (или приняты превентивные меры), особенно в случае бездействия компетентного органа.

Примечательно, что ст. L162-2 ЭК Франции, следуя положениям Директивы, подчеркивает особенности и самостоятельную правовую природу экологической ответственности, поскольку лицо, которому причинен вред в результате экологического вреда или непосредственной угрозы такого вреда, не может требовать компенсации в соответствии с рассматриваемыми нами положениями. Это обусловлено тем, что цель существования экологической ответственности в Европе в целом и во Франции в частности – предотвратить нанесение ущерба окружающей среде и в случае его возникновения обеспечить устранение. Если ущерб окружающей среде наносит вред человеку или затрагивает имущество, то возможна подача иска в соответствии с гражданским законодательством, регулирующим гражданско-правовую ответственность. При этом граждане и общественные организации имеют право обратиться в компетентный административный орган и просить его установить или применить превентивные меры или меры, направленные на восстановление нарушенного состояния окружающей среды. Само обращение должно сопровождаться соответствующей информацией и данными исходя из положений ст. R162-3 ЭК Франции.

В ст. L163-1 ЭК Франции нашел свое закрепление приоритет возмещения экологического вреда в натуре. Часть 2 данной статьи возлагает на лицо, которое должно устранить экологический вред, обязанность ликвидировать данный вред либо самому, либо заключить договор с оператором, который будет осуществлять восстановление нормального состояния окружающей среды. В любом случае административный орган государства, обязавший устранить экологический вред, должен контролировать данный процесс, а лицо, причинившее экологический вред, несет единоличную ответственность перед таким государственным органом.

Если меры по возмещению экологического вреда планируется осуществлять на землях, которые не принадлежат виновному лицу на праве собственности или ином вещном праве, необходимо заключить договор с владельцем данного земельного участка, в котором определяются характер компенсационных мер, способы их реализации, а также продолжительность возмещения экологического вреда.

В случае, если лицо, обязанное возместить экологический вред, отказывается это делать, то административный орган самостоятельно приступает к выполнению предписанных мер, поручая их выполнение третьему лицу, с которым заключает договор. Безусловно, впоследствии административный орган взыскивает в установленном законом порядке средства, потраченные на восстановление нормального состояния окружающей среды.

Таким образом, исходя из анализа указанных положений, становится очевидным, что главная цель существования института экологической ответственности во Франции заключается не в защите частных имущественных интересов собственников, а в защите окружающей среды – публичного блага, общественного достояния. Именно в этом состоят несомненные преимущества данного института перед гражданско-правовым [27. P. 18].

Установление института экологической ответственности не исключает возможность применения традиционной деликтной ответственности за экологический вред согласно ст. 1246–1252 Гражданского кодекса Франции (Code Civil) [28]. Последняя применяется по остаточному принципу, т.е. при отсутствии оснований для применения экологической ответственности. Однако и в этом случае имеют место некоторые особенности.

Возмещение такого экологического вреда происходит в судебном порядке, а не в административном. Иски о возмещении экологического вреда вправе подавать как органы государственной власти и органы местного самоуправления (например, Французское агентство по биоразнообразию, муниципальные органы, на территории которых произошло правонарушение), так и общественные организации. Последние должны быть созданы не менее чем за пять лет до даты обращения в суд и целью их деятельности должна являться защита окружающей среды. В установле-

нии такого требования к общественным организациям, с одной стороны, видится благоприятный момент, поскольку уменьшается риск предъявления большого количества необоснованных требований, которые могут повлечь финансовые и репутационные потери для оператора. С другой стороны, это несколько ограничивает общественные организации в их праве на защиту публичного блага.

При этом гражданское законодательство Франции прямым образом устанавливает приоритет возмещения экологического вреда в натуре. В случае же, если причинитель вреда не может осуществить его возмещение в натуре, на него возлагается обязанность перечислить необходимую денежную сумму истцу, который обязан направить её на восстановление благоприятного состояния окружающей среды. По нашему мнению, это является существенным преимуществом регулирования института возмещения экологического вреда во Франции. Экологический вред гражданское законодательство Франции понимает как существенный вред элементам или функциям экосистемы или коллективным благам, получаемым человеком от окружающей среды, подлежащий возмещению в установленном законом порядке. Здесь можно заметить, что французский законодатель делает акцент на причинении вреда не только элементам и функциям экосистемы, но и коллективным благам, которые человек получает от окружающей среды, т.е. экологический вред понимается в широком смысле.

Отметим, что на формирование такого понимания экологического вреда значительное влияние оказала прецедентная судебная практика, а именно так называемое «Дело “Эрика”».

В декабре 1999 г. у берегов Бретани затонул танкер «Эрика», ходивший под мальтийским флагом и зафрахтованный французской нефтяной компанией Total International Ltd, перевозивший более 30 тысяч тонн мазута. Как следует из материалов данного дела, итальянская компания ENEL заключила контракт с Total International Ltd на поставку мазута, предназначенного для использования в качестве топлива для производства электроэнергии. Для выполнения контракта Total Rafinage Distribution (в настоящее время Total France SA) продала мазут компании Total International Ltd, которая зафрахтовала судно Erika, чтобы перевезти мазут из Дюнкерка (Франция) в Милаццо (Италия). Коммерческий суд в городе Сен-Назар и Апелляционный суд в городе Ренн, несмотря на очевидное причинение экологического вреда окружающей среде, отказали в удовлетворении требований Коммуны де Мескер, возбудившей дело против компании Total. Основной аргумент указанных французских судов сводился к тому, что во Франции отсутствовали необходимые нормативные положения, позволяющие привлечь компанию Total (фрахтователя) к ответственности, поскольку по французскому законодательству об охране окружающей среды того периода нельзя было требовать возмещение экологического вреда как такового (вне связи с причинением вреда здоровью человека, имуществу и т.п.). Итогом же данного процесса стало вынесение 25 сентября 2012 г. Кассационным Судом Франции Решения № 3439 [29], которым он признал компанию Total ответственной за экологический вред, случившийся в результате кораблекрушения.

Примечательно то, что до рассмотрения данного дела экологический вред во Франции в цивилистическом контексте не воспринимался в качестве самостоятельного, а рассматривался только как причина возникновения вреда здоровью человека либо имуществу. Именно с принятием указанного решения Кассационного Суда Франции связано издание Закона от 8 августа 2016 г. № 2016–1087 [30], который ввел в законодательство Франции категорию «непосредственно экологического вреда» («préjudice écologique»). До этого «непосредственный экологический вред» рассматривался только в рамках механизма экологической ответственности, которая, однако, не могла быть применена к компании Total ввиду отсутствия обратной силы Директивы.

Таким образом, во Франции законодательно действуют два режима ответственности за экологический вред. Первый носит публично-правовой характер и основан на положениях Директивы и ЭК Франции. Его применение имеет место только при соблюдении ряда достаточно жестких требований (наличие серьезного ущерба, определенного объекта регулирования и т.д.), а его реализация осуществляется компетентным органом государства в административном порядке без судебного решения. Второй режим ответственности является гражданско-правовым и применяется на основе норм Гражданского кодекса Франции в судебном порядке.

Отметим, что, несмотря на признаваемые преимущества экологической ответственности, она, как следует из Доклада Франции Европейской Комиссии о применении Директивы № 2004/35/ЕС, применяется крайне редко. Однако из данного обстоятельства французские власти делают позитивный для себя вывод. По их мнению, отсутствие реализации мер, предусмотренных Директивой, не может интерпретироваться как выявление неисполнения или неполного выполнения ее положений. Здесь следует искать превентивный эффект существования жестких мер экологической ответственности, заложенных в Директиве. Именно «возможность применения превентивных мер, предусмотренных Директивой и ЭК Франции, а также эффективная система государственного контроля за деятельностью операторов влияют на редкое применение механизмов возмещения экологического вреда, заложенного в указанной Директиве и ЭК Франции», – говорится в Докладе [25].

В то же время инцидент с «Эрикой» показал слабые места французского экологического законодательства, выявил проблемы правового регулирования института возмещения экологического вреда, особенности экологического вреда как такового, и стал толчком к изменению гражданского законодательства. При этом, как отмечается в Исследовании эффективности применения Директивы № 2004/35/CE, проведенном Европейской комиссией, случай с «Эрикой» указал на необходимость в сближении гражданско-правовой ответственности и экологической ответственности, где на первый план должен выйти именно

механизм ответственности, заложенный в Директиве № 2004/35/CE [31].

Заключение

Проведенное исследование опыта правового регулирования и применения института экологической ответственности во Франции позволяет выделить ряд эффективных правил, которые с успехом могут быть использованы в российской практике.

Во-первых, приоритет возмещения экологического вреда в натуре. Обязанность по проведению восстановительных мероприятий должен нести причинитель вреда. В случае невыполнения им этой обязанности они проводятся компетентным государственным органов за счет нарушителя. В итоге именно государство как «хранитель окружающей среды», несет окончательную ответственность перед своими гражданами за ее благоприятное состояние.

Во-вторых, возможность требовать от нарушителя принятия не только восстановительных, но и превентивных мер, направленных на недопущение возникновения экологического вреда.

В-третьих, административный (внесудебный) порядок возмещения экологического вреда.

В-четвертых, правило, согласно которому использование механизма экологической ответственности возможно только при условии установления экологического вреда конкретного, поддающегося подсчету.

Данные предложения, очевидно, не могут быть вписаны в действующий в России механизм гражданской ответственности за вред, причиненный окружающей среде. Однозначно, что они потребуют более решительных преобразований института возмещения экологического вреда путем утверждения и формирования самостоятельного вида юридической ответственности – экологической. Проведенное исследование показывает, что экологическая ответственность может иметь более высокую степень эффективности для достижения конечной цели экологического права – обеспечения конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Directive 2004/35/CE du Parlement européen et du Conseil du 21 avril 2004 sur la responsabilité environnementale en ce qui concerne la prévention et la réparation des dommages environnementaux // Journal officiel de l'Union européenne. 2004. № L 143. P.56.
2. Knopp L., Piroch I. Die EU-Umweltrichtlinie in der mitgliedstaatlichen Praxis // Natur und Recht. 2013. Vol. 35, is. 1. P. 25–28.
3. Winter G., Jans J.H., Macrory R., Krumer L. Weighing up the EC Environmental liability // Journal of environmental law. 2008. Vol. 20, № 2. P. 163–191.
4. Hinteregger M. Environmental Liability and Ecological Damage in European Law. Cambridge University Press, 2008. 607 p.
5. White Paper on Environmental Liability. COM. 2000. 66 final // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/HIS/?uri=CELEX%3A52000DC0066 (дата обращения: 23.05.2019).
6. De Smedt K. Is Harmonization Always Effective? The Implementation of the Environmental Liability Directive // European Environmental Law Review. 2009. Vol. 18, Is.1. P. 2–18.
7. Мельникова В.Г. Возмещение экологического вреда как элемент экономического механизма охраны окружающей среды в Европейском Союзе // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Томск : Издательский дом Том. гос. ун-та, 2018. Ч. 76. С. 100–102.
8. Кодолова А.В. Правовая природа ответственности за вред окружающей среде в России и Европейском Союзе: сравнительно-правовой анализ // Экологическое право. 2018. № 2. С. 27–32.
9. Directive 79/409/CEE du Conseil, du 2 avril 1979, concernant la conservation des oiseaux sauvages // Journal officiel de l'Union européenne. 1979. № L 103. P. 1.
10. Directive 92/43/CEE du Conseil, du 21 mai 1992, concernant la conservation des habitats naturels ainsi que de la faune et de la flore sauvages // Journal officiel de l'Union européenne. 1992. № L 206. P. 7.
11. Bergkamp L., Goldsmith B.J. The EU Environmental Liability Directive: A Commentary. Oxford University Press, 2013. 406 p.
12. La Cour de justice de l'Union européenne. Arrêt du 09 Mars 2010. Raffinerie Mediterranee (ERG) SpA, Polimeri Europa SpA and Syndial SpA v. Ministero dello Sviluppo economico and Others (C-379/08) and ENI SpA v. Ministero Ambiente e Tutela del Territorio e del Mare and Others (C-380/08) // Journal officiel de l'Union européenne. 2010. № C 113. P. 10.
13. La Cour de justice de l'Union européenne. Arrêt du 13 Juin 2018. Deutscher Naturschutzring – Dachverband der deutschen Natur – und Umweltschutzverbände e.V. v Bundesrepublik Deutschland (C-683/16) // Journal officiel de l'Union européenne. 2018. № C 276. P. 4.
14. Comprehensive Environmental Response, Compensation, and Liability Act of 1980 // Public Law. 96–510. 42 U.S.C. 1980. § 9601–9675.
15. Cassota S. Environmental Damage and Liability Problems in a Multilevel Context: The Case of the Environmental Liability Directive. Kluwer Law International, 2012. 280 p.
16. Kerschner F. Umwelthafting // Juristische Blätter. 2012. Vol. 134, is. 8. P. 477–481.
17. Rapport de la Commission au Conseil et au Parlement européen conformément à l'article 18, paragraphe 2, de la directive 2004/35/CE sur la responsabilité environnementale en ce qui concerne la prévention et la réparation des dommages environnementaux // EUR-lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=celex:52016DC0204 (дата обращения: 26.05.2019).
18. La Cour de justice de l'Union européenne. Arrêt du 18 Juin 2009. Commission of the European Communities v. United Kingdom (C-417/08) // Journal officiel de l'Union européenne. 2009. № C 180. P. 22.
19. Multi-Annual Eld Work Programme (MAWP) For The Period 2017–2020 // European Union. URL: http://ec.europa.eu/ environment/legal/liability/pdf/MAWP_2017_2020.pdf (дата обращения: 26.05.2019).
20. LOI № 2008-757 du 1er août 2008 relative à la responsabilité environnementale et à diverses dispositions d'adaptation au droit communautaire dans le domaine de l'environnement // Journal official de la République française. 2008. Vol. 2, № 0179. P. 12361.
21. Décret № 2009-468 du 23 avril 2009 relatif à la prévention et à la réparation de certains dommages causés à l'environnemen // Journal official de la République française. 2009. Vol. 1, № 0098. P. 7182.
22. Code de l'environnement // Legifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006074220 (дата обращения: 26.05.2019).
23. Bentata P., Faure M. The role of environmental civil liability: an economic analysis of the French legal system // Environmental Liability: Law, Policy and Practice. 2012. № 20. P. 120–128.
24. Терновая О.А. Экологическая ответственность юридических лиц по законодательству Франции // Правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (МИИГАиК, ИЗиСП, 23 марта 2017 года) / отв. ред. С.А. Боголюбов, Н.Р. Камынина, М.В. Пономарев. М. : МИИГАиК, 2017. С. 43–46.

25. Rapport des autorités françaises sur la mise en œuvre de la directive 2004/35/CE du 21 avril 2004 sur la responsabilité environnementale en ce qui concerne la prévention et la réparation des dommages environnementaux en application de son article 18 // European Union. URL: http://ec.europa.eu/environment/legal/liability/pdf/eld_ms_reports/FR.pdf (дата обращения: 26.05.2019).
26. Décret № 2012-615 du 2 mai 2012 relatif à la sécurité, l'autorisation et la déclaration d'utilité publique des canalisations de transport de gaz, d'hydrocarbures et de produits chimiques // Journal official de la République française. 2012. Vol. 1, № 0105. P. 7874.
27. Petersen M. The Environmental Liability Directive – Extending Nature Protection in Europe // Environmental Law Review. 2009. № 11. P. 18.
28. Code civil // Legifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721 (дата обращения: 27.05.2019).
29. La Cour de cassation. Arrêt № 3439 du 25 septembre 2012 // Cour de cassation. URL: https://www.courdecassation. fr/IMG/// Crim_arret3439_20120925.pdf (дата обращения: 27.05.2019).
30. LOI № 2016-1087 du 8 août 2016 pour la reconquête de la biodiversité, de la nature et des paysages // Journal official de la République française. 2016. Vol. 2, № 0184.
31. BIO Intelligence Service. 2014. ELD Effectiveness: Scope and Exceptions, Final Report prepared for European Commission – DG Environment // European Union. URL: http://ec.europa.eu/environment/legal/liability/pdf/BIO%20ELD%20Effectiveness_report.pdf (дата обращения: 28.05.2019).

Статья представлена научной редакцией «Право» 2 июля 2019 г.

Environmental Liability in French Law

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 232–240.
DOI: 10.17223/15617793/447/28

Natalia V. Danilova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: nvdanilova@mail.ru
Artem P. Goglov, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: artem.goglov@gmail.com

Keywords: French law; environmental liability; environmental damage; Environment Code of France; Environmental Liability Directive.

The research focuses on the modern status of the French environmental liability institution. Directive 2004/35/CE of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 on environmental liability with regard to the prevention and remedying of environmental damage was analyzed with due account of the two-level legal regulation in the euro-zone countries and the special aspects of the implementation of the Directive in the Environmental Code of France. The research objectives are: to consider environmental liability as a special type of liability in the French law and its applicability, to define the most effective law constructions and rule for improving the Russian institution of environmental damage recuperation. The research methods are formal-logical, formal-legal, comparative-legal. The institution of environmental liability was initially configured as public. An enabling environment is recognized as a public good; that is why the state plays a special role in the mechanism of compensation for environmental damage. The state is the one and only defender of the environment, and the state must determine its recovery measures. This idea designates the content and the procedure for applying environment liability, which stands out from traditional civil law sanctions. The essence of environmental liability is the offender's taking primary, additional and compensating measures aimed at restoring the original state of the environment. The liabilities are applied by administrative procedure after an authority's decision. In addition to a regenerative purpose, environmental liability pursues a preventive one. To achieve this, the authorized body has the right to require companies to take measures aimed at preventing environmental damage, or to apply such measures on its own, with a subsequent recovery of its costs by the offender. The Court of Justice of the European Union ruled that the preventive methods can be dictated in the case of inevitable environmental damage. Through this mechanism, one of the basic principles of the EU environmental law "to prevent is better than to correct" is implemented. The Environmental Code of France develops and specifies these rules. But environmental liability does not exclude the possibilities to claim damages under the civil liability regimes under the Civil Code of France. The results of the analysis can be applied to develop the Russian institution of the reparation of environmental damage by assimilation of European and French laws.

REFERENCES

1. *Journal officiel de l'Union européenne*. (2004) Directive 2004/35/CE du Parlement européen et du Conseil du 21 avril 2004 sur la responsabilité environnementale en ce qui concerne la prévention et la réparation des dommages environnementaux. L 143. p. 56.
2. Knopp, L. & Piroch, I. (2013) Die EU-Umweltrichtlinie in der mitgliedstaatlichen Praxis. *Natur und Recht*. 35 (1). pp. 25–28.
3. Winter, G. et al. (2008) Weighing up the EC Environmental liability. *Journal of Environmental Law*. 20 (2). pp. 163–191.
4. Hinteregger, M. (2008) *Environmental Liability and Ecological Damage in European Law*. Cambridge University Press.
5. COM. (2000) *White Paper on Environmental Liability*. [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/HIS/?uri=CELEX%3A52000DC0066. (Accessed: 23.05.2019).
6. De Smedt, K. (2009) Is Harmonization Always Effective? The Implementation of the Environmental Liability Directiveю *European Environmental Law Review*. 18 (1). pp. 2–18.
7. Mel'nikova, V.G. (2018) Vozmeshchenie ekologicheskogo vreda kak element ekonomicheskogo mekhanizma okhrany okruzhayushchey sredy v Evropeyskom Soyuze [Compensation of environmental damage as an element of the economic mechanism of environmental protection in the European Union]. In: Lebedev, V.M. et al. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 76. Tomsk: Tomsk State University. pp. 100–102.
8. Kodolova, A.V. (2018) The Legal Nature of the Liability for Damage to the Environment in Russia and the European Union: Comparative Law Analysis. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 2. pp. 27–32. (In Russian).
9. *Journal officiel de l'Union européenne*. (1979) Directive 79/409/CEE du Conseil, du 2 avril 1979, concernant la conservation des oiseaux sauvages. L 103. p. 1.
10. *Journal officiel de l'Union européenne*. (1992) Directive 92/43/CEE du Conseil, du 21 mai 1992, concernant la conservation des habitats naturels ainsi que de la faune et de la flore sauvages. L 206. p. 7.
11. Bergkamp, L. & Goldsmith, B.J. (2013) *The EU Environmental Liability Directive: A Commentary*. Oxford University Press.
12. *Journal officiel de l'Union européenne*. (2010) La Cour de justice de l'Union européenne. Arrêt du 09 Mars 2010. Raffinerie Mediterranee (ERG) SpA, Polimeri Europa SpA and Syndial SpA v. Ministero dello Sviluppo economico and Others (C-379/08) and ENI SpA v. Ministero Ambiente e Tutela del Territorio e del Mare and Others (C-380/08). C 113. pp. 10.

13. *Journal officiel de l'Union européenne*. (2018) La Cour de justice de l'Union européenne. Arrêt du 13 Juin 2018. Deutscher Naturschutzring – Dachverband der deutschen Natur – und Umweltschutzverbände e.V. v Bundesrepublik Deutschland (C-683/16). C 276. p. 4.
14. *Public Law*. 96–510. 42 U.S.C. 1980. § 9601–9675. Comprehensive Environmental Response, Compensation, and Liability Act of 1980
15. Cassota, S. (2012) *Environmental Damage and Liability Problems in a Multilevel Context: The Case of the Environmental Liability Directive.* Kluwer Law International.
16. Kerschner, F. (2012) Umwelthafting. *Juristische Blätter*. 134 (8). pp. 477–481.
17. COM. (2016) *Rapport de la Commission au Conseil et au Parlement européen conformément à l'article 18, paragraphe 2, de la directive 2004/35/CE sur la responsabilité environnementale en ce qui concerne la prévention et la réparation des dommages environnementaux.* [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=celex:52016DC0204. (Accessed: 26.05.2019).
18. *Journal officiel de l'Union européenne.* (2009) La Cour de justice de l'Union européenne. Arrêt du 18 Juin 2009. Commission of the European Communities v. United Kingdom (C-417/08). C 180. p. 22.
19. EU. (2017) *Multi-Annual Eld Work Programme (MAWP) For The Period 2017–2020*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/environment/legal/liability/pdf/MAWP_2017_2020.pdf. (Accessed: 26.05.2019).
20. *Journal official de la République française*. (2008) LOI № 2008-757 du 1er août 2008 relative à la responsabilité environnementale et à diverses dispositions d'adaptation au droit communautaire dans le domaine de l'environnement. 0179:2. p. 12361.
21. *Journal official de la République française*. (2009) Décret № 2009-468 du 23 avril 2009 relatif à la prévention et à la réparation de certains dommages causés à l'environnemen. 0098:1. p. 7182.
22. Legifrance. (2018) *Code de l'environnement.* [Online] Available from: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006074220. (Accessed: 26.05.2019).
23. Bentata, P. & Faure, M. (2012) The role of environmental civil liability: an economic analysis of the French legal system. *Environmental Liability: Law, Policy and Practice*. 20. pp. 120–128.
24. Ternovaya, O.A. (2017) [Environmental liability of legal entities under the laws of France]. *Pravovye problemy vozmeshcheniya vreda, prichinennogo okruzhayushchey srede* [Legal problems of compensation for harm caused to the environment]. Moscow State University of Geodesy and Cartography, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. 23 March 2017. Moscow: Moscow State University of Geodesy and Cartography. pp. 43–46.
25. European Union. (2004) *Rapport des autorités françaises sur la mise en œuvre de la directive 2004/35/CE du 21 avril 2004 sur la responsabilité environnementale en ce qui concerne la prévention et la réparation des dommages environnementaux en application de son article 18.* [Online] Available from: http://ec.europa.eu/environment/legal/liability/pdf/eld_ms_reports/FR.pdf. (Accessed: 26.05.2019).
26. *Journal official de la République française*. (2012) Décret № 2012-615 du 2 mai 2012 relatif à la sécurité, l'autorisation et la déclaration d'utilité publique des canalisations de transport de gaz, d'hydrocarbures et de produits chimiques. 0105:1. p. 7874.
27. Petersen, M. (2009) The Environmental Liability Directive – Extending Nature Protection in Europe. *Environmental Law Review*. 11. p. 18.
28. Legifrance. (2018) *Code civil.* [Online] Available from: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721. (Accessed: 27.05.2019).
29. Cour de cassation. (2012) *La Cour de cassation. Arrêt № 3439 du 25 septembre 2012*. [Online] Available from: https://www.courdecassation.fr/IMG///Crim_arret3439_20120925.pdf. (Accessed: 27.05.2019).
30. *Journal official de la République française*. (2016) LOI № 2016-1087 du 8 août 2016 pour la reconquête de la biodiversité, de la nature et des paysages. 0184. 2.
31. European Union. (2014) *BIO Intelligence Service. 2014. ELD Effectiveness: Scope and Exceptions, Final Report prepared for European Commission – DG Environment.* [Online] Available from: http://ec.europa.eu/environment/legal/liability/pdf/BIO%20ELD%20Effectiveness_report.pdf. (Accessed: 28.05.2019).

Received: 02 July 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 241–246. DOI: 10.17223/15617793/447/29

УДК 35.078.18

Р.В. Нагорных

ОГРАНИЧЕНИЯ И ЗАПРЕТЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Анализируются актуальные проблемы развития системы ограничений и запретов, связанных с прохождением государственной службы в правоохранительных органах исполнительной власти. Рассматриваются научные подходы к классификации запретов и ограничений в отношении государственных служащих правоохранительных органов. Внесены предложения по совершенствованию действующего административного законодательства о государственной службе в правоохранительных органах путем принятия соответствующего Федерального закона «О государственной службе Российской Федерации в правоохранительной сфере».

Ключевые слова: государственная служба; запреты и ограничения; правоохранительные органы; меры принуждения; правовой механизм.

В целях определения границ возможного поведения государственных служащих законодательством установлены ограничения и запреты, связанные с прохождением государственной службы в различных правоохранительных органах, входящих в систему исполнительной власти. Под правоохранительными органами исполнительной власти понимаются органы: Министерства внутренних дел Российской Федерации; Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий; Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации; Государственной фельдъегерской службы; Федеральной таможенной службы; Федеральной службы исполнения наказаний; Федеральной службы судебных приставов.

Как отмечает Е.В. Трегубова, «административно-правовой запрет и ограничение – наиболее жесткий способ правового регулирования общественных отношений. Наиболее часто административный запрет и административное ограничение необходимы для упорядочения или регулирования общественных отношений в публично-правовой сфере. Связано это с тем, что в соблюдении отношений, которые складываются в публично-правовой сфере, заинтересованы общество и государство. В этой связи не случайно высока социальная ценность административных запретов и ограничений в механизме правового регулирования, особенно в публично-правовой сфере» [1. С. 77].

Главная цель ограничений и запретов на государственной службе состоит в том, чтобы обеспечить эффективное ее функционирование посредством установления правовых преград возможного злоупотребления государственными служащими возложенными на них полномочиями [2. С. 75]. В качестве целей такого рода правоограничений могут выступать основы конституционного строя, общественная и государственная безопасность, права и свободы граждан, «правовая охрана граждан от произвола и борьба с такими пагубными явлениями, как служебные злоупотребления и коррупция в органах государственной власти» [3. С. 93].

По своему содержанию запреты и ограничения представляют собой особую разновидность обязанностей, установленных для государственных служащих. Как отмечают М.В. Костенников, А.В. Куракин, «запреты, обусловленные режимом государственной службы, закрепляются в императивной форме и, как правило, указывают на юридическую обязанность; суть данной обязанности состоит в запрете на совершение определенных действий, предусмотренных законом» [4. С. 48].

Особенностью такого рода обязанностей государственных служащих выступает то, что основной формой их реализации является соблюдение установленных государством предписаний. По мнению Е.В. Трегубовой, «юридическая природа реализации запрещающей нормы проявляется в том, что в ходе ее соблюдения субъекты выполняют свою обязанность перед государством. Таким образом, управленческая роль правовых запретов концентрируется в объявлении государством программы устранения общественно вредных явлений в самой правовой норме. Другая управленческая функция права, обеспечивающая оперативную управленческую деятельность, при запретительном регулировании права не нужна. Это, в свою очередь, усиливает необходимость четкого, ясного изложения как правовых запретов, так и последствий их невыполнения. Соблюдение как форма реализации нормы административного права характеризуется тем, что субъект административного права точно следует предписаниям соответствующей нормы административного права, совершая определенные действия или не совершая никаких действий» [1. С. 78].

Посредством законодательного закрепления ограничений и запретов сужается круг возможностей реализации конституционно-правового статуса государственных служащих, а именно таких его прав и свобод, провозглашенных Конституцией Российской Федерации, как равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от должностного положения, свобода мысли и слова, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, право заниматься предпринимательской деятельностью, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, право на забастовку и др. «Суть ограничений прав государственного служащего в том, что соответствующие

права гражданина ему не предоставляются, пока он состоит на государственной службе» [5. С. 175]. При этом ограничения и запреты для государственных служащих носят абсолютный характер, так как действуют в течение всего времени прохождения службы и не могут быть отменены или заменены другими положениями [6. С. 235].

Добровольно принимая на себя обязательства по соблюдению правовых предписаний об ограничениях и запретах, государственные служащие должны осознавать последствия их нарушения [7. С. 75]. Как и соблюдение любой другой обязанности, соблюдение запретов и ограничений обеспечивается применением мер государственного принуждения. При этом положения нормативно-правовых актов, устанавливающих ответственность за несоблюдение запретов и ограничений на правоохранительной службе, могут быть применены и к представителю нанимателя государственного служащего, например, в случае заключения служебного контракта с гражданином, имевшим судимость, что запрещено законодательством.

Следует отметить, что в некоторых нормативно-правовых актах прямо предусмотрены повышенные формы ответственности за нарушение запретов и ограничений на правоохранительной службе. Так, согласно ст. 49, 50 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» несоблюдение ограничений и запретов, установленных законодательством Российской Федерации, признается грубым нарушением служебной дисциплины. В случае совершения сотрудником органов внутренних дел подобного рода грубого нарушения служебной дисциплины к нему может быть применены такие виды дисциплинарных взысканий, как перевод на нижестоящую должность и увольнение. Нарушение запретов и ограничений в качестве основания для увольнения предусмотрено и другими нормативно-правовыми актами, регламентирующими особенности отдельных видов правоохранительной службы. Это подчеркивает и Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 30 июня 2011 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” и статьи 20.1 Закона Российской Федерации “О милиции” в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина»: «соблюдение установленных федеральным законодательством ограничений и запретов – одна из основных обязанностей государственного служащего… а их нарушение является основанием для увольнения с государственной службы».

Законодательство не раскрывает понятий «запрет» и «ограничение» на государственной службе. В юридической литературе также не сложилось однозначного толкования данных терминов. Как отмечает А.В. Куракин, «запреты в системе государственной гражданской службы – это закрепленные нормами административного права предписания, не позволяющие служащему совершать закрепленные законом действия под угрозой применения государственного принуждения» [8. С. 33]. Д.А. Кривоносов пишет: «Административные запреты в системе государственной службы – это закрепленные нормами административного законодательства положения, которые не дают возможности государственному служащему отклоняться от установленного служебного поведения, предупреждают и пресекают конфликт интересов в системе государственной службы под угрозой применения мер уголовного, административного, дисциплинарного и материального принуждения» [9. С. 8].

Понятие ограничения очень близко к понятию запрета. В этой связи в юридической литературе их нередко отождествляют. Так, Е.В. Охотский, исследуя правовой статус государственного служащего, указывает на то, что ограничения по должности представляют собой совокупность политических, экономических и организационно-управленческих факторов-запретов, очерчивающих пределы дозволенного в служебной деятельности и повседневном поведении государственного служащего. Ограничения устанавливают границы, выход за которые государство либо однозначно запрещает, либо не одобряет и не поощряет [10. С. 17]. Г.К Сванидзе отмечает, что «в основе содержания правового ограничения находится властный императив, запрещающий государственным служащим уклоняться от предписанного поведения». Он пишет о том, что все ограничения можно условно разделить на две группы: ограничения, действующие в отношении лиц, желающих заместить должность гражданской службы (например, гражданин не может быть принят на гражданскую службу в случае признания его недееспособным или ограниченно дееспособным решением суда, вступившим в законную силу), и ограничения, распространяющиеся на лиц, осуществляющих государственно-служебные полномочия (например, гражданин не может оставаться на должности гражданской службы в случае выхода из гражданства Российской Федерации или приобретения гражданства другого государства). В служебном законодательстве в отношении второй группы ограничений использован термин «запреты» [11. С. 99–101].

Однако многие авторы указывают на то, что данные категории имеют различия. Так, И.М. Приходько отмечает, что правовые ограничения представляют собой установленные законом пределы, выйти за которые нельзя, но в которых могут совершаться любые действия либо только те, которые предписаны, а все остальные, т.е. непредписанные, запрещены; а правовые запреты – это установленные нормами права, воспрещающие совершение конкретно определенных действий и выраженные в категорической форме посредством возложения прямой юридической обязанности не совершать каких-либо действий в условиях, предусмотренных правовой нормой [12. С. 156]. Ф.Н. Фаткуллин утверждает, что ограничения рассчитаны не на полное вытеснение того или иного общественного отношения, а на удержание его в жестко ограничиваемых рамках [13. С. 157]. А.Г. Братко указывает на то, что запреты по своему содержанию указывают на юридическую невозможность определенного поведения, которое фактически возможно, в то время как правовое ограничение

представляет собой не только юридически, но и фактически невозможный вариант поведения. В отличие от запрета правовое ограничение в принципе невозможно нарушить. Оно всегда есть ограничение какого-либо субъективного права, причем такое, которое обеспечивается обязанностями соответствующих должностных лиц [14. С. 17].

Современное российское законодательство устанавливает разветвленную систему запретов и ограничений для государственных служащих [15. С. 25]. При этом в научной среде отсутствует единство в их классификации. Так, Е.В. Охотский дифференцирует их по целевому назначению: 1) на ограничения, касающиеся политической сферы; 2) ограничения, касающиеся служебного времени; 3) ограничения, касающиеся использования служебного положения; 4) ограничения, касающиеся использования в неслужебных целях средств материально-технического и информационного обеспечения органа государственной власти [10. С. 17]. Ограничения также подразделяют на те, которые установлены на период осуществления должностных полномочий, и те, которые реализуются при поступлении на государственную службу и последующем осуществлении должностных полномочий [5. С. 175–178].

Система ограничений, связанная с выполнение служащими должностных обязанностей, по мнению А.М. Артемьева, включает в себя запреты: а) использовать свое служебное положение в корыстных и иных личных целях, а также для оказания не предусмотренного федеральным законом содействия гражданам или организациям; б) отказываться от исполнения своих служебных обязанностей по причине угрозы его жизни или здоровью, если эти обязанности предусмотрены контрактом и приняты необходимые меры безопасности, а в случаях, предусмотренных федеральным законом, и от исполнения иных служебных обязанностей, в том числе не предусмотренных контрактом о правоохранительной службе; в) создавать или способствовать созданию в правоохранительных органах структур политических партий, религиозных объединений; г) заниматься иной, помимо служебной, оплачиваемой деятельностью, за исключением не препятствующей исполнению служебных обязанностей педагогической, научной и другой творческой деятельности; д) самостоятельно или через доверенных лиц принимать участие в управлении организациями любых организационно-правовых форм, если иное не предусмотрено федеральным законом [16. С. 49, 50].

В связи с повышенной социальной значимостью правоохранительной деятельности в целом и отдельных правоохранительных функций в частности система запретов и ограничений приобретает особое значение при рассмотрении государственной службы в правоохранительной сфере. Государственная служба в правоохранительной сфере как правовая категория – это сложное административно-правовое явление, связанное с профессиональной деятельностью граждан на должностях государственных органов, осуществляющих функции в области защиты прав и интересов граждан от противоправных посягательств, борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, обеспечения личной и общественной безопасности, исполнения решений о привлечении к юридической ответственности, а также функции в области ресурсного обеспечения правоохранительных органов, в том числе их кадрового обеспечения [17. С. 10].

Под запретами и ограничениями на государственной службе в правоохранительной сфере следует понимать установленные законодательством правила поведения императивного характера, несоблюдение которых может повлечь применение мер государственного принуждения к обязанным субъектам – государственным служащим правоохранительных органов.

На наш взгляд, в правовом положении служащего государственной службы в правоохранительной сфере можно выделить две группы ограничений и запретов: общие ограничения и запреты, специальные ограничения и запреты.

Общие запреты и ограничения определены федеральными законами и иными нормативными актами, устанавливающими особенности соответствующего вида государственной правоохранительной службы. Например, статья 7 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О службе в таможенных органах Российской Федерации» устанавливает ограничения в приеме на службу в таможенные органы и при ее прохождении. При этом закон «О службе в таможенных органах Российской Федерации» содержит бланкетную норму, которая определяет, что на сотрудника таможенного органа распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 30.10.2018) «О противодействии коррупции» и ст. 17, 18 и 20 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 11.12.2018) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) за исключением ограничений и запретов, препятствующих исполнению сотрудником таможенного органа обязанностей по осуществлению оперативно-розыскной деятельности.

Установление таких исключений и определение сотрудников таможенных органов, в отношении которых применяются данные исключения, в каждом отдельном случае осуществляются в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации. Подобного рода отсылочные положения присутствуют и в иных нормативных правовых актах, регламентирующих особенности прохождения государственной службы в правоохранительных органах исполнительной власти.

Установленные для государственных гражданских служащих ограничения и запреты, предусмотренные ст. 16, 17 Закона «О государственной гражданской службе …», распространяются в настоящее время на служащих правоохранительных органов, что, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации (см., например Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 1995 года № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца 2 части седьмой статьи 19 Закона

РСФСР от 18 апреля 1991 года “О милиции” в связи с жалобой гражданина В.М. Минакова»; от 26 декабря 2002 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго пункта 4 статьи 11 Федерального закона “Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и сотрудников федеральных органов налоговой полиции” в связи с жалобой гражданина М.А. Будынина»; от 30 июня 2011 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” и статьи 20.1 Закона Российской Федерации “О милиции” в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2009 г. № 463-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Болотаева Чермена Отаровича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 54 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации»), согласуется со специальным правовым статусом данной категории государственных служащих, который обусловлен выполнением ими конституционно-значимых функций и допускает в силу специфического характера их деятельности, а также принципов организации службы в правоохранительных органах установление особых обязанностей и определенных запретов и ограничений.

Анализ законодательства о государственной службе в правоохранительной сфере позволяет выделить следующие ограничения, установленные для служащих. Гражданин не может быть принят на службу в правоохранительные органы, а служащий правоохранительного органа не может ее продолжать в случае: признания его недееспособным или ограниченно дееспособным решением суда, вступившим в законную силу; отказа от прохождения процедуры оформления допуска к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну, если выполнение служебных обязанностей по замещаемой должности связано с использованием таких сведений; несоответствия требованиям к состоянию здоровья сотрудников правоохранительного органа, установленным руководителем федерального органа исполнительной власти; близкого родства или свойства (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) с сотрудником правоохранительного органа, если замещение должности связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому; выхода из гражданства Российской Федерации или приобретения или наличия гражданства (подданства) иностранного государства; предоставления подложных документов или заведомо ложных сведений при поступлении на правоохранительную службу; непредоставления установленных законодательством сведений или предоставления заведомо ложных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера при поступлении на правоохранительную службу; утраты представителем нанимателя доверия к служащему в случаях несоблюдения ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнения обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции; отказа от прохождения обязательной дактилоскопической регистрации.

Следует отметить, что в отличие от государственной гражданской службы на службе в правоохранительных органах установлены более жесткие требования относительно ограничений, связанных с уголовным преследованием и привлечением к уголовной ответственности.

Согласно ст. 16 Закона «О государственной гражданской службе…» гражданин не может быть принят на гражданскую службу, а гражданский служащий не может находиться на гражданской службе в случае осуждения его к наказанию, исключающему возможность исполнения должностных обязанностей по должности государственной службы (гражданской службы), по приговору суда, вступившему в законную силу, а также в случае наличия неснятой или не погашенной в установленном федеральным законом порядке судимости. На государственной службе в правоохранительной сфере осуждение гражданина за любой вид преступления, а не только за должностное преступление, наличие даже снятой и погашенной судимости, прекращение в отношении его уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием являются основаниями, препятствующими нахождению на службе. Например, указанные требования закреплены в ст. 14 Федерального закона от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2018), а также в ст. 14 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”».

Однако не для всех видов службы в правоохранительных органах предусмотрены такого рода ограничения. Так, согласно ст. 7 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О службе в таможенных органах Российской Федерации» при поступлении и прохождении правоохранительной службы в таможенных органах ограничением будет являться наличие у гражданина неснятой или непогашенной судимости, а также лишение его вступившим в законную силу решением суда права проходить службу в таможенных органах в течение определенного срока.

Реализация некоторых запретов на государственной службе в правоохранительной сфере не обеспечена соответствующим правовым и организационным механизмом. В частности, до сих пор законодательно не определена процедура передачи государственным служащим в доверительное управление ценных бумаг, долей в уставных капиталах организаций.

В связи с проводимой в Российской Федерации антикоррупционной политикой количество запретов, обусловленных прохождением государственной службы, в последнее время значительно возросло. Вместе с тем, как полагает А.М. Артемьев, «в силу специфики правоохранительной деятельности для служащих правоохранительной службы должны быть установлены запреты и ограничения, превышающие соответствующие требования, предъявляемые к служащим государственной гражданской службы» [16. С. 342]. Однако их закрепление, утверждает автор, должно компенсироваться соответствующими социальными гарантиями.

Ограничение прав и свобод государственных служащих, несомненно, должно осуществляться при обязательном предоставлении им дополнительных гарантий, которых нет у других российских граждан. Взаимосвязь ограничений и запретов, установленных для государственных служащих, и социальных гарантий их деятельности выступает одним из важных принципов государственной службе в правоохранительной сфере. При этом материальные и социальные блага и льготы должны распространяться не только на самих государственных служащих правоохранительной службы, но и на членов их семей.

Специальные ограничения и запреты установлены специальным законодательством и связаны с осуществлением определенного вида или направления правоохранительной деятельности. Так, согласно ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается: проводить оперативно-розыскные мероприятия в интересах какой-либо политической партии, общественного и религиозного объединения; принимать негласное участие в работе федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также в деятельности зарегистрированных в установленном порядке и незапрещенных политических партий, общественных и религиозных объединений в целях оказания влияния на характер их деятельности; разглашать сведения, которые затрагивают неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан и которые стали известными в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами; подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация); фальсифицировать результаты оперативно-розыскной деятельности.

Следует заключить, что система запретов и ограничений в системе государственной службы в правоохранительных органах исполнительной власти должна быть модернизирована с учетом установления общих единых требований ко всем ее видам, а законодательство и подзаконные нормативные правовые акты должны содержать однообразные дефиниции. Принципиальным решением проблем в сложившейся противоречивой системе запретов и ограничений, связанных с прохождением государственной службы в правоохранительных органах, должно стать принятие федерального закона «О государственной службе Российской Федерации в правоохранительной сфере», определяющего понятие, систему, цели, задачи и принципы государственной правоохранительной службы, ее организацию и порядок прохождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трегубова Е.В. Административные запреты и административные ограничения: соотношение понятий // Административное и муниципальное право. 2010. № 11. С. 75–81.
2. Агапов А.Б. Административное законодательство и публичные правоограничения // Административное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 74–79.
3. Козбаненко В.А. Правовой статус государственных гражданских служащих: структура и содержание. М. : [Ин-т повышения квалификации гос. служащих], 2003. 155 с.
4. Костенков М.В., Куракин А.В. Административный запрет как средство противодействия коррупции в системе государственной службы. М. : Юнити-Дана ; Закон и право, 2010. 127 с.
5. Манохин В.М. Служба и служащий в Российской Федерации. Правовое регулирование. М. : Юристъ, 1997. 296 с.
6. Старилов Ю.Н. Служебное право : учебник М. : БЕК, 1996. 698 с.
7. Старостин С.А., Ведяшкин С.В., Илюшин А.В. Круглый стол «Административные реформы как средство преобразований в обществе» // Административное право и процесс. 2019. № 3. С. 74–78.
8. Куракин А.В. Административные запреты и проблемы борьбы с коррупцией в системе государственной гражданской службы // Российская юстиция. 2008. № 4. С. 33–38.
9. Кривоносов Д.А. Административные запреты в системе государственной службы Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.
10. Охотский Е.В. Правовой статус государственного служащего Российской Федерации // Государство и право. 2003. № 9. С. 17–26.
11. Сванидзе Г.К. Административно-правовой статус служащих таможенных органов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 194 с.
12. Приходько И.М. Роль юридических ограничений в осуществлении правовой политики в России // Правоведение. 1997. № 4. С. 156–157.
13. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1987. 336 с.
14. Братко А.Г. Запреты в советском праве. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1979. 92 с.
15. Хабибулина О.В. К вопросу о видах запретов для государственных служащих Российской Федерации // Административное право и процесс. 2016. № 3. С. 24–31.
16. Артемьев А.М. Государственная правоохранительная служба: системные свойства, функции, правовое обеспечение. М. : Моск. ун-т МВД России, 2008. 373 с.
17. Нагорных Р.В. Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. 40 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 июня 2019 г.

Restrictions and Limitations in the System of Public Service in Law Enforcement

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 241–246.
DOI: 10.17223/15617793/447/29

Roman V. Nagornykh, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (Vologda, Russian Federation). E-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

Keywords: public service; restrictions and limitations; law enforcement agencies; enforcement measures; legal mechanism.

The article considers administrative restrictions and limitations – the most rigid measures of legal regulation of public relations, which are used for improvement and regulation of public relations in the public law sphere. The author analyses the system of restrictions and limitations in the context of developing a new framework of administrative procedure; he determines its place in administrative procedure law. The aim of the article is a study of restrictions and limitations in public service in law enforcement agencies as measures to provide its effective functioning by means of regulating legal barriers in case of a possible abusive practice. The aim was achieved by solving the related objectives. The notion of restrictions and limitations in public service in law enforcement agencies was examined. Social guarantees of governmental employees in the law enforcement sphere were considered in the context of restrictions and limitations established for them. The system of restrictions and limitations in public service in law enforcement agencies of an executive authority was identified. The author used methods of system analysis, analysis and synthesis, induction and deduction, as well as dialectic, logical and comparative law methods. The research allowed the author to come to the following conclusions. (1) Public service in law enforcement agencies as a legal category is a complex administrative fact related to the professional activity of people holding positions in state authorities. These people exercise functions of protection of rights and interests of citizens from unlawful encroachments; prevention of crimes; protection of public order; provision of personal and public security; execution of judgments on government actions. (2) Restrictions and limitations in public service in law enforcement agencies should be understood as rules of mandatory nature established by the legislation; non-compliance with them can cause public enforcement measures to public employees of law enforcement bodies. (3) Restrictions of rights and freedoms of public employees should be exercised under an obligatory provision of additional guarantees to them, which other Russian citizens do not possess. Interrelation of restrictions and limitations, established for public employees, and social guarantees of their activity is one of the important principle of public service in the law enforcement sphere. (4) An overriding solution of the problems in the existing controversial system of restrictions and limitations related to public service in law enforcement authorities should be an adoption of a federal law "On Public Service of the Russian Federation in the Law Enforcement Sphere".

REFERENCES

1. Tregubova, E.V. (2010) Administrativnye zaprety i administrativnye ogranicheniya: sootnoshenie ponyatiy [Administrative prohibitions and administrative restrictions: the correlation of concepts]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo – Administrative and Municipal Law*. 11. pp. 75–81.
2. Agapov, A.B. (2011) Administrativnoe zakonodatel'stvo i publichnye pravoogranicheniya [Administrative laws and public law restrictions]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo – Administrative and Municipal Law*. 10. pp. 74–79.
3. Kozbanenko, V.A. (2003) *Pravovoy status gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh: struktura i soderzhanie* [The legal status of state civil servants: structure and content]. Moscow: [In-t povysheniya kvalifikatsii gos. sluzhashchikh].
4. Kostenkov, M.V. & Kurakin, A.V. (2010) *Administrativnyy zapret kak sredstvo protivodeystviya korruptsii v sisteme gosudarstvennoy sluzhby* [Administrative prohibition as a means of combating corruption in the public service system]. Moscow: Yuniti-Dana; Zakon i pravo.
5. Manokhin, V.M. (1997) *Sluzhba i sluzhashchiy v Rossiyskoy Federatsii. Pravovoe regulirovanie* [Service and civil servant in the Russian Federation. Legal regulation]. Moscow: Yurist", 296 c.
6. Starilov, Yu.N. (1996) *Sluzhebnoe pravo* [Service law]. Moscow: BEK.
7. Starostin, S.A., Vedyashkin, S.V., & Ilyushin, A.V. (2019) A Round Table: Administrative Reforms as a Means of Transformations in the Society. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*. 3. pp. 74–78. (In Russian).
8. Kurakin, A.V. (2008) Administrativnye zaprety i problemy bor'by s korruptsiey v sisteme gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhby [Administrative prohibitions and problems of the fight against corruption in the system of state civil service]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 4. pp. 33–38.
9. Krivonosov, D.A. (2009) *Administrativnye zaprety v sisteme gosudarstvennoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii* [Administrative prohibitions in the public service system of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
10. Okhotskiy, E.V. (2003) Pravovoy status gosudarstvennogo sluzhashchego Rossiyskoy Federatsii [The legal status of a civil servant of the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 9. pp. 17–26.
11. Svanidze, G.K. (2010) *Administrativno-pravovoy status sluzhashchikh tamozhennykh organov* [Administrative and legal status of customs officers]. Law Cand. Diss. Moscow.
12. Prikhod'ko, I.M. (1997) Rol' yuridicheskikh ogranicheniy v osushchestvlenii pravovoy politiki v Rossii [The role of legal restrictions in the implementation of legal policy in Russia]. *Pravovedenie*. 4. pp. 156–157.
13. Fatkullin, F.N. (1987) *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the theory of state and law]. Kazan: Kazan State University.
14. Bratko, A.G. (1979) *Zaprety v sovetskom prave* [Prohibitions in Soviet law]. Saratov: Saratov State University.
15. Khabibulina, O.V. (2016) Revisiting Kinds of Interdictions for Civil Servants of the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*. 3. pp. 24–31. (In Russian).
16. Artem'ev, A.M. (2008) *Gosudarstvennaya pravookhranitel'naya sluzhba: sistemnye svoystva, funktsii, pravovoe obespechenie* [State law enforcement service: system properties, functions, legal support]. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
17. Nagornykh, R.V. (2017) *Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii v pravookhranitel'noy sfere* [Administrative and legal regulation of the public service of the Russian Federation in the law enforcement sphere]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.

Received: 17 June 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 247–254. DOI: 10.17223/15617793/447/30

УДК 343.573

С.Л. Нудель, О.А. Зайцев, В.П. Кашепов

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ

Рассмотрена проблема криминализации незаконного оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции, дана комплексная уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 171.3 и 171.4 УК РФ. Раскрыто содержание признаков рассматриваемых составов преступлений, в том числе оценочных и бланкетных (алкогольная и спиртосодержащая продукция), проанализированы основные вопросы отграничения рассматриваемых составов преступлений от иных составов преступлений и административных правонарушений.

Ключевые слова: уголовная ответственность; преступление; алкогольная продукция; спиртосодержащая продукция.

В Российской Федерации проблема алкоголизации населения остается чрезвычайно значимой. Ежегодно за наркологической помощью обращаются более 2 млн пациентов с психическими расстройствами и расстройствами поведения, вызванными потреблением алкогольной продукции. Число лиц, страдающих алкоголизмом и алкогольными психозами, составляет более 1,7 млн человек [1].

При этом потребление алкогольной продукции является одной из ключевых причин насилия и преступности. По данным ГИАЦ МВД России в 2018 г. каждое третье расследованное преступление (32,3%) совершено лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения [2].

Прямые и косвенные экономические потери от алкоголизации населения Российской Федерации наносят ощутимый вред социально-экономическому развитию Российской Федерации. К данным потерям относятся: повышенный уровень смертности, сокращение продолжительности жизни, утрата трудоспособности, снижение производительности труда, затраты на лечение заболеваний, связанных с потреблением алкогольной продукции, социальные выплаты, ущерб от пожаров, дорожно-транспортных происшествий, расходы на содержание заключенных и борьбу с преступностью и беспризорностью [1].

По данным Росстата, за шестилетний период в Российской Федерации снизились продажи алкогольной продукции как в абсолютных цифрах (с 126,8 до 96,8 дкл), так и на душу населения (с 8,9 л до 6,6 л) [3].

За период с 2012 по 2017 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 301 182 случая острых отравлений от спиртосодержащей продукции, в том числе 81 226 случаев – с летальным исходом (27,0%).

В связи с ростом цены на алкогольную продукцию сегмент, занимаемый ранее легальной розницей, постепенно замещается дешевым суррогатным алкоголем. В целях противодействия данной тенденции правоохранительными и контролирующими органами ежегодно изымается огромное количество нелегального спирта и алкогольной продукции, произведенных без лицензии (около 1 млн дкл спирта и 2,5 млн дкл алкогольной продукции). При этом ежегодно выявляется более 100 тыс. лиц, совершивших правонарушения, связанные с незаконным производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Несмотря на то, что правоохранительными и контролирующими органами с учетом имеющихся у них ресурсов выявляется до 10% (от реально существующих объектов незаконной деятельности и нелегальных) этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, нелегальный алкогольный рынок приносит ежегодно более 100 млрд рублей доходов его участникам в денежном эквиваленте. Вышеуказанные статистические данные позволяют сделать вывод о том, что нелегальный рынок данной продукции продолжает расти как по объему, так и по доходам [4].

Согласно Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 г. ликвидация нелегального алкогольного рынка названа в числе приоритетных целей и задач, стоящих перед органами государственной власти [5]. При этом эффективность их реализации напрямую зависит от эффективности уголовно-правовых средств борьбы с преступностью. Исходя из высокой степени общественной опасности противоправных деяний, связанных с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции, важности данной проблемы для государства и общества, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) и ранее – в уголовных кодексах РСФСР – за их совершение была установлена ответственность. Так, процесс криминализации, т.е. признания тех или иных деяний преступными и наказуемыми, следует признать в качестве важнейшего элемента уголовной политики Российской Федерации [6. С. 271; 7. С. 14; 8. С. 3–4].

В Уголовном Кодексе Р.С.Ф.С.Р. 1922 г. в главе IV «Преступления хозяйственные» [9] и в Уголовном Кодексе Р.С.Ф.С.Р. 1926 г. в главе II «Иные преступления против порядка управления» [10] была установлена ответственность: за приготовление с целью сбыта и сбыт вин, водок и вообще спиртных напитков и спиртосодержащих веществ без надлежащего разрешения или свыше установленной законом крепости, сбыт и незаконное хранение с целью сбыта таких напитков и веществ (ст. 140 и 101 соответственно); изготовление и хранение самогона для сбыта, а равно торговлю им в виде промысла (ст. 140-а, 140-б и ч. 1 ст. 102 соответственно); изготовление, хранение, ремонт и сбыт в виде промысла аппаратов, специально

служащих для изготовления самогона (ст. 140-в и ст. 103 соответственно); изготовление и хранение спиртных напитков (не оплаченных акцизом), в том числе самогона, а равно спиртосодержащих веществ без цели сбыта или если сбыт носит случайный характер (сбыт не в виде промысла) (ст. 140-г и ч. 2 ст. 102 соответственно).

В качестве наказания за совершение данных деяний в Уголовном Кодексе Р.С.Ф.С.Р. 1922 г. было предусмотрено лишение свободы с конфискацией части имущества или без таковой, поражение в правах, штраф; в Уголовном Кодексе Р.С.Ф.С.Р. 1926 г. – лишение свободы с конфискацией части имущества или без таковой, принудительные работы, штраф, в том числе налагаемый в административном порядке, согласно особого постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Р.С.Ф.С.Р. [11]

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. в главе 6 «Хозяйственные преступления» [12] в ст. 158 была закреплена ответственность за изготовление или хранение с целью сбыта самогона, чачи, араки, тутовой водки, браги или других крепких спиртных напитков домашней выработки либо изготовление или хранение с целью сбыта аппаратов для их выработки, а равно сбыт указанных спиртных напитков или аппаратов. За совершение данных деяний предусматривалась ответственность в виде: лишения свободы с конфискацией имущества либо без таковой, исправительных работ с конфискацией имущества либо без таковой или штраф.

В Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) Федеральным законом от 26.07.2017 № 203-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [13] были включены ст. 171.3 «Незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» и ст. 171.4 «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции», которые являются специальными по отношению к ст. 171 «Незаконное предпринимательство».

При этом многими учеными критически воспринята практика казуистичности конструирования уголовно-правовых норм («попытки сделать из действующего УК РФ Русскую правду») [14. С. 123; 15. С. 1402; 16. С. 9; 17. С. 18].

Вместе с тем квалификация указанных преступлений вызывает существенные проблемы, связанные с определением содержания бланкетных и оценочных признаков в конструкции их составов.

В качестве видового объекта данных преступлений, в том числе исходя из включения их в главу 22 УК РФ, следует назвать общественные отношения в сфере экономической деятельности. Соответственно, в качестве основного непосредственного объекта – установленный порядок оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. При этом его целью является защита «нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, экономических интересов Российской Федерации» [18].

Предметом данных преступлений является этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция (применительно к ст. 171.4 – пищевая), определение которых дано в ст. 2 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее – Федеральный закон № 171-ФЗ). В соответствии с данным законом:

этиловый спирт – спирт, произведенный из пищевого или непищевого сырья, в том числе денатурированный этиловый спирт, фармацевтическая субстанция спирта этилового (этанол), головная фракция этилового спирта (отходы спиртового производства), спирт-сырец и дистилляты;

алкогольная продукция – пищевая продукция, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5% объема готовой продукции (спиртные напитки (в том числе водка, коньяк), вина, винные напитки, пиво и напитки, изготавливаемые на основе пива, сидр, пуаре, медовуха);

спиртосодержащая продукция – пищевая или непищевая продукция, спиртосодержащие лекарственные препараты, спиртосодержащие медицинские изделия с содержанием этилового спирта более 0,5% объема готовой продукции.

В правоприменительной практике возникают существенные сложности с отнесением изъятой спиртосодержащей продукции к пищевой (ст. 171.4 УК РФ), так как отнесение объекта исследования к продукции (пищевой, спиртосодержащей пищевой, алкогольной, спиртосодержащей и пр.) выходит за рамки компетенции экспертов экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России.

Кроме того, для отнесения объекта к пищевой продукции необходимо не только установление сырьевого происхождения спирта этилового, но и признание в целом объекта пригодным (безопасным) к употреблению в пищу (ст. 1 Федерального закона от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [19]), что является исключительной компетенцией специалистов Роспотребнадзора.

Вместе с тем предметом экспертного исследования жидкостей, содержащих в своем составе этиловый спирт, в силу действующих методик и имеющейся приборной базы, являются: установление природы, качественного и количественного состава объекта, соблюдение норм вложения сырья и технологии производства, соответствие требованиям нормативных правовых актов и нормативно-технических документов на группу напитков, соответствие заявленному наименованию и пр.

Следовательно, при производстве экспертиз необходимым и достаточным будет признание изъятых объектов, содержащими в своем составе этиловый спирт, установление количественного содержания этилового спирта (крепости), для готовых изделий и их полупродуктов – наличие и количественное содержание показателей, контролируемых норматив-

ными правовыми актами и нормативно-технической документацией.

Необходимо отметить, что Государственным Советом Удмуртской Республики постановлением № 309-VI от 11.12.2018 в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен проект Федерального закона № 691263-7 «О внесении изменений в статью 171.4 Уголовного кодекса Российской Федерации» (об установлении уголовной ответственности за незаконную розничную продажу спиртосодержащей непищевой продукции), в котором предлагается в наименовании и в тексте ст. 171.4 УК РФ слова «алкогольной и спиртосодержащей пищевой» заменить словами «алкогольной, спиртосодержащей пищевой и (или) непищевой». Указанный проект федерального закона включен в примерную программу законопроектной работы Государственной Думы в период весенней сессии 2019 г. [20], но официальным отзывом Правительства Российской Федерации от 02.04.2019 № 2844п-П4 «На проект Федерального закона "О внесении изменений в статью 171.4 Уголовного кодекса Российской Федерации"» и официальным отзывом Верховного Суда Российской Федерации от 23.01.2019 № 4-ВС-511/19 «На проект Федерального закона "О внесении изменений в статью 171.4 Уголовного кодекса Российской Федерации"» он не поддержан.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, выражена в следующих альтернативно предусмотренных деяниях: производство, закупка (в том числе импорт), поставка (в том числе экспорт), хранение, перевозки и (или) розничная продажа этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без лицензии.

Так, в ст. 18 Федерального закона № 171-ФЗ установлено, что лицензированию подлежат виды деятельности по производству и обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (производство, хранение, поставки, закупки, розничная продажа, перевозки и др.) Право на получение соответствующих лицензий имеют организации, крестьянские (фермерские) хозяйства, индивидуальные предприниматели, признаваемые сельскохозяйственными товаропроизводителями.

При этом получение лицензии напрямую связано с осуществлением предпринимательской деятельности, т.е. самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг (ст. 2 Гражданского кодекса РФ).

В связи с этим следует согласиться с мнением, что ответственность может наступать только за нелегальный оборот продукции, направленный на извлечение прибыли без уплаты соответствующих налогов, тогда как отдельные деяния, такие как закупка, хранение алкогольной продукции в крупном размере, для целей, не связанных с предпринимательскими, состава преступления не образуют [21. С. 5].

Обязательным признаком состава преступления является крупный размер, которым признается стоимость этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, производство и (или) оборот которых осуществляются без соответствующей лицензии, превышающая сто тысяч рублей.

При этом в пункте 12 Проекта постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» (по состоянию на 28.05.2019) обоснованно отмечается, что незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной или спиртосодержащей продукции, стоимость которой превышает сто тысяч рублей, если эта продукция являлась опасной для жизни или здоровья человека, образуют совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 171.3 и 238 УК РФ [22].

Следует согласиться с Н.А. Лопашенко, что «и производство, и закупка (в том числе импорт), и поставки (в том числе экспорт), и хранение, и перевозки, и (или) розничная продажа специфической продукции – есть не что иное, как осуществление предпринимательской деятельности без лицензии в том случае, если она нужна. Однако состав незаконного предпринимательства охватывает, кроме такой же формы, еще и осуществление предпринимательской деятельности без регистрации – форму, которая статьей 171.3 УК РФ не предусмотрена… Соответственно, если предпринимательская деятельность не регистрировалась, потребуется одновременное вменение и статьи 171, и статьи 171.3 УК РФ, то есть фактически происходит искусственное удвоение уголовной ответственности, что нарушает принципы криминализации» [23. С. 30].

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 171.4 УК РФ, выражается в незаконной розничной продаже физическим лицом алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, если это деяние совершено неоднократно.

Так, п. 1 ст. 26 Федерального закона № 171-ФЗ установлено, что по общему правилу в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции запрещаются розничная продажа алкогольной продукции и (или) произведенной в домашних условиях продукции, содержащей этиловый спирт, физическими лицами.

Также в соответствии со ст. 11 данного закона оборот алкогольной продукции (за исключением розничной продажи пива и пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи) и оборот (за исключением розничной продажи) спиртосодержащей пищевой продукции осуществляются организациями; розничную продажу вина, игристого вина (шампанского) из собственного винограда вправе осуществлять сельскохозяйственные товаропроизводители.

Помимо этого согласно ст. 16 Федерального закона № 171-ФЗ розничная продажа алкогольной продукции, в том числе при оказании услуг общественного питания (за исключением розничной продажи пива, пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи, а также вина, игристого вина (шампанского), произведенных крестьянскими (фермерскими) хозяйствами без обра-

зования юридического лица, индивидуальными предпринимателями, признаваемыми сельскохозяйственными товаропроизводителями), осуществляется организациями.

Розничная продажа пива, пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи, в том числе при оказании услуг общественного питания, осуществляются организациями и индивидуальными предпринимателями. Крестьянские (фермерские) хозяйства без образования юридического лица и индивидуальные предприниматели, признаваемые сельскохозяйственными товаропроизводителями, осуществляют розничную продажу произведенных ими вина, игристого вина (шампанского).

Не допускается розничная продажа спиртосодержащей пищевой продукции, в том числе дистанционным способом, а также розничная продажа спиртосодержащей непищевой продукции с использованием торговых автоматов.

Под розничной продажей согласно Федеральному закону от 28.12.2009 № 381-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» понимается вид деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров для использования их в личных, семейных, домашних и иных целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [24].

При этом под признаки данного состава преступления не подпадает розничная продажа алкогольной продукции несовершеннолетним, так как это деяние охватывается признаками ст. 151.1 УК РФ.

Уголовная ответственность по ст. 171.4 УК РФ наступает «если это деяние совершено неоднократно». Согласно примечанию 2 к данной статье «под незаконной розничной продажей алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, совершенной неоднократно, понимается продажа такой продукции лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию».

Так, в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) включена соответствующая ст. 14.17.1 «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции физическими лицами» [25]. При этом в силу ст. 4.6 КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

Следует отметить, что ряд ученых не согласны с включением указанной нормы в уголовный закон «по двум основным причинам: 1) административная преюдиция не может быть признаком преступления [26. С. 66]; 2) это уже вторая норма подобного типа, заставившая законодателя оговорить в диспозиции нормы: «за исключением случаев, предусмотренных статьей 151.1 настоящего Кодекса». Таким образом, множится и множится количество специальных норм, Уголовный кодекс разбухает от количества преступлений, а статистика постоянно свидетельствует, что регистрация преступности снижается» [23. С. 33].

Исходя из конструкции и содержания ст. 171.3 УК РФ, субъектом данного состава преступления может быть названо лицо, достигшее 16-летнего возраста, вменяемое, которое осуществляет производство, закупку (в том числе импорт), поставки (в том числе экспорт), хранение, перевозки и (или) розничную продажу этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии, в случаях, если такая лицензия обязательна.

Вместе с тем в соответствии со ст. 18–19 Федерального закона № 171-ФЗ лицензии на отдельные виды деятельности, связанные с производством этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, обязаны иметь крестьянские (фермерские) хозяйства, индивидуальные предприниматели и организации.

Следовательно, субъектом данного преступления, могут быть: индивидуальный предприниматель и глава крестьянского (фермерского) хозяйства, а также лицо, на которое в силу его служебного положения постоянно, временно или по специальному полномочию были непосредственно возложены обязанности по руководству организацией (например, руководитель исполнительного органа юридического лица либо иное лицо, имеющее право без доверенности действовать от имени этого юридического лица), а также лицо, фактически выполняющее обязанности или функции руководителя организации [27].

При этом если лицо (за исключением руководителя организации или лица, на которое постоянно, временно или по специальному полномочию непосредственно возложены обязанности по руководству организацией) находится в трудовых отношениях с организацией или индивидуальным предпринимателем, которые осуществляют свою деятельность без соответствующей лицензии, то выполнение этим лицом обязанностей, вытекающих из трудового договора, не содержит состава преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ [25].

В составе преступления, предусмотренного ст. 171.4 УК РФ, в качестве субъекта преступления следует назвать лицо, достигшее 16-летнего возраста, вменяемое, подвергнутое административному наказанию за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.17.1 КоАП РФ, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Примечание 1 к ст. 171.4 УК РФ к числу субъектов преступления относит физических лиц и лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

Вместе с тем необходимо обратить особое внимание на взаимосвязь административной и уголовной ответственности. Так, субъектами административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ, и, соответственно, субъектами рассматриваемого преступления не могут быть физические лица, состоящие в трудовых отношениях с организацией, имеющей лицензию на розничную продажу алкогольной продукции, либо с организацией, не имею-

щей лицензии на розничную продажу алкогольной продукции, либо с лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (индивидуальным предпринимателем), осуществляющим розничную продажу пива и пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи, либо с сельскохозяйственным товаропроизводителем (индивидуальным предпринимателем, крестьянским (фермерским) хозяйством), признаваемым таковым в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» и осуществляющим розничную продажу произведенных им вина, игристого вина (шампанского), непосредственно осуществляющего реализацию алкогольной и спиртосодержащие продукции по договору розничной купли-продажи).

Также в целях квалификации указанного преступления следует учитывать, что согласно пункту 2 Обзора судебной практики «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении арбитражными судами дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 06.12.2017, то обстоятельство, что для индивидуального предпринимателя установлен запрет на осуществляемую им деятельность, не может служить основанием для освобождения его от ответственности за ее ведение с нарушением установленных Федеральным законом № 171-ФЗ требований и правил.

Исходя из изложенного, субъектами незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции могут быть: а) физические лица, не состоящие в трудовых отношениях и не зарегистрированные в качестве индивидуального предпринимателя, б) индивидуальные предприниматели и в) главы крестьянских (фермерских) хозяйств.

Помимо этого в процессе квалификации необходимо обратить особое внимание и на сроки привлечения к административной ответственности. Так, согласно практике Пленума и Президиума Верховного Суда Российской Федерации по ст. 264.1 УК РФ (пункт 10.3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016)) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [28]; «Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению положений статьи 159.4 в связи с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 11.12.2014 № 32-П и статьи 264.1 УК РФ» (утверждены Президиумом Верховного Суда РФ 31.07.2015), следует признать, что для целей ст. 171.4 УК РФ будет учитываться административное наказание, назначенное индивидуальному предпринимателю до 26.08.2017 за незаконную продажу алкогольной продукции, если на момент совершения нового правонарушения не истек срок, установленный статьей 4.6 КоАП РФ, поскольку лицо, подвергнутое административному наказанию за указанное правонарушение до 26.08.2017, совершая аналогичное правонарушение после названной даты, осознает, что совершает тем самым уголовно наказуемое деяние, запрещенное ст. 171.4 УК РФ [29].

Также следует отметить, что в законодательстве ряда стран – участников СНГ имеются нормы об уголовной ответственности за отдельные деяния, связанные с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции.

В Уголовном кодексе Республики Армения от 29.04.2003 № ЗР-528 в ст. 207 установлена ответственность за изготовление с целью реализации или реализация фальшивого вина или фальшивой водки или другого алкогольного напитка, а также за данное деяние, которое по неосторожности повлекло смерть человека или другие тяжелые последствия [30].

Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 02.02.2017 № 19 в ст. 229 предусматривает запрет на незаконные производство или хранение с целью сбыта, а равно сбыт спирта или спиртосодержащих напитков, незаконно произведенных либо не отвечающих требованиям, установленным законодательством, в крупном размере – 200 и более литров, а также сбыт спирта или спиртосодержащих напитков, незаконно произведенных либо не отвечающих требованиям, установленным законодательством, повлекший по неосторожности тяжкий вред [31].

Статьей 304 Уголовного кодекса Туркменистана от 12.06.1997 № 222-1 установлена ответственность за незаконное изготовление или хранение с целью сбыта крепких спиртных напитков домашней выработки, либо изготовление или хранение с целью сбыта аппаратов для их производства, а равно сбыт указанных спиртных напитков или аппаратов [32].

В Уголовном кодексе Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII в ст. 186-1 закреплена ответственность за незаконное производство или оборот этилового спирта, алкогольной продукции, совершенные в значительном размере либо после применения административного взыскания за такие же действия [33].

В Уголовном кодексе Украины от 05.04.2001 № 2341-III в ст. 204 предусмотрена ответственность за незаконное приобретение с целью сбыта или хранения с этой целью, а также сбыт или транспортировку с целью сбыта незаконно изготовленных этилового спирта, спиртовых дистиллятов, алкогольных напитков, пива или других подакцизных товаров; незаконное изготовление этилового спирта, спиртовых дистиллятов, алкогольных напитков, пива или других подакцизных товаров, совершенное лицом, которое ранее было осуждено по этой статье; незаконное изготовление указанных товаров, которые представляют угрозу для жизни и здоровья людей, а равно сбыт таких товаров, которое привело к отравлению или повлекшее смерть человека [34].

Таким образом, с учетом исторического и зарубежного опыта нормативной регламентации ответственности за незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции, следует сделать вывод о том, что эффективность мер по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией в Рос-

сийской Федерации и ликвидации нелегального алкогольного рынка напрямую зависит от эффективности уголовно-правовых средств борьбы с преступностью. Вместе с тем действующие конструкции уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции, чрезвычайно сложны для правоприменения, не охватывают весь спектр потенциально общественно-опасных деяний и нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Минздрава России от 30.06.2016 № 448 «Об утверждении Концепции по информированию населения Российской Федерации о вреде злоупотребления алкоголем» // СПС Консультант Плюс.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2018 года. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/ (дата обращения: 01.04.2019).
3. Государственный доклад Роспотребнадзора «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2017 году» // СПС Консультант Плюс.
4. Пояснительная записка к проекту федерального закона / Паспорт проекта Федерального закона № 50030-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части усиления уголовной ответственности за нелегальный оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции) (внесен членами Совета Федерации ФС РФ Е.В. Бушминым, С.Н. Рябухиным, В.Б. Шубой, депутатом Государственной Думы ФС РФ И.И. Гильмутдиновым). URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=50030-7 (дата обращения: 02.04.2019).
5. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2009 № 2128-р «О Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 2. Ст. 264.
6. Кашепов В.П. Концепция развития уголовного законодательства // Концепция развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М. : Эксмо, 2010. С. 271–279.
7. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 2005. 366 с.
8. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3–15.
9. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
10. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
11. Декрет ВЦИК и СНК Р.С.Ф.С.Р. от 28 июня 1926 г. «Об утверждении положения об издании местными исполнительными комитетами и городскими советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2946.htm (дата обращения: 01.05.2019)
12. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
13. Федеральный закон от 26.07.2017 № 203-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4752.
14. Бавсун М.В., Попов Д.В. Гиперопределенность уголовного права как предпосылка его деградации // Уголовная политика и культура противодействия преступности: мат-лы междунар. научн.-практ. конф. Краснодар, 2018. С. 123–127.
15. Голик Ю.В., Коробеев А.И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex russica. 2014. № 12. С. 1399–1409.
16. Бавсун М.В. От неопределенности к гиперопределенности уголовного закона // Оптимизация правовой основы противодействия преступности: к 25-летию Конституции Российской Федерации : сб. науч. трудов по итогам Всероссийской научн.-практ. конф. с междунар. участием: в 2 ч. Ч. 1. Волгоград, 2018. С. 8–13.
17. Кашепов В.П., Голованова Н.А., Гравина А.А. и др Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства / отв. ред. В.П. Кашепов. М. : ИЗиСП ; КОНТРАКТ, 2018. 280 с.
18. Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.
19. Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 150.
20. Протокол заседания Совета ГД ФС РФ от 27.05.2019 № 194 // СПС Консультант Плюс.
21. Белецкий И.А., Маскаев А.Н. Закупка, перевозка и хранение алкогольной продукции в крупном размере без цели сбыта – преступление? // Адвокатская практика. 2019. № 2. С. 3–6.
22. Проект постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» (по состоянию на 28.05.2019) // СПС Консультант Плюс.
23. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: о руинах уголовного закона // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 27–35.
24. Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 1. Ст. 2.
25. Федеральный закон от 29.07.2017 № 265-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части усиления ответственности за незаконную продажу алкогольной продукции» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4814.
26. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3 (23). С. 64–71.
27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1.
28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Российская газета. 2008. 26 дек. № 265.
29. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 19.03.2018 № 04АП-931/2018 по делу № А19-26650/2017 // СПС Консультант Плюс.
30. Уголовный кодекс Республики Армения от 29.04.2003 № ЗР-528 // Официальные ведомости (вестник) Республики Армения. 2003. № 25(260). Ст. 407. URL: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241378 (дата обращения: 02.04.2019).
31. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 02.02.2017 № 19 // Эркин Тоо от 10.02.2017 № 19–20. URL: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243545 (дата обращения: 02.04.2019).
32. Уголовный кодекс Туркменистана от 12.06.1997 № 222-1 // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 1997. № 2. Ст. 9. URL: http://base.spinform.ru/ show_doc.fwx?rgn=2483

33. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 1995. № 1 (2012-XII). URL: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242643 (дата обращения: 02.04.2019).
34. Уголовный кодекс Украины от 05.04.2001 № 2341-III // Официальный вестник Украины. 2001. № 21. С. 1, ст. 920. Код акта 18825/2001. URL: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243122 (дата обращения: 02.04.2019).

Статья представлена научной редакцией «Право» 29 июля 2019 г.

Criminal Liability for Crimes Related to Illegal Traffic of Alcohol and Alcohol-Containing Products

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 247–254.
DOI: 10.17223/15617793/447/30

Stanislav L. Nudel, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: crim@izak.ru
Oleg A. Zaytsev, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: crim@izak.ru
Vladimir P. Kashepov, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: crim@izak.ru

Keywords: criminal liability; crime; alcohol products; alcohol-containing products.

The aim of this article is to consider the problem of criminalization of illegal traffic of alcohol and alcohol-containing products. The authors give statistics, based on which they come to a conclusion that alcohol consumption is one of the central reasons of violence and crimes. Attention is paid to the extension of the illegal market of the mentioned products. Judging from the high level of the public danger of wrongful acts related to the illegal traffic of alcohol and alcohol-containing products and the importance of this problem for the state and society, the authors draw a conclusion on the relevance of introducing criminal liability. However, they note that the current criminal law standards establishing liability for the illegal traffic of alcohol and alcohol-containing products are hard to apply, they do not overtake all potentially socially dangerous acts and need to be improved. The authors give a complex criminal law description of crimes specified by Articles 171^3 and 171^4 of the Criminal Code of the Russian Federation, identify characteristic features of the considered elements of crime, including evaluative and blanket features ("alcohol products", "alcohol-containing products", "illegal retail", etc.). The analysis of the established legal practice allows concluding that there are essential problems in attributing exempt alcohol-containing products to food products because their attribution is beyond experts' competence, and validation of products as edible (harmless) is in the exclusive competence of experts of the Russian Federal Service for Surveillance on Consumer Rights Protection and Human Wellbeing. The authors consider general problems of delimitation of the elements of crime under study from other crimes and administrative offenses. They emphasize that illegal entrepreneurship is doing business without registration, a form not specified in the corresponding article of the Criminal Code; consequently, if the entrepreneurial activity is not registered, it is necessary to use other articles, which in practice results in a double criminal liability, and this, in turn, violates the principles of criminalization. Considering historical and foreign experience of the normative regulation of liability for illegal traffic of alcohol and alcohol-containing products, the authors come to a conclusion that the effectiveness of measures to decrease the abuse of alcohol products in the Russian Federation and eliminate the illegal alcohol market depend directly on the effectiveness of criminal deterrence.

REFERENCES

1. Consultant Plus. (2016) *Order of the Ministry of Health of Russia No. 448 of 30.06.2016 "On approval of the concept for informing the population of the Russian Federation about the dangers of alcohol abuse"*. Moscow: SPS Konsul'tant Plyus. (In Russian).
2. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2018) *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' – dekabr' 2018 goda* [A brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2018]. [Online] Available from: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/. (Accessed: 01.04.2019).
3. Consultant Plus. (2017) *State report of Rospotrebnadzor "On the state of sanitary and epidemiological well-being of the population in the Russian Federation in 2017"*. Moscow: SPS Konsul'tant Plyus. (In Russian).
4. Asozd2.duma.gov.ru. (2017) *Poyasnitel'naya zapiska k proektu federal'nogo zakona. Pasport proekta Federal'nogo zakona № 50030-7 "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" (v chasti usileniya ugolovnoy otvetstvennosti za nelegal'nyy oborot etilovogo spirta, alkogol'noy i spirtosoderzhashchey produktsii) (vnesen chlenami Soveta Federatsii FS RF E.V. Bushminym, S.N. Ryabukhinym, V.B. Shuboy, deputatom Gosudarstvennoy Dumy FS RF I.I. Gil'mutdinovym)* [Explanatory note to the draft federal law. Passport of draft federal law No. 50030-7 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" (regarding the strengthening of criminal liability for illegal trafficking in ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products) (introduced by members of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation E.V. Bushmin, S.N. Ryabukhin, V.B. Shuba, deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation I.I. Gilmutdinov)]. [Online] Available from: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=50030-7. (Accessed: 02.04.2019).
5. Russian Federation. (2010) Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 30.12.2009 № 2128-r "O Kontseptsii realizatsii gosudarstvennoy politiki po snizheniyu masshtabov zloupotrebleniya alkogol'noy produktsiey i profilaktike alkogolizma sredi naseleniya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda" [Ruling of the Government of the Russian Federation of December 30, 2009 No. 2128-r "On the concept for the implementation of state policy to reduce the abuse of alcohol and the prevention of alcoholism among the population of the Russian Federation for the period until 2020"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2010. 2. Art. 264.
6. Kashepov, V.P. (2010) Kontseptsiya razvitiya ugolovnogo zakonodatel'stva [The concept of development of criminal law]. In: Khabrieva, T.Ya. & Tikhomirov, Yu.A. (eds) *Kontseptsiya razvitiya rossiyskogo zakonodatel'stva* [The concept of development of Russian legislation]. Moscow: Eksmo. pp. 271–279.
7. Kudryavtsev, V.N. (2005) *Strategii bor'by s prestupnost'yu* [Crime combating strategies]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
8. Kudryavtsev, V.N. & Eminov, V.E. (2004) Kriminologiya i problemy kriminalizatsii [Criminology and the problems of criminalization]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 12. pp. 3–15.
9. RDFSR. (1922) Postanovlenie VTsIK ot 01.06.1922 (red. ot 25.08.1924) "O vvedenii v deystvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R." (vmeste s "Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R") [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of June 1, 1922 (as amended on August 25, 1924) "On the Enactment of the Criminal Code of the RSFSSR" (together with the "Criminal Code of the RSFFSR")]. *Sobranie uzakoneniy RSFSR*. 15. Art. 153.

10. RSFSR. (1926) Postanovlenie VTsIK ot 22.11.1926 (red. ot 27.04.1959) “O vvedenii v deystvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R. redaktsii 1926 goda” (vmeste s “Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R.”) [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of November 22, 1926 (as amended on April 27, 1959) “On the Enactment of the Criminal Code of the RSFFSR edition of 1926” (together with the “Criminal Code of the RSFFSR”)]. *Sobranie uzakoneniy RSFSR*. 80. Art. 600.
11. RSFSR. (1926) *Dekret VTsIK i SNK R.S.F.S.R. ot 28 iyunya 1926 g. “Ob utverzhdenii polozheniya ob izdanii mestnymi ispolnitel’nymi komitetami i gorodskimi sovetami obyazatel’nykh postanovleniy i o nalozhenii za ikh narushenie vzyskaniy v administrativnom poryadke”* [Decree of the All-Russian Central Executive Committee and Council of People’s Commissars of June 28, 1926, “On the Approval of the Regulation on the Issue of Mandatory Decisions by Local Executive Committees and City Councils and on Administrative Penalties for Their Violation”]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2946.htm. (Accessed: 01.05.2019)
12. *Vedomosti VS RSFSR*. (1960) Ugolovnyy kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 27.10.1960) (red. ot 30.07.1996) [The Criminal Code of the RSFSR (approved by the Armed Forces of the RSFSR on October 27, 1960) (as amended on July 30, 1996)]. 40. Art. 591.
13. Russian Federation. (2017) Federal’nyy zakon ot 26.07.2017 № 203-FZ “O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual’nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law No. 203-FZ of July 26, 2017, “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel’stva RF*. 31 (I). Art. 4752.
14. Bavsun, M.V. & Popov, D.V. (2018) [The hyper-determinism of criminal law as a prerequisite for its degradation]. *Ugolovnaya politika i kul’tura protivodeystviya prestupnosti* [Criminal policy and the culture of combating crime]. Proceedings of the International Conference. Krasnodar: Krasnodar University of the MIA of the Russian Federation. pp. 123–127. (In Russian).
15. Golik, Yu.V. & Korobeev, A.I. (2014) Russian Criminal Legislation Reform: To Be or Not to Be? *Lex Russica*. 12. pp. 1399–1409. (In Russian).
16. Bavsun, M.V. (2018) [From uncertainty to overdetermination of the criminal law]. *Optimizatsiya pravovoy osnovy protivodeystviya prestupnosti* [Optimization of the legal framework for combating crime]. Proceedings of the International Conference. In 2 parts. Pt. 1. Volgograd: Volgograd State University. pp. 8–13. (In Russian).
17. Kashepov, V.P. et al. (2018) *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya kak formy preobrazovaniya ugolovnogo zakonodatel’stva* [Criminalization and decriminalization as a form of transformation of criminal law]. Moscow: IZiSP; KONTRAKT.
18. Russian Federation. (1995) Federal’nyy zakon ot 22.11.1995 № 171-FZ (red. ot 01.05.2019) “O gosudarstvennom regulirovanii proizvodstva i oborota etilovogo spirta, alkogol’noy i spirtosoderzhashchey produktsii i ob ogranichenii potrebleniya (raspitiya) alkogol’noy produktsii” [Federal Law No. 171-FZ of November 22, 1995 (as amended on May 1, 2019) “On State Regulation of the Production and Turnover of Ethyl Alcohol, Alcohol and Alcohol-Containing Products, and on the Limitation of the Consumption (Drinking) of Alcoholic Products”]. *Sobranie zakonodatel’stva RF*. 48. Art. 4553.
19. Russian Federation. (2000) Federal’nyy zakon ot 02.01.2000 № 29-FZ (red. ot 23.04.2018) “O kachestve i bezopasnosti pishchevykh produktov” [Federal law of No. 29-FZ January 02, 2000 (as amended on April 23, 2018) “On the quality and safety of food products”]. *Sobranie zakonodatel’stva RF*. 2. Art. 150.
20. Consultant Plus. (2019) *Minutes of the meeting of the Council of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of May 27, 2019 No. 194*. Moscow: SPS Konsul’tant Plyus. (In Russian).
21. Beletskiy, I.A. & Maskaev, A.N. (2019) Is It a Crime to Purchase, Transport and Store Alcoholic Products on a Large Scale with no Intent of Sale? *Advokatskaya praktika – Advocate’s Practice*. 2. pp. 3–6. (In Russian).
22. Consultant Plus. (2019) *Draft resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On judicial practice in cases of crimes provided for in Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation” (as of May 28, 2019)*. Moscow: SPS Konsul’tant Plyus. (In Russian).
23. Lopashenko, N.A. (2018) Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel’nosti: o ruinakh ugolovnogo zakona [Crimes in the field of economic activity: on the ruins of a criminal law]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2. pp. 27–35.
24. Russian Federation. (2010) Federal’nyy zakon ot 28.12.2009 № 381-FZ (red. ot 25.12.2018) “Ob osnovakh gosudarstvennogo regulirovaniya torgovoy deyatel’nosti v Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law No. 381-FZ of December 28, 2009 (as amended on December 25, 2018) “On the Basics of State Regulation of Trade Activities in the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel’stva RF*. 1. Art. 2.
25. Russian Federation. (2017) Federal’nyy zakon ot 29.07.2017 № 265-FZ “O vnesenii izmeneniy v Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh v chasti usileniya otvetstvennosti za nezakonnuyu prodazhu alkogol’noy produktsii” [Federal Law No. 265-FZ of July 29, 2017, “On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in Part of Strengthening Responsibility for the Illegal Sale of Alcoholic Products”]. *Sobranie zakonodatel’stva RF*. 31 (I). Art. 4814.
26. Lopashenko, N.A. (2011) Administrativnoy preyuditsii v ugolovnom prave – net! [No to administrative prejudice in criminal law!]. *Vestnik Akademii General’noy prokuratury RF*. 3 (23). pp. 64–71.
27. *Byulleten’ Verkhovnogo Suda RF*. (2005) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 18.11.2004 № 23 (red. ot 07.07.2015) “O sudebnoy praktike po delam o nezakonnom predprinimatel’stve” [Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 23 of November 18, 2004 (as amended on July 07, 2015) “On court practice in cases of illegal business”]. 1.
28. *Rossiyskaya gazeta*. (2008) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 09.12.2008 № 25 (red. ot 24.05.2016) “O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh, svyazannykh s narusheniem pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv, a takzhe s ikh nepravomernym zavladeniem bez tseli khishcheniya” [Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of December 9, 2008 (as amended on May 24, 2016) “On judicial practice in cases of crimes related to violation of the rules of the road and the operation of vehicles, as well as their unlawful seizure without the purpose of theft”]. 26 December. 265.
29. Consultant Plus. (2018) *Decision of the Fourth Arbitration Court of Appeal No. 04AP-931/2018 of March 19, 2018, in case No. A19-26650/2017*. Moscow: SPS Konsul’tant Plyus. (In Russian).
30. *Ofitsial’nye vedomosti (vestnik) Respubliki Armeniya*. (2003) Ugolovnyy kodeks Respubliki Armeniya ot 29.04.2003 № ZR-528 [The Criminal Code of the Republic of Armenia No. ZR-528 of April 29, 2003]. 25(260). Art. 407. [Online] Available from: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241378. (Accessed: 02.04.2019).
31. *Erkin Too*. (2017) *Ugolovnyy kodeks Kyrgyzskoy Respubliki ot 02.02.2017 № 19* [The Criminal Code of the Kyrgyz Republic No. 19 of February 02, 2017]. 10 February. 19–20. [Online] Available from: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243545. (Accessed: 02.04.2019).
32. *Vedomosti Medzhlisa Turkmenistana*. (1997) Ugolovnyy kodeks Turkmenistana ot 12.06.1997 № 222-1 [The Criminal Code of Turkmenistan No. 222-1 of June 12, 1997]. 2. Art. 9. [Online] Available from: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2483.
33. *Sobranie zakonodatel’stva Respubliki Uzbekistan*. (1995) Ugolovnyy kodeks Respubliki Uzbekistan ot 22.09.1994 № 2012-XII [The Criminal Code of the Republic of Uzbekistan No. 2012-XII of September 22, 1994]. 1 (2012-XII). [Online] Available from: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242643. (Accessed: 02.04.2019).
34. *Ofitsial’nyy vestnik Ukrainy*. (2001) Ugolovnyy kodeks Ukrainy ot 05.04.2001 № 2341-III [The Criminal Code of Ukraine of 05.04.2001 No. 2341-III]. 21:1. Art. 920. Code of Act 18825/2001. [Online] Available from: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243122. (Accessed: 02.04.2019).

Received: 29 July 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 255–262. DOI: 10.17223/15617793/447/31

УДК 340.1

А.И. Хорошильцев

ВЛАСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМНЫЙ АСПЕКТ

Раскрывается проблемный аспект власти как объекта юридического познания. Отмечается, что власть фактически является таким объектом, но в отличие от права в этом качестве официальной доктриной не признана. В контексте противоположности и целостности функционирования власти и права обосновываются их одинаковая важность в сфере упорядочения и равное значение знаний о них. Делается вывод о необходимости официального признания власти объектом юридического познания равнозначного праву.

Ключевые слова: право; власть; объект юридического познания; теория государства и права; правоведение; государствоведение; юридическая теория власти; юридическая кратология.

Постановка проблемы

Власть всегда была в поле зрения юридической науки и фактически служила и продолжает служить объектом ее познания. В разные времена ей уделяли внимание, с большей или меньшей степенью активности исследовали, но никогда не игнорировали. Однако сложилось так, что юриспруденция в большей степени сосредоточилась на изучении права и государства, которые обрели практически общепризнанный статус объектов теории государства и права как фундаментальной основы юридических знаний и юридического познания. Тогда как власть в названном качестве официальной доктриной не признана и находится на периферии познавательных интересов юридической науки. Примером официального отношения к власти как объекту познания в теории государства и права является паспорт специальности 12.00.01. (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве), где не только власть в целом, но и государственная власть практически не упоминаются. Да и в паспортах других юридических специальностей термин «власть» встречается редко, а областей ее исследования практически нет. Единственная специальность, в которой власть недвусмысленно рассматривалась как область юридического познания, была специальность 12.00.11. Но в последней редакции ее паспорта эта область исследования заменена судебной деятельностью, которая не идентична судебной власти.

Из данной ситуации вытекает проблема власти как объекта юридического познания в целом и ее отдельные аспекты в частности. Первый из них обозначен выше. Он заключается в том, что власть, будучи фактическим объектом изучения, официально не признана таковым. Этим сдерживается исследование власти и сохраняется диспропорция между знаниями о ней и знаниями о праве, порождающей второй аспект рассматриваемой проблемы. Данный аспект заключается также в том, что в юриспруденции много, в целом системно и целенаправленно исследуется право и явно недостаточно, фрагментарно, изучается власть. Соответственно с этим право и ее сущность исследованы намного обстоятельней власти. По мнению Г.В. Мальцева, юристы «почти ничего» не могут сказать о ее смысле и природе. «Их внимание сосредоточено на внешних проявлениях власти, тогда как внутренняя пружина ее действия остается скрытой» [1. С. 17]. Но, если мы мало что знаем о смысле и природе власти, а значит и о том, что она собой представляет, если мы не стремимся в должной мере к ее изучению, то возникает вопрос: можем ли мы рассчитывать на адекватное отражение юридической реальности в целом, одним из важнейших элементов которой является власть? Скорее, нет. И из этого вытекает третий, видимо, самый важный по своему содержанию, аспект проблемы. Он заключается в том, что сложившаяся ситуация с познанием власти в юридической науке противоречит познаваемой ею объективной реальности и в конечном итоге ведет к искажению доктринальной картины последней. Такой вывод напрашивается из того, что непосредственными основаниями той реальности, на познание которой направлены усилия юриспруденции, в первую очередь и в равной мере являются право и власть. Они целостностью своего функционирования в одинаковой степени формируют названную реальность, что, в свою очередь, предполагает равную степень изучения права и власти. Юридическое познание – это прежде всего познание посредством отраженного и сформулированного сознанием единства права и власти. Наиболее ярко это видно на примере позитивизма, методологической опорой которого является видение мира посредством понятия позитивного права, предполагающего присутствие власти. В.С. Нерсесянц отмечал, что «в основе легистской (юридико-позитивистской) гносеологии лежит принцип признания (и знания) в качестве права лишь того, что является приказанием, принудительно-обязательным установлением официальной власти…».

Сила власти здесь рождает насильственное, приказное право

Истина о праве, согласно легистской гносеологии, дана в законе, выражающем волю, позицию, мнение законодателя (суверена, государства). Поэтому искомое истинное знание о праве носит здесь характер мнения, хотя и официально-властного мнения.

По логике такого правопонимания, одна только власть, создающая право, действительно знает, что такое право и чем оно отличается от неправа» [2. С. 65–66]. Не менее концентрированно эта мысль выражена ученым в следующем суждении: «По существу же (т.е. социологически, по словам Кельзена) под действительностью позитивного права имеется в виду

власть (правоустанавливающая власть, властная сила права), а под действительностью права – установленное этой властью позитивное право…» [2. С. 597].

Для позитивизма правом служит закон, который по существу представляет собой форму для выражения права в понимании носителей государственной власти. Они формулируют, создают такое право и обеспечивают его реализацию своими ресурсами. Рассматривая право в позитивном понимании, мы обнаруживаем его «обремененным» властью. Позитивное право – это государственная власть «в одеждах» права, которая предлагает обществу закон как инструмент упорядочения и в тоже время как инструмент юридического видения мира. Иными словами, в том случае, когда в качестве права рассматривается позитивное право, юридическое видение мира предполагает присутствие не только понятия права, но и власти. Отраженная и сформулированная сознанием целостность функционирования права и власти методологически и практически значима для юридического познания. Один из современных исследователей власти профессор И.А. Исаев отмечает, что «…необходимо углубиться в самую суть… понятий “власть” и “закон” [3. С. 3], которые он рассматривает в качестве узловых категорий. На них, по его мнению, «строится любая система политического и правового мышления, любая концептуальная конструкция, описанная в его терминах. Собственно говоря, эти понятия – главные для любой “философии права”, как бы мы ни понимали и какой бы понятийный круг для нее не очерчивали» [Там же]. Продолжая свои размышления в другой работе, ученый справедливо пишет, «что право, закон, власть как выдающиеся явления мирового порядка нуждаются в более широком взгляде на них, а следовательно, и в более комплексном учете и освещении всех нюансов и всего своеобразия, свойственных каждому их проявлению и каждому отдельному их элементу» [4. С. 9].

Для получения научной картины, объективно отражающей юридическую реальность, надо одинаково исследовать оба ее фундаментальных основания, коими являются право и власть. Такой подход методологически оправдан, так как он соответствует объекту изучения. Примером может служить взгляд на классическую норму позитивного права с точки зрения данного подхода, который уместно рассматривать в качестве одного из системообразующих методов юридического познания. В соответствии с ним норма позитивного права предстает как юридическая норма, где вектора права и власти, сопрягаясь, рождают такие элементы своего целостного существования, как гипотеза, диспозиция и санкция. В юридической норме каждый из этих элементов служит фактором оптимизации потенциалов права и власти. В гипотезе названные потенциалы оптимизируются с позиции права и как бы на его стороне, в санкции это происходит с позиции и «на стороне» власти. Диспозиция конституирует данную модель упорядочения, находя «золотую середину» целостного их существования. При этом правовой вектор проявляет себя прежде всего в гипотезе, а затем «проникает» в диспозицию, где фиксируется в правах субъектов отношений. В свою очередь властный вектор развивается в обратном направлении. Изначально он обнаруживает себя в санкциях, а далее в обязанностях, которые воспроизводятся в диспозициях и «выражают не особенности права как своеобразного социального регулятора, а особенности государственной власти, осуществляемой через право…» [5. С. 101].

Еще один аспект рассматриваемой проблемы вытекает из отсутствия единой науки о власти в целом и науки, которая бы системно включала в себя юридические знания о ней. Данные области познания только формируются. На место первой из них претендует общая кратология (властеведение) с ее теоретическими основами. В качестве второй могла бы стать юридическая кратология, теоретические основы которой составляет прежде всего юридическая теория власти.

Формирование названных научных направлений ставит вопросы об их месте в структуре юридических знаний и о власти как фактическом объекте юридического познания в целом и объекте теории государства и права в первую очередь.

Власть как фактический объект юридического познания

То обстоятельство, что власть является фактическим объектом юридического познания, подтверждается целым рядом обстоятельств. Прежде всего, такой вывод напрашивается потому, что власть, как уже было отмечено, активно исследуется в юридической науке. Причем не только государствоведами, но и правоведами. Более того, в последнее время обозначилась явная тенденция к активизации юридико-теоретического познания власти. Ей, и особенно государственной власти, ее ветвям, функциям, органам посвящены кандидатские и докторские диссертации, монографии и научные статьи. Во многих исследованиях, посвященных различным юридическим вопросам, непосредственно не касающихся власти, авторы затрагивают ее проблемы. Причем исследователи затрагивают не только позитивно-правовые аспекты власти, но и погружаются в сущностные, онтологические, гносеологические и иные проблемы ее бытия. Многие современные учебники по теории государства и права, фиксируя результаты и успехи юридической науки и подчеркивая их значимость для юридического познания, содержат главы, параграфы о власти и государственной власти.

Устойчивый и нарастающий интерес к власти объясняется фактической ролью этого феномена в жизни общества, государства и в юридической сфере, а также значением знаний о власти для юридической науки. Государство и право, которые признаны объектами теории государства и права, без власти в реальной жизни не существуют и существовать не могут. Отделить право от власти можно лишь умозрительно, абстрактно, а государство от власти неотделимо в принципе. Без власти нет государства и быть не может. Практически всеми исследователями государственная власть в науке признается самым существенным феноменом в государстве, а все области исследования в государствоведении в той или иной

степени основаны или связаны с изучением власти. Не менее важны исследования власти в интересах правоведения, все области которого в той или иной степени увязаны с познанием власти, как это было показано на примере нормы позитивного права. Само право может быть понято только посредством осознания той власти, которая связана с ним. Так, среди характеристик позитивного права традиционно называют то, что оно формируется и обеспечивается государством, его властью. Причем связанность права и власти отмечается не только в сфере публичного права, где она очевидней, но и в сфере частного права, где функционирует власть человека над вещами и другими индивидами. Без власти над самим собой человек не в состоянии воспользоваться своими правами и свободами. И динамика, и статика позитивного права напрочь увязаны с властью. Так, правотворчество и применение права, как этапы его динамики, проявляют государственную власть. Не обходятся без власти, в первую очередь без власти человека, и другие формы реализации права (использование, исполнение и соблюдение). Статика позитивного права, фиксируемая в текстах нормативно-правовых актов, также является результатом проявления государственной правотворческой власти, а юридическая сила нормативных правовых актов отражает иерархию органов государственной власти и познается через нее.

Перечислять области юридической науки, связанные с необходимостью изучения власти, можно бесконечно. Ограничусь здесь сказанным, подчеркнув, что теория государства и права, да и вся юриспруденция проявляют устойчивый познавательный интерес к власти как к фактическому объекту своего познания. Эта роль власти, в свою очередь, закономерно вытекает из того, что она является частью объективной реальности, неразрывно связанной с правом. Причем данная связанность носит фундаментальный характер и имеет не только онтологическое, но и, как уже говорилось, методологическое значение. Знания о власти необходимы для познания права, точно так же как знания о праве необходимы для изучения власти. Подобная связанность права и власти обусловлена характером их отношений, подтверждающих тот факт, что власть является объектом юридического познания равнозначного праву.

Объективный характер отношений права и власти

Отношения права и власти – одно из проявлений всеобщего закона единства и борьбы противоположностей. Их противоположность и взаимосвязанность издавна была и остается предметом пристального внимания ученых и философов. Многими признается, что право и власть, будучи антиподами, не могут существовать друг без друга. Одна из наиболее удачных конструкций их взаимодействия предложена известным отечественным философом Б.П. Вышеславцевым. По его мнению, «власть принципиально содержит в себе момент бесконтрольности и произвола; право принципиально не признает бесконтрольности и произвола. Во власти всегда есть, в конце концов, бесправие. В праве всегда есть безвластие» [6. С. 524]. В тоже время в своих размышлениях Б.П. Вышеславцев приходит к пониманию целостного функционирования права и власти, которое решает их антиномию. «Вся история социальной и политической жизни – пишет мыслитель – есть история трагического столкновения власти и права. Из этой борьбы вырастает и правовое государство, и диктатура, причем каждая из ее сторон по-своему разрешает антиномию. Трудность решения состоит на первый взгляд в том, что власть и право как будто несовместимы и исключают друг друга. Если бы это было так, решение было бы принципиально невозможно. Однако они обнаруживают не только взаимоисключение, но и некоторое взаимовключение. Они поистине связаны неслиянно и нераздельно. В самом своем зародыше власть уже предполагает элемент права. И, с другой стороны, в самом своем завершении право тоже сохраняет известное отношение к власти» [Там же. С. 524]. Формулой решения антиномии права и власти для Б.П. Вышеславцева можно считать его мысль: «Всякая власть предполагает минимум права; всякое право предполагает минимум власти» [6. С. 524]. Таким образом, мы может заключить, что ученый видел два основных пути решения антиномии права и власти: а) формированием власти, которой в той или иной мере присущи элементы права и б) формированием права, которое включает в себе элементы власти. Аргументируя свою позицию, Б.П. Вышеславцев, в частности, отмечал, что «всякая власть для своего укрепления необходимо сублимируется, облекается в форму права, облагораживается… будучи противоположным власти, право все же всегда нераздельно с нею связано: власть всегда сублимируется каким-то правом, хотя бы самым жестоким и деспотичным. И право всегда сублимирует некоторую власть, хотя бы самую смягченную, ограниченную, осмысленную. Право имеет перед собой идеал безвластия, но фактически всегда опирается на какую-то власть» [Там же. С. 525]. В качестве сублимации власти Б.П. Вышеславцев рассматривает закон. «Закон предполагает законодателя, т.е. лицо, волю, власть. Но если право есть приказ власти, то это совсем особый приказ, особое его проявление. Оно, и только оно, делает власть организующей силой, объединяющей силой и потому осмысленной и сублимированной силой. Закон есть первая сублимация власти… В законе и через закон власть существенно изменяется: она перестает быть произволом и становится всеобще-обязательной нормой» [Там же. С. 526].

Проблему противоположности и целостности функционирования права и власти затрагивали и другие ученые. Так, один из классиков отечественной юриспруденции О.А. Котляревский утверждал, что «право и власть в наличном государственном порядке тесно сплелись и даже могут быть разделены только отвлеченно» [7. С. 44]. Не обошли вниманием тесную связанность права и власти современные исследователи. С.С. Алексеев, отмечая противоположность этих явлений, пишет, что в праве «зримо или незримо присутствует государственный компонент, на нем лежит

«отпечаток» государственной власти» [8. С. 100], а в другом месте он утверждает: «право требует власти» [9. С. 64, 67].

Показанный характер связей отношений права и власти вытекает из их объективных истоков, которыми служат потенциалы противоположных друг другу видов активности: воздействия и отражения. Отражение материалистической философией рассматривается как всеобщее свойство материи и определяется как способность материальных явлений, предметов, систем воспроизводить в своих свойствах особенности других явлений, предметов, систем в процессе взаимодействия с ними. Воздействие противоположно отражению и представляет собой способность систем в процессе взаимодействия воплощать, трансформировать свои особенности в свойства других систем.

В основании власти лежат потенциалы воздействия, а истоками права служат потенциалы отражения. Власть, как правило, рассматривается в контексте воздействия. Так, под нею часто понимают возможность и способность достигать поставленных целей вопреки сопротивлению. За этой формулой скрываются, прежде всего, потенциалы воздействия, актуализация которых обеспечивает преодоление возникающих препятствий на пути к цели.

В свою очередь, в основании права лежат потенциалы отражения. Так, для профессора В.М. Сырых право есть результат отражения. «Право, равно как и обычай, – отмечает профессор, – возникает как результат мыслительной деятельности человека, как результат отражения им существующих общественных отношений» [10. С. 500]. В.Г. Тарасенко считает, что «право формируется вместе (одновременно) с сознанием как правосознание» [11. С. 17], т.е. как форма отражения правовой действительности.

Об отражении, как основании права, говорит и традиционное его понимание в качестве совокупности правил поведения, установленных и обеспечиваемых государством. Во-первых, эти правила формируются сознанием тех лиц, которые участвуют в процессе правотворчества, а сознание, как известно, является высшей формой отражения. Во-вторых, принятые государством правила поведения отражаются сознанием граждан, формируя у них понимание границ своей активности в обществе. В-третьих, для самого государства установленные им правила поведения служат мерой, посредством которой его должностные лица оценивают, отражают внешнюю деятельность участников социального взаимодействия. Позитивное право – это своего рода область юридического «сознания» государства, форма для отражения оцениваемого им поведения.

Вместе с этим право и власть представляют собой две противоположности, обеспечивающие переход активности из ее состояния потенциальности в состояние актуальности. Власть обеспечивает это путем упорядочения отражения посредством потенциалов (ресурсов и механизмов) воздействия (потенциалы воздействия → отражение), а право – путем упорядочения воздействия посредством потенциалов отражения (потенциалы отражения → воздействие). Иными словами, власть пробуждает активность отражения, заставляя ее носителя исходить из факта возможного проявления воздействия со стороны его источника. В свою очередь право пробуждает активность воздействия, открывая для ее носителя объемы для ее размещения. При этом и право, и власть направлены на упорядочение взаимодействия и формирования связей между субъектами, но связей, которые «работают» в разных направлениях. Власть обеспечивает связь между субъектами от потенциалов воздействия одного из них к фактическому проявлению активности их отражения другого. А право оказывается каналом связи от потенциалов отражения одного субъекта к фактическому проявлению активности воздействия в объемах этого канала другого субъекта.

Таким образом, целостное функционирование права и власти упорядочивает связи субъектов и служит источником юридического порядка. Целостность функционирования, синтез права и власти уместно рассматривать в качестве юридического континуума свободы [12]. В буквальном переводе с латинского понятие «континуум» (continuum) означает непрерывность. Данным термином, как правило, характеризуют непрерывность, неразрывность явлений, процессов, что свойственно связанности права и власти. Власть постоянно трансформируется в право, а право – во власть. Юридический континуум свободы универсален. Он обнаруживает себя в различных явлениях, наиболее ярким из которых служит государство. В этом качестве оно является юридическим континуумом свободы народа, т.е. целостностью функционирования его права и власти. Юридический континуум обладает формой, содержанием, интегративным качеством. Последнее заключено в способности и возможности юридического континуума быть источником порядка. Порядок – это свобода в условиях существования множества, а свобода в свою очередь – это объем для размещения активности. Ни право, ни власть в одиночестве не в состоянии сформировать и обеспечить свободу и порядок. Последние всегда формируются только как целостность функционирования права и власти.

Но, несмотря на глубокий и универсальный характер связей права и власти, юридической науки о последней, как уже было отмечено, пока не сложилось. Вместе с тем в юриспруденции в целом и в недрах теории государства и права в том числе постепенно формируется та совокупность знаний о власти, которая обретает черты юридической кратологии как науки о власти в ее противоположности и целостности функционирования с правом [13].

О кратологии

Кратология как наука о власти заявила о себе прежде всего благодаря публикациях В.Ф. Халипова [14, 15]. Формулируя развернутое определение кратологии, он пишет, что «это – одна из важнейших социальных наук – учение о власти, о закономерностях ее происхождения, функционирования и развития, о типах и видах власти и их специфики, ее субъектах, объектах, источниках и носителях, о целях, функциях, системах, структурах, механизмах, нормах и принци-

пах, средствах и методах власти, о сути и особенностях разделения властей, взаимодействия власти с другими сферами жизни и властей разного рода между собой, а также с зарубежными властями» [14. С. 26].

В.Ф. Халипов отмечает обширность знаний о власти, наличие значительного числа ее элементов и характеристик (около 150), рассматривает около 50 различных… кратий [15. С. 25–38], приводит далеко не полный список ее видов (около 40), типов и проявлений [14. С. 13–15]. Обширность, вездесущность власти дают основание В.Ф. Халипову рассматривать ее в качестве универсального явления, выходящего за пределы общества: «…Собственно власть как универсальный феномен возникает еще до человека и прачеловека и существует помимо человека, причем не только с Богом, в мире религий, как считают многие земляне, но и в далеко еще не познанной нами Природе, в т.ч. живой Природе» [Там же. С. 8].

В.Ф. Халипов выделяет более семидесяти областей и отраслей знаний о власти. Среди них: общая кратология, история власти, философия власти, логика власти, теоретическая и практическая кратологии и т.д. [Там же. С. 26]. Но основную классификацию знаний о власти ученый сводит к трем основным группам: 1) фундаментальные, базовые (общая кратология, теоретическая и практическая кратологии, сравнительная кратология, философия и история власти и некоторые другие); 2) специальные (или частные) области (законодательная, исполнительная, судебная, контрольная, избирательная, учредительная, информационная, международная, муниципальная и целый ряд других); 3) комплексные (антропология власти, логика власти, метафизика власти, психология власти, педагогика власти, феноменология власти и т.д.) [14. С. 96–98].

Кроме этих областей кратологических знаний В.Ф. Халипов называет еще несколько десятков направлений, которые, по его мнению, требуют осмысления. Среди них метакратология, мегакратология, бюрократология, теократология и многие другие. В числе направлений кратологических знаний и юрократология [Там же. С. 99]. Эта область знаний отражает прежде всего власть права и сферу профессиональной власти юристов, которую В.Ф. Халипов именует юрократией. «Юрократия – власть юристов в прямом и переносном смысле. Власть как растущее влияние норм права и специалистов этой сферы в государстве, становящемся правовым, и власть собственно юристов как один из идеалов, выдвигавшихся в прошлом и признававших необходимость прихода к власти ученых» [15. С. 35–36]. В этом контексте объектами юрократологии служат юридическая власть [16] и власть права [17]. Тогда как юридическая кратология, как мне представляется, охватывает не только эти объекты и поэтому оказывается шире юрократологии в ее понимании В.Ф. Халиповым. Юридическая кратологии, как уже отмечалось, это область знаний о власти в ее противоположности и целостности функционирования с правом. В таком контексте она призвана изучать власть прежде всего в двух ее основных ипостасях. С одной стороны, власть исследуется как часть регулятивной реальности в ее противоположности и вместе с тем в ее связанности с правом. В этом плане власть изучается в первую очередь посредством знаний о праве. С другой стороны, власть познается как методологический инструмент для познания права. Кратологическое познание предполагает также исследование фундаментальных оснований власти, которыми являются прежде всего активности воздействия и отражения. Наконец, юридическая кратология ориентирована на изучение внешних проявлений власти, которые обусловлены названной ее противоположностью и целостностью функционирования с правом.

Что касается того места, которое знания о власти занимают в юриспруденции, то его можно определить исходя из структуры теории государства и права, так как строение последней в определенной мере опосредует структуру всех юридических знаний.

О структуре теории государства и права

На строение теории государства и права, как известно, есть несколько точек зрения. По мнению одних ученых – эта наука включает в себя только теорию позитивного права и теорию государства. Другие ученые полагают, что помимо теории государства в эту науку следует включать догму права, социологию права и философию права. Третьи дополняют список названных частей науки логикой права и сравнительным правом. Не вызывает пока сомнений, пожалуй, только то, что в теории государства и права, как минимум, две составляющие: теория права и теория государства. Но по поводу них есть мнение, что они представляют две самостоятельные науки: правоведение и государствоведение. Так, профессор Г.В. Назаренко отмечает по данному поводу: «В последние годы отчетливо прослеживаются две тенденции: первая выражается в стремлении объединить в рамках общей теории права проблемы философии права, социологии права и специально-юридической теории (С.С. Алексеев, В.В. Лазарев); вторая проявляется в попытках размежевать теорию государства и теорию права в связи с тем, что государствоведение и правоведение имеют разные объекты исследования (Р.Х. Лившиц, А.Б. Венгеров)» [18. С. 9]. Третья тенденция сводится к стремлению сбалансировать первые две. «Многие ученые справедливо отмечают, – пишет далее Г.В. Назаренко, – что теория государства (государствоведение) и теория права (правоведение) – это относительно самостоятельные отрасли единой юридической науки, известной под названием «Общая теория государства и права» [Там же]. Следует отметить, что есть и иные подходы к структуре теории государства и права. В частности, профессор В.Г. Графский выделяет в современной российской юриспруденции (отечественном правоведении) три основных измерения (внешних проявлений): практическую юриспруденцию, теоретическую юриспруденцию и общую (интегральную, философскую, синтезированную) юриспруденцию [19. С. 12]. К теоретической юриспруденции ученый относит общую теорию права (теоретическое правоведение, догматическую юриспруденцию, позитивистскую, аналитиче-

скую юриспруденцию). «Теоретическое правоведение, именуемое также общей теорией права, занято выработкой общих понятий и категорий, выражающих устойчивые признаки права вообще и современного права в особенности». [19. С. 13]. Выделяя общую (интегральную, философскую) юриспруденцию, В.Г. Графский пишет, что эта область правоведения «ориентирует в природе и назначении права в социокультурном мире человека, семьи, общества, государства, разных цивилизаций, а также в мире морали, религии, других областей общественного сознания и цивилизационной культуры. Наиболее употребительное до настоящего времени наименование для этой области знаний – философия права» [Там же. С. 14].

Преодоление выделенных и иных сложностей в структурировании юридико-теоретических знаний видится на пути выделения двух их уровней в теории государства и права.

Уровни юридико-теоретического знания

Первый из них – уровень теории государства и права как области концентрации классических юридико-теоретических знаний, которые охватывают теорию права и теорию государства. Это, в свою очередь, предполагает признание относительно самостоятельных направлений юридического доктринального знания: правоведения и государствоведения. Данный уровень знаний применительно к рассматриваемой теме требует: а) обозначить сферу познания, которая формируется на стыке правоведения, государствоведения и кратологии, б) определить отношение юридической кратологии, ее теоретических основ и классической теории государства и права.

Второй уровень – это уровень более емких юридико-теоретических знаний по сравнению с классической теорией государства и права, который уместно рассматривать в качестве комплексного юридического учения. Его потенциалы накапливаются, а контуры все четче проступают и в теории государства и права, и в сфере юридико-теоретического познания в целом. Выделение этого уровня познания связано, в частности, с появлением новых научных направлений. По мнению В.Г. Графского, «теоретическое правоведение обогатилось некоторыми новыми отраслями и разновидностями – например, психологической теорией права (эмотивная юриспруденция), юридической герменевтикой (теория толкования юридических текстов и правил), гендерной юриспруденцией (теория происхождения и эволюции правового статуса лиц, относящихся к различному полу, возрасту и т.д.), теорией правовой культуры в ее соотношении с политической культурой и другими социокультурными образованиями. Моральная и социальная оправданность права обсуждается и фиксируется в таких областях правоведения, которые именуются деонтологией права и аксиологией права.

Новейшей областью теоретического правоведения можно считать также юридическую антропологию» [19. С. 13–14].

Профессор В.М. Сырых выделяет в относительно самостоятельную отрасль юридической науки ее методологию. «Было выявлено – пишет он, – что закономерности научного познания образуют относительно самостоятельную сферу познания, которая не в полной мере соответствует предмету теории государства и права, ориентированному на раскрытие закономерностей функционирования и развития этих явлений. Для исследования закономерностей научного познания государства и права требуются специальные знания в области философии и гносеологии научного познания, особый понятийный аппарат и дополнительная модификация системы методов научного познания применительно к специфике исследуемого предмета. Все это объективно обуславливает выделение проблем методологии правовой науки в самостоятельную отрасль» [20. С. 115].

К областям юридико-теоретических знаний следует отнести также теоретические основы юридической кратологии и юридическую теорию власти. Названные и некоторые другие направления, не в полной мере вписываясь в традиционные рамки теории государства и права, расширяют горизонты юридико-теоретического познания и выводят его на качественно новый уровень. Причем одна из ключевых ролей в такой динамике качества юридико-теоретических знаний видится в знаниях о власти. Характер и универсальность власти позволяют говорить, что сопряжение знаний о ней и знаний о праве формирует точку бифуркации юридико-теоретического познания. В этой точке происходит переход юридико-теоретических знаний из классического состояния теории государства и права в состояние с более широким и более разнообразным набором объектов познания. Иными словами, современные юридико-теоретические знания объективно проявляют тенденцию к выходу на более емкий уровень их обобщения и к формированию более широкой системы юридического познания. Среди ее объектов прежде всего право и власть в их противоположности и целостности функционирования. Вместе с ними объектами юридического познания оказываются все те факторы регулятивной реальности, которые лежат в их основании или внешне проявляют их, как это, в частности, происходит с государством. Обозначенную систему юридико-теоретических знаний можно назвать комплексным юридическим учением, в котором аккумулируются и теория права, и теория государства, и юридическая теория власти.

На стыке наук

В системе кратологии, предложенной В.Ф. Халиповым, юридическую кратологию следует отнести к группе частных (специальных) кратологий. Она как система знаний о власти в ее связанности с правом формируется на стыке современных знаний, прежде всего, о праве (правоведения), о власти (властеведения или кратологии) и о государстве (государствоведения). Причем это формирование происходит как в целом, так и на теоретическом уровне. В целом на стыке названных наук формируется юридическая кратология (рис. 1).

На теоретическом уровне происходит формирование теоретических основ юридической кратологии, и в первую очередь юридической теории власти, которая рождается на стыке трех теорий: права, власти и государства (рис. 2).

Рис. 1

Рис. 2

Юридическая кратология и ее теоретическое обоснование, коим служит прежде всего юридическая теория власти, призваны, с одной стороны, продуцировать новые знания о власти в контексте ее противоположности и связанности с правом, а с другой стороны, – аккумулировать эти знания, заимствуя их из правоведения, государствоведения и кратологии.

Заключение

Решение проблемы власти как объекта юридического познания основывается в первую очередь на том, что она фактически является таковым и предполагает ее официальное признание в данном качестве. Такое признание, в свою очередь, повлечет активизацию научных исследований о власти и устранение дефицита знаний о ней. На этом пути решения рассматриваемой проблемы в последующем могут сформироваться юридическая кратология как наука и ее теоретические основы, ядром которых видится юридическая теория власти.

Формирование таких областей знаний создает возможность их применения не только на практике, но и в методологических целях для исследования всей юридической реальности и в первую очередь для познания права. Ведь в значительной мере юридическое познание права – это его познание посредством знаний о власти, что требует устойчивой методологической опоры на них. Вместе с этим юридическое познание власти – это ее познание посредством знаний о праве. А юридическое познание окружающей действительности оказывается ее познанием посредством знаний о противоположности и целостности функционирования права и власти. В этом контексте юридическая кратология как область знаний о власти в ее противоположности и связанности с правом может оказаться весьма полезной наукой для методологии юридического познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцев Г.В. Право и политика в контексте теории власти // Право и политика современной России. М., 1996. С. 13–53.
2. Нерсесянц В.С. Философия права : учеб. для вузов. М. : Издательская группа ИНФА М-НОРМА, 1997. 652 с.
3. Исаев И.А. Метафизика Власти и Закона: У истоков политико-правого сознания. М. : Норма, 1998. 256 с.
4. Исаев И.А. Топос и номос: пространство правопорядков. М. : Норма, 2007. 413 с.
5. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юрид. лит., 1989. 288 с.
6. Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. М. : Астрель, 2006. 1037 с.
7. Котляревский О.А. Власть и право. Проблема правового государства. М. : Тип. «Мысль» Н.П. Меснянкин и Ко, 1915. 419 с.
8. Алексеев С.С. Теория права. М. : Изд-во БЕК, 1995. 320 с.
9. Алексеев С.С. Философия права. М. : НОРМА, 1998. 487 с.
10. Сырых В.М. Материалистическая теория права : Избранное. М. : РАП, 2011. 1260 с.
11. Тарасенко В.Г. Постулаты права. М. : Издательский дом «Городец», 2009. 128 с.
12. Хорошильцев А.И. Юридический континуум свободы: понятие и общая характеристика // Юристъ-правоведъ. 2010. № 2. С. 68–71.
13. Хорошильцев А.И. Юридическая кратология: теоретические основы. М. : Юрлитинформ, 2014. 512 с.
14. Халипов В.Ф. Наука о власти. Кратология : учеб. пособие. М. : Ось-89, 2002. 448 с.
15. Халипов В.Ф. Основы кратологии. М., 1995. 304 с.
16. Сидоренко О.В. Юридическая власть : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002, 192 с. РГБ ОД, 61:03-12/674-9. URL: http://www.disserr.com/contents/101559.html (дата обращения: 04.01.2019).
17. Бурдье П. Власть права. Основы социологии юридического поля / пер. с фр. О.И. Кирчик; Социальное пространство: поля и практики : сб. ст. М., 2005. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3040 (дата обращения: 10.01.2019).
18. Назаренко Г.В. Теория государства и права : учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Познавательная книга плюс, 1999. 128 с.
19. Графский В.Г. Проблемы создания обновленной концепции юриспруденции (общей, интегральной юриспруденции). Основные концепции права и государства в современной России (по материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. 2003. № 5. С. 5–34.
20. Сырых В.М. История и методология юридической науки : учебник. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2012. 464 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 августа 2019 г.

Power as an Object of Legal Research: A Problem Aspect

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 255–262.
DOI: 10.17223/15617793/447/31

Alexander I. Khoroshiltsev, Regional Open Social Institute (Kursk, Russian Federation). E-mail: hor46@bk.ru

Keywords: law; power; object of legal research; theory of state and law; jurisprudence; state studies; legal theory of power; legal cratology.

The article is devoted to power as an object of legal research. The problem of power in this capacity is seen, first of all, in the fact that it, being actually the object of such research, is not recognized by the official doctrine in this status and there is no separate branch of science about it. At the same time, there is a lack of legal knowledge about power, which negatively affects the methodology of legal research and the quality of the doctrinal reflection of the objective reality. It is proved that power is a fundamental object of legal knowledge similar to the law, which is studied by jurisprudence and recognized as its object. Equivalence of law and power in the indicated sense follows from the fact that each of these factors equally serves as the basis of the reality studied by legal science. It is substantiated that the named reality is formed by the integrity of the functioning of law and power. Such integrity serves as a source of legal order and is considered as a legal continuum of freedom. It is noted that the relationship of law and power are objective. They manifest the universal principle of unity and struggle of opposites and ensure the transition of activity from its state of potentiality to the state of actuality by the integrity of their functioning. Neither the law nor the authorities are able to streamline the connections of the subjects of social interaction alone. Methodologically, the analyzed characteristics of law and power make it necessary to take into account the equivalence of these phenomena in the formation and functioning of legal reality. Such an approach is justified methodologically; it corresponds to the objects of study and their interconnectedness. It is also confirmed by the experience of scientific research. Power, despite the fact that it is not officially recognized as an object of legal research, is actually investigated both in state studies and in jurisprudence. Many candidate and doctoral dissertations, monographs and scientific papers are devoted to power and especially to the political power, its branches, functions, bodies. In science, the formation of a system of legal knowledge of power is underway. Legal cratology is formed at the border of general cratology, jurisprudence and political science as a branch of knowledge about power in its opposition and connection with law. Together with legal cratology, its theoretical foundations are being developed and, first of all, the legal theory of power. The author makes a conclusion about the need for an official recognition of power as an object of legal research equivalent to the law. This will activate the study of power and will contribute to the formation of a doctrinal system of legal knowledge about it.

REFERENCES

1. Mal'tsev, G.V. (1996) Pravo i politika v kontekste teorii vlasti [Law and politics in the context of the theory of power]. In: Varlamova, N.V. et al. *Pravo i politika sovremennoy Rossii* [Law and politics of modern Russia]. Moscow: Bylina. pp. 13–53.
2. Nersesyants, V.S. (1997) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa INFA M-NORMA.
3. Isaev, I.A. (1998) *Metafizika Vlasti i Zakona: U istokov politiko-pravogo soznaniya* [Metaphysics of Power and Law: At the origins of political and legal awareness]. Moscow: Norma.
4. Isaev, I.A. (2007) *Topos i nomos: prostranstvo pravoporyadkov* [Topos and Nomos: the space of law and order]. Moscow: Norma.
5. Alekseev, S.S. (1989) *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General permissions and general prohibitions in Soviet law]. Moscow: Yurid. lit.
6. Vysheslavtsev, B.P. (2006) *Krizis industrial'noy kul'tury. Izbrannye sochineniya* [The crisis of industrial culture. Selected Works]. Moscow: Astrel'.
7. Kotlyarevskiy, O.A. (1915) *Vlast' i pravo. Problema pravovogo gosudarstva* [Power and law. The problem of the rule of law]. Moscow: Tip. "Mysl'" N.P. Mesnyankin i Ko.
8. Alekseev, S.S. (1995) *Teoriya prava* [Theory of Law]. Moscow: Izd-vo BEK.
9. Alekseev, S.S. (1998) *Filosofiya prava* [The philosophy of law]. Moscow: NORMA.
10. Syrykh, V.M. (2011) *Materialisticheskaya teoriya prava: izbrannoe* [Materialistic Theory of Law: Selected Works]. Moscow: RAP.
11. Tarasenko, V.G. (2009) *Postulaty prava* [The postulates of law]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Gorodets".
12. Khoroshil'tsev, A.I. (2010) Yuridicheskiy kontinuum svobody: ponyatie i obshchaya kharakteristika [The legal continuum of freedom: concept and general description]. *Yurist"-pravoved"*. 2. pp. 68–71.
13. Khoroshil'tsev, A.I. (2014) *Yuridicheskaya kratologiya: teoreticheskie osnovy* [Juridical cratology: Theoretical foundations]. Moscow: Yurlitinform.
14. Khalipov, V.F. (2002) *Nauka o vlasti. Kratologiya* [The science of power. Cratology]. Moscow: Os'-89.
15. Khalipov, V.F. (1995) *Osnovy kratologii* [The fundamentals of cratology]. Moscow: Luch.
16. Sidorenko, O.V. (2002) *Yuridicheskaya vlast'* [Juridical authority]. Law Cand. Diss. St. Petersburg. [Online] Available from: http://www.disserr.com/contents/101559.html. (Accessed: 04.01.2019).
17. Bourdieu, P. (2005) *Vlast' prava. Osnovy sotsiologii yuridicheskogo polya* [The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field]. Translated form French by O.I. Kirchik. [Online] Available from: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3040. (Accessed: 10.01.2019).
18. Nazarenko, G.V. (1999) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. 2nd ed. Moscow: Poznavatel'naya kniga plyus.
19. Grafskiy, V.G. (2003) Problemy sozdaniya obnovlennoy kontseptsii yurisprudentsii (obshchey, integral'noy yurisprudentsii). Osnovnye kontseptsii prava i gosudarstva v sovremennoy Rossii (po materialam "kruglogo stola" v Tsentre teorii i istorii prava i gosudarstva IGP RAN) [Problems of creating an updated concept of jurisprudence (general, integral jurisprudence). The main concepts of law and state in modern Russia (based on the materials of the "round table" at the Center for Theory and History of Law and State, Institute of State and Law RAS)]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 5. pp. 5–34.
20. Syrykh, V.M. (2012) *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki* [History and methodology of legal science]. Moscow: Norma; INFRA-M.

Received: 28 August 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 263–268. DOI: 10.17223/15617793/447/32

УДК 343.985.7

Е.В. Чиненов, В.И. Щукин

РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Раскрывается роль экспертных исследований при расследовании экономических преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта. Анализируется влияние производственных, технологических и иных процессов в области экономики на формирование механизма преступления и его следов. Рассматривается практика назначения экспертных исследований, эффективность которых в значительной степени зависит от взаимодействия следователя и эксперта. Констатируется, что совершенствование деятельности по назначению и производству экспертиз при расследовании экономических преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта, требует решения ряда организационных и методических проблем.

Ключевые слова: экономические преступления; железнодорожный транспорт; организация расследования; экспертные исследования.

Расследование экономических преступлений, совершаемых в сфере железнодорожного транспорта, – сложный процесс. Отрасль деятельности, в которой совершаются преступления рассматриваемой категории, наделяет деяния особыми характерными чертами, индивидуализирующими процесс установления истины. Своеобразием обладают обстановка, в которой осуществляется совершение экономических преступлений; особенности содержащих криминалистически значимую информацию материальных объектов, вещественных доказательств, документов, предметов, образцов для сравнительного исследования, материалов уголовного дела. Все это оказывает влияние на систему используемых технико-криминалистических средств; организацию расследования; проведение следственных действий; специфику собирания и исследования доказательств; установление в процессе предварительного расследования и судебного следствия причин и условий, способствующих совершению и сокрытию преступлений.

В таких условиях даже профессионально подготовленный, имеющий практический опыт следователь, при решении вопросов организации и осуществления раскрытия и расследования, определения тактики расследования, установления механизма преступления, доказывании виновности лица, совершившего преступное деяние, не может обойтись без помощи лиц, обладающих соответствующими специальными знаниями.

Решение задач предварительного расследования в значительной мере обеспечивается использованием следователем собственных знаний, привлечением к расследованию преступления необходимых специалистов, назначением и производством судебных экспертиз. Особая роль при этом отводится судебной экспертизе, которая, выступая основным видом процессуальной формы использования специальных знаний, решает важные вопросы, возникающие во время следствия, обеспечивает частные криминалистические методики [1. С. 121].

Экономические преступления в сфере железнодорожного транспорта характеризуются сложным механизмом. Установление его содержания, причастных к нему лиц затруднено ввиду того, что документы и содержащаяся в них информация, имеющая доказательственное значение, искажаются, а в ряде случаев уничтожается. В этой связи для эффективного расследования преступлений данного рода используются различные экономические экспертные исследования, возможности которых достаточно широки. Результативность экономических экспертиз в значительной степени зависит от взаимодействия оперативных сотрудников отделов экономической безопасности и противодействия коррупции, экспертов и следователей.

Обобщение следственной практики на транспорте показывает, что специальные знания по рассматриваемой категории уголовных дел не всегда эффективно используются субъектом расследования. Это влечет за собой необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел, возбуждение их без достаточных на то оснований, приостановление предварительного расследования, возвращение для производства дополнительного следствия, сказываясь на результативности расследования. Привлечение к процессу расследования специалистов и назначения необходимых экспертиз – это единственное эффективное решение в этой ситуации.

Экспертиза, являясь одним из важнейших процессуальных институтов, направлена на получение доказательств в ходе раскрытия и расследования преступлений. По мнению Е.Р. Россинской, «…судебно-экспертное исследование по своей гносеологической сущности является разновидностью процесса познания объективной действительности, осуществляемого путем применения различных научных методов» [2. С. 85]. Л.Г. Шапиро, в свою очередь, подчеркивает ее особенность, которая заключается в квалифицированном и методически обоснованном исследовании объектов, имеющих значение для установления обстоятельств уголовного дела [3. С. 64].

В исследованиях, посвященных проблематике судебных экспертиз, применяемых в расследовании экономических преступлений, отмечается, что они открывают новые возможности, обеспечивая следователя реальными данными [4. С. 61]. Т.В. Аверьянова отмечает, что только в процессе познания экспертом изучаемого им носителя определенной информации о происшедших в прошлом событиях возможно установление объективного факта, входящего в предмет

исследования и представляющего практическую значимость [5. С. 164].

Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании экономических преступлений, имеют важное значение, поскольку с их помощью объективно закрепляются доказательства, которые можно получить только экспертным путем. Как отмечает Н.А. Селиванов, экспертиза особенно эффективна в том случае, когда она опирается на новейшие научно-технические достижения [6. С. 3], в связи с чем отдельные виды экономических преступлений удается раскрыть благодаря умелому использованию возможностей судебно-экономической экспертизы [4. С. 62].

Использованию специальных знаний посредством судебных экспертиз в настоящее время посвящены труды Т.В. Аверьяновой, Л.Е. Ароцкера, В.Д. Арсеньева, А.Ф. Аубакирова, Б.Т. Безлепкина, С.И. Борщова, Р.С. Белкина, С.В. Бородина, С.Ф. Бычкова, Е.Е. Владимирова, А.И. Винберга, Е.И. Галяшиной, Н.А. Громова, А.В. Дулова, Е.И. Зуева, Г.Г. Зуйкова, В.Е. Корноухова, Ю.Г. Корухова, В.Я. Колдина, И.Ф. Крылова, Г.М. Миньковского, Г.М. Нагорного, В.М. Никифорова, Ю.К. Орлова, И.Л. Петрухина, Р.Д. Рахунова, Е.Р. Россинской, Н.А. Селиванова, И.Н. Сорокотягина, М.С. Строговича, С.А. Шейфера, В.И. Шиканова, А.Р. Шляхова, А.А. Эйсмана, Н.А. Яблокова, Я.М. Яковлева и др. Результаты исследования указанных ученых лежат в основе теоретических и методологических научных изысканий, проводимых в настоящее время.

Однако следует отметить, что за рамками исследований, по нашему мнению, остается значительное количество неразрешенных вопросов использования специальных знаний посредством судебной экспертизы, в связи с чем разработка концептуальных основ этого института, поиск путей повышения эффективности экспертной деятельности продолжаются. Так, учеными ведется работа по формированию и развитию новых родов и видов судебных экспертиз, решаются задачи правового и организационного обеспечения, совершенствуются экспертные технологии этой деятельности [7. С. 146].

Исследование практики привлечения сведущих лиц к доказыванию по уголовным делам экономической направленности показывает, что роль этих субъектов уголовно-процессуальных отношений при расследовании преступлений с каждым годом повышается. Это обусловливается научно-техническим прогрессом, цифровизацией, усложнением механизмов хозяйствования в различных сферах экономики, включая сферу железнодорожного транспорта.

Железнодорожный транспорт, являясь одной из важнейших базовых отраслей экономики, многоотраслевым хозяйством, включающим в себя железнодорожные пути, устройства электроснабжения, сети связи, системы сигнализации, централизации и блокировки, а также сооружения и оборудование, подвижной состав, станции, играет ключевую роль в обеспечении потребностей общества. Состояние отрасли предопределяет уровень экономической преступности и диктует объективную необходимость в разработке рекомендаций по назначению комплексных экспертных исследований, участию лиц, обладающих специальными экономическими и иными знаниями в расследовании таких преступлений.

Проблемам использования специальных знаний в расследовании экономических преступлений посвящены работы Н.Т. Белухи, А.Ф. Волынского, С.П. Голубятникова, С.Г. Еремина, С.А. Звягина, С.Ф. Иванова, Л.П. Климович, Е.С. Лехановой, В.А. Прорвича, Е.Р. Россинской, Л.Г. Шапиро и др.

Особенности использования специальных знаний в ходе раскрытия и расследования преступлений в сфере железнодорожного транспорта освещаются в отдельных работах А.В. Варданяна, О.П. Грибунова, В.Г. Красильникова, Е.А. Малыхиной, М.А. Меркулова, Е.Ф. Новикова, А.Л. Пермякова, М.А. Степановой, О.В. Цукановой, В.И. Щукина и др.

В сфере железнодорожного транспорта отличительными чертами, индивидуализирующими экономическую преступность и влияющими на процесс использования специальных знаний при выявлении и расследовании экономических преступлений, совершаемых в сфере железнодорожного транспорта, являются:

– линейный принцип построения субъектов железнодорожного транспорта и их ведомственная подчиненность;

– широкий спектр преступных деяний, обусловленный видовым многообразием хозяйственной деятельности субъектов отрасли, особенности их механизма;

– групповой, организованный характер экономической преступности;

– особенности внутренней корпоративной (экономической) политики железнодорожной сферы.

Изучение практики расследования преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, анкетирование и интервьюирование сотрудников следственных подразделений Управления на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу (УТ МВД России по ЦФО) свидетельствует, что применение специальных знаний в ходе расследования связано:

– с познанием источников криминалистически значимой информации, используемых при расследовании [8. С. 93];

– пониманием уголовно-правовых и криминалистических особенностей преступной деятельности в сфере экономики железнодорожного транспорта [9. С. 93];

– определением необходимых знаний из сферы железнодорожного транспорта в области экономики, учета, финансов, производственной деятельности, информатизации и цифровизации и пр., необходимых для решения различных вопросов, возникающих при расследовании экономических преступлений [10. С. 45];

– привлечением необходимых специалистов для консультационной, справочной деятельности, производства оперативно-розыскных мероприятий, производства ревизий, документальных и фактических проверок;

– назначением экспертиз при решении диагностических и классификационных задач расследования.

Специфика железнодорожного транспорта и особенности расследования экономических преступлений в этой сфере в значительной степени отражаются на содержании судебных экспертиз и вопросах, требующих разрешения.

Уголовная статистика свидетельствует, что за 10 месяцев 2018 г. сотрудниками УТ МВД России по ЦФО было выполнено 3 489 судебных экспертизы, из них криминалистических экспертиз – 2 243, иных видов – 1 246. При этом значительно увеличилось количество многообъектных экспертиз (почерковедческие, бухгалтерские, компьютерные), производство которых связано, как правило, с большими затратами времени.

Анализ результатов интервьюирования сотрудников следственных, оперативных и экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел на транспорте позволил выделить ряд проблемных вопросов, возникающих при раскрытии и расследовании преступлений указанной категории:

– отсутствие методических рекомендаций по раскрытию и расследованию данных видов преступлений;

– недостатки в организации расследования и планировании следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

– слабое использование возможностей консультативно-справочной помощи сведущих лиц при подготовке и назначению судебных экспертиз, длительность их производства.

В целом данные проблемные вопросы носят комплексный характер, непосредственно влияя на эффективность предварительного следствия. Одним из путей решения указанного комплекса вопросов нам видится в широком использовании следователями, специализирующимися на расследовании уголовных дел данной категории, специальных знаний. В методическом плане требуют коррекции вопросы определения стоимости нематериальных активов и долгосрочных финансовых вложений в капитале юридических лиц, совершенствования методического обеспечения производства экономических экспертиз, проводимых по новым формам финансовой отчетности и по документам, отражающим специфические особенности деятельности объектов железнодорожного транспорта.

В целях совершенствования использования специальных экономических знаний в раскрытии и расследовании экономических преступлений считаем, что необходимо повышение информационного и методического взаимодействия между экспертными подразделениями в части обсуждения актуальных вопросов специальных экономических знаний и судебно-экономических экспертиз, обмена опытом и результатами научных исследований, обобщения сложившейся экспертной практики, выработки общих подходов к решению актуальных проблем судебно-экспертной деятельности.

В процессе назначения судебных экспертиз по уголовным делам изучаемой категории особая роль отводится формулированию вопросов, подлежащих разрешению с учетом рекомендаций, касающихся целесообразности предварительного их согласования с экспертом с учетом складывающейся следственной ситуации [11. С. 94].

Необходимость в консультативно-справочной форме использования специальных знаний обусловлена разнообразием способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений, а также трудностями, возникающими перед органами расследования в процессе выяснения обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию.

При назначении экспертиз по уголовным делам исследуемой категории следователь должен получать консультативную помощь лиц, сведущих в специфике деятельности субъектов железнодорожного транспорта, по отдельным вопросам. Они касаются определения рода и вида экспертизы; времени и места ее проведения; уточнения формулировок вопросов, назначаемых по тем или иным экспертным исследованиям; подготовки объектов исследования и образцов для сравнительного исследования [12. С. 66]. В этой связи немаловажную роль играют имеющиеся компетентности следователя, тактически грамотное планирование и организация расследования экономического преступления.

Учитывая важность рассматриваемого вопроса, считаем необходимым вести речь о состоянии и перспективах совершенствования криминалистического обеспечения расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта, а также информационного обеспечения назначения, производства и оценки результатов судебных экспертиз.

В связи с этим актуальным становится вопрос своевременного назначения судебных экспертиз и обеспечения лиц, их производящих, необходимыми объектами исследования как с качественной, так и с количественной стороны, поскольку каждый вид экспертизы имеет свои особенности.

В этой связи следует рассмотреть опыт Экспертно-криминалистического центра (ЭКЦ) Управления МВД по Белгородской области. При назначении экономических, бухгалтерских экспертиз сотрудники ЭКЦ требуют предварительной «экспертной оценки». Она определяет достаточность собранных следователем, органом дознания документов, на основе которых будет осуществляться экспертное исследование. Данная процедура, по сути, это усложненная консультация, которую получают следователи от эксперта. Однако она позволяет сократить срок проведения экспертизы, необходимость истребования дополнительных объектов для исследования и т.п.

При расследовании экономических преступлений, совершенных в сфере железнодорожного транспорта, в большинстве случаев проводятся экспертные исследования, позволяющие получить данные о механизме совершенного деяния, личности преступника. Для этой категории дел типичными являются следующие экспертизы:

– трасологические: следов орудий взлома и инструментов; замков и запирающих устройств; пломб и закруток;

– дактилоскопические;

– фоноскопические;

– лингвистические;

– автороведческие;

– компьютерные;

– строительно-технические;

– товароведческие;

– экспертизы горюче-смазочных материалов и нефтепродуктов;

– технико-криминалистические экспертизы документов (установления способа изготовления документа или его частей);

– экономические (бухгалтерская; финансово-аналитическая финансово-кредитная экспертиза).

В сфере железнодорожного транспорта принципиальными особенностями обладают: судебно-экономические экспертизы; трасологические экспертизы; компьютерные экспертизы. Отмеченное обусловливается особенностями формализации, документирования финансово-хозяйственной деятельности субъектов железнодорожного транспорта, спецификой производственно-экономических процессов в отрасли, оказывающей влияние на действующую практику раскрытия и расследования экономических преступлений, структуру и содержание специальных знаний, необходимых для назначения экспертиз, характер объектов исследований, оценку экспертных исследований.

Распространенными объектами экономических экспертных исследований являются экономическая, техническая, финансовая документация, предметы производственно-экономической деятельности субъектов железнодорожного транспорта, результаты ведомственных и вневедомственных документальных и фактических проверок.

Результаты анкетирования экспертов свидетельствуют о том, что наиболее типичными причинами длительных сроков проведения экспертиз являются:

– неполноценность предоставляемых на экспертизу объектов (65,7%);

– сложность объектов исследования (15,3%);

– загруженность экспертов;

– необходимость выезда эксперта на место происшествия, осложняемая линейным построением сферы железнодорожного транспорта, т.е. отдаленностью от центра и протяженностью его структурных и инфраструктурных объектов.

Методики исследования по каждому виду экономических экспертиз различаются. Это объясняется видом объекта исследования, а также использованием при этом ведомственных нормативных документов, действующих в сфере железнодорожного транспорта. Указанное обусловливает необходимость формирования уникальной методики исследования для каждой отдельной экспертизы, в содержание которой должен войти комплекс информационно-аналитических методов анализа отклонений в документах, раскрывающий механизм их образования и влияние на результаты финансово-хозяйственной деятельности. В их числе логико-информационный анализ документальных данных на основе широкого круга методов и приемов: формальной, нормативной, арифметической, встречной проверки документов и записей; построения экономико-информационных моделей и сравнения их с эталонами; диагностического анализа дефектов функционирования исследуемых систем; сравнения и информационной увязки показателей (записей в бухгалтерских счетах); группировок, приведения показателей к сравнимости; детализации показателей (записей); цепных подстановок; балансовых сопоставлений; процентных соотношений; корреляций; факторного и регрессионного анализа; построения рядов динамики; построений таблиц, диаграмм; реконструкций и применения нормативных правил, формул расчета показателей.

Моделирование механизма и способа искажения исследуемой информации должно осуществляться путем применения метода экспертных гипотез, с выделением дедуктивным методом источников информации, содержащей признаки искажения исследуемых данных. Система экспертных задач должна быть построена таким образом, чтобы один и тот же перечень задач имел значение и для экспертной, и для следственной практики, был сгруппирован на экспертные задачи, определяемые с учетом классификации экспертных выводов, и тактические задачи расследования преступлений.

Вопросы ее формирования, грамотного применения в конкретной ситуации находятся в непосредственной связи с квалификацией эксперта, наличием у него необходимого опыта работы по таким делам, а нередко и наличием ресурса времени (с учетом ограниченности сроков в уголовном процессе).

Длительность сроков проведения экономических экспертиз является самой серьезной проблемой организационно-технического характера, возникающей при расследовании практически каждого экономического преступления в сфере железнодорожного транспорта. На практике в применении специальных знаний зачастую возникают трудности. Их причина кроется в отсутствии объектов (документов), необходимых для проведения полного исследования, и информации, полученной при проведении следственных действий и используемой экспертом в качестве исходных данных. Возможность получения необходимых объектов и информации зависит от осведомленности следователя о необходимости их получения, а также от своевременности проведения конкретных действий по их истребованию.

На основе данных, получаемых в ходе производства экспертиз, может быть проведена комплексная экспертиза, подразумевающая участие экспертов различных экспертных специальностей, самостоятельно решающих экспертные задачи и формулирующих общий вывод.

Анализ практики расследования экономических преступлений показывает, что при назначении и производстве судебных экспертиз могут возникнуть организационные и методические проблемы. К таковым можно отнести:

1. Недостаток либо отсутствие специальных знаний у субъекта расследования, объясняющие незнание возможностей судебных экспертиз. В результате опроса следователей определены предложения по повышению эффективности производства судебных экспертиз: специальная подготовка лиц, занимающихся расследованием экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта:

– в форме курсов повышения квалификации либо регулярного проведения семинаров с приглашением экспертов;

– в форме стажировки;

– в рамках служебной подготовки.

2. Неправильное определение вида экспертизы.

3. Сложности, связанные с формулированием вопросов эксперту.

4. Предоставление в не полном объеме необходимых объектов и материалов для проведения экспертизы либо объектов, непригодных к исследованию.

5. Недостатки в организации взаимодействия следователей и экспертов.

6. Недостаточное количество квалифицированных экспертов-экономистов.

Разрешение проблем, возникающих при организации назначения и проведения судебных экспертиз в ходе расследования экономических преступлений, совершаемых в сфере железнодорожного транспорта, нам видится в разработке теоретических основ организации расследования экономических преступлений, совершаемых в указанной сфере, и основанных на них рекомендаций по эффективной организации назначения и проведения судебных экспертиз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дергач Н.С. Значение судебно-бухгалтерской экспертизы в следственной и судебной практике // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 54. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2012. С. 121–123 с.
2. Россинская Е.Р. Эффективность судебно-экспертной деятельности сквозь призму судебной экспертологии // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 85–91.
3. Шапиро Л.Г. К вопросу о процессуальных проблемах реализации судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве // Право и современные государства. 2015. № 4. С. 64–67.
4. Волынский А.Ф., Прорвич В.А., Расторопов С.В. Судебно-экономическая экспертиза в расследовании экономических преступлений // Вестник экономической безопасности. 2011. № 4. С. 61–69.
5. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М. : Норма, 2006. 480 с.
6. Виноградов И.В., Кочаров Г.И., Селиванов Н.А. Экспертизы на предварительном следствии. М : Юридическая литература, 1967. 248 с.
7. Россинская Е.Р. Теоретические и организационно-технологические проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3 (88). С. 146–154.
8. Антонов А.Е. Источники криминалистически значимой информации, используемые при расследовании преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3. С. 93–99.
9. Чиненов Е.В., Щукин В.И. Криминалистический аспект содержания процесса преступной деятельности в сфере экономики железнодорожного транспорта // Сборник материалов криминалистических чтений. 2018. № 15. С. 93–95.
10. Красильников С.В. Специальные познания при расследовании преступлений на железнодорожном транспорте // ПЭМ. 2013. С. 45–46.
11. Мерецкий Н.Е., Милованова М.М., Федотов И.С. Проведение судебных экспертиз: криминалистическое обеспечение : учеб.-метод. пособие. Москва ; Воронеж : Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та, 2004. 230 с.
12. Князьков А.С. Проблемы доказательной значимости назначения, производства и оценки результатов судебной экспертизы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 66–74.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 августа 2019 г.

The Role of Expert Research in the Investigation of Economic Crimes Committed in the Field of Railway Transport

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 263–268.
DOI: 10.17223/15617793/447/32

Evgeny V. Chinenov, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Belgorod, Russian Federation). E-mail: Chinenovevg@yandex.ru

Vladimir I. Shchukin, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Belgorod, Russian Federation). E-mail: SchukinV1956@yandex.ru

Keywords: economic crimes; railway transport; organization of investigation; expert research.

The aim of the article is to determine the prerequisites for the development of theoretical provisions of the use of special knowledge in the disclosure and investigation of economic crimes in the field of railway transport and, on this basis, to formulate conclusions and proposals for improving the investigative practice. The study was based on the research works of T.V Averyanova, A.F. Volynsky, A.S. Knyazkov, N.E. Meretskiy, V.A. Prorvich, E.R. Rossinskaya, L.G. Shapiro and other scholars. Informational and analytical documents of the Main Directorate for Transport Infrastracture of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the issues of fight against economic crimes were analyzed; 37 criminal cases and 44 conclusions of expert examinations were studied; 25 employees of the Directorate for Transport Infrastructure of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Central Federal District were interviewed, results of the authors' own research were used. The methodological basis was the dialectical method of cognition of social phenomena, analysis, synthesis, induction, deduction, analogies, modeling, as well as system-structural, formal-logical, statistical, concrete-sociological methods. The analysis of the existing problems, the representativeness of the empirical basis allowed substantiating the authors' conclusions and proposals. In the field of railway transport, the distinctive features that individualize economic crimes and affect the process of using special knowledge in their identification and investigation are: the linear principle of the industry, the features of corporate policy; a wide range of criminal acts due to the diversity of economic activities; group, organized nature of economic crimes; specific features of the mechanism of crime. The generalization of the investigative practice shows that special knowledge on the category of criminal cases under consideration is not always effectively used by the subject of investigation, which entails unjustified refusals to initiate criminal cases, their initiation without sufficient grounds, suspension of preliminary investigation, return for additional investigation, which affects the effectiveness of the investigation. In such circumstances, the organization of the investigation requires improvement. The involvement of specialists in the investigation and the appointment of necessary expert examinations are the only effective solution in this situation. It is necessary to adjust recommendations on the use of special knowledge in the investigation of this category of crimes. There are also objective prerequisites for the development of recommendations for the appointment of comprehensive expert examinations, the participation of persons with special economic and other knowledge in the investigation of such crimes.

REFERENCES

1. Dergach, N.S. (2012) Znachenie sudebno-bukhgalterskoy ekspertizy v sledstvennoy i sudebnoy praktike [The value of forensic accounting expertise in investigative and judicial practice]. In: Zhuravlev, M.M., Barnashov, A.M. & Kuznetsov, S.S. *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 54. Tomsk: Tomsk State University. pp. 121–123.
2. Rossinskaya, E.R. (2017) Effectiveness of Forensic Expert Activity Through the Prism of Judicial Expertology. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2. pp. 85–91. (In Russian).
3. Shapiro, L.G. (2015) K voprosu o protsessual'nykh problemakh realizatsii sudebnykh ekspertiz v ugolovnom sudoproizvodstve [On the procedural problems of the implementation of forensic examinations in criminal proceedings]. *Pravo i sovremennye gosudarstva*. 4. pp. 64–67.
4. Volynskiy, A.F., Prorvich, V.A. & Rastoropov, S.V. (2011) Sudebno-ekonomicheskaya ekspertiza v rassledovanii ekonomicheskikh prestupleniy [Forensic examination in the investigation of economic crimes]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti – Vestnik of Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 4. pp. 61–69.
5. Aver'yanova, T.V. (2006) *Sudebnaya ekspertiza. Kurs obshchey teorii* [Forensic examination. General theory]. Moscow: Norma.
6. Vinogradov, I.V., Kocharov, G.I. & Selivanov, N.A. (1967) *Ekspertizy na predvaritel'nom sledstvii* [Examinations during the preliminary investigation]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
7. Rossinskaya, E.R. (2018) Theoretical and Organizational Technological Issues of New Kinds (Types) of Forensic Examinations. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of the Russian Law*. 3 (88). pp. 146–154.
8. Antonov, A.E. (2017) The Sources Criminalistic Significant Information Used at Investigation of the Crimes Committed on Railway Transport. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti – Problems of Law Enforcement Activity*. 3. pp. 93–99. (In Russian).
9. Chinenov, E.V. & Shchukin, V.I. (2018) Kriminalisticheskiy aspekt soderzhaniya protsessa prestupnoy deyatel'nosti v sfere ekonomiki zheleznodorozhnogo transporta [The forensic aspect of the content of the criminal activity in the field of railway economy]. *Sbornik materialov kriminalisticheskikh chteniy*. 15. pp. 93–95.
10. Krasil'nikov, S.V. (2013) Spetsial'nye poznaniya pri rassledovanii prestupleniy na zheleznodorozhnom transporte [Special knowledge in the investigation of crimes in railway transport]. *PEM*. pp. 45–46.
11. Meretskiy, N.E., Milovanova, M.M. & Fedotov, I.S. (2004) *Provedenie sudebnykh ekspertiz: kriminalisticheskoe obespechenie* [Conducting forensics: forensic support]. Moscow; Voronezh: Izd-vo Mosk. psikhol.-sotsial. in-ta.
12. Knyaz'kov, A.S. (2014) The Problems of Evidentiary Significance in the Course of Commission, Production and Estimation of the Results of Forensic Examinations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 4 (14). pp. 66–74. (In Russian).

Received: 05 August 2019

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКИМОВ Олег Михайлович – канд. экон. наук, доцент кафедры банковского дела и предпринимательства Государственного университета управления (г. Москва). E-mail. akimof@rambler.ru

АЛЕКСАНДРОВ Александр Сергеевич – канд. филол. наук, науч. сотр. Блоковской группы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: aspiros.83@mail.ru

АЛЕКСЕЕВ Дмитрий Владиславович – аспирант кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: dmitry-vl-alekseev@yandex.ru

БЕЛОЗЁРОВА Марина Витальевна – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук. E-mail: mbelozerowa@mail.ru

БОГУМИЛ Татьяна Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: tbogumil@mail.ru

БРОВИНА Александра Александровна – канд. ист. наук, зав. отделом гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (г. Сыктывкар). E-mail: brovina72@mail.ru

ВАКУЛА Марина Анатольевна – канд. юрид. наук, зав. кафедрой земельного и экологического права Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: vakula2004@yandex.ru

ВИКТОРОВ Дмитрий Валерьевич – канд. пед. наук, доцент кафедры «Физическое воспитание и здоровье» Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск); доцент кафедры физкультуры и безопасности жизнедеятельности Южно-Уральского института искусств им. П.И. Чайковского (г. Челябинск). E-mail: viktorovdv@yandex.ru

ВОДОПЬЯНОВА Елена Викторовна – д-р филос. наук, гл. науч. сотр. Центра культурологии Института Европы Российской академии наук. (г. Москва). E-mail: veritas-41@yandex.ru

ВОЛКОВ Иван Олегович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: wolkoviv@gmail.com

ГАЛАЖИНСКИЙ Эдуард Владимирович – академик Российской академии образования, ректор Томского государственного университета. E-mail: rector@tsu.ru

ГОГЛОВ Артем Павлович – магистрант кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета. E-mail: artem.goglov@gmail.com

ДАНИЛОВА Наталья Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета. E-mail: nvdanilova@mail.ru

ДАРЧИЕВ Анзор Валериевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. отдела этнологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Владикавказского научного центра Российской академии наук. E-mail: dar-anzor@mail.ru

ДОБРЯКОВ Денис Андреевич – канд. юрид. наук, ассистент кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского университета дружбы народов (Москва). E-mail: den-dobryakov@yandex.ru

ЕРМЕКБАЙ Жарас Акишевич – д-р ист. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Нур-Султан, Казахстан). E-mail: ermekjaras@mail.ru

ЕРШОВА Валентина Евгеньевна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры телерадиожурналистики Томского государственного университета. E-mail: ershova43@mail.ru

ЖИЛЯКОВА Эмма Михайловна – профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: emmaluk@yandex.ru

ЗАДОРИН Максим Юрьевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск). E-mail: m.zadorin@narfu.ru

ЗАЙЦЕВ Олег Александрович – д-р юрид. наук, гл. науч. сотр. отдела уголовного и уголовно-процессуального законодательства, судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва). E-mail: crim@izak.ru

КАБРИН Валерий Иванович – д-р психол. наук, профессор кафедры психологии личности Томского государственного университета. E-mail: kabrin@list.ru

КАШЕПОВ Владимир Петрович – д-р юрид. наук, гл. науч. сотр. отдела уголовного и уголовно-процессуального законодательства, судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва). E-mail: crim@izak.ru

КИСЕЛЕВ Виталий Сергеевич – д-р филол. наук, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru

КОЖАРА Олеся Владимировна – аспирант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: okozhara@mail.ru

КОНДРАТЬЕВ Сергей Витальевич – д-р ист. наук, профессор кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета. E-mail: sk.tm@mail.ru

КОРОБЕЙНИКОВА Лариса Александровна – д-р филос. наук, профессор кафедры культурологии, теории и истории культуры Томского государственного университета. E-mail: larisa_korobeynikova@rambler.ru

КРАВЧУК Алексей Андреевич – канд. полит. наук, внештатный науч. сотр. научной лаборатории «Международные институты многостороннего сотрудничества стран АТР» Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: zkv3krava@mail.ru

КРЮКОВА Лариса Борисовна – канд. филол. наук, доцент; доцент кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

ЛАРИНА Ольга Игоревна – канд. экон. наук, доцент кафедры банковского дела и предпринимательства Государственного университета управления (г. Москва). E-mail: oilarina@mail.ru

ЛОМАКИНА Ольга Валентиновна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания и славистики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва); доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: rusoturisto07@mail.ru

МАЛАНИНА Вероника Анатольевна – канд. экон. наук, доцент школы базовой инженерной подготовки, вед. науч. сотр. Международной научно-образовательной лаборатории технологий улучшения благополучия пожилых людей Томского политехнического университета. E-mail: milanskaya@mail.ru

МАЛЬКОВА Алина Викторовна – аспирант кафедры истории русской литературы XX века Томского государственного университета. E-mail: malkova-alina@list.ru

МИНЯЗЕВА Татьяна Фёдоровна – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: minyazeva2008@rambler.ru

МОКИЕНКО Валерий Михайлович – д-р филол. наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: mokienko40@mail.ru

МОЛОДЦОВА Мария Сергеевна – ст. преподаватель кафедры международного права и сравнительного правоведения Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск). E-mail: m.pavshinskaya@narfu.ru

НАГОРНЫХ Роман Вадимович – д-р юрид. наук, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России. E-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

НАМ Елена Вадимовна – канд. ист. наук, доцент кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета. E-mail: n.elvad@yandex.ru

НУДЕЛЬ Станислав Львович – д-р юрид. наук, гл. науч. сотр. отдела уголовного и уголовно-процессуального законодательства, судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва). E-mail: crim@izak.ru

ПУШКАРЕВА Юлия Евгеньевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: j.e.pushkareva2016@yandex.ru

РОЩЕВСКАЯ Лариса Павловна – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (г. Сыктывкар). E-mail: lp38rosh@gmail.com

РОЩЕВСКИЙ Михаил Павлович – академик Российской академии наук, гл. науч. сотр. сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (г. Сыктывкар). E-mail: roshmp@mail.ru

СЕРОВА Наталья Викторовна – канд. филос. наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Государственного морского университета им. адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск). E-mail: nvserova72@yandex.ru

ТУБАЛОВА Инна Витальевна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: tina09@inbox.ru

ТЫЧИНСКИХ Зайтуна Аптрашитовна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: zaituna.09@mail

ФИЛИППОВА Виктория Викторовна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. отдела истории и этносоциологии Арктики Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Якутск). E-mail: Filippovav@mail.ru

ФРОЛОВА Елена Александровна – д-р экон. наук, профессор кафедры экономики Томского государственного университета. E-mail: frolova_ea@mail.tsu.ru

ХОРОШИЛЬЦЕВ Александр Иванович – канд. юрид. наук, ст. науч. сотр. научно-исследовательского отдела Регионального открытого социального института (г. Курск). E-mail: hor46@bk.ru

ЧИНЕНОВ Евгений Владимирович – канд. экон. наук, начальник кафедры криминалистики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. E-mail: Chinenovevg@yandex.ru

ЩУКИН Владимир Иванович – канд. юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. E-mail: SchukinV1956@yandex.ru

ЭМЕР Юлия Антоновна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: emerjulia1@gmail.com

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2019. № 447. Октябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 26.09.2019 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 32. Усл. печ. л. 29,7. Тираж 50 экз.
Заказ № .... Цена свободная.

Дата выхода в свет … Ноября 2019 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru